

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ВОЙНА И ВОЕННОЕ ДЕЛО В СКИФО-САРМАТСКОМ МИРЕ

Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти
А.И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ВОЙНА И ВОЕННОЕ ДЕЛО В СКИФО-САРМАТСКОМ МИРЕ

Материалы Международной научной конференции,
посвященной памяти А.И. Мелюковой
(Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.)

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2015

УДК 903.5:903'15 (4/5)

В65

Ответственный редактор

д.и.н. С.И. Лукьяшко

В65 **Война и военное дело в скифо-сарматском мире:** материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / [отв. ред. С.И. Лукьяшко]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – 238 с., 10 с. ил. – ISBN 978-5-4358-0103-3.

Сборник составили материалы Международной научной конференции «Война и военное дело в скифо-сарматском мире», посвященной памяти А.И. Мелюковой и проходившей на базе Южного научного центра РАН в г. Ростове-на-Дону и с. Кагальник 26–29 апреля 2014 г. Темой конференции стали проблемы изучения древней военной истории обитателей Северного Причерноморья, задачи определения функционального назначения и тактико-технических характеристик оружия, а также технических приемов, представляющих разные способы художественного оформления предметов вооружения широкого хронологического диапазона – от раннескифского времени до эпохи Великого переселения народов. Публикуемые работы написаны ведущими специалистами в области скифо-сарматской археологии России, Украины, Молдовы, Приднестровья и Казахстана.

Данное издание адресовано археологам, антропологам, преподавателям и студентам вузов, а также тем, кто интересуется древней историей.

УДК 903.5:903'15 (4/5)

Издание осуществлено при поддержке Программы Президиума РАН, проект 00-14-19 «Кочевники и земледельцы в Северо-Восточном Приазовье и среднем течении р. Кубань (интеграционные и инновационные процессы в материальной культуре II в. до н.э. – III в. н.э.)»

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY RAS
MINISTRY OF CULTURE OF ROSTOV REGION**

THE WAR AND THE MILITARY IN THE SCYTHIAN-SARMATIAN WORLD

**Proceedings of International Scientific Conference
in tribute to the memory of A.I. Melyukova
(Kagal'nik, 26–29 April 2014)**

**Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2015**

**Светлой памяти
Анны Ивановны Мелюковой
посвящается**

14.12.1921–07.03.2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении более чем тысячи лет степной коридор юго-восточной Европы принадлежал ираноязычным племенам, известным под собирательными именами скифов и сарматов. Эти кочевые племена были не мифологическими слагаемыми древней истории, а живой, хотя и периферийной частью античного мира. Античный мир знал скифов и сарматов не понаслышке – греки и варвары вживую общались в ходе дальних торговых экспедиций, сталкивались лицом к лицу на афинской агоре. Поэтому скифы и сарматы – это неотъемлемая часть античной истории. Без них история древности была бы неполной, лишенной той прелести, которая до сегодняшнего дня покоряет наивной детской простотой, сопряженной с дикостью и варварством. Со времен Геродота за скифами закрепилась слава непобедимых воинов, а скифское вооружение: лук, стрелы, акинак – стали объектами пристального изучения многих поколений исследователей.

Основу этого направления в науке заложили П. Рау, Б.Н. Граков, его коллеги и ученики, среди которых видное место принадлежит Анне Ивановне Мелюковой и Константину Федоровичу Смирнову.

Со дня смерти А.И. Мелюковой – выдающегося скифолога, специалиста по оружию скифов – прошло 10 лет. Друзья и ученики Анны Ивановны решили почтить память известного исследователя, проведя международную научную конференцию «Война и военное дело в скифо-сарматском мире». Мероприятие прошло на базе Южного научного центра РАН в с. Кагальник Азовского района Ростовской области. На призыв оргкомитета откликнулось более сорока исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Ижевска, Ростова-на-Дону, Краснодара, Киева, Харькова, Запорожья, Донецка, Одессы, Кишинёва, Тирасполя, Шымкента. И хотя конференция состоялась в год осложнения отношений между Украиной и Россией, что помешало многим желающим принять участие в её работе и приехать в Ростов, тем не менее, в адрес конференции поступили приветственные письма из Франции, Германии, Польши, Венгрии, Казахстана. Светлый образ Анны Ивановны сохранился в памяти современных исследователей, и эта память не позволяет проникнуть в науку современным политическим умонастроениям, служит делу объединения заинтересованных в изучении древней истории людей, невзирая на их политические симпатии и антипатии.

По материалам конференции составлен сборник статей, который мы представляем нашему читателю. Значительный блок материалов посвящен предметам вооружения: мечам, стрелам, защитному вооружению. Внимание исследователей привлекли и вопросы технологии декора оружия. В ряде докладов предметы вооружения рассматривались как источник по истории и инструмент хронологического анализа. Серия докладов была связана с представлением новых материалов по теме.

Не все участники смогли приехать в Ростов-на-Дону, но их доклады поступили в адрес оргкомитета, и мы посчитали себя вправе издать все присланные тексты.

Полагаем, что материалы конференции будут интересны всем интересующимся историей оружия.

Оргкомитет конференции

А.Ю. Алексеев
(г. Санкт-Петербург)

СТРЕЛЫ-ЗМЕИ У РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ

Представление о том, что скифы и другие евразийские кочевники широко использовали при стрельбе из лука отравленные стрелы, было весьма распространено в древности и существует поныне. Базируется это представление, во-первых, на использовании стрельного яда многими древними и этнографическими народами, а во-вторых, на данных прямых свидетельств греческих и латинских авторов о кочевниках Северного Причерноморья. Но надежных археологических подтверждений этому феномену для скифской эпохи до сих пор нет (Черненко, 1981, с. 122–123).

При этом нарративные источники на фоне начала истории скифской культуры в VIII в. до н.э. имеют одну выразительную особенность – все они относятся лишь к относительно позднему времени, и наиболее ранним из них является свидетельство кого-то из перипатетиков, приписанное Аристотелю, надежно не датированное, но, видимо, относящееся к IV в. до н.э. или несколько более позднему времени: «Рассказывают, что скифский яд, в который погружают стрелы, изготавливают из ехидны. Скифы, кажется, подстерегают уже родивших живых *детенышей*, ловят их и оставляют гнить несколько дней; когда им покажется все достаточно сгнившим, они наливают человеческую кровь в горшочек, зарывают его и зарывают в навоз, а когда и это сгниет, то водянистый отстой, образующийся над кровью, смешивают с гноем ехидны и таким образом делают смертоносный яд» (SC I, 381, пер. В.В. Латышева). Из текста с очевидностью следует, что в данном случае под словом *ἐχίδνα ехидна* подразумевается не мифическое существо, а змея семейства гадюковых, что подтверждается и прямым указанием на ее живорождение. Близкое по времени свидетельство Феофраста не повторяет Пс.-Аристотеля, поскольку в нем речь идет о яде не животного, а растительно-го происхождения, которым намазывали стрелы в Эфиопии и, вероятно, в Скифии: «В Эфиопии есть некий смертоносный корень, которым намазывают стрелы, а в Скифии – он же и многие другие, из коих одни сразу убивают принявших их, а другие – в более или менее продолжительное время, так что некоторые умирают от истощения» (SC I, 381, пер. В.В. Латышева).

Далее следуют еще более поздние сведения, относящиеся уже к позднескифской и сарматской эпохе II в. до н.э. – I в. н.э. В схолиях к Никандру (II в. до н.э.) говорится о «лучном» яде, названном так по-

тому, что «...парфяне и скифы намазывают ядом наконечники стрел» (SC I, 446, пер. В.В. Латышева). Плиний (I в. до н.э. – I в. н.э.) указывает, что «скифы напитывают стрелы ядом випер (змей, гадюк – А.А.) и человеческой кровью; это злодеяние неотвратимо. *Такая стрела* немедленно причиняет смерть *даже при легком прикосновении*» (Plin. H.N., XI, 279; SC II, 191, пер. В.В. Латышева). У Лукиана Самосатского (II в. н.э.), вероятно, упоминаются намазанные ядом скифские стрелы (SC I, 539). Клавдий Элиан (II–III вв. н.э.) со ссылкой на Феофраста пишет, что скифы к яду, которым намазывают стрелы, пришивают человеческую сукровицу (SC I, 604). Но больше и чаще других о стрелах, отравленных змеиным ядом, у сарматов, гетов или вообще варваров, упоминает Овидий Насон в I в. до н.э. – I в. н.э. (Ovid. Trist., III, 10.65; IV, 1.75; 1.84; V, 7.15–16; 10.21–22). Судя по его письмам, это стало для него источником постоянного страха и беспокойства: «в летучем железе (варваров – А.А.) имеется напитанный яд», «свирепый враг, вооруженный луком и напитанными ядом стрелами», «...гибнет от ядовитой стрелы», «между ними (гетами и сарматами – А.А.) нет ни одного, кто не носил бы налучья (у Овидия *coryton*, т.е. горита – А.А.), лука и синеватых от змеиного яда стрел», «мы часто собираем посреди улиц ядовитые стрелы...» (SC II, 77–89, пер. В.В. Латышева), и т.д. При этом мне представляется вполне очевидным, что отравленные змеиным ядом стрелы могли ассоциироваться в сознании современников именно со змеями.

Представления о стрелах-змеях существуют и в сказаниях и фольклоре различных народов, и в некоторых эпических произведениях, например, в «Махабхарате», где стрелы воинов сравнивают со змеями. Признаками их уподобления являлась смертоносность и стремительность, а сами стрелы характеризуются как «змеевидные», «подобные змеям с огненными пастями» (Невелова, 1979, с. 104). В современной биологической номенклатуре один из видов рода песчаных змей получил даже название стрела-змея (*Psammophis lineolatus*), а ее необычайная стремительность передвижений породила легенды, связанные со смертоносностью ее броска.

При этом символическое значение стрелы в обрядах и представлениях на самом деле намного более широко и разнообразно. Стрелы связаны с родильными обрядами и новорожденными, «дарами» умершим предкам, брачными обрядами, фалличе-

скими символами и жизненной силой воинов, и т.д. (Калинина, 2009, с. 142–226). Их считают символами власти, посольских полномочий, единства народов и многого другого (Худяков, 2004).

Но вот существовала ли в скифской культуре семантическая связь стрел с образом змеи, и являлась ли она при этом лишь частным случаем более широкого спектра представлений (поскольку известно, что символическое значение стрелы проявлялось во многих ситуациях – и в обрядах заключения скифами клятвенного союза, и в зашифрованных дарах персам во время войны: Hdt. IV, 70, 131), уверенно сказать невозможно.

Что касается археологических данных, то на преимущественно железных наконечниках стрел сарматской эпохи ныне, естественно, отсутствуют внешние признаки, указывающие на возможное использование ядов, в том числе и змеиного. Нет их и на литых бронзовых наконечниках доскифской и раннескифской эпохи, но зато на последних иногда наносились разнообразные рельефные знаки-метки¹, которые могут свидетельствовать если не о пропитывании наконечников ядом, то, во всяком случае, о сопоставлении стрел со змеями и, соответственно, ранений, нанесенных стрелами, со смертельным «укусом». Такие случаи, правда, не часты, и наиболее явно это проявляется на «савроматских» бронзовых наконечниках, например, из нижеволжского Блюменфельдского кургана А12 рубежа VI–V вв. до н.э., у которых на лопастях нанесена рельефная метка в виде волнистой линии (рис. 1), которая была интерпретирована К.Ф. Смирновым именно как знак змеи (Смирнов, 1961, с. 47, рис. 16А). Встречаются и наконечники со значками, имитирующими, возможно, глаза (рис. 2) на головке змеи (Смирнов, 1961, рис. 21А: 32, 23: 1, 2).

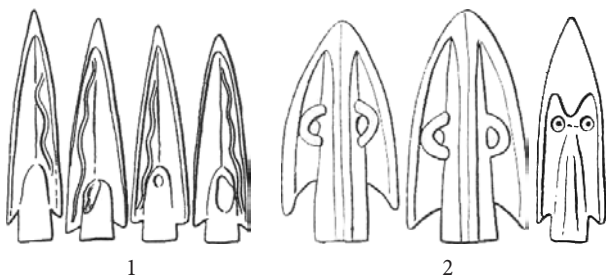

Рис. 1, 2. «Савроматские» наконечники (Смирнов, 1961, рис. 16А, 21А, 23)

Но для предскифского и раннескифского времени особое внимание на себя обращает еще одна разновидность рельефных меток на наконечниках

¹ Знаки-метки на наконечниках стрел кочевников многочисленны и чрезвычайно разнообразны, но их смысл и назначение при этом остаются туманными. Они бывают литыми и гравированными или резными, часть знаков может быть приписана стрелкам-владельцам, часть мастерам, часть могла быть тамгами или иметь магическое значение (Худяков, 2004).

стрел скифского типа – в виде т.н. «птичьей лапы» (Алексеев, 1992, с. 86, 87), наносившейся на втулке у основания пера. Такие наконечники типологически относятся как к предскифским разновидностям (рис. 2), так и к классическим раннескифским, встреченным и на европейских памятниках, и на малоазийских первой половины VII в. до н.э. (рис. 3, 4). Что могла означать подобная метка, остается неясным (С.Б. Вальчак, например, считает их «упрощенным изображением наконечника стрелы» (Вальчак, 2011, с. 33, рис. 4)), но она позволяет высказать одну догадку, связанную как раз с вероятными представлениями номадов о стрелах как змееподобном оружии.

Рис. 3. Наконечник из Нижнего Поволжья, с. Новая Белогорка (Смирнов, 1961, рис. 12К)

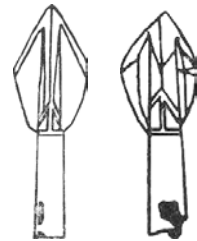

Рис. 4. Наконечник из Южного Приуралья (Исмагилов, 1988, рис. 6)

Существует одна разновидность змей, чьим отличительным признаком является светлый знак на голове в виде силуэта летящей птицы (рис. 8), практически полностью тождественный знаку в виде «птичьей лапы» на разных по типам скифских наконечниках стрел (рис. 5, 6, 7). Это песчаная эфа (*Echis carinatus*) – небольшая змея семейства гадюковых, длиной от 50 до 60 см, ареал которой в настоящее время простирается от северной Африки через Аравийский полуостров до Ирака, Ирана, Афганистана и Индии. В Средней Азии эфа проникает на север вплоть до Аральского моря, а на востоке – до предгорий Южного Узбекистана и Юго-Западного Таджикистана. Эфа – весьма опасная змея, ее укус один из самых токсичных, а атака на врага стремительна и энергична (Жизнь животных, 1969, с. 429, 430).

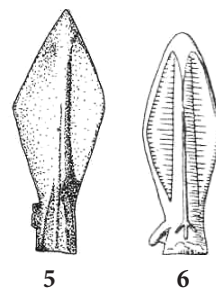

Рис. 5, 6. Наконечники из Малой Азии (Иванчик, 2001, рис. 24; Boehmer, 1972, taf. XXXI, 902)

Рис. 7. Наконечник из пос. Пожарная Балка, Среднее Поднепровье (ГЭ)

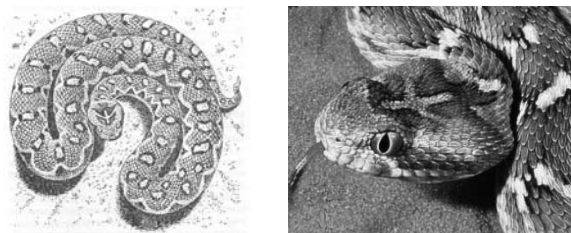

Рис. 8. Песчаная эфа (*Echis carinatus*)

И в том случае, если в основе знака в виде «птичьей лапы» на стрелах раннескифской эпохи действительно лежит рисунок с головы эфы, не означает ли это, что древнейшая история скифов может быть связана с областями, территориально близкими ареалу этой змеи?

Литература

- Алексеев, 1992: Алексеев А.Ю. Скифская хроника. Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк. СПб., 1992.
- Вальчак, 2011: Вальчак С.Б. Уникальный «переднеазиатский» наконечник стрелы из Восточной Европы // Историко-археологический альманах. [Вып.] 10. Армавир-Краснодар; М., 2011.
- Жизнь животных, 1969: Жизнь животных. Т. 4. Ч. 2. М., 1969.
- Иванчик, 2001: Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.
- Исмагилов, 1988: Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. Вып. 29. Л., 1988. Вып. 29.
- Калинина, 2009: Калинина И.В. Очерки по исторической семантике. СПб., 2009.
- Невелева, 1979: Невелева С.Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. М., 1979.
- Смирнов, 1961: Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961.
- Худяков, 2004: Худяков Ю.С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2004. № 1.
- Черненко, 1981: Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.
- Boehmer, 1972: Boehmer R.M. Bogazköy, Die Kleinfunde von Bogazköy aus dem Grabungskampagnen 1931–39 und 1952–69. Berlin, 1972.
- SC I: Scythica et Caucasia. Vol. I. Scriptores Graeci. СПб., 1890.
- SC II: Scythica et Caucasia. Vol. II. Scriptores Latini. СПб., 1904.

Л.И. Бабенко
(г. Харьков)

КОЛЧАННЫЕ НАБОРЫ ПРОТОПОПОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА: СОСТАВ И ХРОНОЛОГИЯ

Среди множества юбилеев, отмечаемых скифологией за последнее время (только в прошлом году состоялось три знаменательных даты: 250-летие исследования Мельгуновского кургана, 150-летие завершения раскопок Чертомлыка и 100-летия – Солохи), не может пройти незамеченным и пятидесятилетие самой востребованной, самой цитируемой в трудах исследователей, занимающихся скифской проблематикой, монографии – «Вооружения скифов» Анны Ивановны Мелюковой. Несмотря на многократное пополнение источниковой базы, свершившееся за прошедшие 50 лет со времени издания этого свода, до сих пор не нашлось исследователя, дерзнувшего повторить научный подвиг А.И. Мелюковой. Можно с уверенностью утверждать, что эта «удивительная книга» (Алексеев, 2006, с. 43) еще на долгие годы сохранит за собой статус «настолярной» (Петренко, Яценко, 2006, с. 11).

Источниковую базу самой массовой категории вооружения скифского времени – наконечников стрел – пополнили и несколько колчаных комплексов, обнаруженных во время раскопок Протопоповского курганного могильника, расположенного в урочище «Могилки», на правом берегу реки Нецветайки (правый приток реки Уды), на южной окраине одноименного села Дергачевского района Харьковской области. Ко времени раскопок могильник насчитывал 15 курганов, бессистемно расположенных друг возле друга на расстоянии 20–40 м (Шрамко и др., 1977, с. 87).

Исследовался могильник на протяжении двух сезонов – в 1973 году экспедицией УООПИК (Украинского общества охраны памятников истории и культуры) под руководством Н.Г. Коленченко (Коленченко, 1973) и в 1976 году экспедицией Харьковского исторического музея под руководством В.Г. Бородулина (Бородулин, 1976; 1977). В результате было раскопано 8 курганов и два разрушенных погребения без насыпи. Помимо этого, сохранились отрывочные сведения о разрушенном при строительстве трансформаторной подстанции кургане, в погребении которого была выявлена амфора. Таким образом, общее количество погребальных комплексов достигает 11, из которых 3 – безынвентарных, что, вероятнее всего, следует объяснять их ограблением. Остальные погребения также были ограблены, следовательно, ни в одном случае мы не имеем дело с более-менее полным комплектом инвентаря, сопровождавшего погребенных.

Наиболее представительная категория погребального инвентаря – предметы вооружения, обнаруженные в 7 погребениях, причем количественно преобладают именно бронзовые наконечники стрел, выявленные в количестве от 2 до 142 экземпляров в 6 захоронениях. Вероятно, что во многих случаях было большим и количество наконечников стрел в ограбленных погребениях, и само количество погребений со стрелами. Касательно последнего предположения примечателен набор инвентаря воина-всадника из кургана № 3, содержащий и предметы вооружения (наконечники копий, втоки), и полный комплект узды (удила, псалии, ворварки, пронизки, разнообразные бляхи). Отсутствие здесь наконечников стрел следует связывать именно с опустошительным ограблением, следствием которого явилось и полное отсутствие останков человеческого скелета в могиле, основная же масса сохранившегося погребального инвентаря была укрыта в двух нишах-тайниках.

В трех погребениях было выявлено менее 10 наконечников – в двух (№№ 4 и 6) всего лишь по 2, еще в одном – 6 (№ 1/1976), у двух – немногим более 10 (№ 1/1973 – 16, № 2/1976 – 13), и только колчаный набор из кургана № 5 отличается представительностью и насчитывает 142 экземпляра. Столь представительные по количеству наборы не исключительны для северскодонецких памятников. Несколько таких колчанов выявлено в погребениях Песочинского могильника (Бабенко, 2005, с. 60), но наиболее интересен в этом отношении набор стрел из кургана у с. Коротич – с протопоповским у него практически совпадает количество наконечников (140) и большинство представленных типов, как и дата (первая половина V в. до н.э.) (Бабенко, 2009, с. 54).

В кургане № 1/1973 16 наконечников были бессистемно разбросаны слева от левого бедра. Не исключено, что подобное положение является следствием ограбления захоронения, но существуют и иные объяснения данного явления, объясняющие его с размещением стрел в могиле без колчанов и горитов, или же ритуальными факторами (Бессонова, Скорый, 1986, с. 159; Ольховский, 1991, с. 108; Бойко, Берестнев, 2001, с. 18, 22; Бабенко, 2005, с. 6). Еще в двух случаях было зафиксировано иное размещение колчана – в кургане № 2/1976 справа от поясных позвонков одного из покойников, в кургане № 5 – между кистью правой руки и костями таза.

Отдельно следует отметить находку одного наконечника стрелы в маленьком кожаном чехольчике, выявленном в юго-западном углу могилы кургана № 4.

Ниже приводится описание находок.

Курган № 1/1973. Обнаружено 13 целых наконечников и 3 обломка, однако место хранения находок из раскопок 1973 года, помимо хиосской амфоры, неизвестно. Некоторое представление об их облике дает лишь лаконичное описание в текстовой части отчета и фотографии в альбоме иллюстраций, в большинстве невысокого качества. Используя фотоснимки отчета, с большей или меньшей вероятностью можно определить с типологической принадлежностью 10 наконечников, представленных следующими разновидностями:

1) трехлопастный наконечник с треугольной головкой, длинной выделенной втулкой и П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки (рис. 1, 1, 2). 2 экз.;

2) трехлопастный наконечник с треугольной головкой, короткой выделенной втулкой и П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ длины головки (рис. 1, 3). 1 экз.;

3) трехлопастный наконечник с треугольной головкой, короткой, едва заметной втулкой и П-образным ложком на $\frac{3}{4}$ длины головки (рис. 1, 4). 1 экз.;

4) трехлопастный наконечник с треугольной головкой, короткой, едва заметной втулкой и сводчатым ложком на $\frac{1}{3}$ длины головки (рис. 1, 5). 1 экз.;

5) трехлопастный наконечник с пирамидальной головкой, длинной выделенной втулкой и П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки (рис. 1, 6). 1 экз.;

6) трехлопастный наконечник с треугольной головкой, длинной выделенной втулкой и Л-образным ложком до вершины головки (рис. 1, 7, 8). 2 экз.;

7) трехлопастный наконечник с треугольной головкой, внутренней втулкой и Л-образным ложком до вершины головки (рис. 1, 9). 1 экз.;

8) трехлопастный наконечник со сводчатой головкой, длинной выделенной втулкой и Л-образным ложком до вершины головки (рис. 1, 10). 1 экз.

Курган № 1/1976. Обнаружено 6 наконечников стрел, представленных следующими разновидностями:

1) трехлопастные наконечники с внутренней втулкой и П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки (рис. 1, 11, 12). Длина 2,2 см. 2 экз.;

2) трехлопастные наконечники с внутренней втулкой и Л-образным ложком до вершины головки (рис. 1, 13–15). Длина 2,4–2,7 см. 3 экз.;

3) трехлопастный наконечник с короткой выделенной втулкой и П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки (рис. 1, 16). Длина 3 см. 1 экз.

Курган № 2/1976. В состав инвентаря погребального комплекса входило 13 наконечников стрел следующих разновидностей:

1) трехлопастные наконечники с внутренней втулкой и Л-образным ложком до вершины головки (рис. 1, 24–28). Длина 1,7–2,6 см. 5 экз.;

2) трехлопастный наконечник с внутренней втулкой и П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки (рис. 1, 29). Длина 1,8 см. 1 экз.;

3) трехлопастный наконечник с короткой выделенной втулкой и П-образным ложком на $\frac{1}{4}$ длины головки. Концы лопастей образуют острые шипы, один из которых опущен ниже уровня втулки (рис. 1, 17). Длина 2,9 см. 1 экз.;

4) наконечник такой же формы, но с ложком до середины головки, внутри которого расположен рельефный тамгообразный знак в виде косоугольного креста (рис. 1, 18). Длина 3 см. 1 экз.;

5) наконечник такой же формы, но с более длинной втулкой и ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки. Конец острия отломан, сохранившаяся длина наконечника – 2,4 см (рис. 1, 19). 1 экз.;

6) наконечник такой же формы, но со сточенными на длину ложка ребрами лопастей (рис. 1, 20). Длина 2,7 см. 1 экз.;

7) трехгранный наконечник с короткой выделенной втулкой и гладкими гранями. Концы лопастей образуют короткие острые шипы (рис. 1, 21). Длина 3 см. 1 экз.;

8) трехгранный наконечник с внутренней втулкой, скошенными к середине гранями возле среза втулки и коротким П-образным ложком (рис. 1, 22). Длина 2,6 см. 1 экз.;

9) трехгранный наконечник с внутренней втулкой, скошенными к середине гранями возле среза втулки и парой едва заметных углублений в нижней части граней (рис. 1, 23). Длина 2,6 см. 1 экз.

Курган № 4. В погребении обнаружено 2 наконечника стрелы:

а) трехгранный наконечник с внутренней втулкой и гладкими гранями (рис. 1, 30). Длина 2,5 см.

б) трехлопастный наконечник с внутренней втулкой и парой параллельных углублений на $\frac{2}{3}$ длины головки на гранях (рис. 1, 31). Длина 1,7 см.

Курган № 5. Колчаный набор насчитывал 142 наконечника стрелы, из которых типологическому определению подлежат 133. Трехлопастные наконечники с выделенной втулкой представлены следующими разновидностями:

1) наконечники со сводчатой, пирамидальной или треугольной головкой и П-образным ложком до середины или $\frac{3}{4}$ длины головки. Длина 1,7–3,2 см. 83 экз. (рис. 2, 1–8);

2) наконечники такой же формы, но с косо обрезанными концами лопастей, образующими короткие острые шипы. Длина 2,4–3,7 см. 3 экз. (рис. 2, 9–11);

3) наконечники такой же формы, но с более длинными шипами, достигающими среза втулки. В ложке одного из наконечников – рельефный тамгообразный знак в виде косых линий. Длина 3,3 см. 2 экз. (рис. 2, 12, 13);

4) наконечники со сводчатой или треугольной головкой, короткой втулкой и Λ-образным ложком до вершины головки такой же формы. Косо обрезанные концы лопастей образуют короткие острые шипы. Длина 3–3,2 см. 3 экз. (рис. 2, 14–16);

5) наконечники такой же формы, но с более длинной втулкой. Внутри ложка одного из наконечников – рельефный тамгообразный знак в виде развернутых на 90° двух литер Λ. Длина 2,4–2,9 см. 11 экз. (рис. 2, 17–24);

6) наконечники такой же формы, но более короткие. Длина 1,9–2 см. 3 экз. (рис. 2, 25, 26).

Разновидности трехлопастных наконечников с внутренней втулкой следующие:

1) наконечники со сводчатой или треугольной головкой, Λ-образным ложком до вершины головки и ровным основанием – так называемые «базисные». Длина 1,7–2,5 см. 9 экз. (рис. 2, 27–33);

2) наконечники такой же формы, но более стройных пропорций и П-образным ложком до середины или $\frac{3}{4}$ длины головки. Основание ровное либо дуговидное. Длина 2,3–2,5 см. 5 экз. (рис. 2, 34–37).

Трехгранные наконечники стрел с выделенной втулкой представлены 7 экземплярами. На гранях наконечников – пара параллельных углублений на $\frac{1}{3}$ – $\frac{2}{3}$ длины головки. Длина 1,7–2,3 см (рис. 2, 38–43).

Трехгранные наконечники стрел с внутренней втулкой также представлены 7 экземплярами. На гранях – аналогичные углубления на $\frac{1}{4}$ – $\frac{2}{3}$ глубины. Длина 1,7–2,5 см (рис. 2, 44–50).

Курган № 6. Найдено 2 наконечника стрелы:

а) трехлопастный наконечник с внутренней втулкой и П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки (рис. 1, 32). Длина 1,9 см;

б) трехлопастный наконечник с внутренней втулкой и парой параллельных углублений на $\frac{1}{2}$ длины головки на гранях (рис. 1, 33). Длина 1,7 см.

Хронология комплексов

Бронзовые наконечники стрел скифского времени относятся к одной из категорий находок, считающейся довольно чутким хроноиндикатором, позволяющим с большей или меньшей уверенностью установить дату комплекса. В то же время характер использования этого вида вооружения (частая «утеря» своих наконечников, при одновременном «приобретении» чужих), множественность типов и простота вторичного их употребления создавали благоприятные условия для формирования очень разнообразных, как типологически, так и хронологически, наборов наконечников стрел, зачастую с трудом вписывающихся в логически непротиворечивую хронологическую колонку. Поэтому более обоснованную дату можно получить, привлекая иные категории находок, прежде всего древнегреческий импорт, предметы конского снаряжения и т.п. Несколько погребений Протопоповского могильника предоставляют возможность такого комплексного датирования.

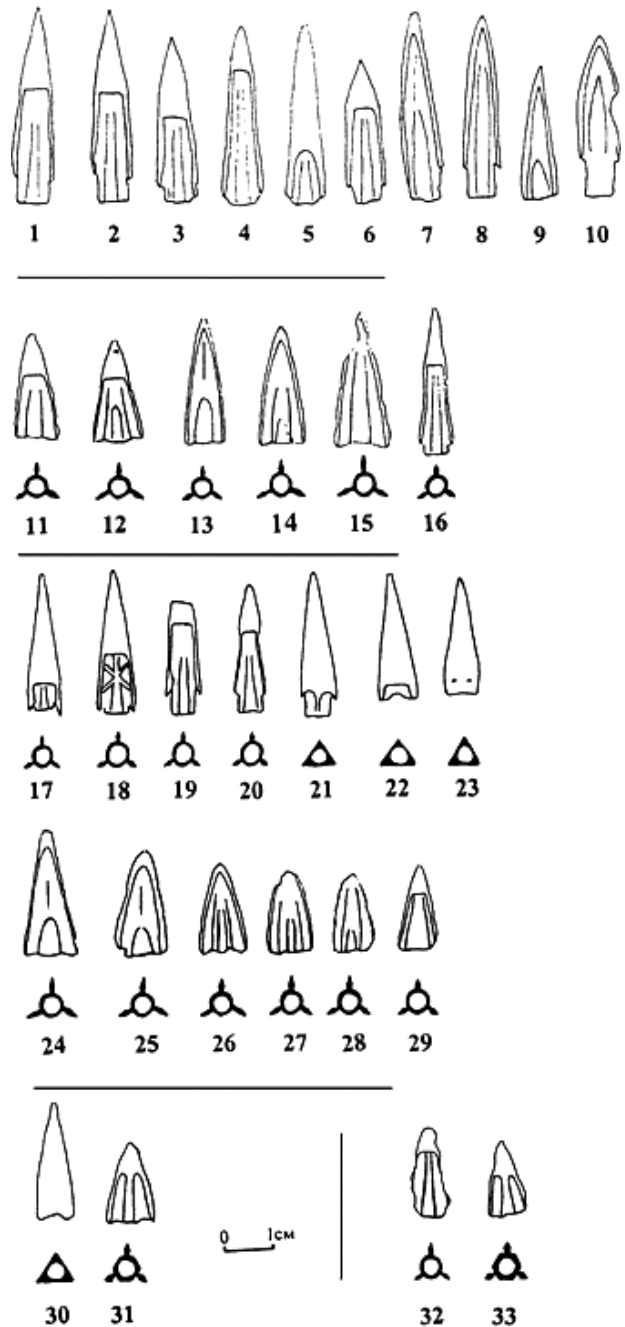

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел Протопоповского могильника: 1–10 – курган № 1/1973; 11–16 – курган № 1/1976; 17–29 – курган № 2/1976; 30, 31 – курган № 4; 32, 33 – курган № 6

В свое время ряд комплексов Протопоповского могильника, содержавших те или иные предметы конского снаряжения, получили хронологическую позицию в монографии А.Д. Могилова (Могилев, 2008). Однако некоторые датировки, предложенные исследователем, нельзя принять безоговорочно, что каждый раз будет оговорено специально.

Курган № 1/1973

Комплекс А.Д. Могилевым отнесен к «первой среднескифской группе» (последняя четверть VI – 1-я половина V в. до н.э.) именно «за набором

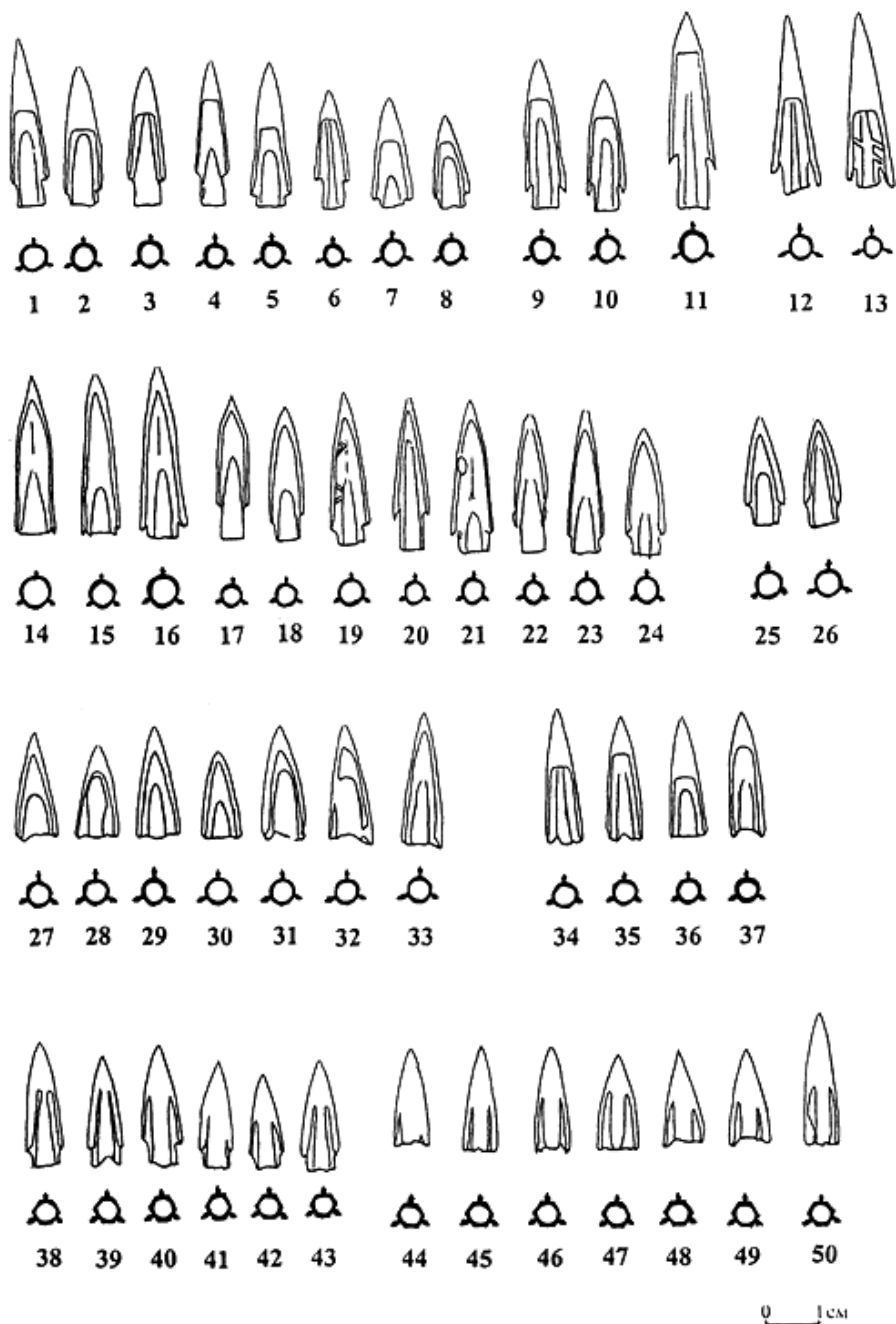

Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел Протопоповского могильника: 1–50 – курган № 5

стрел, в котором были в наличии базисные типы» (Могилев, 2008, с. 119). Однако на самом деле среди представленных в наборе наконечников доминируют экземпляры с выделенной втулкой – как с П-образным ложком, так и с ложком до вершины головки. Наконечник «базисного типа» всего лишь один, и тот удлинённых пропорций, лучше известных в более поздних наборах. По неизвестным причинам А.Д. Могилев не привлек для датировки комплекса хиосскую пухлогорлую амфору позднего варианта раннего типа по терминологии И.Б. Брашинского (Брашинский, 1980, с. 15, 16), «развитого» варианта IV-B пухлогорлого типа за классификацией В.В. Рубана (Рубан, 1982, с. 106, 107) или развитого варианта пухлогорлых

хиосских амфор (тип III-B) по С.Ю. Монахову (Монахов, 2003, с. 17, 18), позволяющую ограничить дату погребения 80–70 гг. V в. до н.э., а с учетом возможного запаздывания – второй четвертью V в. до н.э. В предложенной А.Д. Могилевым периодизации эту хронологическую позицию можно отнести как к первой (последняя четверть VI – 1-я половина V в. до н.э.), так и ко второй (вторая – последняя четверть V в. до н.э.) средне-скифской группе. В похожем случае комплекс кургана 20 (2000 г.) Перещепинского могильника, продатированного также по хиосской амфоре второй четвертью V в. до н.э., исследователь отнес ко второй средне-скифской группе (Могилев, 2008, с. 121).

Курган № 5. Хронологическую позицию кургана № 5 определяют, прежде всего, бляхи в виде свернувшегося в кольцо хищника (Бабенко, 2008, рис. 2, 1, 2) и представительный набор наконечников стрел.

Развитие иконографии образа свернувшегося в кольцо хищника было длительным по времени (Полідович, 1994; Богданов, 2006). Украшенные подобным сюжетом изделия были распространены в границах практически всего «скифо-сибирского мира» и отличаются иконографическим разнообразием. Принимая это во внимание, иконографическая близость блях этого типа может рассматриваться как свидетельство относительной единовременности их изготовления и определенной хронологической синхронности комплексов. Ближайшими к протопоповским являются бляхи из курганов №№ 491 у с. Макеевка (Галанина, 1977, табл. 13, 2), 499 возле Басовки (Галанина, 1977, табл. 26, 20–23), 398 у Журовки (Могилов, 2008, рис. 102, 17), 8 (ВУАК) группы Частых (Замятнин, 1946, рис. 14, 5), 2 возле с. Новые Раскайцы (Рэскэций Ной) (Левицкий, Демченко, 1995, рис. 3, 13).

Наилучшую возможность для определения даты имеет комплекс кургана № 491 у с. Макеевка, в состав которого входили самосский лекиф рубежа VI–V вв. до н.э. и чернофигурный килик с чернолаковой вазочкой начала V в. до н.э. (Онайко, 1966, с. 25, 27; Галанина, 1977, с. 29; Колтухов, 1998, с. 21). Однако возможность длительного употребления местным населением столовой посуды в быту позволяет указанный хронологический репер использовать лишь в качестве *terminus post quem*, тогда как фактическая дата погребения могла быть значительно моложе. В этом случае наиболее корректными представляются предложенные многими исследователями хронологические рамки в пределах первой половины V в. до н.э. с определенным тяготением ко второй четверти.

Даты курганов №№ 499 у с. Басовка и 398 у с. Журовка определяют наборы конского снаряжения. При этом журовский комплекс датируется разными исследователями первой половиной V в. до н.э. (Петренко, 1967, с. 92), V в. до н.э. (Ковпаненко и др., 1989, с. 162), второй-последней четвертью V в. до н.э. (Могилов, 2008, с. 122), басовский – первой половиной V в. до н.э. (Ильинская, 1968, с. 78; Галанина, 1977, с. 46), последней четвертью VI – первой половиной V в. до н.э. (Могилов, 2008, с. 118).

Не так давно среди исследователей возникла небольшая дискуссия по поводу датировки кургана № 2 у с. Новые Раскайцы. Поводом для нее послужила беспрецедентно низкая дата (вторая половина VII в. до н.э.), предложенная авторами публикации комплекса на основе керамики, украшенной геометрическим орнаментом и по этой причине архаизирующей весь комплекс (Левицкий, Демченко, 1995, с. 47, 48). Однако столь ранняя дата, как и попытка удревить известные комплексы, содержавшие аналогичные украшения конской узды, не нашли

поддержки у исследователей, отдавших предпочтение традиционным датам – не ранее середины или конца VI в. до н.э. или же рубежа VI–V вв. до н.э. (Колтухов, 1998, с. 21; Алексеев, 2003, с. 205; Бруяко, 2005, с. 45, 153).

Совсем недавно похожая диахронность была подмечена и для комплекса кургана № 8 (ВУАК) группы Частых, являющегося одним из самых древних среди среднедонских памятников и традиционно датируемого началом V в. до н.э. (Замятнин, 1946, с. 49) или рубежом VI–V вв. до н.э. (Либеров, 1965, с. 28; Медведев, 1999, с. 97). Однако, по мнению Д.С. Гречко, если следовать буквально аналогиям из кургана у с. Огородное и Алфельде, погребение необходимо удревить до конца VII – первой половины VI вв. до н.э. В то же время колчанная застежка, бронзовые ножи и стрелы из среднедонского погребения близки находкам из кургана 1G Аджигольского могильника, что омолаживает погребение кургана № 8 до второй четверти V в. до н.э. и представляется исследователю более приемлемым (Гречко, Шелехань, 2012, с. 110).

Интересно расположились на хронологической шкале погребения с подобными бляхами в монографии А.Д. Могилова. Курганы №№ 491 у с. Макеевка, 499 возле с. Басовка и 8 (ВУАК) группы Частых исследователь отнес к «первой среднескифской группе» (последняя четверть VI – 1-я половина V в. до н.э.), а №№ 398 у Журовки и 5 Протопоповского могильника – ко второй (вторая-последняя четверть V в. до н.э.) среднескифской группе, тем самым породив тенденцию на омоложения комплексов с бляхами с изображением свернувшегося хищника на полстолетия от наиболее поздних датировок других исследователей (Могилов, 2008, с. 117–119, 122, 124). При этом время распространения подобных блях определяется в рамках от последней четверти VI в. до н.э. до самого конца V в. до н.э. (Могилов, 2008, с. 418, рис. 193), что представляется чрезмерным. Однако состав обоих «омоложенных» комплексов – журовского и протопоповского – не дает оснований для их столь резкого перемещения во вторую половину V в. до н.э. и, тем более, последнюю его четверть. Более уместная для них дата – вторая четверть V в. до н.э., но в этом случае не понятно, зачем оба комплекса отрывать от погребений первой среднескифской группы.

Можно сожалеть по поводу отсутствия в Протопоповском погребении древнегреческой амфорной тары (но найденной в других захоронениях могильника), что способствовало бы большей устойчивости плавающей по обе стороны даты, однако и состав колчанного набора может в какой-то степени поспособствовать этой цели. Сразу можно отметить отсутствие в представительном наборе (142 экземпляра) двухлопастных наконечников с шипом на втулке, нередко встречающихся в комплексах первой половины V в. до н.э. и отчасти архаизирующих их. Преобладают в наборе опорновтульчатые наконечники (83 экземпляра), заметное

место занимают базисные, те и другие «нестройных» пропорций, более характерных именно для первой половины V в. до н.э. Наконечники «вытянутых» пропорций (рис. 2, 12, 13, 34–37), преобладающие в колчаных наборах с середины V в. до н.э., присутствуют всего в нескольких экземплярах. Даже в сравнении с набором кургана № 1/1976, надежно датированного хиосской амфорой второй четвертью V в. до н.э., он выглядит несколько более ранним. В то же время присутствие отмеченных выше нескольких «стройных» наконечников не позволяет датировать комплекс временем ранее все той же второй четвертью V в. до н.э. По своему составу набор представляется близким наконечникам из погребения 2/2000 г. Перещепинского могильника, датированного первой половиной V в. до н.э. и относимого С.В. Махортых к выделенной им группе Па захоронений этого памятника (Кулатова, Супруненко, 2010, с. 41, рис. 34; Махортых, 2011, рис. 3, 1–37; 2012, с. 146). Таким образом, наиболее приемлемой датой для кургана № 5 Протопоповского могильника представляется вторая четверть V в. до н.э.

Курган № 2/1976. Наиболее интересен по составу представленных типов колчаный набор из кургана № 2. Сразу нужно отметить курьез, вкравшийся в монографию А.Д. Могилова. Состав данного набора, а именно базисные наконечники стрел, послужил исследователю основанием для отнесения погребения кургана № 3 к «первой среднескифской группе» (последняя четверть VI – 1-я половина V в. до н.э.) (Могилов, 2008, с. 119, 120). Однако, во-первых, среди инвентаря кургана № 3 наконечники стрел вообще отсутствовали и набор наконечников кургана № 2 был ошибочно причислен к этому комплексу, вероятно потому, что в альбоме иллюстраций к отчету фотография с наконечниками стрел из кургана № 2 была наклеена на одной странице с инвентарем из кургана № 3 (Бородулин, 1976, табл. VIII). Во-вторых, едва ли можно считать бесспорным отнесение данного набора к последней четверти VI – 1-й половине V в. до н.э. Типы представленных здесь наконечников демонстрируют определенную асинхронность. Практически половину набора (6 экземпляров) составляют так называемые «базисные» наконечники (рис. 1, 24–29), хорошо представленные и в остальных наборах могильника (рис. 1, 11–15, 31, 33; 2, 27–33). Со второй половины V в. до н.э. подобные наконечники практически выходят из употребления. Вместе с ними в комплексе находились несколько наконечников, получивших широкое распространение в наборах IV в. до н.э., особенно второй его половины. Прежде всего, это трехгранные наконечники с внутренней втулкой, скошенными к середине гранями возле среза втулки – один с коротким П-образным ложком, другой – с парой едва заметных углублений в нижней части граней (рис. 1, 22, 23), а также трехлопастный наконечник с короткой выделенной втулкой и П-образным ложком на $\frac{1}{4}$ длину головки (рис. 1, 17). Однако едва ли это служит бесспорным

основанием для перенесения столь поздней даты на весь комплекс. Известны, конечно, случаи присутствия ранних наконечников в комплексах более позднего времени (например, Краснокутский курган (Мелюкова, 1981, с. 63–65, рис. 18, 1 и, к, л, м), более того, сочетание в одном колчане разновременных наконечников, на что уже обращалось внимание (Алексеев, 2003, с. 206). Один из наиболее ярких подобных примеров демонстрирует колчаный набор из кургана № 24 группы «Солоха», содержащий наконечники стрел, характерные для наборов от второй половины VI до второй половины IV вв. до н.э. (Кузнецова, 2007, с. 97–100, рис. 2, 1). Самым простым объяснением будет попадание ранних наконечников в поздний набор в силу различных причин (например: ограбление могил раннего времени с последующим использованием обнаруженных наконечников, случайный сбор наконечников на поверхности и т.п.) и, соответственно, датировку по наиболее поздним типам. Однако общая хронология Протопоповского могильника и преобладание в наборе базисных наконечников побуждают склониться к мнению, что формирование колчанного набора из кургана № 2 происходило на рубеже бытования наконечников обеих групп. Несомненно, это наиболее поздний погребальный комплекс могильника, хронологические рамки которого следует определить в пределах второй половины V – начала IV в. до н.э.

Курган № 1/1976. Набор из кургана № 1/1976 представляют 6 наконечников – 5 трехлопастных с внутренней втулкой и П- или Л-образным ложком, т.н. «базисных», и трехлопастный наконечник с выделенной втулкой и П-образным ложком. Базисные наконечники этого набора отличаются от более ранних наконечников этого типа стройными, вытянутыми пропорциями. Подобные наконечники входили в состав набора из кургана № 5 этого могильника (рис. 2, 27–37), а также колчанного набора Коротичанского кургана, хронологические рамки которого определяются в пределах второй четверти V в. до н.э. (Бабенко, 2009, с. 59). Наконечники с выделенной втулкой и П-образным ложком хорошо представлены в колчаных наборах курганов № 1/1973 (рис. 1, 1–3) и № 5 (рис. 2, 1–5, 9–13) протопоповского могильника, а также Коротичанского кургана. Это позволяет предположить их определенную синхронность и предложить в качестве вероятной даты комплекса вторую четверть V в. до н.э.

Курганы №№ 4 и 6. Еще два погребения (№№ 4 и 6) содержали малопредставительные наборы стрел – всего по два наконечника. В состав каждого из этих наборов входили по одному практически идентичному «базисному» наконечнику с внутренней втулкой и парой параллельных углублений на гранях (рис. 1, 31, 33). Подобные наконечники хорошо известны в наборе кургана № 5 Протопоповского могильника (рис. 2, 44–50) и Коротичанского кургана. Наиболее приемлемая дата для обоих комплексов – первая половина V в. до н.э.

Таким образом, погребения Протопоповского курганного могильника не выходят за пределы V в. до н.э., причем подавляющая часть захоронений не может быть датирована временем позже первой половины этого века. Подобные памятники (наряду с Протопоповским это Коротичанский курганный могильник) являются инновационными для северскодонецкого региона и знаменуют появление среди местного населения групп хорошо вооруженных воинов-всадников, социальные функции которых могут трактоваться по-разному. Несомненно, что появление схожих могильников имело непосредственную связь с глобальными событиями, происходившими в Северном Причерноморье на рубеже VI–V в. до н.э. и нашедшими отражения в близких хронологически и по культурному контексту памятниках, из которых наиболее показательными являются ряд среднедонских могильников, нимфейские захоронения, Перещепинский могильник.

Вместе с тем Протопоповский и Коротичанский могильники в сравнении с Перещепинским демонстрируют несколько иную динамику развития. Если Перещепинский некрополь непрерывно функционирует более столетия – с первой половины V в. до н.э. по первую половину IV в. до н.э. (Махортых, 2012, с. 159), то северскодонецкие могильники, возникнув синхронно с Перещепинским, прекращают свое существование в том же V в. до н.э.

Прекращение функционирования в северскодонецком регионе могильников «перещепинского типа» совпадает с появлением здесь территориально обособленных, но имеющих с ними несомненную преемственность некрополей знати IV в. до н.э. (Песочинский и Старомерчанский). Подобная дискретность в развитии погребальной обрядности аристократической верхушки северскодонецкого населения, выделяющая его на фоне соседних регионов, наглядно демонстрирует иную его историческую судьбу.

Литература

- Алексеев, 2003: Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV в. до н.э. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Алексеев, 2006: Алексеев А.Ю. Акинак или махайра? (Мечи из раскопок Н.И. Веселовского у с. Шульговки в 1891 г.) // Древности скифской эпохи / Отв. ред.: В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2006. С. 43–65.
- Бабенко, 2005: Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: ИД Райдер, 2005. 284 с.
- Бабенко, 2008: Бабенко Л.И. Спорядження коня у населення сіверськодонецького регіону (за матеріалами поховальних пам'яток V ст. до н.е.) // Проблеми археології Восточної Європи / Отв. ред. С.И. Посохов. Харьков: Курсор, 2008. С. 28–38.
- Бабенко, 2009: Бабенко Л.И. Курган зі скіфським похованням V ст. до н.е. поблизу смт. Коротич на Харківщині // Археологія. 2009. № 1. С. 52–61.
- Бессонова, Скорый, 1986: Бессонова С.С., Скорый С.А. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. 1986. № 4. С. 158–170.
- Богданов, 2006: Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
- Бойко, Берестнев, 2001: Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII–IV вв. до н.э. курганного могильника у с. Купеваха (Ворсклинский вариант скифского времени). Харьков: Изд. группа «РА-Каравелла», 2001. 144 с.
- Бородулин, 1976: Бородулин В.Г. Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в 1976 г. // Архив ИА НАНУ. 1976/52. 23 с.
- Бородулин, 1977: Бородулин В.Г. Исследования на территории Харьковской области // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 271, 272.
- Брашинский, 1980: Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–IV вв. до н.э. Ленинград: Наука, 1980. 267 с.
- Бруяко, 2005: Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р.Х.). Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. 358 с.
- Галанина, 1977: Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // САИ. 1977. Вып. Д 1–33. 68 с.
- Гречко, Шелехань, 2012: Гречко Д.С., Шелехань А.В. Гришковский могильник скифов на Харьковщине. Киев: ИА НАН Украины, 2012. 198 с.
- Замятнин, 1946: Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА. 1946. Т. VIII. С. 9–50.
- Ильинская, 1968: Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 203 с.
- Ковпаненко и др., 1989: Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.
- Коленченко, 1973: Коленченко Н.Г. Отчет об археологических исследованиях на территории Харьковской области в 1973 году // Архив ИА НАНУ. 1973/64. 22 с.
- Колтухов, 1988: Колтухов С.Г. Курган Кулаковского // Херсонесский сборник / Отв. ред. М.И. Золотарев. Севастополь: Дизайн-студия «КАЛАМО», 1988. С. 17–24.
- Кузнецова, 2007: Кузнецова Т.М. Хронология кургана № 24 группы «Солоха» // Ранній залізний вік: до 100-річчя від дня народження О.Ш. Тереножкіна / Відп. ред. С.А. Скорий. Киев; Чигирин, 2007. С. 97–100.

- Кулатова, Супруненко, 2010: Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Кургани скіфського часу західної округи Більського городища. Київ, 2010. 200 с.
- Левицкий, Демченко, 1995: Левицкий О.Г., Демченко Т.И. Памятники скифской архаики на территории Молдовы // Древности степного Причерноморья и Крыма / Редкол.: Г.Н. Тошев, Г.И. Шаповалов, С.И. Андрух. Запорожье: Коммунар, 1995. Т. V. С. 41–53.
- Либеров, 1965: Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д 1–31. 112 с.
- Махортых, 2011: Махортых С.В. Колчаные наборы Перещепинского курганного могильника // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: ВГПУ, 2011. Вып. 14. С. 186–195.
- Махортых, 2012: Махортых С.В. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска / Отв. ред. И.В. Бруяко // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2012. № 3. «Эллинизм и иранство». С. 145–160.
- Медведев, 1999: Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.
- Мелюкова, 1964: Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д 1–4. 91 с.
- Мелюкова, 1981: Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М.: Наука, 1981. 111 с.
- Могилев, 2008: Могилев О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. 439 с.
- Монахов, 2003: Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Изд-во «Киммериды»; изд-во Саратов. ун-та, 2003. 352 с.
- Ольховский, 1991: Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии VII–III вв. до н.э. М.: Наука, 1991. 253 с.
- Онайко, 1966: Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. 1966. Вып. Д 1–27. 149 с.
- Петренко, 1967: Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. 1967. Вып. Д 1–4. 179 с.
- Петренко, Яценко, 2006: Петренко В.Г., Яценко И.В. Анна Ивановна Мелюкова // Древности скифской эпохи / Отв. ред.: В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2006. С. 10–18.
- Полидович, 1994: Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в искусстве скифского мира // РА. 1994. № 4. С. 63–78.
- Рубан, 1982: Рубан В.В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (по материалам хиосских амфор) // Материалы по хронологии археологических памятников Украины / Отв. ред. Д.Я. Телегин. Киев: Наукова думка, 1982. С. 96–113.
- Шрамко и др., 1977: Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. Киев: Наукова думка, 1977. 156 с.

В.С. Байгушева, А.А. Благущ
(г. Ростов-на-Дону)

ЛОШАДЬ *EQUUS CABALLUS* L. ИЗ КУХОННЫХ НАКОПЛЕНИЙ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА НИЖНЕГО ДОНА (раскопки 1969–1979 гг.)

Кухонные остатки характеризуются большой степенью раздробленности, связанной с использованием мяса животных в пищу. Как правило, отсутствуют целые черепа, подвержены разрушению трубчатые кости, особенно в области диафизов. Разрозненность костей разных особей не дает возможности восстановить облик животного, как это бывает при обнаружении целых скелетов. Тем не менее, серии более сохранных дистальных частей конечностей способствуют выяснению данных о субфоссильных животных. Во время раскопок Елизаветовского городища (окраина современного хут. Городище, Азовский район, Ростовская область, дельта р. Дон) под руководством И.Б. Брашинского в 1968–1979 гг. определено 60 182 кости животных, и собраны сведения о 7197 находках остатков от 180 особей лошадей из отложений IV–III вв. до н.э. Целые метаподии позволили провести сравнение этой серии с показаниями В.О. Витта (1952), В.И. Цалкина (1960, 1966, 1967), Н.Г. Тимченко (1972), Ю.Н. Спасовского (2013) и данными о лошадях из раскопок В.Г. Житникова 2001–2002 гг. на поселении Волна I (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Волна) на Таманском полуострове. В результате были суммированы сведения о степных домашних лошадях юга восточноевропейской части России.

Предел изменчивости размеров наибольшей длины 33 передних метаподий (пястная кость, *mc* III) из Елизаветовского городища практически совпадает с размерами 78 передних метаподий из поселения Волна I (эллинистическое и римское время) Таманского полуострова (табл. 1). Близкие размеры даны Ю.Н. Спасовским (2013) для крупной серии (220 экз.) передних метаподий лошадей из Ново-Лабинского грунтового могильника (конец III – начало II в. до н.э.). Другая значительная коллекция из Северного Причерноморья (105 экз.) показала больший размах изменчивости, связанной не только со значительным временным, но и территориальным диапазоном происхождения материала (Цалкин, 1960). Средние величины длины *mc* III чуть выше у лошадей Северного Причерноморья, чем у прикубанских.

Размеры пястных костей позволяют проследить их изменчивость у степных пород европейской части Евразии во времени. В средневековом Поднепровье (Тимченко, 1972) длина *mc* III несколько ниже донских и значительно меньше, чем у средневековых золотоордынских лошадей (Цалкин, 1967). Средние

данные размеров длин рассматриваемых костей у лошадей раннего железного века больше, чем у средневековых на 2–4,5 мм, что свидетельствует о смене породного состава лошадей. Сравнение длины передних метаподий Елизаветовского городища со скифскими лошадьми Пазырыка, алтайских степей и предгорий помогают восстановить соотношение скота знати и рабочих животных. Витт (1952) относит лошадей алтайских курганов к 4-м группам лошадей (I–IV). Первые (I и II) были верховыми лошадьми, конституция которых формировалась по заказу социальной элиты скифского общества под влиянием лучших условий кормления, отбора лучших экземпляров из молодняка, кастрации уже в молодом возрасте. Судя по размерам передних метаподий, среди лошадей Елизаветовского городища была часть животных, принадлежавших к этой категории – две кости I группы, пять костей II группы. Остальные пясти соответствовали III и IV группам рабочего скота.

Серия костей *mt* III из Елизаветовского городища меньше, чем *mc* III – всего 19 экземпляров. Поэтому размах изменчивости их длин незначителен (табл. 1). Средние параметры этих костей близки у всех северопричерноморских лошадей, несколько превышены у лошадей среднего Поднепровья и значительно отличаются у золотоордынских лошадей меньшими размерами.

Измерения длины метаподий позволяют приблизительно восстановить высоту в холке лошадей из Елизаветовского городища. По таблице Витта (1952) 33 экземпляра передних метаподий показали преобладание малорослых (17 экз., 51,5 %) и средних (13 экз., 39,4 %) животных от 128 см до 144 см высоты в холке. Мелкие лошади (120–128 см) представлены двумя экземплярами (6,1 %), рослые (141–152 см) – одним экземпляром (3 %). Высота в холке, вычисленная по всем трубчатым костям в близком по возрасту Новолабинском могильнике, также показывает преимущественное преобладание малорослых и среднерослых животных. Однако в кубанском памятнике малорослых было несколько меньше (46,6 %), а средних больше (52 %). Последнее указывает на общее сходство лошадей Прикубанья и Елизаветовского городища, но отличие заключается в способе захоронения остатков. В Новолабинском могильнике лошади погребались вместе с человеком и это остатки преимущественно не рабочего скота, а верховых более высокорослых животных.

Данные Цалкина по железному веку Северного Причерноморья также свидетельствуют о преобладании малорослых (47,5 %) и лошадей средних по росту (42,8 %) в различных поселениях довольно широкого временного диапазона, в отличие от Елизаветовского городища, где были встречены и крупные животные высотой 152–160 см (1,2 %). Лошадь лесостепной полосы в раннем железном веке также была малорослой и среднерослой – высотой 128–144 см (Цалкин, 1966), как и в Елизаветовском городище, в отличие от лошадей поселений более северной лесной полосы этого времени. Лошади среднего Поднепровья VIII–XIII вв. н.э. обитали в области торговых контактов и военных столкновений местного населения с кочевыми ордами (Тимченко, 1972). Это привело к вливанию в местное поголовье инородных линий. Тем не менее, 28 из 32 передних метаподий (мс III) были от животных среднего роста. В Елизаветовском городище таких особей было 39,4 %.

Высота в холке лошадей Золотой Орды (Цалкин, 1967) в среднем составляла 135,3 см, что мало отличалась от таковых Елизаветовского городища – 134,9 см. Рослые лошади у золотоордынцев полностью отсутствовали. Малорослых было 53,1 % и средних – 43,8 %, что совпадает с показаниями роста нижнедонских лошадей раннего железного века (табл. 2).

Как длина метаподий, так и высота в холке, показали сравнительное однообразие размеров лошадей степной полосы на протяжении сотен лет. Средние значения высоты в холке колеблются от 134,9 см в Елизаветовском городище до 136,7 см в Северном Причерноморье. Следовательно, в этой зоне преобладали *Equus caballus*, мало отличающиеся по росту от тарпанов *Equus gmelini* – диких обитателей степей.

Среди современных пород сходный рост имеют такие степные породы как забайкальская (134,7 см), горная-азербайджанская (136,0 см), лесная-печерская (136,0 см) и полесская (136,5 см). Высота в холке современных и переходных пород верховых, верхово-упряжных, легко-упряжных и тяжело-упряжных гораздо выше (148,1 см). Следовательно, подобные лошади в раннем железном веке не разводились.

Типологию субфоссильных пород лошадей лучше помогают восстановить также и пропорции передних метаподий, особенно процентное отношение размеров ширины кости в середине диафиза к ее наибольшей длине – индекс ширины диафиза или показатель массивности кости (табл. 3).

Сравнение материала с крупной серией (200 экземпляров) из Ново-Лабинского некрополя затруднено из-за отсутствия данных о процентном соотношении типов лошадей у последних. Указано, что индекс ширины диафиза колебался от 14,2 (тонконогих) до 18,5 (толстоногих) кубанских лошадей (Спасовский, 2013). Основная масса принадлежала средненогим животным – от 15,3 до 16,5. Средние показатели индекса ширины диафиза были 15,9. В Елизаветовском городище он был ниже – 15,0, то есть преобладали не средненогие породы, а полу-

тонконогие. В этом отличие двух одновозрастных местонахождений. В таманском памятнике Волна I индекс ширины диафиза показывает преобладание средненогих лошадей (49,3 %) над полутонконогими, как в Ново-Лабинском могильнике, что указывает на сходство условий породного содержания лошадей, в отличие от данных Цалкина (1960) для лошадей раннего железного века (табл. 3). Последние, как и лошади Елизаветовского городища, были значительно более ширококостными, чем скифские лошади Пазырыка.

В средневековом Поднепровье отмечалось большее сходство породных особенностей лошадей. Полутонконогие преобладали над средненогими, но процентное соотношение полутолстоногих значительно превышало данные по Елизаветовскому городищу.

Золотоордынские лошади (Цалкин, 1967) были преимущественно (50 %) полутонконогими, как в Елизаветовском городище, но среди них полностью отсутствовали полутолстоногие, и в 2 раза было больше тонконогих. Это свидетельствует о значительной перестройке породного состава с сохранением приспособлений к степным природным условиям.

Известно, что дикий степной южно-русский тарпан (*Equus gmelini gmelini* Antonius) имел массивные передние метаподии с индексом ширины 15,9 при небольшой их длине 207,5 мм. Для выявления участия этого дикого животного в племенном деле у елизаветинцев составлен график соотношения длины пясти к индексу ширины диафиза (рис. 1), где представлены результаты измерений как лошадей Елизаветовского городища, так и пос. Волна I, вместе

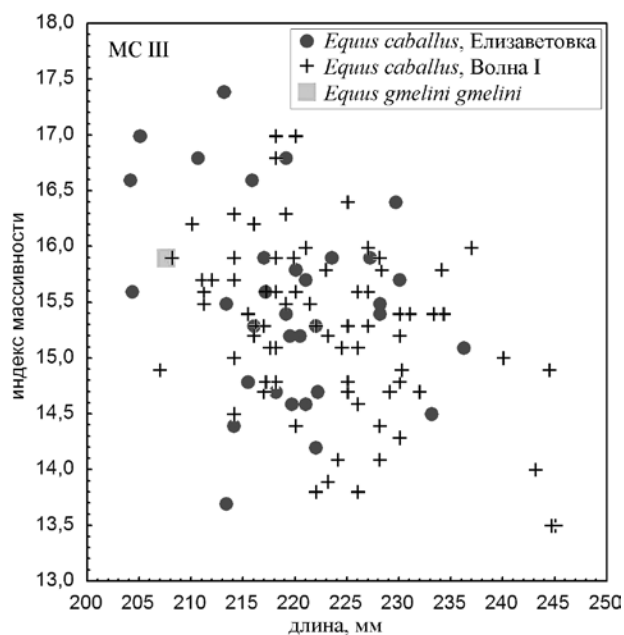

Рис. 1. Сравнение соотношений длины и массивности передних метаподий (мс III) лошадей из памятников Елизаветовка, Волна I и данными по тарпану (Громова, 1949)

Таблица 1

Сравнительные размеры наибольшей длины пястных (мс III) и плюсневых (mt III) костей лошади эпохи раннего железного века и средневековья юга Восточной Европы

Название памятника	Кол-во измерений мс III	Предел изменчивости	Средняя величина	Кол-во измерений mt III	Предел изменчивости	Средняя величина
Елизаветовское городище (IV–III вв. до н.э.)	33	204,0–235,0	219,3	19	250,0–272,0	262,8
Ново-Лабинское городище (кон. III – нач. II в. до н.э.) (Спасовский, 2013)	222	205,0–238,0	220,9	186	235,0–289,0	262,7
Волна I (кон. VI – нач. III вв. до н.э.; I–III вв. н.э.)	78	208,0–245,0	219,8			
Северное Причерноморье (ранний железный век) (Цалкин, 1960)	105	198,0–245,0	221,3	87	234,0–298,0	262,1
Среднее Поднепровье (VIII–XIII вв. н.э.) (Тимченко, 1972)	50	191,0–235,0	217,2	31	235,0–282,5	263,8
Сарай Берке (XIV в. н.э.) (Цалкин, 1967)	165	191,0–259,0	214,9	155	225,0–290,0	255,4

Таблица 2

Сравнительный рост в холке, определенный по длине мс III, по В.О. Витту (1952), в %

Типы лошадей	Елизаветовское городище	Волна I	Ново-Лабинское городище (Спасовский, 2013)	Северное Причерноморье (Цалкин, 1960)
Очень мелкая	–	1	–	–
Мелкая	6,1	1	4,3	1,7
Малорослая	51,5	47,5	41,6	47,5
Средняя	39,4	42,6	52,0	42,8
Рослая	3,0	5,9	2,1	1,2
Крупная	–	2	–	–

Таблица 3

Сравнение индекса ширины пястной кости (мс III) домашних лошадей степи Восточной Европы, в %, по Браунеру (1916)

Типы лошадей	Елизаветовское городище	Волна I	Северное Причерноморье (Цалкин, 1960)	Среднее Поднепровье (Тимченко, 1972)	Сарай Берке (Цалкин, 1967)
Крайне тонконогие (менее 13,5)	–	5,6	1,9	–	–
Тонконогие (13,6–14,5)	12,1	18,3	17,3	6,2	25,0
Полутонконогие (14,6–15,5)	42,4	24,0	50,0	41,8	50,0
Среднеюгие (15,6–16,5)	27,3	49,3	27,9	20,8	25,0
Полутолстоюгие (16,6–17,5)	18,2	2,8	1,9	27,0	–
Толстоюгие (17,6 и более)	–	–	1,0	4,2	–

с данными В.И. Громовой (1949) по тс III скелета таврического тарпана (колл. № 531, ЗИН РАН). Рассматриваемые показатели степного южно-русского тарпана находятся среди таковых у средних и мелких особей лошадей Елизаветовского городища. Наличие диких лошадей в табуне скифов дельты Дона, скорее всего, было невозможно. Содержание их было трудным и даже опасным из-за неукротимого нрава и злобы. На тарпанов охотились ради кожи и мяса. Возможно, что среди передних метаподий домашних лошадей Нижнего Дона в кухонных отбросах оказались остатки добытых на охоте особей, либо в табуне встречались полукровки, которых использовали как верховых лошадей. Они были сильными, выносливыми и быстрыми. Привнесение крови тарпана послужило образованию резвых, низкорослых «скифских» пород лошадей. Высокую оценку им дал Арриан (Цалкин, 1960): борзые и горячие фессалийские, сицилийские и пелопонесские кони не выдерживали и выбивались из сил. «А эта малорослая и шелудивая лошада сначала перегоняла их, затем оставляла далеко за собой».

Несмотря на совместное проживание в одних природных условиях вместе с домашними лошадьми степной тарпан сохранил все признаки подвида (Боголюбский, 1959). В 1768 году Самуил Георг Гмелин увидел и описал их отличие от домашних лошадей: «Грива весьма коротка и курчава, хвост короче, чем у прочих лошадей. Цветом схожи на мышей, цвет брюха пепелистый, а ноги ... с колен до копыта черны. Шерсть весьма долга и столь густа, что при осязании скорее походит на мех, чем на лошадиную шерсть. Голова чрезмерно толста... Глаза огненные. Бегают с несказанной скоростью и, по крайней мере, вдвое против домашней лошади. Ловящиеся тенетами живые тарпаны с великим трудом оставляют свою дикость... они во всем негодны к верховой езде... и, по большей части, спустя год по потере свободы, умирают». Во времена Гмелина, в конце XVIII в., тарпаны были еще многочисленны. Другой свидетель В.Д. Сухоруков в своем описании земли донских казаков (1822–1832 гг.) отмечал их толстую голову с закатистым лбом, острые копыта, курчавую шерсть (особенно на задней части). Судя по шкуре последнего шатиловского тарпана, у них был развит довольно широкий черный «ремень» по всей спине – от головы до репицы хвоста. Очевидцы вспоминают широкую грудь, прямую спину, крутые ребра, прямой зад, широкую сзади нижнюю челюсть, широкие ноздри и такой же широкий разрез глаз степных тарпанов. Размеры их были меньше культурных лошадей мелких пород. Нормальная обстановка для жизни тарпанов в южнорусских степях существовала тогда, когда они были почти совсем безлюдными. Это было сплошное море ковыля, типчака и других степных трав, с участками зарослей степных кустарников. По степи были разбросаны небольшие степные озера – «поды» – где держались тарпаны. Паслись они в степи. Зимой откапывали

из-под снега травы. Простор и безлюдье позволяли зверям при неблагоприятных условиях (засуха, степные пожары, гололедица) кочевать на широких пространствах. Жили они косяками, обычно голов 10, иногда 15, под предводительством косячного жеребца (Байгушева, 2006).

Если во времена раннего железа скифы и другие племена не занимались одомашниванием лошадей, то когда и где появились управляемые человеком кабаллоидные домашние лошади? Очевидно, человек использовал для этой цели созданных естественным отбором многотысячелетней эволюции диких лошадей. Он же приручил их при помощи искусственного отбора относительно быстро в течение десятков столетий. Появление домашних лошадей произошло задолго до скифов, во времена перехода от пастушества к кочеванию. При доместикации в неолите все прирученные животные заметно мельчали, а самые древние обнаруженные домашние лошади отличались большими размерами, чем тарпан. Соответственно, они не могли быть их родоначальниками. *Equus gmelini* ведет свое происхождение от позднеплейстоценовой мелкой лошади *Equus gallicus* Prat. Она, в отличие от крупнозубых древних домашних лошадей (Ботайская лошадь), обладала очень коротким протоконом верхних зубов, унаследованным тарпаном.

Возможным предком домашней лошади, по мнению И.Е. Кузьминой (1997), была широкопалая лошадь *Equus (Equus) latipes* Gromova. Находки ее костей известны от Прикарпатья до Иртыша со среднего плейстоцена. Голотипом ее является рh III из палеолитической стоянки Костенки-4 Воронежской области, на правом берегу Дона. Встречена она также на Нижнем Дону на стоянке охотников Каменная балка. Ареал ее со временем сокращался. Но есть свидетельства о ее существовании во время эпохи бронзы. Областью создания различных пород лошадей была обширная территория. В Восточной Европе самые древние остатки домашних лошадей р. *Equus* (настоящих лошадей, в противоположность полуослам и ослам) встречаются редко. Они известны из поселения Флорешти (Молдавия), в пос. Деревка на Среднем Днепре (Украина, VI тыс. до н.э.) и стоянки «Виловатое» в Самарской области (V–III тыс. до н.э.). Многочисленные остатки древней домашней лошади из пос. Ботай Северного Казахстана (III тыс. до н.э.) описала И.Е. Кузьмина (1997). Рост, установленный ею по основной длине черепа – 140 см, по длине пясти – 132–145 см, а по большой берцовой и плюсневой кости – 138–144 см. Среди лошадей из Ботая отсутствовали мелкие особи и преобладали среди них лошади выше среднего роста. У казахских древних домашних лошадей отсутствовали тонкие метаподии и преобладали массивные – в среднем 16,3. В Елизаветовском городище средний показатель составил 15,0. Подобные отличия отмечены на Украине и в Самарской области. По-видимому, со временем у древних домашних

лошадей появились доместикационные признаки – свешивающаяся нестоячая грива, длинная челка, оволощенный от корня хвост и разнообразная окраска шерсти различных пород и особей.

Признание боевых качеств домашних лошадей относится ко второй половине III тыс. до н.э. – времени появления боевых колесниц. Конные верховые войска отмечены позже, на рубеже II–I тыс. до н.э. Скифы уже в VI–V вв. до н.э. на Алтае разводили как рабочий скот, так и высокопородных верховых лошадей. Основная масса их остатков из Пазырыкских курганов принадлежала лошадям грубого склада рыжей масти с ростом, не превышающим 130 см в холке. Там же находились мумии высоких и тонконогих коней с высотой в холке 148–150 см (Витт, 1952). Домашние лошади Северного Причерноморья были более ширококостными и более массивными, чем скифские лошади из Пазырыка (Цалкин, 1960). Последнее также свойственно и тарпану (Громова, 1949).

Почему у скифских лошадей Нижнего Дона наблюдается значительное сходство с этим диким зверем? Обитание в одинаковых природных усло-

виях степи, естественная примесь крови тарпанов, поддерживаемая опытными коневодами, понимающими значение искусственного отбора и передачи породе лучших качеств – вот основные условия, которые способствовали сохранению основного костяка «скифских» лошадей у всех лошадей раннего железа, средневековья и даже Золотой Орды.

Лошадь в становлении человеческого общества сыграла неопределимо большую роль. Она была не только источником продуктов питания – мяса, молока, но и поставщиком кожи, волос, навоза, поделок из кости, символом силы, а прежде всего, являлась как транспортным, так и верховым животным. Исключительное значение имели тебенюющие лошади, дающие возможность зимнего питания стад рогатого скота. Но самая главная ее роль со времени одомашнивания – неперемное участие в военных действиях, в защите и в нападении. Так, не для гастрономических целей Филипп Македонский потребовал от побежденного Антея в качестве контрибуции 20 тысяч кровных скифских донских кобылиц, которых отправил в Македонию (Либеров, 1960).

Литература

- Байгушева, 2006: Байгушева В.С. Орнитофауна и териофауна Приазовья по материалам археологических раскопок // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 году. Азов, 2006. Вып. 22. С. 341–356.
- Боголюбский, 1959: Боголюбский С.Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959. 592 с.
- Витт, 1952: Витт В.О. Лошади пазырыкских курганов // Советская археология. 1952. XVI. С. 163–205.
- Громова, 1949: Громова В.И. История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете // Труды палеонтологического института АН СССР. М.; Ленинград, 1949. Т. XVII. Вып. 1. Ч. 1. 243 с.
- Красников, 1959: Красников А.С. Коневодство. М., 1959. 182 с.
- Кузьмина, 1997: Кузьмина И.Е. Лошади Северной Евразии от плейстоцена до современности // Труды ЗИН АН СССР. 1997. Т. 273. 221 с.
- Либеров, 1960: Либеров П.Д. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа (IX в. до н.э. – V в. н.э.) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 53. С. 110–164.
- Спасовский, 2013: Спасовский Ю.Н. Лошади Ново-Лабинского городища // Мат. VI междунар. Кубанской археологич. конф. Краснодар, 2013. С. 389–394.
- Тимченко, 1972: Тимченко Н.Г. К истории охоты и животноводства в Киевской Руси (Среднее Поднепровье). Киев: Наукова думка, 1972. 204 с.
- Цалкин, 1960: Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 53. С. 7–109.
- Цалкин, 1966: Цалкин В.И. Животноводство и охота племен Восточно-Европейской лесостепи в раннем железном веке // Материалы и исследования по археологии СССР. 1966. № 135. С. 3–107.
- Цалкин, 1967: Цалкин В.И. Домашние лошади Золотой Орды // Бюллетень МОИП, отд. биологич. 1967. Т. LXXII. Вып. 1. С. 114–140.

А.С. Балахванцев
(г. Москва)

БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЙ КЛЕВЕЦ ИЗ БУГУРУСЛАНА И ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ РАННЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одним из важных элементов материальной культуры ранних скифов являются биметаллические клевцы, изучение которых способно пролить свет на особенности процесса ее формирования. Мне уже приходилось касаться этой темы (Балахванцев, 2011, с. 44–49), однако после дискуссий с коллегами, привлечения ранее не использованных материалов, а также определенной переоценки прежних выводов, я решил вновь к ней вернуться.

Биметаллический клевец, о котором здесь пойдет речь, хранится в частной коллекции в г. Бугуруслане. Пользуясь случаем, я еще раз выражаю глубокую благодарность владельцу коллекции Ю.Г. Смирнову за разрешение опубликовать этот замечательный артефакт. По словам находчика, клевец обнаружен в Бугурусланском районе Оренбургской области на левом берегу реки Малый Кинель, на распаханном поле между деревней Березняки и речкой Городецкая. Клевец (*цветная вкладка*, рис. 1) состоит из слегка изогнутого железного клинка с плоским обушком и округлым бойком, который ближе к концу приобретает ромбовидную в сечении форму, а также бронзовой конической втулки. Длина лезвия – 220 мм, длина втулки – 95 мм, ее диаметр в нижней части – от 24 до 31 мм. Верхняя часть втулки увенчана скульптурной головой хищной птицы. Еще одна такая птичья головка находится под бойком. У обеих бронзовых головок – мощный длинный загнутый клюв с отчетливо выделенной восковицей, большие круглые выпуклые глаза инкрустированы железом. В нижней части втулки расположено сквозное отверстие, предназначенное для прикрепления клевца к деревянной рукояти. Клевец изготовлен тем же способом, который применялся при производстве большинства известных нам аналогичных изделий (Збруева, 1952, с. 106; Вишневская, 1973, с. 98; Членова, 1981, с. 4) и подробно описан в публикуемой здесь же статье Н.В. Ениосовой.

Бугурусланский клевец принадлежит к небольшой группе биметаллических клевцов (чеканов) с головой хищной птицы. За последние тридцать лет было предпринято несколько попыток определить зону их распространения (Kossack, 1983, Karte 3; Пиотровский, 1989, рис. 8; Подобед, 1994, с. 182; Иванчик, 2001, с. 48–49; Алексеев, 2003, с. 50–52) и связать их с миграционными процессами раннескифской эпохи. Так, Г.Н. Курочкин и А.В. Субботин полагают, что данный вид оружия появился среди тагарских племен, у которых известны бронзо-

вые чеканы с головой хищной птицы под бойком, и распространился вместе с союзниками скифов, пришедшими из Центральной Азии (Курочкин, Субботин, 1993, с. 61–62). С.Л. Дударев считает, что биметаллические клевцы происходят от более архаичных бронзовых чеканов с головой хищной птицы из Западной Сибири. Их попадание в Малую Азию он связывает с сакским этническим элементом (Дударев, 1998, с. 89). А.И. Иванчик воспринимает биметаллические клевцы в качестве дериватов бронзовых тагарских чеканов и предполагает, что их следует рассматривать в качестве одного из элементов материальной культуры киммерийцев (Иванчик, 2001, с. 49). А.Ю. Алексеев также считает, что биметаллические клевцы, восходящие к «сибирским» прототипам этого оружия, появились в Восточной Европе, на Северном Кавказе и в Малой Азии вместе с киммерийцами и скифами (Алексеев, 2003, с. 51).

Что можно заметить по данному поводу? Решению вопроса, откуда и как биметаллические клевцы с птичьей головкой распространились по просторам Евразии, должно предшествовать самое тщательное рассмотрение списка известных нам находок с упором на их датировки. Между тем, даже к наиболее полным из опубликованных на сегодняшний день спискам (Подобед, 1994, с. 182; Иванчик, 2001, с. 46–47, рис. 22; Балахванцев, 2011, с. 45–46) можно сделать определенные замечания и добавления.

Прежде всего, следует отметить одно очень важное обстоятельство методологического характера: никакая систематика, или таксономия, не может строиться на одном, хотя бы и существенном, признаке (Зельин, 1969, с. 49). Это верно не только для биологии и социологии, но и для археологии. Я полагаю, что рассматриваемая группа клевцов характеризуется двумя обязательными признаками: биметаллизм и птичья головка. Именно *пересечение* двух этих признаков первого порядка и образует множество, или класс подобных предметов. Вместе с тем, место расположения птичьих головок является уже признаком второго порядка, который может служить основой для выделения отдельных вариантов внутри данной группы. Поэтому было бы некорректным механически присоединять к ней те артефакты, которые не удовлетворяют хотя бы одному из этих условий. Именно этим объясняется то обстоятельство, что я отказался здесь от рассмотрения как бронзовых тагарских клевцов с головой хищной птицы под бойком, так и биме-

таллических клевцов из Перкальского могильника (Иванчик, 2001, рис. 22, 5), Гунделена (Иванчик, 2001, рис. 22, 6), Кичигино I (Таиров, Боталов, 2010, рис. 2, 6) и станицы Пластуновской (Пьянков, 2005, с. 282, рис. 1), у которых птичья головка отсутствует. Необходимо также еще раз напомнить, что в кургане 23 могильника Сакар-чага 6 (Яблонский, 1996, рис. 19, 16) обнаружили не втулку биметаллического чекана, а бронзовый кельт (Подобед, 1994, с. 182).

На сегодняшний день нам известны биметаллические клевцы с головкой хищной птицы из следующих пунктов:

№ 1 является случайной находкой, сделанной у д. Боровая в Нижнем Притоболье (Могильников, 1992, табл. 116, 10). Клевец датируется по аналогии с Уйгараком VII–VI вв. до н.э. (Могильников, 1992, с. 279). Однако такая датировка требует определенной корректировки. Дело в том, что, в отличие от уйгаракского экземпляра, у западносибирского птичьей головка подверглась сильнейшей схематизации и превратилась в простую петлю. Это обстоятельство, на мой взгляд, не позволяет говорить о VII в. до н.э.

№ 2 найден на городище Нум-то III в Западной Сибири и датируется серединой – второй половиной I тыс. до н.э. (Зыков и др., 1994, с. 145, № 192). Заметная стилизованность птичьей головки, увенчивающей втулку клевца, делает более предпочтительной дату конец VII – первая половина VI в. до н.э.

№ 3 обнаружен в кургане 84 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. XX, 1). По наконечникам стрел сначала датировался первой половиной VI в. до н.э. (Вишневская, 1973, с. 98) или VII–VI вв. до н.э. (Членова, 1981, с. 7). Однако позднее дата была углублена до VIII–VII вв. до н.э. (Курочкин, Субботин, 1993, с. 59). О.А. Вишневская не исключает для него ананьинского происхождения (Вишневская, 1973, с. 98).

№ 4 является случайной находкой из урочища гора Сулак возле Оренбурга (Смирнов, 1964, рис. 77, 16; Иванчик, 2001, рис. 22, 2). По предположению К.Ф. Смирнова, клевец создан ананьинским мастером (Смирнов, 1961, с. 75).

№ 5 и 6 происходят из Ананьинского могильника: первый найден в погребении G (Збруева, 1952, табл. XXII, 4; Членова, 1981, рис. 1, 1; Васильев, 2001, рис. 2, 2), а второй куплен у местных крестьян (Васильев, 2001, рис. 2, 3; Алексеев, 2003, рис. 4, 3). Кроме того, имеется информация об обнаружении еще одного биметаллического клевца в погребении 9–11 того же могильника (Збруева, 1952, с. 104; Членова, 1981, с. 5), но Ст.А. Васильев справедливо обращает внимание на то, что автор раскопок П.В. Алабин ни о чем подобном не упоминает (Васильев, 2001, с. 31). Клевцы датируются самым концом VI или началом V вв. до н.э. (Збруева, 1952, с. 106; Кузьминых, 1983, с. 140–142; Васильев, 2001, с. 36). Однако А.Ю. Алексеев, опираясь на датировку стрел из погребения С, синхронного погребению G, предложил для них дату VII в. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 52).

№ 7 был обнаружен возле села Орехово Донецкой области и отнесен вместе с остальными биметаллическими клевцами к VIII–VII вв. до н.э. (Подобед, 1994, с. 183–184).

№ 8 найден на Тамани (Мурзин, Шлайфер, 2007, рис. 2, 1). Авторы датируют его эпохой скифской архаики (Мурзин, Шлайфер, 2007, с. 111).

№ 9 является случайной находкой из Цаиши (р-н Зугдиди, Западная Грузия), сделанной в 2005 г. Клевец не опубликован. По информации грузинского археолога Р. Папуашвили, которому я хочу выразить свою глубокую благодарность, данный артефакт был обнаружен при проведении земельно-аграрных работ. Последующие раскопки выявили на этом участке могильник, состоявший из коллективных погребальных ям. Этот вид погребального обряда в Колхиде исчезает в VI в. до н.э. Наиболее близкой аналогией цаишской находке является клевец, найденный у д. Боровая. Все это вместе взятое позволяет предложить для него дату VI в. до н.э.

№ 10 происходит из района Муша к западу от озера Ван (Пиотровский, 1989, рис. 7, 8; Иванчик, 2001, рис. 22, 9).

№ 11 найден в погребении у деревни Имирлер возле Амасьи (Пиотровский, 1989, рис. 7, 7; Иванчик, 2001, рис. 22, 8). По сопутствующему материалу датируется серединой VII в. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 50).

№ 12 хранится в Археологическом музее Стамбула (Иванчик, 2001, рис. 22, 12). Точное место находки неизвестно.

№ 13 хранится в Музее Метрополитен в Нью-Йорке (Пиотровский, 1989, рис. 7, 4; Иванчик, 2001, рис. 22, 3; Алексеев, 2003, рис. 4, 10). Место находки неизвестно. Следует отметить, что у данного экземпляра имеются две птичьей головки: одна – под бойком, а другая – под обушком. Датируется второй половиной VII – началом VI в. до н.э. (Горелик, 1993, табл. XXVIII, 84) или VI–V вв. до н.э. (Фаркаш, 1992, с. 170). Первая дата представляется более верной (Алексеев, 2003, с. 51).

№ 14 хранится в Британском музее (Curtis, Kruszynski, 2002, p. 74, fig. 43, № 178; *Forgotten Empire*, 2005, p. 234, № 437, fig. 438). Место находки неизвестно. Кроме стилизованной птичьей головки под бойком имеется еще и петля под обушком. Вряд ли может датироваться ранее конца VII в. до н.э.

№ 15 хранится в Бугуруслане. Поскольку эта находка не имеет археологического контекста, то ее датировка может основываться лишь на морфологии и стиле исполнения птичьей головки. По мнению А.Р. Канторовича, которому я выражаю свою искреннюю благодарность, наиболее близкие аналогии бугурусланской птице обнаруживаются в грифонах и хищных птицах из Ананьинского могильника (Васильев, 2001, рис. 2, 4) и могильника Релка (Васильев, 2001, рис. 2, 10, 11), а также в орле из Мельгуновского кургана. На мой взгляд, принадлежность птичьей головки к скифо-сибирскому звериному стилю делает последнюю аналогию особенно

значимой. Это, а также отсутствие какой-либо схематизации, позволяет датировать бугурусланский экземпляр VII в. до н.э., возможно, первой его половиной. Завершение втулки головной хищной птицы сближает его с бронзовыми клевцами и секирами, известными у ананьинцев (Збруева, 1952, с. 134, рис. 14, табл. XXXII, 1–3), на Урале (Збруева, 1952, табл. XXII, 9) и в Западной Сибири (Зыков и др., 1994, с. 145, № 192), что может свидетельствовать о местном, камско-уральском происхождении.

Как уже отмечалось выше, некоторые исследователи пытаются возвести происхождение биметаллических клевцов с головной птицы к бронзовым тагарским чеканам, против чего в свое время активно возражала Н.Л. Членова (Членова, 1981, с. 7; Членова, 1992, с. 214; Членова, 1997, с. 15). Однако углубление даты возникновения тагарской культуры до VIII в. до н.э. (Савинов, 2011, с. 215) вызывает необходимость еще раз вернуться к этой проблеме. Признавая существование типологической связи биметаллических клевцов с бронзовыми чеканами Южной Сибири, я тем не менее считаю необходимым напомнить, что сама по себе типология не в состоянии ответить на вопрос об источнике этого влияния. Между тем, в литературе уже отмечалось, что раннетагарские памятники по отношению к другим областям «скифского мира» являлись не источником, а реципиентом (Савинов, 2011, с. 211, 213).

Немаловажным, на мой взгляд, является еще одно обстоятельство. На сегодняшний день на Саяно-Алтае и в Туве самый ранний бронзовый клевец с птичьей головкой под бойком происходит из могилы № 20 кургана Аржан-2. К.В. Чугунов синхронизирует это погребение с основным захоронением кургана – царской могилой № 5 (Чугунов, 2011, с. 282), что позволяет датировать его второй половиной VII в. до н.э. (Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, s. 171, 182; Чугунов, 2011, с. 330). Таким образом, аржанский клевец не может выступать прототипом для биметаллических клевцов из более западных районов скифо-сибирского мира, многие из которых, как было показано выше, датируются более ранним временем. Напротив, скорее можно предположить, что бронзовые чеканы с птичьей головкой под бойком появились в Южной Сибири в результате проникновения в этот регион биметаллических образцов. Но, разумеется, окончательное решение этого вопроса будет зависеть от новых находок с хорошо датированным контекстом.

Сужение ареала биметаллических клевцов с головной хищной птицы позволяет предположить, что центром возникновения и производства этого вида оружия был регион между Камой и Уралом: ведь именно отсюда происходит большинство клевцов (Ананьино, Бугуруслан, Оренбург, Боровая (?), Уйгарак), места находок которых нам известны. Дальнейшие исследования, проведение спектрального и металлографического анализа бронзовых втулок смогут дать окончательный ответ на вопрос: какие именно мастера создали эти изделия.

Но кто в таком случае являлся заказчиком биметаллических клевцов? Кто принес их в Северное Причерноморье и Малую Азию? Начнем со среднеазиатской версии. Действительно, саки тиграхауда, жившие к востоку от Каспия, совершали походы в северо-западный Иран еще до образования Мидийской державы. О реальности этих рейдов свидетельствует костяное навершие с арамейской надписью из могильника Сакар-чага 3 в Южном Приаралье, относящегося к концу VIII–VII вв. до н.э. (Яблонский, 1996, с. 52, рис. 5). Поскольку во второй половине VIII в. до н.э. восточная граница сферы использования арамейского языка находилась в Западной Мидии и Манне (Lemaire, 1998, p. 15–30; Балахванцев, 2012, с. 358–361), то саки тиграхауда должны были, как минимум, доходить до гор Загроса и озера Урмия. Однако предположение С.Л. Дударева о проникновении их еще дальше на запад, в Малую Азию не находит опоры в источниках.

Гораздо более основательной выглядит позиция А.И. Иванчика, увязавшего находки клевцов в Малой Азии с присутствием там киммерийцев. Но, в таком случае, вполне закономерно возникает вопрос: можно ли связать с последними биметаллические клевцы, происходящие с территории Южного Урала или Приаралья, где киммерийцев не знает ни один источник (ср.: Скаков, Эрлих, 2005, с. 202)? Мне представляется, что распространение биметаллических клевцов с головной хищной птицы в западной части евразийских степей поначалу было связано с продвижением не киммерийцев, а скифов. Если данное предположение подтвердится, то находки биметаллических клевцов в Южном Приуралье следует рассматривать как следы присутствия в этих районах ранних скифов (Балахванцев, 2012, с. 354). Лишь после прихода последних на Северный Кавказ и в Причерноморье данный тип оружия был заимствован киммерийцами и, подобно «скифским» наконечникам стрел, перестал быть этническим маркером.

Литература

Алексеев, 2003: Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV в. до н.э. СПб., 2003.

Балахванцев, 2011: Балахванцев А.С. Биметаллический клевец из Бугуруслана и некоторые проблемы раннескифской истории // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. V. М., 2011.

Балахванцев, 2012: Балахванцев А.С. Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2.

- Балахванцев, 2013: Балахванцев А.С. К вопросу о времени и обстоятельствах появления скифов в Юго-Восточной Европе // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., 2013.
- Васильев, 2001: Васильев Ст.А. Ананьинские зооморфные чеканы: оружие или символ? // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки. СПб., 2001. № 1.
- Вишневская, 1973: Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М., 1973.
- Горелик, 1993: Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие – IV в. до н.э. М., 1993.
- Дударев, 1998: Дударев С.Л. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // ВДИ. 1998. № 4.
- Збруева, 1952: Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. М., 1952. № 30.
- Зельин, 1969: Зельин К.К. Принципы морфологической классификации форм зависимости // К.К. Зельин, М.К. Трофимова. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969.
- Зыков и др., 1994: Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994.
- Иванчик, 2001: Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М., 2001.
- Кузьминых, 1983: Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983.
- Курочкин, Субботин, 1993: Курочкин Г.Н., Субботин А.В. Боевые чеканы (клевецы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения) // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993. Ч. II.
- Могильников, 1992: Могильников В.А. Ранний железный век лесостепи Западной Сибири // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Мурзін, Шлайфер, 2007: Мурзін В.Ю., Шлайфер В.Г. Ще раз про скифські сокири-скіпетри // Ранній залізний вік Європи. Київ: Чигирин, 2007.
- Скаков, Эрлих, 2005: Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. О хронологии киммерийских и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.
- Смирнов, 1961: Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. М., 1961. № 101.
- Смирнов, 1964: Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.
- Пиотровский, 1989: Пиотровский Б.Б. Скифы и Урарту // ВДИ. 1989. № 4.
- Подобед, 1994: Подобед В.А. К вопросу о биметаллических чеканах // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Тирасполь, 1994.
- Подобед, Ключнев, 1993: Подобед В.А., Ключнев М.Н. Биметаллический чекан // Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. Донецк, 1993.
- Пьянков, 2005: Пьянков А.В. Биметаллический чекан из окрестностей ст. Пластуновской (Краснодарский край) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2005. Вып. 5.
- Савинов, 2011: Савинов Д.Г. Проблема хронологии и периодизации тагарской культуры в историческом контексте // Terra Scythica. Новосибирск, 2011.
- Таиров, Боталов, 2010: Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребения сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010.
- Фаркаш, 1992: Фаркаш Э. М.И. Ростовцев и скифское искусство // ВДИ. 1992. № 3.
- Членова, 1981: Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.
- Членова, 1992: Членова Н.Л. Тагарская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Членова, 1997: Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997.
- Чугунов, 2011: Чугунов К.В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // РАЕ. 2011. № 1.
- Яблонский, 1996: Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. М., 1996.
- Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010: Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010.
- Curtis, Kruszynski, 2002: Curtis J.E., Kruszynski M. Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum. L., 2002.
- Forgotten Empire. The world of Ancient Persia / Curtis J.E., Tallis N. (eds.). L., 2005.
- Kossack, 1983: Kossack G. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des Skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // BAVA. 1983. Bd. 5.
- Lemaire, 1998: Lemaire A. Une inscription araméenne du VIIIe siècle av. J.-C. trouvée à Bukân (Azerbaïdjan iranien) // Studia Iranica. 1998. T. 27.

Н.В. Ениосова
(г. Москва)

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ А.С. БАЛАХВАНЦЕВА

1. Методика исследования. Биметаллический клевец исследован на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. С помощью визуального осмотра и оптического микроскопа (Zeiss Stemi) с увеличением от 10 до 500 раз получены данные о технике его изготовления.

Химический состав медного сплава был исследован неразрушающим рентгенофлюоресцентным методом на приборе ArtTAX (Röntgenanalysen-Technik) с молибденовой трубкой и полупроводниковым детектором. Измерения проводились для каждого образца в течение 180 секунд при электрическом напряжении в 50 kV и силе тока в 700 μ A. Измерительная часть прибора снабжена видеокамерой, фиксирующей изображения анализируемого предмета площадью 6x4 мм. Исследованию подвергалась поверхность площадью 0,2 мм (диаметр коллиматора). Положение образца по отношению к рентгеновскому излучению фиксировалось с помощью лазерного луча (*цветная вкладка*, рис. 2). Результаты измерений представлены в виде рентгеновских спектров, специальная программа позволяет идентифицировать пики, соответствующие химическим элементам сплава; количественный анализ проведен на основе калибровки спектров с помощью эталонного сплава. РФА при всех неоспоримых преимуществах также не является универсальным методом анализа: его чувствительность (до 0,01 %) недостаточна для определения некоторых микропримесей; он исследует поверхностный слой и по этой причине недостаточно представительен для образцов, подвергнутых воздействию коррозии (Смекалова, Дюков, 2001, с. 159).

2. Реконструкция способа изготовления. Клевец – комбинированное биметаллическое изделие. Корпус топора откован из железа, бронзовая втулка с фигурными изображениями прилита к железной части орудия. Высота втулки составляет – 9,5 см, диаметр втулки овальной формы – 3x2,4 см, толщина стенок – 1 мм. Втулка – полое изображение хищной птицы с двумя головами – получена литьем по выплавляемой объемной восковой модели в оболочковую утрачиваемую форму. Восковая модель, толщина которой соответствовала толщине втулки, крепилась к готовой железной части клевца. Вероятно, модель состояла из двух частей – втулки, сформованной вокруг деревянной или глиняной усечено-конической болванки овального сечения с острыми боковыми гранями, и закрепленного на железном лезвии монолитного куска воска, из которого вырезаны птичьи

головы. На них хорошо видны жесткие и прерывистые линии орнамента с отчетливыми следами резца (*цветная вкладка*, рис. 3). Вероятно, в формовочный воск добавляли песок или другое вещество для придания модели твердости.

В обеих восковых птичьих головках были просверлены глазницы, а в полученные отверстия вставлены железные штыри. Об этом свидетельствуют затеки бронзы на поверхности железа: после отливки мастеру пришлось удалять тонкую пленку бронзы, закрывавшую глазницы (см. *цветная вкладка*, рис. 4).

Обе части модели вместе с деревянным или глиняным сердечником, железным корпусом клевца и железными штырями в глазницах соединялись вместе с помощью нагрева воска, поверхность полученной модели выравнивалась и заглаживалась. Из воска была изготовлена литниковая система, вероятнее всего, это была литниковая чаша, крепившаяся к макушке птичьей головки. Следующий этап изготовления – формовка оболочки, при которой вся модель и литниковая система с помощью кисти и других приспособлений была покрыта жидкой мелкодисперсной суспензией, состоящей из разбавленной водой глины, мелкого песка, измельченного древесного угля или сажи. Смесь наносили слоями, просушивая каждый из них. Последний слой из плотной глины и песка был самым грубым и мощным: для массивной модели требовалась прочная оболочка (Флеров, 2001, с. 278–279). Форму сначала сушили на воздухе несколько часов, затем подвергали обжигу, в результате вытапливался воск. Деревянный сердечник полый втулки, вероятно, оставался в форме и удерживался с помощью металлических или деревянных штырьков, крепившихся в отверстиях в нижней части втулки. Деревянная модель полностью или частично выжигалась в процессе заливки металла, поступавшего через литниковую чашу, ее остатки легко удалялись после извлечения отливки из формы. Восковая модель и полученная отливка отличаются высоким качеством; они выполнены умелым мастером, который подобрал наиболее подходящий сплав для изготовления биметаллического изделия. Понятно, что металл, используемый для отливки втулки, должен был иметь более низкую температуру плавления, чем железо. В то же время для создания диффузионного слоя между металлами требовалась достаточно высокая температура. Исследование поверхности втулки с помощью РФА показало, что она отлита из

высокооловянной бронзы с относительно низким содержанием свинца (*цветная вкладка*, рис. 5).

Как показали исследования И.Г. Равич, для литья может использоваться бронза с любым содержанием олова и свинца. Бронзы, содержащие 20 % олова и выше, имеют низкую температуру плавления – 700–800 °С, чрезвычайно хрупки и не обрабатываются холодной ковкой. Свинец существенно влияет на способность сплава заполнять полость формы (Равич, 1983, с. 138–140).

Изделия с высокой концентрацией олова могут иметь серебристую поверхность, хотя, возможно, первоначально они были золотистыми: в бронзах с высоким содержанием олова количество этого элемента в поверхностных слоях возрастает вследствие коррозионных процессов. В отличие от олова свинец не влияет на цвет отливки (Meeks, 1986, p. 133–162; Chase, 1994, p. 91). В высокооловянных сплавах в процессе литья на поверхности изделий возникает серебристый слой толщиной в 180 микрон – «оловянный выпот». Он образуется при литье высокооловянной бронзы в глиняную форму и в некоторых случаях может содержать вдвое больше олова, чем глубинные слои металла, достигая 40–60 % (*цветная вкладка*, рис. 6).

Коррозионные процессы также способствуют удалению меди из поверхностных слоев и обогащению оловом (Meeks, 1986, p. 148–149). Таким образом, рентгенофлуоресцентный анализ, не показывая нам истинного содержания этого элемента в сплаве, позволяет заключить, что перед отливкой в тигле плавилась бронза с высоким содержанием олова (более 20 %). Для точной оценки первоначального состава сплава необходим металлографический анализ поперечного среза изделия. В металле втулки зафиксирована также микропримесь – висмут, попавший в бронзу из рудного источника вместе с медью или свинцом. В поверхностном слое обнаружена небольшая примесь железа, всегда присутствующего в продуктах коррозии меди и ее сплавов. Тройной сплав Cu-Sn-Pb, согласно исследованиям Т.Б. Барцевой, характерен для скифских бронз. Обычно содержание олова в металле не превышает 8–10 %. Однако в бронзах Северного Кавказа присутствует значительное

количество находок с более высоким содержанием олова (20 % и более). Высокооловянную бронзу использовали для литья украшений конской сбруи и предметов вооружения, например, стрел (Барцева, 1981, рис. 12; Равич и др., 2009, с. 198–199).

Таким образом, литейщик выбрал материал для втулки, исходя из физических и эстетических свойств высокооловянной бронзы. Вероятно, он пытался дополнить светлую поверхность железа серебристой бронзой. Не исключено также, что мастер добивался полихромного эффекта: при окислении на воздухе железо и бронза быстро меняли цвет: корпус клева темнел, а втулка становилась зеленой. Высокооловянная бронза из-за относительно низкой температуры плавления не могла повредить железную часть биметаллического предмета. Кроме того, сплав обладал минимальной усадкой при литье; олово повышало твердость сплава и уменьшало его усадочную пористость. В результате после удаления литейной формы извлекали плотную отливку с гладкой поверхностью. Из-за хрупкости высокооловянной бронзы успешное изготовление изделия целиком зависело от мастерства литейщика. Пороки отливки невозможно исправить механической обработкой из-за опасности повреждения готовой втулки. Следует отметить, однако, что металл с высоким содержанием олова прекрасно поддается полировке. На поверхности втулки мы видим многочисленные следы интенсивной абразивной обработки изделия (*цветная вкладка*, рис. 7). К сожалению, у меня нет данных о том, как выглядел клевец в момент обнаружения. Наличие свежих царапин, повреждений и разнонаправленных следов зачистки создают впечатление современного удаления продуктов коррозии с помощью наждака, тонких напильников и других приспособлений (*цветная вкладка*, рис. 8). Остатки археологической патины в глубоких складках рельефа изображения свидетельствуют в пользу того, что поверхность бронзовой втулки была покрыта полностью или локально довольно плотными бугристыми продуктами коррозии меди и железа (*цветная вкладка*, рис. 9, 10). Они были практически полностью удалены, что лишает возможности судить о финальной стадии обработки клева.

Литература

- Барцева, 1981: Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981.
- Равич, 1983: Равич И.Г. Эталонные микроструктуры оловянной бронзы // *Художественное наследие*. М., 1983. № 8 (3).
- Равич и др., 2009: Равич И.Г., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Производственная культура населения юго-восточной периферии Боспорского государства (черный и цветной металлы) // *Abra Antiqua. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау*. М., 2009.
- Флеров, 2001: Флеров А.В. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М., 2001.
- Chase, 1994: Chase W.T. Chinese Bronzes: Casting, Finishing, Patination and Corrosion // *Ancient and Historic metals. Conservation and scientific research*. The J. Getty Conservation Institute. 1994.
- Meeks, 1986: Meeks N. Tin-rich surfaces on bronze – some experimental and archaeological consideration // *Archaeometry*. 1986. Vol. 28 (2).
- Meeks, 1993: Meeks N. Patination phenomena on Roman and Chinese high-tin bronze mirrors and other artefacts // *Metal plating and patination. Cultural, Technical and Historical Developments*. L., 1993.

С.И. Безуглов, В.П. Глебов
(г. Ростов-на-Дону)

РАННЕСАРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ДВУМЯ МЕЧАМИ ИЗ МОГИЛЬНИКА СУХО-ДЮДЕРЕВСКИЙ II

Могильник Сухо-Дюдеревский II располагался на краю второй надпойменной террасы правого берега р. Дон в 1,6 км к СЗ от ст. Богдавленской (Константиновский район Ростовской области), представлял собой цепочку насыпей, вытянутую по линии запад-восток. Могильник исследовался в 1986 г. экспедицией Археологической лаборатории РГУ под руководством В.Г. Житникова¹.

Интересующий нас курган 1 (современные размеры: высота 0,52 м, диаметр 17 м) был насыпан в эпоху средней бронзы, содержал 12 разновременных погребений и два ровика, достоверная связь которых с каким-либо из захоронений не устанавливается. Позднейшими в кургане являются сарматские погребения 9 и 12, впущенные в центр насыпи и, видимо, составляющие пару.

Погребение 9 (яма с заплечиками, ориентированная ССВ – ЮЮЗ, глубина от вершины кургана – 2,79 м) было ограблено в древности, кости погребенного и остатки инвентаря находились в заполнении могилы: фрагменты клинка железного меча, 19 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, обломок черешка железного ножа, фрагменты одного или двух железных колец, а также кости передней ноги овцы с лопаткой.

Погребение 12 (рис. 1, 1), находившееся приблизительно в 1 м к востоку от погребения 9, избежало ограбления. Могильная яма была ориентирована в направлении ССВ – ЮЮЗ, глубина – 2,96 м от вершины кургана. Вдоль западной стенки ямы, на высоте 0,80 м от дна сохранился уступ-заплекчик со следами деревянных плах перекрытия. Вдоль восточной стенки уступ не был прослежен, т.к. здесь яма попала на заполнение камеры более древнего погребения 11, относящегося к эпохе средней бронзы. У дна могила имела четкие прямоугольные очертания (0,80×1,96 м).

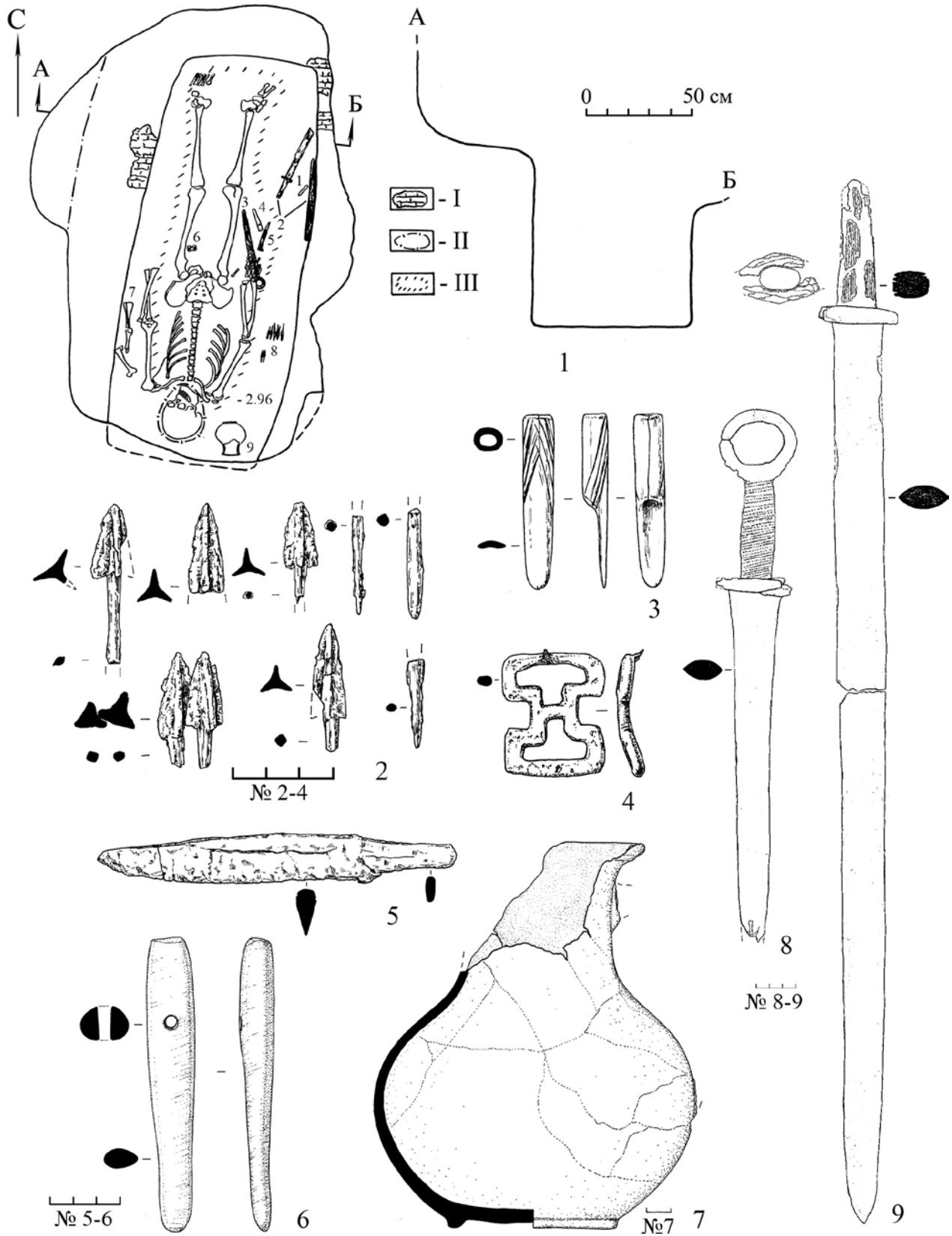
На дне могилы находился скелет взрослого человека, лежавший вытянуто на спине, черепом к ЮЮЗ. Череп погребенного был повернут влево, руки несколько отведены от туловища, ноги слегка разведены в стопах. Под костями был прослежен тонкий слой коричневого органического тлена, под черепом – слой темно-коричневого тлена. Между западной стенкой ямы и левой рукой погребенного были найдены кости овцы – передняя нога с лопаткой.

– В юго-восточном углу ямы, справа от черепа погребенного лежал на боку небольшой *кружаль-*

ный красноглиняный кувшин на кольцевом поддоне (рис. 1, 7). Горло частично фрагментировано, ручка отбита в древности. Высота сосуда – 15,3 см, диаметр тулова – 13 см.

- Между локтем правой руки и восточной стенкой ямы находились *железные трехлопастные черешковые наконечники стрел* (рис. 1, 2) – 15 шт., черешков не менее 26 шт. Два наконечника, лежавшие несколько южнее основной массы, были направлены остриями на север, остальные – остриями на юг. Ещё 4 наконечника и 8 обломков черешков были найдены в заполнении ЮВ части могилы. Общая длина сохранившихся наконечников – 4,3–5,5 см, длина черешков – до 4,3 см.
- Вдоль правого бедра погребенного, чуть наискось (рукоятью от костяка) был положен *короткий меч с прямым перекрестьем и кольцевым навершием* (рис. 1, 8). Кисть погребенного располагалась поверх рукояти, перекрестья и верхней части клинка. На поверхности рукояти сохранились следы поперечной обмотки – очевидно, узким кожаными ремешком. Общая длина меча – 39,7 см.
- Рядом с клинком короткого меча, несколько восточнее его, располагался железный *черешковый нож* со слегка изогнутой спинкой (рис. 1, 5). Общая длина ножа – 14,7 см.
- Там же, к северу от ножа находился небольшой, сильно сработанный каменный *оселок* (рис. 1, 6). Длина оселка – 12 см.
- В верхней трети левой бедренной кости с внутренней стороны была найдена *литая бронзовая пряжка восьмерковидной формы с неподвижным язычком* (рис. 1, 4). Размеры пряжки: 3,5×2,9 см.
- У восточной стенки ямы, на уровне правого колена и голени погребенного под углом друг к другу лежали два фрагмента *длинного меча без навершия с прямым, ромбическим в сечении перекрестьем* (рис. 1, 9). Клинок был сломан пополам в древности и уже в разломанном виде положен в могилу. На клинке сохранились остатки ножен – древесный тлен и плотное белое вещество. Общая длина меча – 0,79 м.
- Между половинками длинного меча был найден *костяной наконечник ремня* (рис. 1, 3), вырезанный из фрагмента трубчатой кости. Поверхность отполирована, украшена четырьмя парами врезных линий, сходящимися под острым углом. Длина наконечника – 4,9 см.

¹ Авторы статьи выражают благодарность В.Г. Житникову за разрешение публикации материала.

Рис. 1. Погребение 12 кургана 1 могильника Сухо-Дюдеревский II: 1 – план и разрез погребения (1 – костяной наконечник ремня, 2 – длинный меч, 3 – короткий меч, 4 – оселок, 5 – нож, 6 – пряжка, 7 – кости овцы, 8 – наконечники стрел, 9 – кувшин, I – древесный тлен, II – темно-коричневый тлен, III – коричневый тлен); 2 – железные наконечники стрел; 3 – костяной наконечник ремня; 4 – бронзовая пряжка; 5 – железный нож; 6 – каменный оселок; 7 – красноглиняный кувшин; 8-9 – железные мечи

Атрибуция и хронология. Культурный контекст

Сочетание признаков обряда и облик инвентаря погребения не оставляют сомнений в его принадлежности к кругу раннесарматских памятников донского бассейна. Погребения, впущенные парами или небольшими группами (иногда с упорядоченным – рядным или кольцевым расположением могил) в более древние курганы, являются отличительной чертой погребальной обрядности именно раннесарматской культуры (Скрипкин, 1990, с. 184; 2006, с. 6–7; Сергацков, 2006, с. 41; Глебов, 2011, с. 34).

Нет никаких сомнений в том, что курганы эпохи бронзы, протянувшиеся по низкой террасе вдоль правобережной поймы Дона, активно использовались в качестве места погребений в раннесарматское время – совершенно такое же (ограбленное) погребение в яме с заплечиками было обнаружено в расположенном рядом кургане 2. Многолетние исследования курганов в расположенной рядом т.н. Богоявленской пойме выявили достаточно многочисленные погребальные памятники кочевников последних веков до н.э. Это, безусловно, свидетельствует о плотном культурно-хозяйственном освоении пойменной части донского правобережья в раннесарматскую эпоху.

Хронологическая позиция рассматриваемого погребения (как и большинства донских раннесарматских памятников) достаточно расплывчата. Найденный здесь красноглиняный кувшинчик с высоким подцилиндрическим горлом и туловом шаровидной формы на кольцевом поддоне – типичный образец массовой причерноморской посуды, как считается, боспорского производства. Сосуд близок кувшинам типа 3 по классификации Н.Ф. Шевченко, которые появляются у сарматов во 2-й половине II в. до н.э. и бытуют на протяжении I в. до н.э. (Шевченко, 1993, с. 33–34). Примечательно, что наш кувшинчик попал в погребение после длительного использования, в поврежденном состоянии.

Одна из наиболее выразительных в хронологическом отношении вещей, обнаруженных в погребении – бронзовая пряжка восьмерковидных очертаний с неподвижным язычком. Контур пряжки геометризован, все переходы линий выполнены в виде прямых углов. Этим пряжка из Сухо-Дюдеревского отличается от классических восьмерковидных пряжек раннесарматской культуры со скругленным абрисом колец. Время наибольшего распространения восьмерковидных пряжек у сарматов приходится на III–II вв. до н.э., позже начинают преобладать кольцевые пряжки (Мошкова, 1960, с. 297; Глебов, 2005, с. 37). Эпизодически восьмерковидные пряжки встречаются и на заключительном этапе раннесарматской культуры (Глебов, Гордин, 2006, с. 211).

Вполне соответствуют эпохальной принадлежности комплекса короткий меч с кольцевым навершием и наконечники стрел удлинённых пропорций

с черешками средней длины. Массовое распространение в сарматской среде мечей с кольцевым навершием в последнее время относится ко времени не ранее II в. до н.э. (Скрипкин, 2005, с. 181–183).

Таким образом, наиболее вероятной датой рассматриваемого комплекса можно считать какую-то часть II, может быть, и ранний I в. до н.э.

Комплект вооружения. Специальный интерес в нашем сюжете представляет сочетание, ансамбль предметов вооружения. Экипировка воина, погребенного в кургане 1, состояло из лука (его присутствие обозначено наличием значительного количества стрел), короткого меча (или кинжала) с кольцевым навершием и длинного меча с железным перекрестьем. Эта комбинация выделяется на фоне абсолютного господства воинской экипировки, предполагающей наличие лишь одного – короткого клинка (имеющего, по большей части, перекрестье и кольцевое или серповидное навершие), часто вместе со стрелами (Скрипкин, 1997, с. 185; Глебов, 2007, с. 97). Несмотря на многократное увеличение степного археологического материала в конце XX – начале XXI вв., длинные клинки в курганных сарматских погребениях II в. до н.э. – I в. н.э. остаются редкостью.

В последние годы в литературе прочно утвердилось мнение о восточных истоках традиции использования сарматами II в. до н.э. – I в. н.э. длинных клинков с металлическим перекрестьем. В развернутом виде эта точка зрения была сформулирована А.С. Скрипкиным. По его мнению, древнейшими прототипами длинных сарматских мечей были образцы китайского клинкового оружия (Скрипкин, 2000, с. 18). Промежуточным, посредническим культурно-историческим звеном между ханьским Китаем и сарматами степей юга и востока России был мир кочевых обитателей степей, речных долин и оазисов Средней Азии (Скрипкин, 2000, с. 22). Эта концепция ныне поддерживается большинством исследователей сарматского археологического феномена (Гуцалов, 2007, с. 15; Клепиков, 2007, с. 57; Сергацков, 2007, с. 62–63). В некоторых случаях можно предполагать наличие в кочевнических погребениях сарматской степи и Средней Азии собственно китайских по происхождению клинков (Васильев, 2005, с. 98–100; Гуцалов, Марыксин, 2011, с. 202–204). Важно отметить, что именно с ранними длинными сарматскими клинками связаны редкие находки портупейных скоб, крепившихся к ножнам (Ильюков, Власкин, 1992, с. 93–94, рис. 24, 8, 10; Мамонтов, 1994, с. 172–173, рис. 4, 4–5; Клепиков, 2007, с. 56, рис. 3, 10). Так носили большие мечи на огромных просторах Азии – от Средиземного моря до Тихого океана.

Раннесарматских погребений, содержащих обе разновидности клинков (короткий и длинный), известно относительно немного (Скрипкин, 2000, с. 20). Общеизвестно, что комплект из длинного и короткого клинков в сочетании с луком более

всего адаптирован для всаднической воинской культуры. Эта структура экипировки, спорадически появившаяся еще в раннесарматскую эпоху, стала безраздельно господствовать в позднесарматской культуре II–III вв. н.э. Таким образом, редкие раннесарматские всадники, похороненные вместе со своими наборами клинкового оружия, стали непосредственными предшественниками военного искусства милитаризованного позднесарматского общества. Это обстоятельство позволяет считать комплекты ранне- и среднесармат-

ского оружия, сочетающие длинные и короткие клинки, социальным индикатором, выделяющим содержащие их погребения, прежде всего, по месту в военном деле. Наличие (или отсутствие) материальных ценностей, предметов роскоши и социального престижа имеет иную смысловую нагрузку. Основным отличительным признаком этой общности было не богатство (его нет в рассматриваемом комплексе), а позиция в воинской иерархии, предполагающая особый тип вооружения и особый вид ведения боя.

Литература

- Васильев, 2005:* Васильев В.Н. Об одном редком типе мечей Южного Приуралья и Юго-Западного Приаралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе, 2005.
- Глебов, Гордин, 2006:* Глебов В.П., Гордин И.А. Раннесарматские погребения могильника Пирожок // ИАИАИАНД в 2004 г. Вып. 21. Азов, 2006.
- Глебов, 2005:* Глебов В.П. О некоторых проблемах хронологии раннесарматской культуры Нижнего Подонья // НАВ. 2005. Вып. 7.
- Глебов, 2007:* Глебов В.П. Вооружение и военное дело кочевников Нижнего Подонья раннесарматского времени // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология: Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007.
- Глебов, 2011:* Глебов В.П. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: Материалы VII Международной научной конференции. Ростов н/Д, 2011.
- Гуцалов, 2007:* Гуцалов С.Ю. Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э. // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология: Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007.
- Гуцалов, Марыксин, 2011:* Гуцалов С.Ю., Марыксин Д.В. Погребения из Западного Казахстана (к вопросу о связях древних кочевников Южного Приуралья с населением Центральной Азии) // ВДИ. 2011. № 3.
- Ильюков, Власкин, 1992:* Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов н/Д, 1992.
- Клепиков, 2007:* Клепиков В.М. Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология: Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007.
- Мамонтов, 1994:* Мамонтов В.И. Погребение знатного воина из кургана у пос. Первомайский // Донские древности. Азов, 1994.
- Мошкова, 1960:* Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. 1960. № 78.
- Сергацков, 2006:* Сергацков И.В. Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблема соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград, 2006.
- Сергацков, 2007:* Сергацков И.В. Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология: Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007.
- Скрипкин, 1990:* Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990.
- Скрипкин, 1997:* Скрипкин А.С. Анализ сарматских памятников III–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М., 1997. Вып. 2.
- Скрипкин, 2000:* Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. 2000. Вып. 3.
- Скрипкин, 2005:* Скрипкин А.С. Сарматские мечи с кольцевидным навершием // II Городцовские чтения: Материалы научной конференции. М., 2005.
- Скрипкин, 2006:* Скрипкин А.С. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблема соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград, 2006.
- Шевченко, 1993:* Шевченко Н.Ф. Некоторые аспекты боспоро-сарматских отношений в Восточном Приазовье (III в. до н.э. – II в. н.э.) // Музейный вестник. Краснодар, 1993. Вып. 1.

С.В. Воронятов
(г. Санкт-Петербург)

О ТЕРРИТОРИИ СРАЖЕНИЯ ГОТОВ СО СПАЛАМИ В «GETICA» ИОРДАНА

Случаи достоверной локализации мест сражений древних племен или армий античных государств, описанных или всего лишь упомянутых греческими или римскими авторами, достаточно редки. Можно вспомнить об успешном определении в середине XIX в. Э. Стоффелем места сражения племени гелветов с римскими легионами Юлия Цезаря в 58 г. до н.э. около гальского города Бибракте (Биркхан, 2007, с. 211). Или получивший в последние десятилетия широкую известность случай спорной локализации в 1980-е гг. места битвы ряда германских племен с римскими легионами в Тевтобургском лесу в 9 г. н.э. (Moosbauer, Wilbers-Rost, 2009, s. 56–67; Rost, 2009, s. 68–76). Большинству же описанных в письменных источниках военных столкновений найти отражение в археологическом материале конкретных территорий и памятников достаточно затруднительно. Ещё в большей степени это касается полуполюгендарных событий древности. Одно из них – состоявшееся в процессе продвижения готов во II в. н.э. на юг в «крайнюю часть Скифии» сражение готов со спалами, которое счел необходимым упомянуть в своем труде готский историк Иордан (Iord. Get., 28).

Итак, процитируем актуальный отрывок текста «Getica»: «Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления приходят они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы» (Iord. Get., 28).

Если этноним «готы» в данной цитате не нуждается в комментариях, то не столь распространенный в источниках этноним *spali* следует пояснить. Реальность существования в первые века н.э. этноса с таким названием документирована свидетельством Плиния Старшего, зафиксировавшего одноименный этнос у Танаиса (Дона) около 50–70 гг. н.э.: *Spalaei* (спалеи) (Plin. HN, VI, 7). Отрывок, в котором упоминаются *Spalaei*, исходя из контекста, можно перевести двояко: «Танаис протекает через [земли] сатархеев, ... (перечень неизвестных племен)... спалеев» или «Танаис же перешли сатархеи... (перечень племен)... спалеи»¹ (Plin. HN, VI, 7). Нам представляется более вероятным второй вариант. Но в любом случае впервые упомянутые Плинием в «Historia Naturalis» (окончена в 77 г. н.э.) *Spalaei*

относятся к числу небольших подразделений тех алано-сарматских этносов, которые, по данным того же Плиния и других авторов, начиная с 50-х гг. н.э. переселяются от Танаиса и Меотиды в степи и лесостепи между Днепром и Нижним Дунаем (Мачинский, 1974, с. 130, 132; Мачинский, Тиханова, 1976, с. 80; Šćukin, 1993, p. 325).

Из принятого исследователями определения этнонима *Spalaei* и отождествления его с этнонимом *spali* в тексте Иордана, мы делаем вывод о том, что готам пришлось сразиться с кочевниками алано-сарматами. На какой территории это могло произойти и можно ли найти археологические свидетельства этого столкновения? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Территория соприкосновения германского мира с алано-сарматским уже во второй половине I в. н.э. фигурирует в «Germania» Тацита. Историк сообщает, что Германия отделена от сарматов «обойднoй боязнью» (Tac. Germ., I), что предполагает наличие столкновений со степным миром, одним из мест которых мог быть юг лесной зоны, в верхнем Поднестровье, где присутствие и сарматов и германцев зафиксировано археологически (Мачинский, 1976, с. 85, 91; 2012, с. 76; Мачинский, Тиханова, 1976, с. 67, 71; Щукин, 1994, с. 243).

Значимость говорящей характеристики пограничной с сарматами территории как «зоны взаимного страха» явствует не только из этого емкого определения, но и из сведений Тацита об особой воинственной этногруппе на восточной границе германского мира (Мачинский, 2012, с. 79, 80): «А теперь о гарях: превосходя силою перечисленных только что племена и свирепые от природы, они с помощью всевозможных ухищрений и используя темноту, добиваются того, что кажутся ещё более дикими: щиты у них черные, тела раскрашены: для сражений они избирают непроглядно темные ночи и мрачным обликом своего как бы призрачного и замогильного войска вселяют во врагов такой ужас, что никто не может вынести это невиданное и словно уводящее в преисподнюю зрелище; ведь во всех сражениях глаза побеждают первыми» (Tac. Germ., XLIII, пер. А.С. Бобовича).

Приведенные свидетельства говорят о том, что уже за несколько десятилетий до движения готов на юг северо-западная граница алано-сарматского мира была той территорией, на которой периодически могли происходить военные столкновения гер-

¹ Благодарим В.Т. Мусбахoву за консультацию.

манцев с номадами. И вторжение готов в степную зону не могло быть исключительным случаем их беспрепятственного прохождения в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем.

Коротко рассмотрим сарматские памятники, которые могли иметь отношение к столкновениям с германцами во второй половине I в. н.э. и позже с готами при их движении на юг. Самой северо-западной группой сарматских памятников, которая культурно и хронологически выглядит как единое целое, следует считать богатые захоронения алано-сарматской знати (середина I в. н.э. – первая четверть II в. н.э.) в междуречье Южного Буга и Днестра (рис. 1): Гордеевка, Пороги, Севериновка, Грушка и Мокра (Гросу, 1986, с. 258–261; Загоруйко, Прилипко, 1989, с. 17, 18; Симоненко, Лобай, 1991; Berezanskaja, Kokowski, 1997/1998, s. 9–28; Кашуба и др., 2001–2002, с. 195, 196, 200–213; Simonenko, 2008, s. 78–79, taf. 127–130).

Южнее к этой группе примыкают также богатые захоронения у сел Казаклия и Олонешты в Южной Молдавии (Мелюкова, 1962, с. 195–208; Агульников, Бублич, 1999, с. 10–15; Курчатова, Бублич, 2003, с. 285–315) и ещё южнее – погребение в Михайловке, двойное захоронение у с. Козырка близ Ольвии

(Simonenko, 2004, s. 199–227) и два погребения в низовьях Южного Буга (рис. 1), на его правом берегу – курган Весняное (Simonenko, 1997, s. 389–407) и «Соколова могила» у с. Ковалёвка (Ковпаненко, 1986). Они были совершены в интервале от середины I в. н.э. до середины II в. н.э.

Перечисленные богатые погребения знати, вероятно, являются отражением могущественного алано-сарматского объединения, условно называемого в литературе «царством Фарзоя – Инисмея», созданного в середине I в. н.э. Его северные и западные границы фиксируют не только погребальные памятники и находки монет с тамгой царя Фарзоя, но и стелы с алано-сарматскими знаками (рис. 1): у сел Тетчаны, Корпач и Тараклия в Молдавии и около деревни Задрость на Тернопольщине (Соломоник, 1959, с. 77; Драчук, 1967, с. 243, 244; 1972, с. 106; Гросу, 1979, с. 250–253; рис. 3, 3; Агульников, Курчатова, 2008, с. 31–34).

Те из перечисленных погребений, которые были совершены во второй половине I в. н.э., вероятно, были синхронны тем столкновениям германцев и алано-сарматов, которые стали причиной появления зоны обоюдного страха между двумя культурными мирами. Памятники, оставленные в первой

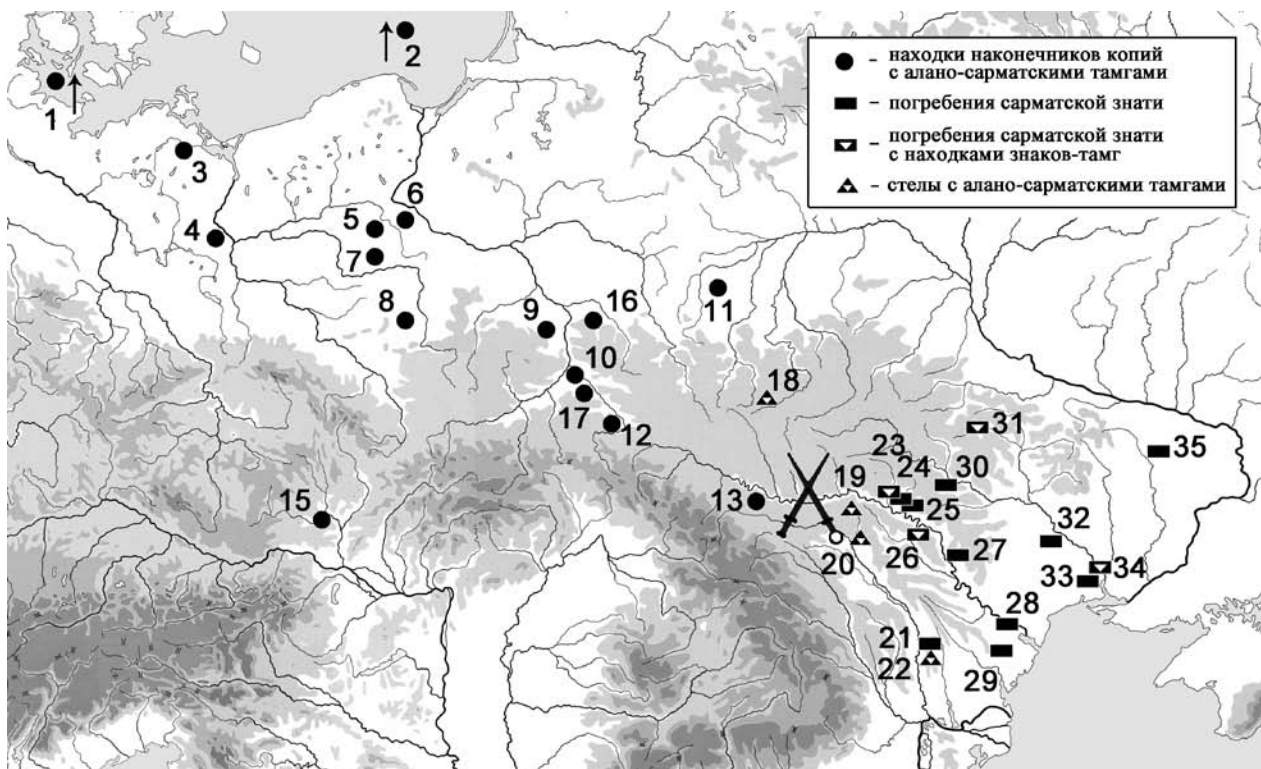

Рис. 1. Карта памятников.

Находки наконечников копий: 1 – Валле (Норвегия), 2 – Мос (о. Готланд, Швеция), 3 – Медов, 4 – Мюнхенберг Дамсдорф, 5 – Янково, 6 – Бодзаново, 7 – Вржесня, 8 – Задовице, 9 – Стрыцовицы, 10 – Розвадув, 11 – Сушично, 12 – Каменица, 13 – Недобоевицы, 15 – Мушов, 16 – Подлэдув, 17 – Гач.

Стелы с алано-сарматскими знаками: 18 – Задрость, 19 – Тетчаны, 20 – Корпач, 21 – Казаклия.

Погребения алано-сарматской знати: 22 – Тараклия, 23 – Пороги, 24 – Писаревка, 25 – Севериновка, 26 – Грушка, 27 – Мокра, 28 – Олонешты, 29 – Михайловка, 30 – Гордеевка, 31 – Баштечки, 32 – Соколова Могила, 33 – Весняное, 34 – Козырка, 35 – Камова Могила

половине II в. н.э., могут иметь отношения к тем кочевникам, сведения о которых нашли отражение в виде этнонима *spali* в «Getica» Иордана. Эта возможность подтверждается обнаружением одного из самых ранних готских трупосожжений в поле потревоженного, но не разграбленного алано-сарматского кургана № 2 у с. Мокра (Щербакова, Кашуба, 1993; Кашуба и др., 2001–2002, с. 200–213). Хронология обоих погребений говорит о том, что период, прошедший с момента совершения сарматского погребения до момента совершения готского, мог быть непродолжительным, и ритуальное разрушение основного сарматского погребения могли устроить именно готы после победы над сарматами-спалами (Воронятов, 2011, с. 26).

Кроме вельбаркского трупосожжения в алано-сарматском кургане у с. Мокра существует серия артефактов, также отражающих взаимодействие германского и сарматского миров в первые века н.э. Речь идет о германских наконечниках копий периода B2-C1a (70–210/220 гг. н.э.), на которых посредством инкрустации серебром изображены разнообразные символы, среди которых часто встречаются алано-сарматские знаки-тамги (рис. 2, 3).

Единственной гипотезой об обстоятельствах, при которых алано-сарматские тамги попали к носителям пшеворской культуры – вандалам письменных источников, до недавнего времени было предположение о союзнических контактах I–II вв. н.э. (Šćukin, 1993, p. 326; Шукин, 1994, с. 230; Dobrzańska, 2001, p. 102, 111, 112; Яценко, Добжаньска, 2012, с. 280, 281). В 2010 г. впервые в печати была изложена гипотеза о том, что алано-сарматские тамги появляются на германских наконечниках копий в качестве трофеев в результате военных столкновений. Гипотеза базировалась на выяснении значения для германцев изображений на таких семиотически статусных предметах, как наконечники копий, и их сравнении со штандартами и знаменами. Конкретным военным столкновением, после которого тамги появляются на наконечниках копий, было определено сражение готов со спалами, упомянутое в «Getica» Иордана. Территория, где произошло столкновение, локализована в лесостепи или на севере степной зоны Поднестровья (Воронятов, Мачинский, 2010, с. 65–73). Именно на этой территории восточная часть ареала германских наконечников копий с алано-сарматскими знаками соприкасается с ареалом собственно кочевнических погребальных памятников (рис. 1), содержащих материал с тамгами (Шукин и др., 2011, с. 258, карта 3). Также именно на этой территории ареал вельбаркской культуры накладывается на ареал алано-сарматских памятников I – первой пол. II вв. н.э. (Воронятов, Мачинский, 2010, с. 67–69).

Изложенная гипотеза не осталась без внимания и была подвергнута критике в рамках рецензии, написанной А.В. Мاستыковой на сборник «Germania-Sarmatia II» (Мастыкова, 2012, с. 171–176). Поскольку

я по-прежнему считаю нашу гипотезу наиболее аргументированной из существующих, ответу на критику оппонента. Замечу, что по сравнению с положениями, высказанными в статье 2010 г., гипотеза на сегодняшний момент претерпела изменения лишь в следующем: мы допускаем, что часть алано-сарматских тамг попала к германцам в результате военных столкновений ещё до миграции готов. Подавляющее же большинство сарматских знаков, по нашему мнению, оказалась на германских наконечниках именно после сражения готов со спалами в лесостепном Поднестровье во II в. н.э.

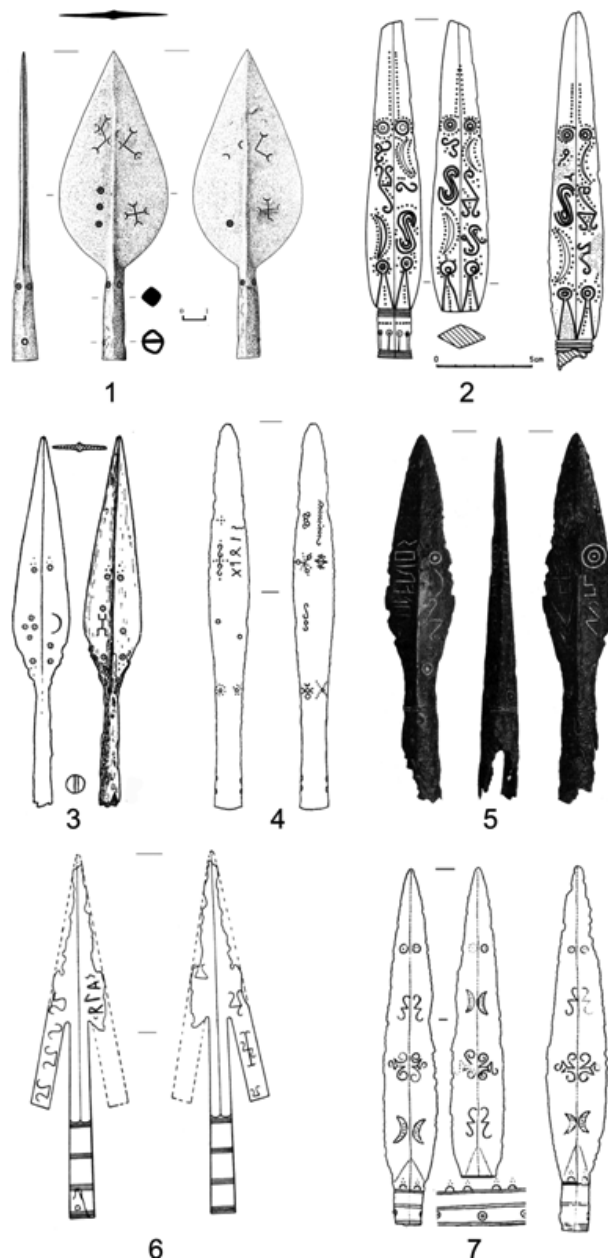

Рис. 2. Германские наконечники копий с алано-сарматскими тамгами или знаками, похожими на них. 1 – Мушов; 2 – Каменица; 3 – Бодзаново; 4 – Мос (Норвегия); 5 – Сушично; 6 – Розвадув; 7 – Стрыцовицы (изображения по: Śmieszko, 1936; Zielonka, 1958; Thunmark, 1970; Kokowski, 1994; Droberjar, Pečka, 2002; Wandalowie, 2004; Лейс, 2008)

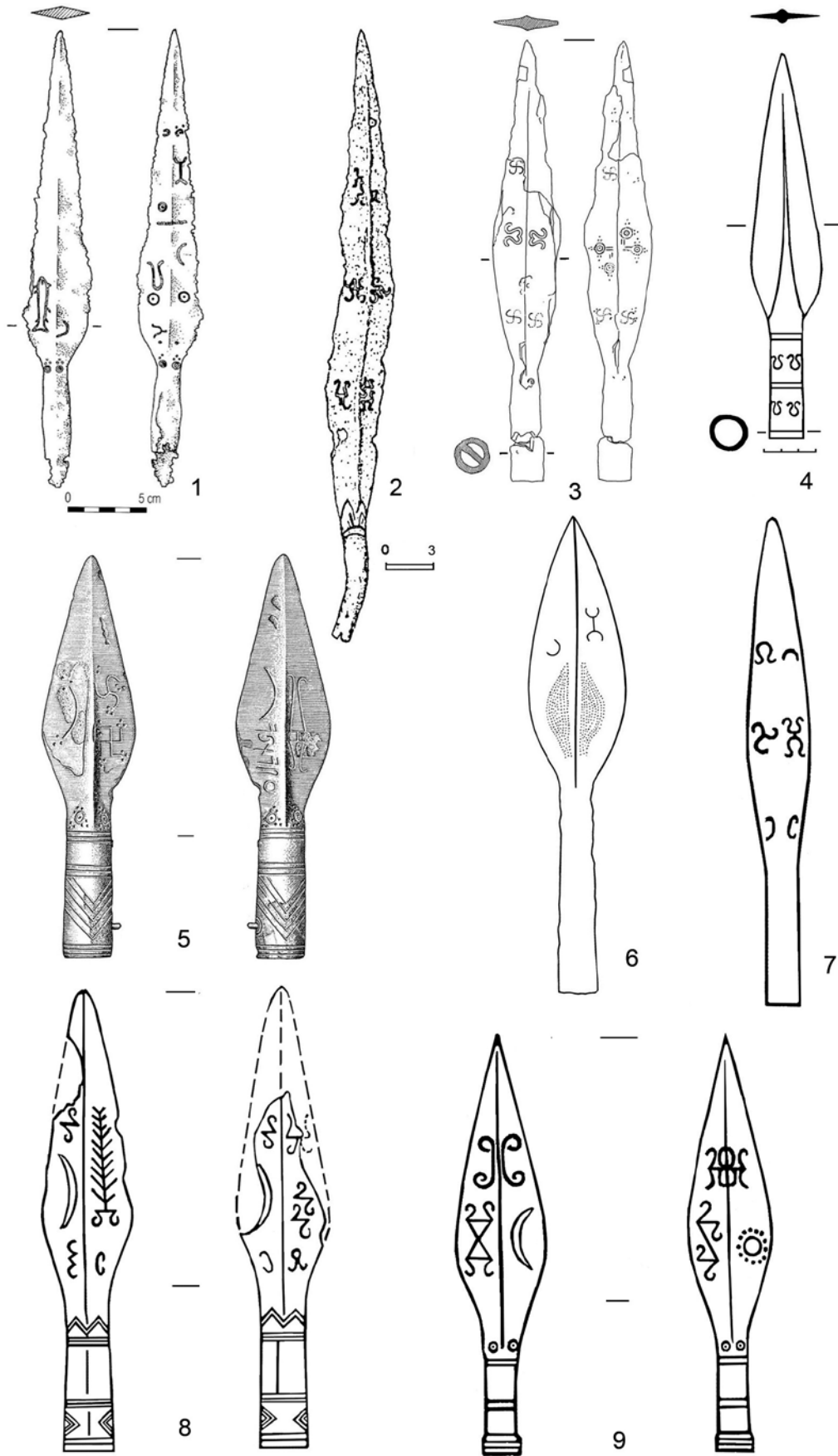

Рис. 3. Германские наконечники копий с алано-сарматскими тамгами или знаками, похожими на них.
 1 – Гач, 2 – Подлѣдув, 3 – Медов, 4 – Недобоевицы, 5 – Мюнхенберг-Дамсдорф, 6 – Валле, 7 – Задовице, 8 – Янково,
 9 – Вржесня (изображения по: Herteig, 1955; Schoknecht, 1971; Leube, 1975; Nachmann, 1993; Kontny, 2004;
 Яценко, Добжаньска, 2012)

Итак, в чём же заключается несогласие А.В. Мастыковой с нашей гипотезой? Первый вопрос оппонента сформулирован следующим образом: «Почему копья с тамгами слабо представлены в ареале вельбаркской и черняховской культур, соотносимых с готами (две находки), зато хорошо известны у германцев пшеворской культуры, Нижнего Одера и Скандинавии (11 находок), не имевших никакого отношения к победам готов?» (Мастыкова, 2012, с. 174).

Причастность германцев пшеворской культуры, то есть вандалов, к победам готов мы оговорили в своей работе, приведя следующие сведения Иордана, касающиеся действий готов на территории Польского Поморья: «Тогда же они (готы – С.В.) подчинили их соседей вандалов, присоединив их к своим победам» (Iord. Get., 26). Данные сведения, на наш взгляд, подразумевают дальнейшее переплетение исторических судеб готов и вандалов, что превосходно демонстрируют археологические данные (Воронятов, Мачинский, 2010, с. 62). Кроме того, можно привести этнографические данные Тацита об участии молодых германцев в чужих войнах, которые могут убедительно объяснить участие вандалов в готских военных столкновениях: «Если община, в которой они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну...» (Tac. Germ., XIV, пер. А.С. Бобовича).

Что касается ощутимой разницы между количеством находок наконечников копий с алано-сарматскими тамгами в ареалах пшеворской, вельбаркской и черняховской культур, то этот вопрос осветил в своей работе Р. Хахманн ещё в 1993 г. Исследователь акцентировал внимание на особенности готского погребального обряда, не подразумевавшего помещение в могилу оружия (Nachmann, 1993, s. 384, 385). В нашей статье мы не стали останавливаться на вещах, которые мы посчитали общеизвестными, но поскольку вопрос о малом количестве находок наконечников в вельбаркском и черняховском ареале всё же возник, то я остановлюсь на нём подробнее и приведу статистические сведения о находках оружия в погребениях черняховской культуры. На сегодняшний момент из 7000 исследованных черняховских погребений (ингумации и кремации) меньше одного процента могил содержат предметы вооружения (Радюш, 2012, с. 38). Процент именно наконечников копий в погребениях ещё меньше: по наблюдениям О.А. Радюша – всего десять наконечников.

Та же особенность погребального обряда присуща вельбаркской культуре. Случайные обстоятельства находок двух наконечников копий с сарматскими тамгами в её ареале свидетельствуют о том, что готы, так же, как и вандалы, использовали копья

с сарматскими тамгами на наконечниках (Nachmann, 1993, s. 384). Но в пшеворской культуре, благодаря особенностям обряда, они попали в погребения, а в вельбаркской и черняховской культурах находки наконечников могут быть либо только случайными, либо с минимальной вероятностью в погребальном контексте.

Второе критическое замечание А.В. Мастыковой заключается в том, что мы некорректно переносим этноним *Spalaei* с Дона, где его фиксирует Плиний Старший, «куда-то на запад, ближе к готам» (Мастыкова, 2012, с. 174).

С данным замечанием я не могу согласиться, поскольку считаю, что оппонент утрирует наше изложение. Во-первых, один из вариантов перевода текста Плиния звучит следующим образом: «Танаис же перешли сатархеи... (перечень племен)... спалеи»¹ (Plin. HN., VI. 7). То есть сообщается о движении спалов, и движение, вероятнее всего, было с востока на запад. Другие письменные источники также сообщают о передвижении в 50-е гг. н.э. сарматских племен от Танаиса и Меотиды в степи и лесостепи между Днепром и Нижним Дунаем (Мачинский, 1974, с. 130, 132).

Во-вторых, рассматриваемая миграция кочевников надёжно подтверждена археологическими источниками. В середине I в. н.э. в Поднепровье появляются алано-сарматские памятники так называемой «восточной волны» (Симоненко, 2000, с. 136–138). В это же время в Северо-Западном Причерноморье монетной чеканкой заявляет о себе алано-сарматское «царство Фарзоя», наследники которого в итоге, вероятно, стали препятствием на пути готов во II в. н.э.

В-третьих, как показал анализ знаков-тамг на германских наконечниках копий, они, прежде всего, связаны с двумя регионами – Западной Украиной и Нижним Доном (Яценко, Добжаньска, 2012, с. 279), что является свидетельством связи кочевников двух регионов и также отражает их миграцию середины I в. н.э. с востока на запад, от Дона в район Южного Буга и Днестра.

Критика А.В. Мастыковой заканчивается предположением о том, что готы атаковали донских сарматов из днепровской степи (Мастыкова, 2012, с. 174). Данная аморфная гипотеза представляется мне неправдоподобной, поскольку игнорирует огромную западную часть ареала сарматской культуры, не считаясь с которой готам на своем пути было невозможно.

Сумма приведенных фактов и замечаний показывает, что наше предположение о миграции спалеев и других племен Плиния в Южнобужско-Днестровский регион выглядит не «дополнительной гипотезой» (Мастыкова, 2012, с. 174), а является логически выстроенным исследованием, базирую-

¹ Данный вариант перевода используется и другими авторами (Пуздровский, 1999, с. 211).

щимся на фундированных археологических работах и сведениях письменных источников.

Что же касается предпочтения А.В. Мاستыковой более логичного, на её взгляд, «предположения М.Б. Шукина о том, что германцы заимствовали сарматский престижный знак своих союзников в эпоху Маркоманских войн» (Мастыкова, 2012, с. 174), то следует констатировать, что рецензент ошибочно поняла позицию М.Б. Шукина относительно обстоятельств попадания сарматских тамг к германцам.

Внимание М.Б. Шукина к германским наконечникам копий было обусловлено, прежде всего, его интересом к личности царя Фарзоя и всему тому, что с ним связано: тамга его клана, монеты с тамгой и их ареал, роль царя Фарзоя в истории похода Плавтия Сильвана и т.д. (Шукин, 1982, с. 35–37). Соответственно, наконечники копий с тамгой царя Фарзоя не могли ускользнуть от внимания М.Б. Шукина, и исследователь связал появление именно этой тамги у германцев с событиями середины I в. н.э. на территории Венгрии и Словакии, описанными Тацитом (Тас. Ann., XII, 29). Речь идет об участии языгов в войне квадского царя Ванния (Шукин, 1994, с. 222, 230). Несмотря на то, что исследователь знал, что большая часть находок наконечников копий с тамгами датируется периодом C1a (160/180–210/220 гг. н.э.), ни в одной своей работе, в которой фигурирует сюжет с германскими наконечниками копий с тамгами, М.Б. Шукин не делал предположения о том, что тамги попали к германцам при обстоятельствах Маркоманских войн (Ščukin, 1993, p. 326, fig. 3; 2000, p. 349; 2006, p. 19, fig. 4, 2–8; Shshukin, 1994, p. 486–488; Шукин, 1994, с. 222, 230; 2004, с. 458; 2005, с. 72, 73; 2011, с. 169–173).

Гипотеза М.Б. Шукина о языгах и заимствовании у них тамг германцами на сегодняшний момент не может считаться актуальной. В конце 80-х и в 90-е гг. XX в. она была вполне приемлемой, но после обстоятельных исследований С.А. Яценко выяснилось, что знаки-тамги бытовали у ограниченного круга сарматских племен, в число которых языги не входят. Знаки-тамги не встречаются в материалах памятников, которые соотносятся с языгами.

Итак, подводя итог, обозначу основные доказательные положения гипотезы о локализации территории сражения готов со спалами в лесостепи или на севере степной зоны Поднестровья.

1. Уже в I в. н.э. территория лесостепной зоны Поднестровья была юго-восточным рубежом зоны «взаимного страха», которая разделяла германский и сарматские миры. Именно в этой области могли происходить первые контакты и столкновения вандалов и алано-сарматов.

2. На территории степного Поднестровья обнаружено одно из самых ранних вельбаркских погребений II в. н.э. – трупосожжение в поле алано-сарматского кургана № 2 у с. Мокра (рис. 1).

Уникальный случай сочетания готского и алано-сарматского комплексов в одном погребальном сооружении является отражением столкновения двух миров и маркером начала смены этнополитической обстановки в огромном регионе. Кочевнические погребальные комплексы, совершенные после первой четверти I в. н.э. на севере степной зоны Поднестровья, на сегодняшний день не известны, и это является показателем заката эпохи «царства Фарзоя – Инисмея» в Северо-Западном Причерноморье.

3. Территория степного Поднестровья является не только зоной, где ареалы вельбаркской и средне-сарматской культур накладываются друг на друга, но и областью, где ареал находок германских наконечников копий пшеворской и вельбаркской культур с алано-сарматскими тамгами соприкасается с ареалом кочевнических памятников с тамгами (рис. 1). Данная ситуация, отраженная картографически, прозрачно демонстрирует возможность участия готов и вандалов в столкновении с алано-сарматами, которые могли под именем спалеев увековечиться в «Getica» Иордана.

4. Появление алано-сарматских тамг на германских наконечниках копий стоит связывать с военными столкновениями вандалов и сарматов уже во второй пол. I в. н.э., и с конкретным столкновением готов и спалов во II в. н.э. в Поднестровье, по нескольким причинам. Семантическая нагрузка копья, несомненно, тесно связана с семантикой штандарта и знамени. В европейской военной истории известны случаи заимствования геральдических символов победителями у побежденных в качестве трофеев (Воронятов, Мачинский, 2010, с. 65, 66, 69–72; Воронятов, 2012, с. 422).

Как показал анализ знаков-тамг на наконечниках копий, одной из территорий, где им нашлось большинство прямых аналогий, является Западная Украина (Яценко, Добжаньска, 2012, с. 279), то есть памятники «царства Фарзоя – Инисмея» второй пол. I – первой четверти II в. н.э. Хронология бытования рассматриваемых знаков у кочевников и их выпадение из живой культуры у германцев показывает, что некоторые из пшеворских погребений совершались через некоторое время после военных столкновений второй пол. I в. н.э., уже в период B2 (70–170 гг. н.э.). Больше число пшеворских погребений с наконечниками копий с тамгами совершается уже после середины II в. н.э., вероятно, после сражения готов со спалами. В начале периода C1a (160–180 гг. н.э.) воины-вандалы могли возвращаться в родные края, и в течение этого же периода C1a (160/180–210/220 гг. н.э.) уходили из жизни, унося с собой свое славное оружие. По моему мнению, именно такая хронологическая схема может объяснить, как знаки-тамги, бытовавшие у кочевников во второй половине I – начале II в. н.э., выпадают из живой культуры германцев во II – начале III в. н.э.

Литература

- Агульников, Бублич, 1999: Агульников С.М., Бублич В.Г. Сарматский курган I в. н.э. у с. Казаклия // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999. С. 10–15.
- Агульников, Курчатова, 2008: Агульников С., Курчатова С. «Загадочные» знаки на каменных плитах из окрестностей Тараклии // Sesiunea Științifică. Chișinău, 2008. С. 31–34.
- Биркхан, 2007: Биркхан Г. Кельты: история и культура. М.: Аграф, 2007. 512 с.
- Воронятов, 2011: Воронятов С.В. Погребения сарматской знати в междуречье Южного Буга и Днестра // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов н/Д, 2011. С. 25–28.
- Воронятов, 2012: Воронятов С.В. Алано-сарматские мотивы в инвентаре «королевского» погребения поздне римского времени около Мушова в Южной Моравии // Золото, конь и человек. Киев: КНТ, 2012. С. 417–431.
- Воронятов, Мачинский, 2010: Воронятов С.В., Мачинский Д.А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Germania-Sarmatia II. Калининград; Курск, 2010. С. 57–77.
- Гросу, 1979: Гросу В.И. Сарматский курган у с. Корпач // СА. 1979. № 2. С. 250–255.
- Драчук, 1972: Драчук В.С. Новые антропоморфные стелы с единичными сарматскими тамгами // КСИА. 1972. 130. С. 105–111.
- Драчук, 1976: Драчук В.С. Стела со знаками из Теребовельщины // СА. 1976. № 2. С. 243–244.
- Загоруйко, Прилипко, 1989: Загоруйко В.Т., Прилипко В.П. Поховання знатної сарматки з кургану біля села Северинівки Ямпільського району // Тези доповідей сьомої Вінницької обласної краєзнавчої конференції. Вінниця, 1989. С. 17–18.
- Кашуба и др., 2001–2002: Кашуба М.Т., Курчатова С.И., Щербакова Т.А. Кочевники на западной границе великой степи (по материалам курганов у с. Мокра) // На окраинах античного мира. Stratum plus. 2001–2002. № 4. С. 180–252.
- Ковпаненко, 1986: Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1986. 149 с.
- Курчатова, Бублич, 2003: Курчатова С., Бублич В. «Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты» – 40 лет спустя // Взаимодействие культур и хронология Северо-понтского региона. Кишинёв, 2003. С. 285–312.
- Леус, 2008: Леус П.М. К истории копья из Ковеля // РА. 2008. № 4. С. 125–127.
- Мастыкова, 2012: Мастыкова А.В. Рец. GERMANIA-SARMATIA II: Сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М.Б. Шукина / Ред. О.А. Щеглова, М.М. Казанский, В. Новаковский. Сост. О.А. Радюш, К.Н. Скворцов. Калининград; Курск: Калининградский областной историко-художественный музей, Курский государственный областной музей археологии, 2010. 403 с., ил. // РА. 2012. № 3. С. 171–176.
- Мачинский, 1974: Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ. 1974. № 16. С. 122–132.
- Мачинский, 1976: Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян в I–IV вв. // АСГЭ. 1976. № 17. С. 82–100.
- Мачинский, 2012: Мачинский Д.А. О прародине славян в I–V вв. и об этносоциуме русь/рос в IX в. (чрезвычайно развернутый комментарий к некоторым сообщениям «Баварского географа») // Истоки славянства и Руси. X чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2012. С. 25–165.
- Мачинский, Тиханова, 1976: Мачинский Д.А., Тиханова М.А. О местах обитания и направлениях движений славян I–VII вв. н.э. (по письменным и археологическим источникам) // ААС. 1976. XVI. С. 59–94.
- Мелюкова, 1962: Мелюкова А.И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. 1962. № 1. С. 195–208.
- Пуздровский, 1999: Пуздровский А.Е. Этническая история Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // ХС. 1999. X. С. 208–225.
- Радюш, 2012: Радюш О.А. Развитие вооружения лесостепных культур Восточной Европы в предримское и римское время на основании археологических источников // Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ. М., 2012. С. 36–39.
- Симоненко, 2000: Симоненко А.В. Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье // НАВ. 2000. Вып. 3. С. 133–144.
- Симоненко, Лобай, 1991: Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев: Наукова думка, 1991. 109 с.
- Соломоник, 1959: Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: АН УССР, 1959. 179 с.
- Щербакова, Кашуба, 1993: Щербакова Т.А., Кашуба М.Т. Сармато-аланские древности (Курганные захоронения близ с. Мокра). Тирасполь: Центр археологических исследований, 1993. 30 с.
- Шукин, 1982: Шукин М.Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. 1982. XLVII. С. 35–38.
- Шукин, 1994: Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб.: Фарн, 1994. 323 с.
- Шукин, 2004: Шукин М.Б. Умбон из кургана «Садовый» под Новочеркасском // Археолог: детектив и мыслитель. The Archaeologist: Detective and Thinker. Сборник статей, посвященных 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 445–463.
- Шукин, 2005: Шукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.
- Шукин, 2011: Шукин М.Б. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения) // Европейская Сарматия и Херсонес. Stratum plus. 2011. № 4. С. 167–178.
- Шукин и др., 2011: Шукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В. Готский путь, плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия. XIV чтения памяти Анны Мачинской / Отв. ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 246–291.

- Яценко, Добжаньска, 2012: Яценко С.А., Добжаньска Г. Германские парадные копья II–III вв. н.э. с сарматскими знаками // Евразия в скифо-сарматское время. Тр. ГИМ. 2012. Вып. 191. С. 275–282.
- Berezanskaja, Kokowski, 1997/1998: Berezanskaja Z.S., Kokowski A. Sarmacka księżniczka z miejscowości Gordeevka na Ukrainie // Annales Universitatis Marie Curie-Skłodowska. Sectio F. Lublin, 1997/1998. Vol. LII/LIII. S. 9–28.
- Dobrzańska, 2001: Dobrzańska H. Contacts between Sarmatians and the Przeworsk Culture community // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1–5th centuries A.D. Proceedings of the international conference held in 1999 in Aszód – Nyiregyháza. Aszód; Nyiregyháza, 2001. P. 101–115.
- Droberjar, Peška, 2002: Droberjar E., Peška J. Die Waffen // Peška J., Tejral J. Das germanische Königsgrab von Mušov in Mähren (RGZM Monographien, Bd. 55, Teil 1). Mainz, 2002. S. 97–125.
- Hachmann, 1993: Hachmann R. Verzierte Lanzespitzen der Jüngerer Kaiserzeit. Die Vor- und Frühgeschichte und die Runeninschriften im älteren Fuþark // Kulturen zwischen Ost und West; das Ost-West-Verhältnis in Vor- und Frühgeschichtlicher Zeit und sein Einfluss auf Werden und Wandel des Kulturraum. Berlin, 1993. S. 327–422.
- Herteig, 1955: Herteig A.E. Bidrag til jernalderens busetningshistorie på Toten. Oslo, 1955. 189 s.
- Kokowski, 1994: Kokowski A. Problemy badania dziejów kultury przeworskiej // Kultura przeworska. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1994. S. 15–36.
- Kontny, 2004: Kontny B. Uzbrojenie kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich I początkach okresu wędrówek ludów // Wandalowie. Strażnicy bursztynowego szlaku. Katalog wystawy. Lublin; Warszawa, 2004. S. 143–161.
- Leube, 1975: Leube A. Die römische Kaiserzeit im Oder-Spreep-Gebiet // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. Berlin, 1975. Bd. 9. 220 s.
- Moosbauer, Wielbers-Rost, 2009: Moosbauer G., Wielbers-Rost S. Kalkriese und Varusschlacht. Multidisziplinäre Forschungen zu einem militärischen Konflikt // 2000 Jahre Varusschlacht Konflikt. Stuttgart, 2009. S. 56–67.
- Rost, 2009: Rost A. Das Schlachtfeld von Kalkriese. Eine archäologische Quelle für die Konfliktforschung // 2000 Jahre Varusschlacht Konflikt. Stuttgart, 2009. S. 68–76.
- Schoknecht, 1971: Schoknecht U. Eine verzierte Lanzen Spitze von Medov, Kr. Anklam // Ausgrabungen und Funde. Band 16. Heft 4. 1971. S. 194–200.
- Simonenko, 1997: Simonenko A.V. Eine sarmatische Bestattung vom Südlichen Bug // EA. 1997. Band 3. S. 389–407.
- Simonenko, 2004: Simonenko A.V. Eine sarmatische Bestattung mit Tamga-Zeichen im Gebiet Olbias // EA. 2004. Band 10. S. 199–277.
- Simonenko, 2008: Simonenko A.V. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A., Marčenko I.I. und Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Archäologie in Eurasien. Mainz, 2008. Band 25. 264 s.
- Ščukin, 1993: Ščukin M.B. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germanis à l'époque romain d'après l'armement et spécialement les *umbo* de boucliers et les lances // L'armée romaine et les Barbares du III-e au VII-csiècle. Saint-Germain-en-Laye, 1993. P. 323–333.
- Shshukin, 1994: Shshukin M. Shields, swords and spears as evidence of Germanic-Sarmatian contacts and Barbarian-Roman relations // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlicher Jahrhunderten. Marburger Kolloquium 1994. Lublin; Marburg, 1994. P. 485–495.
- Ščukin, 2000: Ščukin M. Three ways of the contacts between the Baltic and the Black Sea littorals in the Roman Period // Die spätrömische Keiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000. P. 345–363.
- Ščukin, 2006: Ščukin M. La tempête sur la Sarmatie // Ščukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et a époque des Grandes Migrations. Oxford. (BAR. International Series. № 1535). 2006. 483 p.
- Śmiszko, 1936: Śmiszko M. Grot dziryty z runicznym napisem z Rozwadowa nad Sanem // WA. 1936. XIV. S. 140–148.
- Thunmark, 1970: Thunmark L. Spjutspetsen från Mos i ny belysning // Fornvännen. 1970. Årgång 65. S. 231–235.
- Wandalowie, 2004: Wandalowie. Strażnicy bursztynowego szlaku. Katalog wystawy. Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin; Warszawa, 2004. 371 s.
- Zielonka, 1958: Zielonka B. Cmentarzysko w Bodzanowie w pow. aleksandrowskim // PA. 1958. X. S. 331–382.

А.Н. Ворошилов
(г. Москва)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ В КЛАССИФИКАЦИИ СКИФСКИХ АКИНАКОВ¹

Вклад Анны Ивановны Мелюковой в становление скифской военной археологии трудно переоценить. Вершиной ее творчества в этой области, безусловно, является труд «Вооружение скифов» (Мелюкова, 1964), остающийся на протяжении многих десятилетий едва ли не самым востребованным в скифологии. До сих пор ее основные выводы как в плане разработанной классификации мечей и кинжалов скифского типа, так и в отношении установленных основных тенденций их развития остаются актуальными. Свидетельством совершенства данной классификации для своего времени может служить принятие указанной схемы, разработанной изначально в кандидатской диссертации А.И. Мелюковой, для типологии «савроматского» оружия К.Ф. Смирновым еще до ее публикации (Смирнов, 1961, с. 9–31).

Разработка и совершенствование классификационной схемы для мечей и кинжалов, принадлежащих к скифским древностям, имеет почти вековую историю. Еще в начале XX в. М.И. Ростовцев попытался применить принцип группировки акинаков основанный на выделении двух групп признаков – форма наверх и перекрестья. Идея М.И. Ростовцева получила развитие в работе В. Гинтерса. В сходной, но более отчетливой и строгой форме этот принцип группировки скифских мечей и кинжалов был использован в предложенной в 20-е годы XX-го столетия типологической схеме В.А. Городцова. Именно к ней восходит ставшая уже классической типология А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964), принятая многими исследователями древностей скифской эпохи. Как уже было сказано, основана она на выделении признаков двух групп: форма наверх определяет отдел, форма перекрестья – тип.

Отметим, что основными задачами всех указанных работ были классификация и определение хронологии мечей и кинжалов. Стремление получить четкие и узкие датировки отдельных видов акинаков приводило к дробному делению каждой из рассматриваемых групп мечей. Например, А.И. Мелюкова выделила 11 типов мечей и кинжалов. Ею в равной

мере было использовано разнообразие как наверх, так и перекрестий скифских мечей и кинжалов, известных ей ко времени составления свода. По мнению некоторых авторитетных скифологов, в целом эта классификация недалеко отошла от аналитической и в своей таксономии весьма условна (Алексеев, 1991, с. 272). Она объективно локализует каждый признак во времени и прекрасно «работает», решая задачу установления даты того или иного отдельного меча, но непригодна для определения группировки вещей, осознававшейся самими варварами, имевшей для них смысл. Для выделения таких групп необходимо изучать контексты, в которых вещи оказались (Клейн, 1979, с. 69).

Примером реализации этого принципа стала предложенная А.Ю. Алексеевым типология (Алексеев, 1991). Основная задача его исследования заключалась в переходе от эмпирических типов к типам культурным. Автору удалось выделить четыре группы скифского клинкового оружия ограниченные признаками, имеющими определенное культурное содержание, то есть четыре «культурных» типа.

Безусловно, такой подход к типологии скифского клинкового оружия заслуживает самого пристального внимания, прежде всего, потому, что автор предпринял попытку «исследовательской» группировки, направленной на выявление внутренних системных отношений, в частности генетических. Однако в своей работе автор не смог обойтись без ссылок на более раннюю классификацию, разработанную А.И. Мелюковой. Более того, для воплощения своего замысла ему пришлось значительно расширить эту схему за счет более четкого определения ранее предложенных и выделения новых форм перекрестий, ранее не фигурировавших в качестве самостоятельных. С нашей точки зрения, обусловлено это, прежде всего, потребностью в создании более совершенной «прикладной» классификации данной категории археологического материала, наиболее полно отражающей современное состояние имеющейся источниковой базы, чем та, что разработана А.И. Мелюковой более чем полвека назад (Мелюкова, 1950).

Делая такой вывод, мы ни в коей мере не преуменьшаем огромного значения труда Анны Ивановны Мелюковой, однако за десятилетия, прошедшие с момента выхода в свет свода (Мелюкова, 1964), открыты новые яркие памятники.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проектов проведения научных исследований № 12-31-01344 «Акинаки Европейской Скифии (по материалам донской лесостепи и сопредельных территорий)» и № 13-01-00318 «Оружие скифского типа у древних народов Восточной Европы (по материалам из собрания ГИМ)».

Множественно вырос корпус клинкового оружия скифского типа, заметно совершеннее стала хронология скифских древностей, в том числе мечей и кинжалов. По-видимому, именно эти обстоятельства и подтолкнули А.Ю. Алексева к известному рода «модернизации» классификационной схемы А.И. Мелюковой, с целью последующего перехода от эмпирических типов к типам культурным (Алексеев, 1991, с. 279).

В рамках заявленной темы обратимся к «прикладной» группировке археологического материала (Клейн, 1991, с. 50) и рассмотрим возможности использования в ней технологически обусловленных признаков. В этой связи хочется привести мнение выдающегося отечественного скифолога А.Ю. Алексева, высказанное им в рамках дискуссии на Шестой Международной Кубанской археологической конференции в октябре 2013 г.: «В типологию нужно вводить технологические признаки... хотя они иногда нарушают формальные признаки...». Эти слова еще раз убеждают нас в необходимости повышенного внимания к данной категории признаков при создании современных археологических типологий.

При разработке универсальной типологии (Ворошилов, 2007, с. 17), пригодной для систематизации и анализа всего клинкового оружия скифского типа, мы попытались применить признаки, определяемые особенностями технологии изготовления оружия. Как уже говорилось выше, в качестве одного из основных типобразующих признаков ученые используют форму наверший, традиционно разделяя их на прямые (брусковидные, по А.И. Мелюковой) и антенные. Применив эту устоявшуюся в науке схему для определения отдела классификации, мы ввели дополнительный признак определяющий подотдел – сечение навершия в плоскости перпендикулярной плоскости клинка, разделив, таким образом, навершия акинаков на «рельефные» и «плоские» (рис. 1). Этот, на первый взгляд, формальный морфологический признак на

самом деле обусловлен конструкцией, а следовательно, и технологией изготовления оружия.

В результате проведенного исследования выяснилось, что в большинстве случаев рельефные навершия представляют собой отдельную деталь, насаженную через отверстие на стержень рукояти; реже они изготавливались по иной технологии – наваривались из двух пластин, или, совсем не часто, отковывались из той же заготовки, что и стержень рукояти. Плоские навершия чаще являются монолитным продолжением стержня рукояти, не превышающим ее по толщине. Некоторые исследователи называют подобные навершия пластинчатыми (Кокорина, Лихтер, 1995, с. 17). В единичных случаях они представляют собой отдельную деталь и крепятся к рукояти посредством заклепок. Критерием разделения на объемные и плоские навершия выступает, как уже говорилось, сечение в плоскости, перпендикулярной плоскости клинка. Таким образом, в качестве критерия в нашем случае выступает не функциональный признак, а одна из особенностей конструкции. Как известно, отличие в конструкции может быть связано с различиями в технологической сфере, но может быть и просто делом случая, закрепленным культурной традицией. При любом варианте оно сигнализирует о культурном, хронологическом или локальном различии. Относительно скифских акинаков хорошо известно, что форма и конструкция их рукояти во времени развивались намного интенсивнее клинка. Наиболее ярко это проявлялось в изменении формы перекрестья и навершия. Именно на выделении отличительных признаков этих двух групп и основаны все имеющиеся на сегодняшний день классификации клинкового оружия скифского типа.

Ограниченные тематикой статьи, остановимся на общей эволюции только наверший акинаков. Наиболее ранние (середина VII в. до н.э.) железные прямые навершия были весьма крупными. Впоследствии они теряют свою массивность, ста-

ОТДЕЛ по форме навершия	I. С ПРЯМЫМ НАВЕРШИЕМ		II. С АНТЕННЫМ НАВЕРШИЕМ	
ПОДОТДЕЛ по сечению навершия перпендикулярному плоскости клинка	I. РЕЛЬЕФНЫЕ	II. ПЛОСКИЕ	I. РЕЛЬЕФНЫЕ	II. ПЛОСКИЕ

Рис. 1. Схема разделения наверший акинаков на основании технологически обусловленных признаков

новья все более аккуратными и миниатюрными. Со временем, изменения переходят в технологическую сферу производства оружия. Мастера все чаще отходят от привычной схемы изготовления наверший – пробивания отверстия в заготовке для насаживания на черенок рукояти и изготавливают навершие по технологической схеме перекрестья – наваривают из двух пластин. Заканчивается линия эволюции прямых наверший еще большим упрощением технологии и переходом к навершиям монолитным со стержнем рукояти. Еще одной линией развития наверший акинака Европейской Скифии стали антенные навершия. Несмотря на свое относительно более позднее появление (вторая половина VII в. до н.э.), они прошли в своем развитии не менее сложный путь, чем прямые. Эволюция антенных наверший в технологической сфере развивалась в том же направлении, что и у

прямых, минуя, пожалуй, вторую технологическую модель (наварные из двух пластин). Не вызывает сомнений, что эволюция технологии изготовления акинаков Европейской Скифии внятно отражена в морфологии оружия, наиболее ярко проявляясь в форме навершия. Это позволяет говорить о том, что избранный критерий (сечение навершия в определенной плоскости) достаточно объективно отражает технологические особенности и может довольно уверенно использоваться в типологических разработках для локализации оружия, в том числе хронологической.

Подводя итог, отметим, что применение в прикладной типологии акинаков технологически обусловленных признаков в целом дало позитивные результаты. Успешная апробация классификации с использованием этих признаков была проведена на материалах нескольких регионов Скифии.

Литература

- Алексеев, 1991*: Алексеев А.Ю. Этуд об акинаках // Клейн Л.С. Археологическая типология. Ленинград: Наука, 1991.
- Ворошилов, 2007*: Ворошилов А.Н. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифское время (акинаки, копья, дротики): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Воронеж: Издательство ВГУ, 2007. 24 с.
- Клейн, 1979*: Клейн Л.С. Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. Ленинград: ЛГУ, 1979.
- Клейн, 1991*: Клейн Л.С. Археологическая типология. Ленинград: Наука, 1991. 448 с.
- Кокорина, Лихтер, 1995*: Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Проникающие орудия и оружие. Морфология древностей. М.: Издательство МГУ, 1995. 116 с.
- Мелюкова, 1950*: Мелюкова А.И. Вооружение, войско и военное искусство скифов: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 1950.
- Мелюкова, 1964*: Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 92 с.
- Смирнов, 1961*: Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.: Издательство АН СССР, 1961. 162 с.

В.И. Гуляев
(г. Москва)

К ВОПРОСУ О НАЛИЧИИ ПАНЦИРНОЙ КОННИЦЫ У СРЕДНЕДОНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

*Налетим, прошумим – и врага повлечем на аркане,
Без оглядки стремимся к другой, непочатой стране.
Наше счастье – война, наша верная сила – в колчане,
Наша гордость – в не знающем отдыха быстром коне.*

Константин Бальмонт, 1899

Из исторических источников хорошо известно, что главной опорой могущества Скифии и ее царей было многочисленное и прекрасно вооруженное войско, состоявшее, в основном, из конницы. Начиная с момента выхода скифов на арену мировой истории в VII веке до н.э., они выступали как мощное военно-политическое объединение, которое принимает самое активное участие в наиболее важных событиях той поры, происходивших на обширных пространствах Передней Азии, Кавказа и Северного Причерноморья. «У скифского племени, – сообщает Геродот, – одно из самых значительных из всех человеческих дел устроено самым мудрым образом сравнительно со всем, что нам известно. Самое же значительное их достижение состоит в том, что никто из тех, кто вторгся к ним, не может спастись бегством, а если они пожелают, чтобы их не обнаружили, захватить их невозможно: ведь они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения скота, жилища у них на повозках. Как же им не быть непобедимыми и недоступными для нападения» (Геродот, VI, 46). Почти четыреста лет, до конца IV в. до н.э., скифы не знали поражений и были способны разгромить любого, даже самого сильного врага. Достаточно вспомнить провал похода на Скифию персидского царя Дария I Гистаспа, с его 600-тысячной армией, в 512 г. до н.э.

Не имея укрепленных городов, кочевые скифы имели отлично вооруженное и дисциплинированное войско, включавшее в свой состав всех мужчин-общинников и дружины правителей округов, провинций и трех царств («басилей»). Переднеазиатские походы сыграли важную роль в становлении Скифии как государства. Можно себе представить тот ужас и смятение, которые охватили население процветающих городов и селений Передней Азии при виде бесчисленных конных скифских орд, сеявших вокруг опустошение и смерть. Ни одна армия древневосточных держав

не могла устоять в открытом бою против этой массы хорошо обученных и спаянных жесткой дисциплиной всадников. На протяжении многих десятилетий VII в. до н.э. скифы и их цари были господствующей силой в этом наиболее развитом регионе древнего мира. «Принимая участие в бурных событиях и войнах, проходивших на Ближнем Востоке в VII в. до н.э., постоянно меняя союзников, – отмечает известный украинский археолог и главный специалист по скифскому вооружению Е.В. Черненко, – скифы обогатились знаниями тактики и стратегии великих переднеазиатских культур, научились воевать с разными противниками, получили бесценный военный опыт, пополнили состав своего вооружения образцами, стоящими на уровне лучших достижений военной техники той эпохи» (Черненко, 1968). Прежде всего, скифы заимствовали там и широко использовали впоследствии защитный металлический доспех – железный «чешуйчатый» панцирь, которого они, как и все другие кочевые народы Евразийских степей, попросту не знали. «Их кожаная основа покрывалась набором из металлических (обычно железных) пластин сравнительно небольших размеров, которые образовывали покрытие наподобие рыбьей чешуи. Крепились пластины на основе и между собой с помощью кожаных шнурков или жил. Продуманная система набора позволяла располагать в любой точке доспеха пластины, лежащие в 2–3 слоя. Такой панцирь был достаточно удобен. Он не очень стеснял движения воина, позволяя ему управлять конем, стрелять из лука, сражаться мечом, копьем, боевым топором» (Черненко, 1968).

Заимствовав переднеазиатский металлический панцирь, скифские оружейники и кузнецы очень быстро освоили массовый выпуск собственной продукции подобного рода. В конце V–IV вв. до н.э. железные «чешуйчатые» панцири использовались скифскими воинами довольно широко.

Еще в 1968 г. Е.В. Черненко собрал и опубликовал в своей монографии «Скифский доспех» все сведения об известных тогда в результате рас-

копок железных панцирях Скифии. На территории Северного Причерноморья такие находки распределялись следующим образом:

Степная Украина и Крым – 55 экземпляров;

Лесостепное Правобережное Приднепровье – 48 экз.;

Лесостепное Левобережное Приднепровье – 28 экз.;

Нижний Дон – 12 экз.;

Северный Кавказ – 24 экз.

Хотя приведенные выше сведения и несут определенную позитивную нагрузку, они не совсем точно отражают реальное распространение этих доспехов по областям Скифского царства. Во-первых, многие (а практически почти все) погребения скифских курганов подвергались неоднократным ограблениям, что, естественно, вело к частичной или полной утрате сопровождавших покойника предметов (в том числе и панцирей). Во-вторых, процент насыщенности панцирями той или иной области на территории Скифии следует определять не по абсолютному количеству таких находок, а по соотношению их с числом раскопанных в данной области курганов.

Сравнительно недавно удалось установить, что защиту имел не только сам скифский воин, но и его боевой конь. Для предохранения от поражения головы коня еще со времен скифской архаики широко использовались бронзовые литые или кованые налобники в виде больших пластин овальной и ромбовидной формы. Есть основания полагать, что для защиты корпуса лошади делали нагрудники и попоны из толстой кожи, усиленные либо металлическими бляхами, либо «панцирным» набором. В кургане Скифская Могила в Черкасской области недавно была найдена металлическая овальная пластина (она лежала вместе с набором конской узда), предназначенная для защиты передней части коня. Курган относится к V в. до н.э.

Главным оружием скифских воинов, как конных, так и пеших были луки и стрелы (Черненко, 1972). Средняя дистанция для реальной убойной стрельбы из скифского лука составляла от 120 до 150 метров, а скорострельность от 10 до 12 выстрелов в минуту. Для той эпохи это было весьма эффективное и грозное оружие. Заметное место в составе скифского оружия занимали также копья и дротики. Обычно длина их колеблется в пределах до двух метров. Однако есть уже немало случаев находок и длинных копий – кавалерийских «пик», длиной более трех метров. В курганах Скифии к настоящему времени обнаружено уже несколько сотен мечей и кинжалов, причем доля длинных мечей (с клинком длиной 80–100 см) составляет не менее одной трети от общего числа. И если учесть, что почти все могилы воинов с тяжелым защитным вооружением сопровождаются, как правило, захоронениями коней в полной сбруе (в степной зоне) или только уздечными наборами, имитирующими конское по-

гребание (в лесостепи), то можно предположить, что упомянутые выше металлические доспехи (их вес свыше 20 кг) использовались всадниками, а не пехотинцами. А это означает (если добавить сюда еще наличие длинных копий и длинных мечей), что в Скифии не позже конца V в. до н.э. появилась тяжеловооруженная, «панцирная» кавалерия. Об этом прямо говорит Е.В. Черненко (Черненко, 1984). Как известно, в научной литературе всадников тяжеловооруженной кавалерии называют «катафрактарыями» (от греческого термина «катафракта» – наименование тяжелого всаднического доспеха), но время ее появления традиционно относят к парфянам и сарматам, не ранее II–I вв. до н.э. (Хазанов, 1968). Для катафрактариев характерны особое вооружение и особые способы ведения боевых действий.

Что касается вооружения катафрактария, то, по мнению специалистов по военной истории, для него характерны три главные черты. Во-первых, наличие тяжелого оборонительного доспеха (металлический панцирь, поножи, шлем, иногда и щит). Во-вторых, главным наступательным оружием этих тяжеловооруженных всадников являются длинные копья, или пики, достигавшие 3–4 метра в длину. Третья особенность катафрактариев заключалась в том, что доспех имел не только всадник, но зачастую и его лошадь. Особенности вооружения катафрактариев определяли применявшиеся ими боевые порядки и тактические приемы ведения военных действий. Катафрактарии всегда атаковывали неприятеля тесно сомкнутым строем. Такое построение давало возможность наилучшим способом использовать преимущество своего вооружения и сводило до минимума его недостатки: ограниченную подвижность и вызванную этим слабую маневренность. Отряд катафрактариев, ошетилившийся пиками, малоуязвимый в своих доспехах для стрел и дротиков, представлял грозную силу. В античных письменных источниках иногда сообщается, на какие ухищрения приходилось идти пехотинцам (в том числе и вымуштрованным римским легионерам), чтобы нейтрализовать «железных всадников» и вступить с ними в ближний бой. Эффективно использовать катафрактариев в бою можно было лишь целыми подразделениями и в тесно сомкнутом строю. В зависимости от конкретной задачи и особенностей противника катафрактарии применяли различные боевые построения. Аланы любили атаковать клином, парфяне в битве с римлянами при Карах выстроились в линию, образовав по сути дела конную «фалангу». В битве с парфянскими катафрактарыями римский легионер, доселе непобедимый, лишился большинства своих преимуществ и нередко терпел поражение. Так когда же появились катафрактарии на арене мировой истории?

А.М. Хазанов и многие другие исследователи считают, что катафрактарии появились в евразийской степи у сарматов и в Иране с приходом парфян не ранее II–I вв. до н.э. Скифия же вообще здесь

в расчет не принимается. «...В.Д. Блаватский, – пишет А.М. Хазанов, – справедливо сравнивает легковооруженную кавалерию ахеменидского Ирана со скифской. И в той, и в другой главной действующей силой был легковооруженный всадник-лучник. И у скифской конницы рукопашный бой с целью прорыва строя неприятеля не стал главным тактическим приемом...» (Хазанов, 1968). К этому добавлялась версия о наличии у скифов только коротких (до двух метров) копий и коротких же (40–50 см) мечей-акинаков, явно не годившихся для конной рубки. Подобное мнение на конец 60-х годов XX в. стало господствующим в скифской археологии. Однако исследования последних лет позволили заметно поправить эту традиционную концепцию. Е.В. Черненко убедительно показал в ряде своих работ, что скифские всадники имели тяжелый защитный доспех (шлемы, панцири, поножи, щиты), длинные копья-пики (более 3 м длины), длинные мечи (до 1 м длины) и, наконец, защитное снаряжение для своих боевых коней (Черненко, 1984). Причем, этот исследователь считал возможным говорить о появлении у скифов панцирной конницы уже в VI в. до н.э. То, что скифы (точнее – родственные им массагеты) применяли конскую броню в V в. до н.э. – не вызывает сомнений. На это прямо указывает Геродот: «...Также из меди делают они (массагеты – В.Г.) грудные панцири для лошадей; напротив, уздечки, удила и фалары приготовлены из золота» (Геродот, IV). Таким образом, тяжеловооруженная кавалерия, сопоставимая с катафрактариями, у скифов, несомненно, была. Появившись, вероятно, в VI в. до н.э. (мнение Е.В. Черненко), она особое развитие получила в IV в. до н.э., когда в Северном Причерноморье усилилось противостояние воинственных кочевников с некоторыми из греческих городов-государств. Только «панцирная» и хорошо обученная кавалерия могла победить в открытом бою фалангу греческих гоплитов или тяжеловооруженную македонскую конницу (см. описание битвы на р. Фат в Прикубанье в 310 г. до н.э.).

Но в какой мере население Среднего Дона разделяло общескифские стандарты по части вооружения в V–IV вв. до н.э.? Уже само местонахождение этого региона на дальней северо-восточной окраине Европейской Скифии, в окружении зачастую враждебных племен (финно-угров на севере и кочевников-савроматов на востоке) делало жизнь среднедонского анклава скифов довольно беспокойной и опасной. Это неизбежно предопределило необходимость формирования здесь боеспособного и хорошо организованного войска с соответствующим вооружением. Предметы вооружения и конской сбруи, постоянно находимые археологами в среднедонских курганах, – главный наш источник по изучению военного дела на рассматриваемой территории в скифскую эпоху.

К началу XXI в. в Лесостепном Подонье было выявлено и исследовано (частично или полностью)

10 курганных могильников V–IV вв. до н.э., в которых обнаружено свыше 200 захоронений раннего железного века. В 175 могилах (свыше 75 %) в том или ином составе были представлены предметы вооружения – как наступательного, так и оборонительного. Следует отметить, что по сравнению с другими областями Скифии – это необычайно высокий процент. Наступательное оружие состоит из мечей и кинжалов, копий и дротиков, луков и стрел. К защитным доспехам относятся железные «чешуйчатые» панцири, боевые пояса, шлемы, поножи и щиты.

В 1970 г. в своей докторской диссертации П.Д. Либеров подчеркнул, что на Среднем Дону на 118 раскопанных захоронений скифского времени приходится 22 панциря или почти в 20 % могил. То есть каждый пятый погребенный здесь мужчина-воин имел для своей защиты самый надежный для той эпохи доспех. И это при том, что в отличие от Степной Скифии, где покойника либо облачали при похоронах в его панцирь, либо расстилали доспех и клали на него труп, по среднедонскому погребальному ритуалу панцирь вешали на железный крюк, вбитый в опорные столбы или деревянные стены гробницы. В условиях сплошного ограбления местных богатых курганов еще в древности, эти доспехи могли сильно разрушить и даже вынести целиком за пределы захоронения. Если мы сравним насыщенность курганов Среднего Дона железными панцирями с родственными областями Скифии (см. приведенные выше данные Е.В. Черненко), то присутствие у среднедонских воинов надежного защитного вооружения будет самым высоким в скифском мире.

В состав набора каждого панциря входили железные пластинки разных размеров и форм, из которых набирался ворот, грудная и спинная части доспеха оплечья, подол и рукава. На боку панциря имелся разрез, что облегчало облачение. Для изготовления доспеха металлические пластины крепились на кожаную основу, для которой применялась плотная и прочная кожа спинной части крупного рогатого скота, обработанная растительными дубителями (Савченко, 2004. с. 220).

На 2011 год в курганах Лесостепного Подонья V–IV вв. до н.э. был найден **31 железный панцирь**. Доспехи распределяются по местным могильникам следующим образом: Частые Курганы – 12, Мастюгино – 4, Русская Тростянка – 3, Дуровка – 4, Колбино-Терновое – 6, Горки I – 1, Девица V – 1 экземпляр. Следует также напомнить, что у скифских (особенно рядовых) воинов широко применялись надежные доспехи из толстой воловьей кожи, на которую нашивались металлические бляхи и пластины. Остатки такого кожаного панциря найдены в кургане № 2 у с. Мастюгино (раскопки Н.Е. Макаренко (Макаренко, 1911, с. 52)). К сожалению, такие панцири из органических материалов до наших дней практически не сохраняются.

Особую роль играют в воинском доспехе железные панцири, нагрудная часть которых обтянута толстой золотой фольгой. Таких панцирей в Скифии IV в. до н.э. известно пока всего шесть экземпляров: Александропольский курган, Куль-Оба, Толстая Могила, Мелитопольский курган (все они так называемые «царские» и находятся либо в Степном Приднепровье, либо в Крыму), а также Частые Курганы под Воронежем (курган № 2, раскопки ВУАК) и курган у с. Мастюгино (курган № 11/16, раскопки П.Д. Либерова). «Покрытие золотом железных и тщательная полировка бронзовых пластин, – отмечает Е.В. Черненко, – преследовали не только декоративные цели. “Блеск оружия вызывает у врага особый ужас”, – писал военный теоретик древнего Рима Вегеций. – Панцири с золотым набором могли быть и знаком отличия крупного военачальника...» (Черненко, 1968, с. 22, 35). Весьма показательно, что в захоронениях IV в. до н.э. на среднедонской земле представлены останки двух крупных военачальников Скифии.

Таким образом, общее количество уцелевших до наших дней в среднедонских курганах скифского времени защитных металлических доспехов определенно говорит о том, что тяжеловооруженная кавалерия составляла существенную часть местных воинских отрядов. Что касается других защитных средств, то они представлены пока бронзовым античным («фракийского типа») шлемом (курган № 2 у с. Мастюгино), бронзовыми греческими поножами IV в. до н.э. (две пары в Мастюгинских курганах – (Макаренко, 1911, с. 52, 62); одна пара в кургане № 10 у с. Горки – (Гуляев, Савченко, 2004, с. 49, рис. 1). Деревянные щиты с «панцирным» покрытием отмечены в среднедонских курганах трижды: в кургане № 23 группы Частых Курганов, кургане № 3 у с. Мастюгино и кургане № 4 у с. Колбино (Савченко, 2004, с. 224–225). Изображение небольшого овального легкого щита из дерева и кожи можно видеть на знаменитой серебряной вазе с фигурами скифов из кургана № 3 Частых Курганов (Ростовцев, 1914). Непременный атрибут скифского воинского снаряжения – кожаный широкий пояс с нашитыми на него вертикально металлическими пластинами – обнаружен в кургане № 3 у с. Мастюгино и в кургане № 3 у с. Колбино (Савченко, 2004). Мечи и кинжалы, как правило, общескифских типов V–IV вв. до н.э. встречены в 23 погребениях Среднего Дона (20 мечей и 3 кинжала). Длина некоторых из них достигает 80–100 см, и они явно предназначены для рубки с коня. Привлекают внимание и два меча из Колбинского курганного могильника (курганы № 7 и № 36) с ажурными клинками и зооморфным оформлением рукояти, которые полностью повторяют «парадные» мечи с золотыми рукоятями из «царского» кургана Чертомлык в Степном Приднепровье (Гуляев, 2009, с. 148). В одном случае удалось проследить общую длину копья по наконечнику и втоку, лежащим *in*

situ вдоль стенки могилы. Это явно кавалерийская пика. Ее длина 3,32 метра. И она найдена в кургане № 12 у с. Терновое (Савченко, 2004, с. 164–165).

К числу локальных особенностей среднедонского вооружения из курганов V–IV вв. до н.э. следует отнести явное преобладание железных втульчатых наконечников стрел над бронзовыми в колчанах местных воинов, а также обилия дротиков типа римского «пилума». Во всем остальном и защитное и наступательное вооружение людей, погребенных в курганах Лесостепного Подонья скифского времени, полностью повторяют те образцы, которые господствовали в остальной Скифии в V–IV вв. до н.э. (Савченко, 2004, с. 151–277). Если учесть, что почти все могилы воинов с тяжелым защитным вооружением на Среднем Дону сопровождаются, как правило, уздечными наборами, имитирующими захоронение коня, то можно с полным основанием предположить, что упомянутые выше металлические доспехи использовались всадниками, а не пехотинцами и, следовательно, у среднедонских воинов не позже конца V – начала IV вв. до н.э. появилась тяжелая кавалерия. Но чем же, каким оружием могла она сокрушить врага – например, хорошо обученную и имеющую защитное вооружение пехоту? Украинский археолог Е.В. Черненко впервые поставил еще в 60-е годы прошлого века вопрос о наличии у скифских всадников не только коротких (до 2 м), но и длинных копий-пик (длиной от 2,5 до 3,3 м). Подобные длинные копья теперь обнаружены в степи и лесостепи вплоть до устьев Дона, на самом востоке Скифии: в могильнике у станицы Елизаветинской (копья в 2,5 и 2,7 м), в Хоминой Могиле в Приднепровье (3,2 м), в Страшной могиле (3,1 м). Все они относятся к IV в. до н.э. (Черненко, 1984, с. 233). Намного больше стало нам известно и о длинных мечах у скифов (от 70 см до 1 м). Их количество давно уже перевалило за 30 %. Таким образом, пришло время отказаться от старого взгляда на стратегию и тактику скифского войска, взгляда, который во многом сформировался на основе двух факторов: описаний Геродота по поводу скифо-персидской войны конца VI в. до н.э. (атаки лавы легковооруженных скифских конных лучников и ее быстрый откат в случае неудачи, не доводя боя до рукопашной) и недостаточности наших сведений о вооружении скифских воинов (по археологическим материалам прежних лет). Хорошо известно, что сам характер вооружения той или иной армии во многом определяет стратегию и тактику его действий. Поэтому наличие у скифских всадников тяжелых защитных доспехов, длинных копий-пик и длинных мечей меняет коренным образом и наше общее представление о реальных действиях конного скифского войска в конце V–IV вв. до н.э. В сочетании все эти элементы вооружения дают нам образ типичного «катафрактария» – воина-рыцаря на коне (тоже так или иначе защищенном), в железном панцире, металлическом шлеме, поножах и с длин-

ным копьем и мечом в руках. Безусловно, тяжелая конница скифов широко применяла и другие виды оружия: для дальнего боя – лук и стрелы, для средней дистанции – метательные короткие копья и дротики, а для ближней, рукопашной схватки – длинные копья и длинные мечи.

Как было показано выше, обитатели Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. в области вооружения (оборонительного и наступательного) ничем не отличались от скифов степной зоны и Лесостепного Приднепровья, включая и наличие тяжелой кавалерии – «катафрактариев».

Литература

- Геродот, 1972:* История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Ленинград, 1972.
- Гуляев, 2009:* Гуляев В.И. Парадные мечи V–IV вв. до н.э. из курганов Скифии // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2009. Выпуск 13.
- Гуляев, Савченко, 2004:* Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. М., 2004.
- Макаренко, 1911:* Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 годов // ИАК. СПб., 1911. Выпуск 43.
- Ростовцев, 1914:* Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд // МАР. СПб., 1914. Выпуск 34.
- Савченко, 2004:* Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. М., 2004.
- Хазанов, 1968:* Хазанов А.М. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // ВДИ. 1968. № 1.
- Черненко, 1968:* Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.
- Черненко, 1981:* Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.
- Черненко, 1984:* Черненко Е.В. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

А.В. Дедюлькин
(г. Ростов-на-Дону)

«ПРАЩЕВЫЕ» КАМНИ В ПОГРЕБЕНИЯХ СКИФСКОЙ ЭПОХИ¹

Обобщающая монография А.И. Мелюковой по скифскому вооружению содержит небольшой раздел, посвященный праще. А.И. Мелюкова отметила, что никаких свидетельств письменных источников о применении скифами пращи не сохранилось, и ее использование предполагается на основании данных археологии – находках округлых небольших камней в погребениях и на городищах (Мелюкова, 1964, с. 68). Исследовательница отметила, что праща не получила широкого распространения, использовалась пешими воинами, преимущественно при осаде или обороне укреплений, когда участвовало все население, в том числе и женщины. Атрибуция подобных камней как пращевых снарядов получила широкое распространение.

Примечательно, что в XIX – нач. XX вв. исследователи не пытались как-то интерпретировать назначение этих предметов. Им давали описательную характеристику, или же предположительно допускали их использование в качестве метательных снарядов. Например, у И.Е. Забелина: «круглый камень вроде картечной пули» (ДГС, 1872, с. 104, табл. XXVIII. 12); у А.А. Бобринского: «три круглых камня, вероятно метательных(?)», «камня типа т.н. метательных» (Бобринской, 1906, с. 8–11). Сравнение с пулями и метательными снарядами носило образный характер, они приводились как наиболее близкие по форме аналогии.

Кроме того, камни стали интерпретироваться а priori как метательные снаряды. Исследователей не смущал тот факт, что некоторые камни обожжены, что они могут размещаться внутри сосудов. Д.Я. Самоквасов определил обнаруженные в глиняной миске обожженные камни разной величины из кургана «Острая могила» у с. Яблоновки как пращевые (Описание..., 1908, с. 116–117). А.А. Бобринской отмечает находку двух каменных «метательных шариков» в насыпи кургана 485 у с. Турьи (Бобринской, 1910, с. 65). А.А. Миллер предположительно определял «камушки-валуны» в погребениях Елизаветовского могильника (курганы 1, 5, 12 и 32, раскопки 1911 г.) как метательное оружие (Миллер, 1914, с. 224, 229, 233, 243). Интерпретацию А.А. Миллера относительно камней

из погребений Елизаветовского могильника поддержал Н.И. Сокольский (Сокольский, 1962, с. 249).

Б.Н. Граков на основании находок камней в насыпях с женскими погребениями высказал предположение, что в степной Скифии праща являлась женским оружием (Граков, 1954, с. 131–132).

К 60-м гг. XX в. атрибуция подобных камней в качестве метательных снарядов стала традиционной, что позволило А.И. Мелюковой констатировать наличие пращевых камней в погребениях скифской эпохи (Мелюкова, 1964, с. 68). К.Ф. Смирнов в своей монографии, посвященной вооружению савроматов, отметил два известных ему комплекса с «пращевыми» камнями (Смирнов, 1964, с. 75).

В.Г. Петренко обратила внимание на сочетание камней с песчаниковыми блюдами и плитами, углями, серой и реальгаром, и наличие следов горения на некоторых из них. Исследовательница интерпретирует эти камни как атрибуты жриц, предназначенные для огненных ритуалов (Петренко, 1967, с. 36).

В.А. Ильинская пришла к выводу, что праща входила в основной комплекс скифского вооружения и имела достаточно широкое распространение. Исследовательница не согласилась с предположением Б.Н. Гракова о сугубо женской принадлежности скифской пращи и отметила, что в некоторых богатых и значимых мужских погребениях были найдены пращевые камни. Кроме того, В.А. Ильинская привела тезис, что на бляшках, изображающих скифа с рогом, из кургана Патиниоти (рис. 1.1) присутствует праща (Ильинская, 1968, с. 99–100). Исследовательница не уточнила, кем было высказано данное мнение, и привела ссылки лишь на таблицы иллюстраций. Примечательно, что М.И. Ростовцев в публикации, на которую ссылалась В.А. Ильинская, интерпретировал этот предмет как «скипетр, булаву, или, скорее всего, боевой топор» (Ростовцев, 1913, с. 12).

М.И. Артамонов, основываясь на находках камней округлой формы, предположил, что скифы пользовались пращой (Артамонов, 1974, с. 41).

С.В. Полин определил как пращевые 75 камней, обнаруженных в деревянной чаше, в погребении тяжеловооруженного конного воина из кургана 2 у с. Красный Подол на Херсонщине. Он отметил, что эта находка противоречит тезису об ограниченном применении пращи в военном деле скифов (Полин, 1984, с. 112, 118). Недавно С.В. Полин подробно

¹ Выражаю искреннюю признательность Р.В. Прокофьеву и И.Ф. Каюмову за ценные комментарии, высказанные в обсуждении данной работы. Разумеется, вся ответственность за представленные здесь выводы лежит только на авторе.

рассмотрел вопрос об интерпретации подобных камней (Бидзиля, Полин, 2012, с. 368–370) и пришел к выводу, что эти предметы связаны с неким огненным культом.

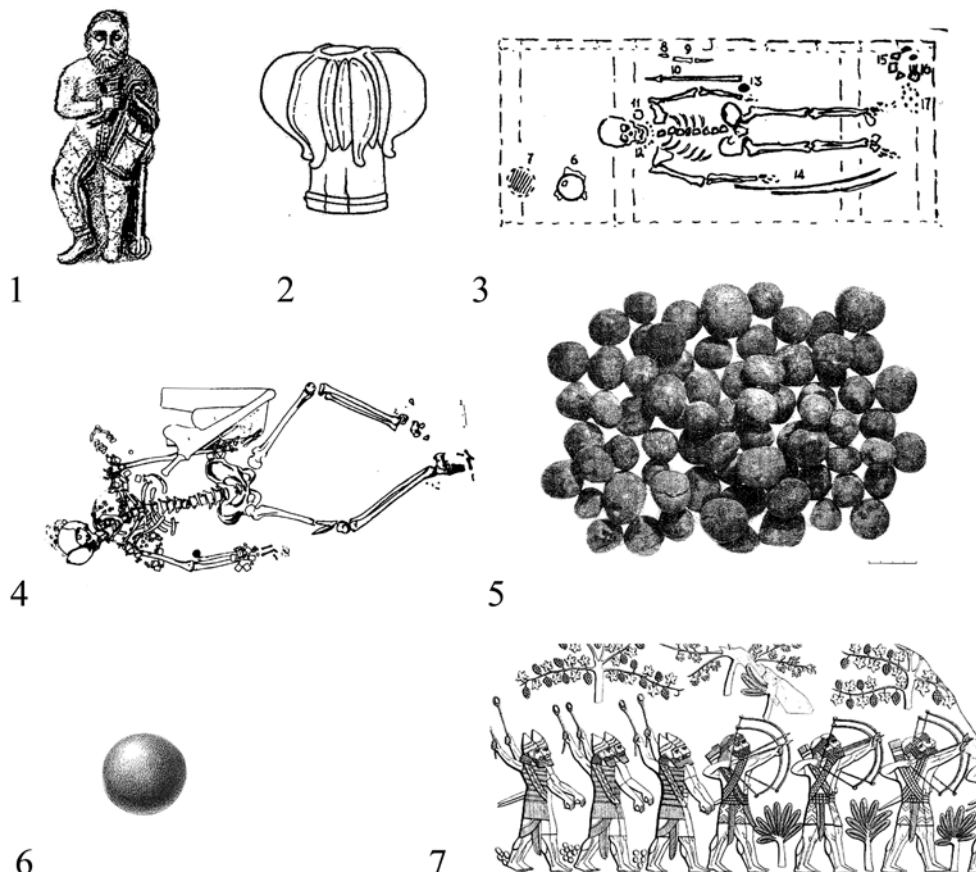
Е.В. Черненко, как и В.А. Ильинская, увидел пращу в левой руке скифа на бляшке из кургана Патиниоти, а также интерпретировал в таком качестве остатки ремня из кургана № 11 у с. Львово на Херсонщине (Черненко, 1986, с. 142). Но на пластинке, судя по характерным рифлениям, изображена булава, подобная той, что была найдена в кургане Солоха (рис. 1.2). Вполне логично, что скиф с рогом в руке изображен с инсигнией власти, а не оружием «пеших воинов», используемым при осаде и обороне укреплений. Относительно ремня из кургана № 11 в отчете содержится следующее описание: «От локтя правой руки вдоль правой ноги сохранился отпечаток окрашенного в зеленую краску тонкого ремня ... № 14. Отпечатки ремня, возможно, праща для метания камней» (Тереножкин и др., 1973, с. 69–70). Эта интерпретация носит декларативный характер и основана на находке в том же погребении одного камня (рис. 1.3).

Н.А. Гаврилюк привела развернутую аргументацию в пользу ритуально-бытового использования таких камней. Исследовательница предложила называть их сфероидами (Гаврилюк, 1989, с. 79–80).

В.С. Ольховский рассматривал гальки как ритуальные объекты, а некоторые пращевые камни считал их семантическим аналогом. При этом исследователь не высказывал каких-либо сомнений в военном предназначении этих камней (Ольховский, 1991, с. 114–115, 119, 122).

Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова и С.А. Скорый интерпретировали подобные камни как бытовой инвентарь (Ковпаненко и др., 1994, с. 113).

В.П. Копылов и С.Ю. Янгулов все подобные камни из материалов Елизаветовского могильника относят к пращевым снарядам. Они также являются одним из маркеров для выделения женских погребений (Янгулов, 2008, с. 70; Копылов, 2008, с. 95). Некорректность такого подхода демонстрируют материалы погребения кургана № 8 группы «Пять братьев». Несмотря на наличие в этом комплексе камня-сфероида (рис. 1.4), новое исследование костных останков подтвердило прежние выводы,

Рис. 1. 1 – золотая бляшка из кургана Патиниоти (Дюбрюкс, 2010); 2 – навершие булавы из кургана Солоха (Манцевич, 1987); 3 – погребение из кургана № 11 у с. Львово на Херсонщине (Тереножкин и др., 1973а); 4 – план погребения в кургане № 8 группы «Пять братьев» (L'Or des Amazones..., 2001); 5 – камни из Ушаковского кургана (Шилов, 1966); 6 – камень из кургана Чертомлык (ДГС, 1872); 7 – ассирийские лучники и пращники, барельеф из дворца Синнахериба (Korfmann, 1973)¹

¹ Выражаю искреннюю признательность А.В. Симоненко за предоставленную информацию.

что оба погребенных – мужчины (Батиева, 2009, с. 296).

Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко предложили дифференцированно подходить к атрибуции камней, учитывая их состояние, размеры, расположение в погребении и т.д. (Болтрик, Фиалко, 2010, с. 319–320).

Л.Т. Яблонский интерпретировал как пращевой снаряд обработанный округлый камень из кургана 2 могильника Филипповка 1 лишь на основании его формы и размеров (Яблонский, 2014, с. 29).

Сторонники версии хозяйственного применения аргументируют свою позицию контекстом обнаружения (со следами огня, в сосудах, рядом с терочниками и т.д.). Исследователи, поддерживающие версию о военном предназначении камней, исходят из размеров и формы предметов, при полном отсутствии каких-либо подтверждений в письменных и изобразительных источниках. Но никто не рассматривал вопрос о том, насколько возможно наличие пращи в комплексе вооружения скифских воинов.

Сфероиды бывают двух видов: тщательно обработанные, иногда шлифованные камни, и окатанные твердые породы в форме галек (Гаврилюк, 1989, с. 79–80). По своим размерам обе разновидности камней из погребений скифской эпохи вполне сопоставимы с пращевыми снарядами (рис. 1.5–6). Данные, приведенные в статье М. Корфманна для снарядов с Ближнего Востока, следующие: вес от 13 до 185 г, диаметр от 2 до 5 см. Каменные ядра из Лахиша, хранящиеся в Британском музее, достигают веса 263 г (<http://www.britishmuseum.org>). Упомянутые Диодором Сицилийским тяжелые снаряды балеарских пращников весом в одну мину (около 330 г), будучи изготовленными из известняка, имели бы диаметр около 6,3 см. Этот размер и вес, по мнению исследователя, были предельно возможными для каменного снаряда (Korfmann, 1973, p. 39).

Лук был основным и наиболее распространенным оружием в скифскую эпоху (Мелюкова, 1964, с. 14–15; Черненко, 1981, с. 3). Часто «пращевые» камни находят в тех же погребениях, что и стрелы. Если интерпретировать эти находки буквально, следует признать, что скифские воины были стрелками с двойной специализацией и использовали лук и пращу. Однако ничего подобного письменные источники не сообщают. М. Корфманн пришел к выводу, что в эпоху неолита – энеолита на Ближнем Востоке лук и праща были взаимоисключающим оружием, и в разных регионах люди, традиционно использующие один вид оружия, не пользовались другим (Korfmann, 1973, p. 42). В ассирийской армии были отдельные подразделения лучников и пращников (рис. 1. 7; см. соответствующие разделы (Dezső, 2012)). В античном мире славилось искусство пращников отдельных регионов (Балеарских островов, Ахайи, острова Родос). Чтобы достичь такого мастерства, требовались постоянные тренировки с детского возраста (Strabo, III, 5, 1). Скорострельность

у пращника ниже, чем у лучника (Korfmann, 1973, p. 42), пращой практически невозможно пользоваться верхом (Мелюкова, 1964, с. 68).

Праща имеет перед луком преимущество в дальности, но оно становится значительным при использовании свинцовых снарядов, применяемых в античном мире. Ксенофонт пишет, что родосские пращники метали свои свинцовые снаряды в два раза дальше, чем пращники из армии персов, которые использовали камни (Xen., An., III, 16–17). Д. Баатц в своем исследовании, посвященном пращевым пулям, пришел к выводу, что свинцовый снаряд можно метнуть в полтора раза дальше, чем каменный. Максимальная дальность броска глиняного ядра составит 200 м, каменного – 232 м, свинцового – 352 м, в последней точке траектории полета глиняное ядро израсходует 81 % своей энергии, каменное – 77 %, а свинцовое – только 58 %. Кроме того, свинцовые пули занимают меньше места. Снаряд весом 40 граммов, если его сделать из глины, будет иметь диаметр 3,5 см, из камня – 3 см, из свинца – 1,9 см (Baatz, 1990, s. 59, 61). М. Корфманн приводит следующие данные¹: «Вегетий ... рекомендовал стрелять из лука в мишень с расстояния 180 метров. Даже современный спортивный лук мощностью в 45 фунтов способен пустить стрелу немногим далее 200 метров. Используя длинную и легкую стрелу типа “flight arrow” и лук мощностью в 60 фунтов, лучник, стреляя на дальность, пожалуй, сможет пустить стрелу на расстояние до 275 метров. Для сравнения, я попросил молодых людей² из восточной части Турции несколько раз метнуть из пращи обычную гальку. В пяти из 11 случаев снаряд перелетел за отметку 200 метров, причем три лучших броска достигли 230–240 метров» (Korfmann, 1973, p. 37). В данном эксперименте были достигнуты впечатляющие результаты по дальности броска, но исследователь ничего не пишет о точности, а это немаловажно. Примечательно, что в упомянутом фрагменте Вегетий рекомендует расстояние в 600 футов (около 180 м) для обучения стрельбе и лучников, и пращников. Он не делает поправки на большую дальность пращи (Veg., II, 23). Относительно дальности стрельбы из лука можно вспомнить как огромные цифры дальности рекордных выстрелов Аргишти II и Анаксагора из Ольвии (ок. 476 и 500 м соответственно (Черненко, 1981, с. 138–139)), так и предельную дальность прицельной стрельбы из средневекового арабского трактата – около 150 м (Черненко, 1981, с. 140). В любом случае, дальность выстрела из пращи превышала прицельную дальность стрельбы из лука.

Но каменные снаряды не давали столь большого преимущества в дальности перед луком, чтобы компенсировать остальные недостатки пращи – мень-

¹ Перевод Д. Прищепы, URL: <http://www.xlegio.ru/ancient-armies/missile-weapons/the-sling-as-a-weapon>.

² Молодые люди не обладали специальной подготовкой и не были тренированными пращниками.

шую скорострельность, меньшую точность (ведь скифские лучники не были специализированными пращниками), и неудобство (невозможность?) стрельбы верхом. Особенно странным выглядит малое количество «снарядов» в погребениях скифской эпохи. Часто в них находят незначительное число камней (от одного до пяти), а стрелы в нормальном, не символическом количестве. Показательно наличие одного камня в погребении скифского царя в кургане № 8 группы «Пять братьев» (Шилов, 1961, с. 162), где число стрел в горите и колчанах достигает 1064.

Значительное количество камней обнаружено в погребении воина-дружинника у с. Красный Подол – 75 шт. Настораживает их расположение в деревянном сосуде и разброс размеров от 3 до 5 см (Полин, 1984, с. 112). Снаряды разного размера неудобны в использовании, снижается точность. Поэтому греческие пращники пользовались одинаковыми свинцовыми пулями, отлитыми в формах. Примечательно, что почти такое же количество камней, 73 штуки диаметром 2,6–4,5 см, было обнаружено под насыпью Ушаковского кургана, в котором был погребен знатный воин с мечом в украшенных

золотом ножнах. Камни были найдены в круглой яме, заполненной «зольной землей с угольками и стенками лепных горшков». В.П. Шилова, определившего их как пращевые снаряды, не смутил тот факт, что на некоторых были «плоскости со следами длительного использования» (Шилов, 1966, с. 182).

Наличие «пращевых» камней в погребениях представителей высшей знати (курган 8 группы «Пять братьев») и профессиональных дружинников (курган 2 у с. Красный Подол) свидетельствует не о недооценке роли пращи в военном деле скифов, а о некорректной интерпретации подобных предметов.

В подавляющем большинстве случаев т.н. «пращевые» камни, находимые в погребениях кочевников Северного Причерноморья, не являются металлическими снарядами. Их наличие как в мужских, так и в женских погребениях не позволяет считать их индикаторами именно женских погребений. Камни, обнаруживаемые на городищах, могли использовать для метания, не только пращой, но и просто руками¹ (ср.: Блаватский, 1947, с. 92)), когда в обороне участвовало все население.

¹ Тогда их тоже некорректно называть «пращевыми».

Литература

- Артамонов, 1974: Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Ленинград, 1974.
- Батиева, 2009: Батиева Е.Ф. Антропология элитных погребений Елизаветовского могильника как отражения международных связей древнего населения Донского региона // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов н/Д, 2009.
- Бидзиля, Полин, 2012: Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012.
- Блаватский, 1947: Блаватский В.Д. Осада и оборона в античном Причерноморье // КСИИМК. М.; Ленинград, 1947. Вып. XVI.
- Бобринской, 1906: Бобринской А.А. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1905 г. // ИАК. 1906. Вып. 20.
- Бобринской, 1910: Бобринской А.А. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1908 г. // ИАК. 1910. Вып. 35.
- Болтрик, Фиалко, 2010: Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Посуда из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Stratum plus. Люди и вещи железного века. 2010. № 3.
- Гаврилюк, 1989: Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989.
- Граков, 1954: Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. М., 1954. Вып. 36.
- ДГС, 1872: Древности Геродотовой Скифии. Вып. II. СПб., 1872.
- Ильинская, 1968: Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
- Копылов, 2008: Копылов В.П. Накладка со сценой амазономахии из Елизаветовского могильника // РА. 2008. № 4.
- Манцевич, 1987: Манцевич А.П. Курган Солоха. Ленинград, 1987.
- Мелюкова, 1964: Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. Вып. Д1–4.
- Миллер, 1914: Миллер А.А. Раскопки у ст. Елисаветовской в 1911 г. // ИАК. 1914. Вып. 56.
- Ольховский, 1991: Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991.
- Петренко, 1967: Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. М., 1967. Вып. Д1–4.
- Полин, 1984: Полин С.В. Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
- Дюбрюкс, 2010: Дюбрюкс Поль. Собрание сочинений: в 2 т. Т. II. / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб., 2010.
- Описание..., 1908: Описание археологических раскопок и собрания древностей профессора Д.Я. Самоквасова. Труды Московского Комитета по устройству Черниговского археологического съезда. М., 1908.
- Ростовцев, 1913: Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49.
- Смирнов, 1961: Смирнов К.Ф. Вооружение сарматов // МИА. М., 1961. Вып. 101.
- Сокольский, 1962: Сокольский Н.И. Каменные ядра из Пантикапея // МИА. М., 1962. Вып. 103.
- Тереножкин и др., 1973: Тереножкин А.И., Кубышев А.И. и др. Отчет о работе Херсонской экспедиции НА ИА НАНУ, № 1973/10.

- Тереножкин и др., 1973а.* Тереножкин А.И., Кубышев А.И. и др. Отчет о работе Херсонской экспедиции. НА ИА НАНУ. Альбом № 4 (без номера).
- Черненко, 1981:* Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.
- Черненко, 1986:* Черненко Е.В. Оружие // Археология УССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев, 1986.
- Шилов, 1961:* Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1.
- Шилов, 1966:* Шилов В.П. Ушаковский курган // СА. 1966. № 1.
- Яблонский, 2014:* Яблонский Л.Т. Экипировка раннесарматского элитного воина (по материалам Филипповских могильников) // РА. 2014. № 2.
- Янгулов, 2008:* Янгулов С.Ю. Оружие из погребений V в. до н.э. Елизаветовского могильника в дельте Дона // РА. 2008. № 1.
- Baatz, 1990:* Baatz D. Schleudergeschosse aus Blei – eine waffentechnische Untersuchung // Saalburg – Jahrbuch. 1990. Bd. 45.
- Dezső, 2012:* Dezső T. The Assyrian Army. I. The Structure of the Neo-Assyrian Army as reconstructed from the Assyrian Palace Reliefs and Cuneiform Sources. 1. Infantry. Budapest, 2012.
- Korfmann, 1973:* Korfmann M. The Sling as a Weapon // Scientific American. October 1973. 229.
- L'Or des Amazones., 2001:* L'Or des Amazones. Peuples nomades entre Asie et Europe VIe siècle av. J. C. – IVe siècle apr. J. C. Paris, 2001.
<http://www.britishmuseum.org>: Электронный ресурс // URL: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=364104&partId=1 (дата обращения 07.03.2014).

Ю.П. Зайцев
(г. Симферополь)

ФОРТИФИКАЦИЯ КРЕПОСТИ АК-КАЯ/ВИШЕННОЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ

Крепость (городище) расположена на правом берегу реки Биюк-Карасу в нескольких километрах к северу от г. Белогорска и достигает площади ок. 10 га. В плане ее фортификационная система представляет собой ломаную линию, примыкающую к скальным обрывам, вместе с которыми она образует единый замкнутый контур (рис. 1, 1).

Предварительная хронологическая колонка городища базируется на 130 амфорных клеймах Херсонеса, Синопы и Родоса, большая часть которых хорошо стратифицирована.

Время возникновения крепости может быть отнесено к концу IV в. до н.э., когда были построены оборонительная стена шириной ок. 2,5 м, протейхизма и одна башня на северном фланге. Техника возведения стены традиционная для Крыма: двухпанцирная из разнокалиберных необработанных известняковых камней, на глинистом растворе, с забутовкой мелким камнем. Максимальная сохранившаяся ее высота – более 2 м (Сектор 4В). Судя по завалам сырцовых кирпичей в периболе и в других местах, верхняя часть стены была из глины и, очевидно, с использованием деревянных конструкций.

Обращает на себя внимание устройство протейхизмы на наиболее пологом участке и техника ее возведения, заметно отличающаяся от основной стены на этом же раскопе: из очень крупных, грубо околотых и хорошо подобранных известняковых камней.

Также примечательно наличие сквозного водостока для отвода дождевой воды, устроенного в основании башни в секторе 4В.

В южной части крепости (сектор 8Е) в 2012–2013 гг. был открыт еще один участок оборонительной системы, центральным объектом которого были «южные» крепостные ворота, устроенные в месте стыковки двух куртин под вогнутым тупым углом, с учетом использования особенностей скального рельефа на этом участке.

На начальном этапе существования – в 70-е гг. III в. до н.э. – происходит первая пожарная катастрофа (пожар № 1), слой которой затем был перекрыт мусорными отложениями небольшой мощности. На их поверхности зафиксирован горизонт глиняно-камышовых сооружений, которые дважды гибли в пожарах (№№ 2 и 3) в середине III в. до н.э. В это же время (скорее всего между пожарными катастрофами) происходит двукратное утолщение

оборонительной стены и возведение нескольких новых башен. Для этого с напольной стороны к первоначальной стене пристраивается дополнительный пояс шириной ок. 2,5 м, панцирь которого сложен из крупных хорошо подобранных известняковых необработанных камней на глинистом растворе.

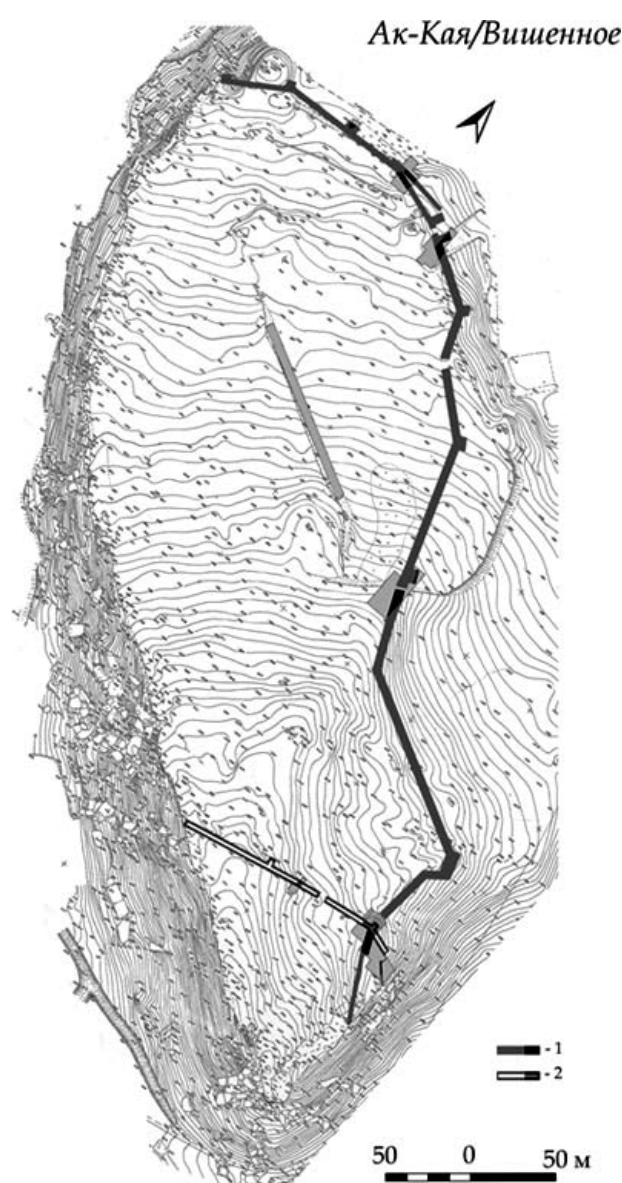

Рис. 1

Южные ворота также подвергаются реконструкции и теперь имеют вид коридора («каменного мешка»), построенного на внутрикрепостной террито-

рии. Подступы к этим воротам с напольной стороны были укреплены дополнительными крепидами, сложенными из необычно крупных известняковых камней.

Следующий пожар (№ 4) случился в последней четверти III в. до н.э. или на рубеже III/II вв. до н.э.

После этого пожара, с начала II в. до н.э. начинается ослабление контроля над состоянием фортификационных сооружений и «зарастание» территории крепости большими и малыми зольниками.

Слой золистого гумуса, перекрывающий слой пожара № 4, сменяется жилыми поверхностями и слоем пожара № 5, который датируется серединой – третьей четвертью II в. до н.э.

Во второй половине I в. до н.э. (возможно в 40-е гг. до н.э.) в южной части «большой» крепости, к этому времени уже совсем утратившей оборонительные сооружения, возникает «малая» крепость площадью ок. 1 га (рис. 1, 2), которая просуществовала до первой половины – середины I в. н.э. и погибла в пожаре.

Значительная площадь, развитая фортификация и выразительный археологический материал позволяют предполагать, что в III – начале II вв. до н.э. городище Ак-Кая/Вишенное являлось ключевым объектом, вероятно, столичной варварской крепостью как в масштабах Крыма, так, возможно, и всего Северного Причерноморья.

Неварварская (греческая) фортификация (ломаный контур оборонительных линий, устройство протейхизмы, водостоков, конструкция ворот и т.п.) в сочетании с типично варварскими приемами строительства может указывать на некий античный центр, заинтересованный в формировании центра варварской «силы» у западных границ Боспорского царства. Очевидное же преобладание херсонесского импорта на раннем этапе существования городища позволяет предполагать в качестве такового Херсонес Таврический, различными способами стимулировавший создание и функционирование крепости Ак-Кая/Вишенное в центральном Крыму.

И.П. Засецкая
(г. Санкт-Петербург)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕКОРА ТРЕХ КИНЖАЛОВ САРМАТСКОЙ ЭПОХИ

I в. до н.э. – II в. н.э.

Задача этой работы – раскрыть и показать значение стилистических особенностей изобразительного творчества в решении важнейших проблем, связанных с происхождением художественных изделий древности и их центров производства, на конкретном материале, в частности, на анализе декоративного оформления золотых обкладок ножен трех кинжалов из памятников сарматской эпохи I в. до н.э. – II в. н.э. Это кинжалы из кургана Дачи на Нижнем Дону, из погребения 6 могильника Тиллятепе в Афганистане и из склепа 2 в Горгиппии, на Тамани.

Но прежде чем перейти к характеристике изображений на этих предметах, напомним, как в научной литературе определяется понятие стиля. На этот счет существует много мнений разных авторов. Наиболее обобщенным и раскрывающим суть данного понятия является определение стиля как исторически сложившейся устойчивой целостности или общности образной системы, средств художественной выразительности и приемов (БСЭ, с. 514–516).

На формирование стиля влияют многие факторы как идейного, так и изобразительного характера, а также материал и техника декора. Стиль, объединяя формальные элементы художественной структуры, связывает форму и содержание и воплощает в себе идею, в чем и проявляется зависимость стиля от образного мышления и от мировоззрения (Соколов, 1968, с. 87).

Известно, что древнее искусство в большинстве своем было прикладным, то есть изображение существовало не само по себе, а являясь частью определенного предмета, находилось в прямой зависимости от его формы. Однако, с другой стороны, не только форма влияла на содержание, но и наоборот – содержание подсказывало выбор формы, чем достигалась гармония между объектом и его декоративным оформлением. Это, в свою очередь, способствовало развитию такого изобразительного приема как стилизация.

Теперь перейдем к теме нашего непосредственно исследования – стилистическому анализу декора ножен кинжалов. Прежде всего, следует отметить, что все три кинжала относятся к одному типу оружия, для которого характерным признаком является наличие четырех боковых выступов, расположенных

попарно в верхней и нижней части ножен¹. Такая конструкция, как показали, например, В.Д. Кубарев и А.В. Симоненко, предусматривает особое ношение кинжала на бедре (рис. 1). При этом изобрести его, по мнению В.Д. Кубарева, могли только воины-кочевники, в частности, саки Алтая, где найдены как настоящее оружие, так и его уменьшенные деревянные модели-копии (Кубарев, 1981, с. 44–54; Симоненко, Лобай, 1991, с. 40–41, рис. 26; Симоненко, 2010, с. 49, рис. 26). В дальнейшем подобного вида оружие было широко распространено у сарматов, а под их влиянием и на Боспоре (Трейстер, 2010).

Первый кинжал (цветная вкладка, рис. 11 б). Среди драгоценных предметов, найденных в тайнике кургана Дачи, особый интерес представляет железный двулезвийный кинжал с округлым навершием и прямым перекрестием. В древности он имел деревянные ножны с четырьмя боковыми выступами, обтянутыми кожей, выкрашенной в красный цвет. Лицевые стороны ножен и рукояти покрыты золотыми декоративными пластинами, выполненными в зверином стиле.

Изображения на них, как показало специальное исследование, связаны единым сюжетом, переданным сценами, отражающими последовательность событий (Королькова, 1999, с. 73; Королькова, 2006, с. 131–132; Засецкая, 2011, с. 125–130). В основе сюжета лежит идея противостояния двух сил, воплощенных в образах грифона и фантастических грифов² с одной стороны и верблюдов с другой. Главными фигурантами этого сюжета являются грифон, изображенный на выступе ножен кинжала, и верблюд – на навершии. Оба персонажа показаны в воинственных позах, готовые к смертельной схватке. Грифон изображен в профиль, с резко повернутой назад головой на длинной шее, с мощным загнутым книзу клювом, острым ухом на «черешке» и треугольным глазом со вставкой сердолика. Задние лапы с огромными когтями слегка подогнуты и вытянуты вперед, передние – приподняты и упираются

¹ Размеры кинжалов – Дачи, Тиллятепе, Горгиппия. Длина: кинжалов в ножнах – 40,5; 37,5; 35,0 см, ножен – 25,5; 23,5; 24,5 см, рукояти – 13,7; 11,6; 12,7 см. Ширина ножен: в средней части – 4,5; 3,1; 4,3 см, с выступами – 11,0; 8,4; 11,0 см. Размеры выступов – 4,8×3,1; 3,8×2,7; 4,5×1,4 см.

² В статье сохранена терминология и пунктуация автора – *прим. ред.*

в край борта выступа. Тело и голова животного хорошо моделированы рельефными плоскостями. Мышцы бедра, основание крыла, ухо, лапы, изгиб спины и кончик хвоста отмечены вставками бирюзы. Гравированными линиями и бороздками переданы шерсть под шеей – «воротничок» и свисающая прядь между передними лапами. Рельефная полоса с поперечными косыми бороздками, идущая вдоль шеи, возможно, обозначает гребень. Хвост в виде «жгута» пропущен между задними лапами.

Верблюд изображен в профиль с задранной кверху мордой и открытой зубастой пастью хищника, как бы издающий боевой клич, с поднятой и согнутой в колене правой ногой. Фигура верблюда выполнена в высоком рельефе выпуклыми плоскостями, украшена вставками бирюзы и сердолика, подчеркивающими бедро, плечо, ребра, оба горба, шерсть на груди, а также ухо и глаза. Гравировкой показана шерсть под мордой, вдоль шеи и под грудью. Хвост в виде жгута пропущен между задними ногами, и конец его охватывает левую ногу.

Далее следует картина боя в виде повторяющихся аналогичных сцен борьбы грифов с верблюдами. Особенно ярко пафос этих изображений проявляется в скульптурных группах на выступах ножен. Но, несмотря на активное сопротивление верблюда, победа осталась за грифоном и его «войском», состоящим из фантастических «грифов», о чем свидетельствует финальная сцена – изображение мертвого верблюда в когтях «грифа» на рукояти кинжала.

Таким образом, описанные выше эпизоды, бесспорно, связаны единым содержанием, переданным в условной художественной манере. Однако это лишь его видимая сторона, которую мы можем прочитать. Глубинный же смысл изображений на ножнах кинжала по-прежнему остается загадкой: в чем суть показанного здесь противоборства и какие реальные силы стоят за ним? Может быть, это борьба олицетворяет войну племен или родов, воплощенных в зооморфных существах, которые являются их тотемами – священными животными. Не случайно они изображены на боевом оружии воина. Но, может быть, эти сцены демонстрируют борьбу природных или космических сил.

Все фигуры, особенно грифы, украшены цветными вставками. Так, шея и туловище грифов сплошь покрыты сердоликовыми и бирюзовыми вставками в ромбовидных гнездах, которыми обозначено птичье оперение (на шее восемь сердоликовых вставок, на теле одиннадцать бирюзовых). Большие уши, прижатые и направленные вперед, глаза, верхняя (плечевая) часть крыла, перья хвоста выделены вставками из бирюзы и сердолика. Между ушами – два рельефных продольно расположенных валика, вероятно, передающих характерный для этого вида монстров «хохолок». Гравировкой переданы маховая часть и внешний край крыла.

Фигуры верблюдов менее расцвечены. Вставками бирюзы выделены мышцы плеча, бедра, уши, тремя

вставками – двумя из бирюзы и одной из сердолика – передана длинная шерсть под грудью. Глаза отмечены вставками из сердолика. Густая шерсть на голове и пряди шерсти на шеи верблюда переданы гравировкой – выпуклыми линиями и бороздками.

Кроме того, внешний край ножен окаймляет невысокий гладкий бортик с декором из чередующихся (по схеме 2–1) вставками бирюзы и сердолика в углубленных ромбовидной формы гнездах.

Второй кинжал (цветная вкладка, рис. 11 а) происходит из погребения знатного воина или правителя, обнаруженного в погребении 4 некрополя Тилля-тепе в Северном Афганистане (Сарианиди, 1983, с. 65–104; Sarianidi, 1985, p. 247–248, il. 157–161; Schilz, 1994, p. 320–329). Оружие лежало у правого бедра погребенного и подвешено на кожаной портуpee. Кинжал двулезвийный с перекрестием ромбовидной формы и округлым навершием имел деревянные ножны, покрытые кожей и сверху золотой декоративной пластиной. В верхней и нижней части ножен расположены две пары выступов (лопастей) округлых очертаний. Верхние выступы в центре украшены гладкими золотыми дисками. Обращает на себя внимание отсутствие на нижних боковых выступах и оконечности ножен подобных дисков. В то время как наличие на них по два отверстия указывают на существование каких-то дополнительных декоративных деталей. Вполне возможно, что ими могли быть полусферические бляшки с фигурой грифона, который по своим морфологическим и стилистическим чертам идентичен одному из персонажей, изображенному на ножнах¹.

¹ Из описания В.И. Сарианиди известно, что около ножен, несколько ниже их, были обнаружены три небольшие бляхи с декоративным рельефом в виде свернувшегося по кругу грифона. Но если учесть, что все найденные в погребении предметы лежали *in situ*, а также чрезвычайную тщательность полевых работ, вряд ли можно полагать, что бляхи случайно оказались не на своем месте. Как отмечает В.И. Сарианиди, на оборотной стороне блях сохранилась плотно зажатая поперечной золотой полоской толстая кожа со следами стертости, указывающими на длительное употребление ремней с нанизанными на них бляхами (Сарианиди, 1983, с. 96). Сначала авторы раскопок предположили, что бляхи служили украшением ремней портупей. Однако, поскольку они лежали значительно ниже пояса и даже ниже самого кинжала, авторы отказались от такого предположения и, опираясь на обычай кочевников класть в могилу уздечные наборы, связали находки блях в погребении воина с украшениями конской узды. На мой взгляд, такое назначение блях представляется сомнительным, на что косвенно указывает отсутствие в могиле каких бы то ни было определенных частей конского снаряжения, и прежде всего, удила или псалиев. Учитывая все вышесказанное, я полагаю, что в этом случае мы можем говорить о вторичном использовании специально снятых с ножен золотых блях, первоначально украшавших нижние выступы и оконечность ножен кинжала. При этом они, скорее всего, были использованы для портупейных ремней, которыми кинжалы такого типа прикреплялись к ноге воина.

Вся поверхность ножен и рукояти кинжала заполнена декоративным орнаментом из зооморфных мотивов и бордюров растительного характера, изобилующих вставками бирюзы в гнездах разнообразной формы.

Наиболее значимую часть декора ножен составляет многофигурная композиция из пяти зооморфных фантастических существ, крадущихся друг за другом, при этом каждый последующий кусает впереди идущего. Фигуры показаны в профиль на полусогнутых лапах и расположены в один ряд вдоль ножен по горизонтали.

Первый персонаж, считая от перекрестия кинжала, представлен кошачьим крылатым хищником, изображенным с повернутой назад головой. Тупая морда с оскаленной пастью и прищуренными глазами передает агрессивное состояние зверя, который как бы огрызается на напавшего сзади монстра. Рельефными выпуклостями переданы надбровные дуги, четко выражен широкий нос, острое ухо повернуто назад, под щекой рельефный завиток. Крыло в виде плавно изогнутого валика заканчивается завитком. Хвост не виден, очевидно, спрятан под брюхом.

Второй персонаж, несмотря на наличие слабо выраженного загнутого клюва, скорее следует отождествлять с образом фантастического крылатого

льва. Зверь изображен с большой головой, с широко открытой пастью и поднятой верхней губой, с носовыми складками. Над глубоко посаженными глазами – надбровные дуги в виде округлых бугров, нос также передан округлой выпуклостью, ухо удлиненной листовидной формы направлено вверх и вперед. За щекой, под шеей, показана прядь волос веерообразного очертания. Хвост пропущен между задними ногами под брюхо.

Третий персонаж – рогатый и крылатый лев. На крупной голове имеется рог в виде рельефного валика с завитком на конце. Морда показана с оскаленной зубастой пастью, с глубоко посаженными глазами, надбровными дугами и длинным выпуклым носом. Ухо острое направлено вперед, позади щеки – веерообразная прядь шерсти.

Четвертый персонаж представляет собой фантастическое рогатое, крылатое существо со змеевидно извивающимся телом и волчьей головой. Крупная голова с удлиненной мордой изображена с широко открытой зубастой пастью, круглым большим глазом, поднятым кверху носом с очерченными ноздрями. Остроконечное, длинное ухо направлено назад. Миндалевидным гнездом отмечена щека, за щекой веерообразно свисает прядь шерсти. Высоким рельефом обозначен лоб,

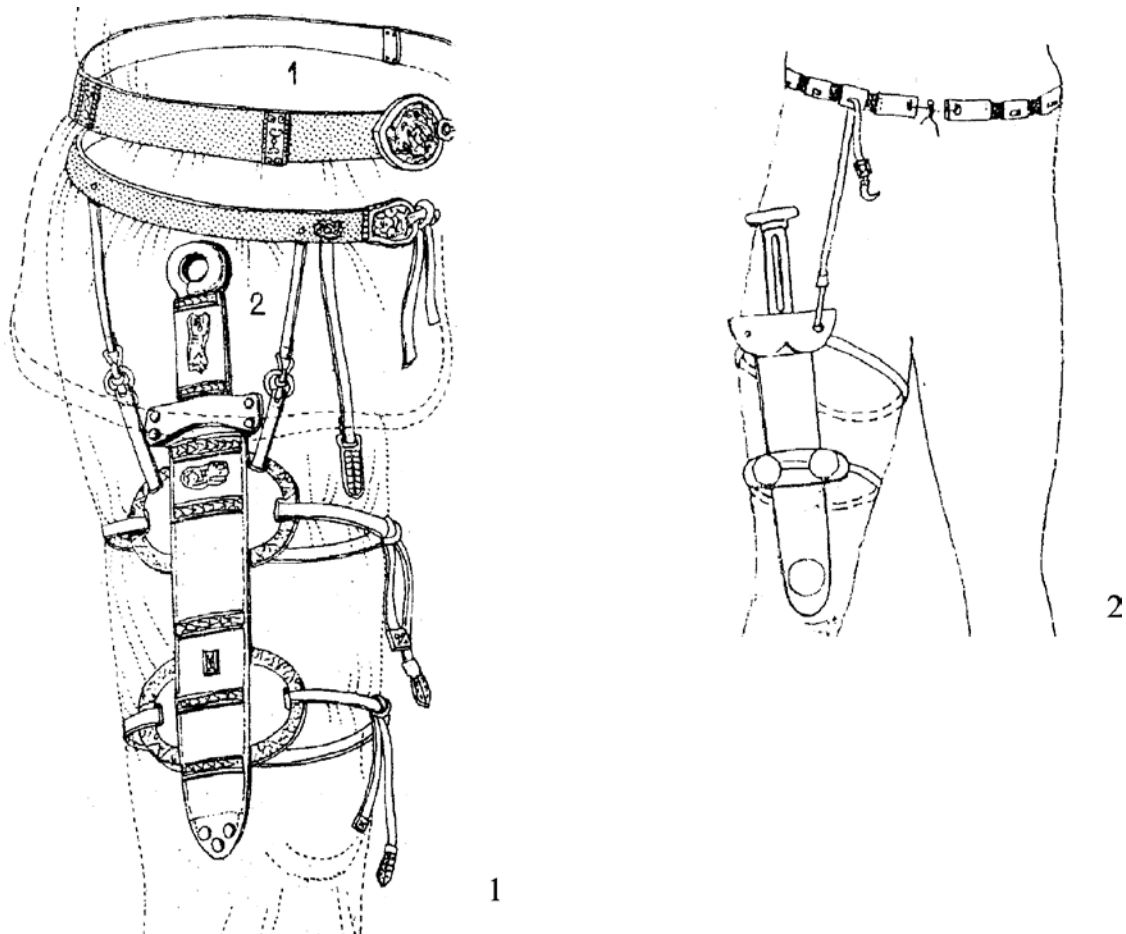

Рис. 1. Способ ношения кинжалов с четырьмя боковыми выступами на ножнах (1 – по А.В. Симоненко, 2010, с. 63, рис. 40; 2 – по Кубареву, 1985)

из которого вырастает мощный S-овидной формы рог с валиком в основании и неровной поверхностью, переданной косыми бороздками. Вся фигура изображена в профиль, но задние лапы вытянуты вперед и разведены в стороны (распластаны). Между ними пропущен длинный, «лохматый», хвост, конец которого выходит, как справедливо заметил В.И. Сарияниди, «у передних лап», точнее у локтя передней левой лапы, упирающейся в шею монстра. Ниже крыла, в изгибе тела, веерообразно спускается прядь шерсти.

Пятый персонаж – грифон, вгрызающийся в лапу волкоподобного существа, изображен со сравнительно небольшой головой с крутым выпуклым лбом и длинным острым направленным назад ухом на черешке. Морда – с клювовидным носом, открытым ртом и глубоко посаженными глазами. Вдоль шеи обозначен невысокий гребень. Хвост в виде рельефного валика с завитком на конце, обозначенным круглой вставкой, пропущен между задними лапами и заброшен на спину.

У всех персонажей вставками бирюзы выделены ухо, бедро, крыло, голеностопный сустав, изгиб спины и брюхо. Кроме того, у волкоподобного чудовища вставками подчеркнуты глаз, щека, кончик носа и, возможно, ноздря. Шерсть по внешнему контуру лап, по хребту, а также свисающие пряди обозначены гравированным орнаментом. В целом же тела животных и, особенно, мощная шея переданы гладкими рельефными плоскостями.

Композицию в целом обрамляет бордюр из 106 бирюзовых вставок в круглых гнездах. Края ножен украшены стелющейся виноградной лозой с бутонами цветов из 96 круглых вставок бирюзы.

Также богато была орнаментирована рукоять кинжала. С лицевой стороны на прямоугольной части рукояти представлена сцена нападения фантастического льва, вцепившегося в колено задней лапы хищника кошачьей породы. Фигуры расположены по горизонтали.

На навершие рукояти помещена фигура идущего медведя с поднятыми и разведенными в стороны верхними лапами. Во рту и в лапах медвежонок держит стебли плюща с тремя цветками, переданными круглыми вставками из бирюзы. Вставками отмечены уши и бедро зверя. Шерсть на лапах обозначена узкими полосками с насечкой из мелких косых бороздок. Фигура заключена в кольцо декоративного бордюра из 18 листовидных вставок, расположенных симметрично по 9 вставок с каждой стороны, и между ними: одной сердцевидной – внизу, и двух «когтевидных» – наверху.

Оборотная сторона рукояти украшена пышным декором из аканфа со вставками бирюзы.

Третий кинжал (цветная вкладка, рис. 11 в) происходит из мужского погребения, обнаруженного в саркофаге 2 каменного склепа на некрополе в Горгиппии, г. Анапа, Краснодарский край (L'Or des Amazones..., 2001, p. 277–279, Nr 335).

Кинжал двулезвийный без навершия, с прямым перекрестием и четырьмя боковыми выступами на ножнах. Ножны обтянуты золотой пластиной со сценами нападения хищной птицы на зайца, повторенными на прямоугольной части пять раз и расположенными друг за другом по вертикали. Но при этом персонажи в каждой отдельной сцене занимают горизонтальное положение. Аналогичные изображения украшают четыре боковых выступа ножен.

В отличие от зайцев, тела которых переданы гладкими плоскостями, а вставкой отмечено только ухо, фигуры птиц, напротив, характеризуются разнообразием декоративного оформления. Так, например, крылья, грудь и хвосты птиц отмечены вставками, а оперение обозначено чешуйчатым, перьевидным, волнообразным гравированным орнаментом и короткими поперечными штрихами. Однако заметим, что птицы на боковых выступах показаны в иной позе, в другом ракурсе и имеют только по одной вставке на груди. В верхней части пластины, между выступами, расположена фигура павлина, изображенного в профиль, в спокойной позе. Его знаменитый хохолок, а также крыло, грудь и распущенный хвост отмечены вставками (в настоящее время вставка в хохолке утрачена).

На золотой обкладке рукояти изображены три фигуры птиц, идущих друг за другом. Притом что композиция в целом построена так же, как и на ножнах – по вертикальной оси, фигуры птиц развернуты по горизонтали. Все сохранившиеся вставки и на ножнах и на рукояти – из бирюзы. Лишь на крыле птицы (верхняя фигура на рукояти) бирюза заменена альмандином (скорее всего, это результат древней реставрации).

По краю ножны и рукоять декорированы бордюром в виде невысокого гладкого бортика, сплошь покрытого вставками альмандина в углубленных гнездах овальной, круглой и миндалевидной формы. Однако нет никакой закономерности в размещении разной формы гнезд.

По определению ведущего специалиста по металлопластике Р.С. Минасяна, золотые декоративные пластины на кинжалах сделаны в технике басмы, о чем свидетельствуют хорошо видимые на поверхности лицевой стороны следы вторичной обработки и техники углубленных гнезд (Минасян, 2006, с. 213–223; Засецкая, Минасян, 2008, с. 44–52)¹.

¹ Особо следует остановиться на способе крепления скульптурных блях с боковыми выступами и оконечностью ножен кинжала из кургана Дачи. Е.И. Беспалый пишет, что на трех выступах и оконечности ножен пробиты отверстия: на левом нижнем выступе – три, на остальных – по два. К ним через «кожаную прокладку (?) крепились посредством железных проволочек» скульптурные группы «на круглой подставке» (Беспалый, 1992, с. 87, рис. 12). К сожалению, в настоящее время проверить или уточнить конструкцию крепления блях с ножнами невозможно, поскольку бляхи после реставрации неподвижно закреплены на золотом покрытии ножен.

Теперь проведем сравнительный анализ стилистических особенностей декоративного оформления описанных выше кинжалов по следующим пунктам:

1. Композиции на ножнах: *Тилля-тепе* – пять фигур, следующих друг за другом, представляют **непрерывный** ряд персонажей, расположенных **по горизонтали**; *Дачи* – одинаковые сцены из двух персонажей, повторены **раздельно** четыре раза друг под другом по **вертикали**. *Горгиппия* – одинаковые сцены из двух персонажей повторены **раздельно** пять раз друг под другом **по вертикали**, но при этом фигуры развернуты по **горизонтالي**.

2. Содержание: *Тилля-тепе* – изображение подчинено одной теме – **преследования и нападения** – каждый персонаж связан друг с другом; *Дачи* – сцены на ножнах и рукояти представляют один сюжет – **противоборство** верблюда с грифоном. *Горгиппия* – сцены **нападения** хищной птицы на зайца.

3. Композиция и содержание декора на лицевой стороне рукояти: *Тилля-тепе* – сцена **нападения** расположена **по горизонтали**, *Дачи* – финальная сцена – **смерть верблюда** расположена **по вертикали**. *Горгиппия* – **фигуры** расположены друг под другом **по вертикали в горизонтальном положении**.

4. Декор на навершии: *Тилля-тепе* – одна фигура **медвежонка**. *Дачи* – одна фигура **верблюда**. *Горгиппия* – навершия не было изначально.

5. Декор на оборотной стороне рукояти: *Тилля-тепе* – **пышный растительный** орнамент. *Дачи* – **стилизованный, растительный** орнамент. *Горгиппия* – золотая обкладка на оборотной стороне рукояти изначально не существовала.

6. Оформление боковых выступов и оконечности ножен: *Тилля-тепе* – золотые **гладкие диски** на двух верхних выступах и **бляхи с фигурой грифона** на нижних выступах и оконечности ножен (?). *Дачи* – на трех выступах и оконечности ножен – сцены **борьбы «грифов» с верблюдами**, на четвертом выступе – **фигура грифона**. *Горгиппия* – сцены **нападения хищной птицы на зайца**.

7. Образы персонажей: *Тилля-тепе* – **кошачий хищник, крылатый лев, грифон, волкоподобное чудовище, медведь**; *Дачи* – **верблюд, грифон, фантастический гриф**; *Горгиппия* – **хищная птица, заяц, павлин**.

8. Изобразительные средства: *Тилля-тепе* – передача фигур **рельефными плоскостями, незначительное** использование **графического орнамента**. **Специфические черты** – подщечные пряди шерсти. **Вставками** выделены крылья, глаза, уши, нос, мышцы плеча, бедра, голени, спины и живота. *Дачи* – передача фигуры грифона и верблюда **рельефными плоскостями**, использование **графического орнамента**. **Специфические черты:** прядь шерсти под грудью и «воротничок» под шеей у грифона. **Вставками** выделены глаза, уши, мышцы плеча, бедра, оперение, шерсть. *Горгиппия* – фигуры переданы **рельефными плоскостями**, широкое использование

графического орнамента. **Вставками** отмечены глаза, уши, крылья, грудь, оперение хвоста.

9. Декоративные бордюры: *Тилля-тепе* – **виноградная лоза**, ряды из вставок **круглой и листовидной** формы; *Дачи* – ряд из вставок **ромбовидной** формы; *Горгиппия* – ряд из вставок **миндалевидной и округлой** формы.

10. Вставки – количество, материал, формы: *Тилля-тепе* – 319 вставок **бирюзы: круглых 234 и 86** разной формы – **листовидные, миндалевидные, сердцевидные, секировидные, прямоугольные, в виде запятой и S-образные**. *Дачи* – 439 вставок, из **бирюзы** – 274, из **сердолика** – 162, из **глухого стекла** – 4. Из них: **ромбовидных 225 и 214** разной формы – **миндалевидные, листовидные, удлиненные, треугольные, скобовидные, сердцевидные**. *Горгиппия* – 153 вставок, **99** – из **альмандина**, **54** – из **бирюзы** разной формы: **округлой, миндалевидной, листовидной**.

Сравнительный анализ декоративного оформления описанных выше кинжалов показал существенное отличие стилистических особенностей этих произведений древнего искусства, что проявилось в идейном содержании сцен и их композициях, в подборе зооморфных образов и изобразительных средств для их передачи (**цветная вкладка**, рис. 11). Так, например, более разнообразный репертуар персонажей, состоящий из пяти различного вида животных, показан на ножнах из *Тилля-тепе*. В то время, как в сценах на кинжалах из *Дачи* и *Горгиппии* фактически присутствуют лишь по два главных персонажа – верблюд и фантастический «гриф» на кинжале из *Дачи*, хищная птица и заяц на кинжале из *Горгиппии*. Образы грифона (*Дачи*) и павлина (*Горгиппия*) в композициях представлены лишь по одному разу.

Также не одинаковы по содержанию (см. описание выше) и по технике исполнения рельефы на боковых выступах и оконечностях ножен. Например, на ножнах из *Тилля-тепе* – все декоративные детали были сделаны отдельно и затем прикреплены к ножнам. На кинжале из кургана *Дачи* – скульптурные группы были также изготовлены отдельно, фигура же грифона на правом верхнем выступе была выполнена одновременно со всей композицией декора ножен. Все изображения на ножнах кинжала из *Горгиппии*, в том числе и на выступах, исполнены вместе с одной матрицы.

По-разному решена цветовая гамма: золотые обкладки ножен и рукояти кинжала из *Тилля-тепе* украшены исключительно бирюзовыми вставками; в декоре кинжала из *Дачи* наряду с бирюзой широко используется сердолик, составляющий $\frac{1}{3}$ от всего количества вставок, на экземпляре из *Горгиппии* вставки из бирюзы, составляющие меньшую часть, сочетаются со вставками из альмандина.

Формы вставок, как явствует из приведенных выше описаний, также далеко не идентичны. Наиболее разнообразны и оригинальны по форме вставки на изделиях из *Тилля-тепе*, специфику

декора кинжала из **Дачи** представляют вставки ромбической формы, которые не встречаются на двух других экземплярах. Вставки на ножнах из **Горгии** не отличаются оригинальностью. Они, в основном, представлены обычными формами – миндалевидной, овальной, круглой.

Кроме того, отличительной чертой декора кинжала из **Тилля-тепе** является наличие пышного растительного орнамента, как на ножнах, так и, особенно, на оборотной стороне рукояти.

Таким образом, данные изделия в стилистическом отношении представляют собой самостоятельные произведения древнего ювелирного искусства и, несмотря на то, что относятся к одному типу оружия и исполнены в одинаковой технике басмы, можно с достаточной долей вероятности утверждать, что сделаны они в разных мастерских, имеющих разные художественные традиции. Посмотрим, каковы истоки декоративного оформления наших кинжалов.

Начнем с кинжала из кургана **Дачи**. Например, образ изображенного на ножнах двугорбого верблюда – бактриана был широко известен в древнем искусстве населения Центральной и Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири, где он почитался как культовое животное, обладающее наибольшей силой и мощью. Не случайно, некоторые народы рассматривали бактриана как символ знатности и власти (Кузьмина, 1963, с. 43). Е.Ф. Королькова, опираясь на стилистические особенности изображений верблюда, объединив их в разные по времени и этнической принадлежности художественные группы, убедительно показала, что центром распространения этого образа в VI–IV вв. до н.э. был регион Южного Приуралья, Западного Казахстана и, возможно, Приаралья, и в то же время он не был известен в Северном Причерноморье (Королькова, 1999, с. 68–96; 2006, с. 84–104).

Первые находки с изображениями верблюда на более западных территориях относятся ко времени II в. до н.э. – I в. н.э. и происходят из погребальных комплексов Нижнего Поволжья и Нижнего Дона, что можно объяснить начавшейся миграцией сарматских племен. Однако эти довольно схематизированные изображения в стилистическом отношении не могут рассматриваться как прототипы образа верблюда на кинжале из кургана **Дачи**, в художественном воплощении которых выступают иконографические традиции звериного стиля восточного происхождения скифской эпохи. Особенно это касается стилизации в передаче типических природных черт данного вида животного. По использованию в качестве изобразительного средства вставок бирюзы исследователи справедливо в качестве аналогии рассматривают фигуру верблюда на перстне из карагалинской находки в Казахстане.

Не менее интересны с точки зрения изобразительной традиции образы «грифа» и грифона на золотых обкладках из кургана **Дачи**. Подробный

анализ выделенных стилистических черт, с привлечением соответствующих аналогий, позволил сделать вывод, что как сами образы, так и характер их воплощения, указывают на разные истоки художественных традиций, восходящих к греко-восточному архаическому искусству VII–VI вв. до н.э., звериному стилю сако-массагетского круга Сибири, Средней и Центральной Азии III–II вв. до н.э., а также указывают на некоторые общие декоративные признаки с изделиями I в. до н.э. – I в. н.э. из некрополя Тилля-тепе (Засецкая, 2012а, с. 353–383).

Более всего архаические черты проявляются в изображении головы чудовищ с мощным загнутым книзу устрашающе открытым клювом с оскаленными зубами с торчащим кверху ухом, а также в наличии под шеей «воротничка» и одним из вариантов передачи крыльев, когда верхняя часть крыла показана вставками, а нижняя, имитирующая длинные маховые крылья, графическим орнаментом. Подобные комбинированные крылья встречены у фантастических чудовищ и птиц, изображенных на изделиях скифской эпохи из Амударьинского клада и Сибирской коллекции Петра I.

Кроме того, поза грифона на выступе и сцена грифа с мертвым верблюдом в когтях на рукояти кинжала также находят себе прототипы на Востоке. Например, в аналогичной грифону позиции показаны крылатые львы на золотых дисках из Амударьинского клада IV в. до н.э., а сцену на рукояти по содержанию и, отчасти, по композиции можно сравнить с изображением «грифа», держащего в когтях козла, на бляхе III в. до н.э. из Сибирской коллекции Петра I.

Таким образом, в формировании художественных образов всех трех персонажей верблюда, грифона, фантастической птицы-грифа на ножнах и рукояти кинжала из кургана **Дачи** явно присутствует влияние искусства ранних кочевников восточных регионов Приуралья, Казахстана, Сибири, Центральной и Средней Азии.

Что же касается декоративного оформления ножен Тилля-тепе, то автор первой публикации их В.И. Сарияниди, исследуя стилистические признаки изображений на золотых ножнах, указывает на смешанный характер декора и отмечает в нем влияние переднеазиатских и сибирско-сарматских культурных традиций. Но при этом он считает, что это не просто эклектика, не механическое смешение разных стилей, а органическая взаимосвязь, имеющая длительную историю развития (Сарияниди, 1983, с. 92–93).

Несомненно, декоративное оформление кинжала из Тилля-тепе носит самостоятельный характер и представляет собой образец местного, скорее всего, греко-бактрийского искусства, впитавшего как культурные традиции цивилизации Востока, кочевого мира скифо-сарматской эпохи, так и эллинистического творчества.

Сначала обратимся к композиции, представленной на ножнах кинжала, в которой персонажи изображены в один ряд друг за другом по горизонтали. Размещение фигур в одну линию или по кругу исследователи определяют как «шествие» и связывают с художественной традицией искусства Передней Азии скифской эпохи VII–IV вв. до н.э. Прежде всего, следует указать, что подобные композиции были всегда характерны для декоративного оформления ножен мечей. Наиболее ранние изображения этого мотива – идущие друг за другом чудовища происходят из скифских курганов VII в. до н.э. (Келермесский и Мельгуновский) и, являясь типичными образцами древнего искусства Ближнего Востока, могли быть источником традиционного воспроизведения подобной композиции на более поздних мечах V–IV вв. до н.э. из скифских и греко-скифских погребальных комплексов (Ушаковский, Солоха, Куль-Оба, Толстая могила). Однако в находках последних трех погребений в изображениях преобладают элементы греческого искусства, что выразилось как в выборе образов, таких как лев, гиппокамп, грифон, так и в их воплощении, представленном в характерной для греческого искусства «реалистической» манере. То же можно сказать и о зооморфных мотивах, представленных на ножнах из Тилля-тепе, таких, как крылатый лев и грифон, которые продолжают традиции греко-восточного искусства.

Особого внимания заслуживает фигура монстра с головой «носатого волка», козлиным рогом, птичьим крылом, извивающимся телом дракона и пышным хвостом. Отождествление этого чудовища с образом дракона, на мой взгляд, носит условный характер, что объясняется, прежде всего, отсутствием в литературе определенного представления об эталонном изображении дракона, как и специального исследования данного мотива в древнем искусстве звериного стиля кочевников Евразии. В настоящее время, не углубляясь в эту проблему, отметим лишь, что указанное выше чудовище в декоре на ножнах кинжала из Тилля-тепе имеет прямые прототипы в изображениях на золотых бляшках III–II вв. до н.э. из Сибирской коллекции Петра I. На них мы видим фантастические существа с головой волка, изображенного с оскаленной пастью, загнутым вверх кончиком носа и выступом на носовой части морды, с длинным ухом и рогом, повернутыми назад. Кроме того, на одной из бляшек чудовище снабжено крылом в виде рельефной фигуры с загнутым концом и украшенным тремя вставками бирюзы. На принадлежность тилля-тепинского чудовища к «волчьему» мотиву может также указывать его «косматый» хвост, передающий условно природный пушистый хвост волка (Засецкая, 2012б, с. 63–73).

Несмотря на, казалось бы, традиционный выбор персонажей, трактовка их на тилля-тепинских ножнах отличается своеобразием, объединяющим эти образы с зооморфными изображениями на других вещах из Тилля-тепе, которые образуют специфиче-

скую группу художественных изделий, выделяющихся из всего многообразия декоративных предметов некрополя. Все представленные на них зооморфные мотивы, за исключением копытных животных, относятся к фантастическим существам, для которых характерно сочетание природных черт разных особей звериного мира. Таковы, например, упомянутый выше образ грифона, встреченный на ножнах кинжала и на трех бляшках, козлорогие носатые волкоподобные и драконоподобные монстры, крылатые пантеры и львицы, львиноподобные чудовища¹.

Уникально изображение медвежонка на навершии рукояти кинжала. Непонятно, откуда мог быть позаимствован столь необычный как для греко-восточного, так и для скифского и сарматского искусства образ.

В целом же декоративное оформление на ножнах характеризуется особым своеобразием художественного стиля. Изображенные на них крадущиеся друг за другом звери расположены на одном уровне и контуры их фигур вместе с бордюром из стелющейся виноградной лозы образуют ритмично повторяющиеся волнообразные линии. Именно эта черта является главной, бросающейся в глаза спецификой декора тилля-тепинских ножен, что отличает их от декоративного оформления двух других аналогичных предметов – ножен кинжалов из кургана Дачи и Горгиппии, и в то же время сближает с изобразительной манерой художественных изделий центрально-азиатского происхождения.

Вернемся к последнему из рассматриваемых нами кинжалов, а именно к изображениям на ножнах кинжала из Горгиппии. Прежде всего, их отличает, как было показано выше, от декоративного оформления двух других аналогичных предметов композиция, в которой сочетаются два изобразительных приема – построение сцен по вертикали, как на кинжале из Дачи, и одновременно показ фигур в горизонтальном положении, что является более традиционным для декоративных композиций на ножнах мечей и кинжалов. Кинжал из Горгиппии датируется исследователями первой половиной II в. н.э., являясь самым поздним из трех исследуемых нами изделий, чем, вероятно, и можно объяснить наличие двух изобразительных традиций в построении декоративных сцен. Изображенные на ножнах из Горгиппии образы – зайца и павлина не характерны для репертуара кочевников Евразии, также как и вставки из алмаздинов. Зато подобные мотивы, а также использова-

¹ Подобные существа в основном представлены на предметах, происходящих из мужского погребения 4. Это ножны кинжала и ножа, поясные бляхи, обувные застежки, аркообразные бляхи с изображением львицы или пантеры, а также два наконечника, несколько предметов с зооморфными мотивами происходят из женских погребений 2 и 6 – браслеты, застежка и височные подвески (Sarianidi, 1985, p. 246–248, 251, cat. nn: 1–2; 4–9; 34–36; p. 231, cat. n. 4, 7; p. 255–256, cat. n. 4, 15).

ние в декоре гранатов и алмандинов характерны для античного искусства Северного Причерноморья эллинистической и римской эпохи.

Таким образом, подводя итоги проделанному нами исследованию стилистических особенностей декора описанных выше трех кинжалов, можно с достаточной долей вероятности утверждать, что изображения на этих изделиях отражают разные культурные традиции и относятся к разной художественной манере.

Что же касается центров производства, то наиболее определенно можно сказать лишь о кинжале из Горгиппии, который, скорее всего, является продукцией одной из боспорских мастерских. Такой же точки зрения придерживаются и другие авторы, в том числе и М.Ю. Трейстер, посвятивший специальную работу находкам из склепа 2 в Горгиппии (Трейстер, 2003).

Не исключено, что мнение В.И. Сариниди о местном бактрийском производстве кинжала из Тилля-тепе справедливо, но не безусловно, и требует дальнейшей проверки.

Труднее всего назвать место изготовления кинжала из Дачи. Судя по стилистическим особенностям, аналогии которым большей частью мы находим в изделиях сако-массагетского круга, азовский кинжал, скорее всего, был сделан в одной из античных мастерских Востока, не исключено, что это могла быть и Бактрия¹.

Надо заметить, что восточный элемент присутствует в декоре всех трех кинжалов. Но если в азовских и тилля-тепинских кинжалах он занимает значительное место, то в горгиппийском – это лишь отголосок в виде бирюзовых вставок.

Литература

БСЭ: Большая Советская Энциклопедия. Том 24, кн. 1.

Засецкая, 2011: Засецкая И.П. Сюжет декоративного оформления кинжала из кургана Дачи // Европейская Сарматия: Сборник, посвященный памяти М.Б. Щукина. СПб., 2011.

Засецкая, 2012a: Засецкая И.П. Изображения грифонов и «грифов» в сарматском зверином стиле // Золото, Конь, Человек. Киев, 2012a.

Засецкая, 2012b: Засецкая И.П. Образ волка в сарматском искусстве I в. н.э.: Сборник статей. Самара, 2012b.

Засецкая, Минасян, 2008: Засецкая И.П., Минасян Р.С. Золотые ножны кинжала из кургана Дачи – уникальное произведение древнего ювелирного искусства // Сокровища сарматов: Каталог выставки. СПб.; Азов, 2008.

Королькова, 1999: Королькова Е.Ф. Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // АСГЭ. 1999. Вып. 34.

Королькова, 2006: Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2006.

Кубарев, 1981: Кубарев В.Д. Кинжалы из горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.

Кузьмина, 1963: Кузьмина Е.Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации Бактрианов // СА. 1963. № 2.

Минасян, 2006: Минасян Р.С. Кинжал из кургана Дачи // ИАИАИАНД. Азов, 2006. Вып. 21.

Мордвинцева, 2003: Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.

Сариниди, 1983: Сариниди В.И. Афганистан: сокровища безмянных царей. М., 1983.

Сариниди, 1987: Сариниди В.И. Бактрийский центр златоделия // СА. 1987. № 1.

Симоненко, 2010: Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Нестор-История, 2010.

Симоненко, Лобай, 1991: Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северного Причерноморья. Киев, 1991.

Соколов, 1968: Соколов А.Н. Теория стиля. М., 1968.

Трейстер, 2010: Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н.э. // Древности Боспора. М., 2010. Вып. 14.

Sarianidi, 1985: Sarianidi V.I. Batrian Gold from the excavations of the Tillya-tepe necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985.

Schiltz, 1994: Schiltz V. Les Scythes et les nomades des steppes VIII siècle avant J.-C. – I siècle J.-C. Paris: Gallimard, 1994.

Treister, 2003: Treister M. The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 Excavations) // Ancient Civilizations 9, 1–2. Koninklijke Brill NV. Leiden, 2003.

¹ В.И. Мордвинцева отнесла изображения на кинжале из кургана Дачи в выделенную ею вторую группу – «Тилля-тепе – золото-бирюзовый стиль», отметив, что «наиболее точно соответствуют всем стилистическим и технико-стилистическим приемам, которые характерны для предметов группы Тилля-тепе, ножны из кургана у п. Дачи. Это особенно очевидно, благодаря сложности композиции, разнообразию представленных здесь сюжетов и мотивов, позволяющих отметить все особенности школы Тилля-тепе» (Мордвинцева, 2003, с. 41–42, 51, 78–79). Однако, прежде всего, обратим внимание на то, что цветовая гамма на ножнах кинжала из кургана Дачи ни коим образом не соответствует термину «золото-бирюзовый стиль», поскольку наряду с бирюзой одну треть инкрустации составляют вставки из сердолика. И разве такие черты как сложность композиции, разнообразие сюжетов и мотивов, характерны только для «школы Тилля-тепе» (?). Кстати, сцены на ножнах азовского кинжала отнюдь не характеризуются разнообразием сюжетов, а, напротив, объединены одним общим сюжетом с участием трех персонажей (Засецкая, 2006, с. 251; 2011, с. 125–130).

Л.С. Ильюков
(г. Ростов-на-Дону)

КОСТЯНЫЕ ПАЛОЧКИ-ЗАСТЕЖКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ДОНА

В инвентаре раннескифских погребальных памятников представлены костяные или бронзовые палочки с поперечной канавкой. Часто их находят вместе с костяными «гвоздиками, столбиками» и наконечниками стрел. В этих комплексах палочки с поперечным перехватом стали интерпретировать как застежки для клапана горита (Черненко, 1981, гл. III). Количество находок палочек-застежек перевалило за полсотню (рис. 1–3). Их выразительную выборку составил Е.В. Черненко (Черненко, 1981, с. 36–42, рис. 22–25). Наряду с костяными экземплярами в коллекциях представлены бронзовые изделия, иногда обложенные золотым листом с фигурными окончаниями (рис. 2; 3). Встречаются каменные либо деревянные застежки, последние обтянуты золотой фольгой (рис. 2, 15, 19). Костяные палочки-застежки Е.В. Черненко разделил на два типа. Первый тип имеет острые концы палочки, второй тип – палочки с тупыми и скругленными окончаниями (Черненко, 1981, рис. 24, 8, 9, 11). По его мнению, протяженность поперечной канавки-желобка для крепления шнура, на котором держалась застежка, не имела значения. Застежки редко были орнаментированы. Разнообразие находок позволило разделить их на две большие группы. Одна из них представлена более изящными изделиями, выполненными не только из кости, но и бронзы, иногда покрытой золотом (рис. 3). Вторая группа – это более простые находки, сделанные из кости или дерева, изредка обтянутые фольгой (рис. 2). Исключением являлись короткие застежки, появившиеся в предскифское время (рис. 2, 10, 11). В краснознаменских курганах, которые датируются первой половиной VII в. до н.э., были обнаружены простые короткие костяные застежки с поперечной канавкой, дно которой иногда имеет зазубрины. Они входили в состав уздечных наборов (рис. 2, 1–6) (Петренко, 2006).

В низовьях Нижнего Дона в раннескифских погребениях встречаются только простые костяные палочки-застежки. Они вместе с костяными клипсами рассматриваются как детали горитов (Лукьяшко, 2013, с. 67). Палочки-застежки, обнаруженные в низовьях Дона, по мнению С.И. Лукьяшко, подразделяются на два типа. Первый из них имеет приостренные концы (Высочино VII к. 8 п. 2; Новоалександровка к. 24 п. 5), второй – с округлыми концами и перехватом-зазубриной посередине (Высочино к. 7 п. 2; к. 23, п. 4; Высочино V к. 30 п. 8; Арпачин к. 6 п. 8; Новоалександровка I к. 7 п. 8;

к. 2 п. 2). Иногда перехват в средней части палочки был только намечен, или был хорошо выражен, и имеет глубокую полукольцевую или кольцевую канавку. Одна из застежек второго типа была обнаружена при скорченном костяке (Койсуг к. 5 п. 3), тогда как остальные обнаружены в погребениях, где умершие всегда имели вытянутую позу (Лукьяшко, 2013а). У койсугской находки канавка расположена на ребре предмета (рис. 1, 7). В данной выборке все изделия были прямыми и, как правило, не орнаментированы. Они имеют сильнее или слабее выраженную поперечную канавку для привязывания палочки к футляру. Длина предмета 5–9 см. Такая классификация вполне обоснована. Ее можно дополнить находками из Каратаевского могильника (Ильюков, 2002). Одна из каратаевских палочек-застежек с приостренными концами оказалась сплошь покрыта тонким прочерченным елочным узором (Ильюков, 2002, рис. 17, 8). На территории этого могильника в разрушенном погребении 7 обнаружена продольно расколотая кость, ее сечение полуовальное. Выпуклая сторона палочки прорезана глубокими канавками. Длина предмета 5 см (рис. 1, 12). По-видимому, ее можно будет включить в категорию застежек. Не исключено, что костяная пластинка была приклеена к деревянной половинке застежки-палочки.

Среди нижнедонских застежек к первому типу относится три находки с приостренными концами (рис. 1, 9–11). У двух из них (Высочино VII к. 8 п. 2; Новоалександровка к. 24 п. 5) оригинально оформлены окончания. Их конические завершения выделены уступом. Длина предмета 7–8 см. Поперек палочки расположена канавка для привязывания шнура (рис. 1, 10, 11). Эта канавка могла быть короткой (Беспалый, Парусимов, 1991, рис. 3, 4) или кольцевой (Беспалый, Парусимов, 1991, рис. 4, 21). В сечении предмет имел округло-овальную форму, ее длина 7–8 см.

В одном из каратаевских погребений (п. 19) была обнаружена палочка, сделанная из продольно расколотой желобчатой кости длиной 15 см. В ее средней части с двух сторон расположены слабые углубления для крепления веревочки. Концы этого предмета завершаются миниатюрными грибовидными шляпками. Эта каратаевская находка почти в два раза длиннее остальных предметов в данной выборке (рис. 1, 13) (Ильюков, 2002, рис. 16, 11). Аналогичные костяные изделия разной сохранности

обнаружены на территории Елизаветовского городища (Марченко и др., 2000, табл. 44, рис. 77, 7, 8, 10). Здесь их связывают с рыболовством и рассматривают как орудия для плетения сетей (Марченко и др., 2000, рис. 180, табл. 44, рис. 77, 1–12). В каратаевском погребении костяная палочка находилась в 0,6 м от наконечников стрел, зафиксированных вдоль правого бедра погребенного (Ильюков, 2002, с. 185).

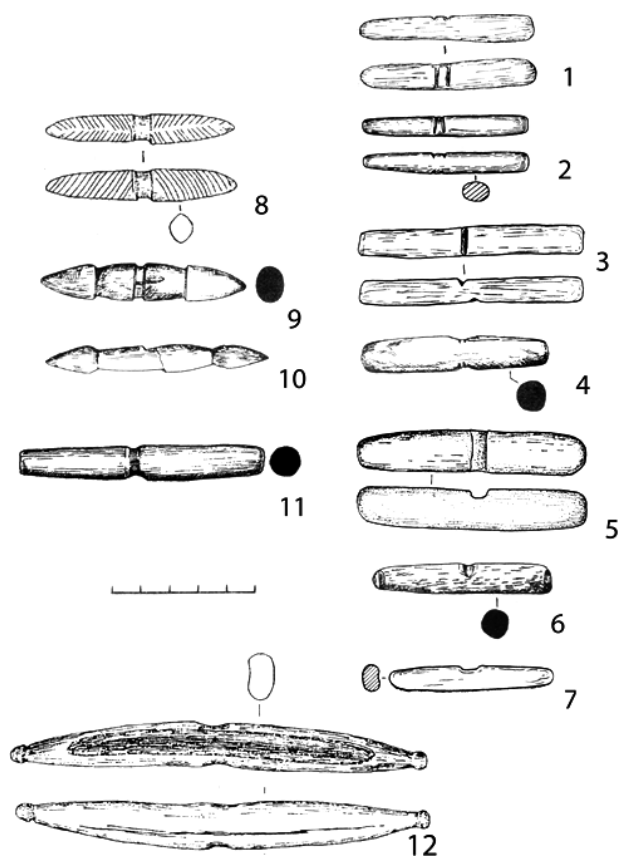

Рис. 1. Палочки-застежки:

- 1 – Высочино к. 7 п. 4; 2 – Высочино I к. 7 п. 2;
3 – Новоалександровка к. 7 п. 8; 4 – Новоалександровка I к. 33 п. 2; 5 – Высочино к. 23 п. 4; 6 – Высочино VII к. 26 п. 7; 7 – Койсуг к. 5 п. 3; 8 – Высочино V к. 30 п. 8; 9 – Каратаевский могильник п. 13;
10 – Новоалександровка I к. 24 п. 5; 11 – Высочино VII к. 8 п. 2; 12 – Каратаевский могильник п. 7 (1984 г.);
13 – Каратаевский могильник п. 12

Атрибуция этих простых предметов, выполненных в виде палочек с поперечной перетяжкой, появилась сразу же после их открытия в раннескифских курганах (рис. 2; 3). Наряду с костяными изделиями были выявлены бронзовые палочки, обтянутые золотой фольгой (Придик, 1911, с. 20). У нескольких бронзовых изделий с золотым покрытием окончания оформлены в виде головки животного (льва, барана) (рис. 3, 1, 4, 5).

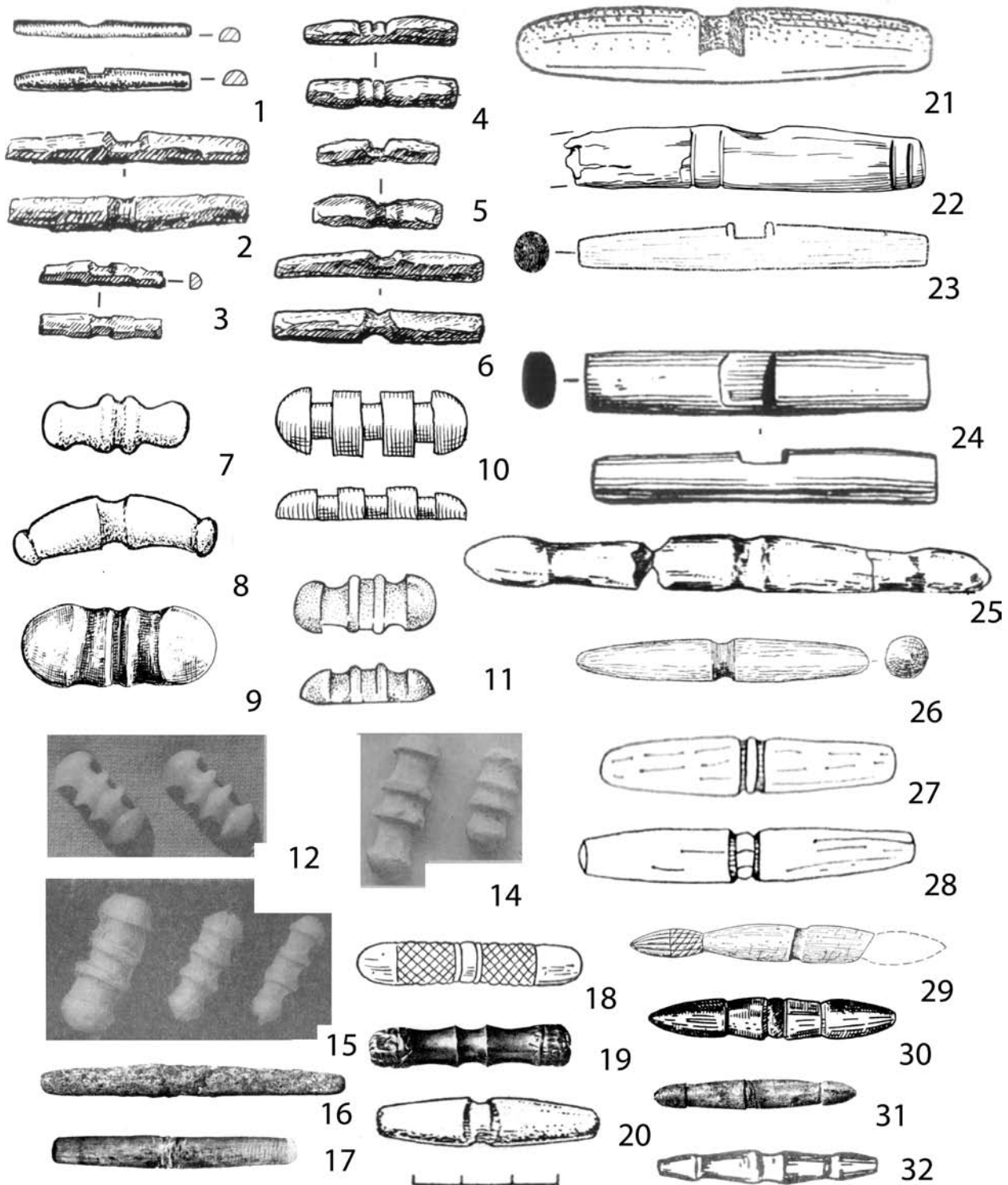
Наиболее изученными оказались застежки из степных и лесостепных памятников Восточной Европы (Черненко, 1981, гл. III; Лукьяшко, 2013). Они связаны с архаическим периодом Скифии

(Алексеев, 2003, с. 195). Для Нижнего Подонья их дата была уточнена: вторая половина VII – начало V вв. до н.э. (Лукьяшко, 2013, с. 67).

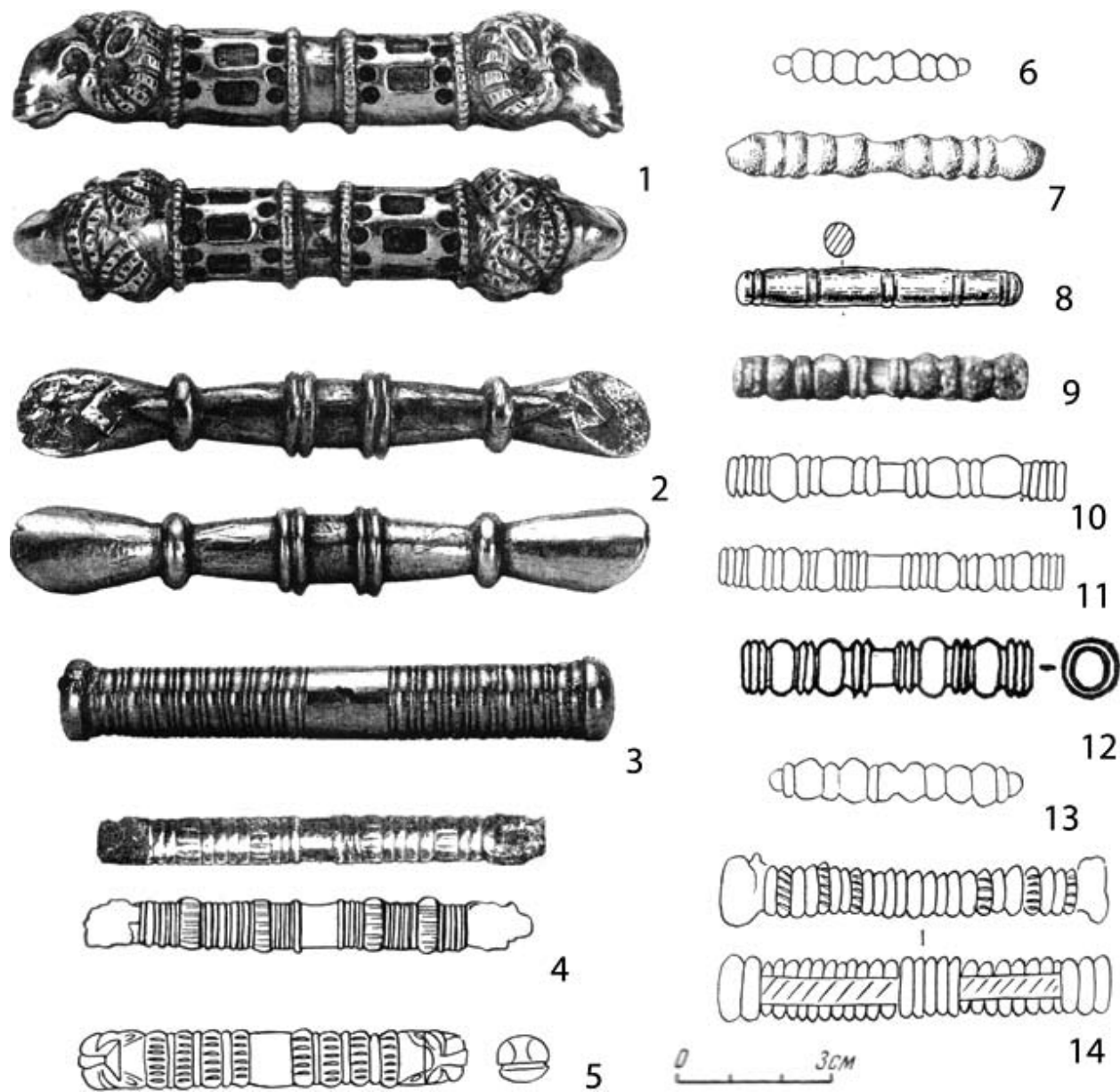
Поскольку застежки-палочки являлись элементами раннескифского горита, следовательно, они должны были находиться на лицевой стороне футляра и застегивать клапан, который прикрывал оперенья стрел. Однако многочисленные гориты IV в. до н.э., обнаруженные в скифских курганах, не имеют такого клапана. На них нет следов палочек-застежек. Насколько обоснованы реконструкции горитов из Репяховой Могила (Черненко, 1981, рис. 20) – неясно, поскольку «гориты ... были слегка повреждены при ограблении» (Черненко, 1981, с. 33). В этих погребениях выше наконечников находилась костяная застежка (рис. 2, 27, 28). На сахновской пластине показан край клапана горита, но там нет застежки (цветная вкладка, рис. 12, 5).

На парадных горитах IV в. до н.э. и на их изображениях на предметах торевтики нет следов палочки-застежки (Солоха, Толстая Могила и др.). Скифский горит – это футляр, разделенный на два отделения, для стрел и для лука (Маврикий, 1903, с. 15).

Знаменитые рельефы из Персеполя, где изображены ряды воинов, вооруженных копьями и луками, часто используются в качестве аналогий при изучении скифской культуры. Среди предметов вооружения можно найти прямоугольные футляры (колчаны) для стрел. На многочисленных изображениях ремень колчана был надет на левое плечо воина. Вместе с колчаном с этого плеча свисает крупный лук, не укрытый в футляр. В правой руке воин держал копье. Другие воины с этих рельефов имели лук, который находился в футляре (цветная вкладка, рис. 12, 3). Судя по его окончанию, он был меньших размеров, чем тот лук, который был зачехлен. Этот футляр с луком пристегивали к поясу с левой стороны бедра. Следовательно, на персепольских рельефах изображены два вида луков: крупный без футляра и короткий в налучье. В период расцвета скифского общества в IV в. до н.э. получил распространение короткий лук, который носили в специальном футляре – горите. На лицевой поверхности налучья находился футляр для стрел. Обычно футляр со стрелами не закрывался клапаном, хотя были и исключения: изображение горита на сахновской пластине (цветная вкладка, рис. 12, 5) (Черненко, 1981, рис. 19). На одном персепольском рельефе воин был повернут к зрителю правым плечом. С его плеча свисал прямоугольный колчан, обращенный торцом к спине воина. Такой колчан носили на ремне, который охватывал верхнюю треть высоты футляра. С двух торцов лента ремня закреплялась парами «гвоздиков». От этой ленты свешивался шнурок с двумя «пучками» веревочек, концы которых были снабжены подвесками. Колчан имел небольшой скругленный клапан, который закрывал его устье и был повернут к самому лучнику. Не снимая с плеча колчан, можно было легко правой рукой

Рис. 2. Палочки-застежки: 1 – Красное Знамя к. 1 (уздечный набор 1); 2, 3 – Красное Знамя к. 6 (конь 2); 4–6 – Красное Знамя к. 6 (конь 3); 7, 9 – Красное Знамя к. 1; 10 – Высокая Могила п. 1 (Тереножкин, 1976, рис. 5, 6); 11 – Высокая Могила п. 5 (Тереножкин, 1976, рис. 6, 11); 12–15 – Аржан (Грязнов, 1980, рис. 12, 2–4); 16 – Журовка к. CDXLVII (Бобринской, 1905а, рис. 32); 17, 19 – Журовка к. CDVI (Бобринской, 1905, рис. 72; 73); 18 – Бельское городище (Иллінська, Тереножкін, 1971, рис. 31, 12); 20 – Старшая Могила (Ильинская, 1968, табл. II, 1); 21 – ур. Дарьевка (Ильинская, 1975, табл. XXXIV, 16); 22 – Перебыковцы (Смирнова, 1979, рис. 10, 21); 23 – Нарган к. 21 (Батчаев, 1985, табл. 51, 21); 24 – Келермесс к. 1 (конь 24) (Галанина, 1997, табл. 21, 196); 25 – Келермесс к. 1 (Алексеев, 2003, рис. 19, 2); 26 – Кавказский II к. 3 п. 2 (Козюменко и др., 2001, рис. 9, 10); 27, 28 – Репяховатая Могила п. 2 (Ильинская и др., 1980, рис. 14, 10, 14); 29 – Комарово п. 3 (Абрамова, 1974, рис. 2, 4); 30 – Луки (Иллінська, 1968, рис. 2, 9); 31 – Журовка к. CDXXXII (Бобринской, 1905а, рис. 15); 32 – Старые Куконешты (Бруяко, 2005, рис. 36, А)

Рис. 3. Палочки-застежки: 1 – Келермесс, к. 3 (Галанина, 1997, табл. 13, 34); 2 – Келермесс, к. 2–4 (Галанина, 1997, табл. 13, 68); 3 – Келермесс, к. 1 (Галанина, 1997, табл. 13, 7); 4 – Темир-Гора (Яковенко, 1972, № 3, рис. 1, 2; Черненко, 1981, рис. 22, 4); 5 – Мельгуновский курган (Придик, 1911, рис. 14, с); 6 – Макеевка к. 2 (Черненко, 1981, рис. 23, 1); 7 – Блюменфельдский курган А 12 (Смирнов, 1964, рис. 11А, 12); 8 – Гришенцы (Петренко, 1967, табл. 20, 12); 9 – Ольвия п. 12 (1910 г.) (Капошина, 1956, рис. 17, 2); 10, 11 – бывший Роменский уезд (Черненко, 1981, рис. 23, 6, 7); 12 – Огородное к. 9 п. 5 (Субботин и др., 1970, рис. 17, 13); 13 – курган Бобовича (Черненко, 1981, с. 23); 14 – Обиточная к. 3 (Черненко, 1981, рис. 23, 9)

извлечь из колчана стрелу и, держа левой рукой лук, совершить выстрел из лука. От края клапана колчана, почти по его оси, свешивалась большая веревочная петля, которая легко надевалась на палочку-застежку, горизонтально расположенную в верхней половине футляра (*цветная вкладка*, рис. 12, 1, 2) (Арог, 1974). Конец этой веревочной петли перекрывает крепежную ленту, за которую был подвешен колчан к плечу воина. Параллельно ей на рельефе показана еще одна веревочка, более длинная, перекрывавшая крепежную ленту, описанную выше. Она крепится по центру края самого клапана. Ее нижний

конец заканчивается небольшой петелькой и тремя короткими концами (?). Саки и персы имели налучья одинаковой формы (Алексеев, 2003, рис. 21, 10) (*цветная вкладка*, рис. 12, 4).

В различных сферах раннескифской культуры сохранялось древневосточное наследие (Галанина, 1991, с. 28). Прежде всего, это коснулось элитной части населения, что было связано с притоком в ее среду изделий из драгоценных материалов. Даже застежки-палочки для колчанов обтягивались золотым листом. Их концы иногда украшались деталями фигурок животных.

В раннескифское время были распространены колчаные футляры с деревянными, костяными и бронзовыми застежками. Костяные «столбики» и гвоздики являлись элементами незатейливого декора, который украшал поверхность колчана (или налучья) (Черненко, 1981, рис. 21). Об их наличии на поверхности налучий свидетельствуют персепольские рельефы (*цветная вкладка*, рис. 12, 3, 4). Вероятно, иногда кожаную поверхность не только украшали миниатюрные «костяные шляпки», но судя по высоте этих «гвоздиков» они могли иметь и практическое значение: крепить кожаное покрытие к основе самого футляра.

К архаичным изделиям следует относить короткие застежки с желобком посередине. К киммерийскому времени относились изделия, которые входили в гарнитуру предметов вооружения (Высокая Могила) (рис. 2, 10, 11). Среди памятников скифской архаики мы находим Аржан (Алексеев, 2003, с. 295). В нем найдены небольшие застежки из камня и дерева, обтянутого золотом (рис. 2, 15). Простые

палочки-застежки использовались в уздечных наборах (Красное Знамя) (рис. 2, 1–6). Наряду с костяными изделиями бытовали деревянные и бронзовые палочки-застежки, изредка покрытые золотым листом и имевшие фигурные окончания (рис. 2, 1, 2, 4, 5; 2, 19). Вероятно, более изящные палочки-застежки, украшенные валиками, иногда сделанные из бронзы и плакированные золотом, являлись продукцией ремесленников, испытывавших влияние древневосточной или античной цивилизаций. По-видимому, истоки формы простых застежек из Нижнего Подонья уходят корнями в предскифский период. В скифское время они становятся длиннее. Одна или две зазубрины, расположенные на одной грани палочки, не позволяли крепежной веревочке смещаться в сторону (рис. 2, 1, 2, 6, 7). Иногда на дне слабо оформленной канавки дополнительно были прорезаны пара бороздок (рис. 2, 4). Слабые бороздки, расположенные в желобке палочки-застежки (рис. 1, 4; 2, 4), были рано вытеснены кольцевым желобком (рис. 2, 9, 10).

Литература

- Алексеев, 2003: Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб.: Изд. Государственного Эрмитажа, 2003. 409 с.
- Батчаев, 1985: Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–115.
- Беспалый, Парусимов 1991: Беспалый Е.И., Парусимов И.Н. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // СА. 1991. № 3. С. 179–195.
- Беспалый, Лукьяшко, 2008: Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Том I. Ростов н/Д: Изд. ЮНЦ РАН, 2008. 222 с.
- Бобринской, 1905: Бобринской А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии // Известия ИАК. СПб., 1905. Вып. 14. С. 1–43.
- Бобринской, 1905а: Бобринской А.А. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитановки (Чигиринского уезда Киевской губ.) в 1904 году // Известия ИАК. СПб., 1905. Вып. 17. С. 77–98.
- Брумяко, 2005: Брумяко И.В. Ранние кочевники в Европе X–V вв. до н.э. Кишинев: Изд. Высшая антропологическая школа, 2005. 358 с.
- Галанина, 1991: Галанина Л.К. Контакты скифов с ближневосточным миром (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. Ленинград: Искусство, 1991. Вып. 31. С. 15–29.
- Галанина, 1997: Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М., 1997. Т. I. 269 с.
- Грязнов, 1980: Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Ленинград: Наука, 1980. 62 с.
- Ильинская, 1968: Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев: Наукова думка, 1968. 268 с.
- Иллінська, 1968: Иллінська В.А. Из неопублікованих матеріалів скіфського часу в лівобережному Лісостепу // Археологія. Київ: Наукова думка, 1968. Т. XXI. С. 147–162.
- Ильинская, 1975: Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1975. С. 224.
- Ильинская и др., 1980: Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980. С. 31–63.
- Иллінська, Тереножкін, 1970: Иллінська В.А. Тереножкін О.І. Скіфський період // Археологія Української РСР. Т. 2. Киев: Наукова думка, 1970. С. 8–184.
- Ильюков, 2002: Ильюков Л.С. Каратаевский могильник // Археологические записки. Вып. 2. Ростов н/Д: Тип. ВиВ, 2002. С. 168–202.
- Капошина, 1956: Капошина С.И. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. М.; Ленинград: Изд. АН ССР, 1956. № 50. С. 154–189.
- Кореняко, Максименко, 1978: Кореняко В.А., Максименко В.Е. Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона // СА. 1978. № 3. С. 167–182.
- Козюменко и др., 2001: Козюменко Е.В., Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е., Раев Б.А. Раскопки курганного могильника «Кавказский 2» // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 155–256.

- Кореняко, 1982: Кореняко В.А. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. 1982. № 3. С. 149–164.
- Лукьяшко, 2013: Лукьяшко С.И. Костяные аксессуары раннескифских горитов (К хронологии раннескифского комплекса) // Четвертая Абхазская Международная археологическая конференция: Тезисы докладов. Сухум, 2013. С. 66, 67.
- Маврикий, 1903: Маврикий. Тактика и стратегия. СПб., 1903.
- Максименко, 1983: Максименко В.Е. Скифы и савроматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д: Изд. РГУ, 1983. 224 с.
- Марченко и др., 2000: Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону // Pontus septentrionalis II Tanais 2. М., 2000. 281 с.
- Петренко, 1967: Петренко В.Г. Правобережье Среднего Поднепровья. V–III вв. до н.э. // САИ. М.: Наука, 1967. Вып. Д 1–4. 110 с.
- Петренко, 2006: Петренко В. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе // Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. I. М.; Берлин; Бордо, 2006. 176 с.
- Придик, 1979: Придик Е. Мельгуновский клад 1763 года // МАР. СПб., 1911. № 31. 24 с.
- Смирнова, 1979: Смирнова Г.И. Курганы у с. Перебыковцы // Труды ГЭ. Ленинград: Искусство, 1979. XX. С. 37–67.
- Смирнов, 1964: Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 376 с.
- Субботин и др., 1976: Субботин Л.В., Загинайло А.Г., Шмаглий Н.М. Курганы у села Огородное // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса: Маяк, 1976. Вып. 6. С. 130–155.
- Черненко, 1981: Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 222 с.
- Яковенко, 1972: Яковенко Э.В. Курган на Темир-Горе // СА. 1972. № 3. С. 259–267.
- Apor, 1974: Apor E. Perszeopolisz. Budapest, 1974. P. 44.

А.Р. Канторович
(г. Москва)

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ СКИФСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ И ПРЕДМЕТЫ СКИФСКОГО ВООРУЖЕНИЯ

Выдающийся отечественный скифолог Анна Ивановна Мелюкова уделяла пристальное внимание скифскому звериному стилю, в том числе в контексте изучения вооружения скифов. Как указывала исследовательница, «именно воинская среда определяла формирование эстетических принципов скифского искусства, которые проявлялись не только в выборе сюжетов, но и в стиле изображений» (Мелюкова, 1989, с. 101).

Данный доклад посвящен вопросу соотношения двух компонентов «скифской триады» – вооружения и скифского звериного стиля.

Автором доклада были собраны все опубликованные до 2012 года (включительно) изображения, выполненные в канонах скифо-сибирского звериного стиля и происходящие с территории скифской археологической культуры, иначе говоря – из восточно-европейской зоны скифо-сибирского звериного стиля (охватывает зоны степного, лесостепного и северокавказского локальных вариантов скифского звериного стиля¹). По возможности, учтены и публикации 2013 года. Кроме того, в состав источника вошел и ряд неопубликованных изображений, являющихся результатом собственных раскопок автора или же раскопок, соавтором которых он является (с любезного разрешения остальных авторов раскопок). В ходе проведенного автором исследования были осуществлены классификация и типология этого массива изображений.

Всего, таким образом, было учтено 2169 оригинальных изображений (не считая копий). Результатом классификации стало выделение 337 изобразительных типов (о принятых критериях скифского звериного стиля и об основных принципах классификации, предложенных автором, см.: Канторович, 2011). Каждый тип был описан по единому алгоритму, были выявлены общие и особенные черты изображений, формирующих каждый конкретный тип.

Для каждого типа автор установил его хронологические границы, базируясь, прежде всего, на хро-

нологической позиции изображений конкретного типа, которые происходят из комплексов, имеющих объективную датировку (на основании античных и передневозвосточных импортов, а при отсутствии импортов – по типам вооружения и конского снаряжения). Если такие изображения в рамках конкретного типа отсутствовали, основу хронологии типа составляли изображения, имеющие надежно датированные аналогии. Затем на основании сходства с изображениями, образующими «хронологическое ядро» типа, с учетом внутритиповой иконографической динамики (при ее наличии) определялась хронология остальных изображений этого типа.

Предпринятое нами статистическое исследование массива изображений восточноевропейского скифского звериного стиля (табл. 1) подтвердило сделанный А.М. Хазановым и А.И. Шкурко вывод о том, что в большинстве своем эти изображения оформляют или украшают элементы вооружения, конское снаряжение и предметы сакрального и социально-культурного назначения (Хазанов, Шкурко, 1976, с. 42). При этом для большинства наиболее популярных изобразительных типов можно говорить о наличии некоей иконографической модели, используемой мастером для оформления изделий самых разных категорий и макрокатегорий, независимо от материала вещи и технологии ее производства.

Как мы видим, доля изображений, оформляющих и украшающих предметы вооружения, составляет менее десятой части от всего массива оригинальных изображений (9,6 %), т.е. не столь значительна, как доля изображений, связанных с конским снаряжением (62,4 %), и соразмерна с процентным показателем изображений, украшающих различные детали костюма (10,8 %). Вероятно, в первую очередь это обусловлено большим количеством аксессуаров конского снаряжения в сравнении с элементами вооружения. Кроме того, при подсчете такая достаточно весомая категория изделий, как выполненные в зверином стиле колчанные/поясные крючки, была отнесена нами к макрокатегории костюма; к костюму были отнесены и зооморфные поясные бляхи, хотя они могут рассматриваться и как элемент доспеха (см.: Черненко, 1968, с. 64–68).

Статистика образно-видовой принадлежности изображений, оформляющих предметы вооружения, демонстрирует (вполне естественно), что в репертуаре скифо-сибирского звериного стиля почти 100 % случаев зооморфизации предметов вооружения или

¹ Под северокавказским вариантом скифского звериного стиля подразумеваются в первую очередь многочисленные прикубанские изображения, выполненные в соответствующем духе (невзирая на то, были ли конкретные мастера скифами, меотами или кем-либо еще), а также уже весьма представительный массив изображений из Центрального Предкавказья, включая Ставрополье.

Таблица 1

Статистика соответствия изображений восточноевропейского скифского звериного стиля категориям оформляемых изделий

Категории вещей Образно-видовая принадлежность изображений	Вооружение	Конское снаряжение	Одежда и украшения, детали костюма	Сосуды и прочие ёмкости	Зеркала	Ритуальные напершия	Прочее	ИТОГО ИЗОБРАЖЕНИЙ, %
Хищники	63 ¹	381	54	26	28	3	26	581 26,8 %
Копытные	46	530	80	55	18	29	23	781 36 %
Птицы	85	293	61	59	5	24	22	549 25,3 %
Синкретические животные	14	126	24	6	-	27	4	201 9,2 %
Зайцы	-	1	14	2	-	-	3	20 0,92 %
Верблюды	-	6	-	-	-	-	-	6 0,27 %
Дельфины	-	3	-	1	-	-	-	4 0,18 %
Рыбы	1	14	3	8	-	-	1	27 1,2 %
ИТОГО ИЗОБРАЖЕНИЙ, %	209 9,6 %	1354 62,4 %	236 10,8 %	157 7,2 %	51 2,4 %	83 3,8 %	79 3,6 %	2169 100 %

их частей связаны с мегаобразами – хищниками, копытными, птицами и синкретическими существами (табл. 1). При этом наиболее часто вооружение украшается изображениями птиц (40,6 %) и хищников (30,1 %); доля копытных (22 %) менее значительна, доля синкретических существ невелика (6,7 %). Этот показатель не симметричен статистике соответствующих мегаобразов в общем массиве изображений восточноевропейского скифского звериного стиля, в котором, как видно из табл. 1, доля птиц и хищников в целом ниже (соответственно 25,3 и 26,8 %), синкретических существ несколько выше (9,2 %), тогда как копытные преобладают и составляют более трети оригинальных изображений (36 %).

При этом подавляющее большинство птичьих изображений в восточноевропейском скифском зверином стиле надо связывать с отрядом соколообразных, или дневных хищных птиц (Falconiformes), подсемейством соколиных (Falconidae), о чем свидетельствует характерная форма загнутого клюва. Причем, если при украшении других категорий вещей скифской археологической культуры в манере скифского звериного стиля всё же (в редких случаях) отображаются нехищные отряды птиц (в частности, отряд гусеобразные (Anseriformes), семейство утиные (Anatidae) – с прямым или чуть изогнутым клювом), то изображения птиц, соот-

ветствующие канонам скифского звериного стиля и помещенные на вооружение в рамках территории восточноевропейского варианта скифо-сибирского звериного стиля, представляют исключительно хищных птиц.

Следовательно, налицо предпочтение, оказываемое при оформлении предметов вооружения в скифской культуре образам млекопитающих хищников и хищных птиц. Это соответствует семантике данных мегаобразов, связанных с темой нападения и уничтожения, с задачей усилить поражающую функцию вооружения. Данные статистические показатели подтверждают вывод А.И. Мелюковой, сделанный в 1980-х гг. на значительном меньшем материале: «Мотивы хищных животных и птиц и их частей – глаза, когти, лапы, раскрытая пасть – не только имели орнаментальное назначение, но носили еще и сакрально-магический характер. Они как бы усиливали боевые качества оружия и коня, придавали особую силу, смелость, меткость удара, быстроту воинам-всадникам» (Мелюкова, 1989, с. 101).

Основной категорией изделий (в рамках макро-категории вооружения), украшенных в скифском зверином стиле, являются **мечи**, а именно их рукояти, накладки ножен и бутероли.

Наиболее раннюю группу составляют бутероли мечей периода «скифской архаики». Это, прежде

всего, бронзовые и костяные бутеролы второй четверти VII – третьей четверти VI в. до н.э., оформленные в виде свернувшегося в кольцо хищника (8 оригинальных изображений) и происходящие с территории Среднего Поднепровья, Прикубанья и Центрального Предкавказья. Это также бронзовые бутеролы рубежа VII–VI – нач. VI в. до н.э., выполненные в виде птичьей головы с шеей, с сильно загнутым (на 180 градусов) и раскрытым клювом, упирающимся концом в подклювье – т.е. хищная птица на грани реальности и фантастики (13 оригинальных изображений); поскольку большинство птиц показаны с языком в клюве, это сближает их с грифонами, оформляющими ритуальные навершия периода «скифской архаики». Основная их масса происходит с территории Центрального Предкавказья (9 оригинальных изображений), единицы – с территории Прикубанья, Среднего Поднепровья и Нижнего Поднепровья.

Следующая по времени крупная группа изделий в зверином стиле в рамках категории мечей – рукояти акинаков, в том числе их перекрестья и навершия. В связи с этой группой выделяется единый изобразительный тип, датируемый концом VI–V в. до н.э. и насчитывающий 41 оригинальное изображение парных синтетических птичьих голов, оформляющих в основном антенновидные навершия рукоятей мечей (в одном случае – перекрестье)¹. Эти мечи происходят практически со всех территорий, относящихся к скифской археологической культуре или к зоне ее влияния: с территории Среднего Поднепровья, Среднего Подонья, Нижнего Поднепровья и Побужья, Крыма, Прикубанья и Центрального Предкавказья. На трех рукоятях таких мечей, происходящих из Лесостепного днепровского Левобережья, помимо прочего, помещена протома медведя. Отдельную компактную группу образуют мечи с территории Нижнего и Среднего Поднепровья и Нижнего Подонья, перекрестья и собственно рукояти, которых несут на себе изображение лосиной головы, выполненное в рельефе или гравировкой на плоскости рукояти или на ее золотой обкладке. Эти изображения формируют единый изобразительный тип конца V – первой четверти IV в. до н.э. (9 оригинальных изображений).

Наконец, еще одна группа украшаемых изделий в рамках категории мечей – золотые обкладки ножен парадных мечей. Начало этой традиции положено изображениями оленей на боковых лопастях ножен знаменитых Келермесского и Мельгуновского мечей из комплексов второй

пол. VII в. до н.э.; кроме того, та же лопасть Келермесского меча обрамлена на каждой стороне ободком из семи голов хищных птиц, а золотая наременная обкладка (портупейная деталь ножен) на своих четырех выступах украшена изображениями свернувшегося в кольцо хищника².

Эту линию продолжают: меч из Острой Томаковской могилы (конец VI – нач. V в. до н.э.), устье ножен которого украшено парными синтетическими фигурами свернувшегося хищника, а верхняя часть ножен – фасадами кошачьего хищника; также меч из хут. Шумейко (последние десятилетия VI – начало V в. до н.э.), устье ножен которого украшено парными синтетическими фигурами горных козлов, а собственно ножны – фигурами кошачьих хищников, размещенных по вертикали друг над другом. Затем следуют мечи IV в. до н.э. – из Солохи, Куль-Обы, Елизаветовского могильника (Ушаковский курган и курган 10 1909 г.) и Великой Белозерки. Их устья оформлены парными синтетическими композициями голов хищной птицы, а на основной и боковой пластинах в сценах терзания и преследования и в иных сюжетах представлены хищные и копытные звери, а также грифоны³.

Изначально данные фигуры представляются попыткой греческих мастеров подражать скифскому звериному стилю, но в большинстве случаев это сделано крайне некачественно и схематично. Помимо мечей, в зверином стиле оформляются бронзовые молоточки-клевцы, а также бронзовые **скипетры/ритуальные секиры** (см.: Ильинская, 1965, с. 206–211). В скифской археологической культуре молоточки-клевцы образуют компактную группу, состоящую из четырех предметов, датируемых первой пол. V – нач. третьей четв. V в.

² Как справедливо отметила А.И. Мелюкова, все остальные части этих мечей «украшены в стиле переднеазиатского искусства», т.е. не соответствуют канонам скифского звериного стиля (Мелюкова, 1989, с. 101–102).

³ В нашу сводку не включен и не учитывается в статистике массив зооморфных изображений на золотых обкладках рукоятей ряда акинаков – в силу крайнего схематизма и малоразличимости этих миниатюрных изображений, утрате в них каких-либо стилевых признаков. Имеются в виду 6 мечей из Чертомлыка (ДГС, 1872, табл. XXVII, 3, XL, 9, 12, 14; Алексеев и др., 1991, рис. на с. 170, 222, 223, кат. 72, 184–187), 1 – из Куль-Обы (ДБК, 1854, 3, табл. XXXI, 7), 1 – из кургана Кекуватского (ДБК, 1854, с. 68, табл. XXVII, 9), 1 – из Метрополитен-музея, местонахождение неизвестно (Онайко, 1970, табл. XII, № 424), 2 – из Колбино, к. 7 и из Колбино, к. 36 (Савченко, 2004, рис. 2, 1–2; Гуляев, 2010, с. 85, 104, рис. 1, 5, 27, 14), 1 – из Елизаветовского могильника, Пятибратного кургана 8 (Шилов, 1962, рис. 11, 12; L'Or des Amazones., 2001, cat. 88), 1 – из Великой Белозерки (Отрощенко, 1980, рис. на с. 318; Отрощенко, 1984, с. 121–126, рис. на с. 123; Gold der Steppe, 1991, s. 359, cat. 89). Изначально данные фигуры представляются попыткой греческих мастеров подражать скифскому звериному стилю, но в большинстве случаев это сделано крайне некачественно и схематично.

¹ Возможно, количество таких изображений еще значительнее, но нами в целях статистической точности не учитываются многочисленные антенновидные навершия мечей, которые могли быть оформлены в виде птичьих голов, но в силу качества работы или качества сохранности зооморфная основа в них не прослеживается достаточно четко.

до н.э. и происходящих с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья и Нижнего Побужья. Сама фактура изделия определяет его зооморфизиацию – ср. наблюдение Г.А. Федорова-Давыдова о том, что в скифском зверином стиле «предмет с его функциональным назначением деталей как бы сливается с изображенным на нем животным» (Федоров-Давыдов, 1976, с. 22)¹.

В отдельных случаях в зверином стиле обух скипетра/ритуальной секиры может быть выполнен в виде головы барана (Среднее Поднепровье, вторая пол. VII в. до н.э.). Также обухок скипетра-секиры (а в одном случае – еще и клинок) может быть выполнен в виде головы лошади, и эти изображения составляют единый компактный тип (Среднее Поднепровье, VI в. до н.э.). Наконец, обухок может быть выполнен в виде ноги копытного, а клинок – в виде головы и шеи хищной птицы (Среднее Поднепровье, Крым, Прикубанье, конец VI – первой пол. V в. до н.э.); аналогичный топорик предположительно изображен в руках у скифа на золотых пластинах парадного пояса из кургана 5 у с. Аксютинцы в Лесостепном Поднепровье (Ильинская, 1968, с. 156, табл. XXII, 6; На краю Ойкумены..., 2002, с. 92, № 398; Конь и всадник..., 2003, с. 29, № 38).

Компактную группу составляют северокавказские бронзовые бутероли **копий** VI в. до н.э., оформленные в виде головы волка.

Кроме того, в число изделий, оформляемых и украшаемых в зверином стиле, входят компоненты **стрелкового набора**. Так, в виде головы бараноптицы/грифобарана оформляются костяные налучья эпохи скифской архаики (вторая четв. VII – сер. VI в. до н.э.), реже они выполняются в виде птичьих голов, несущих на себе также дополнительные изображения хищников (сер. VII – третьей четв. VI в. до н.э.). Такие костяные налучья происходят с территории Нижнего Поднепровья, Нижнего Подонья, Крыма и Ставрополя.

В виде зверей и птиц оформляются бляхи или пластины горитов. У истоков этой традиции – знаменитая пантера на золотой бляхе горита (щита?) и изображение оленей и кошачьих хищников на золотой обкладке горита, происходящих соответственно из Келермесских курганов 1/III и 4/III (вторая пол. VII в. до н.э.). Далее следует олень на знаменитой золотой бляхе горита (щита?) из 1-го Разменного кургана у ст. Костромской (рубеж VII–VI – нач. VI в. до н.э.). В одном случае такая бляха четко изображена на каменной статуе из ст. Маньчской в Нижнем Подонье (конец VII – тре-

тья четв. VI в. до н.э.)². Эта традиция оформления блях и пластин колчана в зверином стиле продолжается в Нижнем Поднепровье и Крыму: олень, терзаемый хищником и птицей на золотой обкладке колчана из Ильичево (первая пол. V в. до н.э.), олень на золотой обивке колчана из Аксютинцев, курган 2 раскопок 1883–1885 гг. (первая пол. V в. до н.э.), затем – олень на знаменитой золотой бляхе горита (щита?) из Куль-Обы (конец V – нач. IV в. до н.э.), а также звери на золотых пластинах из погребения 1 кургана 5 у с. Архангельская слобода (конец V – нач. IV в. до н.э.) – тигр или леопард, грызущий человеческую голову, хищник семейства волчьих и олень. Также известны 2 бронзовые бляхи-накладки V в. до н.э., связанные с колчанами, оформленные в виде лосиных голов (Нижнее Поднепровье и Приазовье).

Крестовидные бляхи «ольвийского типа» (вторая четв. VI в. до н.э. – нач. V в. до н.э.), скорее всего, предназначенные для крепления горита, оформляются по лопастям и в центре изображениями хищников, копытных и птиц.

Наконец, с **доспехом** связаны: отдельные изображения лосиных голов, оформляющие бронзовые детали панциря – застёжки и нагрудную бляху (Среднее Поднепровье, Крым, V в. до н.э.), фигура рыбы – бронзовая нащитная бляха (Нижнее Поднепровье, четвертая четв. V–IV в. до н.э.) и, возможно, вышеупомянутые золотые бляхи из 1-го Разменного кургана и Куль-Обы (в случае их интерпретации как нащитных, а не колчаных).

Таким образом, совокупный анализ изображений восточноевропейского скифского звериного стиля с учетом нового материала подтвердил известную мысль о принципиальном единстве лесостепного, степного и северокавказского субвариантов скифского искусства (см., например, Шкурко, 1975, с. 9–10). Они формируют единый локальный вариант в системе искусства скифо-сибирского мира и в совокупности определяют пределы скифской археологической культуры – продукта деятельности скифов, родственных скифам народов, а также и нескифских народов этих регионов, вовлеченных в единое со скифами идеолого-информационное и эстетическое пространство.

¹ Ср. также следующее замечание Н.Л. Членовой о данной группе изделий: «...В скифских курганах Причерноморья известны бронзовые молоточки, острый конец которых оформлен в виде головы и клюва хищной птицы. Совершенно очевидно, что этот род оружия ассоциировался с хищной птицей» (Членова, 1967, с. 120).

² Кроме того, несколько изображений предметов вооружения и других реалий, украшенных в зверином стиле, присутствуют на некоторых других каменных изваяниях, помимо маньчского. Это налучье в виде птичьей головки и обкладка ритона в виде птичьей головки на статуе из Терновки (г. Николаев), налучье в виде птичьей головки на статуе из Киевского музея, налучье в виде птичьей головки на статуе из Ольховчика (г. Шахтёрск Донецкой области), крупные бляхи одежды в виде голов ушастой птицы или грифона или оленя из Краснодарского музея (Преградная?) (Черненко, 1968, с. 37, рис. 16; Ольховский, Евдокимов, 1994, кат. 11, 73, 81, 119). Однако в силу относительной неясности данных изображений они в нашу сводку не включены.

Литература

- Алексеев и др., 1991: Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев, 1991.
- Гуляев, 2010: Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М., 2010.
- ДБК, 1854: Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
- ДГС, 1872: Древности Геродотовой Скифии. Вып. II. СПб., 1872.
- Ильинская, 1965: Ильинская В.А. Культовые жезлы скифского и предскифского времени // Новое в советской археологии. М., 1965.
- Ильинская, 1968: Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968.
- Канторович, 2011: Канторович А.Р. К вопросу об основных принципах классификации изображений скифского звериного стиля // От палеолита до средневековья: Сборник научных статей. М., 2011.
- Конь и всадник..., 2003: Конь и всадник. Взгляд сквозь века: Каталог выставки. М., 2003.
- Мелюкова, 1989: Мелюкова А.И. Скифское искусство звериного стиля // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- На краю ойкумены..., 2002: На краю ойкумены. Греки и варвары на северному берегу Понта Эвксинского. М., 2002.
- Ольховский, Евдокимов, 1994: Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.
- Онайко, 1970: Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. // САИ. М., 1970. Д1–27.
- Отрощенко, 1980: Отрощенко В.В. Исследования в Каменко-Днепровском районе Запорожской обл. // АО за 1979 г. М., 1980.
- Отрощенко, 1984: Отрощенко В.В. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
- Савченко, 2004: Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в Скифскую эпоху. М., 2004.
- Хазанов, Шкурко, 1976: Хазанов А.М., Шкурко А.И. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Черненко, 1968: Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.
- Членова, 1967: Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Шилов, 1962: Шилов В.П. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1962.
- Шкурко, 1975: Шкурко А.И. Звериный стиль в искусстве и культуре лесостепной Скифии VII–III вв. до н.э.: Автореф. ... канд. дис. ист. наук. М., 1975.
- Gold der Steppe, 1991: Gold der Steppe. Archaologie der Ukraine. Neumunster, 1991.
- L' Or des Amazones..., 2001: L' Or des Amazones peuples nomades entre Asie et Europe, VIe siècle av. J.-C. – IVe siècle apr. J.-C.: Musée Cernuschi, Musée des arts de l'Asie de la ville de Paris, 16 mars – 15 juillet. 2001.

В.Б. Ковалевская, И.Ю. Морозова, С.Ю. Рычков
(г. Москва)

ПЕРЕДВИЖЕНИЯ РАННИХ СКИФОВ НА ОСНОВАНИИ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ АКИНАКОВ VII–V вв. до н.э. И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ДАННЫХ¹

В изучении истории древнего населения на основании археологических данных первостепенный интерес вызывает знание области его распространения, постепенного освоения территории и путей передвижения древнего населения на базе изучения массовых материалов. В качестве объекта исследования для изучения событий истории ранней Скифии нами выбраны скифские акинаки и длинные мечи VII–V вв. до н.э. на обширной территории от Кавказа и Малой Азии на юге и востоке до Румынии и Венгрии на западе, включая степное и лесостепное Северное Причерноморье, Поволжье, Подонье и Поднепровье.

Скифские акинаки, будучи оружием ближнего боя, никогда не играли первостепенной роли в вооружении скифских воинов, прежде всего конных стрелков из лука. В арсенале скифского наступательного вооружения мечи и кинжалы занимают третье место, после лука со стрелами и копий. Обязательными они были у военной аристократии, тогда как рядовые воины далеко не всегда имели этот вид оружия. Поэтому, а не только из-за ограблений курганов, мечи и кинжалы относительно редко встречаются в могильниках, следовательно, прежде чем попасть в наши руки, должно было произойти несколько этапов случайной выборки: из всей суммы погребений оказывались выделены погребения воинов, из последних – погребения, содержащие акинаки. Далее из всего зафиксированного разнообразия данных мы выбираем тот или иной таксон (или их группу), который представлен максимально близкими между собой образцами. Это морфологическое сходство, особенно если его дополняет принадлежность к достаточно узкому промежутку времени, позволяет нам считать, что за теми пространственными связями, которые читаются на картах географического распространения каждого из таксонов, стоят пути передвижений древнего населения, направления которых, так же как и интенсивность, могут быть выявлены из сопоставления между собой разного типа карт. Картирование акинаков, редких событий в скифологии, несет на себе большую информацию о событиях культурной истории, тем большую, чем больше процедур

последовательного выбора мы совершили. В этом преимущества редких событий над массовыми, а такое многократное усреднение выявляет основные тенденции, что мы покажем в докладе на примере сопоставления разного рода компьютерных карт.

Для археологического картирования нами были использованы геногеографические методы компьютерного картографирования, успешно применяемые и развиваемые с начала 80-х гг. проф. Ю.Г. Рычковым в лаборатории Генетики человека Института общей генетики РАН (Map Developer Studio) и позволяющие с помощью непрерывной интерполирующей функции создавать количественные картографические модели распределения отдельных руководящих типов и признаков методом средневзвешенной и аналитической сплайн-интерполяции.

В скифологии до настоящего времени для типологии длинных мечей и акинаков принята система А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 46–60), в которой выделялось около десятка таксонов, что для наших целей было недостаточно подробно. Длинные мечи и акинаки объединяют одинаковые формы рукоятей, состоящие из навершия, ручки и перекрестья. Клинки длинных и коротких акинаков отличаются только длиной, у тех и других они двулезвийные, могут быть с параллельными лезвиями, сужающимися к острию с последней трети длины, или в виде вытянутого к острию треугольника. Независимо от длины и формы клинка и оформления ручки мечи и кинжалы могут иметь разные виды наверший и перекрестий, изменяющиеся с течением времени. Так, для VII–V вв. до н.э. преобладают разные варианты брусковидных, валутообразных или антенных наверший, некоторые из которых оформлены в скифском зверином стиле. Среди перекрестий преобладают разные варианты так называемых почковидных (овальные с треугольным вырезом со стороны клинка) и особенно многочисленные варианты бабочковидных. Менее распространенными были сердцевидные, еще реже встречались сегментовидные, лучковидные, близкие к прямоугольнику и некоторые другие редкие формы.

А.И. Мелюковой была создана новая подробная классификация, учитывающая сочетание форм наверший, перекрестий, рукоятей и размеров, адаптированная к материалам Северного Кавказа совмест-

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 13-06-00599-а и РГНФ 12-31-01014.

но с В.Г. Петренко, использованная для закавказских древностей М.Н. Погребовой и для савроматских М.А. Очир-Горяевой. В Археолого-географическую БД «Акинак» по скифскому оружию коллективными усилиями внесены материалы из 279 могильников (480 погребений). 557 экз. акинаков объединены в 88 типов, 14 групп, 3 хронологических периода, и для каждого выделенного таксона построены компьютерные карты.

Обобщая обширную скифологическую литературу, А.Ю. Алексеев показал, что наиболее согласно в качестве рубежной даты принимается середина VII в. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 22) и рубеж V–IV вв. до н.э., определившие изучаемый нами период. Выделенные нами этапы опираются на даты комплексов, из которых происходят длинные и короткие скифские мечи, входящие в Базу данных «Акинак». В первый хронологический этап выделено около 60 находок, датированных второй половиной VII – рубежом VII–VI вв. до н.э. (рис. 1). Он соответствует выделенному А.И. Мелюковой раннескифскому периоду, второму этапу по В.Ю. Мурзину, 3 этапу по А.Ю. Алексееву, в котором последний видел «финал киммерийской и скифской истории в Передней Азии; время «гегемонии» второго поколения скифов (эпоха царя Мадия...). Начало масштабного освоения скифами предгорий Северного Кавказа и Днепровской лесостепи (Алексеев, 2003, с. 27).

Во второй хронологический этап входит около 40 находок, датированных исследователями VI в. до н.э. (рис. 1б), куда внесены, что конечно уязвимо, несколько экземпляров, датированных расширенным временем VII–V вв. до н.э. Начинать второй период условно следует со второй трети VI в. до н.э., памятуя, что исследователи свидетельствуют о некоторой лакуне внутри первой половины VI в. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 154), что, возможно, и является объективной причиной такого членения. Второй этап нашей хронологической группировки памятников соответствует третьему этапу по В.Ю. Мурзину и четвертому этапу скифской культуры по А.Ю. Алексееву.

Третий этап нашего хронологического членения датируется рубежом VI–V и V вв. до н.э. и соответствует среднескифскому этапу А.И. Мелюковой, четвертому этапу В.Ю. Мурзина и 5–6 этапам А.Ю. Алексеева. Начало этого этапа выявляется в качестве рубежа, видимого одними исследователями в конце VI в. до н.э. (Погрехова, Раевский, 1992, с. 223), другими в середине или последней трети VI в. (Алексеев, 2003, с. 22, 156, 18). А.Ю. Алексеев более подробно рассматривает наш третий этап, поскольку ему соответствуют 5, 6 и начало 7 этапов по его периодизации.

Третий этап объединяет подавляющее большинство скифских акинаков (около 80 % от включенных в Базу данных), поэтому компьютерные карты, если мы бы их рассматривали для всего массива акинаков, отражали бы те тенденции, которые характе-

ризуют именно этот третий промежуток времени, т.е. V в. до н.э.

Как уже было отмечено, для определения особенностей распространения акинаков во времени и в пространстве классификация акинаков была значительно детализирована А.И. Мелюковой. Выделены как жесткие сочетания определенной формы перекрестия и навершия (51 случай), так и сочетания определенной формы перекрестия с разными навершиями (24 случая), или акинаки с одним из четырех видов наверший при отсутствии перекрестий (4 случая). Эти результаты можно сопоставить с выделением культурных типов А.Ю. Алексеевым, которым «было учтено 256 акинаков... обладающих максимальным набором признаков» (Алексеев, 1991, с. 272), в нашем случае – 557 экз. (правда, если убрать неясные формы и обломки, то 486 экз.). Приводя номера типов по выделенным идентичным типобразующим признакам, мы будем литерой А и М отмечать номера типологии А.И. Мелюковой и А.Ю. Алексеева. На основании брусковидных наверший выделены 49 М, он же 7, 8 А; простые антенновидные (50 М, 10 А), сложные антенновидные (51 М, 11 А), отсутствие наверший (52 М), орнаментированные (А 12–18), т.е. в классификации А.И. Мелюковой для оценки связи с перекрестиями выделено 4 признака (у А.Ю. Алексеева для построения связного графа использовано 12 (Алексеев, 1991, рис. 38)). Выделение признаков рукояти равновелико, у А.И. Мелюковой – 11, у А.Ю. Алексеева – 12, но в использованной в БД классификации эти признаки рассматриваются факультативно. Значительно большая дробность наблюдается в характеристике перекрестий, которые в принятой нами группировке материалов использованы как основные типобразующие признаки. А.И. Мелюковой выделено 35 форм, из которых 11 также выделены в список черт А.Ю. Алексеевым (почковидные – гр. I, т. 1, 2 М – 31, 32, 33 А; сердцевидные – гр. II, т. 3 М – 38 А; бабочковидные – гр. III, т. 4–7 М – 35–37 А; полупочковидные – гр. IV, т. 8 М – 34 А; сегментовидные – гр. VII, т. 11 А – 41 А; брусковидные – гр. VIII, т. 12 М – 40 А; ложнотреугольные – т. 57 М – 39 А; «сломяные под углом» – т. 60 М – 42 А).

Выделение 79 таксонов в нашем случае объясняется необходимостью дробного членения всего материала в пространственно-временном аспекте, тогда как А.Ю. Алексеев ставил своей целью выделение культурных типов (Алексеев, 1991, с. 276) на основании построенного графа признаков (Там же, рис. 39). Первый культурный тип по А.Ю. Алексееву включает в себя часть I гр. (т. 1, 2, 13 и 14) и часть VII гр. (т. 8, 20) у А.И. Мелюковой; второй тип А Алексеева соответствует т. 4, 5 III группы по нашим данным, а III по графу, он же 4 по тексту (Алексеев, 1991, с. 276) соответствует т. 18 II группы, а 3 (по тексту А. Алексеева) таксону 57 по БД Мелюковой и др. В картах типы обозначены арабскими цифрами, а группы – римскими (за каждым из этих таксонов стоит от несколько до 80–150 акинаков).

Рассмотрим это на примере наиболее архаичных типов скифских акинаков с почковидными (гр. I) и сердцевидными (гр. II) перекрестиями.

Сопоставление между собой акинаков с брусковидным навершием и почковидным перекрестием (т. 1) и с навершиями разных типов при сердцевидном перекрестии (гр. II, включающая т. 3, 15, 27 и 39) удовлетворяет условию равновеликости сравниваемых выборок (в первом случае картировано 46 экз., а во втором – 37 экз.), и кроме того большую часть акинаков II группы составляет т. 3 (15 экз.), имеющий как и т. 1 брусковидное навершие.

Представляет интерес хронологическое членение рассматриваемых данных.

Таблица 1

гр.	I								Всего		II				Всего		
	1	2	13	14	25	26	37	38	кол-во	%	3	%	15	27	39	кол-во	%
1	11	1	2		1		1	1	17	16	7	28	2		1	10	226
2	11	1	3						15	14	3	12	2		1	6	118
3	22	11	15	5	6	2	7	1	71	70	15	60	4	1	1	21	556

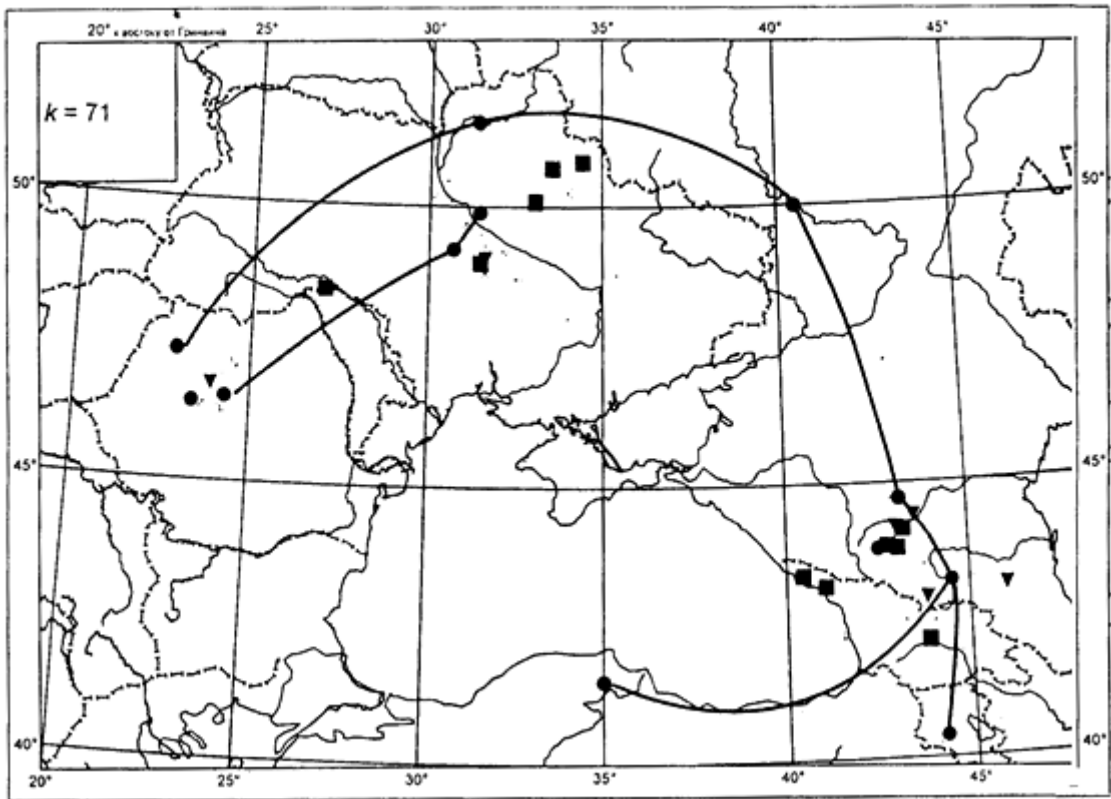
Если мы останемся на уровне сравнения т. 1 со второй группой, то процент акинаков первого периода будет примерно равен, тогда как у т. 3 даже несколько выше. Процент акинаков VI в. до н.э. значимо выше у т. 1, чем в среднем во второй группе и, тем более, чем у т. 3. Если же мы с хронологической точки зрения рассмотрим все таксоны, сгруппированные в I и II группу, то в целом должны отметить, что более поздние акинаки преобладают в группе с почковидными навершиями (70 %), и их значительно меньше в группе с сердцевидными навершиями (56 %).

Следовательно, если акинаки с указанными двумя формами перекрестий представлены высоким процентом в первые два периода (50 и 44 %), то процент акинаков с сердцевидным перекрестием более заметно уменьшается к VI–V вв. до н.э., чем процент акинаков с почковидным перекрестием.

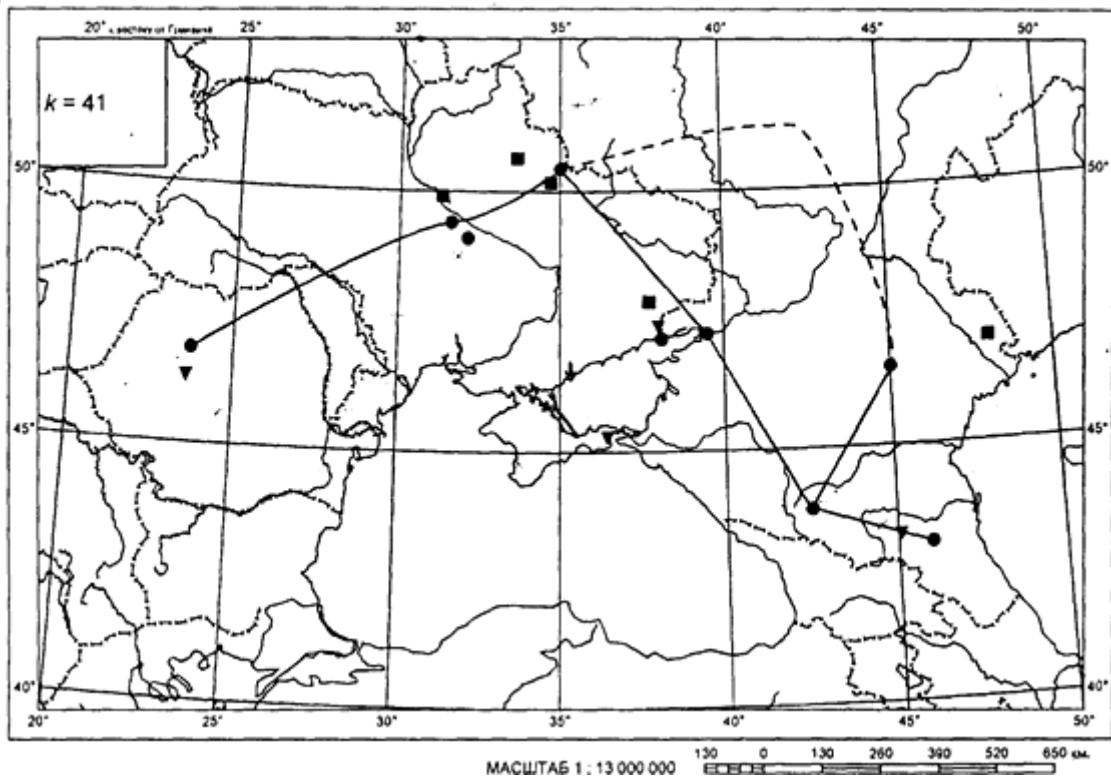
На карте (рис. 1а) обозначено распространение акинаков первого этапа: т. 1, группы I и II с отмеченными звездочкой акинаками других типов. Соединение линией памятников с наиболее архаичным т. 1 дает напряженную линию с территории наибольшей концентрации в Предкавказье (Уллу-Балаян 2 экз., не отмеченный на карте Келермес), Тейшебаини в Урарту, Богучары на Дону, затем лесостепное Приднепровье (Рыжановка, Куриловка, Мена), Румыния (Айюд, Кристешты, Фирминис) – т.е. 13 акинаков из 11 памятников и не рассеянное расположение, а подчеркнутый путь, сначала меридиональный из Центрального Предкавказья на Дон, затем лесостепной широтный на Днепр, затем Днестр и левобережье Дуная. Добавим к этому результаты картирования гр. II

акинаков с сердцевидным перекрестием. Начнем с того, что они удачно совмещаются с данными по т. 1, когда северокавказские находки концентрируются в том же микрорегионе (Лермонтовская скала, т. 3; Каррас Чеснок гора 2, т. 3), но появляются пункты на Черноморском побережье (Гуадиху, VIII–VII вв. до н.э., т. 15; Колхида, т. 39) и районе Куры (Вани, т. 3) в Закавказье. Концентрируются памятники с акинаками II гр. в Приднепровье поблизости от памятников с акинаками I т. (Полевка, к. 3, т. 15; Васильков, Ур. Дарьевка, т. 3; Хмелевка, т. 3; Мгарь, т. 3) и, наконец, на линии, соединяющей Днепровские памятники с Трансильванскими, куда акинаки II гр. не доходят (Ленковцы, т. 3). Коммуникационная сеть осталась той же, правда, между предкавказскими и левобережными днепровскими памятниками нет находок, поэтому можно предполагать, что могли использоваться пути через Средний Дон (как было для т. 1), или же – пути через Нижний Дон, что найдет подтверждение на картах 2 этапа. На карте второго этапа (рис. 1б) для т. 1 выявляется тот же, что и ранее микрорегион в Центральном Предкавказье (Уллу-Баганалы), несколько сдвинутый к востоку (Северная Осетия, сл. нах. и Сержень-Юрт 2); к этому, а скорее к более раннему времени, относится акинак из Имирлера в Малой Азии. Из Центрального Предкавказья один путь идет меридионально к северу (Ср. Липовка) в междуречье Волги и Дона, а другой к низовьям Дона (Хапры, Новоазовск), о чем мы уже говорили для VII–VI вв. до н.э. Отсюда путь раздваивается к левому и правобережью (Райгород, Кириковка, к. 13, 8, Староселье) Днепра (что подтверждается картированием других таксонов первой группы, группирующихся в этих микрорегионах вокруг единичных находок т. 1, и несколько южнее). Между Днепром и Трансильванией (Гадалин, VII–V вв. до н.э.) сохраняется то же направление путей, что и ранее. Хотя в целом это путь на всем протяжении сдвинут на юг. Акинаки гр. I в Трансильвании концентрируются поблизости от Гадалина и несколько к югу. В Предкавказье зона концентрации располагается в пределах верхнего течения правых притоков Кумы и Терека и один памятник находится в верховьях Кубани. Появляются единично акинаки I гр. в Южном Крыму и на Нижней Волге. Интересно, что акинаки II группы в VI в. до н.э. не найдены южнее 47, как бы продолжая движение на север междуречьем Волги и Дона, т.е. продолжая тот путь, который был намечен т. 1: это находка акинака т. 39 из Саратовского музея и из Комсомольского (т. 15). В Приазовье акинаки т. 3 (Марьинский район) маркируют степной путь, хорошо известный по данным IV в. до н.э. от побережья в лесостепь Левобережного Днепра (Плавицы, т. 3; Скоробор, т. 15, 2 экз.; Балыко-Щучинка, т. 3). Интересно, что также как и на I этапе, акинаки II группы далее на запад от Днепра не продвигаются.

а

б

Рис. 1а. Распространение акинаков 1 этапа:
1 – т. 1; 2 – гр. 1; 3 – гр. 2; 4 – остальные акинаки 1 этапа

Рис. 1б. Распространение акинаков 2 этапа:
1 – т. 1; 2 – гр. 1; 3 – гр. 2; 4 – остальные акинаки 2 этапа

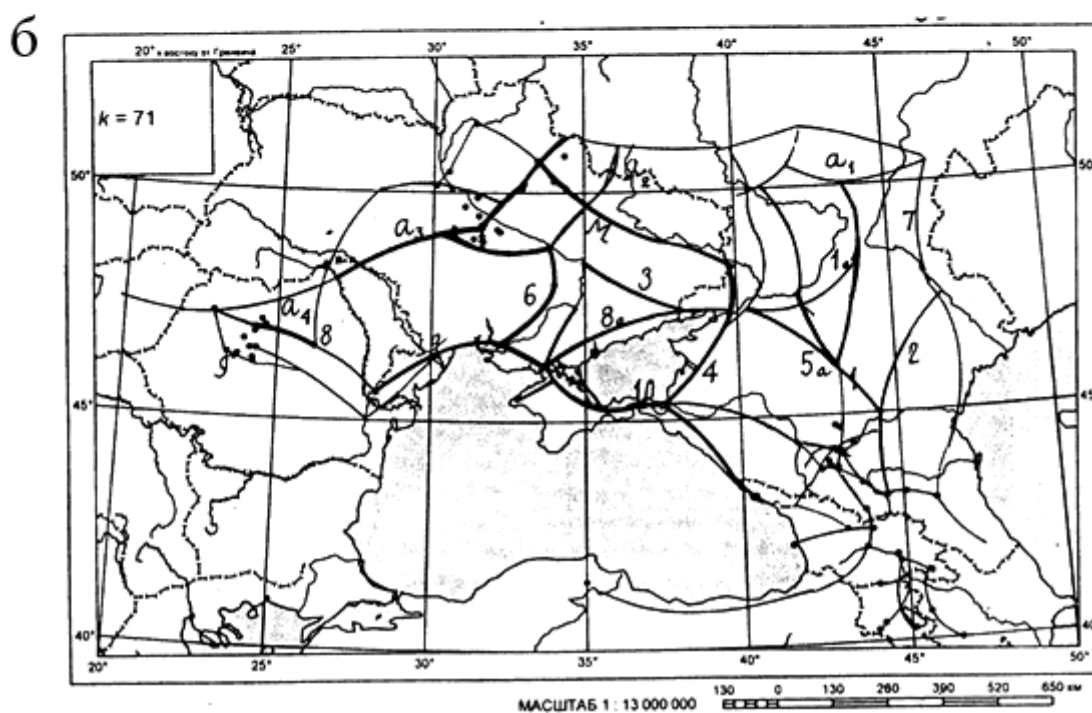
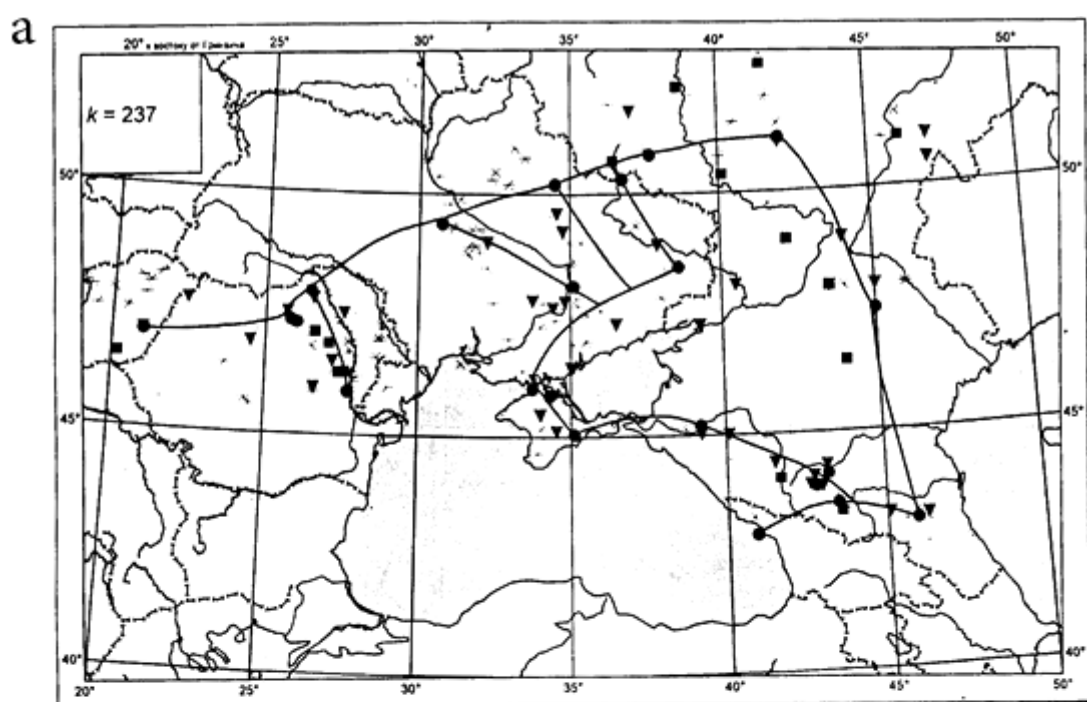

Рис. 2а. Распространение скинатов 3 этапа:
1 – т. 1; 2 – гр. 1; 3 – гр. 2; 4 – остальные скинаты 3 этапа

Рис. 2б. Карта сухопутных дорог, построенная на основании 36 электронных карт распространения скинатов VII–V вв. до н.э.

Сравнивая между собой распространение одних и тех же акинаков двух ранних периодов (рис. 1а, б), мы видим, что ареал и прослеженные пути сдвигаются на юг.

Памятники с акинаками конца VI–V вв. до н.э., т.е. третьего этапа, и количественно и по ареалу освоенной территории резко отличаются от предшествующего времени. На карте рис. 2а выделен ареал и пространственные связи т. 1 и гр. I, а на карте, которую я представляю в докладе, весь массив акинаков с почковидным перекрестием, почти равномерно покрывающий территорию Геродотовой Скифии, фракийский мир, Предкавказье и савроматскую территорию. Акинаки т. 1 представлены во всех основных микрорегионах Предкавказья и связаны равнинными путями азово-каспийского междуморья, шедшими параллельно направлению Главного Кавказского хребта. Очень четко выделяется меридиональный путь волго-донского междуречья, который уходит гораздо дальше на север, чем в VII–VI вв. до н.э. и широтными путями от Доно-Донецкого междуречья продолжается в Днепровскую левобережную и правобережную лесостепь, чтобы пересекая Ю. Буг и Днестр достичь Трансильвании теми же путями, которые зафиксированы на картах первых двух этапов. На третьем этапе впервые выявилась система степных коммуникаций, связывающая греческие колонии через степь с лесостепью, что в более раннее время только еще намечено, а наглядно видно на карте распространения скифских изваяний VII–V вв. (Ольховский, Евдокимов, 1994, табл. 2, 3) и на реконструируемых скифских путях IV в. до н.э. (Болтрик, 1990, рис. 3, 4). Пунктиром намечился путь от Северского Донца к северу и от побережья Азовского моря к левому берегу Днепра у его излучины, а далее в лесостепное Левобержье. Очень четко видно функционирование пути из степного Крыма через Керченский полуостров на Нижнюю Кубань. Комплексы с акинаками второй группы в Предкавказье расположены несколько западнее т. 1 (бассейн Кубани и Кумы). Они указывают преимущественно на северные связи, как меридиональным путем по Волго-Донскому междуречью вплоть до средней Волги, среднего и верхнего Дона, так и степным путем из Прикубанья к нижнему Дону. Далее на запад в лесостепь, степь и Крым акинаки с сердцевидным перекрестием не доходят, хотя на территории Приднестровья и Румынии они расположены двумя компактными цепочками, смыкающимися с находками акинаков с почковидными перекрестиями. Попали они сюда, скорее всего, южным причерноморским путем с низовьев Дона, что подкрепляется находками акинаков I группы, расположившимися цепочкой вдоль побережья. В такой же мере они могли проникнуть в причерноморскую Скифию из Прикубанья через Пантикапей путем степных

перекочевков по «рыбному пути» (Алексеев, 2003, с. 161) и далее уже в Подунавье.

Охарактеризовав карты трех хронологических этапов, мы возвращаемся к тому методическому вопросу, который мы поставили в начале нашего экскурса – об информативности материалов, когда мы из нерасчлененной массы данных (в морфологическом или хронологическом плане), путем последовательного и обусловленного правилами деления, получаем более узкие выборки. Выделенные таким образом таксоны разного иерархического уровня, рассмотренные по узким хронологическим группам и картированные, заставили эти источники «заговорить». Имея в нашем распоряжении атласы карт можно не согласиться с пессимистическим высказыванием глубокого знатока скифской археологии А.Ю. Алексеева об отсутствии «каких либо соответствий между формой меча... и территориальным распространением мечей и кинжалов» (Алексеев, 1991, с. 275).

К сожалению, для сопоставления с картами акинаков можно использовать из групп массовых материалов только результаты изучения скифских изваяний VII–V вв. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994; Ольховский, 1999).

На основании обобщающих карт В.С. Ольховского и Г.Л. Евдокимова (1994, табл. 2, 3) при дополнительных данных В.С. Ольховского (1999) удалось построить карты в диахронии и привести их в докладе – одну для первого и второго этапа, вторую – для третьего. Как пишет В.С. Ольховский: «Отмеченное территориально-хронологическое распределение памятников, очевидно, отразило этапность освоения скифами пространств юга Восточной Европы, продвижение носителей традиции создания монументальных каменных скульптур с Северного Кавказа через низовья Дона в Северное Приазовье и Причерноморье» (Ольховский, 1999, с. 248).

Сходство между картами акинаков и изваяний VII–VI вв. до н.э. ограничивается тем, что обе группы артефактов имеют наибольшую концентрацию в Предкавказье. Пути освоения пространств – разные. Акинаки, как мы уже неоднократно отмечали, уходили на запад, сначала поднимаясь междуречьем Волги и Дона до лесостепи, а потом лесостепными дорогами продвигаясь до Трансильвании. Путь через Нижний Дон был освоен в VI в. до н.э., и то он уводил на левобережье Днепра в лесостепь, а азовско-черноморский правобережный путь был освоен только в конце VI–V вв. до н.э. Исследователи скифских антропоморфных изваяний справедливо видели в них некий «дорожный знак», что и подтверждается картами. Но соответствуют карты изваяний VII–VI вв. в большей мере картам акинаков 3 хронологического этапа. Несоответствие выявляется и картированием изваяний VI–V вв. до н.э. Они почти исчезают в Предкавказье, достаточно плотно заполняют степную Скифию и проникают именно

разновременные памятники рисуют нам различающиеся между собой модели освоения пространства, дают картину разного микрорельефа при меняющейся концентрации памятников. Наглядны связи в раннее время преимущественно в лесостепной зоне (цепочки сгущений) между зонами концентрации памятников.

Модели распределения памятников по трем хронологическим этапам (рубеж VII–VI вв., VI в. и V – нач. IV вв. до н.э.) последовательно сравниваются (визуально и компьютерными методами) с картами, построенными для всех (не единичных) типов акинаков и с синкретическими картами главных компонент, которые выявляют основные закономерности, стоящие за распределением различных типов акинаков на территории Средней и Восточной Европы и Кавказа. Близость этих различающихся по своей природе карт показывает, в какой мере акинаки могут служить хронологическими индикаторами и характеризовать своим набором в разные периоды своеобразие того или иного района бытования скифской культуры в VII–V вв. до н.э.

Ограниченные не столько в объеме текста данной статьи, сколько в доказательной базе при невозможности издать в цвете необходимый объем компьютерных карт, отсылаем читателя к изданным ранее материалам (Ковалевская, 2005, с. 25–36, 366–376, рис. 6–17а).

От анализа карт 1а, б; 2а перейдем к обобщению представленных в статье и докладе карт Атласа к БД «Акинак» – рис. 2б, которая представляет собой каркас коммуникационной сети, заполняющий лесостепную и степную часть Восточной и Центральной Европы и Кавказа. Северный Кавказ при максимальной насыщенности находками акинаков, в особенности наиболее древними (189 экз. из 557), большом их разнообразии (50 типов из 85) и наибольшем, по сравнению с другими регионами, проценте местных уникальных форм (22 таксона), мы рассматриваем в его историко-географическом единстве, как источник и импульс распространения акинаков по всем рассмотренным направлениям (зона максимальной концентрации и разнообразия). На всех картах он заведомо оказывается источником разнонаправленного движения. Не разбирая в данной статье вопроса происхождения акинаков – достаточно дискуссионной темы – и придерживаясь гипотезы об их северокавказском происхождении из биметаллических кинжалов кабардинско-пятигорского типа, не могу не отметить, что Атлас электронных карт акинаков поддерживает именно эту точку зрения. Подкрепляют ее и лингвистические данные. В 2012 г. С.В. Кулланда выдвинул предположение, что слово «акинак» не является по своему происхождению исконно иранским и, вероятнее всего, «происходит из пранахского *hāhki* (“железо”) ... + *in* (суффикс прилагательных) *nekV* (ср. бацбийское *peḱ* “нож”), “железный нож”.

Разумеется, даже если предлагаемая этимология верна (а она, как и любая этимология, может быть подвергнута сомнению), она не свидетельствует однозначно о происхождении обозначавшейся данным этимоном реалии, но все же возможно северокавказское происхождение слова показательно в свете изложенных выше споров о генезисе акинака» (Раевский и др., 2013, с. 179).

Если добавить указанную гипотезу к картографическим материалам, представленным выше, то эта гипотеза кажется не только убедительной, но и доказательной. Тем более, что она словесно подтверждает важное отличие в материале железного акинака от биметаллического кинжала при сохранении их функции. Возвращаясь к карте сухопутных дорог Скифии VII–V вв. до н.э., не приводя их подробного разбора, что сделано, как мы указывали ранее, остановимся на той информации, которая заключается в табл. 2, расшифровывающей карту на рис. 2б. В таблицу введены данные по 30 компьютерным картам из имеющегося в нашем распоряжении Атласа в 50 карт (приводятся аналитические карты, построенные по картированным памятникам, и синтетические карты – по 27 микрорегионам). Дороги на карте для удобства пользования ею обозначены арабскими цифрами для меридиональных, к которым добавлены буквы для выделения участков. Широтные дороги обозначены только буквами. Эти же дороги вынесены по вертикали (от 1 до д) столбиками, а их пересекают строчки с данными по электронным картам, построенным для типов и групп, когда в каждом случае отмечено присутствие на карте того или иного пути или его отрезка, что отражает интенсивность использования этого пути. В третьей снизу строке суммируются данные по использованию выделенных путей, а в двух последующих строках эти данные рассматриваются в диахронии, когда мы можем получить информацию о том, что часть путей (или их отрезков) использовалась на протяжении всего времени (1, 1 б, М – Муравский шлях, а₃, а₄, б), тогда как часть путей находилась в употреблении только в раннее время (1 в, 5, в), а другие появились лишь в V в. до н.э. (1 а, 2–4, 6–10, а₂, г, д). Конечно, это всего лишь информация для размышления, но построена она на достаточно значимом статистическом основании, и интересно в дальнейшем ее проверить на других материалах. Не рассматривая конкретно выделенные сухопутные дороги, остановимся на некоторых. Широтный лесостепной путь (а₁ а₂ а₃ а₄) постепенно спускающийся от 51° (53°) с.ш. на востоке до 46,5° на западе зафиксирован на трети компьютерных карт.

С раннего периода (карты 1а, б) использовался левобережный Днепровский путь (М), соответствующий средневековому Муравскому шляху. Особенно насыщено это направление пути памятниками VI–V вв. до н.э. Очевидно, следует согласиться с Ю.В. Болтриком (Болтрик, 1990, с. 35), что

этим путем после изгнания из торговых поселений (Herod., IV, 108) эллины ушли в землю будинов. Этот путь фиксируется более чем на четверти компьютерных карт. В раннее время существовал еще один широтный путь (по 47° с.ш.) от Нижней Волги до Нижнего Дона, зафиксированный на двух картах и не отмеченный в более позднее время.

Как мы показали при сопоставлении диахронных карт – в конце VI в. до н.э. начинает использоваться целый ряд степных дорог, связывавших лесостепь через причерноморские степные пространства с побережьем Азовского и Черного морей. Сюда входит путь северным берегом Азовского моря и Нижнего Дона (г), представленный более чем на четверти компьютерных карт и его продолжение вдоль Черного моря вплоть до Дуная, примерно на четверти компьютерных карт (д); редко, но представлен путь 10, соединяющий Крым с Прикубаньем, который, даже в двух вариантах, станет одной из основных магистралей Скифии более позднего времени, выходя к Днепру в районе Каменского городища и проходя через «курганные аллеи» Огуза, Козла и Солохи и совпадая с древнерусским соляным путем (Болтрик, 1990, рис. 3, 4, с. 39). Продолжением этого крымско-кубанского пути по степному Правобережью Днепра является путь 6, проявляющийся более чем на 20 % компьютерных карт, начиная с VI–V вв. до н.э., связанного с хорошо документированной Днепровской переправой между Каменским городищем и Чертомлыком (Болтрик, 1990, рис. 4) и остающийся магистральным степным путем в поздней Скифии.

В VI–V вв. до н.э. фиксируется и лесостепной путь а2, соединяющий верховья Дона через Кальмиусскую сакму и Муравский шлях с Правобережьем Днепра. Представленный на трети компьютерных карт этот отрезок лесостепного пути объединяет весь тысячеверстный путь от Волги до Дуная, наиболее интенсивно используемый скифами на протяжении всего рассматриваемого нами времени.

В VI–V вв. возникла и система путей, связывавших побережье Черного моря по Днестру (7) и южнее (8, 9) с Румынией и Венгрией. Они представлены на 20–35 % компьютерных карт. Изучение направления и протяженности рассмотренной системы, сухопутных дорог возвращает нас к вопросу, который не может обойти своим вниманием ни один исследователь истории Скифии VII–V вв. до н.э. – распространялись этими путями культурные достижения в области военного дела или мы таким способом фиксируем пути передвижения скифов. Анализ путей в их системе подтверждает вторую точку зрения. Это быстрые, даже стремительные передвижения однократные или многократные (Виноградов, Марченко, 1991, с. 145–147; Погребова, Раевский, 1992, с. 223); вызывающие «скифизацию лесостепи» (Алексеев, 2003, с. 117), поскольку основные пути обходили малолюдную степную

зону (Галанина, 1997, с. 196; Алексеев, 2003, с. 156). Передвижения проводились мобильными воинскими отрядами (Погребова, 1999, с. 122). Скифы инкорпорировались в местную среду, становясь ее элитой (Виноградов, Марченко, 1991, с. 148), организуя новые передвижения и увеличивая освоенную территорию.

Подытоживая представленное выше, хотим подчеркнуть, что картирование археологических вещей показывает, как их распределение в пространстве приводит к характеристике продвижения на этом пространстве носителей этих вещей, освоения людьми окружающей территории. И совсем кратко позволим себе остановиться на том, как можно увеличить историко-этногенетическую информацию для решения историко-культурных проблем, используя генетические данные.

К сожалению, один из самых насыщенных историческими свидетельствами о прошлой жизни источник, а именно генетическое разнообразие современного населения, генофонд народов – остается, как правило, за рамками исторических реконструкций, поэтому мы остановимся на тех возможностях, которые дает археологии знакомство с геногеографическими картами Европы, Кавказа и близлежащих территорий (Рычков, 1984; Рычков и др., 1992; Ковалевская, Рычков, 1996). Для построения геногеографических карт был использован пакет специальных программ GGMag, Map Developer Studio, апробированных и в археологии. Возможность адаптации методики основывалась на явном соответствии руководящих признаков в археологическом исследовании гена в геногеографическом исследовании. Общим являлась возможность выразить признаки через частоту, массовость и разнообразие, характер пространственного распространения признаков с их локальными максимумами и минимумами, связанными с величиной концентрации признака.

Как многослойный хорошо стратифицированный археологический памятник является свидетелем многовековой истории, так и гены ныне живущего человека и популяции в целом имеют различную хронологическую глубину. Именно на языке генов, как показали исследования Ю.Г. Рычкова, в природе передаются вести из прошлого в будущее, и от точности этой передачи зависит воспроизведение всех форм жизни, в том числе и этнической формы.

Количественный метод построения геногеографических карт задает непрерывный характер изображения и позволяет читать карту как процесс изменения рельефа: хотя изображение фиксировано, его динамика видна благодаря непрерывным переходам. На карте обнаруживаются направления изменений в виде географически ориентированных систематических сдвигов частоты гена, имеющих фронт той или иной протяженности и читающихся как направление распространения гена. Могут встречаться кольцевые или полуколь-

цевые структуры с максимумом или минимумом в центре, указывающие на диффузию гена из центра к периферии.

Для изучения кавказского генофонда в Лаборатории генетики Человека ИОГЕН РАН Ю.Г. Рычковым было картировано около сотни независимых генов для Кавказа, построенных по данным о генах нынешних поколений населения, являющегося коренным на картируемой территории. Отдельные события в разное время захватывали разные гены и разные географические части ареала генофонда, поэтому, для сравнения с археологическими материалами мы получаем серии гено-географических карт. Из разных методов их обобщения выбран метод главных компонент, который позволяет выделить и картировать факторы, управлявшие развитием всего генофонда и географическим распределением всех, а не отдельных генов. В данной статье мы рассмотрим карту первой главной компоненты всего Кавказского генофонда, потому что в ней отражено действие наиболее генетически весомого фактора истории населения, а именно степной импульс с севера – северо-востока и южный ближневосточный (Ковалевская, 2005, карта 2, с. 364). При анализе разных факторов, управляющих развитием генофонда Восточной Европы, Ю.Г. Рычков и его соавторы подчеркивают роль степного давления из Закаспия, выраженного в карте второй главной компоненты (Рычков и др., 1999, с. 123–125, рис. VI, 4). На карте Восточной Европы оно направлено с северо-востока на юго-запад, захватывая в своем движении Предкавказье, проникая вплоть до Главного Кавказского хребта. Именно эти карты главных компонент генофонда Кавказа и Европы, которые будут показаны в докладе, находят соответствия в рассмотренных ранее археологических картах. Из самих же геногеографических карт мы не получаем информации о времени соответствующих передвижений. Но внесение хронологических реперов при анализе генофонда все-таки возможно в том случае, если мы сможем изучить полиморфизм ископаемой ДНК.

Как показывают результаты исследований древней ДНК, поиск реперных точек, посредством анализа генетических характеристик древнего населения, для детализации исторических событий представляется достаточно продуктивным. С одной стороны, факт влияния ираноязычных кочевников на формирование популяционной структуры населения Северного Кавказа большинству специалистов представляется вполне аксиоматичным. Этому факту существует немало подтверждений. Генетические расстояния от народов северного Кавказа до построенной методом обобщения синтетической группы «иранцы» (рис. 4а) указывают не только на сам факт присутствия «иранского» генетического компонента в генофонде коренного населения Кавказа, но и на неравномерность этого

влияния. Представленная карта генетических расстояний указывает на значительное генетическое воздействие степных кочевников, проникающее даже в достаточно отдаленные регионы Кавказа, более того, это воздействие носит очень неравномерный характер, хотя длительное, на протяжении многих столетий, соседство скорее позволяло бы ожидать более равномерной структуры. Так, соседствующие между собой области экстремумов, разделенные непротяженными областями промежуточных значений, позволяют считать, что культурные и генетические различия коренных народов Кавказа имеют под собой очень древнюю и стабильную основу, воздействие на которую внешних импульсов совсем не всегда сопровождалось ассимилятивными процессами.

Ставя перед собой задачу рассмотреть влияние «иранцев» в хронологическом аспекте, была предпринята попытка поиска реперных точек для такого исследования. Сама идея заключалась в следующем: исследуя генетическое разнообразие древних популяций, уже имеющих достаточно убедительную датировку, составить общее представление о генофонде степных кочевников на том или ином временном промежутке и сделав допущение, что обобщение данных о генофондах современного населения позволяет определенным образом нивелировать различия, обусловленные дивергенцией, то есть с некоторой степенью погрешности составить генетический портрет прапопуляции, с одной стороны, а с другой, используя аксиому о том, что процессы, приводящие к появлению различий в генофондах популяций, идут с такой скоростью, что любая генетическая линия, обнаруженная нами в современном генофонде, дошла до нас из глубокой древности в неизменном виде, провести сравнение генофондов изученных древних популяций с генофондами современных народов с целью оценить изменчивость генофонда во времени.

Так, для первой реперной точки было выбрано генетическое разнообразие степных кочевников среднесарматского времени. Карта генетических расстояний от этой исследованной популяции до современных народов Кавказа (рис. 4б), хотя и является одной из первых попыток анализа такого рода и, учитывая немногочисленность имеющихся данных, во многом является первым приближением, тем не менее, обнаруживает ряд заслуживающих внимания моментов. Во-первых, достаточно четко видно, что генетическое влияние степных кочевников среднесарматского времени на генофонды народов Северного Кавказа было незначительно, более того, исследованное древнее население сближается с генофондами групп, занимающих по отношению к нему корневое положение. Такая картина может указывать на более чем значительные генетические различия в генофондах, а следовательно, и в происхожде-

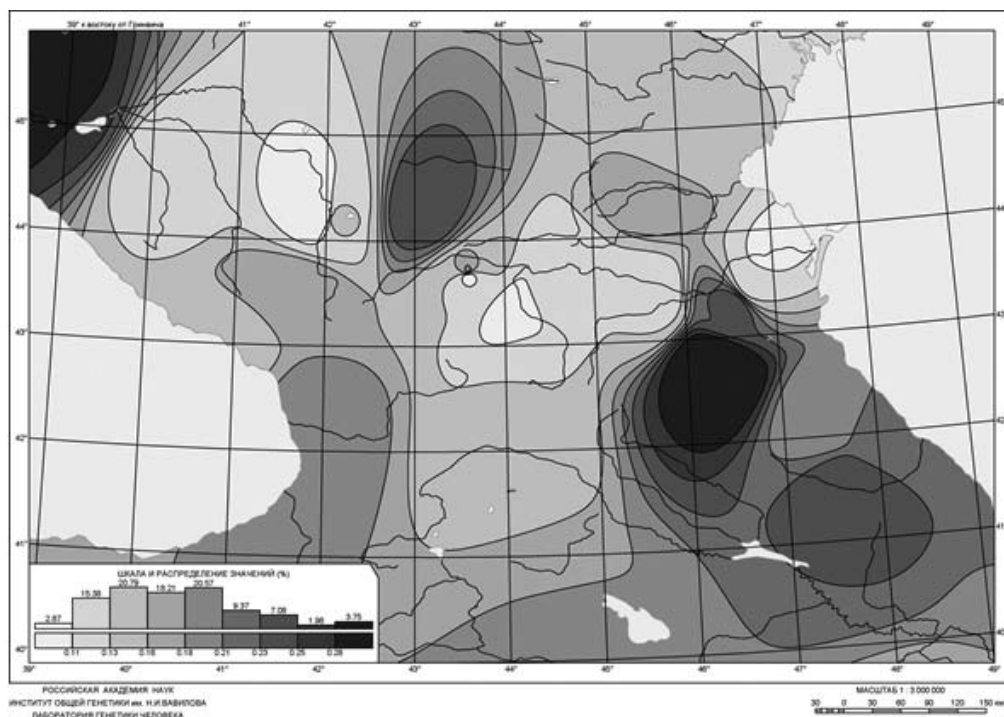

Рис. 4а. Генетические расстояния от синтетической группы «иранцы» до народов Кавказа

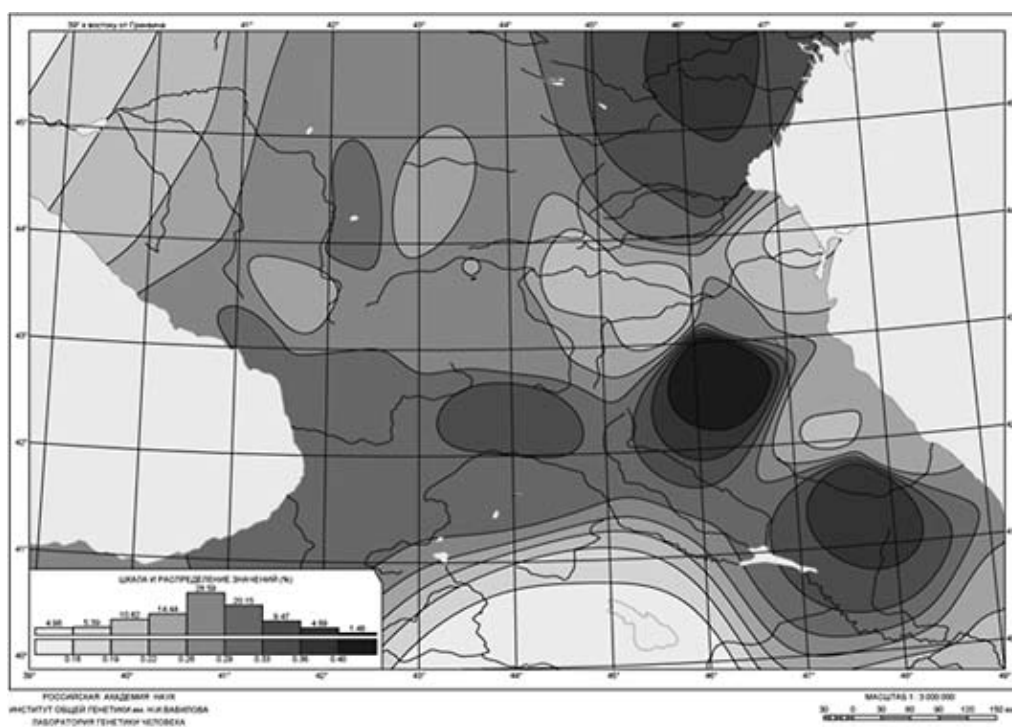

Рис. 4б. Генетические расстояния от степных кочевников среднесарматского времени до народов Кавказа

нии и в этногенезе, разных групп ираноязычных степных кочевников. Для решения вопросов о генетических взаимоотношениях степных кочевников, несомненно, требуется более детальный и более глубокий анализ генетического разнообразия древних популяций, однако даже первое приближение позволяет считать этот подход более

чем результативным, а исследование генофондов древних народов в контексте поиска реперных точек для анализа исторических событий позволит, постепенно уточняя, строить глубоко увязанную внутри себя модель взаимодействия не только культурных, но и генетических общностей вплотную подводя к вопросу развития народов.

Литература

- Алексеев, 1991: Алексеев А.Ю. Этнод об акинаках // Клейн Л.С. Археологическая типология. Ленинград, 1991.
- Алексеев, 2003: Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003.
- Болтрик, 1990: Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра) // СА. 1990. № 2.
- Виноградов, Марченко, 1991: Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1.
- Галанина, 1997: Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М., 1997. Т. 1.
- Ковалевская, 2005: Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005.
- Ковалевская, Рычков, 1996: Ковалевская В.Б., Рычков Ю.Г. Геногеография Кавказа в свете археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. К 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996.
- Ковалевская и др., 1998: Ковалевская В.Б., Мелюкова А.И., Петренко В.Г. Некоторые итоги использования компьютерных карт на материалах скифских акинаков VII–V вв. до н.э. // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: Тезисы докладов. СПб., 1998.
- Ольховский, Евдокимов, 1994: Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.
- Ольховский, 1999: Ольховский В.С. Идея антропоморфности в монументальной культуре кочевников Евразии I тыс. до н.э. // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.: Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. М., 1999.
- Погребова, Раевский, 1992: Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.
- Погребова, 1999: Погребова М.Н. Закавказье и евразийские степи в конце II – начале I тыс. до н.э. // Скифы в Северном Причерноморье в VII–IV вв. до н.э.: Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. М., 1999.
- Погребова и др., 2013: Погребова М.Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М., 2013.
- Рычков, 1984: Рычков Ю.Г. Пространство и время в геногеографии // Вестник АМН СССР. 1984. № 7.
- Рычков, Балановская, 1992: Рычков Ю.Г., Балановская Е.В. Генофонд и геногеография СССР // Генетика. 1992. Т. 28. № 1.
- Рычков и др., 1999: Рычков Ю.Г., Балановская Е.В., Нурбаев С.Д., Шнейдер Ю.В. Историческая геногеография Восточной Европы // Восточные славяне: Антропология и этническая история. М., 1999.

В.П. Копылов, А.Н. Коваленко
(г. Ростов-на-Дону)

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ МАТЕРИАЛОВ БОЛЬШОЙ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИИ НА МЕСТЕ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА В ДЕЛЬТЕ ДОНА

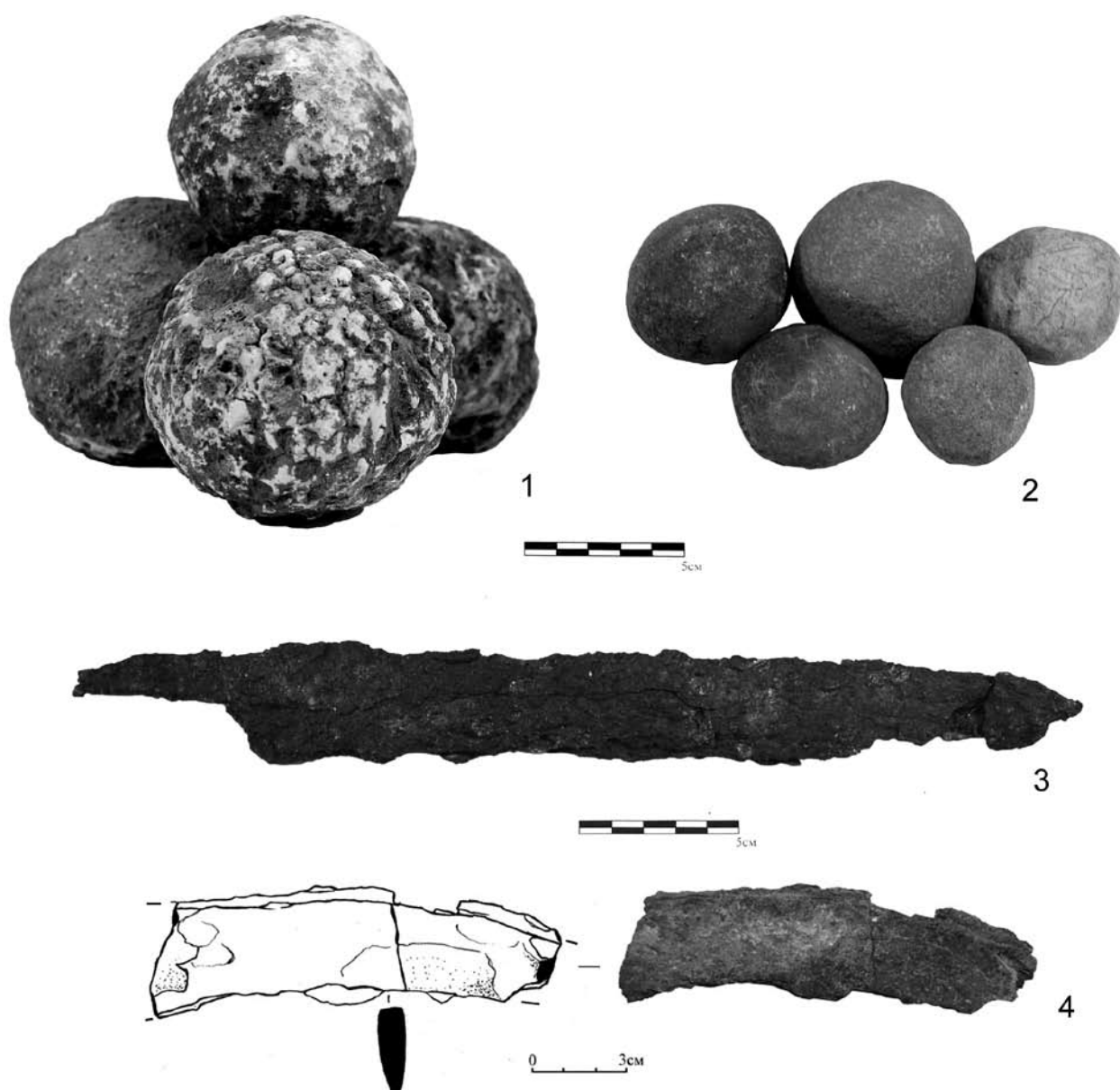
Проблема изучения вооружения и военного дела народов, проживавших на территории Северного Причерноморья в скифское время, занимала особое место в творчестве А.И. Мелюковой, и ее работы до настоящего времени не потеряли своей значимости и актуальности. Проблемы изучения военного дела и вооружения скифского населения Нижнего Дона неоднократно рассматривались в работах исследователей (Мелюкова, 1964; Копылов, Янгулов, 1987, с. 80–82; 1992, с. 41–42; Янгулов, 2001, с. 359–363; 2002, с. 54–59; Янгулов, 2008), тогда как предметы вооружения, обнаруженные в материалах Большой греческой колонии, выведенной на территорию Елизаветовского городища, до сих пор не были предметом специального исследования. В то же время данные материалы, несомненно, являются чрезвычайно важным источником для реконструкции военно-политической истории Нижнедонского историко-культурного региона в скифо-античное время. Елизаветовское городище, расположенное в дельте Дона, является важным индикатором военно-политических изменений, происходящих в этом регионе. В настоящее время четко установлено, что в конце IV в. до н.э. скифы, которые в течение более чем ста пятидесяти лет контролировали устьевую область реки Танаис, покидают это городище и на его место Боспор выводит свою колонию, которая стала основным экономическим центром региона, переняв эту роль у скифского Елизаветовского городища (Копылов, Коваленко, 2002, с. 297–299; Копылов, 2009, с. 34–36; Копылов и др., 2009, с. 57; Копылов, Коваленко, 2012, с. 207). Сегодня мы уверены, что эта колония функционировала с конца IV в. до н.э. до середины 70-х гг. III в. до н.э. (Копылов, Коваленко, 2013, с. 242–243), а ее гибель связана с военным разгромом, следы которого фиксируются повсеместно на всех исследованных участках. Данные события не могут быть рассмотрены в отрыве от общего контекста военно-политических изменений, происходивших на территории Северного Причерноморья во второй половине IV – первой половине III в. до н.э. Время конца IV – рубежа IV–III вв. до н.э. явилось переломным моментом в истории Великой Скифии. По поводу причин кризиса, постигшего Скифию на рубеже IV–III вв. до н.э., существуют различные точки зрения (Полін, 1984, с. 24–34; Рубан, 1985, с. 43–44; Гаврилюк, 1989, с. 21–24; Копылов, Васильев, 1991, с. 28–33; Полин, 1992, с. 122; Туровский,

1994, с. 58 и др.; Марченко, 1996, с. 72; Виноградов и др., 1997, с. 18; Клепиков, Скрипкин, 1997, с. 31; Максименко, 1997, с. 47; Копылов и др., 2003, с. 52), среди которых наибольшее число сторонников имеет версия сокрушительного сарматского удара (Марченко, 1996, с. 72; Виноградов и др., 1997, с. 18; Клепиков, Скрипкин, 1997, с. 31; Максименко, 1997, с. 47; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 91). Следствием дискуссии по данному вопросу явилась и постановка проблемы III в. до н.э. в истории народов Северного Причерноморья, а также проблемы выделения на территории Подонья – Приазовья надежно датированных сарматских погребальных комплексов этого времени (Глебов, 2002, с. 186–197; Зуев, 2002, с. 197). В контексте обозначенных выше проблем особенно важными представляются именно материалы Большой греческой колонии, остатки которой были открыты в 1982 году в верхних горизонтах культурных напластований Елизаветовского городища. По имеющимся на сегодняшний день данным, колония занимала весьма значительную площадь в пределах «акрополя» Елизаветовского городища и имела достаточно плотную наземную застройку. Система застройки колонии – регулярная сотовая с разбивкой на отдельные кварталы (Марченко, 1991, с. 57). На сегодняшний день на территории Елизаветовского городища исследованы остатки 38 строительных комплексов времени существования Большой греческой колонии. Учитывая, что в середине 70-х гг. III в. до н.э. колония была разрушена в ходе военных действий и погибла в огне пожаров, возникает закономерный вопрос о том, кто же виновен в гибели этой колонии? По этому поводу на сегодняшний день у исследователей нет единого мнения и помочь прояснить ситуацию в данном вопросе могут лишь новые археологические источники, вводимые в научный оборот, и их детальный анализ. Катастрофические события, обрушившиеся на Большую греческую колонию, привели к разрушению большинства наземных строений и образованию целой серии закрытых комплексов. Обращает на себя внимание присутствие в материалах разрушенных в ходе военных действий строительных комплексов колонии, в том числе и закрытых, представительного количества предметов вооружения. Само количество такого рода находок в слоях, связываемых со временем колонии, контекст обнаружения многих из них под развалами рухнувших сырцовых стен, на полах по-

мещений греческих домов, внутри сырцовых стен, а также находки в слоях этой апойкии человеческих костей, ясно свидетельствует о масштабах и единственности постигшей этот центр катастрофы.

Среди предметов вооружения, обнаруженных в материалах Большой греческой колонии, представлены четыре категории находок: наконечники стрел, пращевые камни (рис. 1: 2), мечи (рис. 1: 3-4) и ядра камнеметательного орудия (рис. 1: 1). В процентном отношении обнаруженные находки распределяются следующим образом: на долю наконечников стрел и пращевых камней приходится по 40 % от общего числа предметов вооружения, находки мечей составляют 4 % и на долю каменных ядер приходится 16 %.

Наконечники стрел одна из наиболее часто встречаемых находок в слоях Большой греческой колонии. За последние 25 лет исследований в слоях этого поселения было обнаружено 27 наконечников стрел, из которых подавляющее большинство приходится на долю бронзовых втульчатых трехлопастных и трехгранных наконечников, с преобладанием первых. Лишь три экземпляра представляют собой железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел. При этом обращает на себя внимание, что более половины обнаруженных наконечников (12 бронзовых и все три железные), были найдены в ходе исследования строительных комплексов колонии, в том числе и в закрытых комплексах. Многие из них были обнаружены в развалах сыр-

Рис. 1. Предметы вооружения из материалов Большой греческой колонии: 1 – каменные ядра; 2 – пращевые камни; 3 – железный меч, обнаруженный в заполнении рва на юго-западном участке внутренней линии обороны Елизаветовского городища; 4 – фрагмент железного меча, обнаруженный в северной части «акрополя» Елизаветовского городища на территории раскопа XXXIV

цовых стен, в которые они, очевидно, попали при штурме колонии. Три бронзовых трехлопастных наконечника были обнаружены в заполнении рва на юго-западном участке внутренней линии обороны Елизаветовского городища. Обращает на себя внимание, что среди бронзовых наконечников стрел, обнаруженных в материалах Большой греческой колонии, присутствуют экземпляры с поврежденными, возможно, о твердые поверхности, концами.

Пращевые камни (рис. 1: 2), наряду со стрелами, также часто встречаются в материалах Большой греческой колонии. В течение последних 25 лет исследований в ее слоях было обнаружено 27 пращевых камней, десять из которых были обнаружены в ходе исследования остатков строительных комплексов Большой греческой колонии, в том числе и в закрытых комплексах. Один был обнаружен в заполнении рва на юго-западном участке внутренней линии обороны Елизаветовского городища, а остальные в культурном горизонте времени колонии. Нужно сказать, что праща, как вид вооружения, достаточно редко попадает в поле зрения исследователей. Однако мы полагаем, что нахождение пращевых камней в материалах памятников Северного Причерноморья позволит дать весьма ценную информацию о военном деле населения региона в скифо-античное время. В этот период праща использовалась и скифским, и греческим населением. К этому виду скифского вооружения обращалась в своих исследованиях и А.И. Мелюкова, которая отмечала, что о скифской праще сказать можно очень немного, поскольку античные авторы не оставили никаких свидетельств о ней и единственным материалом, по которому мы можем судить об употреблении пращи скифами, являются находки пращевых камней, как в курганах, так и на городищах (Мелюкова, 1964, с. 68). Она полагала, что ограниченное количество погребений, сопровождавшихся пращевыми камнями, свидетельствует о малом значении этого вида оружия для скифских воинов (Мелюкова, 1964, с. 68). Следует отметить, что несколько скифских погребальных комплексов, содержащих пращевые камни, обнаружены и в материалах Елизаветовского могильника, причем встречены они были в основном в женских погребальных комплексах (Копылов и др., 2004, с. 55; Янгулов, 2008, с. 24). Среди значительного количества погребений Елизаветовского могильника пращевые камни присутствуют лишь в десяти комплексах и при этом ни в одном антропологически определенном мужском погребении пращевые камни обнаружены не были (Янгулов, 2008, с. 24). Примечательно, что на находки пращевых камней в женских скифских погребениях одной из первых обратила внимание именно А.И. Мелюкова (Мелюкова, 1964, с. 68). Анна Ивановна особо отмечает, что размеры пращевых камней были неодинаковы, а большинство известных ей камней по размерам были близки грецкому ореху, но встречаются и более крупные,

размером с куриное яйцо или яблоко. По ее мнению, действовали пращей, несомненно, пешие воины, а употребление пращи конными воинами было вряд ли возможно (Мелюкова, 1964, с. 68). Что касается размеров пращевых камней, обнаруженных в материалах Большой греческой колонии, то большая часть из них превышает размеры грецкого ореха.

Если скифское население использовало пращу значительно реже, чем другие виды вооружения, то этот вид вооружения был достаточно распространен у воинов греческих центров Северного Причерноморья. Пращу использовала легковооруженная пехота, наряду с луками, являвшимися для этого рода войска основным видом оружия (Петерс, 1984, с. 188). Что касается сарматских кочевых племен, то применение ими данного вида оружия в рассматриваемое время археологически не зафиксировано и выглядит крайне сомнительным.

Мечи (рис. 1: 3–4). Данная категория находок в материалах Большой греческой колонии представлена тремя экземплярами. Все они принадлежат к типу однолезвийных мечей. При этом два из них были обнаружены в 1986 и 2009 гг. в закрытых комплексах, датируемых временем середины 70-х гг. III в. до н.э. (Копылов, 1987, с. 20; Копылов, Коваленко, 2009, с. 36), а один меч (рис. 1: 3) был обнаружен в заполнении рва на юго-западном участке внутренней линии обороны Елизаветовского городища в том же слое, где были открыты упомянутые выше наконечники стрел и пращевой камень (Копылов и др., 2002, с. 136).

Ядра (рис. 1: 1) от камнеметательного орудия, предположительно, баллисты также были обнаружены в слоях памятника на разных его участках в ходе исследований 1968, 1979, 1980, 1982, 1992 и 1993 гг. Наибольшее их количество было обнаружено в центральной части колонии, в районе культового комплекса на территории раскопа XXX–XXXI. Ядра были изготовлены из известняка, имеют правильную округлую форму и примерно одинаковые размеры. На сегодняшний день в материалах Елизаветовского городища обнаружено уже более 10 подобных каменных ядер.

Анализ имеющегося на сегодняшний день всего комплекса предметов вооружения, обнаруженных в материалах Большой греческой колонии, позволяет под новым углом зрения рассматривать события, приведшие в середине 70-х гг. III в. до н.э. к гибели этого античного центра. В частности, набор типов вооружения, количественное соотношение представленных в материалах памятника пращевых камней и наконечников стрел, а также наличие в слоях исключительно однолезвийных мечей, по нашему мнению, может свидетельствовать о значительной роли легковооруженной пехоты в составе нападавших и позволяет высказать сомнение, что нападавшими являлись сарматы или скифы. С большей долей вероятности тот набор вооружения, который был обнаружен в материалах Большой греческой колонии, более характерен для воинства греческих

центров Боспора Киммерийского и при этом контекст находок, а также характер обнаружения не позволяют считать их или, по крайней мере, большую часть из них, оружием оборонявшихся. Такая ситуация не выглядит странной, поскольку в истории Боспорского царства известны зафиксированные в письменных источниках случаи силового наказания Боспором своих колоний за сепаратизм, как это в частности в более позднее время произошло с младшим Танаисом, который был наказан «за неповиновение» царем Полемоном. Удаленность Большой греческой колонии от Пантикапея, как нам представляется, способствовала развитию сепаратистских настроений у властей этой апойкии. Очевидно, именно выход из подчинения Боспору этого важного экономического центра в период разразившегося в первой трети III в. до н.э. в этом государстве денежного кризиса (Анохин, 1986, с. 48), мог послужить основанием для проведения карательной военной акции по отношению к своей колонии в период правления Перисада II. В этом смысле и присутствие каменных ядер в слоях Большой греческой колонии выглядит вполне логичным, поскольку поставка каменнотетельных штурмовых орудий в дельту Дона для Боспора, располагавшего мощным морским флотом, не представляла особого труда.

В контексте изучения событий, связанных с гибелью Большой греческой колонии, особо следует

обратить внимание на то, что в устьевой области р. Дона и в степях Северного Причерноморья до настоящего времени нам не известны сарматские погребения, надежно датированные первой половиной III в. до н.э. Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что и в слоях Большой греческой колонии за все годы ее исследований не было обнаружено материалов, которые можно было бы уверенно связать с сарматами. В этой связи укажем, что основанный Боспором после гибели Большой греческой колонии младший Танаис до конца III в. до н.э. не имел надежных рубежей обороны (Арсеньева и др., 2012, с. 162)¹, что может свидетельствовать о стабилизации военно-политической ситуации в Северо-Восточном Приазовье после разгрома колонии в дельте Дона.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что изучение всей совокупности источников и, в первую очередь, анализ комплекса предметов вооружения из материалов Большой греческой колонии, позволяет достаточно уверенно связать её гибель с военной акцией Боспорского государства и убедительно снять с сарматов обвинение в гибели этой боспорской колонии.

¹ Искренне признательны С.А. Науменко за консультацию в вопросах датировки самых ранних оборонительных сооружений младшего Танаиса.

Литература

- Анохин, 1986: Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Арсеньева и др., 2012: Арсеньева Т.М., Ильяхенко С.М., Науменко С.А. Исследования на городище Танаис в 2010 г. // ИАИАИАНД. Азов, 2012. Вып. 26.
- Виноградов и др., 1997: Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5.
- Виноградов, Горончаровский, 2009: Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009.
- Гаврилюк, 1989: Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989.
- Глебов, 2002: Глебов В.П. Еще раз о проблеме III в. до н.э. // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: Материалы Международной научной конференции. Ч. 2. 2002.
- Зуев, 2002: Зуев В.Ю. Несколько заметок по ходу сарматской дискуссии // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: Материалы Международной научной конференции. Ч. 2. 2002.
- Клепиков, Скрипкин, 1997: Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5.
- Копылов, 1987: Копылов В.П. Исследование греческого эмпория в дельте Дона в 1986 году // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году: Тезисы докладов к областному семинару. Азов, 1987.
- Копылов, 2009: Копылов В.П. Нижнедонской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII – первая треть III в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время: Сборник статей по материалам XII международной научной конференции. Ростов н/Д, 2009.
- Копылов, Васильев, 1991: Копылов В.П., Васильев А.Д. Боспор и скифы дельты Дона (вторая половина IV – начало III в. до н.э.) // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991.
- Копылов и др., 2003: Копылов В.П., Васильев А.Д., Коваленко А.Н. Нижний Дон в последней четверти IV – первой трети III в. до н.э. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2003.
- Копылов, Коваленко, 2002: Копылов В.П., Коваленко А.Н. Заключительный этап скифского Елизаветовского городища на Дону // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Тирасполь, 2002.
- Копылов, Коваленко, 2010: Копылов В.П., Коваленко А.Н. Отчет об исследованиях Южно-Донской экспедиции на островной части дельты Дона в Азовском районе Ростовской области в 2009 году. Ростов-на-Дону, 2010 // Архив НМЦА ФСИО ЮФУ. Ф-1, д. 64.

- Копылов, Коваленко, 2012:* Копылов В.П., Коваленко А.Н. К вопросу об урбанистических центрах скифо-античного времени в Нижнедонском культурно-историческом районе (первая половина VI – первая половина III вв. до н.э.) // Боспорские чтения. Вып. XIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012.
- Копылов, Коваленко, 2013:* Копылов В.П., Коваленко А.Н. Два Танаиса: миф или реальность? (античная традиция и археологические реалии) // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов н/Д, 2013.
- Копылов и др., 2009:* Копылов В.П., Коваленко А.Н., Янгулов С.Ю. Изменения военно-политической ситуации на Нижнем Дону в середине – конце IV вв. до н.э. (в контексте дискуссии о причинах гибели Великой Скифии) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: Материалы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 2009.
- Копылов и др., 2002:* Копылов В.П., Марченко К.К., Янгулов С.Ю., Коваленко А.Н., Лисин Н.В. Исследования Елизаветовского городища на Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 году. Азов, 2002. Вып. 18.
- Копылов и др., 2004:* Копылов В.П., Яковенко Э.В., Янгулов С.Ю. Погребения «амазонок» в курганах Елизаветовского могильника: Тезисы докладов II международной конференции «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.», посвященной памяти Б.Н. Гракова. Азов; Ростов н/Д, 2004.
- Копылов, Янгулов, 1987:* Копылов В.П., Янгулов С.Ю. О времени появления скифских однолезвийных мечей // Киммерийцы и скифы: Тезисы докладов Всесоюзного семинара памяти А.И. Тереножкина. Ч. I. Кировоград, 1987.
- Копылов, Янгулов, 1992:* Копылов В.П., Янгулов С.Ю. Доспех в погребениях Елизаветовского могильника на Дону: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь, 1992.
- Максименко, 1997:* Максименко В.Е. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5.
- Марченко, 1996:* Марченко К.К. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. 1996. № 2.
- Марченко, 1991:* Марченко К.К. Боспорские колонии на территории Елизаветовского городища на Дону // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991.
- Мелюкова, 1964:* Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964.
- Петерс, 1984:* Петерс Б.Г. Военное дело // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Полін, 1984:* Полін С.В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. № 45.
- Полин, 1992:* Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Рубан, 1985:* Рубан В.В. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV–II вв. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1.
- Туровский, 1994:* Туровский Е.Я. К вопросу о причинах кризиса в Северном Причерноморье в первой половине III в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1994.
- Янгулов, 2001:* Янгулов С.Ю. К вопросу об использовании скифами длинных копий в V–IV вв. до н.э. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Азов, 2001. Вып. 17.
- Янгулов, 2002:* Янгулов С.Ю. Скифские двулезвийные мечи из Елизаветовского могильника (V–IV в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы X международной научной конференции. Ростов н/Д, 2002.
- Янгулов, 2008:* Янгулов С.Ю. Вооружение и военное дело скифов Нижнего Дона (по материалам Елизаветовского могильника): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2008.

В.П. Копылов, М.Ю. Русаков
(г. Ростов-на-Дону)

О ВЕРХНЕЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЕ КОЛЧАННЫХ НАБОРОВ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Наибольший вклад в разработку типологии и хронологии предметов скифского вооружения принадлежит по праву А.И. Мелюковой. А поскольку в значительной массе погребальных комплексов скифского времени основными хроноиндикаторами являются предметы вооружения, труды Анны Ивановны в этой области и по сей день являются востребованными специалистами в области археологии раннего железного века. Даже если на одну минуту представить, что А.И. Мелюковой создана только одна работа «Вооружение скифов», то и тогда, в соответствии с принятым сейчас главным показателем рейтинга ученых, основанном на индексе ссылок, Анна Ивановна занимала бы одно из ведущих мест в рейтинге археологов Европы.

Среди предметов вооружения скифов ведущее место занимали лук со стрелами, что естественно нашло отражение в погребальных традициях этого народа. Не удивительно, что одним из важных показателей статуса погребенного являлось количество и качество именно колчаных наборов, сопровождавших покойных воинов и воительниц в иной мир. Именно массовостью этой категории материалов в скифских курганах можно объяснить тот факт, что наиболее значительное место в труде А.И. Мелюковой занимает раздел, посвященный анализу наконечников стрел (Мелюкова, 1964, с. 14–35).

Со времени выхода в свет этой фундаментальной работы в отдельные её положения вносились поправки и корректировалась хронология некоторых типов наконечников стрел, однако типология, разработанная А.И. Мелюковой, применяется и по сей день (Шрамко, 2009, с. 383).

Необходимо особенно подчеркнуть, что уделяя большое внимание определению четкой хронологии комплексов вооружения, Анна Ивановна одна из первых признала значение греческой импортной керамики при определении датировок погребений скифского времени. При редких встречах с ней одного из авторов данной работы, она всегда интересовалась датировкой погребений Елизаветовского курганного могильника, содержащих в наборе погребального инвентаря предметы вооружения, обнаруженные совместно с греческой импортной керамикой. Прекрасно помню нашу последнюю встречу с Анной Ивановной в скифо-сарматском секторе Института археоло-

логии, когда с ней и В.Г. Петренко мы подробно обсуждали возможность более точной датировки комплексов из могильника Новозаведённое II, содержащих греческую импортную керамику.

Работа, представленная нами на конференции памяти А.И. Мелюковой, посвящена уточнению верхней хронологической границы колчаных наборов в погребениях раннескифского времени Северного Причерноморья, содержащих в наборе инвентаря греческую импортную керамику. Основное внимание в работе уделяется погребальным комплексам Нижнедонского историко-культурного региона, поскольку именно в этом регионе представлено самое большое количество раннескифских захоронений в степной зоне Северного Причерноморья (Дубовская, 1997, с. 184, сл.). По нашим подсчетам, сегодня в Нижнедонском историко-культурном регионе открыто в курганах уже более сорока раннескифских погребений. Важно отметить, что из девяти раннескифских захоронений в Северном Причерноморье, содержащих колчаные наборы совместно с греческой керамикой (табл. 1), четыре были открыты в Нижнедонском историко-культурном регионе (Копылов, 2003, с. 135–136).

Большинство специалистов полагают, что именно греческая импортная керамика сегодня позволяет наиболее четко определять верхнюю хронологическую границу для этих комплексов, а также и для предметов, обнаруженных в них. Тем более, что уточнение хронологии отдельных видов греческой импортной керамики, которые были встречены в раннескифских курганах, позволяет уточнить и хронологию отдельных категорий погребального инвентаря, обнаруженных в этих курганах. Это относится и к колчаным наборам.

Для нашей темы важным является присутствие в четырех раннескифских комплексах региона с греческой импортной керамикой остатков колчанного набора.

Все эти комплексы опубликованы, и это избавляет нас от подробного описания погребений.

Прежде чем перейти к рассмотрению комплексов, где вместе с колчанными наборами были встречены образцы восточногреческих керамических сосудов, особо подчеркнем, что наиболее ранним погребальным комплексом в рассматриваемом регионе является погребение 5 кургана 14 могильника Красногоровка III, которое судя по

Комплексы с импортной амфорной керамикой в Северном Причерноморье

№	Наименование комплекса	Регион	Греческая керамика	Колчанный набор	Грибовидные застёжки	Датировка
I	II	III	IV	V	VI	VII
1	Хапры, курган 1 погребение 25	Нижний Дон	транспортная амфора «круга Клазомен»	+		конец VII – первая половина VI в. до н.э.
2	Могильник Ново-Александровка II, курган 7 погребение 8	Нижний Дон	милетская транспортная амфора	+	+	первая половина VI в. до н.э.
3	Могильник Бушуйка, курган 2 погребение 10	Нижний Дон	милетская расписная столовая амфора	+		первая половина VI в. до н.э.
4	Могильник Аксай I, курган 3 погребение 3	Нижний Дон	расписная амфора	+		первая половина VI в. до н.э.
5	Репяховатая могила, погребение 2	бассейн реки Тясмин	милетская транспортная амфора	+	+	первая половина VI в. до н.э.
6	Могильник Новозаведённое II, курган 16	Ставрополье	расписная ойнохоя и чаша	+		начало VI в. до н.э.
7	Погребение у Цукурского лимана	Тамань	расписная ойнохоя	+		не позже начала третьей четверти VI в. до н.э.
8	Курган Сабанджия	Северная Добруджа	обломок родосского сосуда	+	+	последняя четверть VII – начало VI в. до н.э.
9	Курган Темир-гора	Крым	расписная ойнохоя	+	+	640–630 гг. до н.э.

датировке двух транспортных амфор самосской¹ (цветная вкладка, рис. 13.1а) и клазоменской, не может относиться ко времени позже последней четверти VII в. до н.э. Расписная транспортная амфора из Красногоровского комплекса (цветная вкладка, рис. 13.1б) одним из авторов была отнесена к амфорам 1 группы клазоменских (Копылов, 2009, с. 30, рис. 4), и недавно подтвердилась правильность этого определения (Dupont, Skarlatidou, 2012, p. 253, fig. 2). Амфоры 1 группы исследователи Клазомен архаического времени, относят к 650–620 гг. до н.э. (Sezgin, 2004, p. 170, fig. 1). В этой связи следует указать, что и одна из амфор в раннескифском лесостепном погребальном комплексе в кургане 1 у пос. Коломак, судя по характеру глины, росписи и морфологическим признакам, также может быть отнесена к продукции Клазомен (цветная вкладка, рис. 13.2а). На сегодняшний день Красногоровский и Коломакский комплексы содержат в составе инвентаря самые ранние транспортные амфоры в погребальных комплексах Северного Причерноморья.

¹ Видимо недоразумением объясняется указание С.Ю. Монахова о том, что данная амфора якобы была отнесена В.П. Копыловым к милетским (Монахов, 2003, с. 26, примечание 10).

Концом VII – началом VI в. до н.э. датируется амфора «круга клазомен» из Хапрского комплекса, в котором находился колчанный набор с большим количеством разнообразных наконечников стрел (цветная вкладка, рис. 13.3). Поскольку транспортные амфоры, как правило, дают дату наиболее близкую к моменту совершения захоронений, в которых они были обнаружены, верхняя граница колчанного набора из Хапрского комплекса определяется временем не позже конца первой четверти VI в. до н.э.

В Ново-Александровском комплексе, в котором вместе с наконечниками стрел были обнаружены также костяные грибовидные застёжки, находилась транспортная амфора, отнесенная ещё в 1998 году к милетским (Копылов, 2001, с. 21, рис. 1, 3). Именно она позволяет датировать этот комплекс временем не позже середины VI в. до н.э. (цветная вкладка, рис. 13.4). Следовательно, и костяные застёжки, и костяная головка в виде грифо-барана получают теперь точную дату.

Милетская столовая амфора из раннескифского комплекса Бушуйка, в котором также находился колчанный набор, позволяет определить его верхнюю границу временем не позже середины VI в. до н.э. (цветная вкладка, рис. 14.1). Этим же временем следует датировать и колчанный набор

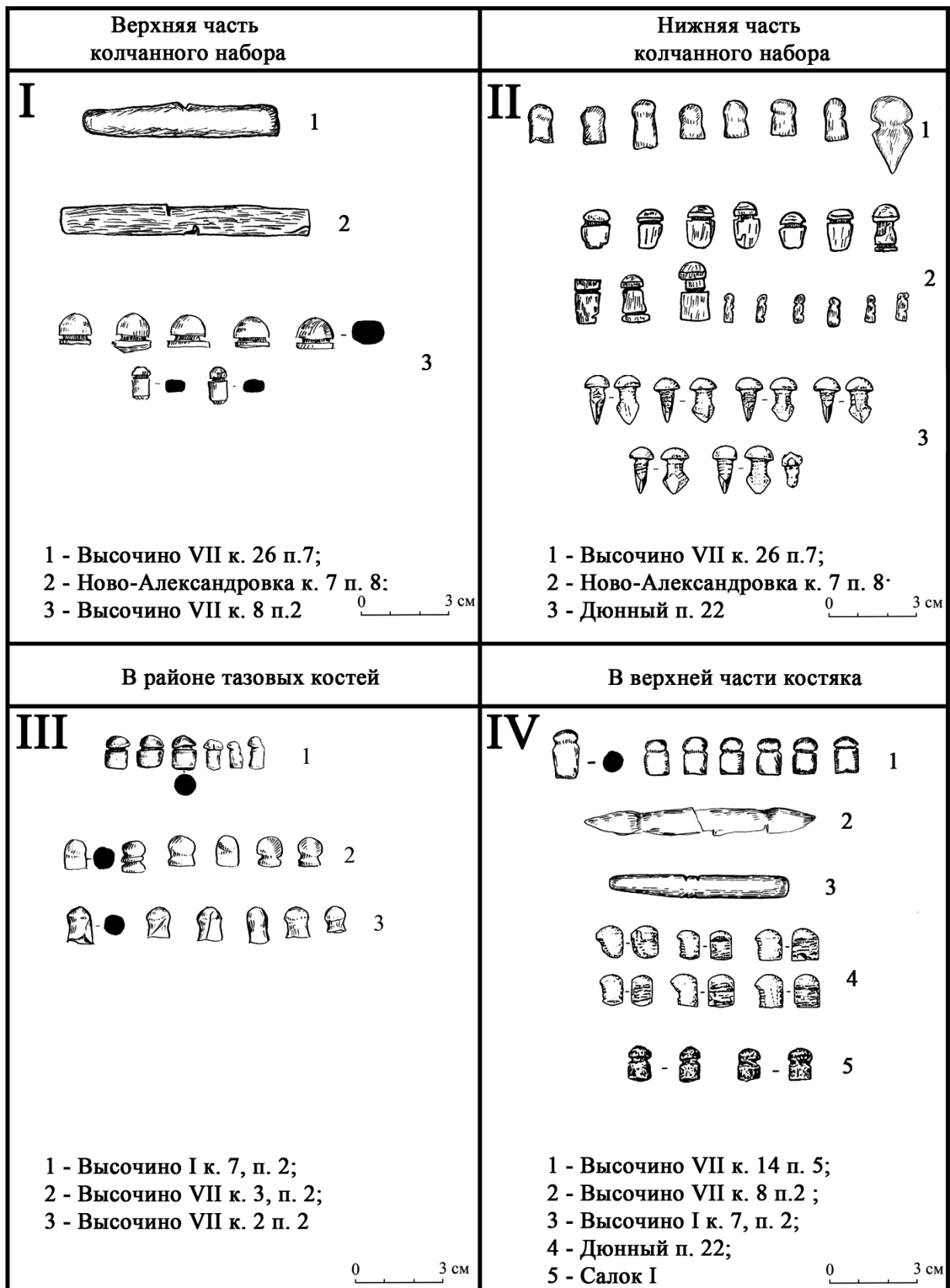

Рис. 1. Расположение костяных застёжек в погребальных комплексах

из погребения 3 кургана 3 могильника Аксай-I, в котором была обнаружена северо-ионийская столовая амфора (Дьяченко и др., 1999, с. 96, рис. 5)¹. Морфологические особенности и характер орнаментации этой амфоры позволяют отнести её к первой половине VI в. до н.э. (*цветная вкладка*, рис. 14.2). Четкая датировка погребения 3 из кургана 3 могильника Аксай-I позволяет нам этим же временем датировать и крестовидную бляху из Дугинского могильника в дельте Дона, которая аналогична Аксайской.

Верхнюю границу колчанного набора из погребения кургана Цукур-Лиман определяет ойнохоя с полихромной росписью (*цветная вкладка*, рис. 14.3), которую М.Ю. Вахтина датировала второй четвертью – серединой VI в. до н.э. Аналогичная ойнохоя известна в материалах Березани (Б398), которую С.Л. Соловьёв относит к третьей четверти VI в. до н.э. (Борисфен, 2005, с. 52–66).

В лесостепной Скифии также известны раннескифские погребальные комплексы, где колчаные наборы были встречены совместно с греческими импортными сосудами. Мы уже упоминали комплекс Коломак, но в этом ограбленном погребении не были встречены остатки колчанного набора, однако в раннескифском, также разграбленном погребении, открытом в соседнем кургане 2, был обнаружен обломок двухлопастного наконечника стрелы с шипом на втулке (Радзиевская, 1985, с. 258–259, рис. 3). Поэтому не исключено, что и в погребении кургана 1, где находились две транспортные амфоры, мог находиться колчаный набор. В другом лесостепном комплексе, в гробнице 2 кургана Репяховатая Могила, колчаный набор совместно с грибовидными костяными застёжками находился в погребении совместно с милетской транспортной амфорой и расписным ионийским кувшином (*цветная вкладка*, рис. 14.4). О датировке милетской амфоры у исследователей нет единого мнения, однако сосуд, близкий по размерам и характеру росписи кувшину из Репяховатой Могилы, М.-А. Риззо датирует поздним VII в. до н.э. (Rizzo, 1990, p. 69, fig. 93). Для нас совершенно очевидно, что верхняя граница колчанного набора из этого комплекса также не выходит за рамки первой половины VI в. до н.э.

¹ Искренне признательны А.С. Скрипкину, который предоставил фотографии находок из этого комплекса.

До недавнего времени основным хроноиндикатором раннескифских погребальных комплексов служили костяные грибовидные застёжки, которые специалисты связывали с колчанными наборами. Недавно было предложено разработать собственную типологию и хронологию для этого вида археологического материала и выделено два хронологических этапа (Лукьяшко, 2013, с. 66). Однако сегодня в Северном Причерноморье нам известно всего 4 погребения, в которых грибовидные застёжки были встречены вместе с греческими импортными сосудами. Поэтому мы полагаем, что разработка собственной хронологии костяных застёжек на данном этапе является труднореализуемой. Особо подчеркнем, что все эти четыре комплекса датируются временем не позже первой половины VI в. до н.э. В тех случаях, когда удавалось четко проследить расположение костяных грибовидных застёжек в погребениях, оказалось, что не все они могут быть связаны с колчанными наборами, а иногда могли выполнять роль пуговиц (рис. 1). Так, например, в погребении 22 кургана Дюнний (*цветная вкладка*, рис. 14.5), это было зафиксировано достаточно четко (Посегун, 2009, с. 120, рис. 9). Мы считаем, что и это погребение можно датировать первой половиной VI в. до н.э., поскольку костяное навершие на лук, найденное в кургане Дюнном, стилистически довольно близко навершию, происходящему из Ново-Александровского курганного комплекса, которое датируется милетской транспортной амфорой временем не позже середины VI в. до н.э.

В заключение следует сказать, что колчаные наборы, обнаруженные вместе с греческой импортной керамикой в раннескифских погребальных комплексах, уверенно получают верхнюю хронологическую границу, которая относится ко времени не позже начала третьей четверти VI в. до н.э. Четкая датировка этих колчаных наборов, в свою очередь, позволяет определить верхнюю хронологическую границу колчаных наборов в погребальных комплексах раннескифского времени, открытых на территории островной части дельты Дона (Русаков, 2013, с. 534), в которых отсутствовала греческая импортная керамика. В последние годы на островной части дельты открыто достаточно большое количество фрагментов греческой импортной керамики архаического времени, которая поступала сюда из Таганрогского поселения (Копылов, 2013, с. 34–36, рис. 1).

Литература

- Борисфен, 2005: Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье: Каталог выставки. СПб., 2005.
- Дубовская, 1997: Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских погребений» Северного Причерноморья // Археологический альманах: Сб. ст. Донецк, 1997. № 6.
- Дьяченко и др., 1999: Дьяченко А.Н., Мэйб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 1999. Вып. 2.
- Копылов, 1994: Копылов В.П. Греческая керамика из раннескифских погребений Нижнего Подонья // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: Тезисы докладов VII международной научной конференции. Ростов н/Д, 1994.

- Копылов, 2001:* Копылов В.П. Амфоры архаического периода на Нижнем Дону (последняя треть VII – третья четверть VI в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: Материалы IX международной научной конференции. Ростов н/Д, 2001.
- Копылов, 2003:* Копылов В.П. Скифы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья (Вопросы хронологии и военно-политической истории) // ВДИ. 2003. № 1.
- Копылов, 2009:* Копылов В.П. Нижне-донской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII – первая треть III в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов н/Д, 2009.
- Копылов, 2013:* Копылов В.П. О времени распространения импортной греческой керамики архаического времени на островной части дельты Дона // БФ. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции. СПб., 2013.
- Лукьяшко, 2013:* Лукьяшко С.И. Костяные аксессуары раннескифских горитов. (К хронологии раннескифского комплекса) // Четвертая Абхазская международная археологическая конференция. Кавказ и Абхазия в древности и средневековье: взаимодействие и преемственность культур: Тезисы докладов. Сухум, 2013.
- Мелюкова, 1964:* Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д 1–4.
- Посегун, 2009:* Посегун А.А. Раскопки кургана Дюнный в Аксайском районе Ростовской области // Археологические записки. Ростов н/Д, 2009. Вып. 6.
- Радзиевская, 1985:* Радзиевская В.Е. Курганы VI в. до н.э. у поселка Коломак // СА. 1985. № 1.
- Русаков, 2013:* Русаков М.Ю. К вопросу о хронологии новых раннескифских комплексов в Нижнедонском историко-культурном регионе // Древнее Причерноморье. Одесса, 2013. Вып. X.
- Шрамко, 2009:* Шрамко Б.А. Железные наконечники стрел Скифии // Эпоха раннего железа: Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого. Киев; Полтава, 2009.
- Dupont, Skarlatidou, 2012:* Dupont P, Skarlatidou E. Archaic Transport Amphoras from the First Nekropolis of Clazomenian Abdera // Archaic Pottery of the Nortner Aegian and its Periphery (700–480 BC). Thessaloniki, 2012.
- Rizzo, 1990:* Rizzo M.-A. Complessi tombali dall Etruria Meridionale. Roma, 1990.
- Sezgin, 2004:* Sezgin Y. Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries // Clazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Thessaloniki, 2004.

А.А. Красноперов
(г. Ижевск)

ПРЕДКАВКАЗЬЕ И ПРИКАМЬЕ: КОНТЕКСТ ИЗМЕНЕНИЯ ФУНКЦИЙ ПРЕДМЕТА В СРЕДНЕ- И ПОЗДНЕСАРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Памятники мазунинской, азелинской и позднего этапа кара-абызской культур (кара-абыз Б) охватывают территорию Прикамья и хронологически соответствуют позднесарматскому и отчасти среднесарматскому времени. Специфический набор местных элементов инвентаря дополняется активным включением привозных (сарматских, причерноморских, реже римских) изделий, как в форме прямого включения (бусы, фибулы), так и трансформированном виде (характерные для сарматской одежды бисерные обшивки (Яценко, 1987; 2006, с. 144–145, 208, 304, 310, 321–322) заменяются такими же, но из бронзовых бляшек (Красноперов, 2009)).

Необычностью культур лесной (частично северной окраины лесостепной) зоны является гендерная принадлежность поясов. Если для степного ареала пояс, ременный гарнитур, присущ мужской субкультуре (см. напр.: Добжанский, 1990; Комар, 2005), то для Прикамья это практически исключительно женский атрибут, как в раннем железном веке (указанные культуры), так и в средневековье (харинские, неволинские, ломоватовские памятники).

Мазунинская, азелинская, кара-абызская культуры являются близкородственными, обладают многочисленными схожими на уровне набора элементами материальной культуры, но проявляют своеобразие в декоре. В частности, для всех трех групп характерны широкие женские пояса из окрашенной красной минеральной краской кожи, периодически с диагональным рубчатым тиснением, декорированные по всей поверхности многочисленными одинаковыми бронзовыми накладками. На передней части (в надетом виде – на животе) ремни украшаются очень крупными, в сравнении с размерами бронзовых накладок, бляхами круглой формы. Различия между культурами проявляются в типах накладок и материале блях. В азелинских могилах это халцедоновые диски, в мазунинских – створки крупных раковин, в кара-абызских – бронзовые зеркала. Разово встречаются включения наборов, характерных для одной культуры, в чуждую среду: например, несколько раковин известны на «именьковских» памятниках (Коминтерн, пп. 5, 6, 11 (Казаков, 1991, рис. 2, 17; 1998, рис. 9, 17, 11, 5, 10, 1, 1, 15, 5)), и т.п.

Истоки традиции в местных материалах мне не известны (Красноперов, 2007). Фактически и на

окружающих территориях в более ранние и синхронные периоды наборные пояса отсутствуют. Их нет у сарматов (Симоненко, 1979, с. 52–53). Они есть в тасмолинской культуре (Таиров, 2004; 2007), у саков (Литвинский, 1972, табл. 45, *вверху*; Акишев, 1978), в Пазырыке (Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.22) – но это слишком далеко хронологически. Пояса с декором из однообразных элементов в римских провинциях (Айбабин, Хайрединова, 1998; Костромичев, 2006; Gavritukhin, 2008) распространяются чуть позже (?).

Но составляющие элементы имеют соответствия в сарматских и близких им памятниках.

Халцедоновые бляхи на азелинских поясах

В обзоре находок (Пастушенко, Бернц, 2008) указано соответствие блях на азелинских поясах и гривнах на вершиях мечей в позднесарматских комплексах. Генеральная линия определена верно, но есть два принципиальных отличия. 1) Количество находок в женских погребениях в Прикамье в разы превосходит количество сарматских погребений с мечами с каменным навершием¹. 2) Есть небольшие отличия в морфологии. В сарматских могилах каменные диски имеют небольшой диаметр, в азелинских диски крупнее (указанное отличие не абсолютно). Максимальное количество на одном поясе 8 штук – Нармонка, п. 10 (Старостин, 2002, рис. 12, 22) (рис. 1, 1). Несколько раз халцедоновые диски в качестве наверший отмечены и в Прикамье (в широком географическом значении).

Бляхи-раковины на мазунинских поясах

Реже, но и они известны в декоре сарматского оружия. В нескольких могилах пьяноборской (предшествующей мазунинской) и мазунинской культур они также относятся к отделке оружия (Красноперов, 2011²). Но подавляющее большинство найдено в составе поясов. Максимальное

¹ Каталог иллюстраций погребений всаднического комплекса слишком обширен, чтобы опубликовать его здесь.

² Нужно добавить находку Первомайский VII, к. 14/п. 3 (Мамонтов, 2000, рис. 17, 17) и Красный Яр, к. 20 (не опубликовано). В контексте оружия и портупей мне известна только одна находка раковины в Сибири – Ераска (Егоров, 1993). В Средней Азии одна достоверная, но, возможно, от пояса – Кызыл-Кайнар, к. 4 (Максимова, 1972, рис. 5, 3), и одна предположительно – Кызыл-Кайнар-Тобе (Мерциев, 1970, рис. 7, 1, с. 88, 90), от меча.

количество на одном поясе 8 штук – Бирск, п. 313 (не опубликовано¹) (рис. 1, 2).

Бронзовые зеркала на кара-абызских поясах

В декоре сарматского оружия зеркала мне не известны. Но в п. 446 (Голдина, 2003, табл. 193) Тарасовского могильника (пьяноборская и мазунинская культуры, средне- и позднесарматское время), п. 25/1 (Степанов, 1980, табл. 57, 25/1; Гришаков, Зубов, 2009, рис. 11а) и п. 50 (Степанов, 1980, табл. 26, 1, 58; Гришаков, Зубов, 2009, рис. 12) Андреевского кургана (среднесарматское время), к. 1 / п. 1 Писеральского могильника (среднесарматское время) (Халиков, 1962, рис. 41, табл. XXIII, 3) зеркала, судя по их расположению, выполняли или роль фиксатора подвижности меча, или бутероли. И, надо отметить, что кара-абызские пояса с зеркалами более ранние. На первых экземплярах использованы зеркала типов Скрипкин – 1.7, 4.0, 4.5, 4.7 (Скрипкин, 1990, рис. 33–36) с отрезанной ручкой (Пшеничнюк, 1964, рис. 2, 1, 2, 11; 1968, рис. 9, 2, 3, 4; 1976, рис. 17, 5; 1993, рис. 16, 27; Овсянников и др., 2007, рис. 15, 1). Зеркала в составе поясных наборов известны и в пьяноборских погребениях, но других типов, Скрипкин – 1.0, 1.1, 1.6 (Красноперов, 2006). Максимальное число на одном поясе 4 – Ныргында I, п. 314 (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 177, 179), 6 или 8 – Ныргында I, п. 315 (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 180, 181, 3, 4, 182), 6 штук – Ныргында II, п. 110 (не опубликовано) (рис. 1, 3–5).

Кроме оружия в Причерноморье есть еще одна категория инвентаря, на которой зафиксированы указанные элементы. Это конская сбруя. Больше таких находок с раковинами:

Комплекс из Цемдолины, п. 50 (Аспургiane..., 2008, с. 79–82, рис. 66, 67) (рис. 2Б) датирован авторами 2 пол. I – нач. II вв. н.э. по мечу, бальзамариям и пряжке. Интерес представляют кольчуга, шлем (не сохранился), удила с колесовидными приваренными строгими псалиями. Типология И.И. Марченко (Марченко, 1996, с. 75–76) скорректирована И.Р. Ахмедовым; не отмечены в комплексах позднее 1 пол. III в. (Малашев, 2000, с. 210). По описанию (Аспургiane..., 2008, с. 162), шлем был с остроконечным завершением, а состоял из остроконечных пластин клиновидной формы. Со ссылкой на С.П. Кожухова предполагается его местное (боспорское?) производство. Судя по тексту, он близок группе находок у х. Городского (вариант Б) (Негин, 2007, с. 343–344). Тем же временем датирован Цемдолина, об. 8 (Аспургiane..., 2008, с. 124–126, рис. 102, 103) (рис. 2А) – по мечам, удилам, пряжке. Другие авторы датировки существенно не изменяют, но расширяют (Труфанов, 2005–2009, с. 270; Пуздровский, 2007, с. 142–143; Симоненко, 2010, с. 165, 168).

¹ Искренняя признательность А.Н. Султановой за возможность ознакомиться с подготовительными материалами ее диссертации и Р.Р. Руслановой за помощь в работе с коллекцией. Были полезны советы и критика Д.Г. Бугрова.

Восемь блях-раковин относятся к декору сбруи в богатейшем к. 10 Кобяковского могильника (Проخورова, Гугуев, 1992) (рис. 3). Авторами погребение датировано 2 пол. I – нач. II в. н.э. Существенны находки сосуда в виде барана (Симоненко, 1998; 2011, с. 135–142), полихромных предметов (Засецкая, 2011, с. 94, 96, 113, 116–117, 130), фаларов с масками (ср. с фаларом – Горгиппия, ск. II/1975 – (Алексеева и др., 2010, рис. 17) и навершием Лебедевка VI, к. 3 – (Железчиков, Порох, 1993, рис. 1, 3)), плакировка золотом блях с гладкой и «забитой пунсоном» поверхностью.

Наконец, шесть блях найдено вместе со сбруей в Усть-Лабинская, к. 31/1902 (Гущина, Засецкая, 1994, кат. 362–368) (рис. 4Б). Что интересно, одна из блях орнаментирована группами ямок. Псалий относится к известной группе (Glodariu, Moga, 1989, fig. 91; Безуглов и др., 2009, с. 96); определяющей является и сильнопрофилированная фибула с бусинами на дужке – группа Амброз-11/Кропотов-10-II-№ 111, дата расширена и на 1 пол. III в. н.э. (Кропотов, 2010, с. 231, 236).

В одном (известном мне) случае отделкой сбруи служили шесть халцедоновых дисков – Тауйхабль / Капанешхо, п. 1/1985 (Шедевры..., 1987, кат. 136, 137, табл. XXXIX; Кожухов, 1988, с. 404–406, рис. 1) (рис. 4А). В комплексе железная умбоновидная бляха с гладкой золотой плакировкой. В соседнем захоронении меч с рукоятью-штырем, треугольная «бусина» из змеевика, удила с колесовидными псалиями (Кожухов, 1988, с. 406–407, рис. 2). Гагатовый вариант таких бус А.В. Мастыкова уверенно отнесла к V–VI вв. (Казанский, Мастыкова, 2010, с. 99, 103), но они есть в Чертовицком I, к. 6 / п. 11 (Медведев, 1990, рис. 12, 2; 2008, рис. 24, 2), определенно среднесарматского времени (как минимум, по удилам, мечу, фляге, пряжкам, фибуле группы Амброз-15/Кропотов-4-II-2-№ 60 (Кропотов, 2010, с. 139)).

Плакировка блях золотой фольгой рассмотрена В.К. Гугуевым и С.И. Безугловым как признак особого культурно-хронологического горизонта сарматских погребений. Общая динамика намечена следующая: «на смену роскошным и перегруженным цветными вставками и рельефными изображениями деталям сбруи (Садовый, Запорожский, Жутово, Хохлач, Дачи) приходят простые и строгие формы блях, плакированных золотой фольгой» (Максименко, Безуглов, 1987, с. 189; Безуглов и др., 2009, с. 103). «Украшения этого стиля немного старше группы наборов, украшенных фасетировкой, хотя известны и совместные находки» (Гугуев, Безуглов, 1990, с. 172–173). Дальнейшие работы подтвердили динамику (Курчатова, Бубулич, 2003, с. 305; Зайцев, Мордвинцева, 2007, с. 91; Мордвинцева, Хачатурова, 2007, с. 110; Храпунов, 2007, с. 117, 118, 119). Для гладких и с точечным чеканом плакированных изделий предлагаются даты в пределах 2 пол. II – 1 трети III в. н.э. (Безуглов и др., 2009, с. 113).

Известно и использование зеркал в убранстве коней. Но: в скифское время и, чаще, фрагментов. Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко, посвятившие специальную работу этому вопросу, выделили два типа (Болтрик, Фиалко, 2007, с. 4), из которых нас интересует первый – с бляхой округлой формы – целыми зеркалами. Они найдены в Огузе, Краснокутском и Александровском курганах IV – нач. III вв. до н.э. Новейшие разработки дату не меняют.

И тут следует вернуться к кара-абызским поясам, которые, по типу используемых зеркал, оказываются самими ранними в группе. К сожалению, основания нынешней хронологии раннего периода кара-абызской культуры соответствуют уровню сер. XX в. и требуют пересмотра.

Рассмотренные материалы не дают ответа, но выявляют тенденцию: в Причерноморье по несколько крупных блях из раковин, халцедона или зеркал использовались в декоре сбруи. В Прикамье те же детали, в сопоставимых количествах, применялись для украшения поясов. Причем датировки вполне коррелируют между собой: зеркала на скифской сбруе → зеркала на кара-абызских поясах; раковины и халцедоновые диски в «сарматских» погребениях → раковины и халцедоновые диски на поясах позднесарматского времени в Прикамье. Но и использование предметов по назначению (навершия) тоже известно. Наглядно и совпадение декора раковин (рис. 5). Экземпляры из Усть-Лабинской, к. 31/1902 и Красный Яр, к. 20 (Малашев, 2013д, рис. 55, 3) соответствуют таким же из Тарасово, п. 4 (Голдина, 2003, табл. 2, 24), 450А (Голдина, 2003, табл. 196, 28), Ижевск, п. 5 (Генинг, 1967, табл. II, 15), 77 (Останина, 1984, табл. 8, 3), Покровка, п. 220 (Останина, 1992, рис. 31, 11), Бирск, п. 313 (АЛ БГУ, № 321/245), Ст. Майна II, п. 19 (Казаков, 1987, рис. 2, 17).

Т.А. Прохорова и В.К. Гугуев назвали раковины «причерноморскими устрицами». Их видовая принадлежность определялась дважды. По определению д.б.н. Я.И. Скоробогатова, это створки раковины моллюска семейства Turbinidae (Останина, 1997, с. 62, 83), а по к.г.-м.н. В.М. Рейману – Pectunculidae (Литвинский, 1972, с. 141). Происхождение связывается с Индийским океаном, а практика использования – с Памиром, где найдены, в том числе, и орнаментированные изделия (Литвинский, 1972, с. 141–142, табл. 47, 1, 4, 5)¹.

В литературе отмечалось использование поясной гарнитуры для украшения узды (Троицкая, Бородовский, 1990, с. 159), в том числе и для близких периодов (Ахмедов, 1995, с. 108). Применительно к рассмотренным погребениям наблюдается строго обратная картина: декор, первоначально распространенный на сбруе, переходит на пояса.

Концентрация находок на восточном побережье Черного моря позволяет считать этот район источником импульса. Как они (предметы и идея) двигались далее на Каму пока не ясно. Но не по Волге². По моему мнению, волжский путь в это время не действовал.

¹ «...Кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем ... а аорсы обитают севернее сираков. ... Верхние аорсы ... вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения. Аорсы, впрочем, живут по течению Танаиса, а сираки – по течению Ахардея, который вытекает с Кавказских гор и впадает в Меотиду» (Strabo XI, V, 8).

² Есть другая точка зрения. Кроме утверждений, никаких конкретных оснований я не нашел.

Литература

- Айбабин, Хайрединова, 1998: Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI / Ред.-сост.: А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Симферополь, 1998. С. 274–311.
- Акишев, 1978: Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 131 с.
- Алексеева и др., 2010: Алексеева Е.М., Галут О.В., Мельникова И.Н., Хачатурова Е.А. Анапский археологический музей-заповедник // Античное наследие Кубани: в 3 т. Т. 3 / Ред.-сост.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 98–145.
- Аспургиане..., 2008: Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя // Некрополи Черноморья. II. М.: Гриф и К, 2008. 304 с.
- Ахмедов, 1995: Ахмедов И.Р. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань, 1995. Вып. 4. С. 89–111.
- Безуглов и др., 2009: Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). Ростов н/Д: Медиа-Полис, 2009. 128 с.
- Болтрик, Фиалко, 2007: Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Использование зеркал в убранстве скифских коней // Матеріали та дослідження з археології східної України. Вып. 7 / Ред. С.М. Санжаров. Луганськ: СНУ, 2007. С. 1–11.
- Генинг, 1967: Генинг В.Ф. Ижевский могильник // ВАУ. Вып. 7. Памятники мазунинской культуры. Ижевск; Свердловск, 1967. С. 123–140.
- Голдина, 2003: Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 2, иллюстрации. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
- Голдина, Красноперов, 2012: Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на средней Каме / МИ КВАЭ. Т. 22. Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т». 364 с.
- Гришаков, Зубов, 2009: Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / АЕС. Казань: ИИ АН РТ, 2009. Вып. 5. 173 с.

- Гугуев, Безуглов, 1990: Гугуев В.К., Безуглов С.И. Всадническое погребение первых веков н.э. из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // СА. 1990. № 2. С. 164–175.
- Гущина, Засецкая, 1994: Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье / Российская археологическая библиотека. Вып. 1. СПб.: «Фарн», 1994. 172 с.
- Добжанский, 1990: Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.
- Егоров, 1993: Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.
- Железчиков, Порох, 1993: Железчиков Б.В., Порох В.Н. Позднесарматские мечи Лебедевки (опыт металлографического анализа) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 88–92.
- Зайцев, Мордвинцева, 2007: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Элитный некрополь II в. н.э. у центральных ворот Неаполя Скифского // Древняя Таврика. Посвящ. 80-летию Т.Н. Высоцкой / Под общ. ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 81–108.
- Засецкая, 2011: Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во ГЭ, 2011. 328 с.
- Казаков, 1987: Казаков Е.П. II Старомайский могильник // Археологические исследования в среднем Поволжье. Куйбышев, 1987. С. 114–119.
- Казаков, 1998: Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // КЕС (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 1998. С. 97–150.
- Казаков, 1991: Казаков Е.П. Об этнокультурных контактах населения западного Закамья с народами Урало-Прикамья в IV–XII вв. н.э. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 111–123.
- Казанский, Мастыкова, 2010: Казанский М.М., Мастыкова А.В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // ВАС. Липецк: РИЦ ЛГПУ, 2010. Вып. 5. С. 93–104.
- Кожухов, 1988: Кожухов С.П. Погребения всадников сарматского времени у аула Тауйхабль в Адыгее // Древний и средневековый Восток. Ч. II. М.: Наука – ВЛ, 1988. С. 404–412.
- Комар, 2005: Комар А.В. Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев; Судак, 2005. С. 160–188.
- Костромичев, 2006: Костромичев Д.А. Римское военное снаряжение из Херсонеса // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 1 / Ред.-сост.: А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь, 2006. С. 43–128.
- Красноперов, 2006: Красноперов А.А. Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2006. С. 144–148.
- Красноперов, 2007: Красноперов А.А. Украшения из раковин в погребальном инвентаре мазунинской культуры в Прикамье (первая половина – середина III – середина VI вв. н.э.) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Вектор Бук, 2007. Вып. 3. С. 108–111.
- Красноперов, 2009: Красноперов А.А. Контакты населения Прикамья и иранских народов древности (по данным костюма) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Мат-лы всеросс. конф., г. Тюмень, 24–26 марта 2009 г. Вып. 1. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2009. С. 165–168.
- Красноперов, 2011: Красноперов А.А. К атрибуции находки из раскопок Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье // Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі: Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 20 жылдығына және ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 20 жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары / Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Марғұлана КН МОН РК. Т. 2 / Гл. ред. Б.Е. Байтанаев, отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы, 2011. С. 228–238.
- Кропотов, 2010: Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИД «Адеф-Украина», 2010. 384 с.
- Курчатов, Бубулич, 2003: Курчатов С.И., Бубулич В.Г. «Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты» – 40 лет спустя // Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона / Отв. ред. Е. Сава. Кишинев, 2003. С. 285–312.
- Литвинский, 1972: Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М.: Наука – ВЛ, 1972. 270 с.
- Максименко, Безуглов, 1987: Максименко В.Е., Безуглов С.И. Позднесарматские погребения в курганах на р. Быстрой // СА. 1987. № 1. С. 183–192.
- Максимова, 1972: Максимова А.Г. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 123–138.
- Малашев, 2000: Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / МИАД. Вып. I. Ростов н/Д; ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С. 194–232.
- Малашев, 2013: Малашев В.Ю. Позднесарматская культура южного Приуралья во II–III вв. н.э.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2013.
- Мамонтов, 2000: Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 194 с.
- Марченко, 1996: Марченко И.И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений нижней Кубани). Краснодар, 1996. 240 с.
- Медведев, 1990: Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 220 с.
- Медведев, 2008: Медведев А.П. Сарматы в верховья Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.

- Мерциев, 1970: Мерциев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-Тобе I–IV вв. и захоронение на нем война IV–V в. // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука – КазССР, 1970. С. 79–92.
- Мордвинцева, Хачатурова, 2007: Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А. Комплекс украшений конской упряжи из аула Тауйхабль // Древняя Таврика. Посвящ. 80-летию Т.Н. Высоцкой / Под общ. ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 109–114.
- Негин, 2007: Негин А.Е. Позднеримские шлемы: проблемы генезиса // *Antiquitas Aeterna*. Вып. 2. Саратов: Саратов. ун-т, 2007. С. 335–359.
- Овсянников и др., 2007: Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.
- Останина, 1984: Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // *Поиски, исследования, открытия*. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.
- Останина, 1997: Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.
- Останина, 1992: Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. 95 с.
- Пастушенко, Бернц, 2008: Пастушенко И.Ю., Бернц В.А. Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья // *Finno-Ugrica*. 2008. № 11. С. 12–23.
- Полосьмак, Баркова, 2005: Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: Инфолио, 2005. 232 с.
- Прохорова, Гугуев, 1992: Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // *СА*. 1992. № 1. С. 142–161.
- Пуздровский, 2007: Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пшеничнюк, 1964: Пшеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // АЭБ. Т. 2. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1964. С. 215–231.
- Пшеничнюк, 1968: Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. Уфа: БФАН СССР, 1968. Т. 3. С. 59–104.
- Пшеничнюк, 1993: Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // *Хронология памятников Южного Урала*. Уфа, 1993. С. 32–61.
- Пшеничнюк, 1976: Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // *Древности Южного Урала*. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.
- Симоненко, 1979: Симоненко А.В. О сарматских поясах // *Памятники древних культур Северного Причерноморья*. Киев: Наукова Думка, 1979. С. 51–55.
- Симоненко, 2010: Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 328 с.
- Симоненко, 2011: Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов северного Причерноморья. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; Нестор-История, 2011. 272 с.
- Симоненко, 1998: Симоненко А.В. Фигурные сосуды в виде барана в сарматских погребениях // *АЦВМ*. Ч. 1. Краснодар, 1998. С. 68–78.
- Скрипкин, 1990: Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во СаратовГУ, 1990. 300 с.
- Старостин, 2002: Старостин П.Н. Нармонский могильник. Казань: Школа, 2002. 62 с.
- Степанов, 1980: Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 108 с.
- Strabo: Страбон. География / Пер., ст. и комм. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1964. 944 с.
- Таиров, 2004: Таиров А.Д. Раннесакские боевые пояса // *РА*. 2004. № 1. С. 140–145.
- Таиров, 2007: Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с.
- Троицкая, Бородовский, 1990: Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Погребения младенцев в курганах VII в. н.э. в Новосибирском Приобье // *Мировоззрение финно-угорских народов*. Новосибирск, 1990. С. 149–162.
- Труфанов, 2005–2009: Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // *Stratum plus*. 2005–2009. № 4. С. 117–328.
- Халиков, 1962: Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // *Железный век Марийского края / Тр. МАЭ*. Т. II. Йошкар-Ола, 1962. С. 7–187.
- Храпунов, 2007: Храпунов И.Н. Погребение воина II в. н.э. из могильника Опушки // *Древняя Таврика. Посвящ. 80-летию Т.Н. Высоцкой / Под общ. ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой*. Симферополь: Универсум, 2007. С. 115–124.
- Шедевры..., 1987: Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки. М., 1987. 188 с.
- Яценко, 1987: Яценко С.А. К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии // *СА*. 1987. № 3. С. 166–176.
- Яценко, 2006: Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Вост. лит., 2006. 664 с.
- Gavritukhin, 2008: Gavritukhin I.O. Late Roman Military Style in the East of the Forest and Forest-Steppe Zone of Europe // *Journal of Roman Military Equipment Studies*. 2008. Vol. 16. P. 57–67.
- Glodariu, Moga, 1989: Glodariu I., Moga V. Cetatea dacică de la Căpâlna, București, 1989. 238 p.

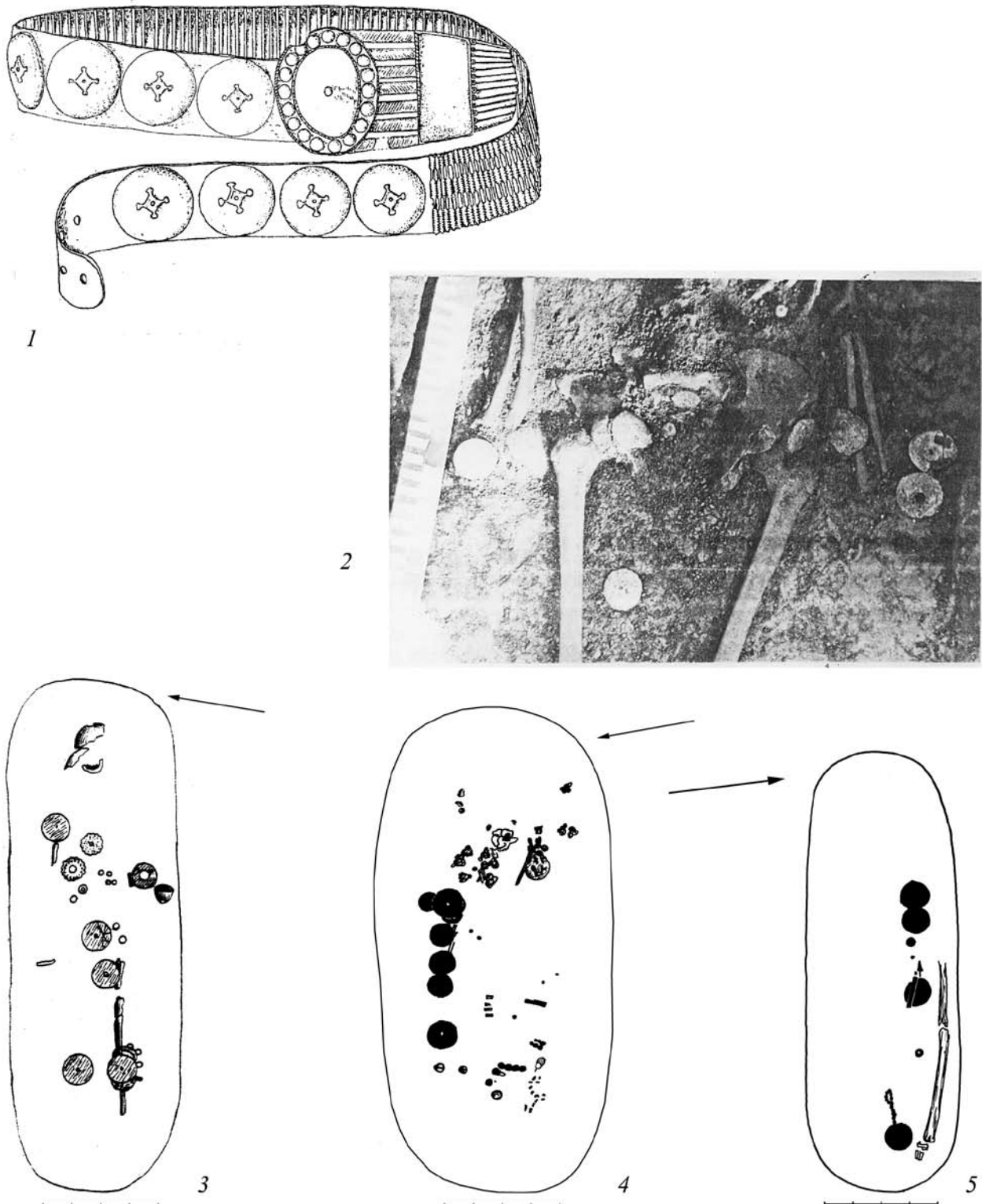

Рис. 1. 1 – Нармонка, п. 10, реконструкция пояса (Старостин, 2002, рис. 12, 22); 2 – Бирск, п. 313; 3 – Ныргында II, п. 110; 4 – Ныргында I, п. 315 (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 180, 181, 3, 4, 182); 5 – Ныргында I, п. 314 (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 177, 179)

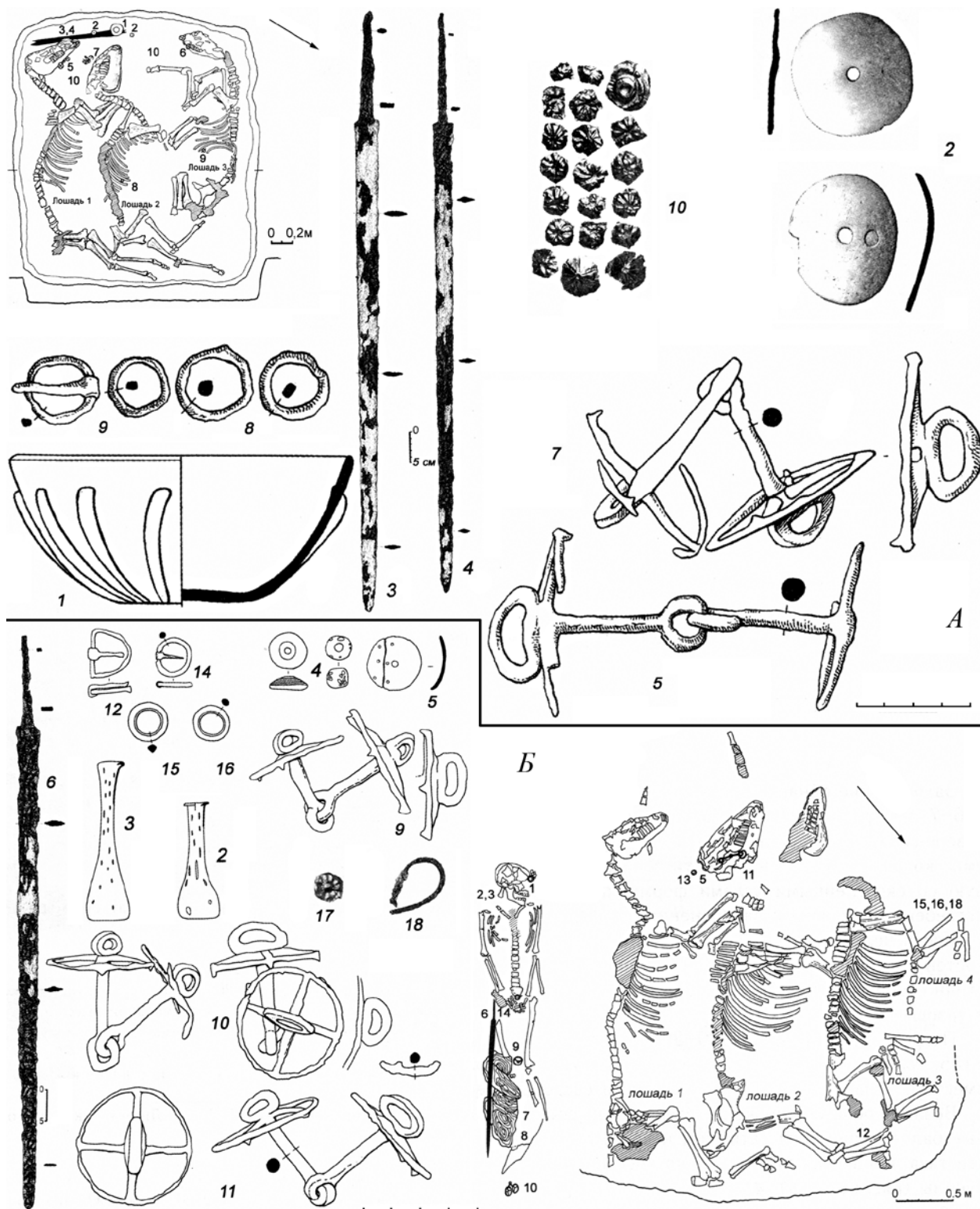

Рис. 2. А – Цемдолина, об. 8 (Аспургиане..., 2008, рис. 102, 103); Б – Цемдолина, п. 50 (Аспургиане..., 2008, рис. 66, 67)

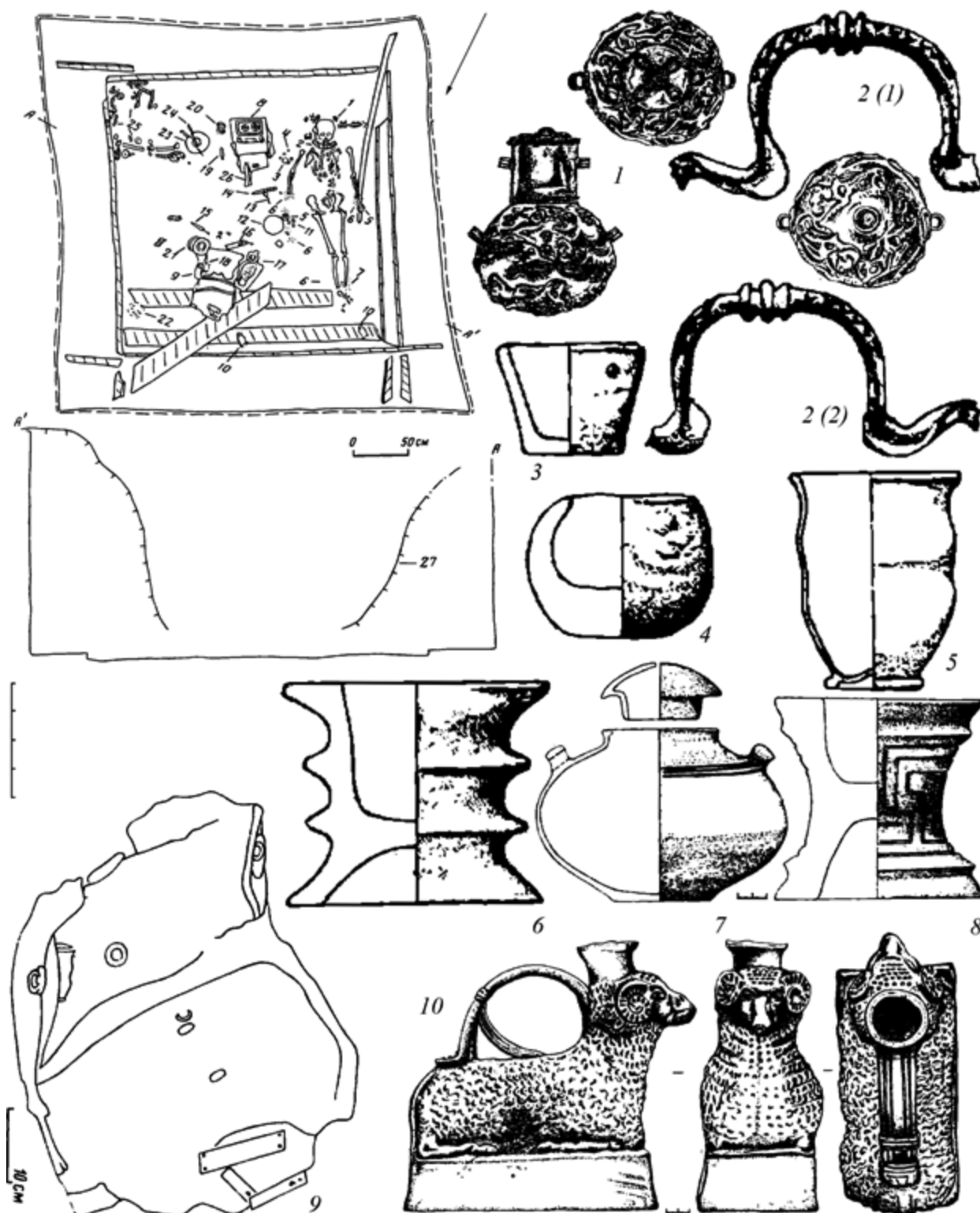

Рис. 3. Коб'яковский, к. 10 (Прохорова, Гугуев, 1992)

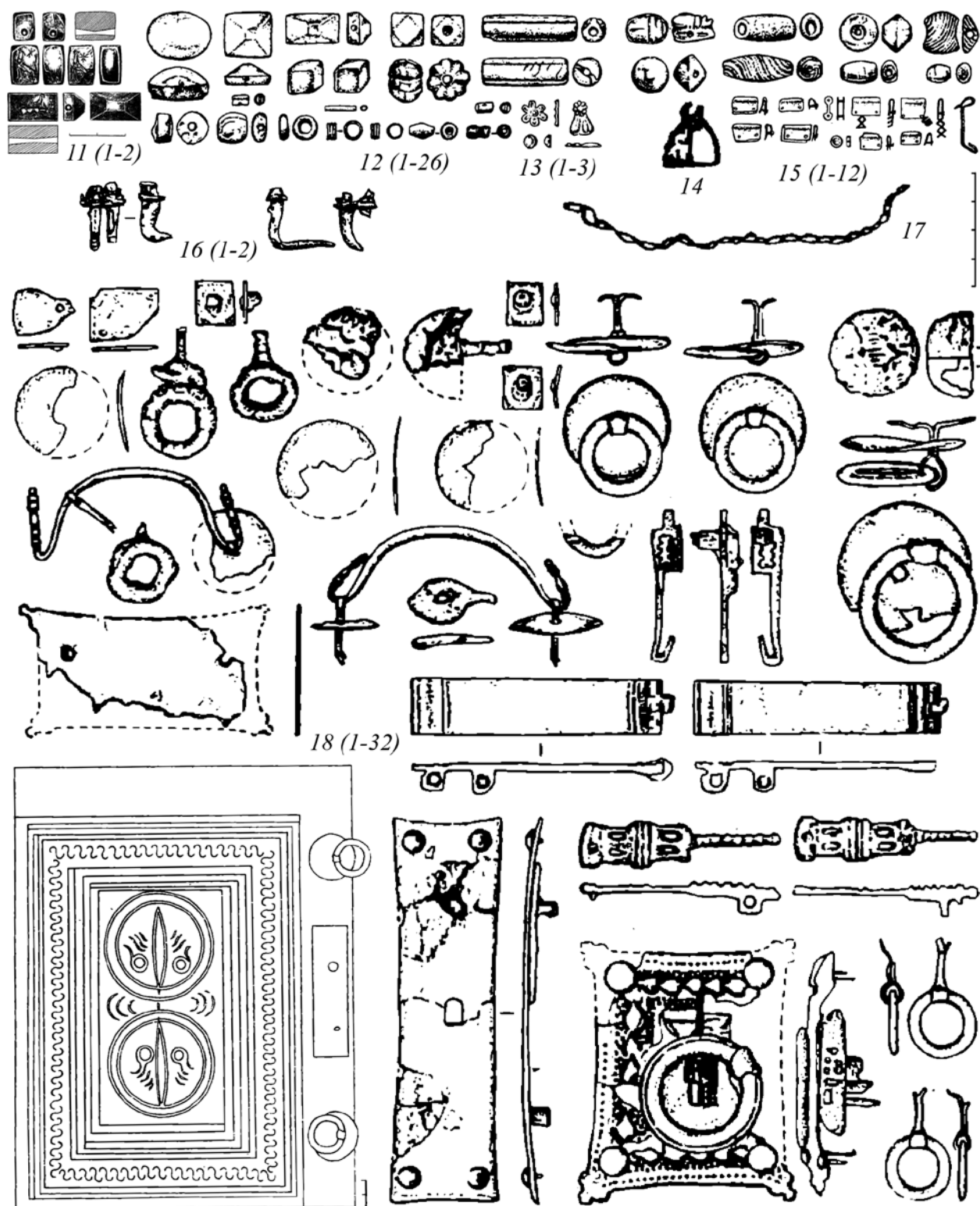

Рис. 3. Кобяковский, к. 10 (Прохорова, Гугуев, 1992) (продолжение)

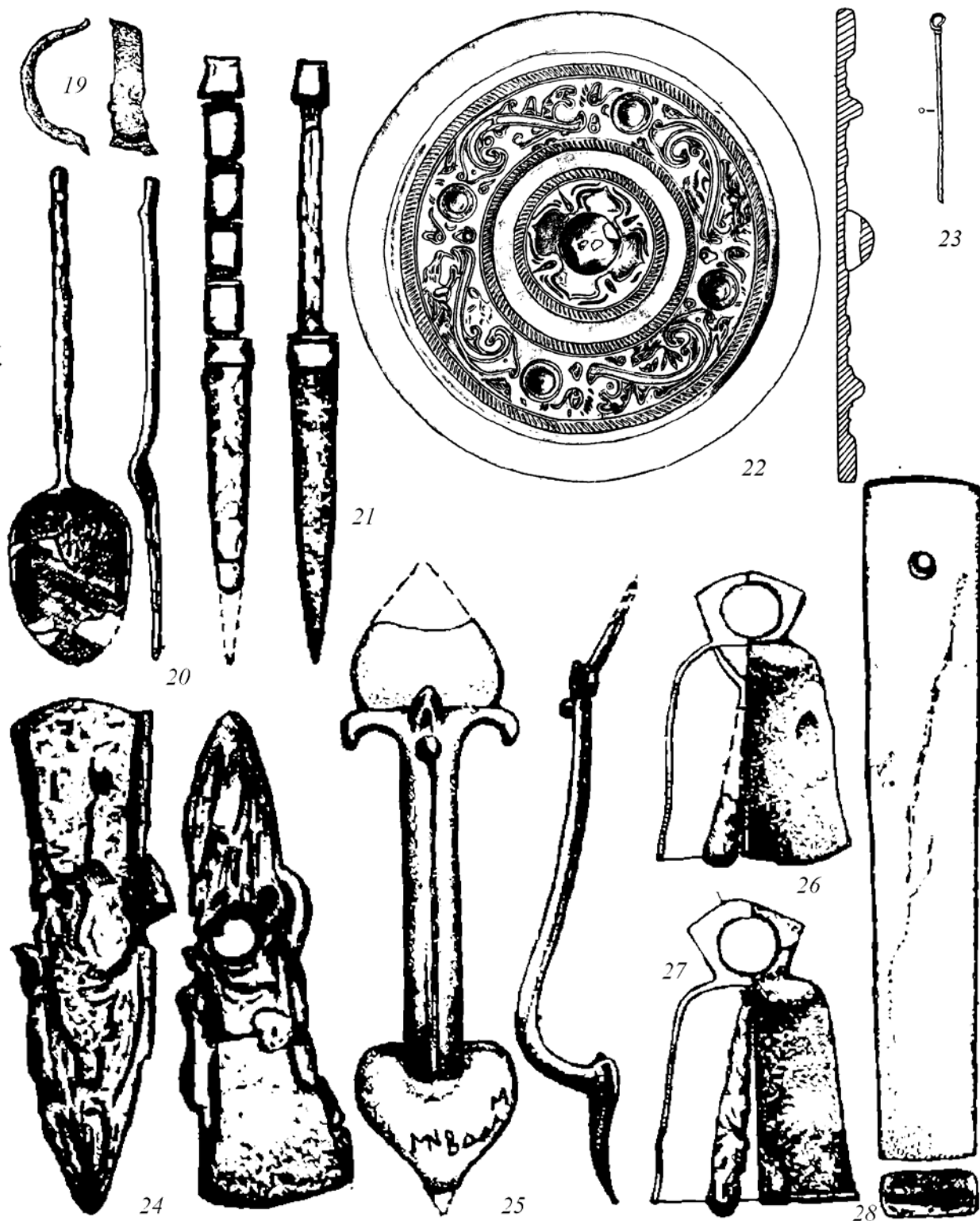

Рис. 3. Кобяковский, к. 10 (Прохорова, Гугуев, 1992) (продолжение)

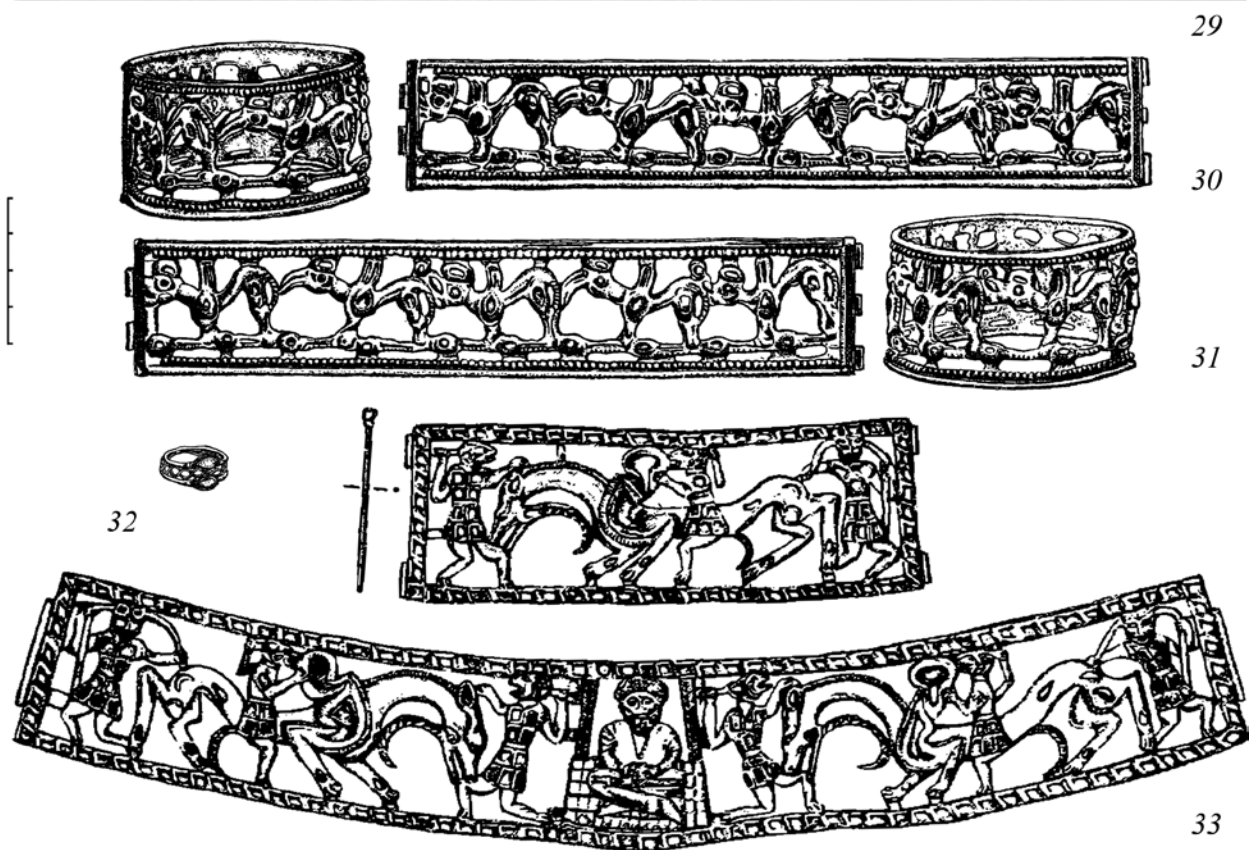
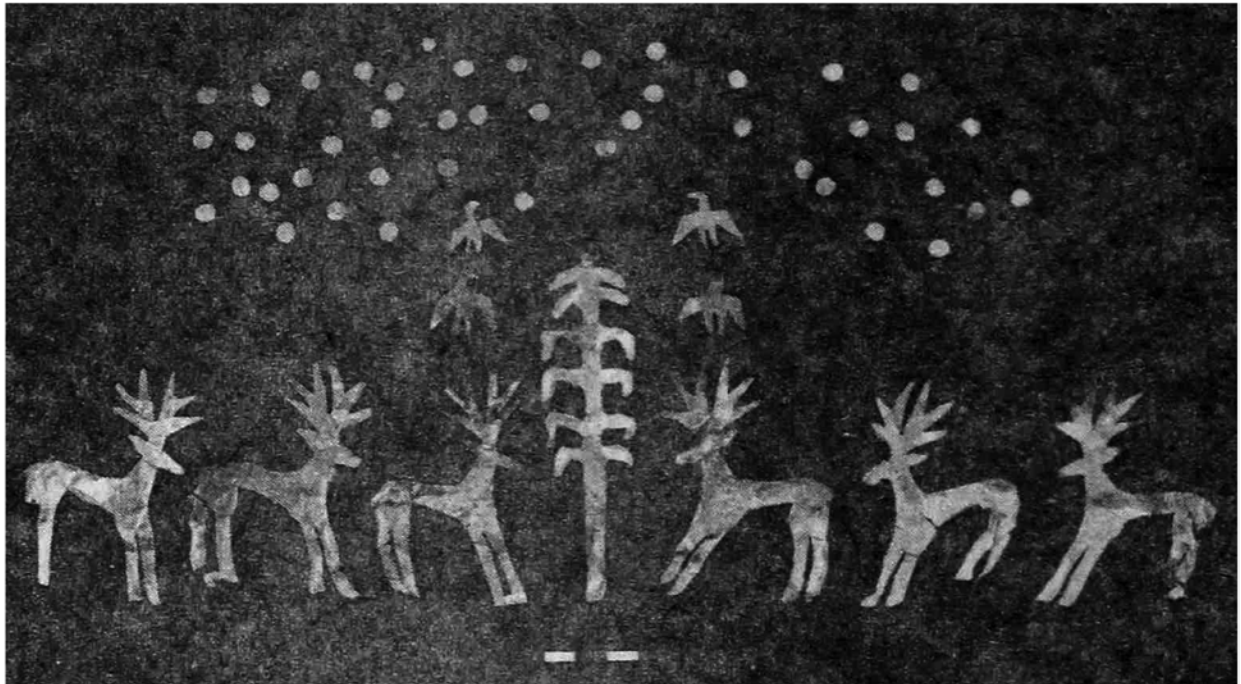

Рис. 3. Кобяковский, к. 10 (Прохорова, Гугуев, 1992) (продолжение)

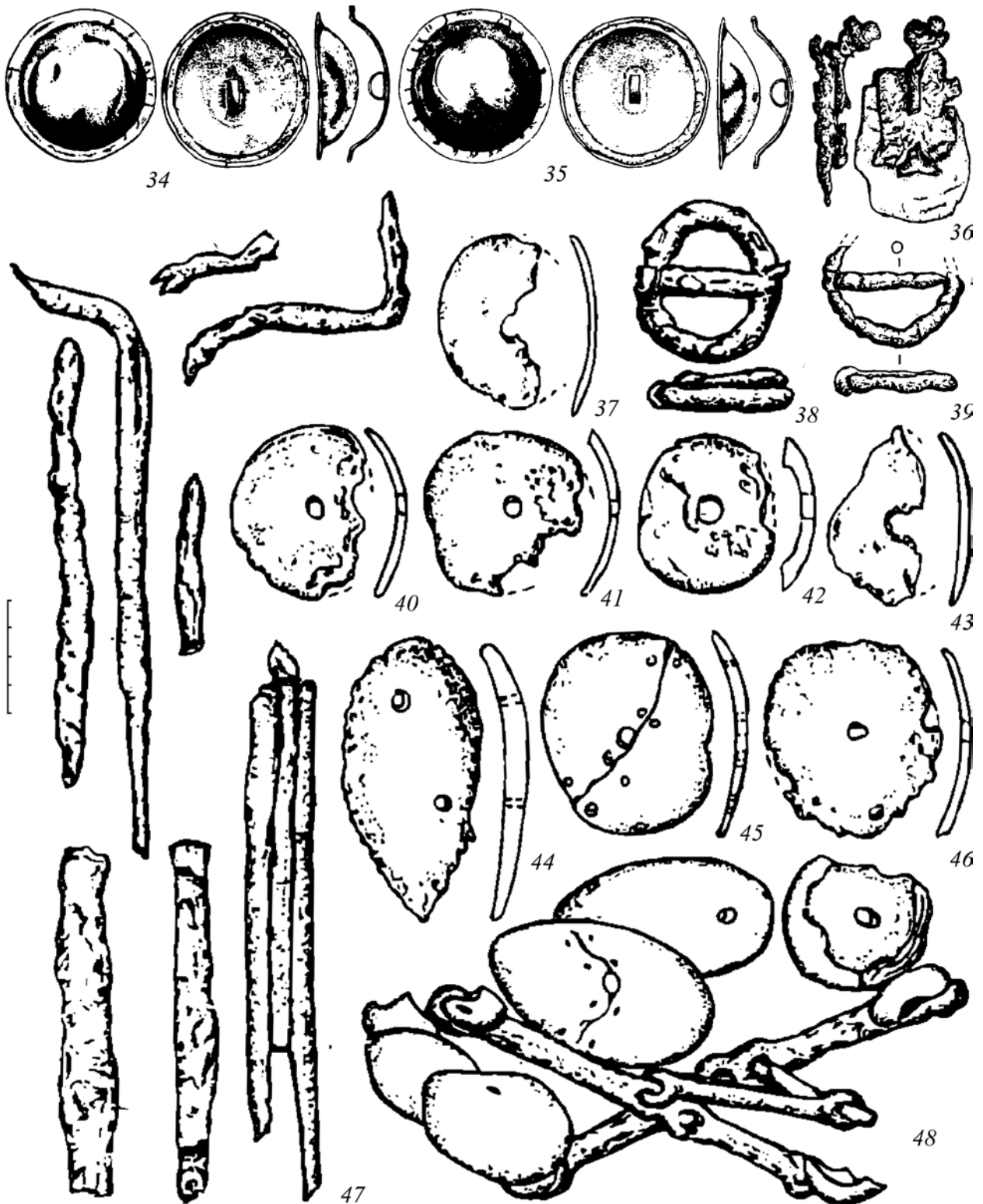

Рис. 3. Кобяковский, к. 10 (Прохорова, Гугуев, 1992) (продолжение)

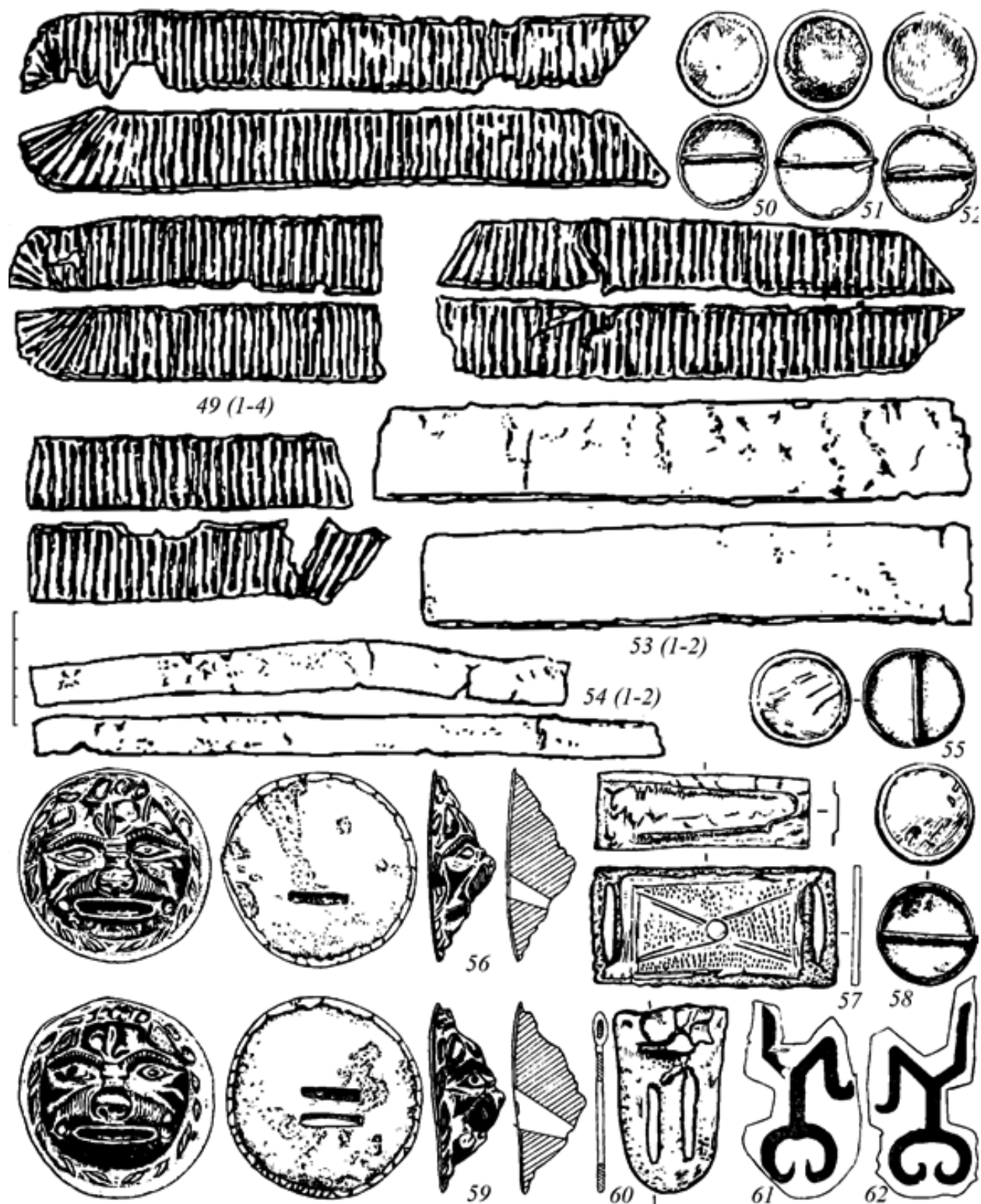

Рис. 3. Кобяковский, к. 10 (Прохорова, Гугуев, 1992) (окончание)

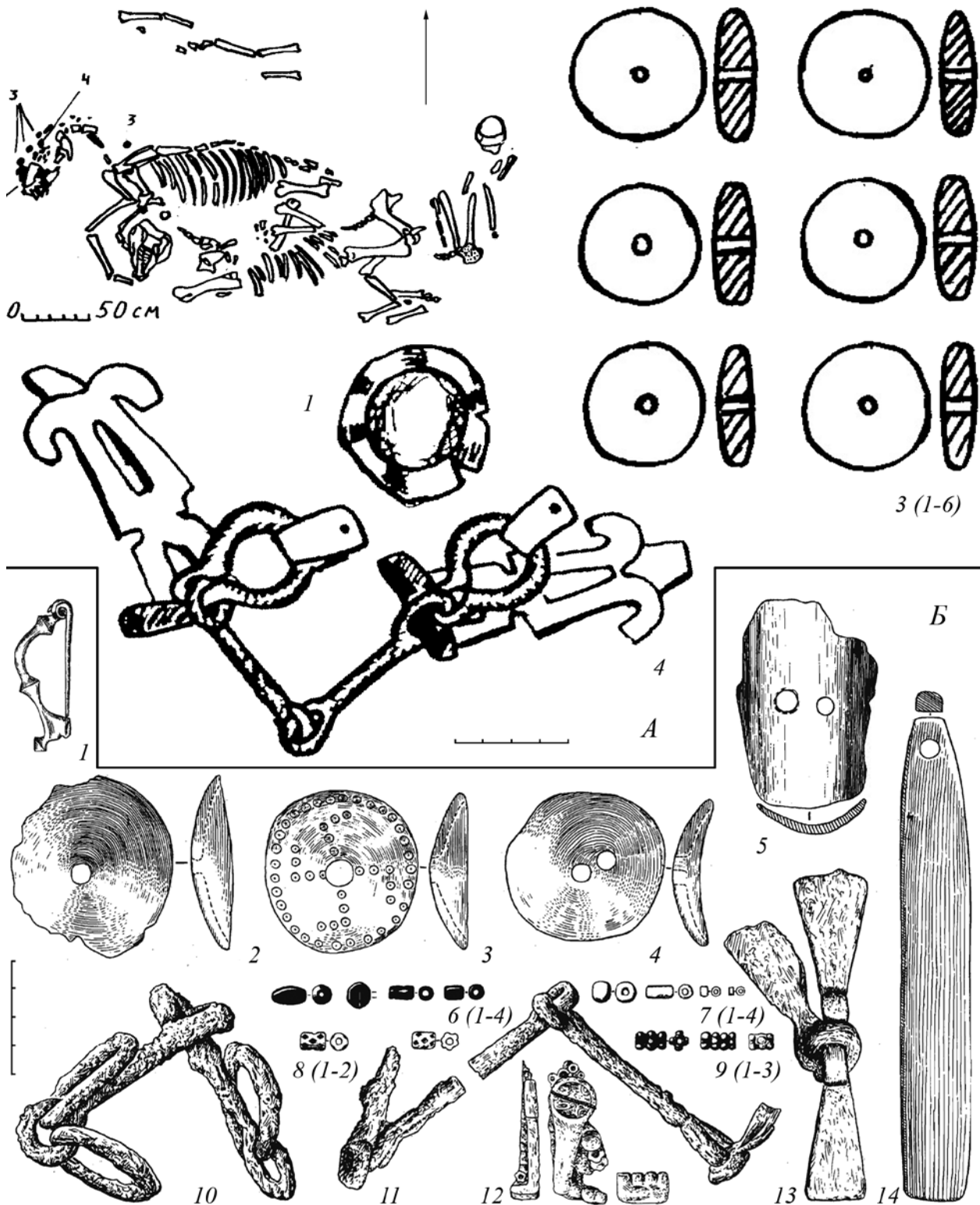

Рис. 4. А – Тауйхабль/Капанешхо, п. 1/1985 (Кожухов, 1988, рис. 1); Б – Усть-Лабинская, к. 31/1902 (Гущина, Засецкая, 1994, кат. 362–368)

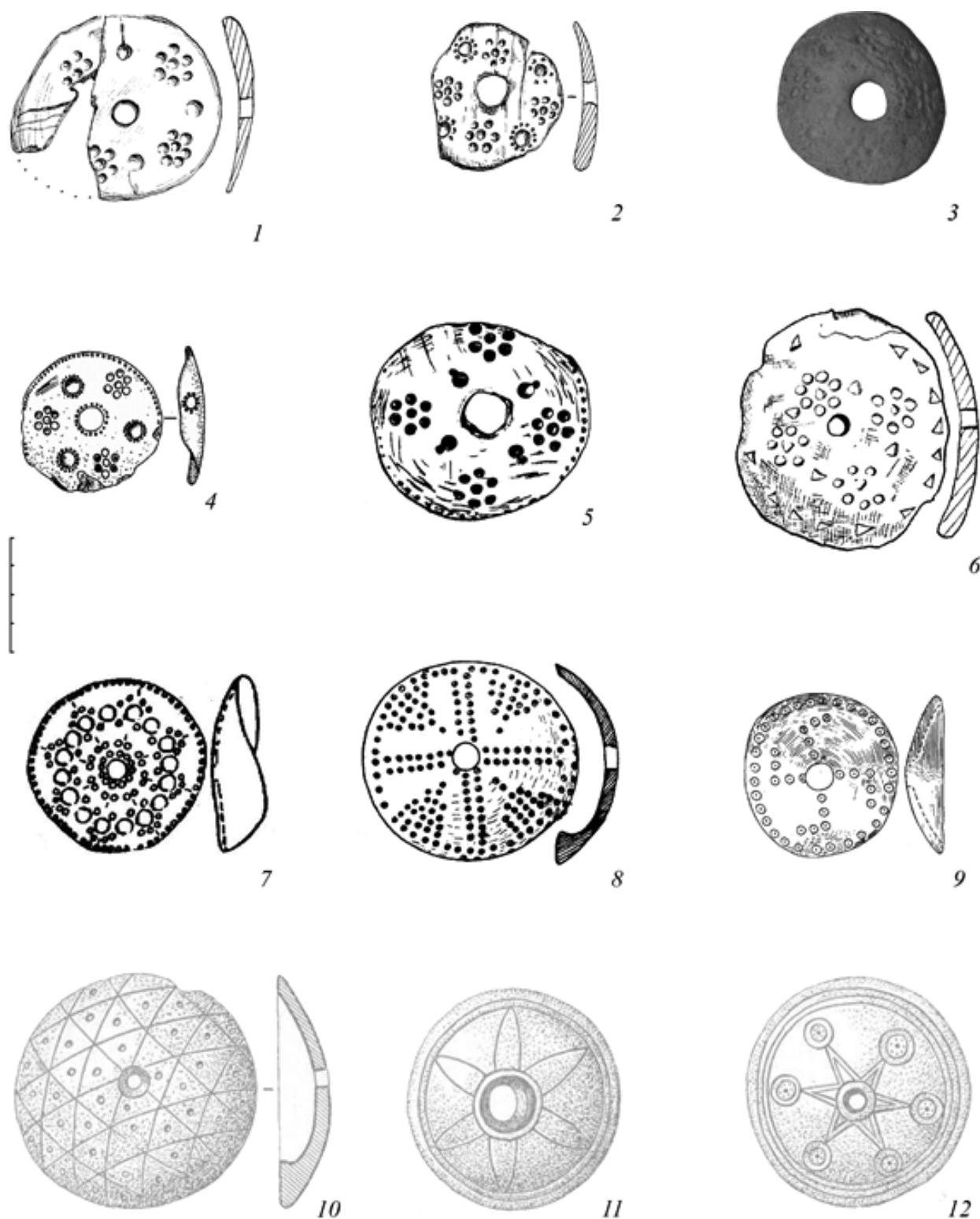

Рис. 5. Раковины с декором: 1 – Тарасово, п. 450А (Голдина, 2003, табл. 196, 28); 2 – Тарасово, п. 4 (Голдина, 2003, табл. 2, 24); 3 – Бирск, п. 313 (АЛ БГУ, № 321/245); 4 – Красный Яр, к. 20 (Малашев, 2013д, рис. 55, 3); 5 – Покровка, п. 220 (Останина, 1992, рис. 31, 11); 6 – Ижевск, п. 77 (Останина, 1984, табл. 8, 3); 7 – Ст. Майна II, п. 19 (Казakov, 1987, рис. 2, 17); 8 – Ижевск, п. 5 (Генинг, 1967, табл. II, 15); 9 – Усть-Лабинская, к. 31/1902 (Гущина, Засецкая, 1994, кат. 362); 10–12 – Памир и Индия (Литвинский, 1972, табл. 47, 1, 4, 5)

А.П. Кривошей
(г. Запорожье, Украина)

СКИФСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЮГА УКРАИНЫ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВОЕННОЙ ЭПОХИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Творчество мыслителя является результатом его прошлых сетевых взаимодействий

Рэндалл Коллинз. Социология философий¹

Попытки осмысления комплекса событий, связанных с появлением в Северном Причерноморье воинственных женщин, названных европейскими историками *амазонками*, начинаются почти по их следам². Однако в многочисленных обращениях к этому сюжету как античных авторов, так и позднейших историков, географов, поэтов и путешественников, со слов российских историков Татьяны Богаченко и Анастасии Цыбулькиной (Цыбулькина, 2011, с. 157), отсутствует четко выраженный этнографизм, что не позволяет безоговорочно утверждать о влиянии на локализацию амазонок в Северном Причерноморье фактов знакомства греков с воинственными местными женщинами (Цыбулькина, 2011, с. 157). Более того, А. Цыбулькина настаивает на том, что перенесение греками представлений об амазонках на реальные припонтийские племена проводилось не столько по социально-бытовым, как по культовым признакам (Цыбулькина, 2011, с. 157). Со слов историка, амазонские топонимы Тамани обусловлены, прежде всего, наличием там святилища

Афродиты Апатуры – одной из ипостасей Великой Богини.

Не вступая в открытую полемику с названными выше историками попробуем взглянуть на затронутую ими проблематику сквозь призму истории женской повседневности (Белова, 2006, с. 91). Точнее, истории женской повседневности военного времени³ (истории повседневности женщин в условиях военного положения, войн, революций и вооруженных локальных конфликтов) (Кривошей, 2013б, с. 141). В своих рассуждениях я буду исходить не из универсализации истории повседневности или представления ей особого статуса среди других субдисциплин, а из численности интерпретаций истории, из плюральности направлений и дискурсов, которая стала приметой историографии начала XXI в.

Размышления над предметом нашей заинтересованности начну с того, что в V в. до н.э. авторитетный древнегреческий историк и географ Геродот на страницах своей «Истории...» описал местонахождение амазонок на просторах Северного Причерноморья – северная часть побережья озера Меотиды (Азовское море)⁴. По словам историка, в сражении на реке Термодонт в Малой Азии эллины победили амазонок, захватили часть их войска в плен и повезли воинственных женщин на трех кораблях к себе на родину. Но в открытом море ама-

¹ В «Социологии философий» (1998) Р. Коллинз репрезентует модель интеллектуальных сетей как средство изучения интеллектуальной истории (Коллинз, 2002, с. 47). В нынешней эпистемологической ситуации теория сетевого общества превращается в метод исследования. «Сетевой подход», или принцип «сети», предусматривает объединение разнообразных составляющих, которые раньше рассматривались изолированно, автономно, даже герметично, в единую структуру взаимосвязанных элементов, между которыми постоянно просиходит обмен информацией. Сеть возникает как принципиально новое – а именно – информационное пространство (Колесник, 2009, с. 57). Сетевая модель исторической науки использована нами и в качестве теоретической конструкции нашего исследования. Она представляет собой интеграцию разрозненных элементов (идей, теорий, биографий, научных инстанций, академических школ, научных сообществ) в безшовную сеть взаимосвязанных элементов, между которыми постоянно циркулирует информация (Колесник, 2009, с. 56).

² Уже в V в. до н.э. появляются произведения греческих трагиков Эсхила, Еврипида и «Истории...» Геродота.

³ Термин «История женской повседневности военного времени» используется нами для характеристики направления исторического знания, объектом исследования которого выступает повседневная жизнь, все жизненные реалии женщин в условиях военного положения, войн, революций и разного рода вооруженных локальных конфликтов. К военной повседневности женщин автор относит фронтную повседневность – сами войны, революции и вооруженные локальные конфликты и тыловую повседневность – реалии, которые эти войны, революции и вооруженные локальные конфликты сопровождали (Кривошей, 2013, с. 37).

⁴ Во время описываемых Геродотом событий амазонки локализовывались в Малой Азии, а появление небольшого амазонского анклав в Приазовье никак не меняет локализацию амазонок греческой мифологической традиции (*прим. ред.*).

зонки напали на греков, перебили их и захватили корабли. Не умея управлять ими и ориентироваться в открытом море, женщины-воительницы не смогли вернуться домой: ветер занес корабли к берегам озера Меотиды. Амазонки сошли на берег, в бескрайние степи. Там они увидели табун лошадей и захватили его. На этих лошадях женщины-воительницы начали грабить Скифскую землю (Геродот, 1992, с. 32) и... творить историю военной повседневности женщин Северного Приазовья и Поднепровья (ныне территория современной Украины).

Со временем, со слов Геродота, амазонки и молодые скифы начали жить вместе... Так, к востоку от Меотидского озера (Азовского моря) появилось племя савроматов, рожденное этими воинственными женщинами... Вследствие такого происхождения сарматские женщины... «придерживаются древних обычаев, часто ездят верхом на охоту вместе со своими мужчинами, а иногда они принимают участие в войне (курсив автора. – А.К.), носят ту же одежду, что и мужчины...» (Кривоший, 2013а, с. 17–18).

Хотя существуют и другие версии относительно места «распространения» амазонок – Кавказ, Малая Азия и Северная Африка (Цыбулькиова, 2011, с. 157), однако основное внимание сосредоточим именно на украинской части побережья Азовского моря и реки Днепр, поскольку выработанная социумом этого региона традиция (а речь идет об «амазонстве»¹), как правило, является бесспорной возможностью вхождения индивида, микрогруппы или социального слоя в историю. Именно в силу традиции (ее наличия или отсутствия) можно вписаться в конкретный исторический период, найти свое место, а следовательно, и легитимизироваться (Кривоший, 2011, с. 22). Таким образом, основанная на амазонских традициях военная культура скифо-савроматско-сарматских женщин должна была оставить о себе «следы» как в материальной, так и в духовной культуре жителей этой историко-географической области (Кривоший, 2013а, с. 20–21).

Ища «следы» военной повседневности женщин V–IV в. до н.э. в комплексах письменных и устных (фольклорных) источников, будем собирать, критически осмысливать и тщательно анализировать малейшие свидетельства о будничных структурах жизни женщин того времени в условиях военного положения, войн и вооруженных локальных конфликтов, их своеобразной ментальности и психологических типах характеров (Кривоший, 2013б, с. 141). По нашему убеждению, обнаруженные нами «следы»,

¹ «Амазонство» (от «амазонки») автор рассматривает как подражание (передачу) традиций (обычаев, порядков, норм поведения, взглядов и предпочтений) женщин-воительниц (амазонок). Традиции «амазонства» образовались в ходе исторического развития общества и передаются (наследуются) от поколения к поколению. Благодаря наследованию этих традиций (традиция от *лат.* – «передача, рассказ») осуществляются культурные связи между этносами и поколениями людей (Кривоший, 2013а, с. 28).

через отражение сценариев повседневной жизни скифо-савромато-сарматских женщин в условиях военного положения, войн и различного рода вооруженных локальных конфликтов, позволят «увидеть» как способы существования воюющих женщин², так и изменения в их обыденных практиках, связанные с опытами участия женщин в войнах и разного рода вооруженных локальных конфликтах (Кривоший, 2013в, с. 44–45).

В этой статье я собираюсь рассмотреть сообщения о некоторых археологических и этнографических находках, зафиксированных в трудах украинских археологов, региональных историков-краеведов и этнологов второй половины XX – начала XXI в., в которых прямо или косвенно говорится об амазонках и военных традициях скифо-савромато-сарматских женщин.

Анализ собранного археологического материала свидетельствует о том, что относительное количество женских погребений с оружием (около трети) у скифов, савроматов и более восточных саков практически одинаково (Мурзин, Фиалко, 1999, с. 181). У скифов, по подсчетам Е. Бунятына, они составляли 29 % (Бунятын, 1985, с. 70). Достаточно полный свод известных науке захоронений скифских женщин в сопровождении оружия были недавно приведены Е. Фиалко (Фиалко, 2011, с. 24–36). По ее наблюдениям, их возраст колеблется от 16 до 60 лет (Фиалко, 1991, с. 4–18), половина из них – молодые женщины в возрасте 25–35 лет (Мурзин, Шлайфер, 2013, с. 7). Со слов С. Махортыха, подвергнутого тщательному анализу состав вооружения скифских «амазонок» (Махортых, 2011), можно выделить четыре группы скифских женских захоронений с оружием – от захоронений с одним типом вооружения (главным образом, накопниками стрел), до захоронений с четырьмя видами вооружения, включая защитное снаряжение.

Но чаще всего в погребениях амазонок встречаются наконечники стрел (Мурзин, Шлайфер, 2013, с. 8), что говорит об освоении и активном употреблении женщинами-воительницами этого вида оружия. Так называемый «скифский» лук в подавляющем большинстве случаев был луком составного типа (Мурзин, Шлайфер, 2013, с. 8), то есть изготавливался он из нескольких слоев дерева разных пород, соединенных между собой клеем или за счет тугой обмотки сухожилиями животных. Лук имел сигмовидную форму с прямым брусом посередине. За этот брусок воин держал лук рукой, сюда же он вкладывал и стрелу с металлическим наконечником. Длина скифского лука составляла в среднем до 600 мм, иногда чуть

² Воюющая женщина (комбатантка) – женщина, которая принимает непосредственное участие в боевых действиях в качестве солдата или командира регулярных воинских формирований воюющих сторон, а также принадлежит к личному составу ополчений, добровольческих подразделений, разного рода партизанских отрядов и принимает непосредственное участие в уничтожении живой силы противника.

больше (Мурзин, Шлайфер, 2013, с. 8). Часто на концах лука, а также посередине, были закреплены костяные или роговые накладки. Это уменьшало длину рабочей, гнущейся части лука, что прибавляло ему больше мощности, которая позволяла посылать стрелу, как подчеркивают античные источники, на расстояние более 500 м (Мурзин, Шлайфер, 2013, с. 8). Обычно луки носились на боку или за спиной со снятой с одной стороны тетивой, чтобы сберечь его упругость, и каждый раз натягивались при употреблении лука. Понятно, что в таком случае от женщины-лучницы требовалась не только значительная физическая сила и сноровка, но также специальные навыки и слаженность действий. Подобные качества вырабатываются только в процессе длительных и упорных тренировок. То есть у скифов, савроматов и сарматов должна была существовать особая (военная) подготовка молодых девушек и женщин, направленная на воспитание воительниц, способных защитить себя, свои земли и скот и полноценно противостоять воинам-мужчинам в групповом и одиночном бою. В таком случае девичьи отряды были самым подходящим местом для обучения девушек обращению с луком, а также ножом, мечом и дротиком, арканом, пращей и другими видами оружия. Не случайно савроматские девушки не выходили замуж, пока не убивали трех врагов (Кривоший, 2013а, с. 18). Может быть, это был своего рода экзамен на готовность стать настоящей воительницей (амазонкой).

В среде кочевников все свободное мужское население, как правило, принимало участие в дальних грабительских походах, а забота о безопасности оставленного мужчинами жилья и семей в значительной степени перекладывалась на женские плечи. То есть массовая военизация скифских, савроматских и сарматских женщин была связана, прежде всего, со специфическими условиями жизни, а не с пережитками матриархата, как считалось ранее (Мурзин, Фиалко, 1999, с. 181). Особенно интересен в этом плане археологический материал из грунтового могильника «Скельки» (Васильевский р-н, Запорожской обл.) (Попандопуло, 2011). В течение одиннадцати лет (1993, 1994, 1998–2006 гг.) археологическая экспедиция Запорожского областного краеведческого музея под руководством Зои Попандопуло открыла 51 погребение (Литвинова, 2011, с. 91). Из них 45 захоронений относятся к скифскому времени, они датируются концом V–IV вв. до н.э., и два сарматских захоронения. Среди женских захоронений особый интерес представляют захоронения женщин с оружием (Попандопуло, 2010). Женские погребения с оружием, со слов З. Попандопуло, обнаружены в составе семи групп и два вне групп. Захоронения были совершены в простых овальных ямах, катакомбах первого типа и одной катакомбе третьего типа (Попандопуло, 2011, с. 18). Все погребенные лежат на спине, головами на запад, ноги в разной степени согнуты. В двух погребениях, в простых овальных ямах, помимо оружия обнаружено большое количе-

ство украшений из бисера, стекло-пастовых бусин и раковин каури. Оружие представлено, в основном, бронзовыми, а в одном случае – железным наконечниками стрел и одним наконечником копья. Возраст двух погребенных женщин – 22–25 лет, двух других – 25–35 и 35–40 лет. Вместе со старшей женщиной был похоронен и ребенок 18 месяцев от роду (Попандопуло, 2011, с. 18). Три женщины, захороненные в катакомбах, также лежат на спине и ориентированы головами на запад и северо-запад. Состав инвентаря не отличается от захоронений в ямах. Те же бусы и бронзовые наконечники стрел. Причем, у молодой женщины 18–22 лет их было 40 штук. Возраст женщин в этой группе также разный; до 25 лет, 30–35 и самой старшей было 45–50 лет (Попандопуло, 2011, с. 18).

Еще в одной катакомбе первого типа, в тройном захоронении: мужском (35–40 лет), женском (25–30 лет) и детском (новорожденный), оружие находилось вместе с напутственной пищей. Это были наконечник и вток от древка дротика, клевец, а также бронзовые наконечники стрел и железная пряжка. Со слов Попандопуло, нельзя исключать вероятность того, что часть оружия могла сопровождать и похороненную женщину (Попандопуло, 2011, с. 19). По мнению археолога, эти женщины могли входить в состав вспомогательных воинских формирований. Что не противоречит свидетельствам, как древним (Фиалко, 1991; Мурзин, Фиалко, 1999), так и из недавнего прошлого кочевых народов, когда женщины наряду с мужчинами охотились и занимались ратным делом (Попандопуло, 2011, с. 19). Это пока единственный случай среди известных грунтовых могильников в Украине, в котором обнаружены женские погребения с оружием. Погребения амазонок более известны в курганных комплексах (Фиалко, 2012).

Симптоматично, что память о вооруженных отрядах девушек сохранялась на протяжении тысячелетий и нашла свое отражение в фольклоре жителей региона, находящегося между северной частью побережья Азовского моря (озеро Меотида) и левым берегом реки Днепр (Борисфен). В частности, в зафиксированном в конце XIX в. в г. Мелитополе краеведом Петром Дзяковичем сказании под названием «Девичья слобода» рассказывается о местонахождении («урочище Кыз-Яр», где Кыз (*тюрк.*) – девушка, а яр (*укр.*) – глубокая балка. – А.К.) (ныне территория г. Мелитополя) и повседневной жизни орды женщин-воительниц.

«Это были храбрые женщины, – отмечает ретранслятор. – Они прекрасно владели мечами и стреляли в бою из луков, ездили верхом на лошадях, очень часто побеждали и брали в плен мужчин-воинов. Командовала этими женщинами-воительницами и водила их на войну царица редкой красоты. Взятых в плен мужчин царица распределяла своим соплеменницам-воительницам, но жизнь этих мужчин была незавидной. Они должны были

выполнять самые тяжелые и черные работы, а если женщина-воительница оставалась недовольной своим мужчиной, то его без церемоний убивали, а она выбирала себе другого среди новых пленников» (Дзякович, 1900, с. 21). Из детей, которые рождались у воительниц, оставляли жить только девочек и обучали их военному делу. Они росли мужественными и красивыми на просторах бескрайних приазовских степей. А мальчиков убивали сразу после появления на свет. Так существовало это жестокое и красивое царство женщин-воинов, пока во время одной из войн красавицу-царицу не взяла в плен мужская орда... (Дзякович, 1900, с. 21–22).

Интересно, что именно в этой местности в 1948 году рабочие местного кирпичного завода, по свидетельству историка-краеведа Бориса Михайлова, случайно нашли захоронение знатной женщины-воительницы. В могиле лежали останки женщины, на ее черепе находилась «золотая диадема (корона), а на груди и ногах сверкали украшения с драгоценными камнями в золотой оправе. Рядом с останками царицы лежали меч, котел, зеркало и конское седло, обитое золотом...» (Михайлов, 2002, с. 50).

То есть упоминаемый в цитируемом выше сказании обособленный лагерь женщин-воительниц, скорее всего, следует рассматривать как свидетельство существования у скифов и савроматов вооруженных девичьих отрядов, расположенных на пограничье скифских и савроматских территорий, которые выполняли функции своеобразных форпостов (Мурзин, Фиалко, 1999, с. 181). В таком случае от женщин требовались не просто отчаянная решимость и храбрость, но и знание тактических приемов, навыки, выносливость и слаженность действий. Подобные качества не появляются вдруг, а вырабатываются длительным обучением и упорными тренировками. Уровень «военной подготовки» таких женщин-воительниц позволял им противостоять мужчинам-воинам, как в индивидуальных сражениях, так и коллективных боях. Интересны в этой связи сообщения Помпея Трога о скифах, изложенные в «Филипповских историях». В рассказе о подвигах скифов он пишет, что «...начало их истории было не менее славно, чем их владычество, и доблестями мужей они прославились не более, чем женщин... так что, если разбирать подвиги мужчин и женщин, то останется неизвестным, который пол был у них славнее...» (Мурзин, Фиалко, 1999, с. 182). Подобную информацию можно найти и у Диодора Сицилийского. В «Библиотеке» он сообщает, что когда в Скифии однажды случилось междуцарствие, в ней воцарились отличавшиеся силой женщины. А женщины у этих народов, «подобно мужчинам, приучаются к войне и нисколько не уступают им в храбрости...» (Мурзин, Фиалко, 1999, с. 182).

Перечень легенд и преданий, в которых освещаются наиболее типологизированные сценарии военной повседневности женщин Северного Приазовья и Поднепровья, не ограничивается приведенным выше примером. Источников с сюжетами о военной

активности женщин этого региона, по наблюдениям автора, в фольклорной традиции Юга Украины сохранилось довольно много (Кривоший, 2012а, с. 53–67), что свидетельствует о заучивании местными жителями типизаций ежедневных практик, вызванных к жизни преемственностью воинских женских (амазонских) традиций (Кривоший, 2012б, с. 16–30).

Становится очевидным, что историческая память ординарных людей Северного Приазовья и Поднепровья в течение длительного времени (тысячелетия) хранит информацию об обычаях, нормах поведения, психологии женщин-воительниц (амазонок) скифо-савромато-сарматских времен. Появление феномена амазонства и амазонского мифа (как отображения образа военной повседневности женщин в сознании античных путешественников, историков и поэтов), скорее всего, вызвали к жизни не пережитки матриархата (Мурзин, Шлайфер, 2013, с. 8), а специфические условия жизни малоизвестного степного социума в условиях пограничной действительности. По меткому наблюдению российской исследовательницы Анастасии Цыбулькиной, наиболее «воинственными» в любой стране мира традиционно считались женщины, жительницы пограничных районов (Цыбулькина, 2006а, с. 16).

В силу принадлежности к достаточно военизированному пограничному сообществу и частому привлечению к вооруженным пограничным и внутренним конфликтам такие женщины в своем большинстве обладали не только специфическим менталитетом, но и вполне конкретными боевыми навыками (Цыбулькина, 2006б, с. 207) (владение луком, ножом, мечом, саблей, копьем, арканом, тактиками ведения одиночного и группового боя).

У скифов, савроматов, сарматов, гуннов, половцев, славян-русичей и казаков на воинственность женщин в процессе исторической эволюции традиционно влияли агрессия окружающих более крупных народов и внутренняя межплеменная борьба (Цыбулькина, 2006б, с. 207). Именно под влиянием этих факторов (с целью выживания) и формировался идеальный образ женщины-воительницы, защитницы, берегини семьи, дома, рода, родного края от враждебных сил и вражеских набегов, ставший впоследствии базой национальной культурной традиции украинцев. В экстремальных условиях пограничья сильная, боеспособная женщина становилась важным дополнительным шансом выжить всему племени. Отсюда и традиционно уважительное отношение к женщине у запорожских и украинских казаков, а также населения Украины в целом.

Становится очевидным, что сообщение Геродота об амазонках (обособленном лагере женщин-воительниц) на побережье озера Меотида (Азовского моря) не было пустой фантазией автора. Он «увидел» их, по нашему мнению, в наиболее прогнозируемом месте – на пограничье – стыке двух миров и культур – степи и леса, оседлости и кочевничества, мира и почти бесконечной войны.

Література

- Бунятян, 1985: Бунятян Е.П. Методика соціальних реконструкцій в археології. На матеріалі скифських могильників IV–III вв. до н.е. Київ: Наукова думка, 1985. 121 с.
- Геродот, 1992: Геродот із Галікарнасу. Скіфія: Найдавніший опис України з V ст. перед Хрестом / підгот. тексту М. Слабошпицького / передм. Ю. Хорунжого. Київ: Фірма “Довіра”, 1992. 72 с.
- Дзякович, 1900: Дзякович П. Очерк города Мелитополя и его уезда в географическом отношении. Мелитополь, 1900. С. 21–22.
- Колесник, 2009: Колесник І. Мережева модель науки (новий проект української історіографії?) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. 2009. Вип. 3. Ч. 1. С. 56.
- Коллінз, 2002: Коллінз Рэндалл. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
- Кривоший, 2011: Кривоший О.П. Специфіка та межі присутності “жіночого” в культурному просторі Запорозжя. Воєнно-історичний аспект // Мандрівець. 2011. № 5. С. 20–28.
- Кривоший, 2012а: Кривоший О.П. Дискурс тилової повсякденності ординарних жінок України першої половини XVII ст. у науковій спадщині Ореста Левицького // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2012. Вип. 24. С. 53–70.
- Кривоший, 2012б: Кривоший О.П. “Сильна жінка” зі зброєю в українському історіографічному дискурсі XVI–XIX ст. // Київська старовина. 2012. № 1 (403). С. 16–34.
- Кривоший, 2013а: Кривоший О.П. Амазонки і “амазонство” в колективній пам'яті південноукраїнського степового соціуму (XIX – перша третина XX ст.) // Народна творчість та етнологія. 2013. № 4 (344). С. 17–34.
- Кривоший, 2013б: Кривоший О.П. Гендерні виклики фронтової повсякденності козацького Запорозжя у науковому доробку українських істориків (1946–1991 рр.) // Українознавчий альманах. Київ, 2013. Вип. 11. С. 140–146.
- Кривоший, 2013в: Кривоший А.П. Козацкие войны раннего Нового времени: подходы к проявлению женского опыта (на примере украинской историографии XIX – начала XX века) // Социальная история. Электронный научный журнал. 2013. Вип. 2 (2). С. 43–52 [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <http://icshes.ru/elektronnyj-nauchnyj-zhurnal-sotsialnaya-istoriya/vypuski/2013-2>.
- Кривоший, 2013г: Кривоший О.П. Фронтowa повсякденність жінок козацького Запорозжя у візії О.М. Апанович // Культурологічний вісник: науково – теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя, 2013. Вип. 31. С. 29–38.
- Литвинова, 2011: Литвинова Л.В. Антропологический материал из грунтового могильника «Скельки» // Скифский грунтовой могильник «Скельки». Запорозжье, 2011. С. 91–104.
- Махортых, 2011: Махортых С.В. Вооружение «амазонок» степной Скифии // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж: Изд. полиграф. центр «Научная книга», 2011. 248 с.
- Михайлов, 2002: Михайлов Б.Д. Мелитополь: природа, археологія, історія. Запоріжжя: Дике поле, 2002. 280 с.
- Мурзін, Фіалко, 1999: Мурзін В.Ю., Фіалко Е.Е. Девичьи дружины у сарматов и скифов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорозжье, 1999. С. 181–182.
- Мурзін, Шлайфер, 2013: Мурзін В.Ю., Шлайфер В.Г. Амазонки // Культурологічний вісник Нижньої Наддніпрянщини. 2013. № 30. С. 7–11.
- Надхін, 1870: Надхін Г.П. Память о Запорозжье и последних днях Запорозжской Сечи. М., 1870.
- Попандопуло, 2010: Попандопуло З.Х. Женские погребения с оружием в могильнике «Скельки» // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2010. С. 33–34.
- Попандопуло, 2011: Попандопуло З.Х. Скифский грунтовой могильник «Скельки». Запорозжье, 2011. 116 с.
- Фіалко, 1991: Фіалко Е.Е. Погребения женщин о оружием у скифов // Курганы Степной Скифии. Киев: Наукова думка, 1991. С. 4–18.
- Фіалко, 2011: Фіалко Е.Е. Амазонки причерноморских степей // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж: Изд. полиграф. центр «Научная книга», 2011. 248 с.
- Фіалко, 2012: Фіалко О.Є. Поховання двічат зі зброєю в скіфському кургані на Херсонщині // Археологія. 2012. № 1. С. 82–92.
- Цыбульникова, 2011: Цыбульникова А.А. Миф об амазонках и его отголоски в сообщениях путешественников XVI–XVIII в. о народах юга России // II Сиротенковские чтения: Сборник материалов международной научной конференции. Армавир: РИО ФГПА, 2011. С. 157–169.
- Цыбульникова, 2006а: Цыбульникова А.А. Казачка и оружие: к характеристике боевых будней кубанских станиц (первая половина XIX в.) // Археология, этнография и краеведение Кубани (14-ая). Армавир; Краснодар, 2006. С. 16–19.
- Цыбульникова, 2006б: Цыбульникова А.А. Феномен женской воинственности у народов Северного Кавказа (к постановке проблемы) // Федор Андреевич Щербина и народы Юга России: История и современность. Краснодар, 2006. С. 207–212.
- Савур-могила., 1990: Савур-могила. Легенди та перекази Нижньої Наддніпрянщини / упор., авт. прим. Віктор Чабаненко. Київ: “Дніпро”, 1990. 262 с.

Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко
(г. Краснодар)

О ТИПЕ ЖЕЛЕЗНОГО МЕЧА ИЗ КУРГАНА У СТАНИЦЫ НОВОТИТАРОВСКОЙ

В 2008 г. в «Нижеволжском археологическом вестнике» вышла статья Н.Е. Берлизова, посвященная эволюции комплекса вооружения кубанских сарматов. В класс II Н.Е. Берлизов выделил однолезвийные мечи, которые были представлены в этой работе одним экземпляром из погребения 2 кургана 2 1980 г. у ст. Новотитаровской. Этот меч автор отнес к типу I, махайры (Берлизов, 2008, с. 37, табл. 8).

Погребение, из которого происходит меч, было раскопано в 1980 г. А.А. Нехаевым, но Н.Е. Берлизов не дал в своей работе ссылки на источник информации. Этот комплекс давно нам известен и не вошел в сводку сарматских погребений из Прикубанья (Марченко, 1996) только потому, что материал в то время не был доступен для исследования.

Нас удивило наличие в сарматском погребении столь редкого типа оружия, не характерного ни для оседлого, ни для кочевнического населения Прикубанья. Поэтому мы решили проверить данные Н.Е. Берлизова, так как большинство исследователей такой возможности не имеют, и им приходится верить автору на слово.

Находки из этого погребения хранятся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике. Меч, согласно инвентарной описи (инв. № КМ 5706/127), «длинный широкий двулезвийный», состоит из 8 фрагментов. Как отмечал автор раскопок, меч имел *широкое обоюдоострое* (выделено нами – Н.Л., И.М.) лезвие и был преднамеренно изогнут в двух местах (Нехаев, 1980, л. 56–57). На чертеже погребения четко вырисован сломанный меч с брусковидным навершием без перекрестия (рис. 1, 1). В результате изучения фрагментов выяснилось, что в отчете А.А. Нехаева меч изображен неверно – фрагменты клинка и рукояти не состыкованы, не показаны также их сечения (рис. 1, 5). При этом отсутствует главная деталь – навершие, которое четко «садится» на рукоять. Этот рисунок из отчета А.А. Нехаева и был приведен Н.Е. Берлизовым в типологической таблице как доказательство существования у сарматов однолезвийных мечей типа махайра (Берлизов, 2008, с. 378, табл. 8). Его не насторожил и тот факт, что «среди обломков – стержень, напоминающий серповидное навершие» (Берлизов, 2011, с. 92)¹.

¹ Нам неизвестно, держал ли Н.Е. Берлизов эти «обломки» в руках. О наличии навершия он мог узнать после нашего доклада на конференции 2009 г. в Гос. Эрмитаже, посвященной юбилею И.П. Засецкой.

По обнаруженным в фондах Краснодарского музея 6 фрагментам клинка и рукояти, 5 из которых надежно состыкованы, нами была сделана графическая реконструкция меча: длина – около 70 см, длина рукояти – 11 см, ширина клинка у основания рукояти – около 8 см, ширина клинка в средней части – 6,6 см. Клинок меча прямой и имеет линзовидное сечение, т.е. меч был, без сомнения, двулезвийным. Навершие короткое брусковидное, слегка прогнутое сверху и снизу. Следов перекрестия не обнаружено. Сохранился также фрагмент железной бутероли (рис. 1, 2–4).

Так как меч не имеет перекрестия, его следует отнести к так называемым синдо-меотским мечам с брусковидным навершием и широким клинком удлинненно-треугольной формы (отдел I, тип 2, вариант 1 по И.И. Марченко). Синдо-меотские мечи 1 варианта широко представлены в погребениях IV в. до н.э. из меотских могильников, но в сиракских комплексах Прикубанья, кроме новотитаровской, известна еще лишь одна находка из раскопок на Понуро-Калининской оросительной системе в 1980 г. (курган 9, погребение 1). Чаше встречаются узкие длинные мечи варианта 2 (Марченко, 1996, с. 49, 50, 84, 85, рис. 12; 40, 9, 13).

Близкие по размерам мечи с треугольным клинком из могильников меотских городищ Спорное (погребение 144) и Старокорсунского № 2 (погребения 292з, 297з) датируются по амфорам второй – концом третьей четверти IV в. до н.э. (Бочковой и др., 2005, с. 172, 185, рис. 13, 7, 8; Лимберис, Марченко, 2005, с. 220–222, рис. 28, 3; 30, 4). Многочисленные находки мечей 1 варианта из Прикубанского могильника также встречены в погребениях с амфорной тарой. Наиболее ранний комплекс по гераклеийской амфоре с фабрикантским клеймом Эвридама относится к 90–80 гг. IV в. до н.э., остальные датируются в пределах второй – третьей четверти этого столетия².

Кроме меча в погребении были найдены лепной горшок (рис. 1, 6), придонная часть и фрагмент ручки кувшина, оселок, два фрагмента клинков железных ножей (один из них отмечен на чертеже под № 3 как «железный предмет») и бронзовая проволочная серьга в один оборот. Тип кувшина из этого погребения не восстановлен, но он имеет характерное для сарматских сосудов серое лощение

² Определения С.Ю. Монахова.

и коричневый излом черепка. Форма горшка (согласно описи – «коричневоглиняного») сопоставима с сосудами из прохоровских погребений IV–III вв. до н.э. (Мошкова, 1974, рис. 2, 25, 68; Клепиков, 2002, рис. 16, 8, 9; Яблонский, 2010, с. 77, рис. 57, 9). Из сарматских комплексов Прикубанья близким является горшок из погребения 12 кургана 1 у хут. Белевцы (1985 г.) второй половины IV – начала III в. до н.э. (Марченко, 1996, с. 84, рис. 103, 11).

В своей монографии 2011 г. Н.Е. Берлизов приводит уже два экземпляра мечей «типа махайра» – кроме новотитаровского, это меч из могильника у дер. Старые Кишки в Башкирии. Меч из Новотитаровского кургана, по мнению Н.Е. Берлизова, «вероятнее всего, действительно является образчиком греческого либо фракийского происхождения». О втором (действительно однолезвийном) мече он пишет, что «его считают варварским подражанием “настоящим” махайрам, датируя III–II вв. до н.э.» (Берлизов, 2011, с. 92). Ссылки на исследователей, которые придерживаются этого мнения, в тексте отсутствуют.

Меч из погребения 4 старокишкинского кургана 13 А.С. Скрипкин выделил в последний 9 тип (однолезвийный, без навершия и перекрестия) своей классификации сарматских мечей III в. до н.э. – I в. н.э. Автор допускает, что этот меч, «вероятно, использовался так же, как и греческая махайра», и отмечает не только сходство (однолезвийный, вогнутый со стороны режущей части клинок), но и различия в оформлении рукояти и ширине клинка (Скрипкин, 1990, с. 61, 62, 133, рис. 22, 21). В отличие от однолезвийных фракийских мечей с прямой рукоятью, без навершия или с навершиями, типичными для раннесарматских мечей, для махайры характерна «крючкообразная» рукоять «в виде незамкнутого удлиненного кольца», оформленная в виде головы хищной птицы, и вогнутый, расширяющийся со стороны лезвия, клинок (Соколовский, 1954, с. 130–136, табл. 1; Мелюкова, 1979, рис. 32). Классический образец этого оружия происходит из погребения 40 горгиппийского некрополя (Алексеева, 1982, с. 56, 57, рис. 31).

Если уж говорить о том, были ли у сарматов Прикубанья однолезвийные мечи, то необходимо отметить, что прямой однолезвийный меч был найден в сарматском погребении 1 кургана 2 (1983 г.) у хут. Бураковский (Марченко, 1996, с. 58, рис. 97). Однако мы не нашли его в работах Н.Е. Берлизова, хотя автор широко использует материалы из монографии И.И. Марченко, правда без ссылок.

Н.Е. Берлизов, вслед за В.М. Клепиковым, пересмотрел основы типологии сарматских мечей, заложенные К.Ф. Смирновым и поддержанные М.Г. Мошковой, А.М. Хазановым, А.С. Скрипкиным, А.В. Симоненко и многими другими исследователями. Как мы знаем, В.М. Клепиков предложил в основу выделения отделов, вопреки традиции, положить не форму

навершия, а форму перекрестия, что, по его мнению, имеет большее хронологическое и региональное значение, нежели характеристики навершия (Клепиков, 2002, с. 20, 21, рис. 1, 2). Однако, судя по работе В.М. Клепикова, никаких уточнений хронологии мечей сделать ему не удалось. Типологическая таблица Н.Е. Берлизова (Берлизов, 2008, табл. 8) наглядно демонстрирует, что хронологическим признаком все же является навершие, а не перекрестие. К примеру, если взять группу мечей без перекрестия, то их хронология устанавливается по форме навершия или его отсутствию, а следовательно, именно этот признак имеет хронологическое значение. Представляется, что такие новации вносят лишь путаницу в устоявшуюся классификацию сарматских мечей и кинжалов.

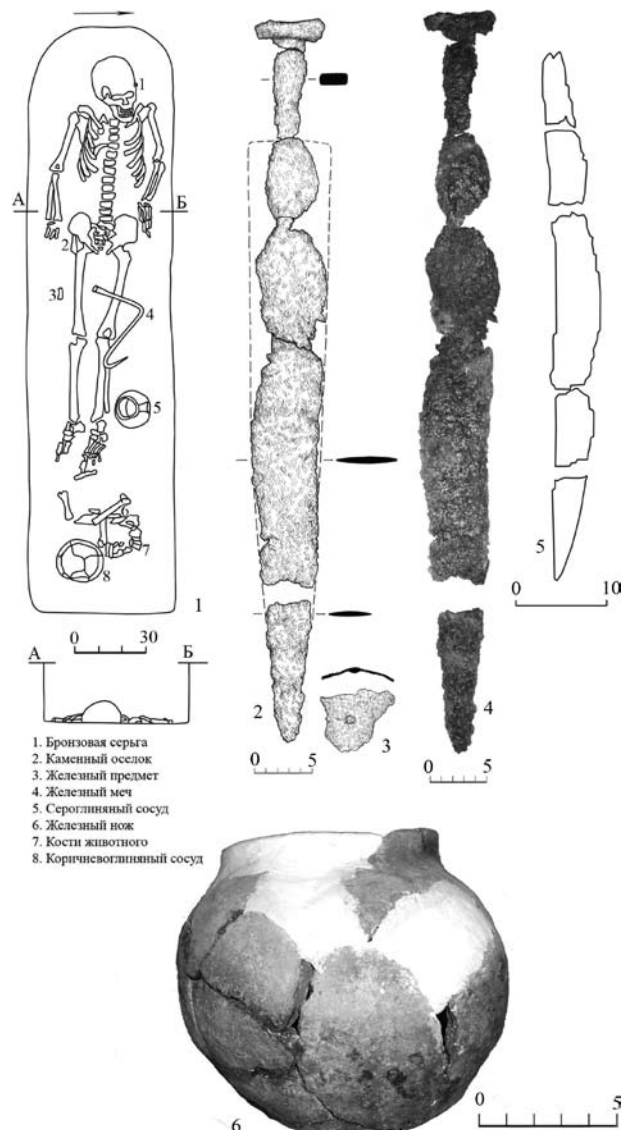

Рис. 1. Погребение 2 из кургана 2 у ст. Новотитаровской, 1980 г.: 1 – план и разрез могильной ямы (по отчету А.А. Нехаева); 2–4 – железный меч и фрагмент бутероли (рисунки и фото наши); 5 – рисунок меча из отчета А.А. Нехаева, использованный Н.Е. Берлизовым в типологической таблице; 6 – лепной горшок (фото наше – Н.Л., И.М.)

Литература

- Алексеева, 1982:* Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 1982. Т. II.
- Берлизов, 2008:* Берлизов Н.Е. Эволюция комплекса вооружения и военной организации кубанских сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2008. Вып. 8.
- Берлизов, 2011:* Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Краснодар, 2011. Ч. I.
- Бочковой и др., 2005:* Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5.
- Клепиков, 2002:* Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.
- Лимберис, Марченко, 2005:* Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5.
- Марченко, 1996:* Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- Мелюкова, 1979:* Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Мошкова, 1974:* Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Нехаев, 1980:* Нехаев А.А. Отчет о раскопках А.А. Нехаева и Кореновском и Динском районах Краснодарского края в 1980 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1, № 9708, 9708 а.
- Скрипкин, 1990:* Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
- Сокольский, 1954:* Сокольский Н.И. Боспорские мечи // МИА. М., 1954. № 33. Ч. II.
- Яблонский, 2010:* Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М., 2010.

О.С. Лихачёва
(г. Барнаул)

ЭЛЕМЕНТЫ СКИФСКОЙ ТРАДИЦИИ В КОМПЛЕКСЕ ВООРУЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ в VI–III вв. до н.э.

Одним из народов, достигших значительных успехов в развитии военного дела к середине I тыс. до н.э., становятся скифские племена, занимавшие степные районы Северного Причерноморья и частично Северный Кавказ. Такие факторы, как: рост мобильности населения за счет становления кочевого скотоводства и освоение верховой езды, активные военные и торговые контакты, расположение владений скифов в так называемом степном коридоре, обеспечили распространение многих элементов их материальной культуры на обширных территориях степной Евразии. Несмотря на значительную отдаленность и наличие развитых местных традиций, не являлись исключением и лесостепные районы Западной Сибири, прилегающие с севера к горной системе Алтая. Во второй половине I тыс. до н.э. эту область занимали племена каменной, быстрианской и староалейской культур. Каменная культура датируется VI–I вв. до н.э., а ее памятники расположены на Приобском плато, Кулундинской равнине, западной части Предалтайской равнины, а также на части Бийско-Чумышской возвышенности. Рамки бытования быстрианской культуры определяются VI–II вв. до н.э. Относящиеся к ней объекты локализуются в северных предгорьях Алтая, располагаясь в бассейнах Нижней Катунь и Нижней Бии, начальном течении Оби и среднем течении Чумыша. Памятники староалейской культуры располагаются в Барнаульском Приобье и датируются в рамках VI–II вв. до н.э. В рамках данной работы нами будут рассмотрены влияние, которое оказала скифская военная традиция на формирование комплекса вооружения племен Лесостепного Алтая, а также пути ее проникновения на данную территорию.

Скифский боевой комплекс включал средства нападения и защиты. Как отмечают исследователи, основным и наиболее распространенным видом оружия для ведения боя на дальней дистанции являлся лук со стрелами (Мелюкова, 1964, с. 14; Савченко, 2004, с. 175). Единичные находки луков, как правило, имеют плохую сохранность, тем не менее, по ним можно судить о сложносоставной конструкции кибити. Более же полное представление дают многочисленные изображения на предметах торевтики, каменных изваяниях и монетах. Данный вид оружия имел небольшие размеры (60–70 см), общая же его форма с надетой тетивой напоминала греческую букву «сигма». Также отличительной осо-

бенностью являлась асимметричность плеч – ниже было короче верхнего (Мелюкова, 1964, с. 14; Савченко, 2004, с. 175–177).

Население Лесостепного Алтая в VI–III вв. до н.э. также применяло луки аналогичного облика. Несмотря на то, что в силу плохой сохранности органических материалов не известно ни одной целой находки, об их идентичности скифским образцам свидетельствует бронзовая модель лука происходящая из памятника конца V–IV вв. до н.э. староалейской культуры Староалейка-2 могила 35. Данное изделие являлось элементом поясной гарнитуры. Оно представляет собой лук с натянутой тетивой, рукоять которого слегка выгнута в сторону стрелка. Изгиб перехода от рукояти к плечу угловатый, плечи почти прямые и отведены назад, небольшие рога резко отогнуты вперед. Пропорции изделия ассиметричны: верхняя часть немного длиннее нижней (Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 9). Очевидно, что данное изделие изображает лук «скифского» типа, который, по всей вероятности, и применялся населением Лесостепного Алтая до II в. до н.э., когда на смену ему пришли сложносоставные луки «хуннского» типа (Лихачева, 2009, с. 141–142).

Наиболее распространенными типами наконечников стрел у скифов были бронзовые втульчатые изделия, с трехлопастным или трехгранным пером, треугольного или килевидного абриса. Они использовались на протяжении VII–III вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, табл. 6–9). Железные наконечники зачастую просто копировали бронзовые экземпляры, но были и специфические образцы – с двухлопастным сечением и треугольным абрисом (Савченко, 2004, рис. 16–17). Наконечники данного типа используются в V–IV вв. до н.э. (Савченко, 2004, с. 207).

Влияние скифской военной традиции на формирование этого вида оружия у племен Лесостепного Алтая сказалось на появлении таких признаков, как: трехлопастное перо у бронзовых изделий и двухлопастное сечение у железных. Есть и ряд полностью идентичных экземпляров. Бронзовые наконечники с выступающей втулкой и трехлопастным сечением листовидного абриса встречаются в скифских колчаных наборах VII–VI вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, табл. 6). Подобные же изделия происходят из материалов VI–V вв. до н.э. каменной культуры (Иванов, 1987, с. 10, рис. 7). Наконечники аналогичного способа насада и сечения, но с треугольным

абрисом пера, применялись населением Северного Причерноморья в VII–V вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, табл. 6–7). Идентичные образцы известны по колчаным наборам VI–IV вв. до н.э. староалейской культуры и V–IV вв. до н.э. каменской (Иванов, 1993, с. 98, рис. 1; Фролов, 1996, с. 143, рис. 1). Широко встречаются в скифских памятниках VII–III вв. до н.э. изделия со скрытой втулкой трехлопастного сечения с треугольным абрисом пера (Мелюкова, 1964, табл. 6–9). На территории Лесостепного Алтая они фиксируются в комплексах каменской культуры VI–III вв. до н.э. Железные черешковые изделия двухлопастного сечения и треугольного абриса были весьма популярными у скифов в V–IV вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, табл. 8–9; Савченко, 2004, рис. 16–18). Единственный экземпляр такого типа из Лесостепного Алтая известен по материалам IV в. до н.э. каменской культуры (Шульга, 2003, рис. 48).

Не менее распространенным видом оружия среднего боя у скифов были копья. Их наконечники изготавливались из железа и имели втульчатый способ насада. Выделяется два наиболее распространенных абриса пера: «лавролистный» и «остролистный». Первый является более ранним и датируется в рамках VII–V вв. до н.э., второй же появляется только в V в. до н.э. и применяется до III в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 36–42).

На сегодняшний день с территории Лесостепного Алтая происходит только два железных наконечника копья, причем у обоих изделий перья сохранились частично. На наш взгляд, к скифской военной традиции восходит экземпляр из памятника каменской культуры IV–III вв. до н.э. Новотроицкий-2 (к. 2, м. 8) (Шульга и др., 2009, рис. 51). На это указывает фрагмент пера, имеющий ромбовидное сечение и покатые плечики. Подобные особенности часто встречаются у наконечников копий из Северного Причерноморья (Мелюкова, 1964, табл. 14; Савченко, 2004, рис. 4–5). Находит аналогии среди скифских образцов и строение несущей части рассматриваемого экземпляра – это стержневидная шейка, идущая от втулки к перу. Подобная особенность также известна у изделий, происходящих со Среднего Дона (Савченко, 2004, рис. 5).

Говоря в целом об оружии дальнего и среднего боя, можно отметить некоторые различия в его видовом составе. Так, в материалах из Лесостепного Алтая нет широко известных скифам дротиков. Несомненно, что наибольшее влияние скифские военные традиции оказали на лук, который, по всей вероятности, был полностью идентичен их образцам (табл. 1. – 17–19). Что касается наконечников стрел, то заимствование у западных изделий такого признака, как трехлопастное тело пера, являлось значительным шагом в совершенствовании данного вида оружия (табл. 1. – 1–10, 12–14). Подобная конструкция обеспечивала стреле устойчивость в полете, дальноточность и прицельную точность (Ведерников и др., 1995, с. 64). Но в то же время ко-

личество типов наконечников стрел, происхождение которых можно связать со скифской военной традицией, невелико – всего четыре (табл. 1. – 11–14). Встречаются они преимущественно в материалах каменской культуры. Копья же пока представлены единичным экземпляром, также относящимся к этой культуре (табл. 1. – 16).

Оружие ближнего боя, применявшееся скифами, включало клинковое и древковое. Первое было представлено мечами и кинжалами, второе топорами и чеканами. Для скифского клинкового оружия характерно формирование достаточно устойчивых признаков в оформлении рукояти, в связи с чем мечи и кинжалы отличаются только размерами. К наиболее характерным формам деталей у данных видов оружия относятся: брусковидные, волютообразные и «трактованные в зверином стиле» волютообразные навершия, почковидные, бабочковидные или сердцевидные перекрестия (Мелюкова, 1964, табл. 15–20).

Распространение железных мечей на территории Лесостепного Алтая связано именно со скифской традицией. Среди ранних образцов встречаются как достаточно полно совпадающие по набору признаков, так и несущие лишь отдельные черты изделия. К первым относится меч с брусковидным навершием и почковидным перекрестием из памятника каменской культуры VI–V вв. до н.э. Новообинский курган (Иванов, Медникова, 1982, рис. 1). Подобные изделия широко известны в комплексах VII–VI вв. до н.э. в Северном Причерноморье (Мелюкова, 1964, с. 47–49, табл. 15). Из ареала каменской культуры происходит случайная находка меча с почковидным перекрестием и волютообразным навершием, выполненным в виде голов грифонов. Как отмечает Мелюкова (1964, с. 55–60), такой тип наверший очень широко известен по скифскому клинковому оружию. Датируются такие изделия достаточно широко – VI–IV вв. до н.э. У двух изделий, одно из которых происходит из памятника VI–V вв. до н.э. каменской культуры Гилево-Х, а другое является случайной находкой из ареала этой же культуры, встречается сердцевидное перекрестие (Могильников, 1990, рис. 1; Кирюшин и др., 1995, рис. 1). Оно, в свою очередь, известно у скифских образцов VI–V вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 47–49, табл. 16).

Среди кинжалов наиболее близки материалам Северного Причерноморья два изделия, обнаруженные у с. Кочки и с. Рогозиха. Первое имеет брусковидное навершие и сердцевидное перекрестие, второе – волютообразное навершие, выполненное в виде голов грифонов (Могильников, 1997, рис. 36; Чекрыжова, Шамшин, 2001, рис. 1). Оба кинжала происходят из ареала каменской культуры. Достаточно часто такие признаки, как: бабочковидное перекрестие, брусковидное и волютообразное навершие в виде голов грифонов, встречаются у бронзовых кинжалов, применявшихся носителями староалейской культуры

(Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 9, 15). Отдельно стоит отметить железный кинжал из могильника конца VII–VI вв. до н.э. этой же культуры МГК-I могила 15 (Кунгуров, 1999, рис. 1). По чисто формальному набору признаков он идентичен скифским изделиям VII–VI вв. до н.э. с брусковидным навершием и почковидным перекрестием (Мелюкова, 1964, с. 47–49, табл. 15). В то же время оно является весьма оригинальным: навершие изготовлено из бронзы, а перекрестие повернуто дугообразной стороной не к рукояти, как это наблюдается у классических образцов, а к клинку. На наш взгляд, это весьма яркий пример того, каким образом привнесенные извне традиции перерабатывались местным населением. Об этом же свидетельствует сочетание у мечей таких признаков, как: сердцевидное перекрестие и дуговидное навершие, почковидное перекрестие и волютообразное навершие в виде голов грифонов.

Несмотря на то, что родиной такого вида оружия как чеканы является Центральная Азия и Китай, первые железные образцы фиксируются в скифских материалах уже в VIII в. до н.э. и используются до III в. до н.э. (Мелюкова, 1964, табл. 21; Горелик, 2003, с. 47, табл. XXVIII). Известные на сегодняшний день скифские изделия имеют проушной или втульчатый способ насада, а к одной из характерных особенностей можно отнести наклонные обух и боек (Мелюкова, 1964, табл. 21).

Населением Лесостепного Алтая чеканы начинают применяться еще с переходного времени от бронзового к раннему железному веку. Изготавливаются они в этот период из бронзы. Хотя первые железные чеканы появляются еще в VI в. до н.э., широко они начинают применяться только с IV в. до н.э. (Уманский и др., 2005, рис. 28; Шульга и др., 2009, рис. 21, 77, 87, 93). Большая их часть имеет втульчатый способ насада, у некоторых экземпляров присутствуют также наклонные обух и боек. На наш взгляд, это позволяет связать их появление на рассматриваемой территории именно с влиянием скифской военной традиции. Наиболее близки образцам из Северного Причерноморья чеканы из памятников каменной культуры конца IV–III вв. до н.э. Новотроицкий-1 курган № 2, могила – 1 и IV–II вв. до н.э. Камень-II курган № 15, могила – 5 (Могильников, Куйбышев, 1982, рис. 5; Неверов, Лихачева, 2013, рис. 1).

Суммируя сравнительные данные по оружию ближнего боя, можно сказать, что наиболее значимо влияние скифской военной традиции проявилось в распространении на территории Лесостепного Алтая длинных всаднических железных мечей (табл. 2. 6–8). К качественным изменениям можно отнести то, что для изготовления чеканов начинает применяться железо (табл. 3. – 13–14). У клинкового оружия прослеживается заимствование формы отдельных деталей – перекрестий (почковидное, сердцевидное) и наверший (волютообразное в виде

голов грифонов, брусковидное) (табл. 2. – 1–11). У древкового – конструктивных особенностей: несущей части (втулка) и ударной (наклонные обух и боек) (табл. 2. – 1–2; 13–14).

Защитное вооружение скифов было достаточно разнообразно. Оно представлено панцирями, шлемами, поясами, поножами и щитами (Мелюкова, 1964, с. 69–85; Черненко, 1968). Скифские панцири по структуре бронирования были в основной своей массе чешуйчатыми, когда на мягкую основу нашивались пластинки из твердого материала, отверстия которых располагались в верхней их части. Крепление происходило таким образом, что нижняя часть пластин верхнего ряда перекрывала верхнюю часть пластин нижнего ряда (Горелик, 2003, с. 89, 94–98). Для изготовления пластин преимущественно использовалось железо, но известны также изделия из бронзы и кости (Черненко, 1968, с. 22; Горелик, 2003, с. 95). Абрис их мог быть овально-прямоугольным, прямоугольным и, реже, пятиугольным. По системе крепежных отверстий выделяются экземпляры с верхними и боковыми отверстиями. Количество их могло варьироваться, но наиболее распространенными были изделия с двумя-тремя верхними отверстиями (Черненко, 1968, рис. 8).

Большая часть панцирных пластин из Лесостепного Алтая изготовлена из кости или рога и является ламелярной по структуре бронирования. Тем не менее, на настоящий момент известно также три пластины, происхождение которых можно связать со скифской военной традицией, что проявилось в способе бронирования, их абрисе и системе крепежных отверстий. Они происходят из материалов каменной (1 экз.) и быстрианской культур (2 экз.) и датируются в рамках V–III вв. до н.э. (Горбунов, 1999, с. 54). Наиболее близки скифским образцам панцирные пластины из памятников Турина Гора-I (каменная культура) и Енисейское-IV, курган 4 (быстрианская культура). Оба изделия чешуйчатого способа бронирования, овально-прямоугольного абриса. Первая имеет шесть отверстий: верхних пять в ряд, нижних одно – по центру, вторая три в ряд по верхнему краю. Они находят значительное количество аналогий не только среди многочисленных железных изделий, но и также среди более редких костяных (Горелик, 2003, табл. LI). Более редким образцом является изделие из памятника быстрианской культуры III–II вв. до н.э. Бийск-I, которое имеет трапецевидный абрис и три отверстия по верхнему краю (Абдулганеев, Кунгуров, 1996, рис. 4). Полностью идентичных пластин из скифских материалов не известно, наиболее близок по абрису экземпляр из кургана конца V – начала IV в. до н.э. у пос. Шолоховский (Горелик, 2003, табл. LIII).

В VII–VI вв. до н.э. населением Северного Причерноморья применялись шлемы так назы-

ваемого «кубанского типа» (Мелюкова, 1964, с. 76; Горелик, 2003, с. 144–145). Они изготавливались из бронзы и имели купол полусферической формы. В лобной части располагались дугообразные вырезы, образующие треугольный выступ на переносе, от которого до теменной или затылочной части проходит незначительно выступающий продольный «валик» или «гребень». На макушке часто имеется петля, а вдоль нижних краев тульи пробит ряд сквозных отверстий (Мелюкова, 1964, табл. 23; Черненко, 1968, рис. 41–44).

На сегодняшний день самой восточной находкой шлема «кубанского» типа является изделие с горы Хитруун в Центральной Монголии (Худяков, Очир, 2011, с. 117, рис. 33). С рассматриваемой нами территории также происходит одно изделие, однако точное место её находки не известно. Существуют разные точки зрения на его происхождение. В наиболее ранней публикации указывается, что шлем был обнаружен на Иртыше (Ядринцев, 1883, с. 205; 1986, табл. III). Этой же точки зрения придерживается Л.К. Галанина (1985, с. 180, рис. 1). М.П. Грязнов (1947, рис. 5) определяет место находки «горными районами Алтая», а М.В. Горелик (2003, табл. LXII) и Ю.С. Худяков и Н. Эрдэнэ-Очир (2011, рис. 33) – верховьями Иртыша.

Обратимся еще раз к статье Н.М. Ядринцева. Автор подробно описывает маршрут по Алтаю, указывая все осмотренные реки, среди которых не упоминается Черный Иртыш. Нет этого изделия и среди перечисления находок из Горного Алтая (Ядринцев, 1883, с. 181–181, 205). Соответственно, версии о том, что данное изделие происходит из «горных областей Алтая» или из Верховий Иртыша, кажутся нам маловероятными. Скорее всего, он был найден в начале путешествия, когда Н.М. Ядринцев двигался от Омска в сторону Барнаула, поскольку в более поздней публикации находка дается с подписью «шлем с Иртыша» (Ядринцев, 1886, табл. III). В пользу этого говорит также уточнение Л.К. Галаниной, которая подчеркивает, что шлем происходит из Западной Сибири, с Иртыша (1985, с. 180). В этом плане не исключено, что данное изделие могло быть связано с ареалом каменной культуры.

В целом, защитное вооружение племен Лесостепного Алтая, несомненно, испытало на себе влияние скифской традиции. С ней связано появление здесь бронзовых шлемов «кубанского» типа, нехарактерной для азиатского региона чешуйчатой структуры бронирования панцирей и, соответственно, особого типа панцирных пластин – с верхними крепежными отверстиями овально-прямоугольного или трапециевидного абриса (табл. 3. – 15–18). Встречаются эти изделия в материалах каменной (шлем, панцирная пластина) и быстрянкой (панцирные пластины) культур.

Немаловажным вопросом являются пути проникновения скифских традиций и образцов на рассматриваемую территорию. Между Лесостепным

Алтаем и Северным Причерноморьем тоже известны находки скифского вооружения. Целый ряд изделий происходит из савроматских и сакских памятников, кроме того одно изделие известно по комплексу гороховской культуры лесостепного Зауралья (Смирнов, 1960, рис. 2–3, 13–16; Итина, 1992, табл. 4; Генинг, 1993, рис. 13; Горелик, 2003, табл. LXII; Таиров, 2007, рис. 5; Яблонский, 2010, с. 215). По всей вероятности, первоначально скифские традиции заимствовались савроматами Поволжья и Южного Приуралья. От них, в свою очередь, они могли попадать в Среднюю Азию к сакам и к племенам, населявшим Западную Сибирь, а уже из этих областей на рассматриваемую территорию.

Анализ вооружения, применявшегося населением Лесостепного Алтая в VI–III вв. до н.э., позволил выделить в нем те элементы, которые появились под влиянием скифских образцов. В доспехе это проявилось в распространении бронзовых шлемов «кубанского» типа, по всей вероятности, являвшихся первыми средствами защиты головы из твердого материала на данной территории, а также чешуйчатого способа бронирования панцирей. Весьма значимым стало, на наш взгляд, появление достаточно мощных и адаптированных для использования на лошади сложносоставных луков «скифского» типа и длинных железных мечей, также предназначенных для применения конными воинами. Два последних новшества, несомненно, оказали определенное влияние на тактические приемы, расширив возможности всадников и тем самым увеличив их роль. Наблюдаются отдельные черты в конструкции некоторых видов вооружения: трехлопастное перо у бронзовых наконечников стрел, двухлопастное перо у железных, втулка и наклонные обух и боек у железных чеканов. У клинкового оружия – в форме его деталей: почковидное и сердцевидное перекрестие, брусковидное или волютообразное навершие.

Наибольшее количество изделий, которые восходят к скифским военным традициям, происходит из материалов каменной культуры. Это бронзовый шлем, роговая панцирная пластина овально-прямоугольного абриса, бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники листовидного или треугольного абриса, железные черешковые двухлопастные наконечники, железное втульчатое копьё, почковидное или сердцевидное перекрестие и волютообразное или брусковидное навершие, выполненное в зверином стиле, у мечей; железные чеканы втульчатого способа насады с наклонными обухом и бойком. В вооружении быстрянкой культуры известны лишь панцирные пластины, а в староалейской – бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел, кинжалы с почковидным и бабочковидным перекрестием, брусковидным и волютообразным навершием, выполненным в виде голов грифонов. По всей вероятности, носителями данных культур использовался и сложносоставный

ставной лук «скифского» типа, на что указывает как его модель из памятника староалейской культуры, так и применявшиеся в этот период наконечники стрел.

Непосредственно на территорию Лесостепного Алтая скифские образцы проникали из Средней

Азии и более северных областей Западной Сибири. Этим объясняется значительное количество предметов, восходящих к северопричерноморским традициям, в материалах каменной культуры, поскольку ее территория соприкасалась с обеими этими областями.

Литература

- Абдулганеев, Кунгуров, 1996: Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 143–155.
- Ведерников и др., 1995: Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск, 1995. 236 с.
- Горелик, 2003: Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб.: «Атлант», 2003. 336 с.
- Древности, 1883: Древности: Труды Императорского археологического общества. М., 1883. Т. IX. Вып. II–III.
- Древности, 1886: Древности: Труды Императорского археологического общества. М., 1886. Т. XI. Вып. II.
- Генинг, 1993: Генинг В.Ф. Большие курганы лесостепного Притоболья // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. С. 72–101.
- Иванов, 1987: Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 6–27.
- Иванов, 1993: Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в степном Алтае // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. С. 95–106.
- Иванов, Медникова, 1982: Иванов Г.Е., Медникова Э.М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 89–95.
- Ильинская и др., 1980: Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусово // Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980. С. 31–63.
- Итина, 1992: Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Археология СССР. – Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 31–47.
- Кирюшин и др., 1995: Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев В.П. Мечи из собрания Шипуновского музея // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 99–103.
- Кунгуров, 1999: Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 92–98.
- Лихачева, 2012: Лихачева О.С. Оружие дальнего боя населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 141–145.
- Мелюкова, 1964: Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М.: Наука, 1964. 64 с.
- Могильников, 1997: Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.
- Могильников, Куйбышев, 1982: Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. 1982. № 2. С. 113–134.
- Неверов, Лихачева, 2013: Неверов С.В., Лихачева О.С. Оружие из могильника Новотроицкое-I (материалы раскопок 1977 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: АЗБУКА, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 215–219.
- Савченко, 2004: Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М.: Институт археологии РАН, 2004. С. 151–277.
- Смирнов, 1961: Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1961. № 101. 168 с.
- Таиров, 2007: Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с.
- Уманский и др., 2005: Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.
- Фролов, 1996: Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково I (по материалам М.Д. Копытова и С.М. Сергеева 1925, 1928 гг.) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 135–143.
- Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011: Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н.э.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 172 с.
- Чекрыжова, Шамшин, 2001: Чекрыжова О.И., Шамшин А.Б. Случайная находка зооморфного кинжала из Рогозихи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 172–176.
- Черненко, 1968: Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев: Наукова думка, 1968. 192 с.
- Шульга и др., 2009: Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.
- Яблонский, 2010: Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М.: ТАУС, 2010. 384 с.

Сравнительная таблица оружия дальнего и среднего боя, применявшегося скифами и племенами Лесостепного Алтая

Века до н.э.	Северное Причерноморье	Лесостепной Алтай
III		
IV		
V		
VI		
VII		

Примечание: 1 – Огуз; 2 – Башмачки; 3 – Мастюгино; 4, 9 – Аксютинцы; 5–6 – Русская Тростянка; 7 – Журовка; 8 – Макеевка; 10 – Терновое; 11 – Локоть-4а; 12 – Клепиково; 13 – с. Новосклюиха; 14 – Займище; 15 – с. Черная Курья; 16 – Новотроицкий-2; 17 – Ольвия; 18 – Бельское городище; 19 – Староалейка-2 (по: Мелюкова, 1964, с. 1–9; Горелик, 2003, с. 17–19; Савченко, 2004, с. 10).

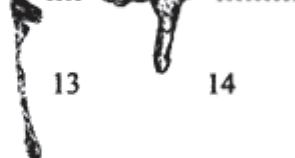
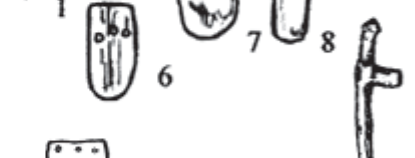

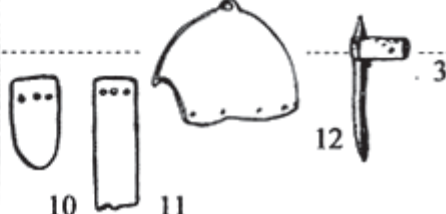

Таблица 2

Сравнительная таблица клинкового оружия, применявшегося скифами и племенами Лесостепного Алтая

Дата, вв. до н.э.	Северное Причерноморье	Лесостепной Алтай
IV		
V		
VI		
VII		

Примечание: 1 – Райгород; 2 – Гришенцы; 3 – Кармир-Блур; 4 – Старшая могила; 5 – с. Грушевка; 6 – Новообинский курган; 7 – с. Горьковское; 8 – Гилево-Х; 9-10 – Староалейка-2; 11 – МГК-I (по: Мелюкова, 1964, с. 1-2, 5; Горелик, 2003, с. 3-4).

Сравнительная таблица чеканов и защитного вооружения, применявшегося скифами и племенами Лесостепного Алтая

Дата, вв. до н.э.	Северное Причерноморье, Средний Дон	Лесостепной Алтай
III		
IV		
V		
VI		
VII		

Примечание: 1 – Волковцы; 2 – Шпола; 3 – г. Пятигорск; 4 – Дуровка; 5 – Семибратний курган; 6 – Лозовая; 7–8 – Бутова Долина; 9 – Славянка; 10–11 – Красное знамя; 12 – Келермеская; 13–14 – Новотройкинский-1, 2; 15 – Бийск-I; 16 – Енисейское-IV; 17 – Турина гора-I; 18 – Прииртышье (по: Мелюкова, 1964, с. 1–3; Галанина, 1985, с. 12, 18; Абдулганеев, Кунгуров, 1996, с. 15–16; Горелик, 2003, с. 4–11).

С.И. Лукьяшко
(г. Ростов-на-Дону)

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НИЖНЕГО ДОНА

Скифские мечи акинаки представляют один из самых интересных объектов исследовательских устремлений археологов и историков оружия. За время наблюдений сформировалось целое исследовательское направление с представительной историографией темы, недавно подробно рассмотренной Б.А. Литвинским (Литвинский, 2001, с. 48–60). Б.А. Литвинский обратил внимание на то, что, по мнению Э. Миннза, бронзовые сибирские кинжалы и более западные железные скифские связаны «эволюционным прогрессом» (Minns, 1913, s. 70). По мнению исследователя, истоки многих типов изделий следует связывать с Сибирью. М.И. Ростовцев считал, что форма скифского акинака происходит из иранского Востока (Ростовцев, 1918, с. 55). Позже В. Гинтерс отметил, что акинаки появляются на Юге России в VI в. до н.э. в уже сложившейся форме, а вопрос о прототипе, от которого они происходят, остался открытым за отсутствием убедительных аналогов из материалов Южной России (Ginters, 1928, s. 88). В Передней Азии акинак признается частью мидийско-персидского вооружения и носился в ножах, снабженных орнаментированной бутеролью.

По мнению А.И. Мелюковой: «...хотя по происхождению он (акинак) связан, возможно, с какими-то переднеазиатскими прототипами, только у ираноязычных кочевников евразийских степей акинак получил свое окончательное оформление» (Мелюкова, 1979, с. 197). Она же отмечала, что скифские кинжалы типа 2 первого отдела с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием «... по своей форме ближе всего к персидским акинакам, известным нам по изображениям на иранских рельефах». Точка зрения о передневосточном происхождении акинака разделялась М.И. Артамоновым (Артамонов, 1974, с. 39–40).

Е.В. Черненко обратил внимание на некоторые отличия скифских акинаков от изображений мидийских акинаков на персепольских рельефах и считал, что «отсутствуют достаточные основания» для вывода о привнесении в Скифию формы ножен вместе с акинаком из Иранского Востока. Близкую точку зрения высказал А.И. Тереножкин: «...Нет необходимости искать родину скифского акинака ни в Европейской части СССР, ни на Кавказе, ни в Передней Азии. Она, скорее всего, находилась где-то в Сибири и в Центральной Азии» (Тереножкин, 1975, с. 30). Эту же мысль он повторяет позднее (Тереножкин, 1976, с. 131–132).

Позже А.И. Тереножкин выскажет еще более категорично: «...Что касается акинаков, то данные, позволяющие связать их происхождение с Кавказом или со странами Передней Азии, отсутствуют. В период бронзы и начала железного века здесь господствуют свои совершенно особые типы мечей и кинжалов, не имеющие ничего общего с формами скифских акинаков. Прототипов для них нет и в памятниках предскифского типа в Причерноморье. Мы считаем, что форма скифских мечей складывалась на востоке Евразии, в основу которых легли кинжалы карасукского типа» (Тереножкин, Ильинская, 1983, с. 32). С этим заключением согласился и В.Ю. Мурзин (Мурзин, 1984, с. 76–77; Мурзин, 1990, с. 15–27). Следует отметить, что Н.Л. Членова опровергла хронологическую схему скифо-тагарских древностей, отметив, что соответствующие тагарские типы являются более поздними, чем скифские (Членова, 1997, с. 14–25). Гипотеза о сибиро-карасукском происхождении акинака вызвала серьезные возражения и на уровне типологических соображений, показавших типологическую связь скифского акинака с предскифским биметаллическим оружием, что подтверждается и наблюдениями технологического порядка (Лесков, 1979; Черненко, 1979; Шрамко, 1984, с. 22–23; Погребова, Раевский, 1992, с. 65–66). По наблюдениям Б.А. Литвинского, железным кинжалам в Иране, Месопотамии и прилегающих областях предшествовали биметаллические. И хотя находки кинжалов не многочисленны, можно утверждать, что они не могли быть прототипами персидских и мидийских акинаков. По мнению специалиста по переднеазиатской археологии П.Р.С. Мури, «...истоки акинака, характерных для него ножен и бутероли, лежат вне (региона) Ближнего Востока» (Moorey, 1980, p. 56).

В целом разделяя это мнение, Б.А. Литвинский дополняет его следующим заключением: «Можно, на наш взгляд, считать, что было несколько областей, где в обстановке тесных связей и взаимодействия происходило параллельное формирование типологически близких, а порой и идентичных типов этого оружия» (Литвинский, 2001, с. 53).

Приемы систематизации этой категории материальных памятников были подготовлены и успешно апробированы поколениями предшествующих исследователей. В монографическом исследовании К.Ф. Смирнова была отмечена типологическая близость скифских и савроматских мечей и кин-

жалов, что позволило исследователю положить в основу своей классификации признаки, выделенные А.И. Мелюковой для классификации скифских мечей (Смирнов, 1961, с. 9). Мечи и кинжалы делятся по форме навершия на 2 отдела: 1) с прямым брусковидным и 2) с антенным простым или сложным – зооморфным навершием. Зооморфные навершия составляют подотдел 2-го отдела. По форме перекрестия каждый отдел делится на типы с почковидным, бабочковидным, ложнотреугольным перекрестьями (Мелюкова, 1964, с. 47). Ко времени написания монографии «Вооружение савроматов» К.Ф. Смирнов пользовался типологией скифского вооружения, предложенной в кандидатской диссертации А.И. Мелюковой, где 3-й тип назывался мечами с сердцевидным перекрестием (Мелюкова, 1950). Сам термин – «сердцевидное перекрестие» – известен ещё в дневниковых записях П.С. Рыкова и применен к мечу, обнаруженному в кургане 4 группы у с. Луговое. Полностью меч не сохранился, а по сохранившемуся обломку клинка судить о содержании понятия не приходится. Повторение определения встречается в работе П.Д. Рау, но объект, к которому он применен, также не сохранился и содержание понятия остается не выясненным. Позже А.И. Мелюкова отказалась от этого термина и использовала определение «ложнотреугольное перекрестие». И хотя, на наш взгляд, типологически определеннее выглядит последнее определение, предложенное А.И. Мелюковой, в археологическом обиходе оно не прижилось, чаще используется понятие «сердцевидное перекрестие», закрепленное авторитетом К.Ф. Смирнова. Судя по тем предметам, с которыми К.Ф. Смирнов соотносил это определение, под сердцевидным перекрестием он понимал перекрестие, близкое к бабочковидному, имеющее острый угол в верхней части, округлые крылья и подтреугольную выемку в нижней части перекрестия.

Е.В. Черненко в 1980 г. обратил внимание на неопределенность терминологии, используемой для описания скифских мечей (Черненко, 1980, с. 10–11). Вывод исследователя: «...Возможно, стоит отказаться от таких энтомолого-анатомических названий и принять описательные определения, состоящие из нескольких слов». Соглашаясь с замечанием о неопределенности терминологии в скифологии в этой части, не можем согласиться с отказом от устоявшейся терминологии. В сложившейся ситуации правильнее будет четко обозначить – определить понятие, а не усложнять науку описательными сложносоставными терминами. Важно подчеркнуть, что термин обозначает в данном случае определенный тип предмета, имеющий свою хронологическую и типологическую определенность. Сбои в этой работе встречаются даже у известных высокопрофессиональных исследователей. Так, в совместной работе В.А. Ильинской, Б.Н. Мозолевого, А.И. Тереножкина кинжал из Репяховатой Могилы определен как кинжал

с брусковидным навершием и сердцевидным перекрестием (Ильинская и др., 1980, с. 41). Но на опубликованном рисунке и фотографии форма перекрестия близка к почковидной, а не сердцевидной форме. Это явление в скифологии было отмечено А.Ю. Алексеевым (Алексеев, 1991, с. 272–273), предложившим свое понимание терминов (Алексеев, 1991, с. 273). В.А. Ильинская, употребляя термин сердцевидное перекрестие, соотносила его с образцами, имеющими почти прямые линии верхних граней, оканчивающихся плавным изгибом с неглубокой выемкой в нижней части (Ильинская, 1968, с. 88, табл. 1, 6). В.П. Шилов, описывая меч из 8-го Пятибратнего кургана, называет его мечом с овально-брусковидным навершием и треугольно-сердцевидным перекрестием (Шилов, 1961, с. 158–159). Проследившая логическую связь в формировании понятийного аппарата науки, можно согласиться с заменой понятия «сердцевидное или треугольное перекрестие» на синкретичный термин «треугольно-сердцевидное перекрестие».

Для удобства сравнительного анализа в этой работе мы сохраняем нумерацию типов и отделов, внеся оговоренные коррективы в терминологию.

Наверное, можно бесконечно совершенствовать терминологию, но, на наш взгляд, гораздо важнее остановиться на определенных характеристиках и принять их за основу определения объема понятия. Поэтому мы останавливаемся на сделанных уже А.Ю. Алексеевым определениях: «...Сторона, обращенная к клинку, у всех перекрестий в основном одинакова: две сомкнутые дуговидные выпуклости с угловой выемкой посередине между ними, в которую входит осевая линия клинка. Различаются перекрестия по стороне, обращенной к рукояти».

Сердцевидным перекрестием называется такое, у которого сторона, обращенная к рукояти, выступает углом с дуговидными образующими (выпуклыми или вогнутыми), плавно переходящими в полукружия противоположной стороны.

Почковидное перекрестие – это такое, у которого сторона, обращенная к рукояти, не угловатая, а округлая.

Восьмеркообразное перекрестие (рассматривается здесь как разновидность почковидного) – такое, у которого со стороны рукояти такая же угловая выемка, как со стороны клинка.

Полупочковидное – такое, у которого сторона, обращенная к рукояти, образована прямой линией.

Псевдосердцевидное – у которого сторона, обращенная к рукояти, выступает углом, образованным двумя прямыми, а переход их к полукружиям противоположной стороны не плавный, а резкий (переломом).

Бабочковидное – у которого сторона, обращенная к рукояти, выступает углом с вогнутыми (втянутыми) образующими, а переход их к полукружиям противоположной стороны резкий» (Алексеев, 1991, с. 273).

1-й отдел. Мечи и кинжалы с брусковидным навершием

Тип 1. Мечи и кинжалы с брусковидным навершием и почковидным перекрестием

На Дону известен единственный экземпляр оружия этого типа, который следует относить к кинжалам, он обнаружен в погребении 25 кургана 1 у хут. Хапры на правом берегу Дона. В погребении находилась амфора, датирующая комплекс концом VII – первой половиной VI в. до н.э. Меч короткий, с равномерно суживающимся клинком, сечение клинка линзовидное, рукоять уплощенная, с округленными боками. Навершие – тонкая полоса металла, которую с оговорками можно отнести к брусковидному прототипу, насажено на штырь рукояти. Подобные тонкие навершия известны среди скифских акинаков (Мелюкова, 1964, с. 47). Перекрестие почковидное, обращенное округлой стороной к рукояти, выемкой к клинку, изготовлено отдельно от клинка из одной полосы металла, согнуто по боковой грани и приварено методом кузнечной сварки к рукояти и клинку.

Хронология этого типа клинкового оружия подробно рассмотрена А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 47–49) и, по мнению исследователя, не выходит за пределы VI в. до н.э. Нижнедонской экземпляр, надежно датированный амфорой, относится к ранним образцам этого типа. Отметим, что в Елизаветовском могильнике, не выходящем за пределы V–IV вв. до н.э., мечей этого типа не встречено. Вероятно, мечи 1-го типа были распространены до времени основания городища и сопровождающего его могильника, в VI в. до н.э., что вполне соответствует выводам А.И. Мелюковой относительно хронологии типа в Причерноморье. Для Нижнего Дона дата этого типа клинкового оружия ограничивается пока концом VII – первой половиной VI в. до н.э.

Тип 2. Мечи с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием

К бабочковидным перекрестиям мы будем относить те виды перекрестий, которые имеют выраженную форму равнобедренного треугольника с прямыми, или слабоогнутыми сторонами и выраженной глубокой подтреугольной выемкой основания. Боковые грани выемки вогнутые, что придает округлые очертания внутренней части схемы крыла. Углы у основания треугольника сильно скругленные. Этот архетип берется нами за основу определения перекрестия, при этом в значительном многообразии конкретных предметов вариации типа могут быть самыми различными. Так, например, встречаются вогнутые боковые стороны треугольника, уменьшающиеся за счет изгиба углы основания, и перекрестие приобретает остроугольные очертания. Или наоборот – выпуклые стороны и округлые углы. Кроме того, мечи и кинжалы этого

типа встречаются как железные, так и биметаллические, что позволяет разделить их и по этому признаку на подтипы.

Подтип 2 А. Биметаллические мечи. Древнейший экземпляр этой категории вооружения появляется на Дону во второй половине VII в. до н.э. и представлен биметаллическим кинжалом, случайно обнаруженным в реке Дон у г. Богучары. Сохранилась лишь часть рукояти с перекрестием. Навершие предмета не сохранилось. Но, судя по аналогиям, брусковидное навершие наиболее вероятно для этого экземпляра. Бронзовая рамочная рукоять литая. Лезвие и черенок насада меча кованые. Плотность посадки бронзовой рукояти, тонкие бронзовые валики, обтекающие черенок насада, позволяют предполагать литые рукояти со вставленным в форму черенком. Известны близкие экземпляры: рукоять биметаллического кинжала, найденного на бутре Стеньки Разина у с. Лапоть близ Камышина. Бабочковидное перекрестие этого предмета уже донского экземпляра и лишено продольного валика, но типологическая и технологическая близость рукоятей не вызывает сомнения. К.Ф. Смирнов датировал предмет временем не позже второй половины VII в. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 11, рис. 1, 4; Шкурко, 1962, с. 100). Близок нашему акинаку биметаллический акинак из погребения 85 Тлийского могильника. Он сопровождался дуговидной фибулой и бронзовым топором с меандровым орнаментом.

Ещё один биметаллический кинжал обнаружен в кургане у ст. Губской. Отличается он узкими лопастями перекрестия (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 47). Биметаллический кинжал известен из кургана у хут. Степного у г. Гудермес. Но это весьма отдаленная аналогия нашему образцу.

Очень близкая по форме рукоять обнаружена в Северной Осетии у с. Кумбулты в кобанском погребении. Рукоять венчает грибовидное навершие с отверстием для штыря, в верхней части бронзовой оправы рукояти имеется перемычка. Боковые стороны перекрестия выпуклые, вырез в основании глубокий. На самом перекрестии отсутствует продольный валик.

Наличие боковых валиков у рукоятей этой технологической схемы вполне объяснимо. Они плотно облегли стержень насада и за счет горячей посадки плотно держались на черенке. Клинок этой же технологической схемы, но с почковидным перекрестием, был обнаружен близ Киева (Мелюкова, 1964, с. 47) и по сопровождающему погребению чернолаковому килику датирован временем не ранее середины VI в. до н.э.

Необходимо отметить, что биметаллические кинжалы получили широкое распространение в тагарской культуре в конце скифского времени (Членова, 1967, с. 22–30; Дэвлет, 1968, с. 28–37).

Заметим, что центром распространения биметаллических кинжалов этого типа является Северный Кавказ. Здесь в погребениях кобанской

культуры было обнаружено большее их количество. Считается, что этот тип вооружения возник в кобанской культуре под скифским влиянием. Странно только то, что в собственно скифской культуре синхронные материалы представлены единичными экземплярами этого типа оружия. Вполне вероятно обратная связь – выработанные кобанцами типы клинкового вооружения оказали влияние на формирование скифских мечей и кинжалов.

На примере биметаллических кинжалов прослеживается хронологическое старшинство бабочковидной схемы перекрестия по отношению к почковидной схеме. Почковидная схема вырастает из бабочковидной, через упрощение, деградацию исходного образа.

Подтип 2 Б. Железные мечи с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием

Цельножелезные мечи с бабочковидным перекрестием и брусковидным навершием появляются в донской степи сравнительно поздно. В могильнике Елисаветовского городища в дельте Дона С.Ю. Янгулов отнес к типу 2, 1-го отдела (Янгулов, 2008, с. 63–72) 5 мечей (кург. 39, 1975; кург. 53, погр. 4, 1976; кург. 17, погр. 1, 1966; кург. 5, 1910; кург. 64, погр. 4, 1976).

Мечи Елисаветовского могильника уже два раза публиковались, но, к сожалению, оба раза авторы публикаций, опираясь на классификацию А.И. Мелюковой, некорректно определяли типы мечей. В публикации С.Ю. Янгулова на рисунке представлено только два меча (Янгулов, 2008, рис. 3, 6, 7). Оба перекрестия не имеют отношения к типу бабочковидных – это ложнотреугольные перекрестия по классификации А.И. Мелюковой, узкие полосы металла с большой треугольной выемкой в основании.

Единственный, безусловно, бабочковидный экземпляр происходит из кургана 39, он датирован чернолаковым скифосом второй половиной V в. до н.э. Навершие этого экземпляра брусковидное, с легким изгибом наружной поверхности. Рукоять плоская широкая, равная ширине клинка, у перекрестия – 3,5 см. Общая длина кинжала 30,5 см. Перекрестие снабжено прямыми боковыми гранями и мягко очерченной, округлой, выпуклой формой выреза основания. Клинок равномерно сужается книзу, в последней трети угол наклона уменьшается.

А.И. Мелюкова отмечала, что в Северном Причерноморье «...временем их распространения был VI – первая половина V в. до н.э., позднее они продолжают встречаться, но не являются господствующими, причем перекрестия их теряют четкость формы предшествующих» (Мелюкова, 1964, с. 50).

По материалам Нижнего Дона мы можем отметить, что этот тип меча эволюционирует, поэтому его перекрестие теряет четкость архетипа и постепенно превращается в тип, названный А.И. Мелюковой ложнотреугольным, и в донских памятниках он известен со второй половины V в. до н.э.

Вариант 2. В публикации В.П. Копылова (Копылов, 1980, с. 26–27) меч из кургана 30 определен как меч с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Этот же меч представлен на рисунке в публикации С.Ю. Янгулова (Янгулов, 2008, рис. 3, 1), но его тип в публикации не определяется. Форма перекрестия на этом экземпляре является переходной формой к типу, получившему название ложнотреугольного. Вероятно, этим и объясняется неопределенность в позднейшей публикации. Обращенные к рукояти грани перекрестия прямые, а обращенные к клинку округлые, что дает основание отнести его к бабочковидной схеме и согласиться с определением В.П. Копылова. Но лопасти перекрестия узкие и это позволяет наблюдать наметившуюся тенденцию к превращению перекрестий бабочковидного типа в ложнотреугольную форму. Отличается оно узкими лопастями в сравнении с широкими лопастями бабочковидных экземпляров. Навершие брусковидное, с округленными краями. Описываемый переходный вариант типа имеет слабоизогнутое обоюдоострое лезвие в нижней половине клинка. Длина меча 52,8 см, ширина клинка у основания – 4,1 см. Меч датируется второй четвертью, серединой V в. до н.э. по хиосской пухлогорлой амфоре.

Таким образом, тенденция к изменению типа наметилась ещё в период существования исходного типа с бабочковидным перекрестием.

Изменение перекрестия, возможно, связано с забвением семантического значения рукояти и перекрестия и с преобладанием функционального значения перед семантическим. Не исключается и стремление к экономии металла и связанное с этим изменение формы лекала, по которому делалась заготовка перекрестия.

Тип 3. С брусковидным навершием и ложнотреугольным перекрестием

К этому типу относятся четыре меча из погребений Елисаветовского могильника (кург. 17, погр. 1; кург. 49, погр. 3, 1976; кург. 5, 8, 1910). В степи этот тип меча не известен. Наши наблюдения подтверждают вывод А.И. Мелюковой о происхождении мечей этого типа от мечей второго типа (Мелюкова, 1964, с. 51). Так же как и в Причерноморье навершие мечей этого типа имеют форму уплощенного овала.

Клинки кинжалов этого типа имеют в переходных типах линзовидное сечение, в типичных образцах – ромбическое. Таким образом, эволюция затрагивает не только изменение формы рукояти, но и клинка.

А.И. Мелюкова отнесла к этому типу меч из кургана 489 у с. Макеевка. Рукоять этого меча не имеет железного перекрестия и навершия, которые сделаны из костяных накладок. Навершие имело форму почти правильного круга. В материалах из Елисаветовского городища имеется аналогичная на-

ходка рукояти меча с плоским круглым навершием и бабочковидным перекрестием (Елисаветовское городище, 1967). Таким образом, на материалах Нижнего Дона мы наблюдаем логическую линию развития брусковидных наверший через овальные навершия к круглым. Но до тех пор, пока эти находки не образуют серию, имеет смысл выделить их в отдельный вариант третьего типа мечей.

Тип 4. С брусковидным навершием и прямым перекрестием

До сих пор не известен среди нижнедонских находок.

Тип 5. С брусковидным навершием и сегментовидным перекрестием

Обнаружен в кургане 25 Сладковского могильника в кенотафе, датированном V в. до н.э. По комплексу предметов, обнаруженных в кенотафе, мы датировем его ранним IV в. до н.э. Это кинжал, его длина 25 см, клинок треугольный, равномерно суживающийся. В.Е. Максименко определил его как меч 2 типа по классификации А.И. Мелюковой с бабочковидным перекрестием, но плавный изгиб спинки перекрестия и слабовыраженная выемка в нижней части позволяют относить его к типу 5 по классификации А.И. Мелюковой. В своде скифского вооружения А.И. Мелюковой мечей этого типа известно всего 2. Обнаружены они вне комплексов, поэтому их датировка предположительна – VI–V вв. до н.э. Нижнедонская находка продлевает хронологическую позицию этого типа до начала IV в. до н.э. Навершие кинжала не сохранилось и определяется предположительно как брусковидное.

2-й отдел. 1-й подотдел. Мечи с антенным или зооморфным навершием

Большая группа мечей и кинжалов из нижнедонских комплексов связана со 2-м отделом по классификации А.И. Мелюковой – К.Ф. Смирнова.

Тип 1. Мечи с антенным или зооморфным навершием и почковидным перекрестием

В памятниках Нижнего Дона они не известны.

Тип 2. Мечи и кинжалы с антенным навершием и бабочковидным перекрестием

По форме перекрестия мы разделили этот тип на два варианта.

Вариант 1. К этому варианту можно уверенно отнести 2 меча из Елисаветовского могильника. Это меч из погребения 1 кургана 41. Клинок меча сохранился во фрагментах. Автору первой публикации меча в сохранившейся волюте меча удалось рассмотреть коготь птицы, но достаточной уверенности в этом наблюдении не было, поэтому меч был отнесен к 1 подотделу 2 отдела. Перекрестие определено как сердцевидное (Копылов, 1980, с. 26). Исходя из вышеописанных критериев, мы относим

его к выраженной бабочковидной схеме. Длина меча около 55 см, ширина у перекрестия – 6 см. По месту находки меч датируется позднепухлогорлой хиосской амфорой третьей четвертью V в. до н.э.

К этому же варианту типа относится меч из погребения 2 кургана 58. Длина кинжала 38,5 см. Рукоять уплощена, перекрестие разделено глубокой ложбинкой на два крыла, углы основания скруглены так, что образуют единую линию окружности. Волюты навершия резко загнуты, широко расставлены и не смыкаются между собой. Клинок имеет ромбическое сечение. По месту находки датируется второй четвертью V в. до н.э.

Вариант 2. Бабочковидное перекрестие, постепенно уменьшаясь в размерах, утончается, эволюционирует в направлении появления подтреугольного перекрестия. Поэтому группу мечей с перекрестием переходной формы от бабочковидной к подтреугольной мы выделяем в отдельный вариант мечей. Для перекрестий этих мечей характерны узкие лопасти, почти прямые боковые грани, перекрестия, подостренные, иногда даже заданные вверх углы основания и сохранившиеся ещё от бабочковидной схемы округлые грани нижнего выреза в основании.

Меч из погребения 2 кургана 28 Елисаветовского могильника находится в начале эволюционной цепочки, приведшей к появлению второго варианта мечей. Его перекрестие уже достаточно узкое, но плавные очертания треугольного выреза в основании треугольника делают его ещё вполне сопоставимым с бабочковидной схемой перекрестия. У него массивное лезвие, суживающееся резко в последней трети, узкое бабочковидное перекрестие с подостренным одним углом основания и плавным изгибом выреза, уплощенная рукоять и слившиеся волюты антенного навершия. Длина меча – 47 см, ширина клинка у перекрестия – 4,1 см. Дату его в погребальном комплексе определяет амфора Менды последней четверти V в. до н.э.

Второй меч этого типа обнаружен в погребении 2 кургана 58 Елисаветовского могильника. Его длина 38,5 см. Клинок имеет ромбическое сечение.

К этому же варианту типа относятся мечи из погребения 1 кургана 45 и погребения 1 кургана 36. Узкие лопасти перекрестий этих мечей смыкаются под тупым углом к рукояти, внутренний вырез плавно закруглен и в одной из лопастей приострен и задан вверх. Мечи из кургана 45 и 36 датируются по совершенно идентичным фасосским амфорам третьей четвертью V в. до н.э. Мечи очень схожи, отличаются только размерами: меч из кургана 45 – длиной 54 см, меч из кургана 36 – 59,7 см. В.П. Копылов рассмотрел в угловатости волют признаки когтей хищной птицы, соответственно соотнеся мечи со 2-м подотделом 2-го отдела. У нас нет уверенности в подобной трактовке, но и отрицать возможность этого – оснований нет. Как следует из наших хронологических наблюдений, оба варианта

типа сосуществуют в V в. до н.э. Есть основания предполагать, что мечи второго варианта немного моложе первого варианта мечей.

Обращает внимание особенность оформления волют в мечах этого типа: у некоторых экземпляров волюты смыкаются, у других они широко разведены. Заметить за этими отличиями какую-то закономерность пока нет возможности. Но отслеживать её далее необходимо.

Тип 3. Мечи и кинжалы с простым антенным навершием и сегментовидным перекрестием

К этому типу относятся мечи из Елизаветовского могильника.

Меч из кургана 15 в публикации В.П. Копылова отнесен к типу мечей с бабочковидным перекрестием. Однако перекрестие не имеет к бабочковидной схеме ни какого отношения, – это сегмент с широкой дугой, обращенной к рукояти, и меньшей дугой, обращенной к клинку. Боковые грани сегмента перекрестия с одной стороны имеют прямую линию, образовавшуюся на сгибе заготовки перекрестия, и с другой стороны, грубо отрубленную под углом к плоскости заготовки двумя ударами зубила. В результате боковая сторона образовала угол в середине. Длина меча 48,5 см, ширина клинка у основания рукояти 4,5 см. Датируется по месту находки хиосской пухлогорлой амфорой и аттическим чернолаковым киликом второй четвертью V в. до н.э.

Второй меч этого типа происходит из погребения 1 кургана 40 Елизаветовского могильника. У него простое антенное навершие с несомкнутыми волютами. В первой публикации его В.П. Копылов отнес перекрестие к типу бабочковидных (Копылов, 1980, с. 24–25, рис. 1, 2). В последующей публикации С.Ю. Янгулова это определение было повторено (Янгулов, 2008, с. 66). Длина меча – 55,5 см, ширина у основания рукояти – 4,5 см. Но при ближайшем рассмотрении мы не увидим здесь признаков бабочковидного перекрестия. Это типичное сегментовидное перекрестие с большой дугой, обращенной к рукояти, и меньшей дугой, идущей со стороны клинка. Боковые стороны перекрестия ровно обрезаны. Клинок с почти параллельными лезвиями, резко суживающимися в последней трети. По месту находки меч датируется хиосской амфорой серединой V в. до н.э.

В степи подобный тип меча встречается на Среднем Дону (Разуваев, Курьянов, 2004, с. 191–192), где он датируется V в. до н.э. Мечи этого типа редко встречаются среди скифских мечей (Фодор, 1969).

Тип 4. Мечи и кинжалы с простым антенным навершием и прямым перекрестием

Единственный экземпляр меча этого типа обнаружен в погребении 1 кургана 31 Елизаветовского могильника, где по месту находки с чернолаковым скифосом он датируется второй половиной V в. до н.э. У этого экземпляра пара круглых волют, сомкнутых в два кольца, и прямое перекрестие, даже

отдаленно не напоминающее бабочковидное, к которому его ошибочно отнес С.Ю. Янгулов (Янгулов, 2008, с. 69, 70).

2-й отдел. 2-й подраздел. Мечи и кинжалы с зооморфным навершием

Тип 2. Мечи с зооморфным навершием и ложнотреугольным перекрестием

Достоверно известен нам лишь один экземпляр меча этого типа. Он обнаружен в материалах Елизаветовского городища (1967 г.) и представлен рукоятью с частью клинка.

Исследователи Елизаветовского комплекса отнесли к этому подразделу ещё несколько мечей, но достоверность их интерпретации вызывает серьезные сомнения. В сильно коррозированных волютах можно увидеть самые причудливые сочетания изгибов. Поэтому считаем правильным подход В.П. Копылова, отмечающего вероятность зооморфной интерпретации и при этом осторожно относящего предмет во 2-й отдел.

3-й отдел. Длинные широкие мечи без перекрестия («синдо-меотский тип»)

Классификация мечей и кинжалов скифского времени была дополнена К.Ф. Смирновым. Исследователем выделены в отдельный тип синдо-меотские мечи (Смирнов, 1980, с. 38–45), и определены следующим образом: «Эти железные мечи и кинжалы не имеют металлического перекрестья. Навершия у них в виде короткого прямоугольного, редко – слегка изогнутого бруска или серповидные» (Смирнов, 1980, с. 38). Дальнейшее изучение этой категории клинкового оружия привело к ряду существенных ошибок, отмеченных М.П. Абрамовой. Она, безусловно, права, отмечая непоследовательность исследователей, бравшихся за систематизацию этой категории клинкового вооружения (Абрамова, 2004, с. 17–22). В существующих классификациях исследователи исходят из выделения отделов по форме навершия. Последовательно выдерживая принципы классификации, необходимо выделять этот вид клинкового оружия в отдельный тип 1-го отдела по классификации А.И. Мелюковой – К.Ф. Смирнова и отделять от него мечи с иными формами навершия без перекрестия. К сожалению, эта методическая ошибка была заложена ещё в первой попытке их выделения К.Ф. Смирновым, допуская вариации навершия для типа от брусковидных до серповидных. Позже, применительно к нижнедонским материалам, был применен этот таксон, а в число мечей синдо-меотского типа включены мечи без навершия и перекрестия (Максименко, 1983, с. 105). Затем В.Р. Эрлихом и С.П. Кожуховым к числу синдо-меотских мечей были отнесены все мечи без перекрестий с различными видами наверший. Классификационная четкость оказалась размытой, и типобразующий признак – форма

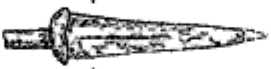

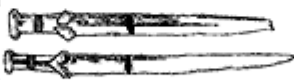

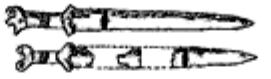
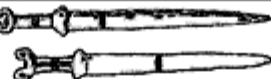

	I отдел С прямым брусковидным или овальным перекрестием						II отдел С антенным простым или зооморфным навершием				III отдел Мечи "синдо-меотского" типа					IV отдел Однорезные	
	1 тип с почко- видным	2 тип с бабочко- видным	3 тип с ложко- треугольным	4 тип с прямым перекрестием	5 тип с перекрестием в виде сегмента	6 тип с трапеци- евидным перекрестием	2 тип с бабочко- видным	3 тип с сегментом	4 тип с прямым	Зооморфное навершие 1 тип с бабочко- видным	2 тип с ложко- треугольным	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип		5 тип
III																	
IV																	
V																	
VI																	
VII																	

Рис. 1

перекрестия начал доминировать при выделении группы. Учитывая ошибки предшественников, будем последовательно выдерживать классификационные принципы, положенные в основу принятой в скифологии классификации мечей. Но при этом, мы выделяем эти предметы в самостоятельном отделе – «мечи синдо-меотского типа», под которыми понимаются большие мечи без перекрестия, с широкой пяткой и клиновидным клинком.

Необходимо отметить, что мечи «синдо-меотского типа» отличаются от скифских акинаков не только формой рукояти, но и клинком: треугольным, длинным с широкой пяткой. Длина отдельных экземпляров достигает 78 см. И по сути дела мы наблюдаем принципиальное изменение клинкового оружия. На смену кинжалам приходят мечи. Тяжелые мечи были приспособлены для нанесения рубящего и колющего удара, а это принципиально меняет тактико-техническую характеристику оружия и способ его использования в бою. Большой меч в конном бою не имеет перспектив применения. Для нанесения рубящего удара таким оружием воин должен приподняться на стременах и сделать замах из-за плеча или сверху. При нанесении удара необходим упор ногой в стремя, иначе существует опасность упасть вслед за тяжелым оружием под коня. Тяжелым мечом трудно управлять с коня, учитывая то, что стремяна в составе конской упряжи ещё не появились. Фехтовать одной рукой таким оружием невероятно трудно. Отсутствие гарды свидетельствует о том, что этот вид вооружения вряд ли использовался для фехтования. Острый конец его указывает на использование меча для нанесения колющих ударов. Отразить удар копьём и встретить нападающего острым длинным клинком – вот задача этого оружия.

Длинный и тяжелый обоюдоострый меч – оружие пеших воинов. Поэтому этот вид оружия не получил широкого распространения среди конных воинов, и встречаются они, в основном, на меотской территории. Небольшое их количество попадало в степь и обнаружено в погребальных комплексах, включавших в себя и иные предметы Прикубанского меотского производства, например, посуду (Крепинский-II, кург. 5, погр. 4; Азов, кург. 2, погр. 3; Сладковка, кург. 25). Во всех известных нам на Дону комплексах меч сопровождался традиционным вооружением, изредка акинаком (Сладковский, кург. 25), чаще копьём, дротиком (Сладковский, кург. 25; Азов, кург. 3, погр. 2).

Все это убеждает нас в необходимости выделять эти предметы вооружения в самостоятельный отдел клинкового оружия. Появляются они в конце скифской эпохи и характеризуют переход к новому культурному и хронологическому комплексу.

Сегодня только на Нижнем Дону найдено 5 экземпляров. Мечи этого типа известны на Кубани, в Притеречье, на Среднем Дону. Первоначальное название, привязывавшее этот тип к синдо-меотскому этническому массиву, не подтверждается современными

материалами. По мнению В.Р. Эрлиха, поскольку мечи этого типа не получили значительного распространения в синдских погребениях, а большинство их (по данным исследователя – 70 ед.) происходит из Закубанья, района распространения меотской культуры, следует укоротить название, сохранив в нем лишь меотскую составляющую (Эрлих, 1991, с. 77). М.П. Абрамова справедливо отметила, что термин «меотский» в классификационной схеме бесперспективен. Поэтому я предлагаю выделить их в 3-й отдел мечей скифского времени и сохранить ставшее привычным название – мечи «синдо-меотского типа». В рамках этого отдела выделяются типы:

Тип I. Мечи со слабоизогнутым навершием

Самый ранний экземпляр меча этого типа имеет слабоизогнутое навершие, рукоять плоская. Навершие вряд ли можно назвать серповидным. Легкий изгиб не функционален, он связан с установкой навершия и горячей ковкой или расклепкой хвостовика черенка на навершии. Обнаружен он в кургане 24 Елизаветовского могильника в 1966 году, погребение датируется хиосской амфорой третьей четвертью V в. до н.э.

Тип II. Мечи с брусковидным навершием

Мечи с уплощенным черенком рукояти, без перекрестия, с прямыми или покатыми плечами пяты клинка. К этому типу относятся 2 меча. Это меч из погребения 4 кургана 5 Крепинского-II могильника в устье Маныча и меч из рядом расположенного могильника Арпачин-II (кург. 6, погр. 5). Оба комплекса датируются сопровождающим инвентарем IV–III вв. до н.э. Для них характерны широкие прямые плечи клинка, плоская рукоять и широкий длинный массивный клинок.

Тип III. Мечи с грибовидным навершием

К нему относятся три меча. Это меч из кургана 25 Сладковского могильника, меч из кургана 15 этого же могильника и меч из погребения 14 Беглицкого могильника (1962 г.).

Все выделенные типы являются, скорее, вариантами одного и того же типа меча с брусковидным навершием без перекрестия. Дальнейшее накопление материала уточнит их таксон в классификации. Объединяются они длинными обоюдоострыми клинками, остроконечными окончаниями, широкими основаниями клинка и отсутствием перекрестия. Обнаружены преимущественно в комплексах конца IV – начала III в. до н.э. Но впервые появляются на Дону в Елизаветовском могильнике с конца V в. до н.э.

Тип IV. Мечи с антенным навершием

На Дону известен единственный экземпляр меча с комбинированным брусковидным и антенным навершием. Это меч из погребения 3 кургана 2 Северного могильника. Обнаружен он в раннесар-

матском погребении и по комплексу находок датируется рубежом IV–III вв. до н.э. Черешок рукояти венчает брусок, на котором сверху находится серповидное навершие.

Тип V. Мечи без навершия и перекрестия

К этому типу относятся 3 меча: меч из кургана у пос. Шолоховский, меч из кургана Крепинского могильника и меч из кургана могильника Донской. По комплексам находок датируются IV в. до н.э., лишь меч из Донского комплекса заходит в V в. до н.э.

4-й отдел. Однолезвийные мечи

Среди находок вооружения, сопровождающих скифский комплекс, встречаются и специфические однолезвийные кинжалы, которые относят то к греческим махайрам, то к скифским боевым ножам, прототипы их отыскиваются во фракийской культуре. Этот новый вид вооружения мы относим к 4-му отделу. Он представлен пока единственной находкой однолезвийного меча из курган 25 Сладковского могильника и датируется IV в. до н.э.

Появление мечей синдо-меотского типа (3 отдел) и однолезвийных мечей (4 отдел) в скифском оружии совпадает во времени с проводимой Дарием III военной реформой и перевооружением армии накануне битвы при Гавгамелах. Учитывая опыт предшествующих сражений с македонянами, Дарий внес изменение в тактику и вооружение своей армии. «/Дарий/ /изготовил мечи и ксистоны много более длинными, чем бывшие ранее, думая, что Александр из-за их величины имел преимущество в битве у Киликии/» (Diod., XVII.53.1; пер. А.К. Нефёдкина).

В переводе В. Бриссона: «/Мечи и/ /древка у копий/ [= ксистоны] /сделал гораздо прежних больше/ [= длиннее]/, думая, что Александр в сражении, происходившем в Киликии, тем одолел его/» (Бриссоний, 1781, с. 13; Литвинский, 2001, с. 191–192). С. Биттнер замечает, что остается неясным, какой меч удлинители – копис/махайру или акинак (собственно, кинжал), но полагает, что данное решение было, наверное, попыткой уравнивать его с греческими типами мечей (Bittner, 1985, s. 294). Возможно, прямой железный меч «/чужеземного типа/» (длина 85 см) из Персеполя есть именно одно из последствий реформы Дария (Черненко, 1984, с. 33), хотя датировка находки неясна.

Изменение геополитической ситуации в регионе и появление нового противника заставляет изменять тактику боя и вооружение применительно к новым условиям. Благодаря чему в скифском или точнее в кочевническом вооружении, под влиянием персидских представлений о причинах поражений Дария в войне с македонянами происходят изменения в вооружении. Появление длинных мечей синдо-меотского типа и однолезвийных мечей на Дону и Кубани есть реакция на появление новой угрозы в регионе и свидетельства изменения тактики конницы в бою. В связи со скоротечным переходом к рукопашному бою, вместо позиционного обстрела из луков и забрасывания дротиками, потребовалось новое оружие – мощные таранные копья и мечи. При этом не было повсеместного вытеснения традиционного оружия и оба типа тактических приемов, дополняя друг друга, делали более разнообразным тактический арсенал конных воинов.

Литература

- Абрамова, 2004: Абрамова М.П. О мечах синдо-меотского типа // Археологические памятники раннего железного века Юга России (Материалы и исследования по археологии России. Вып. 6). М., 2004. С. 17–22.
- Алексеев, 1991: Алексеев А.Ю. Этуд об акинаках // Клейн Л.С. Археологическая типология. СПб., 1991.
- Артамонов, 1974: Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1974. 156 с.
- Бриссоний, 1781: Бриссоний В. О перском царстве. М., 1781. С. 13.
- Дэвлет, 1968: Дэвлет М.А. Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее // СА. 1968. № 1.
- Ильинская, 1968: Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968. 267 с.
- Ильинская и др., 1980: Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Копылов, 1980: Копылов В.П. Мечи из погребений V в. до н.э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА АН СССР. Вып. 162. М., 1980. С. 24–27.
- Лесков, 1979: Лесков А.М. Киммерийские мечи и кинжалы и происхождение скифского акинака // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен / ТД 3-й ВК. М.: Наука, 1979. С. 47–49.
- Литвинский, 2001: Литвинский Б.А. К проблеме происхождения акинака // Миф. 2001. 7. София. С. 48–60.
- Литвинский, 2001: Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.
- Максименко, 1983: Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1983. 224 с.
- Мелюкова, 1950: Мелюкова А.И. Вооружение, войско и военное искусство скифов: Дисс. ... канд. ист. наук. М.: Архив ИА РАН, 1950. Д. № 1011.
- Мелюкова, 1964: Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. Вып. Д 1–4. 90 с.
- Мелюкова, 1979: Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979. 256 с.

- Мурзин, 1984: Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984. 135 с.
- Мурзин, 1990: Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. 88 с.
- Погребова, Раевский, 1992: Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. М.: Наука, 1992. 261 с.
- Разуваев, Курьянов, 2004: Разуваев Ю.Д., Курьянов А.В. Акинак из с. Латное Воронежской области // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж: ВГПУ, 2004. С. 191–192.
- Ростовцев, 1918: Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на Юге России. Петроград: Огни, 1918. 180 с.
- Смирнов, 1961: Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. М.: Наука, 1961. № 101.
- Смирнов, 1980: Смирнов К.Ф. О мечях синдо-меотского типа // КСИА. 1980. 162. С. 38–45.
- Тереножкин, 1975: Тереножкин А.И. Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975. 236 с.
- Тереножкин, 1976: Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.
- Тереножкин, Ильинская, 1983: Тереножкин А.И., Ильинская В.А. Скифия VII–IV вв. до н.э. К., 1983. 380 с.
- Фодор, 1969: Фодор И. Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестием // СА. 1969. № 3. С. 251–253.
- Черненко, 1979: Черненко Е.В. Персидские акинаки и скифские мечи // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен / ТД 3-й ВК. М.: Наука, 1979. С. 90–91.
- Черненко, 1980: Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980.
- Черненко, 1984: Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев, 1984.
- Членова, 1967: Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.
- Членова, 1997: Членова Н.Л. Центральная Азия и Скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.: Наука, 1997. 98 с.
- Шилов, 1961: Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1. С. 158–159.
- Шкурко, 1962: Шкурко А.И. Скифский кинжал из Днепропетровского музея // Историко-археологический сборник в честь А.В. Арциховского. М., 1962.
- Шрамко, 1984: Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 22–39.
- Эрлих, 1991: Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Кавказа и Северного Причерноморья. М., 1991. С. 31–55.
- Янгулов, 2008: Янгулов С.Ю. Оружие из погребений V в. до н.э. Елизаветовского могильника // Российская археология. 2008. № 1. С. 51–60.
- Bittner, 1985: Bittner S. Tracht und Bewaffnung des persischen Heeres zur Zeit der Achaimeniden. München: K. Friedrich, 1985.
- Ginters, 1928: Ginters. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Sudrussland. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1928. 140 p.
- Minns, 1913: Minns E.H. Scythians and Greeks. London, 1913.
- Moorey, 1980: Moorey P.R.S. Cemeteries of the First Millennium B.C. at Deve Hüyük, near Carchemish, salvaged by T.E. Lawrence and C.L. Wooley in 1913. Oxf. (BAR International Series, 87).

Р.С. Минасян
(г. Санкт-Петербург)

ИНКРУСТАЦИЯ И ПЛАКИРОВАНИЕ

Способ декорирования металлических предметов художественными композициями или геометрическими орнаментами, вырезанными из листового металла, в археологической и искусствоведческой литературе обычно называют инкрустацией, реже накладной инкрустацией. При этом подразумевается, что термины «инкрустация» и «украшение» имеют одно и то же значение, но это неверно. В таком смысле эти выражения обычно используются в искусствоведческой литературе. Но на самом деле инкрустация по металлу (насечка) и накладное покрытие предметов листовым металлом (плакирование или аппликация) являются техническими приемами, представляющими определенные и принципиально разные способы художественного оформления вещей. Когда же искусствоведческие и технические термины перебегаются, причем в разных сочетаниях, да еще с бескрайними возможностями словотворчества, а им приписывают одно смысловое значение, возникает неопределенность в понимании того, о чем идет речь.

Плакирование в различных формах исполнения применялось с древнейших времен. Обычай первобытных людей раскрашивать красками лицо, тело и предметы по существу являются предшественниками плакирования. Со временем научились частично или полностью облицовывать вещи тонкими металлическими пластинами. «И сделал в давире двух херувимов из масличного дерева, вышиною в десять локтей... И обложил он херувимов золотом» (Б. 3-я книга Царств, гл. 6, стр. 23, 28; см. также: Паралипоменон, 2-я книга, гл. 3). Накладки прибивали гвоздиками, подворачивали им края на оборотной стороне плакируемых изделий, наклеивали на них, а объемные предметы с гладкой поверхностью или с рельефными изображениями на ней обтягивали пустотелыми заготовками обкладок. Посадка таких заготовок на основу осуществлялась не растяжкой металла, как при ковке, а их изгибанием (Минасян, 2010, с. 180–195).

Плакированные изделия отличаются от инкрустированных рядом характерных признаков. При плакировании толщина накладок не уменьшается и площадь их не увеличивается. На нижней поверхности накладок, приклеенных или прикрепленных на изделиях, сохраняется фактура листа, из которого их вырезали, а на краях следы края и порезы. Поверхность основы под накладками не

повреждается. Если накладки прочно приклеены на основе, на них можно вырезать узоры, прорезая лист насквозь, удалять лишние детали и создавать ажурные и фигурные композиции. Если изделие декорируется несколькими накладками, в том числе из различных металлов, они могут приклеиваться на основе даже встык, поскольку промежутки между ними в данном случае оставлять не обязательно.

Окисление плакированных вещей, сделанных из меди, серебра с большим содержанием меди или железа, происходит в следующем порядке. Соли занимают больший объем, нежели металл. Разбухая, окислы даже разрывают тонкие обкладки, прорываются сквозь щели на поверхность, обволакивают накладку и, в конце концов, замуровывают их внутри себя. Таким образом, покрытие оказывается внутри комка соли, а его местоположение внутри комка указывают истинные габариты изделия до его разрушения. Важно иметь в виду одно существенное обстоятельство. Окислы, прилипшие снизу к золотым и серебряным обкладкам и накладкам, независимо от того плоские они или рельефные, формируют под ними ложную ячейку или рельеф с поверхностью, зеркально воспроизводящей все особенности формы утопленных в них накладок. Если накладки выпукло-вогнутые, окислы воспроизводят под ними выпуклый рельеф, но уже ложный, т.е. не существовавший изначально.

В процессе реставрации археологических предметов, покрытых толстым коррозионным слоем, их расчищают только до верхней поверхности накладок. Окислы же, оставшиеся в ажурных прорезях и в промежутках между элементами декора, оставляют не расчищенными, что правильно, поскольку теперь только они удерживают накладки от выпадения. Когда же накладки выпадают из своих мест, под ними остаются гладкие ячейки, сформированные окислами, которые являются слепками утопленных в них накладок. Эти ячейки и перегородки между ними, созданные естественным путем, реставраторами и многими исследователями ошибочно воспринимаются как рукотворные, искусственно вырезанные для инкрустации металлических изделий способом насечки (*inlade* – англ., *tauschiern* – нем.), но происхождение их естественное, возникшее в процессе окисления металлов (*цветная вкладка*, рис. 17).

В 1912 г. в Бессарабии у села Бородино был найден клад, датируемый XVIII в. до н.э., состоящий из 17 предметов, из которых 5 металлических, украшенных золотом: 3 литых серебряных наконечника копий (из них 1 обломок), серебряный клинок кинжала и булава, сделанная из сплава золота с серебром. Эти вещи изучались многими исследователями, их неоднократно публиковали, о происхождении, исторической ценности и месте их в системе древностей бронзового века высказывались различные версии. Относительно способа нанесения золотого декора на металлические предметы Бородинского клада существует единое мнение. Их считают инкрустированными резными золотыми пластинами (БСЭ, т. 8, с. 596; Шишлина, 1913, с. 156–169; Кривцова-Гракова, 1949; Бочкарев, 1968; Попова, 1981).

Бородинский клад недавно экспонировался в Эрмитаже на выставке «Бронзовый век» и мне удалось внимательно исследовать металлические предметы. На втулках наконечников копий надеты золотые обоймы, которые не соскальзывают с них потому, что втулки имеют коническую форму. Сложнее дело обстоит с кинжалом и булавкой. Края золотых пластин на них оконтурены непрерывными цепочками прочеканенного орнамента. На булавке в одном уголке золотая пластина отстает от основы и под ней видна гладкая поверхность, на которой нет ячейки для механической заделки пластины, как должно бы быть при инкрустации. Такого вида чеканкой, какая есть на булавке и кинжале, нельзя прикрепить золотые пластины. Чтобы определить, каким образом они удерживаются на месте, необходимы дополнительные исследования. Может быть, они удерживаются не без помощи реставраторов, или здесь применен какой-то неизвестный способ крепления, пайка или нечто другое. Чтобы выяснить, как обстоит дело, нужен химический анализ, но даже и без него можно констатировать, что бородинские вещи не инкрустированы, а плакированы золотыми пластинами. Этот факт имеет важное значение для истории техники, тем более что есть еще предметы, сделанные таким же способом.

Бородинский клад исследователи рассматривают в контексте с бронзовыми орнаментированными предметами эгейского мира. В Греции, в шахтовых гробницах Микен, в толосах Вафио и Мирсинохори, близ Пилоса, были найдены бронзовые кинжалы, украшенные золотом. Эти вещи хранятся в Афинах в Национальном археологическом музее. Среди них особым богатством убранства выделяется бронзовый кинжал из гробницы IV группы А, с изображением сцены охоты на львов. Исследователи утверждают, что изображения фигурок животных, людей и их вооружение на клинке этого кинжала вырезаны из золотых серебряных и медных тонких листов и вколочены в бронзовую пластину, вставленную

в вырезанное в кинжале углубление. Отдельные места заполнены чернью (ВИИ, т. I, с. 143; БСЭ, т. 48, с. 596; Сидорова, 1972, с. 155; Durando, 2005, р. 38). На бронзовом кинжале из гробницы V изображены леопарды, охотящиеся на уток в зарослях камыша. Про этот кинжал, как и другие кинжалы микенского периода, тоже говорится, что они инкрустированы художественными миниатюрами сложной конфигурации, вырезанными из золотых, серебряных и медных пластин. Кстати, золотой трон Тутанхамона, украшенный серебром и медью, изготовленный в то же время, также считается инкрустированным, но судя по фотографиям, достаточно качественным, это было сделано каким-то другим способом.

Сомнения по поводу наличия инкрустации на многих археологических предметах впервые возникли после раскопок кургана Аржан-2, в котором были найдены самые ранние железные предметы, украшенные золотом. Эти вещи реставрировались в Эрмитаже и были представлены науке в России и за рубежом в качестве инкрустированных. Б.Р. Армбрустер считает, что возможность применения аппликации путем наклеивания (*Aufkleben*) золотых пластин на аржанских железных предметах невероятна. По ее мнению, эти предметы были инкрустированы в технике насечки (*Tauschieren*) (Armbruster, CNRS – UMR 5608; 2006; 2007, s. 97; Parzinger, Nagler, 2007, s. 71). На самом деле они не инкрустированы, а плакированы. Я уже приводил технические данные, свидетельствующие об отсутствии инкрустации на этих предметах (Минасян, 2004, с. 43; Металлообработка..., 2014 (в печати)). Поэтому могу с полной уверенностью утверждать, что на скифских вещах и на большей части сарматских вещей, если не на всех, которые декорированы пластинами из меди и благородных металлов, считающихся инкрустированными (Бантиков, 2001, с. 54–59; Трейстер и др., 2012), пластины не внедрялись в основу. Это накладное покрытие, наклеенное на изделия. На предметах, которые мне довелось осмотреть, на накладках нет следов износа. В настоящее время декор на таких вещах удерживается только прикипевшими к накладкам окислами. В качестве эксперимента мною на стальную стамеску была приклеена воском алюминиевая полоска, порезана и оставлена во влажной среде на два месяца. За это время сталь покрылась ржавчиной, но накладка осталась на месте (*цветная вкладка*, рис. 18). Для проведения такого эксперимента подходит любой клей растительного или животного происхождения.

Ввиду того, что накладки на плакированных предметах механически не закреплены, такие вещи не пригодны для использования в быту. Принимая во внимание это обстоятельство, а также то, что плакированные изделия находят только в погребениях, можно заключить, что вещи, украшенные таким способом, изготавливались

специально для обряда погребения особо знатных умерших, чтобы они могли ими пользоваться в загробной жизни.

Инкрустация (лат. *incrustatio* от *in* – «в», *crusta* – «кора») – виды орнаментально-прикладного искусства: маркетри, интарсия, насечка (тауширование – производное из немецкого языка). Каменные, деревянные, костяные предметы инкрустировали с давних времен. Инкрустировали и литые изделия, но гнезда для вставок на них формировали еще на стадии моделирования, так что на отливках их не нужно было вырезать. Гнезда на изделиях из тонкого металла продавливали, чеканили или припаивали. Что касается инкрустации насечкой на металлических предметах, то она выполняется путем вырезания узоров на орнаментируемой поверхности и заполнением углублений и ячеек заподлицо иными материалами. Инкрустация на ранних железных, стальных и бронзовых изделиях выполнялась не в виде лент с прорезанными насечками узорами, как, например, на железных плакированных изделиях из кургана Аржан-2, или ажурных изображений людей и животных, а в виде несложных геометрических узоров из обрезков латунной, медной, серебряной и золотой проволоки, вбитых в ячейки. Ячейки для вставок вырезались или вырубались штихелями и сечками. Между ячейками обязательно оставлялись перегородки, для того чтобы была возможность подрезать стенки ячеек вбок в виде ласточкиного хвоста. В ячейки и канавки укладывали вставки из кусочков проволоки и маленьких пластин несложной формы, сделанных из более мягкого металла, и проковывали. Под ударами мягкий металл растягивался и заполнял углубления со скошенными внутрь стенками. Таким образом, вставки прочно

закреплялись в ячейках. Поскольку орнаментируемое металлическое изделие представляет собой своего рода наковальню, на краях и нижней поверхности деформированных ковкой вставок зеркально отпечатываются все особенности конфигурации вырезанных или вырубленных в железе ячеек и канавок. При плакировании, как это можно видеть на микенских кинжалах, троне Тутанхамона и других предметах с накладным орнаментом, между медными, золотыми и серебряными пластинами, примыкающими друг к другу, перегородок нет. Самые ранние инкрустированные изделия появились не в эпоху бронзы, а только в римское время (Bertram, 1995; Tejral, 2009).

В завершение остается добавить, что когда при публикации археологических вещей приходится делать заключения относительно техники их изготовления, следует быть крайне внимательным. Не всегда есть возможность изучить оригинальные вещи, разбросанные по многочисленным музеям. Допущенные кем-то ошибки, а их множество, десятилетиями переходят из работы в работу. Каждая из них искажает историю развития техники и дезориентирует других исследователей, а исправить такие ошибки без непосредственного изучения вещей практически невозможно.

Следует упомянуть еще об одном важном обстоятельстве. Вещи и их мельчайшие фрагменты необходимо тщательно изучать и детально фотографировать еще **до реставрационных работ**. Если же это не сделано до того как все фрагменты расчищены, собраны вместе, а недостающие части дополнены современными материалами, будет потеряна возможность получить важнейшие документальные свидетельства для определения способа изготовления археологических предметов.

Литература

- Бантиков, 2001: Бантиков А.И. Реставрация, реконструкция и научно-техническая экспертиза находок из Филипповских курганов // Золотые олени Евразии. СПб., 2001.
- Бочкарев, 1968: Бочкарев В.С. Проблема Бородинского клада // Проблемы археологии. Вып. 1: Абсолютная хронология энеолита и бронзового века Восточной Европы (Юго-Запад СССР). Ленинград, 1968.
- БСЭ: Большая советская энциклопедия. Т. 48.
- ВИИ: Всеобщая история искусств. Т. I. М., 1956.
- Золотые олени Евразии, 2001: Золотые олени Евразии. СПб., 2001.
- Кривцова-Гракова, 1949: Кривцова-Гракова О.А. Бессарабский клад. М., 1949.
- Минасян, 2004: Минасян Р.С. Секреты скифских ювелиров // Аржан. Источник в Долине Царей. СПб., 2004.
- Минасян, 2010: Минасян Р.С. «Матрица-формер» // АСГЭ. СПб., 2010. № 38.
- Минасян, 2014: Минасян Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. СПб., 2014 (в печати).
- Попова, 1981: Попова Т.Б. Бородинский клад. М.: ГИМ, 1981.
- Сидорова, 1972: Сидорова Н.А. Искусство Эгейского мира. М., 1972.
- Трейстер и др., 2012: Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-1 // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. 2.
- Шишлина, 2013: Шишлина Н.И. Бородинский клад: продолжение поиска // Бронзовый век. Европа без границ. СПб., 2013.
- Armbruster, CNRS – UMR 5608: Armbruster B.R. Untersuchung von Goldobjekten aus dem skythischen Förestengrabhügel Aržan 2, Tuva, in der Hermitage. CNRS – UMR 5608.

Armbruster, 2006: Armbruster B.R. Technische Beobachtungen von Barbara Armbruster // Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der Goldschatz. Schirmer. Mosel. 2006.

Armbruster, 2007: Armbruster B.R. Die Goldschmiedetechnik von Aržan 2 // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; B., L.; N.-Y., 2007.

Durando, 2005: Durando F. Greece. Splendours of an Ancient Civilization. L., 2005.

Bertram, 1995: Bertram M. Die merowingischen Altertümer im Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte // Merowingerzeit. Mainz am Rhein. 1995.

Parzinger, Nagler, 2007: Parzinger H., Nagler A. Die Goldschmiedetechnik von Aržan 2 // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; B.; L.; N.-Y., 2007.

Tejral, 2009: Tejral J. Römisch-germanisch bis zum Tod. Das Königrab von Mušov // 2000 Jahr Varusschlacht Konflikt. Stuttgart, 2009.

М.А. Очир-Горяева
(г. Элиста)

КОЛЧАННЫЕ НАБОРЫ КОЧЕВНИКОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Одним из часто встречаемых и наиболее многочисленных предметов погребального инвентаря памятников степной зоны Евразии скифской эпохи являются наконечники стрел. Ввиду разнообразия типов, сочетающихся в одном комплексе, наконечники стрел представляют собой чувствительный индикатор для определения даты конкретного погребения и хронологического осмысления археологической культуры в целом.

Наконечники стрел скифской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья неоднократно становились объектом изучения. П. Рау предпринял попытку установить схему развития колчанных наборов (Рау, 1929). Небольшая монография на немецком языке "Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze" (Погребения раннего железного века в Нижнем Поволжье. Изучение хронологии скифских наконечников стрел) вышла в серии «Известия Центрального музея Социалистической республики Вожских немцев в г. Покровске». Подзаголовок работы «Изучение хронологии скифских наконечников стрел» отражает именно эту важную для темы данной статьи часть работы П. Рау. В отечественной археологической литературе это была первая сводка всех наборов наконечников стрел из Северного Причерноморья и Крыма. При этом он анализировал не только присутствие определенных форм, но их количественное распределение в «содержимом каждого колчана». В итоге П. Рау удалось разбить наборы скифских наконечников стрел («содержимое колчанов») на три хронологические группы: 1. Архаический период, 2. Классический период, 3. Эллинистический период. Каждому периоду посвящена отдельная глава, с перечислением комплексов, отнесенных к этому периоду. П. Рау выделил группы стрел, характерные для каждого из выделенного им периода существования скифской культуры, и таким образом проследил закономерности развития «содержимого колчанов».

П. Рау была проделана большая работа, им были собраны и изучены наконечники стрел, как он их определяет «содержимое колчанов», из более 30 погребений Северного Причерноморья и Крыма. Так была получена первая хронологическая схема развития скифских наконечников стрел. Опираясь на эту схему, П. Рау определил место тогда еще немногочисленных (всего 12 наборов стрел) нижевожских и южноприуральских (4 набора стрел)

комплексов по аналогии с хронологической схемой скифских наконечников стрел.

Несмотря на то, что монография была посвящена памятникам Нижнего Поволжья, автор придавал большое значение той части своей работы, которая была посвящена изучению наконечников стрел. Свою схему развития скифских стрел он рассматривал как "Vorarbeit zu einer monographischen Behandlung des wesentlich vervollständigten Stoffes" (подготовку к монографической обработке в значительной степени ценного источника). П. Рау отмечал также, что в данном труде он ограничился формальным анализом и даже не рассматривает такие детали, как литейные отверстия на втулках наконечников стрел. Тем не менее, он посвятил небольшой раздел центрам производства и путям распространения бронзовых наконечников стрел, опираясь на материалы стрел-полуфабрикатов из слоев Березани, хранящихся в Одесском и Херсонском музеях.

П. Рау также выявил «резкую разницу» (scrofte Unterschied) между северной Оренбургской и южной Нижневожской группами. В то время как в южной группе трехлопастные втульчатые наконечники стрел с раннеархаического времени развиваются в изящные и тонкие изделия, то в северной группе целый ряд стрел остаются массивными, иной раз превышая массу архаических прототипов. П. Рау выяснил также, что территория распространения массивных наконечников стрел совпадает с территорией распространения каменных блюд на ножках, и на этом основании утверждал принципиальное отличие и самостоятельность Оренбургской группы памятников (Рау, 1929).

Разработанный П. Рау принцип классификации скифских наконечников был принят и еще более углублен А.И. Мелюковой (1964). Не описывая каждый тип в отдельности, исследовательница пошла по пути выделения групп колчанных наборов, выявляя при этом определяющие типы наконечников стрел для каждого периода. Основным объектом исследования при таком подходе является колчанный набор – конкретное сочетание типов наконечников стрел из одного погребения. В результате ею было выделено четыре хронологических периода. Сделанная с большой тщательностью классификация А.И. Мелюковой, несмотря на пересмотр хронологических границ, до сих пор не утратила своего значения.

По другому пути пошел К.Ф. Смирнов. Наконечники стрел были рассмотрены им по типам

(Смирнов, 1961, с. 31–70). При этом решаются проблемы происхождения той или иной формы, а также выявляются аналогии ей во времени и пространстве. О закономерностях развития наконечников стрел дают представление таблицы, где по горизонтали расположены типы, а по вертикали – века (Смирнов, 1961, табл. 2–5), что дает наиболее полную информацию о развитии того или иного типа стрелы, но не конкретного набора стрел из одного погребения. Судя по таблицам, типы существуют довольно длительное время. К.Ф. Смирнов также отмечал наличие региональных особенностей наконечников стрел Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, но не придавал им столь решающего и принципиального значения, как П. Рау.

В данной работе при описании типов мной использовался принцип К.Ф. Смирнова, акцентируя внимание на представительность каждого типа в пределах собранной мной выборки. При хронологической разбивке я следую принципу П. Рау и А.И. Мелюковой. Для выявления датировки конкретного сочетания наконечников стрел из одного погребения принцип классификации Рау – Мелюковой оказывается более эффективным. Все наконечники стрел из одного закрытого комплекса рассматриваются мной как условный колчанный набор, даже если они не располагались компактно в колчане, а происходили из разных мест в погребении.

Руководствуясь вышеописанными методическими подходами, мной был проведен анализ наконечников стрел Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Для исследования были использованы 74 колчанных набора из Нижнего Поволжья и 60 колчанных наборов из Южного Приуралья¹.

Классификация наконечников стрел проводилась по традиционному методу. Отдел определялся поперечным сечением боевой головки: тип – формой головки и местоположением втулки. При этом мной внесены некоторые изменения уточняющего характера, а также предпринята попытка более строгой унификации типов. Первая группа признаков выделена по различию поперечного сечения боевой головки. Всего получилось четыре отдела: I – двулопастные, II – трехлопастные, III – трехгранно-трехлопастные и IV – трехгранные. Отделы I, II и IV соответствуют трем аналогичным отделам классификации К.Ф. Смирнова. Отдел III – трехгранно-трехлопастных наконечников стрел выделен впервые. Это довольно многочисленный отдел наконечников стрел, у которых верхняя часть головки – трехгранная, а нижняя – трехлопастная. При переходе от трехгранной головки к лопастям у них имеются ложки различных видов. По классификации А.И. Мелюковой такие стрелы рассматривались

в отделе трехлопастных. К.Ф. Смирнов объединял их в один отдел с трехгранными, отмечая при этом их переходный характер. Л.К. Галанина предлагала в свое время называть их комбинированными (устное высказывание). Вторая группа признаков соответствует формам головок наконечников стрел: 1 – сводчатая головка, 2 – треугольная, 3 – трапециевидная, 4 – лавролистная, 5 – непрофилированная, 6 – ромбически-лавролистная, 7 – ромбовидная, 8 – башневидная, 9 – узкая ланцетовидная. Третья группа признаков включает все разновидности, связанные с расположением втулки: 1 – наконечники стрел с выступающей втулкой, 2 – базисные, с утопленной втулкой, 3 – наконечники стрел с опущенными ниже втулки шипами, 4 – наконечники стрел с обрезанной втулкой. По вышеуказанным трем группам признаков все учтенные нами наконечники стрел были разделены на четыре отдела. Внутри каждого из них выделены типы наконечников по сочетанию признаков второй и третьей группы. Порядок и нумерация признаков в этой сетке классификации объясняется стремлением в первую очередь расположить наиболее распространенные типы. Например, по форме головок номера 1 и 2 – это сводчатая и треугольные в плане головки, а более редко встречающиеся башневидные идут под номером 8. Сделана попытка сделать сетку классификации наиболее универсальной, чтобы она подходила для наконечников стрел не только Нижнего Поволжья, но и других регионов. Таким образом, код типа по предлагаемой системе состоит из четырех цифр: первая, римская – отдел, вторая, арабская – расположение втулки, третья, арабская – форма головки. Иногда плюс буквенная литера – для учета других, специально оговоренных особенностей. При этом на каждом уровне классификации нумерация признаков остается открытой. (Подробное описание классификации с иллюстрациями см.: Очир-Горяева, 1996, с. 41–54).

В Нижнем Поволжье по предлагаемой системе классификации выделяется 35 типов бронзовых наконечников стрел. При распределении наконечников стрел Нижнего Поволжья по типам было замечено, что некоторые наконечники одного типа, обладая одинаковыми морфологическими признаками, тем не менее, значительно различаются. Одни из них – крупные и массивные, другие отличаются меньшими размерами и «изяществом». О сосуществовании в рамках одного типа массивных стрел и стрел более легких пропорций исследователи упоминали неоднократно (Смирнов, 1961, с. 47; Мелюкова, 1964, с. 21, 23). При этом буквально все отмечали, что более массивными пропорциями обладают наконечники стрел из ранних комплексов. А.И. Мелюкова даже указывала примерные границы признака. Наконечники с соотношением длины к ширине 1:1,5–1:2,5 она определяла как массивные, а с соотношением 1:3–1:3,5 – как «более легких пропорций» (Мелюкова, 1964, с. 21, 23). При визуальном осмотре

¹ В работе не учтены материалы масштабных раскопок, начавшихся в 1990-е годы в Южном Приуралье. Материал для статьи был собран и обработан автором до публикации новых памятников.

признак массивности легко различим. В частности, я заметила, что высота всех наконечников примерно одинакова. Но массивные наконечники стрел отличаются большим диаметром втулки, а также формой кончика острия. У массивных наконечников стрел форма острия дугообразная, а стрелы легких пропорций имеют более острые головки. Массивность, несомненно, отражается и на толщине лопастей наконечников стрел, об этом свидетельствует кайма по краю лопастей. У массивных она достигает 1–1,5 мм, а у наконечников стрел легких пропорций от 0,5 мм до полного ее отсутствия. По признаку массивности десять из выделенных нами 35 типов наконечников стрел распались на два варианта.

При классификации наконечников стрел Нижнего Поволжья установлено, что 11 типов ни разу не были встречены в Южном Приуралье. Среди них наиболее многочисленным по представительности является типично блюменфельдский тип стрелы – трехлопастной с узкой сводчатой головкой, с короткой едва выступающей втулкой, очень изящных пропорций и железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел. Остальные типы, не встречаясь часто в колчаных наборах Нижнего Поволжья, являются достаточно специфичными формами, характерными для Нижнего Поволжья и более западных регионов. Это относится, прежде всего, к типам с трапециевидной формой головки всех разновидностей: двулопастные, трехлопастные

и трехгранно-трехлопастные. А также к двулопастным наконечникам стрел с башневидной головкой – базисные и с выступающей втулкой. Здесь уместным будет заметить, что для Южного Приуралья вообще не традиционны базисные стрелы. В 60 колчаных наборах насчитываются буквально единицы базисных наконечников стрел различных типов. Для Южного Приуралья характерны наконечники стрел с высокой выступающей втулкой и экземпляры с внутренней втулкой и длинными опущенными ниже нее лопастями-шипами.

К типам, нехарактерным для Южного Приуралья, отнесены мной также тип IV 11 – базисные трехгранные наконечники стрел со сводчатой головкой. Показательны также два типа костяных наконечников стрел, довольно широко распространенных на правом берегу Волги (Очир-Горяева, 1994, с. 28–29).

При классификации наконечников стрел из Южного Приуралья было установлено, что деление на массивные и немассивные здесь не представлено вообще. Всего было выделено 40 типов наконечников стрел, из которых 16 типов наконечников стрел ни разу не встречены в Нижнем Поволжье. Большинство из них не относятся к разряду массовых, однако впечатляет количество типов. Морфологические характеристики этих типов также чрезвычайно специфичны (рис. 1). Для удобства пользования им присвоена отдельная нумерация,

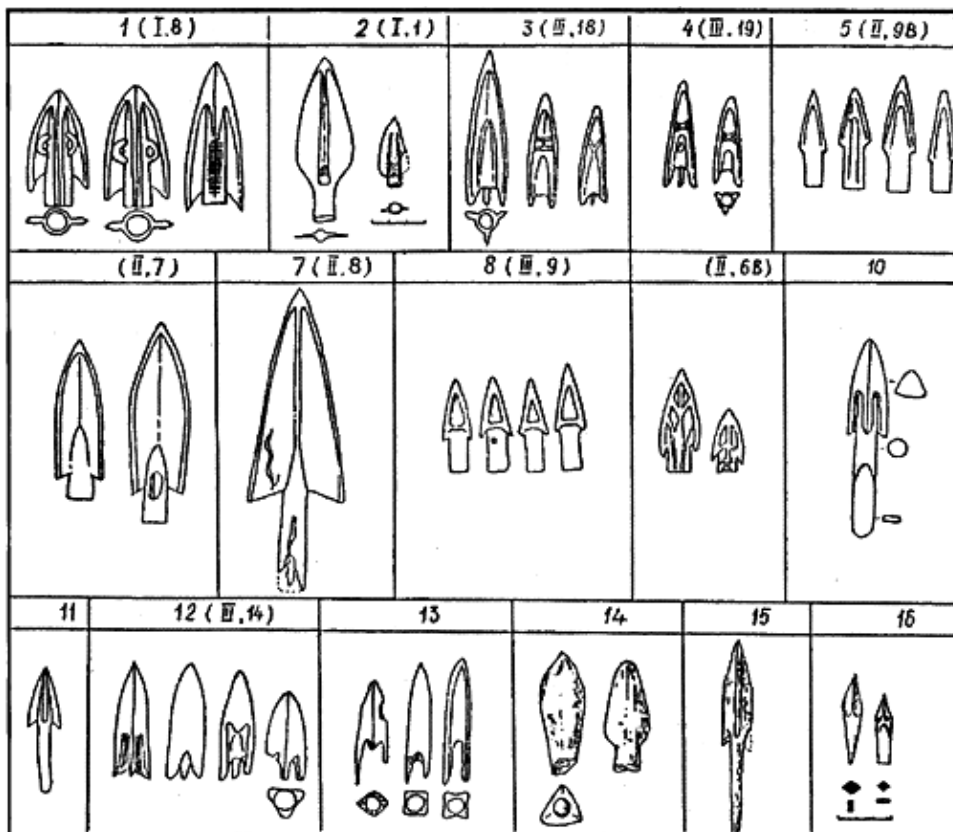

Рис. 1. Южное Приуралье. Типы наконечников стрел, не характерные для нижеволжских колчанов. В скобках указаны номера типов по классификации К.Ф. Смирнова (1961, табл. I–V)

хотя в скобках указаны отдел (римская цифра) и номер типа (арабская цифра, иногда с буквенным литером) по классификации К.Ф. Смирнова.

К типу 1 относится три экземпляра крупных двулопастных наконечников стрел со сводчатой головкой и выступающей втулкой. Две из них происходят из одного комплекса (Мечет-Сай, 2/2). Они имеют оригинальную деталь – по два отверстия на втулках. Третий экземпляр этого типа также имеет декоративную деталь – поперечную нарезку на втулке (Домбровка).

Тип 2. Этот тип также относится к разряду редко встречающихся. К нему относятся два экземпляра из двух комплексов (Сара, 7; Сибай-11, 14). Они представляют собой двулопастные наконечники с выступающей втулкой и листовидной в плане головкой, расширяющейся в нижней трети высоты. Оба экземпляра не идентичны. Экземпляр из кургана 7 у с. Сара имеет узкий ромбический нервюр, представляющий продолжение втулки. Сибайский наконечник имеет поперечную нарезку на втулке.

Тип 3. К этому типу относятся трехлопастные наконечники стрел со сводчатой головкой с опущенными ниже втулки, дуговидно изогнутыми шипами. Часто они бывают украшены различного вида литыми метками. К.Ф. Смирнов относил этот и следующий за ним тип 4 (III 19) к отделу трехгранных на том основании, что они имеют трехгранную втулку (Смирнов, 1962, с. 58, табл. V). Однако по конструкции они полностью повторяют трехлопастные стрелы. Трехгранные втулки зачастую имеют и другие трехлопастные стрелы. Поэтому мной предлагается считать их все же трехлопастными. Они встречаются в комплексах, всегда по несколько экземпляров. В кургане у пос. Благословенского – 16 экземпляров этого типа. Позднее в колчанах прохоровской культуры этот тип становится ведущим.

Тип 4. К этому типу относятся трехлопастные наконечники стрел с треугольными головкой и опущенными ниже втулки лопастями-шипами. Встречены они всего в 4 комплексах, всегда по несколько экземпляров. Они часто украшены литыми метками. Наибольшее распространение они получают также в колчанах прохоровской культуры.

Тип 5. К этому типу относятся трехлопастные стрелы с узкой треугольной головкой и выступающей втулкой. Лопастей едва намечены. Крупными сериями наконечники этого типа встречаются в поздних комплексах, они, как и типы 3 и 4, становятся обычным явлением в комплексах прохоровской культуры. Единицами экземпляров они фиксируются в ранних комплексах. В общей сложности 15 погребений из моей выборки содержат в своем колчанном наборе наконечники типа 5.

Тип 6 и тип 7 представляют собой оригинальные трехлопастные наконечники стрел очень крупных, нестандартных размеров. Точные аналогии этим стрелам найти пока не удалось. К типу 6 относятся четыре экземпляра. Тип 7 представлен одним экзем-

пляр. Наконечники обоих рассматриваемых типов были представлены в колчанном наборе из с. Сара (конец VI – начала V в до н.э.). находка наконечников стрел столь крупных размеров дала основание К.Ф. Смирнову предположить существование у кочевников Южного Приуралья лука более длинного, чем обычный скифский лук (Смирнов, 1961, с. 48).

Тип 8. В этот тип выделена мной разновидность трехгранно-трехлопастных стрел с А-образной каймой. Отличие их от наконечников общих по форме с нижеволжскими заключается в том, что у последних перекаладина проходит в верхней части головки, поэтому ножки буквы «А» ниже нее образуют лопасти. А у наконечников стрел типа 8 перекаладина проходит в самом низу головки, поэтому они практически не имеют лопастей. Их можно считать трехгранными с выступающей втулкой и треугольным вырезом в гранях головки. Наконечники типа 8 встречены в трех комплексах, из которых в Соболевском кургане – крупной серией из 64 штук, в остальных по одному-два экземпляра.

Тип 9. К нему относятся массивные наконечники стрел со сводчатой головкой, выступающей втулкой, украшенные литым ажурным орнаментом. Они встречены в трех комплексах.

Тип 10. К нему относятся бронзовые черешковые наконечники стрел с круглым в сечении черешком и сводчатой трехгранно-трехлопастной головкой с дуговидным вырезом-ложком. Они встречены в трех комплексах.

Тип 11. К нему относятся бронзовые черешковые наконечники стрел с плоским в сечении черешком и треугольной трехлопастной головкой. Они встречены в шести комплексах. К.Ф. Смирнов указывал двум последним типам черешковых стрел аналогии из Казахстана, Сибири и сокровищницы Персеполя (Смирнов, 1961, с. 63) и рассматривал их как подтверждение контакта между кочевниками Приуралья и ахеменидской Персии.

Тип 12. К нему относятся бронзовые крупные трехгранные наконечники стрел со сводчатой головкой, дуговидным вырезом базы и опущенными ниже втулки длинными шипами. К.Ф. Смирнов объединял их с поволжскими экземплярами типа IV 21. Однако, на наш взгляд, они не могут относиться к одному типу: во-первых, в южноприуральских колчанах есть другие наконечники, которые действительно однотипны с нижеволжскими стрелами типа IV 21; во-вторых, наконечники о которых идет речь, отличаются крупными размерами и формой головки, которая, будучи сводчатой на вершине, в нижней трети высоты слегка сужается. В целом абрис стрелы напоминает несколько форму торпеды. Они встречены по несколько экземпляров в семи комплексах.

Тип 13. К нему относятся почти такие же стрелы, как типа 12, но только четырехгранные. Они встречены в четырех комплексах. Восемь наконечников стрел этого типа из кургана 2 Мечет-Сайского могильника отличаются вытянутыми пропорциями.

Тип 14. К нему относятся крупные железные втульчатые трехгранные наконечники стрел. Найдены в двух комплексах (Сара курган 7 и Новый Кумак курган 19).

Тип 15. К нему относится железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы с трапециевидной головкой. Он найден в единственном экземпляре в кургане у с. Благодословенского. Ближайшая аналогия ему известна в прохоровском погребении в кургане 4 группы Алебастрова Гора у пос. Нежинского.

Тип 16. Представлен двумя черешковыми трехгранными костяными наконечниками стрел. Они найдены в кургане 14 могильника Сибай-II в одном колчане с бронзовыми наконечниками.

Особо следует остановиться на типе 21 отдела II (трехлопастных). Они встречаются как в Нижнем Поволжье, так и в Южном Приуралье (рис. 2). По формальным признакам они относятся к одному типу. Но по некоторым деталям они сильно отличаются. Во-первых, южно-приуральские отличаются длинными, опущенными ниже втулки лопастями-шипами. У нижеволжских экземпляров этого типа основание базы имеет всего лишь неглубокую дуговидную выемку. Во-вторых, если среди нижеволжских четко выделяются экземпляры массивные и немассивные, что фиксируется также статистически, то в Южном Приуралье эта тенденция не прослеживается. Зато прослеживается другая тенденция – увеличение общей высоты наконечников стрел и сужение ширины лопастей. Как видно дальше, это касается не только типа II 21. В-третьих, все южно-приуральские наконечники стрел этого типа отличаются от нижеволжских большей высотой, и как следствие, особой стройностью. Наконец, представительность этого типа различна. В Нижнем Поволжье тип II 21 не относится к разряду массовых и встречен всего в 9 комплексах. В Южном Приуралье этот тип наиболее распространенный от самых ранних колчанов до са-

мых поздних и встречен довольно многочисленными сериями в 27 комплексах.

Все сказанное выше относится и к типу II 22 (трехлопастные наконечники стрел с треугольной головкой). В Нижнем Поволжье они встречены в двух поздних комплексах по одному экземпляру. В Южном Приуралье тип II 22 встречается гораздо чаще, правда тоже единичными экземплярами. Они зафиксированы нами в десяти комплексах.

Такая же ситуация, но только обратная наблюдается с типом III 2. В Нижнем Поволжье они встречаются в 9 комплексах всегда по несколько экземпляров. В Южном Приуралье имеются всего два экземпляра из одного комплекса (с. Абрамовка, курган 1894 г.). Причем если нижеволжские наконечники стрел этого типа происходят из поздних комплексов, то южно-приуральские найдены в комплексе с двулопастными экземплярами. Поэтому тип III 2 характерен больше для Нижнего Поволжья.

Еще один тип, несмотря на существование сходных экземпляров в обоих регионах, можно рассматривать как различающийся – III 1. К нему относятся массивные трехгранно-трехлопастные наконечники со сводчатой трехгранной головкой, отделенной от лопастей различного вида ложками (рис. 3). В Южном Приуралье они встречены в 12 комплексах. Такие же массивные стрелы имеются в Нижнем Поволжье в 10 комплексах. В следующих 10 нижеволжских комплексах они представлены немассивными экземплярами, которые ни разу встречены в Южном Приуралье. При более подробном рассмотрении, массивные экземпляры двух регионов имеют существенные различия в деталях. Южно-приуральские стрелы имеют глубокий вильчатый вырез. Кроме того, он расположен значительно ниже, чем у нижеволжских. Южно-приуральские наконечники этого типа отличаются от нижеволжских оригинальными литыми украшениями.

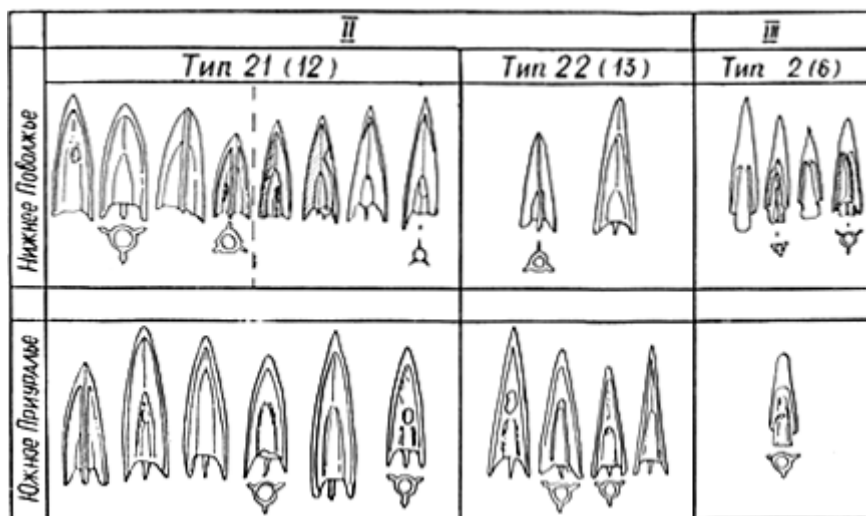

Рис. 2. Типы наконечников стрел, различающиеся. Отдел II-III – Сравнительная таблица. В скобках указаны номера типов по классификации К.Ф. Смирнова (1961, табл. I-V)

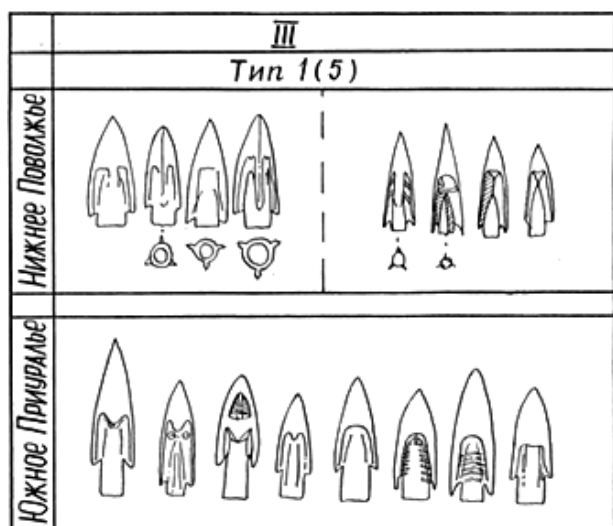

Рис. 3. Типы наконечников стрел, различающиеся. Отдел III. Сравнительная таблица. В скобках указаны номера типов по классификации К.Ф. Смирнова (1961, табл. I–V)

На основании вышеприведенных наблюдений четыре типа: II 21, II 22, III 1 и III 2 можно считать различными для каждого из сравниваемых регионов.

У ряда типов наконечников стрел намечаются различия по вариантам. Например, тип II 2 представлен в Южном Приуралье такими экземплярами, которые для Нижнего Поволжья отнесены к варианту массивных. Тип II 2 ведущий в Южном Приуралье и встречается почти во всех колчанах от ранних до поздних в неизменном массивном варианте. Таким образом, немассивный вариант типа II 2

является нехарактерным для Южного Приуралья. То же самое касается немассивных вариантов типов II 1a, IV 1, IV 2.

Все это подводит к выводу, что наконецники стрел двух сравниваемых регионов имеют большое количество взаимоисключающих типов: в Нижнем Поволжье – 11, в Южном Приуралье – 16. У четырех типов имеются существенные различия по конструктивным деталям и представительности, что позволяет относить их к типам своеобразным для каждого региона в отдельности. Еще три типа отличаются тем, что в Южном Приуралье не встречаются немассивные варианты этих типов. Южно-приуральские экземпляры остаются неизменно массивными, в то время как нижеволжские становятся со временем мельче и изящнее.

Уловить роль типов, нехарактерных для Нижнего Поволжья в составе колчаных наборов Южного Приуралья, позволяет корреляционная таблица, у которой по горизонтали расположены типы наконечников стрел, а по вертикали – колчаные наборы. После операции упорядочивания их по принципу наибольшего сходства наблюдается следующая картина. Колчаные наборы образовали три группы комплексов наиболее близкие друг другу по составу (рис. 4).

Первая группа южно-уральских колчанов характеризуется наиболее многочисленными и самое главное наиболее разнообразными наборами. Затем из этого большого массива выкристаллизовывается набор, менее разнообразный по составу, включающий около 9 типов, среди которых ведущую роль

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36		
1*				X			X	X	X				X	X						X	X	X																
2							X			X											X	X	X															
3														X								X	X														X	
4				X	X		X																			X				X								
5							X				X	X				X																						
6				X	X	X	X	X		X	X	X	X	X		X	X			X				X	X													
7							X					X																										
8				X	X		X	X							X										X													
9*				X	X	X			X		X	X				X										X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X		
10				X	X						X	X	X	X										X	X													
11*							X	X	X				X		X												X	X									X	
12				X	X		X					X	X	X																								
13				X	X		X	X	X		X	X	X	X					X																			
14				X	X		X					X	X	X																								
15				X			X	X					X	X																								
16*							X							X																								
17				X	X		X	X				X	X																									
18				X	X		X					X	X					X																				
19							X			X																												
20				X			X																															
21				X	X							X	X																									
22*				X			X								X																							
23							X	X							X																							
24				X	X	X	X		X	X	X				X																							
25				X	X							X	X																									
26				X			X	X							X																							
27				X	X										X																							
28*				X			X						X																									
29				X	X		X					X	X																									
30	X	X	X	X	X		X	X	X						X																							

Рис. 4. Колчаные наборы Южного Приуралья. Корреляционная таблица.

Список типов наконечников стрел: 1–15*; 2–3*; 3–4*; 4 – II 21*; 5 – II 22*; 6–9*; 7 – II 2; 8 – IV 5; 9 – IV 21; 10 – II 4; 11 – I 1b; 12 – IV 1; 13 – III 1*; 14 – II 1a; 15–5*; 16 – III 1a; 17 – III 8*; 18 – III 21; 19 – IV 2; 20 – I 6; 21 – II 3; 22 – I 4; 23 – III 2*; 24 – III 12; 25 – II 11; 26 – II 12; 27–12*; 28–13*; 29–2*; 30–14*; 31–8*; 32–10*; 33–11*; 34–6*; 35–7*; 36–1*.

* Типы наконечников стрел, не характерные для нижеволжских колчанов

играет два типа – II 2 и II 21 с треугольной головкой и выступающей втулкой и с треугольной головкой и с опущенными ниже втулки шипами. Эти типы являются основными во второй группе колчанных наборов.

В третьей группе появляются типы 3 и 4. Они наряду с типами с треугольной головкой составляют большинство в наборах третьей группы. Эти традиции в развитии колчанов продолжают и последующее время. Колчаны третьей группы по существу демонстрируют собой уже оформившиеся в своем классическом виде колчанные наборы прохоровской культуры. Учитывая то, что основные типы колчанов всех трех групп одни и те же, приходим к выводу, что это по существу единый комплекс, который претерпевает изменения во времени, что выразилось в смене некоторых типов наконечников стрел. Основное его ядро на всех этапах составляли типы II 1a, II 21, II 2. Из которых два последних относятся, как показано выше, к разряду отличающихся от нижевожских типов.

В связи с этим интересно отметить следующий факт. По нашим наблюдениям, между типами II 21 (трехлопастных со сводчатой головкой базисные) и тип 3 (трехлопастные, со сводчатой головкой и опущенными ниже втулки лопастями-шипами) не существует принципиальной разницы. Также нет принципиальной разницы между типами II 22 (трехлопастных с треугольной головкой базисные) и тип 4 (трехлопастных с треугольной головкой и опущенными ниже втулки лопастями-шипами). К.Ф. Смирнов выделил указанные выше попарно типы на том основании, что типы 3 и 4 относятся к разряду трехгранных. Судя по тому что, типы II 21 и II 22 встречаются в ранних комплексах, а типы 3 и 4 – в поздних, получается, что последние являются продуктом эволюции ранних типов в сторону уменьшения ширины лопастей, сходящих почти на нет. Поэтому они кажутся трехгранными. Этот момент отмечал еще П. Рау: “Den Typus zeichnet immer noch eine gewisse Schwere aus, er ist eigentlich ein Dreikantpfeil mit leicht einwärts gebogenen Flächen oder besse eine Mishform von Dreikant – und Dreiflügelpfeil” (Трудно определить является ли этот тип трехгранным со слегка заглубленными сторонами или лучше определить его как смешанную форму между трехгранными и трехлопастными) (Rau, 1929). Названные попарно типы наконечников стрел являются довольно многочисленными в колчанных наборах, как ранних, так и поздних. В ранних наборах доминирование этих типов не столь заметно из-за большого разнообразия других типов стрел. В поздних это доминирование обнаруживается легче, так, поздние наборы менее разнообразны по составу.

В первой группе колчанных наборов Южного Приуралья встречаются 17 типов нехарактерных для Нижнего Поволжья. Из них 13 – присущи наборам только первой группы. Из оставшихся четы-

рех – тип 9 присутствует также во второй группе. А три типа: 5, II 21 и II 22 встречаются в колчанах всех трех групп.

В наборах второй группы нехарактерными для Нижнего Поволжья являются названные выше четыре типа. В третьей группе, кроме трех типов, присущих всем группам, появляются еще три типа 3, 4 и 15. Таким образом, наглядно показано, что на всех этапах развития в колчанах Южного Приуралья значительное место всегда занимали типы наконечников стрел, нехарактерные для Нижнего Поволжья.

На данном этапе мной не ставилась цель проследить типологию наконечников стрел Южного Приуралья, а преследовалась цель изучить роль наконечников стрел, нехарактерных для Нижнего Поволжья. Однако выявленные попутно закономерности, на мой взгляд, являются достаточно показательными и указывают на то, что намеченный путь может принести значительную пользу для изучения хронологии памятников Южного Приуралья скифского времени. Не вдаваясь глубоко в существо вопроса, можно наметить некоторые хронологические границы групп. Так, видно в таблице (рис. 1), в первую группу входят колчаны, датированные К.Ф. Смирновым VI и концом VI – началом V в. до н.э. Во вторую группу входят колчаны, датированные V веком до н.э. А третью группу составляют со смещением два комплекса, колчаны, датирующиеся концом V – началом IV в. до н.э.

В Нижнем Поволжье прослежена несколько иная схема. Хронологическому анализу наконечников стрел Нижнего Поволжья была посвящена статья, опубликованная в «Российской археологии» (Очир-Горяева, 1996, с. 41–54). Поэтому в данной статье дается краткое описание проделанной работы. Первая группа характеризуется наборами, состоящими всего из нескольких типов, немногочисленные по количеству экземпляров. Затем появляются крупные наборы, имеющие в своем составе типы, характерные для первой и для второй группы. После этой переходной группы появляется компактная группа, имеющая в своем составе около 9 ведущих типов. В более поздних комплексах традиции в целом сохраняются. Стрелы становятся еще мельче и изящнее. На всех этапах ведущими в Нижнем Поволжье являются типы с выступающей втулкой со сводчатой и треугольной головкой, а также базисные со сводчатой головкой (II 1a, II 2, II 16, II 11). Все вышеперечисленные закономерности отражают общую тенденцию, когда наконечники становятся все изящными, острия их становятся все тоньше и острее, за счет потери веса наконечника стрелы.

В первой хронологической группе Нижнего Поволжья представлены 4 типа, нехарактерных для Южного Приуралья (I 18, I 13, II 3, III 3, II 21) и II 22 (трехлопастных с треугольной головкой базисные) и тип 4 (трехлопастных с треугольной головкой

и опущенными ниже втулки лопастями-шипами). В переходной группе (верхний пласт I хронологической группы) к ним прибавляется еще четыре типа (II 16, четырехгранные костяные, трехгранные костяные, крупные железные).

Во второй хронологической группе остаются те четыре типа, которые появились в переходной группе и прибавляются еще четыре типа (IV 11, III 2, железные мелкие и тип II 22).

К числу различий колчаных наборов двух регионов относятся следующие: значительное разнообразие типов наконечников стрел первой хронологической группы в Южном Приуралье по сравнению с первой группой из Нижнего Поволжья; наличие в Южном Приуралье крупных экземпляров наконечников стрел, свидетельствующих о существовании более крупного лука, чем обычный скифский; наличие в Южном Приуралье двух типов черешковых бронзовых наконечников стрел, а также многочисленные литые декоративные детали на многих типах наконечников стрел; наличие в Нижнем Поволжье – трехгранных и четырехгранных втульчатых костяных наконечников стрел, а также крупных и мелких трехлопастных втульчатых железных наконечников стрел.

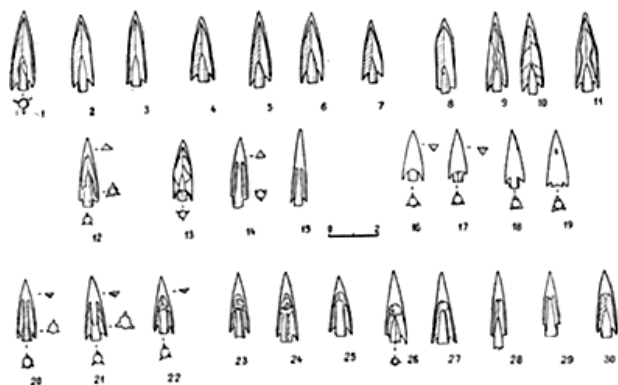

Рис. 5. Колчаный набор. Аксеновский-1, курган 11.

IV век до н.э. (Шилов, Очир-Горяева, 1997, рис. 7).

Всего – 62 экземпляра. Из них: 1 – девять, 4 – восемь, 6 – три, 7 – два, 9 – две, 10 – три, 11 – четыре, 14 – два, 16 – две, 20 – два, 28 – три, 29 – два, 30 – три

В обоих соседних регионах во всех хронологических группах были представлены взаимоисключающие и различающиеся типы стрел. Различия по наконечникам стрел Нижнего Поволжья и Южного Приуралья носят принципиальный характер. Имеются не только различные типы, но и развитие колчаных наборов идет в каждом регионе по-своему, то есть прослеживается независимая хронологическая схема. Важным являются особенности в развитии самих типов наконечников стрел. В Нижнем Поволжье почти все типы меняются от массивных к более изящным и остроконечным, за счет потери веса (рис. 5). Лопастия стрел, по выражению П. Рау, "papierdünn" («тонкими, как

лист бумаги») (Рау, 1929). Подобная тенденция в сторону измельчения и большей заостренности наконечников стрел прослеживается в поздних колчаных наборах Северного Причерноморья (Мелюкова, 1964). Без специального исследования трудно утверждать, что было причиной подобной эволюции во времени. За счет уменьшения массы увеличивалась дальность полета стрелы, кроме того, экономился ценный цветной металл для их отливки. Возможно, это было последствием усовершенствования литейного мастерства, доведенного почти до ювелирного уровня.

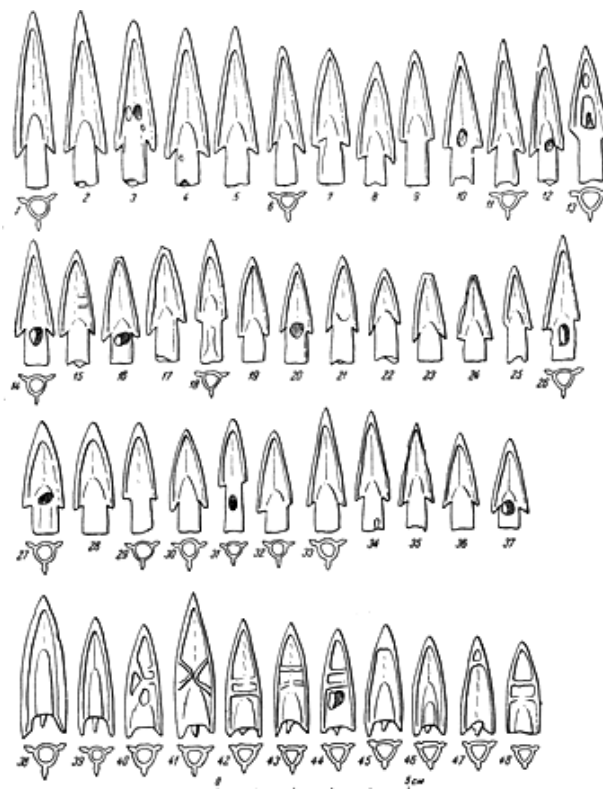

Рис. 6. Колчаный набор. Новый Кумак, курган 11.

IV в до н.э. (Смирнов, 1961, рис. 36).

Всего 80 экземпляров. Из них: 1–3 – пятнадцать, 4, 5 – шесть, 6 – пять, 10, 20, 24, 30 – по два, 14 – шесть, 27–28 – три

В Южном Приуралье этот процесс грацилизации наконечников стрел и придания остроконечности также имел место, но развивался по другому пути. Здесь наконечники становились острее, но не теряли своей массивности за счет увеличения стрелы в длину, то есть они изменялись во времени только в сторону большей стройности – становясь уже, выше и острее, но, не теряя веса, а значит, и убойной силы (рис. 6). Высокие узкие остроконечные на высокой втулке или же базисные с низко опущенными острыми лопастями-шипами наконечники стрел Южного Приуралья скифского времени продолжают преобладать в более поздних прохоровских колчанах (Мошкова, 1963, таблицы 14–17). Указанный факт надо расценивать, на мой взгляд, как показатель эффективности и высоких

боевых качеств южно-приуральских наконечников стрел по сравнению с такими же острыми, но легкими, соответственно менее убойными стрелами более западных регионов – степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья. Полагаю,

именно это преимущество боевых качеств наконечников стрел южно-приуральских кочевников могло быть одним из слагающих военного успеха в продвижении племен прохоровской культуры на запад.

Литература

Мелюкова, 1964: Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М.: Наука, 1964. Вып. Д 1–4113 с.

Мошкова, 1963: Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. М.: Наука, 1963. Вып. Д 1–4. 52 с.

Очир-Горяева, 1994: Очир-Горяева М.А. Костяные наконечники стрел Приволжских степей // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Кисловодск: Институт археологии РАН, 1994. С. 28–29.

Очир-Горяева, 1996: Очир-Горяева М.А. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. 1996. № 1. С. 41–54.

Смирнов, 1961: Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. М.: АН СССР, 1961. № 104. 101 с.

Шилов, 1997: Шилов В.П., Очир-Горяева М.А. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-I–II // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. М.: ИА РАН, 1997. Вып. 1. С. 127–153.

Rau, 1929: Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der Skythischen Pfeilspitze. Pokrowsk: Deutscher Staatsverl. "Nemgosisdat" ASRR d. Wolgadeutschen, 1929. 112 s.

А.Н. Подушкин
(г. Шымкент, Республика Казахстан)

О НАЗНАЧЕНИИ ПРЕДМЕТОВ ДИСТАНЦИОННОГО ОРУЖИЯ ИЗ КАТАКОМБ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

В археологических комплексах катакомбных погребений арысской культуры Южного Казахстана первых веков до – первых веков н.э. обнаружены дисковидные круглые изделия из легкой губчатой кости (в том числе из панциря черепахи) диаметром 3,8–5 см с отверстием в центре. Как правило, их сопровождает почти полный набор клинкового (мечи, кинжалы) и дистанционного (части луков, наконечники стрел) оружия явно кочевнического облика (Подушкин, 2009, с. 176–178).

Более того, условия находок подобных предметов непосредственно связаны с луком, т.е. *in situ* они присутствуют вместе с частями «М»-образного сложносоставного лука (костяные концевые и срединные парные накладки на кибить). В этом плане заслуживают внимания погребения в могильнике Акбулактобе (курган 3) и могильнике Кылышжар (курган 5).

Погребальное сооружение кургана 3 могильника Акбулактобе представляет собой двухчастную «Т»-образную катакомбу, включающую траншейный бесступенчатый дромос и сводчатую полую погребальную камеру овально-прямоугольной планировки. Здесь было открыто редкое по присутствию в нём артефактов погребение воина-номада первых веков до н.э. – рубежа н.э. в полном вооружении (*цветная вкладка*, рис. 19. 1). Одиночный костяк крупного мужчины средних лет (рост около 2 м) располагался в центре камеры; обряд погребения – трупоположение на спине с ориентацией изголовья на восток.

У изголовья костяка найден керамический ритуальный кувшин-курильница с высокой горловиной без ручек и со специально подправленным под квадрат в разрезе туловом; на внешних стенках сосуда отмечено закопчение (факт использования сосуда на огне). Вблизи изголовья помещались также кости овцы (от передней части туши) и небольшой железный разделочный однолезвийный бытовой нож.

В числе погребального инвентаря отмечены: железный черешковый обоюдоострый без перекрестия и навершия меч; кинжал железный черешковый без навершия и перекрестия в сложносоставных ножнах, окрашенных в красный цвет (дерево, ткань, кожа); черешковые трехперые с выраженными «жальцами» и острой ударной головкой железные наконечники стрел; железная поясная пряжка с бегающим язычком; каменная яшмовая прямоугольная пряжка-пуговица; железный колчанный крюк

на круглой пряжке; железное круглое подвесное под меч кольцо; железный разделочный черешковый однолезвийный бытовой нож.

Наконец, найдены части боевого сложносоставного «М»-образного лука. Это концевые парные накладки из кости, костяные срединные парные накладки и фронтальная пластина на кибить, округлая сферическая пластина из кости панциря черепахи с отверстием в центре, а также специальные приспособления для поддержания лука в боевом состоянии (фигурный овальный камень для лощения тетивы и округлый камень из песчаника для заточки ударной головки железных трехперых наконечников стрел (*цветная вкладка*, рис. 19. 1–2).

Погребальный инвентарь располагался следующим образом: справа у тазовых костей костяка – кинжал; слева, перекрывая бедренные кости – меч; у тазовых костей слева – подвесное железное кольцо под меч; в центре тазовых костей – каменная пряжка и железная пряжка с бегающим язычком; справа у правой кисти, ближе к поясу – колчанный крюк, здесь же – наконечники стрел; лук располагался слева вдоль костяка. В числе погребальной обрядности отмечено присутствие под костяком плетеной камышовой подстилки и тленные останки ткани, которой было покрыто тело умершего воина.

Погребальное сооружение кургана 5 могильника Кылышжар типологически относится к трехчастным катакомбам «с дромосом с заплечиками», по форме она также «Т»-образная (рис. 1). В ней открыто основательно ограбленное погребение воина-номада, погребальный инвентарь которого включал следующие артефакты: керамику (столовые кувшин и фляга с тамообразным знаком на тулове); железный черешковый обоюдоострый без перекрестия и навершия меч; железный обоюдоострый черешковый без навершия и перекрестия кинжал; трехперые железные черешковые наконечники стрел; части концевой костяной накладки на сложносоставной «М»-образный лук; костяной круглый артефакт с овальным отверстием в его центре (в разрезе изделие сегментовидное, с полировкой обеих поверхностей (рис. 1: 1–13)).

В отношении срединных парных костяных накладок на кибить лука из катакомбы 3 могильника Акбулактобе отметим немаловажный факт, который в сочетании с костяным круглым предметом может дать ценную информацию в реконструкции процесса стрельбы в контексте повышения ее быстро-

ты и «качества». Дело в том, что одна из костяных пластин (правая, если держать лук вертикально) на всю верхнюю часть от ее общей длины, выше перегиба кибити рукой, имеет специально сделанный паз-выемку приблизительно на размер диаметра древка стрелы около 0,8–1 см (этот паз затрагивал, очевидно, и деревянную основу).

Анализ артефактов, этнокультурные параллели позволяют отнести данные погребения к сармато-суннускому кругу племен I в. до н.э. – III в. н.э., который хорошо фиксируется по материалам арысской культуры в рамках государственного объединения Канцзюй (Кангюй) на территории Южного Казахстана и Средней Сырдарьи (Подушкин, 2000, с. 150–157; 1, с. 175–176).

Почти аналогичные предметы округлой формы с отверстием в центре из кости (дерева) и также – в комплекте с массой концевых, срединных накладок на сложносоставной лук обнаружены в могильниках джетыясарской культуры низовьев Сырдарьи этого же времени (Левина, 1993, с. 89–90, рис. 81: 8 и 18; Левина, 1994, с. 65, рис. 124: 9, рис. 125: 19, рис. 130: 3). Относительно функциональности таких изделий Л.М. Левина осторожно сделала предположение, что они могут являться «...вероятной принадлежностью луков» (Левина, 1996, с. 197), которые «...возможно, предназначены для защиты пальцев

руки при натягивании тетивы» (Левина, 1993, с. 90; Левина, 1994, с. 65). Заметим также, что более аналогий на этот счет в общеизвестной литературе по сложносоставным лукам пока найти не удалось (Литвинский, 1966, с. 51–69; Хазанов, 1971; Худяков, 1986, с. 23–52).

Комплексный археологический, трассологический анализ подобных артефактов из других катакомбных погребений арысской культуры (*цветная вкладка*, рис. 20; могильник Акбулактобе, катакомба 3 – (Подушкин, 2009, с. 178, табл. 3, рис. 2); могильник Кылышжар, катакомба 5 и 8 – (Подушкин, 2012, с. 209–211, рис. 2: 7, рис. 4: 14; Подушкин, 2010, с. 210, рис. 3: 15) позволяет сделать следующие выводы:

– указанные дисковидные (иногда с небольшим прогибом) костяные изделия имеют прямое отношение к сложносоставному «М»-образному луку сармато-суннуского типа, это его какая-то вспомогательная часть, связанная с тетивой. Такой лук был жестким и относительно небольшим (от 0,9 до 1,05 м в боевом состоянии);

– судя по выраженным следам функционального использования подобных изделий (отверстие в центре эллипсоидной формы, по краю пластины «затертости»), их можно трактовать как оттягиватели тетивы: эллипсоидное отверстие в центре – свидетельство «работы» тетивы, а «затертости»

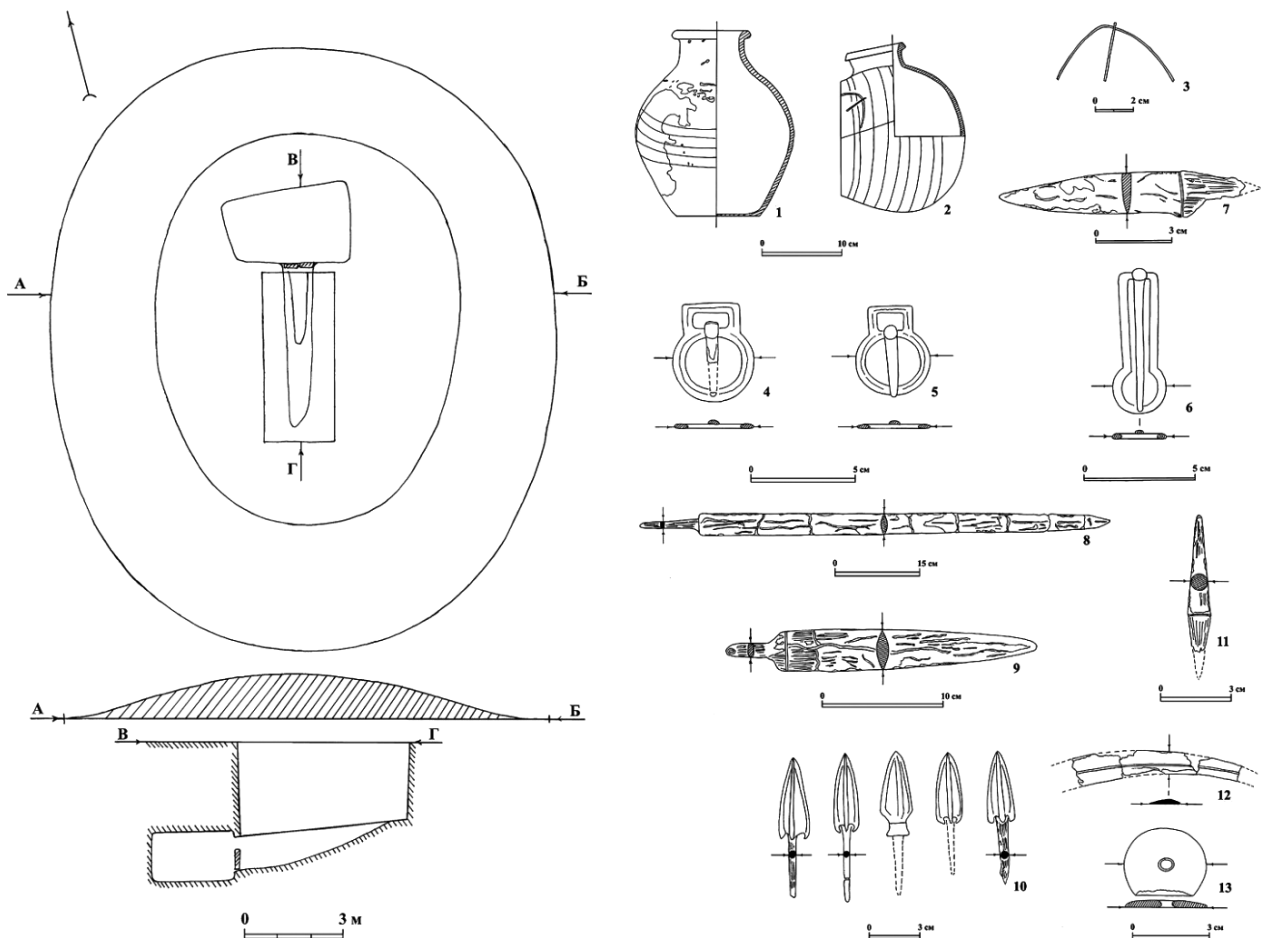

Рис. 1 Археологический комплекс катакомбы 5 могильника Кылышжар

по периметру это результат частого зажима оттягивателя пальцами рук.

– такие оттягиватели располагались в центре тетивы, а для того, чтобы они стационарно там находились, имелись фиксаторы с обеих сторон (в виде обмотки сыромятными ремешками). Косвенно такое предположение подтверждают материалы некрополя Алтынасар: в погребении № 190 обнаружен круглый деревянный оттягиватель с бронзовой пластиной, который имел кожаный ремешок для крепления, очевидно, к тетиве (Левина, 1994, с. 65).

Дисковидный костяной оттягиватель как приспособление для стрельбы из лука без сомнения мог быть востребованным в древности: сармато-суннские «М»-образные кочевнические луки, адаптированные к конному дистанционному бою, были небольшого по разлету крыльев размера (это давало преимущество при транспортировке верхом на лошади) и потому чрезвычайно жесткими (Литвинский, 1966, с. 56). Поэтому натяжка тетивы таких луков при боевой стрельбе была делом физически трудным, которое могло травмировать кончики пальцев рук.

В этом случае оттягиватель значительно облегчал задачу частой стрельбы, полностью исключая варианты травмирования пальцев рук, поскольку такое изделие выступало в роли «посредника» и не предполагало прямой контакт пальцев рук с жесткой тетивой. Кроме всего, стрела (древко и толкатель с прорезью) сразу ложилась на небольшую платформу-сегмент оттягивателя, фиксируясь таким образом, что тоже немаловажно при целенаправленной стрельбе, а малая амплитуда колебания тетивы жесткого лука позволяла сохранять оттягиватель без риска разбить его о кибить.

Наконец, выше отмечалось наличие «полочкоступеньки», образованной за счет паза-выемки в центральной части кибиты сложносоставного «М»-образного лука – совершенно очевидно, что

такая конструкция касалась непосредственно акта закладки на тетиву стрелы: в этом варианте стрела почти идеально ложилась на середину кибиты (в паз) и середину тетивы (сегментовидная платформа оттягивателя, обращенная к кибиты), что создавало самые благоприятные условия для быстрой и эффективной боевой стрельбы.

Вышеперечисленные аргументы позволили реконструировать способ «работы» костяных (панцирных) круглых оттягивателей следующим образом (*цветная вкладка*, рис. 21): на сегмент оттягивателя, обращенный к кибиты, закладывалась концевая часть древка стрелы с толкателем, а другой сектор оттягивателя зажимался большим (сверху) и указательным (снизу) пальцами для собственно осуществления процесса натягивания тетивы.

Исторических параллелей использования подобных оттягивателей в процессе стрельбы из лука на просторах древней Евразии пока найти не удалось. Между тем сам принцип не прямого контакта пальцев рук с тетивой при стрельбе из лука известен в исторических и этнографических материалах в средневековье и более позднее время – так, для исключения вариантов травмирования и предохранения кончиков пальцев рук применяли специальные костяные кольца; последние одевались на большой палец, и с их помощью натягивалась тетива лука (монгольский способ). Аналогичный метод оттягивания тетивы и предохранения подушечек пальцев достаточно широко практиковался в Китае, Индии, Иране, Турции, Монголии (Morese, 1922, p. 5, fig. 5, p. 38–39, plate I–III).

Факт появления костяных (деревянных) оттягивателей на тетиву сложносоставного «М»-образного лука в сармато-суннских комплексах катакомб арысской культуры можно рассматривать как определенную новацию в традициях боевого искусства кочевников Центральной Азии и Казахстана.

Литература

- Подушкин, 2009: Подушкин А.Н. Сунну в Южном Казахстане (историко-археологический аспект в рамках исследования памятников арысской культуры) // Труды Центрального музея. Алматы, 2009. Том II. С. 173–182.
- Подушкин, 2012: Подушкин А.Н. Катакомбы могильника Кылышжар II в. до – III в. н.э. и сарматы на территории Южного Казахстана // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения». Актобе, 2012. С. 207–217.
- Подушкин, 2010: Подушкин А.Н. Сарматы в Южном Казахстане // Древние культуры Евразии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию А.Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 207–217.
- Хазанов, 1971: Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
- Литвинский, 1966: Литвинский Б.А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на востоке) // СА. М., 1966. № 4. С. 51–69.
- Худяков, 1986: Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. 267 с.
- Edward, 1922: Edward S. Morese. Additional notes on arrow releas. Peabody Museum. Salem, Massachusetts, 1922. 48 p.

Ю.Б. Полидович
(г. Донецк, Украина)

СТРУКТУРА И СИМВОЛИКА ДЕКОРА НОЖЕН МЕЧЕЙ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Ножны как специальный футляр, защищающий тело от острого клинка ножа или кинжала, появляются давно. На территории Северного Причерноморья археологически они зафиксированы как минимум для начала эпохи поздней бронзы. Примером этого может служить находка деревянных ножен для боевого (?) ножа в погр. 14 кург. 1 у с. Николаевка Донецкой области (Полидович, 1993, с. 53, рис. 30, 1). Элементы ножен кинжалов найдены в предскифских комплексах. Они фиксируются по незначительным фрагментам, оставшимся от деревянных ножен, обтянутых кожей (Тереножкин, 1976, с. 123). В редких случаях были обнаружены металлические части ножен, в основном обоймы и наконечники. Это находки в погр. 2 кург. Высокая Могила (степное Поднепровье), кургане у с. Белоградец (Болгария), а также на Субботовском городище и находок у с. Гулы в Среднем Поднепровье, в Татарском Бунашеве (Волго-Камский регион), Лейбнице (Австрия), кургане в с. Якабхеги (Паннония), погребениях ранней кобанской культуры Кавказа (Тереножкин, 1976, с. 28–30, 35, 123–126, рис. 5; 9; 32; 37, 5; 49–50; 71, 4; 74, 3). Многие из них имеют характерный для того времени геометрический орнамент, в том числе отражающий солярную символику.

В скифское время, вероятно, все кинжалы и мечи носились в ножнах. Преимущественно это были деревянные ножны, обтянутые кожей (редко – материей), об остатках которых при археологических исследованиях сообщают многие исследователи (например: Мелюкова, 1964, с. 60–61; Техов, 1980, с. 59; Хазанов, 1971, с. 12; Литвинский, 1972, с. 119; Кубарев, 1981, с. 44–52, рис. 3–9; Чугунов, 1996, рис. 3, 4; Савченко, 2004, с. 163; Пшеничнюк, 2012, с. 69; др.). Иногда такие ножны покрывали красной краской, полностью или полосами, что было характерно, прежде всего, для восточных регионов скифского мира (Хазанов, 1971, с. 12; Кубарев, 1981, с. 44, 50). И только в относительно немногих случаях известны находки металлических обкладок, пластин или наконечников, а также резных костяных наконечников, которые украшали ножны, повышая их функциональную, социальную и культовую значимость. Именно эти находки, в силу их большей сохранности, позволяют говорить о видоизменении формы и декора ножен, делать предположения об их символике и культовой роли.

Самыми ранними из скифских являются золотые двусторонние обкладки ножен из Мельгуновского и Келермесского № 1/Ш курганов (Придик, 1911, с. 7–8, табл. I; III, 1; IV, 1; Черненко, 1980; Галанина, 1997, с. 222–223, табл. 7–9; Кисель, 2003, с. 123, 124; Алексеев, 2012, с. 80–87, 116–119) (рис. 1, 1–2). Они имеют общую структуру и близкий декор, отличающиеся лишь некоторыми деталями. Что касается структуры, данные ножны демонстрируют появление скифской или даже шире – общеиранской традиции, согласно которой эти изделия состоят из двух частей: собственно ножен и бокового выступа-лопасти, выполнявшей роль крепления ножен к поясу (Мелюкова, 1964, с. 63; Галанина, 1989; Галанина, 1997, с. 94, рис. 25). Основная часть раннескифских ножен, в свою очередь, состоит из трех четко выраженных частей. Из них верхняя (устье) соответствует перекрестию меча, почти полностью повторяя его форму и декор (хотя, по мнению Е.В. Черненко, перекрестье меча не входило полностью в устье (Черненко, 1980, с. 30; иная точка зрения: Мелюкова, 1964, с. 62), средняя – клинку, а нижняя (наконечник или бутероль), имеющая расширенную полуовальную форму – острию клинка.

Декор мельгуновских и келермесских мечей и ножен стилистически очень эклектичен, здесь присутствуют как собственно скифские образы и элементы, так и урартские (Пиотровский, 1954, с. 151–158; Пиотровский, 1959, с. 248–253), но они подчинены общей семантической идее, полностью понятнойномадам-скифам, – обозначении (прокламации) меча как символа, аналога «мирового древа». На это, прежде всего, напрямую указывает изображение «древа» в средней части перекрестия меча и устья ножен, по обе стороны от которого находятся крылатые антропоморфные персонажи (на перекрестии мельгуновского меча в данной позиции изображены горные козлы с подогнутыми ногами и повернутой назад головой – (Придик, 1911, рис. 1–2) (рис. 1, 2). С символикой «мирового древа» соотносятся также изображения геральдически расположенных львов на бутероли. Согласно зоологическому коду, козлы по разные стороны «древа», присутствующие на перекрестии мельгуновского меча, соответствуют средней зоне мироздания, а хищники-львы – нижней (Вязьмитина, 1963, с. 163–164; Раевский, 1985, с. 114–122). Близкая по форме и сюжету изображения бутероль происходит также из комплекса Зивие

в Северо-Западном Иране (Ghirshman, 1950, fig. 7; Пиотровский, 1962, рис. 45) (рис. 1, 3).

Рис. 1. 1 – кург. 1/Ш, Келермесский мог-к (Прикубанье); 2 – Литой (Мельгуновский) курган (среднее Поднепровье); 3 – Зивие (Северо-Западный Иран); 4–6 – погр. 164, 216, 258, Тлийский мог-к (Кавказ); 7 – кург. 21 у с. Нартан (Кавказ); 8 – кург. у с. Дарьевка (лесостепное Поднепровье); 9 – кург. 453 у с. Макеевка (лесостепное Поднепровье); 10 – коллекция Гос. Эрмитажа (Иран); 11 – городище Кармир-Блур (Тейшебаини); 13 – деталь рельефа, Персеполь; 12 – Старшая Могила (лесостепное Поднепровье); 14 – кург. у х. Степной у г. Гудермес (Кавказ); 15 – погр. 2, Репяховатая Могила (лесостепное Поднепровье); 16, 18 – мог-к Фаскау (Кавказ); 17 – погр. 246, Тлийский мог-к (Кавказ); 19 – погр. 55, Владимировский мог-к (р-н Новороссийска); 20 – Пашковское городище № 5 (Прикубанье); 21 – Котловский мог-к (Прикубанье)

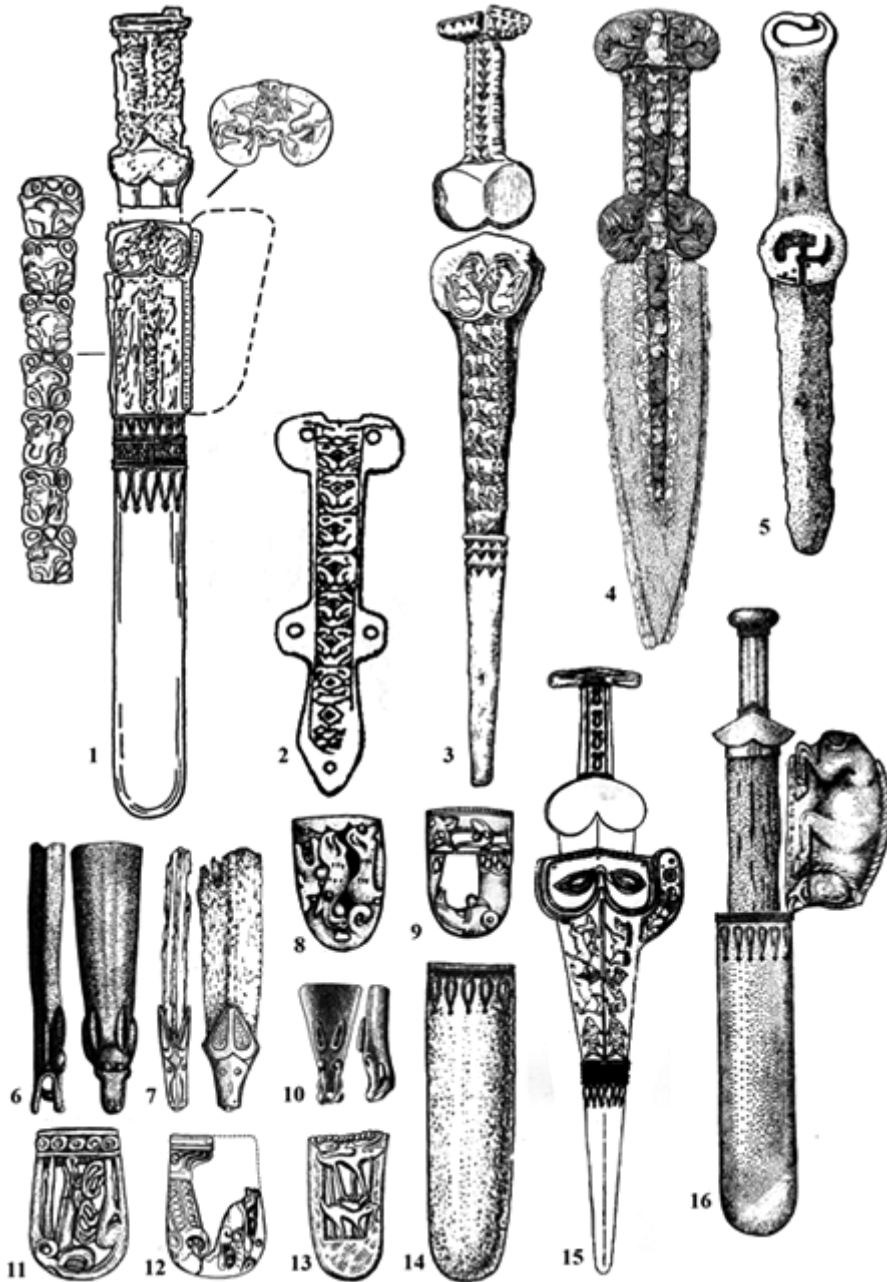
Форма раннескифских ножен, которые повторяют и даже подчеркивают форму меча, дополняя его важной деталью – массивным наконечником полуовальной (подтреугольной) формы, находит продол-

жение в иранской традиции ахеменидского времени, на что обращали внимание многие исследователи (Мелюкова, 1964, с. 61; Шкурко, 1969, с. 35; Черненко, 1980, с. 29; Галанина, 1989, с. 259, рис. 3; Галанина, 1997, с. 94–96). Высказывалось даже предположение, что данная форма ножен и соответствующего им меча с бабочковидным перекрестием были заимствованы из Иранского Востока (Мелюкова, 1964, с. 61; Шкурко, 1969, с. 35; Техов, 1980, с. 59). А Р. Барнет называет мельгуновский и келермесский мечи мидийскими (Barnett, 1962, p. 91–93). Однако Е.В. Черненко справедливо указал, что эти мечи и их ножны хронологически гораздо старше известных ахеменидских изделий и к тому же имеют больше отличий, чем сходства (Черненко, 1980, с. 28–30). В этой связи также стоит упомянуть архаичный меч из кург. 16 могильника Нартан на Северном Кавказе, найденный вместе с остатками ножен, от которых сохранился наконечник, обложенный золотым листом (Батчаев, 1985, с. 36, рис. 41, 2; Галанина, 1997, с. 94). По всей видимости, речь идет об общей изначальной традиции, появившейся в период тесных контактов кочевников юга Восточной Европы с иранцами (мидийцами и персами) Передней Азии (см.: Шкурко, 1969, с. 35; Галанина, 1997, с. 96, 98). Что же касается ахеменидских изделий указанного типа, то наиболее ярким из них является, прежде всего, кинжал в ножнах, изображенный на рельефе в сокровищнице ападаны Персеполя (Schmidt, 1953, pl. 120–121; Godard, 1962, p. 1. 46; Галанина, 1997, рис. 26). Ножны здесь имеют подобные раннескифским изделиям структуру и декор. На устье изображены противопоставленные грифоны, в средней части – своеобразная вереница горных козлов, а вот на бутероли – свернувшийся хищник. Последний мотив также присутствует на серии бутеролей ахеменидского времени, но с той оговоркой, что сам мотив свернувшегося хищника постепенно трансформируется, замещаясь в отдельных случаях сценой терзания, иным животным или декоративными элементами (Литвинский, Пичилян, 1983, с. 90, 100–104; Переводчикова, 1983) (рис. 1, 10, 13). Серия аналогичных подтреугольных бутеролей с изображением свернувшегося хищника, но более раннего времени – преимущественно второй половины VII в. до н.э., происходит из Кавказского региона (городище Кармир-Блур, кург. у х. Степной возле г. Гудермес, погр. 164, 216, 258, 378 Тлийского мог-ка, мог-к Фаскау, у с. Рук, кург. 21 у с. Нартан – Пиотровский, 1970, фото 96; Виноградов, 1974, рис. 2; Техов, 1980, рис. 23, 1–2, 4–5; Техов, 2002, табл. 54, 4; Батчаев, 1985, табл. 51, 20; Мошинский, 2006, рис. 8, 2–3; Погребова, 1984, с. 65, 95–96) (рис. 1, 4–7, 11, 14, 16) и лесостепного Поднепровья (кург. у с. Дарьевка, кург. 453 у с. Макеевка – Мелюкова, 1964, с. 62, табл. 19, 2; Галанина, 1977, табл. 7, 7) (рис. 1, 8, 9). В одном случае (курган Старшая Могила в лесостепном Приднепровье) подобная бутероль имеет форму вытянутого треугольника,

тем самым повторяя остроконечную форму клинка (Іллінська, 1951, табл. III, 7) (рис. 1, 12).

В скифологии исследователи много внимания уделяли общей культовой роли меча, в том числе отмечали и соотнесение его в ритуале и мифе с образом «мирового дерева», что, в частности, подчеркивалось в его декоре (Артамонов, 1961, с. 77–78; Алексеев, 1980; Бессонова, 1983, с. 45–50; Бессонова, 1984; Алексеев, 1991, с. 276–280; Шауб, 2007, с. 133–139; Алексеев, 2011). Однако символика меча в скифской традиции могла иметь и еще одно значе-

ние. Д.А. Мачинский предположил, что меч-акинак «и по оформлению ножен, и по способу ношения ассоциировался в сознании скифов с мотивом фаллоса» (Мачинский, 1978, с. 148). А.Ю. Алексеев высказал возможность соотнесения с фаллосом скифских мечей, прежде всего, определенных типов – с почковидным (восьмерко- и сердцевидным) перекрестием, имеющих характерную морфологию. Данное предположение основывается на соответствии контура меча схеме изображения фаллоса на изваяниях. Косвенными свидетельствами могут

Рис. 2. 1 – Томаковская Острая Могила (степное Поднепровье); 2 – погр. 10, мог-к Усть-Иштовка-1 (Верхнее Приобье); 3 – Шумейковский кург. (лесостепное Поднепровье); 4 – курган Аржан 2 (Тува); 5 – с. Лесура (Болгария); 6 – разрушенное погр. у ст. Старокорсунская (Прикубанье); 7 – кург. 17, мог-к Новозаведенное (Северный Кавказ); 8 – с. Шали (Кавказ); 9 – кург. у с. Сунжа (Кавказ); 10 – Белореченский мог-к (Кавказ); 11 – кург. 1 у с. Урус-Мартан (Кавказ); 12 – с. Советское (Кавказ); 13 – кург. у с. Приднепровка (степное Поднепровье); 14 – Золотой курган (Крым); 15 – Феттерсфельде/Виташково (Средняя Европа); 16 – погр. 1 кург. 6 у с. Александровка (степное Поднепровье)

служить воспроизведение мечей и фаллосов на изваяниях рядом, а также возможная связь с плодородием самого скифского Ареса, кумиром которого и являлся меч (Алексеев, 1980, с. 39–40; Алексеев, 1991, с. 277–278). Дополнительные аргументы связи фаллоса и меча в символике скифских изваяний привел Д.С. Раевский (Раевский, 1983, с. 55).

Данная точка зрения на символику скифского меча была критически проанализирована А.В. Шелеханем. Автор, прежде всего, выступил против возможности «считать фаллос прототипом формы скифского меча» и на основании этого делать какие-либо типологические построения (Шелехань, 2013, с. 51). В то же время А.В. Шелехань признает, что «графическое изображение некоторых кинжалов действительно похоже на фаллос» (Шелехань, 2013, с. 51), т.е. фактически принимает изначальный посыл в семантических построениях А.Ю. Алексеева. На наш взгляд, этот момент действительно является определяющим. Действительно, вряд ли возможно говорить, что некий мифологический образ или символ стали отправной точкой в появлении и эволюции скифского клинкового оружия. Скорее всего, военная, технологическая и ритуально-мифологическая составляющие этого процесса развивались параллельно, постоянно дополняя друг друга. И если первые две из них можно изучить относительно детально по имеющимся археологическим данным, то третью составляющую можно лишь гипотетически реконструировать по совокупности косвенных данных. Существующие типологии скифского клинкового оружия, на наш взгляд, говорят о том, что всё многообразие типов перекрестий, по А.И. Мелюковой – 11 (Мелюкова, 1964, с. 47–60), как главного выразительного элемента этих изделий, развивалось в пределах единой парадигмы. Типологическая схема А.Ю. Алексеева (Алексеев, 1991, с. 271–274, рис. 38–40) – один из вероятных вариантов ее выражения. И то, что некоторые из типов как символы имеют визуальное сходство с изображением-символом фаллоса, позволяет использовать их как ключ для объяснения всей парадигмы. Напомним, что знак лишь в отдельных ситуациях является точным визуальным воспроизведением своего прототипа (иконический знак). Чаще всего, эта связь непрякая и опосредованная, устанавливаемая, как правило, конвенционально (знаки-индексы и знаки-символы) (Лотман, 1970, с. 13 след.; Степанов, 1971, с. 85 и след.; Пирс, 2009). Тем более, что в данном случае (если мы принимаем гипотезу А.Ю. Алексеева) скифский меч (кинжал) является не воспроизведением фаллоса как анатомического органа, а зримым воплощением некоей идеи (атрибута или образа), имеющей фаллическую природу. И то, что в какой-то ситуации (в случае с изображениями на изваяниях) это зримое воплощение приобретает бесспорное подобие, по нашему мнению, является подтверждением верности исследовательской гипотезы.

Еще одним косвенным аргументом в пользу мнения А.Ю. Алексеева и Д.С. Раевского может служить то, что меч и изваяние были семантически равнозначными кумирами в скифской культовой практике, играя одинаковую роль (увенчивание пирамидального или кургановидного святилища), выполняя общую функцию (моделирующая, символ «мирового древа» и мировой оси и т.п.) и, вероятно, являясь предметным выражением одного и того же мифологического персонажа (см., например: Мелюкова, 1952, с. 12). В то же время фаллическая символика скифских изваяний, выраженная как в общей форме, так и в изображенных атрибутах, достаточно очевидна (Раевский, 1983, с. 53–55). Также дополнительным аргументом может служить тот факт, что многие виды вооружения имели фаллическую и шире – мужскую сексуальную, символику, также являясь при этом атрибутами бога войны и грозы, того же скифского Ареса (Бессонова, 1984). В первую очередь это касается копий. И в связи с этим показательной является находка наконечника копья в погребении сарматского времени (погр. 8 кург. 1 мог-ка Незлобненский-5 на Ставрополье), который лежал на лобковых костях погребенного, вероятно, имитируя тем самым фаллос (Березин, 2012, с. 51–52, рис. 6; 10). Вероятно, не случайно по сегодняшний день именно меч и копье являются эвфемизмами названия мужского полового органа (Ставицька, 2008).

Таким образом, принимая и поддерживая мнение по поводу фаллической символики скифского клинкового оружия, отметим, что раннескифские ножны, подчеркивающие и дополняющие структуру меча, также соответствовали этой символике (см. также: Мачинский, 1978, с. 148). Описанные ножны с полуовальной (подтреугольной) бутеролью келермесского и ахеменидского (т.е. фактически общеиранского) типа еще более усиливают визуальное соотношение меча и фаллоса. А.И. Мелюкова (1964, с. 61, 63) предполагала, что расширение на конце ножен служило для привязывания ножен к ноге. Но если это справедливо для персов (данный способ ношения зафиксирован в изобразительных материалах), то вряд ли применимо к скифам. Скорее всего, расширенный наконечник имел именно символическое, а не функциональное значение. Характерно, что подобная форма ножен, известная как по археологическим находкам, так и по изображениям на стелах, в той или иной степени бытовала весь скифский период (Мелюкова, 1964, с. 63) и продолжала существовать в сарматское время (Ginters, 1928, taf. 23, a–b).

Также фаллической символике вполне соответствует воспроизведение на бутероли изображения свернувшегося хищника (рис. 1, 4–12, 14, 16), в большинстве случаев являвшегося, вероятно, единственным или главным (в силу акцентированности изготовления бутероли из иного материала) элементом декора ножен. Согласно Д.С. Раевскому, данный мотив можно сопоставить с хтоническим образом

свернувшегося змея, находящегося в корнях дерева (Раевский, 1985, с. 118–119). И если принимать во внимание моделирующую символику меча, такая его символика полностью соответствует образу «мирового древа». Но, по всей видимости, мотив свернувшегося зверя был семантически более многогранным, если учесть многообразный контекст его употребления (зеркала с центральной ручкой, крестовидные бляхи, конская узда и т.д.). И одним из возможных аспектов семантики является соотношение хищника «в утробной позе», по А.К. Акишеву (Акишев, 1984, с. 4), с одной стороны, с образом «золотого зародыша», известного в мифологии ведической Индии и античной Греции (Топоров, 1982, с. 592; Лосев, 1996, с. 764–774), а с другой, – уроборуса, бытовавшего в различных традициях от древнего Египта до средневековой Европы (Нойманн, 1998, с. 19; Тарасенко, 2005). Размещение изображения с такой символикой на ножнах меча, одного из главных видов оружия, несущего смерть, вполне соответствовало древней концепции смерти, согласно которой любая смерть, в том числе и на поле боя, воспринималась как смерть жертвенная, а значит, смерть, несущая в себе зарождение, начало жизни (см. об этом применительно к скифской традиции: Раевский, 1985, с. 153–154, 226, прим. 29, 30; Шауб, 2007, с. 139).

Скифское клинковое оружие, находясь в центре воинской культуры, заключало в себе многогранную семантическую нагрузку, вероятно, уже в силу соотнесенности с одним из ключевых и важных персонажей мифологического пантеона – богом войны. По всей видимости, именно это определило разноуровневый характер символики и семантики меча, его многоплановость. В частности, это было выражено в появлении и бытовании еще одной концепции декорирования ножен, выраженной в оформлении бутероли в виде головы хищной птицы. Наиболее ранним образцом является находка в погр. 246 Тлийского мог-ка в Центрально-Кавказском регионе (Техов, 1980, рис. 18, 2–3; 23, 6) (рис. 1, 17). Подобные бутероли также происходят из погр. 2 Репяховатой Могилы в лесостепном Поднепровье (Ильинская и др., 1980, рис. 11, 5–7; 12, 2) (рис. 1, 15), Фирминиш в Трансильвании (Черненко, 1984, с. 59–60, рис. 28), Пашковского городища № 5 в Прикубанье (Пьянков, 2005, рис. 1) (рис. 1, 20), погр. 55 Владимировского мог-ка под Новороссийском (Шишлов, Федоренко, 2006, рис. 4, 4) (рис. 1, 19) и мог-ков Кобанский, Фаскау, Верхний Аул, Нижне-Чегемский и др. на Кавказе (Крупнов, 1960, табл. LXXV, 2–5; Виноградов, 1972, рис. 28, 1; Вольная, 2002, рис. 3; Мошинский, 2006, рис. 8, 1) (рис. 1, 18). Еще на одном бронзовом наконечнике из Фаскау подтреугольная фигура свернувшегося хищника дополнена изображением головы хищной птицы (Мошинский, 2006, рис. 8, 2) (рис. 1, 16). Сочетание образов хищных птицы и зверя встречено на бронзовом ажурном наконечнике V в. до н.э. из кургана у с. Сунжа (Кавказ) (Вольная, 2002, рис. 4, 2) (рис. 2, 9). Еще на нескольких ажур-

ных бронзовых бутеролях из Кавказского региона основным изображенным животным является хищник (находки у с. Шали и с. Советское) или олень (кург. 1 у с. Урус-Мартан), но их плечо, находящееся на конце бутероли, дополнено изображением хищной птицы (Виноградов, 1963, рис. 7, 1; Смирнов, 1964, рис. 81, 8, 10; Вольная, 1994, с. 194, рис. 1–4) (рис. 2, 8, 11, 12). Серия «птицеголовых» наконечников происходит из региона распространения ананьинских культур. На них представлено либо только изображение хищной птицы (Котловский и, возможно, Ананьинский мог-ки в Прикамье), либо изображение птицы на конце изделия, дополнено фигурами хищников на его основной части (Скородумский клад в Прикамье, находка на р. Цильма и, возможно, на р. Ямал в бассейне Печеры (Васильев, 2004, рис. 15, 1–5) (рис. 1, 21). И хотя кавказская серия птицеголовых бутеролей более многочисленна, приоритет в использовании и распространении этих изделий, вероятно, принадлежит кочевниками (Пьянков, 2005, с. 449; см. также: Вольная, 1994, с. 194). Возможно, данный образ появляется в декоре ножен в контексте общей связи меча (кинжала) с богом войны, одним из символов которого и была хищная птица (Кузьмина, 1976, с. 55; Иванов, Топоров, 1982; Сулейманов, 2010, с. 198–199; Вертиенко, 2013, с. 37–38). Именно такое предположение было высказано в связи с оформлением навершия рукояти меча в виде симметрично расположенных голов или когтистых лап хищных птиц (Алексеев, 1980, с. 44–45).

К концу VI – началу V вв. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 296) относятся золотые ножны – из Шумейковского кургана (лесостепное Поднепровье) и Томаковской Острой Могилы (степное Поднепровье) – несколько иной, чем раннескифская, формы (Мелюкова, 1964, с. 62, табл. 15, 6; Артамонов, 1966, табл. 65–66; Piotrovsky et al., 1986, pl. 66–67). Они имеют устье, повторяющее форму перекрестия, более короткую среднюю часть и высокий наконечник, повторяющий форму клинка. Общая форма шумейковских ножен определяется формой клинка: сходящимися книзу, а в томаковских – параллельными сторонами и закруглением на конце. Устье шумейковских ножен украшают изображения двух горных козлов, воспроизведенных с подогнутыми ногами и повернутой назад головой, а томаковских – фигуры свернувшихся хищников. В средней части расположен столбик из изображений хищников, в одном случае (Шумейко) представленных 7 целыми фигурами в профиль, а во втором – 10 головами в анфас. Наконечники в верхней части украшены поясками геометрического орнамента, доминирующий элемент которого – треугольник (Шумейко) или каплевидная фигура (Томаковка), обращенные вершиной вниз. Боковые выступы, изготовленные, вероятно, из органического материала, в обоих случаях не сохранились.

Еще одна золотая обкладка ножен того же времени с устьем, соответствующим перекрестию, происходит

из комплекса Феттерсфельде (Виташково) в Средней Европе (Ginters, 1928, s. 17, abb. 3, c; 5, b-c; Мелюкова, 1964, табл. 19, 4) (рис. 2, 15). Они по форме близки к шумейковским ножнам, но имеют оригинальный декор. На крыльях устья изображены две миндалевидные фигуры, напоминающие глаза; в средней части в двух регистрах – сцены погони пантеры за кабаном и льва за оленем, за которыми размещаются фигуры рыб; клиновидный наконечник в верхней части украшен орнаментом, близким к томаковскому. На боковом выступе размещена фигура льва.

Из Меджидии в Добрудже происходит бронзовый вотивный предмет в виде меча в ножнах, близких к томаковским (Мелюкова, 1964, с. 63, рис. 1, 2). Здесь на устье также изображены фигуры козлов с подогнутыми ногами и повернутой назад головой в скифо-фракийском стиле. Ножны с параллельными боковыми сторонами. Средняя и нижняя части не орнаментированы. На боковом выступе воспроизведена голова грифона.

В отношении данных ножен высказывались самые различные мнения по поводу центра их производства (Мелюкова, 1964, с. 62; Онайко, 1966, с. 20–21, 30–31; Манцевич, 1969, с. 111–113; Черненко, 1984, с. 59; Колтухов, 1999, с. 13, 19; др.). В частности, несомненный античный характер имеет орнамент, украшавший верхнюю часть наконечников (см. его анализ: Манцевич, 1969, с. 110, 112).

Однако зооморфный декор, несомненно, имеет скифское происхождение. Если расположение фигур козлов на устье ножен из Шумейковского кургана и предмете из Меджидии находит аналогии в оформлении перекрестия ножен из Мельгуновского кургана (хотя там они размещены иначе и, вероятно, соответствуют иному смысловому контексту), то совершенно оригинальными являются фигуры свернувшихся хищников на устье томаковских ножен. С одной стороны, они перекликаются с фигурами хищников (львов) на бутеролях мельгуновских и келермесских ножен, воспроизведенных полусогнутыми. А с другой, хищники в подобной позе изображены на перекрестии меча из кургана Аржан 2 в Туве (Чугунов, 2004, с. 72–74; Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 8–9). Размещение хищников на перекрестии мечей и кинжалов имело широкое распространение во всем скифском мире от Минусинской котловины (Членова, 1967, табл. 4, 10–11; 11, 8–11; Завитухина, 1983, кат. 40; 198–204) и Тувы (Чугунов, 2011, с. 44, рис. 7, 2; Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 61) до Средней Европы (Ginters, 1928, taf. 20; Мелюкова, 1964, рис. 1). Однако в большинстве случаев это изображения хищников в иной позе – с прямыми или подогнутыми лапами и опущенной, реже прямо поставленной головой. В рассматриваемом же случае особенным является то, что на перекрестии помещены фигуры именно свернувшихся хищников. Взаимосвязь аржанского и томаковского изделий, несмотря на их хронологическую и территориальную удаленность,

на наш взгляд, можно объяснить в контексте разнообразных восточных влияний, проявившихся в причерноморском зверином стиле в середине – второй половине VI в. до н.э. (Полидович, 2010). Отмеченную особенность еще более подтверждает железный кинжал с антенновидным навершием и округлым (почковидным) перекрестием, где изображена фигура свернувшегося хищника, происходящий из находок у с. Лесура в Болгарии (Николов, 1990, обр. 1, в) (рис. 2, 5). Кроме того, некоторым аналогом томаковским ножнам являются костяные ножны из погр. 10 мог-ка Усть-Иштовка-1 в Верхнем Приобье, в центральной части которых изображен столбик из 9 изображенных анфас морд хищников (Работы Алтайского университета, 1988, с. 204; Фролов, 2001, с. 100) (рис. 2, 2).

В этом же смысловом контексте, вероятно, следует рассматривать и изображения горных козлов с подогнутыми ногами и повернутой назад головой. Данная поза, как неоднократно отмечалось исследователями, была заимствована скифами на раннем этапе из искусства древневосточных цивилизаций, где так изображали копытных в композициях, связанных с «мировым деревом» (Вязьмитина, 1963, с. 163–164; Раевский, 1985, с. 114–115; др.). Раннескифские изображения козлов в данной позе на келермесской секире и мельгуновском мече полностью соответствуют такой композиции (Раевский, 1985, с. 115). Но с течением времени данная поза, возможно, начала приобретать значение утробной (изначального, первозданного зародыша), в то время как образ горного козла в целом ряде случаев начал приобретать черты коня (Ильинская, 1971, рис. 8, 10, 14, 18). Подтверждением тому могут служить ситуации, где в одном и том же контексте употребляются либо свернувшиеся хищники, либо копытные с подогнутыми ногами и повернутой назад головой. Это изображения на кнопке центральной ручки зеркал и перекрестиях мечей. Если данное наблюдение справедливо, то, учитывая одно из символических значений свернувшегося зверя, можно предположить, что вся рассмотренная серия ножен мечей также в целом соответствовала фаллической символике.

В погребении первой половины V в. до н.э. в Золотом кургане близ г. Симферополя найдены остатки ножен (в основе кожаных), с лицевой стороны которых внизу была прикреплена золотая пластина со скругленным нижним концом и загнутым краем, пришитым к основе (Колтухов, 1999, с. 13) (рис. 2, 14). Верхний край пластины украшен двумя рядами «веревочного» орнамента, под которыми располагалось пять каплевидных проволочных гнезд для эмали, под каждым из них был припаян шарик.

Кроме того, неорнаментированные золотые наконечники ножен найдены с однолезвийными мечами в кург. 478 у с. Златополь и в кург. у с. Ново-Николаевки, бронзовые литые наконечники с двулезвийными мечами в кург. Старшая

Могила, кург. 5 у с. Рыжановка в лесостепном Поднепровье, железные наконечники – в одном из погребений Нестеровского мог-ка на Северном Кавказе и погр. 23 могильника у пос. Комсомольское в Нижнем Поволжье (Мелюкова, 1964, с. 62, табл. 15, 8, 11; 19, 11; Дворниченко и др., 1997, рис. 5, 1–2).

Преимущественно к V в. до н.э. относится серия небольших бутеролей, украшенных изображениями различных животных. Так, в погребении из разрушенного кургана у с. Приднепровка (степное Поднепровье) вместе с остатками меча найден ажурный оловянный наконечник ножен, на лицевой стороне которого изображены горный козел и лось, чьи фигуры размещены друг над другом (Мурзин, 1984, рис. 16) (рис. 2, 12). Из находок у с. Советское и с. Шали (Кавказ) происходят бронзовые ажурные наконечники с изображением хищников (Смирнов, 1964, рис. 81, 10; Вольная, 2002, с. 28, рис. 4, 1, 3) (рис. 2, 8, 12). Бутероль, вероятно, похожая на шалинскую, хранится в Херсонском краеведческом музее (Манцевич, 1969, рис. 14, 7). У с. Сунжа (Кавказ) найдена бронзовая бутероль, в верхней части которой расположена фигура хищника, а в нижней – изогнутая фигура с головой хищной птицы (Вольная, 2002, с. 28, рис. 4, 2) (рис. 2, 9). На бутероли из кург. 1 у с. Урус-Мартан (Кавказ) изображен олень с вывернутым туловищем (Крупнов, 1960, табл. XI, 6; Вольная, 2002, рис. 17, 4) (рис. 2, 11). Костяная бутероль с изображением головы животного (коня?) происходит из погр. в мог-ке близ г. Минеральные Воды (Крупнов, 1960, рис. 21, 4; Виноградов, 1972, рис. 13, 2). А из Прикубанья и Северного Кавказа происходят наконечники ножен V в. до н.э. в виде головы хищника (волка): разрушенное погр. у ст. Старокорсунская (Аптекарев, 1986, с. 245–247, рис. 2) (рис. 2, 6), из кург. 17 мог-ка Новозаведенное (Петренко и др., 2006, рис. 7, 1) (рис. 2, 7), Белореченского мог-ка (Виноградов, 1972, рис. 22, 6) (рис. 2, 10).

В комплексе конца VI – начала V в. до н.э. (дата по А.Ю. Алексею: 525–500 гг. до н.э. (Алексеев,

2003, с. 296)) из погр. 1 кург. 6 у с. Александровка в степном Поднепровье (Ковалева, Мухопад, 1979, с. 12–14) найден меч в ножнах, от которых сохранились высокий золотой наконечник, в верхней части украшенный вытянутыми каплевидными фигурами для эмалевых вставок, и боковой выступ в виде фигуры кабана (рис. 2, 16). Декор верхней части наконечника находит аналогии в таких же изделиях из Томаковской Острой Могилы и Золотого кургана. А вот боковой выступ в виде фигуры животного фактически является новшеством. Нам известны боковые выступы только на раннескифских ножнах, где в обоих случаях был изображен олень с подогнутыми ногами и чуть вытянутой вперед головой. Его фигура располагалась на довольно свободном поле выступа, который по краю обрамлялся «плетенкой» из голов хищных птиц. На боковом выступе ножен из Феттерсфельде фигура хищника также была расположена на относительно свободном пространстве. На александровских ножнах боковой выступ образован фигурой кабана. Подобный прием, когда фигура животного или сцена полностью заполняет выступ, характерен для ножен уже V–IV вв. до н.э. А образ кабана в виде его головы на боковом выступе воспроизведен также на ножнах из кург. 30 у с. Великая Белозерка (Отрошенко, 1984) и ножнах, принадлежащих одному из воинов, изображенных на гребне из кургана Солоха (Манцевич, 1987, с. 59; Алексеев, 2012, фото на с. 138). Сам же образ дикого кабана-вепря семантически тесно связан с мечом-кумиром скифского Ареса. Данное животное в иранской мифологии известно как одно из воплощений бога Веретрагны (Кузьмина, 1976, с. 55; Брагинский, 1982, с. 233; Вертиенко, 2013, с. 36–37), и появление его в декоре ножен меча было напрямую этим обусловлено (Бессонова, 1984, с. 8–10; Вертиенко, 2013а, с. 52–54).

В дальнейшем, в V–IV вв. до н.э. в Причерноморской Скифии появляются золотые обкладки ножен, оформленные уже по иным принципам и, скорее всего, имеющие иную семантическую нагрузку (Полидович, 2014).

Литература

- Акишев, 1984: Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
- Алексеев, 1980: Алексеев А.Ю. О скифском Аресе // АСГЭ. 1980. Вып. 21.
- Алексеев, 1991: Алексеев А.Ю. Этюды об акинаках // Клейн Л.С. Археологическая типология. Ленинград, 1991.
- Алексеев, 2003: Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003.
- Алексеев, 2011: Алексеев А.Ю. Гадания у алтарей скифского Ареса // Европейская Сарматия. СПб., 2011.
- Алексеев, 2012: Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012.
- Аптекарев, 1986: Аптекарев А.З. Комплекс вещей V в. до н.э. из станицы Старокорсунской // СА. 1986. № 4.
- Артамонов, 1961: Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып. 2.
- Артамонов, 1966: Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград, 1966.
- Батчаев, 1985: Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик, 1985.
- Березин, 2012: Березин Я.Б. Стечение обстоятельств или трагедия? (об одной любопытной детали погребального обряда) // МИА Северного Кавказа. Армавир, 2012.
- Бессонова, 1983: Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.

- Бессонова, 1984: Бессонова С.С. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
- Брагинский, 1982: Брагинский И. Веретрагна // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1982.
- Васильев, 2004: Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. СПб., 2004. № 11.
- Вертієнко, 2013: Вертієнко Г.В. Священні втілення Веретрагни в Яшті 14 // PolyPhonia orientis. До ювілею В.С. Рибалкіна. Київ, 2013.
- Вертієнко, 2013а: Вертієнко Г.В. Скифська клинкова зброя та авестійське karəta // Музейні читання: Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки». Київ, 2013а.
- Виноградов, 1963: Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
- Виноградов, 1972: Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV в. до н.э.). Грозный, 1972.
- Виноградов, 1974: Виноградов В.Б. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии // СА. 1974. № 4.
- Вольная, 1994: Вольная Г.Н. К характеристике одного типа северокавказских бронзовых зооморфных наконечников ножен середины I тыс. до н.э. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в.н.э. Тирасполь, 1994.
- Вольная, 2002: Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ, 2002.
- Вязьмитина, 1963: Вязьмитина М.И. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. 1963. № 2.
- Галанина, 1977: Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // САИ. 1977. Вып. Д1–33.
- Галанина, 1989: Галанина Л.К. Атрибуция двух золотых предметов из Келермеса (детали портупей парадного меча) // СА. 1989. № 4.
- Галанина, 1977: Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1977.
- Дворниченко и др., 1997: Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. 1997. № 3.
- Завитухина, 1983: Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Ленинград, 1983.
- Иванов, Топоров, 1982: Иванов В.В., Топоров В.Н. Орел // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
- Іллінська, 1951: Іллінська В.А. Курган Старша Могила – пам'ятка архаїчної Скіфії // Археологія. Київ, 1951. Т. 5.
- Ильинская, 1971: Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2.
- Ильинская и др., 1980: Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Кисель, 2003: Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.
- Ковалева, Мухопад, 1979: Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Скифские памятники Самаро-Орельского междуречья // Курганные древности степного Поднепровья III–I тысячелетия до н.э. Днепропетровск, 1979.
- Колтухов, 1999: Колтухов С.Г. «Золотой» Симферопольский курган // Херсонесский сборник. Севастополь, 1999. Вып. X.
- Крупнов, 1960: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Кубарев, 1981: Кубарев В.Д. Кинжалы Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
- Кузьмина, 1976: Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Литвинский, 1972: Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Литвинский, Пичикян, 1981: Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. № 3.
- Лосев, 1996: Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996.
- Лотман, 1970: Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
- Манцевич, 1969: Манцевич А.П. Парадный меч из кургана Солоха // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА. М., 1969. № 150.
- Манцевич, 1987: Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Ленинград, 1987.
- Мачинский, 1978: Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Ленинград, 1978.
- Мелюкова, 1964: Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. Вып. Д1–4.
- Мошинский, 2006: Мошинский А.П. Древности Горной Дигории VII–IV вв. до н.э. М., 2006.
- Николов, 1990: Николов Б. Тракийски находки от Северозападна България // Археология. София, 1990. Кн. 4.
- Нойманн, 1998: Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания / Пер. с англ. А.П. Хомик. М., 1998.
- Онайко, 1966: Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1–27.
- Отрощенко, 1984: Отрощенко В.В. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
- Переводчикова, 1983: Переводчикова Е.В. О сюжетах изображений на бутеролях акинаков ахеменидского времени // ВДИ. 1983. № 3.
- Петренко и др., 2006: Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи. МИАР. М., 2006. Т. 7.
- Пиотровский, 1954: Пиотровский Б.Б. Скифы и древний Восток // СА. 1954. Вып. XIX.
- Пиотровский, 1959: Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.

- Пиотровский, 1962: Пиотровский Б.Б. Искусство Урарту VIII–VI вв. до н.э. Ленинград, 1962.
- Пиотровский, 1970: Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Ленинград, 1970.
- Пирс, 2009: Пирс Ч.С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3(7).
- Погребова, 1984: Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
- Полидович, 1993: Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2.
- Полидович, 2010: Полидович Ю.Б. Находки в тувинском кургане Аржан 2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий // Древние культуры Евразии. К 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010.
- Полидович, 2014: Полидович Ю.Б. Структура и символика декора ножен скифских мечей V–IV вв. до н.э. // Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки». Київ, 2014 (в печати).
- Придик, 1911: Придик Е.М. Мельгуновский клад 1763 г. // Материалы по археологии России. М., 1911. № 31.
- Пшеничнюк, 2012: Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа, 2012.
- Пьянков, 2005: Пьянков А.В. Бронзовый зооморфный наконечник ножен акинака из фондов Краснодарского музея-заповедника // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005.
- Работы Алтайского университета, 1988: Работы Алтайского университета / Абулганеев М.Т., Алехин Ю.П., Иванов Г.Е., Кунгуров А.Л., Кунгурова И.Ю., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф., Талантова С.Н., Тарасенко Т.А., Шамшин А.Б., Шульга П.И. // Археологические открытия 1986 г. М., 1988.
- Раевский, 1983: Раевский Д.С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов Евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в Древности. М., 1983.
- Раевский, 1985: Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М., 1985.
- Савченко, 2004: Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потунданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. М., 2004.
- Смирнов, 1964: Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Ставицька, 2008: Ставицька Л. Українська мова без табу. Словник нецензурної лексики та її відповідників. Обсценізми, евфемізми, сексуалізми. Київ, 2008.
- Степанов, 1971: Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971.
- Сулейманов, 2010: Сулейманов Р.О. Веретрагне // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сб. статей в честь Поля Бернара. Самарканд, 2010.
- Тарасенко, 2005: Тарасенко Н. Древнеегипетский уроборус – семантика образа // Университет. Київ, 2005. № 4.
- Тереножкин, 1976: Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
- Техов, 1980: Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. М., 1980.
- Техов, 2002: Техов Б. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002.
- Топоров, 1982: Топоров В.Н. Хираньягабха // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
- Фролов, 2001: Фролов Я.В. Интерпретация изображений на двух костяных пластинах из погребений раннего железного века Верхнего Приобья // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001.
- Хазанов, 1971: Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Черненко, 1980: Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Черненко, 1984: Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев, 1984.
- Членова, 1967: Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Чугунов, 1996: Чугунов К.В. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996.
- Чугунов, 2004: Чугунов К.В. Кинжал-акинак из кургана Аржан 2 // Сообщения Государственного Эрмитажа LXII. СПб., 2004.
- Чугунов, 2011: Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный Марку Борисовичу Шукину. СПб., 2011.
- Шайб, 2007: Шайб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2007.
- Шелехань, 2013: Шелехань О.В. До питання про форму перехрестя клинкової зброї скіфського часу // Археологія. 2013. № 4.
- Шишлов, Федоренко, 2006: Шишлов А.В., Федоренко Н.В. Погребальный обряд племен северо-западного побережья Кавказа в конце VII–V вв. до н.э. (по материалам Владимировского могильника) // Аргонавт. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2.
- Шкурко, 1969: Шкурко А.И. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Лесостепной Скифии // СА. 1969. № 1.
- Barnett, 1962: Barnett R.D. Median Art // Iranica Antiqua. 1962. Vol. III.
- Çugunov, Parzinger, Nagler, 2010: Çugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz. (Archäologie in Eurasien. 2010. Band 26).
- Ghirshman, 1950: Ghirshman R. Le Tresor de Sakkez, les origines de l'art mede et les bronzes du Luristan. Notes iranniens. VI // Atribus Asiae. 1950. Vol. XIII, 3.
- Ginter, 1928: Ginters W. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928.
- Godard, 1962: Godard A. L'Art de L'Iran. Paris, 1962.
- Piotrovsky et al., 1986: Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad, 1986.
- Schmidt, 1953: Schmidt E.F. Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions // Oriental Institute Publications. Chicago, 1953. Vol. 68.

С.В. Полин (г. Киев)
С.Г. Колтухов (г. Симферополь)

СКИФСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В КУРГАНЕ У С. НАДЕЖДА В КРЫМУ

Это погребение давно опубликовано (Черепанова, 1985). Однако в силу разных обстоятельств публикация содержит неполную информацию об объекте, увидела свет уже после смерти автора, не была вычитана и содержит ряд опечаток, искажающих смысл до противоположного. Кроме того, и предложенная датировка IV в. до н.э. не соответствует более раннему хронологическому контексту комплекса. Все это заставляет вновь обратиться к этому незаурядному комплексу.

В мае 1961 г.¹ в Крымский областной краеведческий музей были доставлены обломки амфоры (1), бронзовый шлем (2), пять бронзовых наконечников стрел (3), железные и бронзовые чешуйки панциря (4) и обломки железного меча (5), найденные в случайно разрушенном погребении в кургане у с. Надежда Советского р-на Крымской обл. (рис. 1, 1). Вещи были предварительно датированы V–IV вв. до н.э. Ввиду большого научного интереса полученного вещевого комплекса, для полного выяснения обстоятельств находки музей решил провести охранные раскопки этого кургана, что и было осуществлено в период с 28 июля по 12 августа 1961 г. под руководством научного сотрудника музея Е.Н. Черепановой (Черепанова, 1961; 1985)².

Курган находился в степной части восточного Крыма в 3 км к юго-западу от с. Надежда. Входил в группу из пяти крупных насыпей. Курган, где было открыто скифское погребение, имел округлую в плане насыпь высотой 2 м диаметром 44–46 м. На протяжении многих лет распахивался. При этом выпаживались мелкие камни, обломки греческих амфор и фрагменты железных предметов. Как выяснилось при раскопках, курган был сооружен над погребением ямной культуры эпохи бронзы. Содержал 7 погребений: 2 погребения ямной культуры со скорченными и частично окрашенными охрой скелетами, 1 катакомбной культуры и 1 скифское. Три впускных погребения, открытых в толще насыпи, содержали вытянутые на спине скелеты северной

и северо-западной ориентации. Е.Н. Черепанова отнесла их к средневековью, что вполне вероятно. Все погребения, кроме скифского, безынвентарные.

При доследовании кургана были сделаны некоторые стратиграфические наблюдения. Темный и плотный слой погребенного чернозема залегал на глубине 2 м от вершины кургана. Мощность погребенной почвы составляла 0,25–0,28 м. Ниже шел глинистый материк. В южной части кургана зафиксирована первичная насыпь высотой 0,3 м и диаметром 21 м, состоявшая из грунта интенсивного черного цвета. Связана с первичным в кургане погребением № 5 ямной культуры. Вся остальная толща насыпи однородная, состояла из серого довольно плотного грунта с включениями «россыпей и комков глины». Каких-либо прослоек или досыпок в ней проследить не удалось. По краям насыпи прослежены глиняные выкиды из рва, углубленного в материк. На глубине 1,45 м от вершины кургана были обнаружены остатки маломощной крепиды диаметром 21–22 м, необработанные камни которой размерами 0,1×0,3 м были уложены на слое грунта толщиной 0,45 м над уровнем древнего горизонта и практически выступали на поверхности кургана. Крепида была очень сильно разрушена выборками камня местными жителями и постоянной распашкой. Лучшее всего сохранился ее северо-восточный участок. Насыпь кургана окружал ровик. Судя по указанному в отчете радиусу 10,5–17 м, ров в плане имел овальную форму и размеры 21×34 м, если только это не опечатка. Учитывая смещение первичной насыпи в южную половину кургана, такую овальность скифской досыпки, зафиксированную формой рва в плане, исключать нельзя. Ров имел ширину поверху 1 м и 0,7 м на дне. Был углублен в материк на 0,4–0,42 м. В северо-западной части рва верхние слои заполнения содержали большое количество камней, вероятно, скатившихся с крепиды. Здесь же собрано большое количество обломков амфор, по подсчетам Е.Н. Черепановой венчиков и ручек, происходивших от 4 сосудов, а также мелкие обломки красноглиняного кувшинчика³.

Вещи, поступившие в музей, были найдены во впускном погребении № 1, находившемся в самом центре кургана. Это погребение было разрушено

¹ По поводу года разрушения погребения имеются разночтения. В начале отчета Е.Е. Черепановой о раскопках кургана указан год разрушения погребения и поступления вещей из него 1961 г., в конце написано, что часть обломков амфоры из погребения поступила в Крымский музей еще в 1960 г.

² В публикации указан год доследования 1962-й, что, безусловно, неверно, поскольку отчет о раскопках датирован 1961 г. (Черепанова, 1961).

³ В публикации стратиграфия кургана, количество погребений в нем, крепида, ров и находки в нем не упомянуты. Отмечено лишь наличие в кургане погребения ямной культуры.

местными жителями при раскапывании лисьей норы, уходившей на значительную глубину.

При исследовании могилы удалось выяснить следующие детали. Дно ямы находилось на глубине 1,6 м от поверхности. «Форма дна вогнутая» (?). Сохранились северный и южный слегка закругленные углы ямы, по которым была определена подквадратная форма ямы и ее размеры 1,4×1,7 м¹. Ориентация ямы в отчете и публикации не указана. Находки многочисленных истлевших обломков указывали на наличие бревенчатого наката, некогда перекрывавшего яму. Зафиксировано направление укладки бревен – по линии восток – запад. Скелет по рассказам участников и очевидцев разрушения погребения лежал в вытянутом положении головой на запад. В публикации положение костяка охарактеризовано как вытянутое, головой на северо-восток (Черепанова, 1985, с. 62). К востоку (так в авторском тексте – *прим. ред.*) от черепа стояла амфора, часть обломков которой поступила в музей накануне раскопок, а остальные были собраны в выбросах грунта из погребения при исследовании кургана (1).

При исследовании в отвалах грунта, выброшенного из погребения, собрано 78 бронзовых наконечников стрел, с учетом ранее доставленных в музей (3), 17 бронзовых и 29 железных чешуек от панциря (4), обломки железного меча (5), который, по словам очевидцев, в момент открытия погребения был воткнут острием в дно могильной ямы². Также, по словам очевидцев случайного раскрытия погребения, в нем были найдены золотая лунница с петелькой и золотая обкладка, по предположению Е.Н. Черепановой, «налучия или колчана». Золотые вещи до археологов не дошли. В публикации находка золотых вещей не упоминается, зато указано, что большинство наконечников стрел (3) лежали кучкой справа от разрушенного скелета и здесь же были найдены фрагмент клинка широкого железного меча (5) и втулка копья (6).

Описание находок.

1. Амфора, по описанию Е.Н. Черепановой, красноглиняная из тонкозернистой глины с включениями мелких частиц слюды. Сохранилось невысокое горло, ножка, часть стенок. Амфора небольших размеров высотой около 45 см с высокими округлыми плечиками (рис. 2, 1)³. По ее же определению амфора по общим пропорциям, профилировке венчика и ножки напоминает протофасосские амфоры или

боспорскую имитацию этой импортной тары V в. до н.э. (Зеест, 1960, табл. VI, 15в; XXV, 56, 6).

2. Бронзовый шлем хорошей сохранности, с одной стороны поврежден окислами. Размеры 20,5×17 см, высотой 11,5 см (рис. 1, 2–6).

В описании Е.Н. Черепановой шлем полусферической формы, несколько сдавленный с боков⁴. Поверхность гладкая, тщательно обработанная, с утолщенной лобной частью до 0,3 см. На нижнем краю лобной части имеются остатки двух неглубоких дуговидных надглазных выемок, разделенные слабым выступом наносника шириной в 3 см с ровным горизонтальным краем. Края надглазных выемок утолщены и слегка загнуты внутрь. Снизу по окружности шлем обрезан. Края среза неровные, с многочисленными характерными заусеницами. Вдоль среза расположен неровный ряд мелких круглых отверстий диаметром 3–4 мм, пробитых изнутри на разном уровне на расстоянии 0,9–1,4 см между ними. Отверстия пробиты грубо, их рваные края на внешней поверхности не завальцованы. Крайние отверстия рядом с надглазными выемками имеют больший диаметр – 6 мм и находятся от последних в 3,5 см. Рядом с ними имеются мелкие отверстия четырехугольной формы, пробитые снаружи, в отличие от остальных. Внутри их края значительно заглажены. Спереди на шлеме расположены многочисленные бороздки, появившиеся, вероятно, в результате ударов оружия (рис. 1, 2).

Е.Н. Черепанова в публикации привела данные металлографического анализа шлема, сделанного Б.А. Шрамко, согласно которому шлем изготовлен с помощью высококачественного литья. После литья отдельные части подверглись дополнительному проковыванию⁵.

Е.Н. Черепанова пришла к выводу, что это античный импортный шлем, подвергшийся переделке, при которой были обрезаны нижняя часть с нащечниками и назатыльником. Такая традиция переделки греческих шлемов имела распространение только на территории Северного Причерноморья. Е.Н. Черепанова, в отличие от Е.В. Черненко, исходным типом, подвергшимся переделке, считала не аттический шлем IV в. до н.э. (Черненко, 1968, с. 89), а халкидский шлем первой половины V в. до н.э. (Черепанова, 1985, с. 64)⁶.

⁴ В правой части шлема, вероятно, при удалении окислов без попытки восстановления металла, образовалась большая лакуна.

⁵ По-видимому, речь идет о зачеканивании поверхности – необходимая технологическая операция, которой подвергаются все литые бронзовые изделия для ликвидации пористости металла, возникающей в процессе литья, и в конечном итоге для повышения прочности металла.

⁶ К сожалению, публикация Е.Н. Черепановой вышла уже после смерти автора и осталась невычитанной, в результате чего в статье содержится много опечаток, нередко полностью искажающих смысл – аттический тип шлема пишется как «античный», Нимфей – Ниморей. Ощущается и путаница в датах, исправить которую не представляется возможным.

¹ Длина погребального сооружения вряд ли точна. Как правило, скифские могилы в крымской степи имели длину не менее 2 м.

² В отчете имеется дополнение – воткнут «справа от погребенного», вычеркнутое Е.Н. Черепановой при окончательном редактировании отчета. Вероятно, сомнения исследователя обоснованы, скорее всего, в дно могилы был воткнут наконечник копья. Об этом может свидетельствовать и втулка копья, упомянутая среди находок из могилы.

³ Авторы искренне признательны С.Ю. Монахову за предоставленный рисунок.

3. 78 бронзовых втульчатых наконечников стрел, по характеристике Е.Н. Черепановой в большинстве трехгранные, меньше трехлопастных. По ее мнению, такие наконечники характерны для V–IV вв. до н.э. и поэтому отнесла их к III хронологической группе. Причины этого неясны, поскольку такие типы характерны исключительно для II хронологической группы более раннего времени (рис. 3).

4. Железные и бронзовые чешуйки панциря. Часть чешуек была передана в музей в числе случайных находок, еще 17 бронзовых и 29 железных чешуек было собрано в отвалах при доследовании. В публикации их общее количество определено словом «много». По описанию Е.Н. Черепановой, большинство бронзовых чешуек продолговатой формы, с подпрямоугольным верхним окончанием и закругленным нижним. Их размеры 3×4,2 см и 2,4×3,7 см. Вдоль верхнего и бокового левого краев пробиты отверстия для нашивания на основу. Нижний край слегка загнут (рис. 2, 2–3). О железных пластинах сказано, что среди них имеется несколько массивных продолговатых, которые, очевидно, крепились к нижней части панциря. Рисунки не приводятся. Судя по имеющимся на сегодняшний день немногочисленным экземплярам,

половина железных чешуек по форме аналогична бронзовым и имеет сходные с ними размеры (рис. 2, 4–7, 15, 17–19). Вторая половина железных чешуек имеет вытянутые прямоугольные очертания и размеры 5×1 см (рис. 2, 9–14, 16). В целом все имеющиеся пластины, по-видимому, служили покрытием панцирной рубахи. Сочетание бронзовых и железных чешуек в одном доспехе известно. Прямоугольные пластины, скорее всего, оформляли нижний край доспеха, как полагала Е.Н. Черепанова.

5. Меч. Из краткого упоминания известно лишь то, что он железный, имел широкий клинок и представлен лишь фрагментом последнего.

6. Железная втулка наконечника копья. Кроме факта находки больше о ней ничего не сказано.

История введения скифского погребения у с. Надежда в научный оборот довольно необычная. Сразу после его открытия (видимо, еще до доследования кургана) получил известность бронзовый шлем, краткое описание, интерпретацию и датировку которого А.И. Мелюкова без иллюстрации опубликовала в своей знаменитой работе, без учета хронологического контекста погребения, который, по-видимому, ей и не был известен (Мелюкова, 1964,

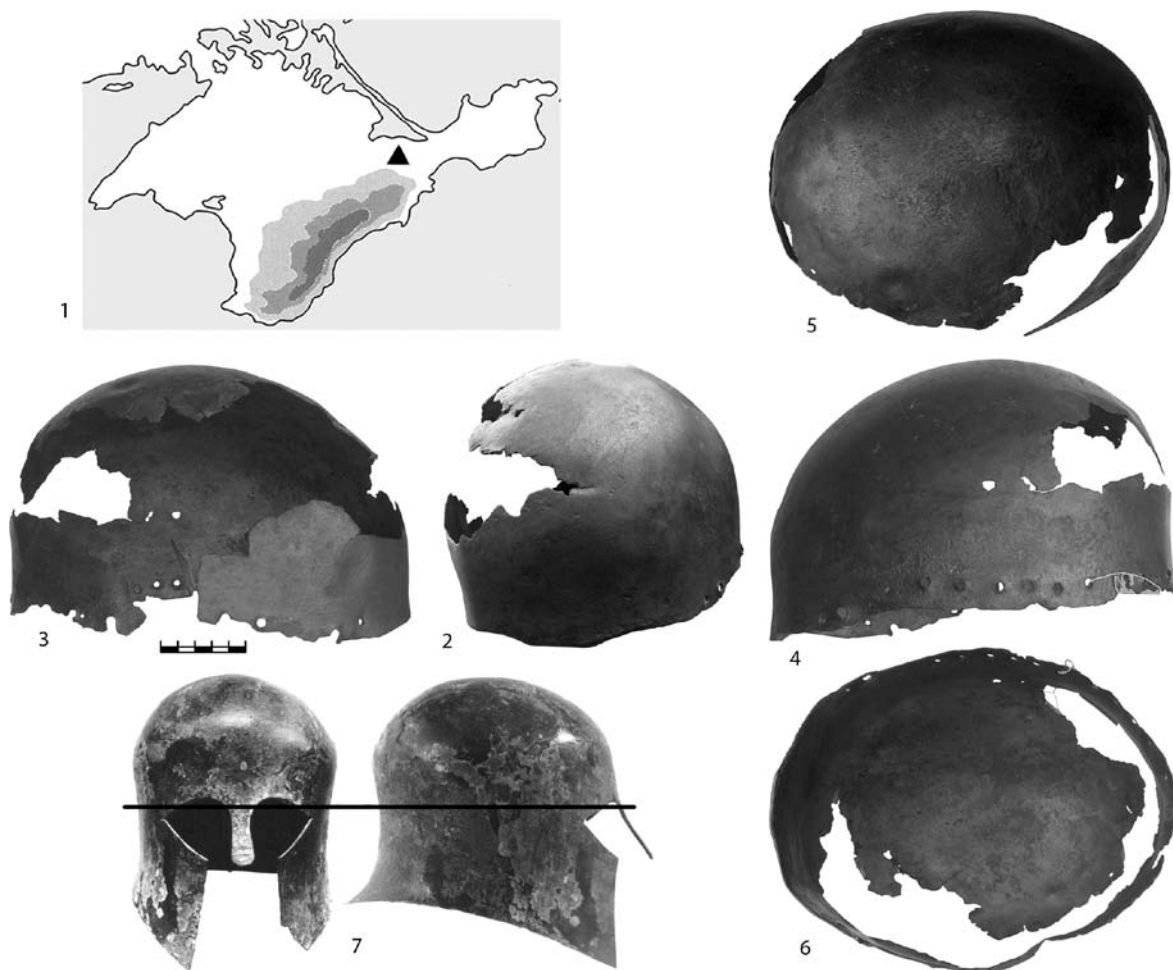

Рис. 1. Курган у с. Надежда (1 – местонахождение кургана; 2–6 – шлем из погребения: 2 – вид спереди, 3 – слева, 4 – справа, 5 – сверху, 6 – снизу, 7 – линия обрезки раннего коринфского шлема для получения шлема из Надежды – шлем по: Frielinghaus, 2011)

с. 76–77). Е.В. Черненко, продублировавший мнение А.И. Мелюковой, судя по телеграфной краткости упоминания одной фразой и отсутствию рисунка, шлем не видел и никакой иной информацией, помимо почерпнутой у А.И. Мелюковой, не располагал (Черненко, 1968, с. 94, 184).

Комплекс погребения из Надежды был опубликован лишь в 1985 г., более двадцати лет спустя после

его открытия, уже после смерти Е.Н. Черепановой. Данные отчета о раскопках несколько отличаются от приведенных в публикации – не совпадает ориентация скелета, не упоминается в публикации находка золотых вещей, а также отсутствуют данные о стратиграфии кургана, количестве и культурной принадлежности найденных в нем погребений, не упоминаются связанные со скифским погребением

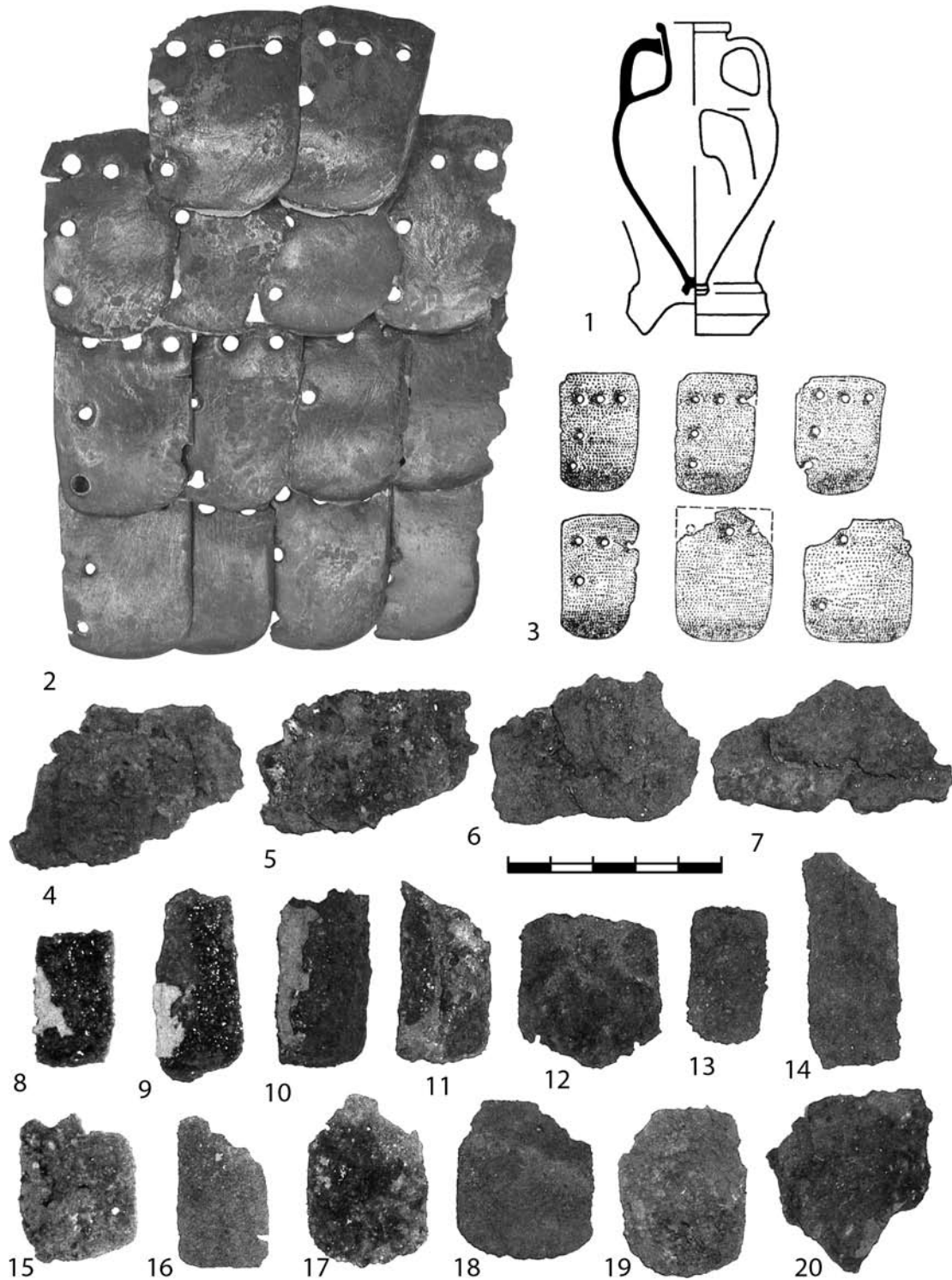

Рис. 2. Курган у с. Надежда (1 – амфора (рис. С.Ю. Монахова), 2, 3 – бронзовые панцирные чешуйки (2 – нынешний вид, 3 – рис. Е.Н. Черепановой), 4–20 – железные панцирные пластины, современный вид)

каменная крепида и ров, а также находки из него (Черепанова, 1961, с. 6–7; 1985, с. 62–6, рис на с. 63).

Колчанный набор из погребения представлен 78 бронзовыми наконечниками, преимущественно трехлопастными базисными. Имеются также массивные трехлопастные наконечники с ложком до острия, лопастями, соединенными с втулкой под тупым углом, с короткой выступающей втулкой, а также трехгранные с выступающей короткой втулкой (рис. 2). В целом колчанный набор сочетает типы наконечников II хронологической группы скифских наконечников стрел второй половины VI – первой половины V вв. до н.э. по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 21). Амфору из Надежды Е.Н. Черепанова определила как протофасосскую или местное (боспорское) подражание этой таре и по И.Б. Зеест датировала V в. до н.э. (Черепанова, 1985, с. 62–65, рис. 1, 4; Зеест, 1960, табл. VI, 15в; XXV, 566).

Казалось бы, все датирующие вещи из погребения дают датировку не позднее первой половины V в. до н.э. Однако комплекс погребения из Надежды был опубликован слишком поздно. В литературе уже давно утвердилась датировка шлема из Надежды IV в. до н.э., в результате чего Е.Н. Черепанова совершенно вопреки хронологическому контексту погребения, в соответствии с датировкой шлема, давно установленной наиболее авторитетными специалистами в области скифского вооружения А.И. Мелюковой и Е.В. Черненко, датировала погребение IV в. до н.э. (Черепанова, 1985, с. 62–65, рис. 1, 4). С.А. Скорый, основываясь на публикации Е.Н. Черепановой, тем не менее, датировал комплекс более ранним временем – второй половиной – концом V в. до н.э. (Черненко и др., 1986, с. 47, 174, 315). Однако и эта датировка недостаточно соответствует вещам из погребения, прежде всего набору наконечников стрел.

Как уже отмечалось выше, все 78 бронзовых наконечников из Надежды относятся ко II хронологической группе по А.И. Мелюковой, датирующейся по современным данным от второй четверти VI до начала V в. до н.э. Отсутствие в нем архаических наконечников келермесского типа I хронологической группы указывает на датировку не ранее середины VI в. С начала V в. до н.э. в составе скифских колчанных наборов появляются многочисленные типы трехлопастных наконечников, характерных уже для третьей хронологической группы скифских наконечников стрел V–IV вв. (Полін, 1987, с. 28, 30). Отсутствие последних прочно ограничивает время колчанного набора из кургана у с. Надежда рубежом VI–V, не позднее начала V в. до н.э.

Очень красивый рисунок амфоры в публикации Е.Н. Черепановой отличается таким своеобразием, что не позволяет, не только определить тип амфоры, но даже соотнести ее с предложенными самой Е.Н. Черепановой аналогиями по И.Б. Зеест, в которых она нашла сходство с амфорой из Надежды: с протофасосскими амфорами или местными подражаниями этим амфорам (Черепанова, 1985, с. 62–65,

рис. 1, 4; Зеест, 1960, табл. VI, 15в; XXV, 566). В свое время С.Ю. Монахов зачертил беспаспортную амфору, хранящуюся в фондах Симферопольского музея¹. По фондовым записям Музея в составе вещей из кургана у с. Надежды амфора не записана. Тем не менее, эта беспаспортная амфора полностью совпадает с замераами амфоры из Надежды, приведенными в публикации Е.Н. Черепановой. И, что самое удивительное, аналогии по И.Б. Зеест, указанные Е.Н. Черепановой, соответствуют рисунку беспаспортной амфоры, зарисованной С.Ю. Монаховым (рис. 2, 1) (Монахов, 2003, табл. 26, 7), но не рисунку надеждинской амфоры в ее собственной публикации (Черепанова, 1985, с. 62–65, рис. 1, 4; Зеест, 1960, табл. VI, 15в; XXV, 566)². С.Ю. Монахов отнес ее к амфорам на сложнопрофилированной ножке производства неустановленных центров Северной Эгеиды. Эта амфора в его классификации в единственном числе представляет изолированный тип в общей группе подобных амфор середины VI – второй четверти V вв. до н.э. Конкретная дата для нее не определена из-за отсутствия контекста (Монахов, 2003, с. 42, табл. 26, 7). Судя по наконечникам стрел, амфора должна датироваться около рубежа VI–V вв., не позднее самого начала V в. до н.э.

Обратимся к рассмотрению злополучного шлема. А.И. Мелюкова определила шлем из кургана у с. Надежда как переделку греческого шлема аттического типа по образцу местных шлемов кубанского типа. В отличие от остальных переделанных шлемов, шлем из Надежды не кованный, а литой, что и отметила исследовательница. А.И. Мелюкова специально не останавливалась на датировке шлема из Надежды, но всю остальную группу переделанных шлемов аттического типа датировала IV, IV–III вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 76–77).

Е.В. Черненко повторил определение шлема из Надежды А.И. Мелюковой как местной переделки шлема аттического типа и его датировку IV–III вв. до н.э. (Черненко, 1968, с. 94, 184). Много лет спустя после появления полной публикации ком-

¹ Ныне – «Крымское республиканское учреждение Центральный Музей Тавриды».

² Остаются некоторые «но». Амфора из Надежды была найдена в обломках и, судя по рисунку в публикации Е.Н. Черепановой, была склеена и догипсована. С.Ю. Монахов рисовал целую амфору, однако была ли она абсолютно целой или склеенной из фрагментов, за давностью лет не помнит. Но поскольку он замерил ее объем в 7,150 л путем наполнения водой, то полагает, что она должна быть целой. Но при этом полностью совпадает и тесто – по записям С.Ю. Монахова то же ярко-красное с мелкой слюдой, что и в описании Е.Н. Черепановой. По данным С.Г. Колтухова, в Крыму ни в одном другом скифском погребении второй половины VI – начала V вв. до н.э. нет амфор и, таким образом, эта беспаспортная амфора может происходить только из кургана у с. Надежда. В настоящее время эта амфора в целом виде в фондах музея отсутствует. Возможно только одно объяснение – амфора разбита и где-то хранится коробка с черепками от нее.

плекса погребения из Надежды Е.Н. Черепановой он не смог или по каким-то причинам не захотел изменить датировку шлема и лишь сузил ее до пределов IV в. до н.э., в соответствии с общей тенденцией в изменении датировок скифских курганов, сложившейся к тому времени. Хотя эта датировка категорически противоречила составу комплекса, к тому времени уже давно опубликованного (Černenko, 2006, s. 94, № 603, taf. 29, 603).

Следует отметить, что никто и никогда никаких аргументов в пользу определения исходного типа шлема из Надежды не приводил. Ни А.И. Мелюкова, определившая его как аттический, ни повторивший это определение вслед за ней Е.В. Черненко, ни Е.Н. Черепанова, считавшая его халкидским (Черепанова, 1985, с. 62–64, рис. 1, 3). В сущности, эти определения произвольны, поскольку какие-либо аргументы в их пользу найти невозможно. Все известные аттические шлемы кованые и имеют рельефные декоративные выступы, располагавшиеся выше надглазных выемок. Также характерно для них и несколько округло-заостренное оформление верха, с некоторым изломом линии. То же характерно и для халкидских шлемов, отличающихся от аттических устройством нащечников: у аттических они подвижные на шарнирах, у ранних халкидских составляют одно целое со шлемом¹, – а также обилием дополнительных декоративных элементов. Ничего этого на шлеме из Надежды нет – никаких рельефных выступов, шлем абсолютно гладкий, строго округло-полусферической формы. Лишь на лицевой части на нижнем краю сохранились остатки надглазных вырезов с выступом обрезанного наносника между ними. Абсолютно гладкая поверхность, правильная полусферическая форма и способ изготовления – литье подсказывают другое направление поиска.

Все греческие шлемы в подавляющем большинстве кованые с толщиной стенок 1–1,5 мм. Лишь отдельные экземпляры ранних коринфских шлемов и шлемов, как считал Б.З. Рабинович, фракийского типа с прямоугольным вырезом

¹ Халкидские шлемы отличаются обилием рельефных деталей в верхней части, поэтому сопоставлять с ними шлем из Надежды нельзя. Среди известных находок в группе I халкидских шлемов имеется единственный экземпляр G-1 с гладким полусферическим верхом, непосредственно, без рельефных уступов, переходящих в нащечники, назатыльник и короткий наносник, обнаруживающий некоторое сходство с ранними коринфскими шлемами. Этот шлем G-1, единственный в своем роде, абсолютно нетипичен для халкидских. В силу специфики не исключается его изготовление в провинциальной мастерской. По-видимому, также относится к числу наиболее ранних в халкидской серии, датирующейся начиная с третьей четверти VI в. до н.э. Также нет данных об изготовлении халкидских шлемов способом литья (Frielinghaus, 2011, s. 54–56, 61–62, taf. 82, 3–4; 83, 1).

для лица VI–V вв. до н.э., или как их принято сейчас определять – иллирийские VII–VI вв. до н.э., литые. Но последние имеют двойные валики сверху, составлявшие одно целое с шлемом или накладные, приклепанные к шлемам рядом заклепок, что исключает данный тип из числа возможных исходных типов для шлема из Надежды, поскольку на нем отсутствуют не только валики, но и следы их крепления (Рабинович, 1941, с. 122, 125, рис. 15; Frielinghaus, 2011, s. 17–18, 56–62). Соответственно, шлем из Надежды мог быть результатом переделки только коринфского шлема². Причем, судя по строгой полусферичности формы и отсутствию каких бы то ни было рельефных декоративных выступов, это мог быть шлем раннего или среднего этапа развития коринфских шлемов, соответственно, – конца VIII – первой половины VII вв. или второй четверти VII – середины VI до н.э. Коринфские шлемы позднейшего третьего этапа второй половины VI – третьей четверти V вв. до н.э. характеризуются резким ступенчатым переходом к верхней полусферической части от нижней и некоторой заостренностью верха, что напоминает форму и декор аттических и халкидских шлемов, и таким образом исключает их из числа вероятных прототипов³. По всей видимости, в качестве исходной формы для шлема из Надежды использован коринфский шлем второго этапа, наиболее близкий по времени и имеющий подходящую исходную форму. В результате удаления нижней части такого шлема и получился шлем из Надежды (рис. 1, 7) (Frielinghaus, 2011, s. 14–15, 17–20, 22, 30, 38–41, 45–47, 50–52, taf. 23, 1–2; 25, 3–4; 26, 1–2; 44, 3–4; 50, 1–2).

В целом датировка скифского погребения в кургане у с. Надежда около рубежа VI–V вв., не позднее самого начала V в. до н.э. – представляется наиболее оптимальной.

Остается невыясненным вопрос – зачем и как скифы, в отличие от всех других народов, переделывали дорогие импортные греческие шлемы?

Б.З. Рабинович, успешно выделивший группу шлемов кубанского типа местного изготовления

² Считается, что шлемы коринфского типа действительно возникли в Коринфе. Но большое количество сохранившихся экземпляров, весьма широкая география их распространения и многообразие типов свидетельствует об изготовлении шлемов коринфского типа в различных центрах (Frielinghaus, 2011, s. 14).

³ Единственный типичный коринфский шлем позднего этапа развитой формы с резко выделенной в рельефе верхней частью найден в Северном Причерноморье на Черкащине в кургане между сс. Ромейковка и Петраковка вместе с хиосской пухлогорлой амфорой развитого варианта III–B 490–450 гг. до н.э. по С.Ю. Монахову (Рабинович, 1941, с. 136, табл. XIII; Онайко, 1966, с. 58, 63, №№ 52, 221, табл. IV, 4; XIII, 4; Монахов, 2003, с. 17–18, табл. 5, 4). Такой шлем также не мог быть исходным типом для шлема из Надежды.

раннескифского времени¹, также предполагал существование более поздней смешанной группы шлемов, сочетающей признаки местных шлемов кубанского типа и греческих, куда включал шлемы из Солохи, Талаевского кургана, из случайных находок у ст. Даховской и возле Майкопа в Прикубанье, а также из Ольвии. По его мнению, эти шлемы были изготовлены в скифской среде с применением заимствованных греческих технологий. Не исключалась также возможность их изготовления греческими мастерами по скифским заказам. Все переделанные

¹ Шлемы кубанского типа характеризуются специфической техникой изготовления. Все они литые, с толщиной стенок 3–4 мм, с выступающим валиком и кольцом сверху, весом 1,5–1,9 кг. Шлемы кубанского типа Б.З. Рабинович датировал раннескифским периодом, на то время VI в. до н.э. Видимо, позднейшие шлемы кубанского типа, судя по шлему из Воронцовского кургана у ст. Крымской из раскопок В. Хойновского в 1886 г., утрачивают продольный рельефный валик, сохраняя при этом изрядную толщину стенок и маленькое кольцо сверху (Рабинович, 1941, с. 105–117, табл. VI, 1).

Шлемы кубанского типа найдены в Западной Сибири, в Средней Азии, в Нижнем Поволжье и особенно многочисленны на Северном Кавказе (Галанина, 1985, с. 178–181, 183, примеч. 42; 1991, с. 25). Новые находки обнаружены на Старокорсунском городище № 2, в протомеотском погребении в Келермесском могильнике, на р. Тясмин и в Киргизии, один шлем неизвестного происхождения имеется в собрании Музея Войска Польского в Варшаве (Mielcharek, 1995, fig. 10–13; Марченко, 1998; Полтавец, Білецька, Легоняк, 2000, с. 147–149, рис. 2; Худяков и др., 2001, рис. 1, 2; Алексеев, 2003, с. 47–50). Л.К. Галанина удредила шлемы кубанского типа до середины VII в., Е.В. Черненко распространил эту датировку на весь VII в. до н.э. (Галанина, 1985, с. 174; Черненко, 1987, с. 134). В.С. Ольховский и Г.Л. Евдокимов отметили изображения шлемов кубанского типа с характерными гребнями-валиками на пяти или шести стелах VII–VI вв. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 67–70, илл. 45; 76; 87; 89).

По мнению А.Ю. Алексеева, находка кубанского шлема на Старокорсунском городище № 2, наиболее ранние погребения из некрополя которого датируются VI в. до н.э., может свидетельствовать о существовании кубанских шлемов и в этом столетии (Марченко, 1998, с. 26; Алексеев, 2003, с. 48). И.В. Яценко обратила внимание на изваяние из кургана возле Куцеволовки с изображением шлема кубанского типа, в погребении которого найдены амфоры третьей четверти VI в. или рубежа VI–V вв. до н.э., что подтверждает бытование кубанских шлемов до этого времени (Бокий, Ольховский, 1994, с. 158–159; Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 27–28, № 78, илл. 45; Яценко, 1997, с. 165; Монахов, 2003, с. 37, 48, табл. 22, 4; 30, 2).

В последние десятилетия на территории северного Китая и Монголии найдены шлемы, сходные с кубанскими, которые датируются, начиная с эпохи поздней бронзы XVI–XI вв. до н.э. и позднее XIII–VI вв. до н.э. (Комиссаров, 1988, с. 65–66; Варенов, 1992; 1994; Эрдэнбаатар, Худяков, 2000, рис. 3, 4).

шлемы, – кованые, тонкостенные, с разнообразным рельефным декором, – он датировал не позднее IV в. до н.э. (Рабинович, 1941, с. 105–117, 128–135). Эта гипотеза представляется слишком сложной, чтобы быть реалистичной. Да и в IV в. до н.э. вряд ли могли изготавливаться или переделываться шлемы в подражание давно исчезнувшим образцам кубанского типа, вышедшим из употребления еще в VI в. до н.э.

А.П. Манцевич при изучении шлемов из Солохи и Талаевского кургана увидела в них греческие шлемы аттического типа, подвергшиеся переделке в варварской среде под влиянием местных шлемов кубанского типа (Манцевич, 1957, с. 155–156, примеч. 2). Если первое положение было доказано вполне, то вопиющая алогичность второго по-прежнему сохранилась в полной силе.

Позднее Е.В. Черненко на основе новых находок показал более широкое распространение традиции переделки греческих шлемов в скифской среде. Он полагал, что переделка греческих шлемов в скифской среде являлась своеобразным ремонтом поврежденных греческих шлемов. Но в этом случае остается совершенно необъяснимым, почему такой «ремонт» производился только в Северном Причерноморье? (Черненко, 1968, с. 89–95; 1971, с. 220). Вероятней всего, здесь играло роль другое обстоятельство – то, что греческие шлемы, предназначенные для пешего боя тяжелой пехоты (гоплитов), скифы переделывали для конного боя. Скифский конный бой велся дистанционно с помощью луков и стрел, копий и дротиков без прямого контакта с противником с непосредственной рубкой² и поэтому наносник, нащечники и назатыльник на шлемах были попросту излишними. Всаднику в бою, в отличие от гоплита, нужно иметь круговой обзор. Для обретения полной свободы поворота головы и облегчения шлема все это полностью обрезалось за ненадобностью. В Северном Причерноморье зафиксировано также приспособление другого элемента вооружения греческого гоплита, – бронзовых поножей, – в других регионах варварского мира также нигде более не отмеченное. Скифские и боспорские конные воины приспособливали греческие поножи для верховой езды – за ненадобностью обрезали высоко выступавшие наколенники, делались вырезы с внутренней стороны, где нога прилегала к туловищу коня и ее защита не требовалась. Делалось это также и для облегчения поножей (Курджипс, две пары поножей из Керчи, Водославка курган № 6, Соболева

² Рубиться, в общем-то, особенно было и нечем – длинные мечи у скифов встречаются очень редко, преобладают короткие мечи-кинжалы, тоже мало распространенный вид скифского вооружения. Крайне редко встречаются длинные копья-пики – известно всего 5 находок. В сущности, предположение о существовании тяжелой кавалерии у скифов, о наличии у них дружин воинов в панцирном облачении, выполнявших роль ударного «бронированного кулака» (Черненко, 1971, с. 35–38), остается не более чем красивой гипотезой.

Могила (Мозолевский, Полин, 2005, с. 175, 353, кат. 23, рис. 104, 10–11)). Также наезднической спецификой отличается такая уникальная часть панцирного доспеха, как «штаны», известные лишь у скифов, дополнявшие верхнюю часть доспеха – панцирную рубашу. Известны два варианта. В Новорозановке штаны с пластинчатым покрытием прикрывали спереди от пояса паховую часть и верхние и внешние боковые стороны бедер до колена¹. Более совершенный вари-

ант представлен в кургане у с. Красный Подол, где короткие «штаны» обворачивались сзади вокруг тела и соединялись спереди. Эти «штаны» пластинчатым покрытием прикрывали сзади поясницу и верхнюю часть ягодиц, а также спереди от пояса паховую часть и верхнюю и внешние боковые стороны бедер. В обоих вариантах ягодичная часть снизу и нижняя и внутренние боковые части бедер всадника, при-

¹ По мнению О.Г. Шапошниковой, новорозановские штаны объединяли функции набедренника и поно-

жей, однако это не так. Штаны длиной в 50 см могли едва прикрывать лишь колени, в зависимости от роста воина.

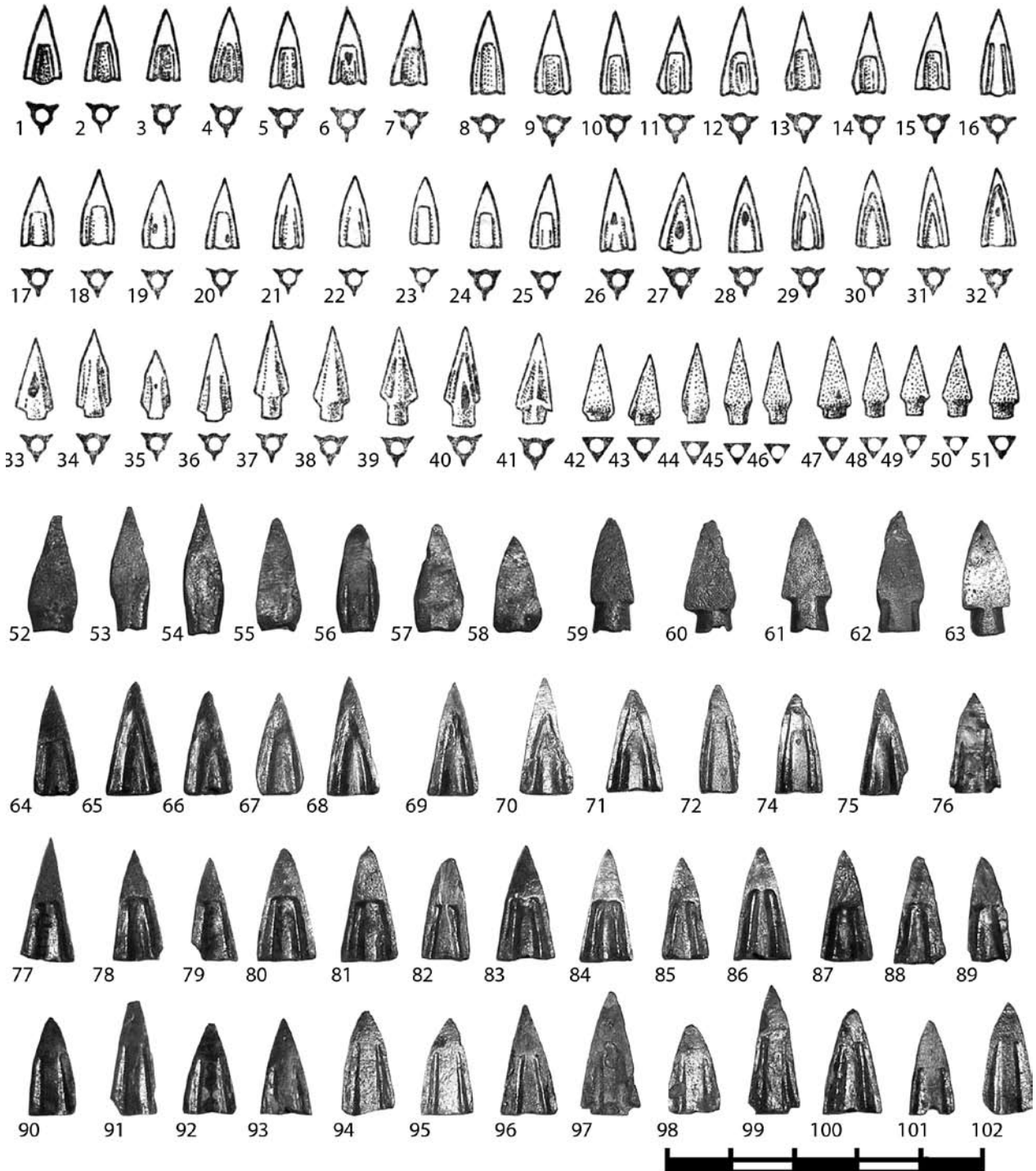

Рис. 3. Курган у с. Надежда. Наконечники стрел (1–51 – рис. Е.Н. Черепановой, 52–102 – современный вид)

легавшие к телу лошади, пластинчатого покрытия не имели (Шапошникова, 1970, с. 211, рис. 2; Полин, 1984, с. 110, рис. 11).

И.В. Яценко обратила внимание на хронологическую нестыковку объяснения подражания переделанных греческих шлемов архаическим местным шлемам кубанского типа. Шлемы кубанского типа, датирующиеся не позднее VI в. до н.э., не доживают до появления в Северном Причерноморье импортных греческих шлемов, наиболее ранние находки которых в этом регионе датируются первой половиной – серединой V в. до н.э. (Дитлер, 1964, с. 317; Черненко, 1968, с. 81–95; 1971а, с. 220). Поэтому исчезновение шлемов кубанского типа не могло быть результатом их вытеснения греческими шлемами. По мнению И.В. Яценко, это могло быть вызвано появлением скифских шлемов с чешуйчатым покрытием, наиболее ранний из которых найден в Александровке в комплексе VI в. до н.э.¹ (Яценко, 1997, с. 171; Ковалева, Мухопад, 1982, с. 96–101). Это вполне может быть так, что подтверждает и находка переделанного греческого шлема из Надежды рубежа VI–V – не позднее начала V в. до н.э.

На скифских антропоморфных стелах кроме шлемов кубанского типа имеются изображения другого типа ранних шлемов – гладких полусфе-

¹ Погребение датируется в пределах VI в. до н.э. по найденной здесь фибуле VII–VI вв. до н.э. (Gergova, 1987, р. 23, № 21–23, taf. 2, 21–23; 38, 22; Kilian, 1975, р. 69, № 748, taf. 28, 74).

рических с невысокой тульей, которые известны и на ранних VII–VI вв. и на поздних IV–III вв. до н.э. стелах (Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 67–70, илл. 82; 85; 64; 96). Можно предполагать, что здесь изображены переделанные в соответствии со скифскими вкусами импортные греческие шлемы.

В заключение необходимо заметить, что в юго-восточной части Крымского полуострова это не единственное воинское погребение времени перехода от скифской архаики к классике. В 1962 г. между селами Надежда и Дятловка, в нескольких километрах от кургана Надежда, была выпажана нижняя часть статуи скифа-воина второй половины VI – начала V в. или первой половины V в. до н.э. (Шульц, 1967, с. 227, рис. 1; Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 29–30, № 90, илл. 53). С 70-х гг. прошлого века известно подкурганное погребение у Изюмовки близ Старого Крыма², опубликованное С.А. Скорым. Предполагается, что в этом комплексе помимо длинного меча были найдены шлем и панцирь. Тогда же С.А. Скорый упомянул еще одно воинское погребение, раскопанное в кургане близ Старого Крыма, датированное А.А. Щепинским VI–V вв. до н.э. (Скорый, 1977, с. 280–281). Вряд ли появление ранних скифских погребений вблизи античной Феодосии, возникшей не позднее середины VI в. до н.э., было случайным.

² К сожалению, оно, как и погребение из Надежды, было разрушено при сельскохозяйственных работах.

Литература

- Алексеев, 2003: Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
- Бокий, Ольховский, 1994: Бокий Н.М., Ольховский В.С. Раннескифский курган на Днепровском Правобережье // РА. 1994. № 2.
- Варенов, 1992: Варенов А.В. К проблеме китайско-кавказских контактов (на материалах бронзовых шлемов) // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. докл. конф. к 90-летию М.П. Грязнова. СПб., 1992.
- Варенов, 1994: Варенов А.В. Бронзовые шлемы на границах чжоуского Китая и их «кубанские» аналоги // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. История и культура востока Азии. Новосибирск, 1994.
- Галанина, 1985: Галанина Л.К. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока. Ленинград, 1985.
- Галанина, 1991: Галанина Л.К. Контакты скифов с ближневосточным миром (по материалам Келермесских курганов // АСГЭ. 1991. Вып. 31.
- Зеест, 1960: Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. М., 1960. № 83.
- Комиссаров, 1988: Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988.
- Манцевич, 1957: Манцевич А.П. Ритон Талаевского кургана // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
- Марченко, 1998: Марченко И.И. Шлем «кубанского» типа со Старокорсунского городища № 2 // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Армавир; М., 1998. Вып. 4.
- Мелюкова, 1964: Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. Вып. Д 1–4.
- Мозолевский, Полин, 2005: Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев, 2005.
- Монахов, 2003: Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.
- Онайко, 1966: Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. М., 1966. Вып. Д 1–27.
- Ольховский, Евдокимов, 1994: Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.
- Полин, 1984: Полин С.В. Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

- Полін, 1987: Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59.
- Полтавець, Білецька, Легоняк, 2000: Полтавець В.І., Білецька О.В., Легоняк Б.В. Шолом кубанського типу в Правобережному лісостепу // Археологія. 2000. № 1.
- Рабинович, 1941: Рабинович Б.З. Шлеми скифського періода // ТОИПК. Ленінград, 1941. Т. 1.
- Скорый, 1977: Скорый С.А. Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма // СА. 1977. № 3.
- Худяков и др., 2001: Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Шлемы, найденные на территории Киргизстана // АЭАЕ. 2001. № 1(5).
- Черепанова, 1961: Черепанова Е.Н. Отчет об археологических раскопках кургана эпохи бронзы у с. Надежда Советского р-на Крымской области в 1961 г. // НА ИА НАНУ. 1961. № 58.
- Черепанова, 1985: Черепанова Е.Н. Скіфське поховання з с. Надежда Кримської області // Археологія. 1985. № 50.
- Черненко, 1968: Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.
- Черненко, 1971: Черненко Е.В. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии. М., 1971. (МИА; № 177).
- Черненко, 1971а: Черненко Е.В. Античный шлем с Нижнего Поднепровья // СА. 1971а. № 1.
- Черненко и др., 1986: Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полін С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев, 1986.
- Шапошникова, 1970: Шапошникова О.Г. Погребение скифского воина на р. Ингул // СА. 1970. № 3.
- Шульц, 1967: Шульц П.М. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М., 1967.
- Эрденбаатар, Худяков, 2000: Эрденбаатар Д., Худяков Ю.С. Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии // РА. 2000. № 2.
- Яценко, 1997: Яценко И.В. О времени и причинах исчезновения «кубанских» шлемов в скифской культуре Северного Причерноморья и Северного Кавказа // Сарматы и Скифия: Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов, 1997. (Донские древности; Вып. 5).
- Černenko, 2011: Černenko E.V. Die Schutzwaffen der Skythen // PBF. Stuttgart., 2006. III/2.
- Frielinghaus H. Die Helme von Olimpia. Ein Beitrag zu Waffenweihungen in Griechisches heiligtümern // Olimpische Forschungen. 2011. В. XXXIII.
- Mielczarek, 1995: Mielczarek M. Armes grecques, skythes et sarmates du littoral septentrional de la Mer Noire dans la collection du Musee de l'Armee Polonaise a Varsovie // Monumenta Antiqua Orae Septentrionalis Ponti Euxini Reperta. Torun, 1995. Vol. 1.

А.В. Симоненко
(г. Киев)

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА НОМАДОВ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В военной истории существует уникальный феномен – военное дело кочевников-коневонов Евразийской степи. Его возникновение и развитие обязано трем взаимосвязанным факторам: уникальным географическим условиям степного пояса, возникновению кочевого скотоводства и использованию лошади для верховой езды.

Спецификой хозяйства коневодов степей Евразии были перекочевки на значительные расстояния (обычно от нескольких сотен до нескольких тысяч километров) и использование лошади (в меньшей степени – верблюда-бактриана) как транспортного, прежде всего – верхового животного. Большие массы номадов-всадников находились в постоянной боевой готовности, они могли легко догонять врага и легко от него ускользать. Таким образом, коневоды евразийских степей изобрели и разработали специфическую стратегию и тактику конной войны, не имеющую аналогов в мировой военной истории.

Евразийский степной номадизм возник одновременно со всадничеством¹; можно сказать – одно породило другое. Степные скотоводы освоили езду верхом, и это сделало их мобильными и способными преодолевать большие расстояния. Косвенным доказательством этого является распространение курганной культуры киммерийского типа в IX–VIII вв. до н.э. от Тувы до Дуная (Клочко, 2006, с. 289). Исходя из археологических и изобразительных источников, конница как вид войска оформилась, скорее всего, в начале I тыс. до н.э. (Dietz, 2003, p. 197; Хазанов, 2010, с. 15). Кочевники превратили ее в новый и победоносный вид оружия.

Основными источниками изучения военного дела номадов Евразии раннего железного века являются письменные свидетельства, нарративные источники и археологические материалы. Важной частью исследования должны стать этнографические данные по кочевникам нового времени, которые следует учитывать при сравнительном анализе и построении реконструкций военных и исторических реалий. Как это ни парадоксально звучит, но главные принципы военного дела номадов мало

¹ Время и место domestikации коня и освоения езды верхом дискутируется до сих пор, и литература по этому поводу огромна. Ссылки на основные точки зрения и работы по этому вопросу наиболее полно собраны в недавнем прекрасном сборнике (Кони, колесницы и колесничие..., 2010, с. 348–367).

изменились за тысячелетия существования их культуры. Типы оружия, тактические приемы, стратегия войны, организация войска, главные боевые принципы и военные традиции в синхронных кочевых обществах имели много общих черт. Различия были, в основном, связаны с особенностями военной организации противников конкретных кочевых обществ (Хазанов, 2010, с. 8).

Военное искусство евразийских номадов раннего железного века можно объединить в четыре больших периода. Условно они названы киммерийским, скифо-сакским, хунну-сарматским и гунно-сяньбийским. Для каждого из этих периодов характерны свой уровень социальной организации и военного дела и определенное единство вооружения и конского снаряжения.

Киммерийский период датируется X–VII вв. до н.э. и охватывает военное дело ираноязычных племен киммерийского культурного круга (киммерийцев, носителей карасукской, уюкской, алды-бельской и др. культур). В социальном отношении кочевники киммерийского времени представляли собой родовое общество типа «вождества». Это население сформировалось в степях Алтая и Тувы и в течение двух веков достигло Предкавказья и Северного Причерноморья, откуда совершало грабительские рейды в Центральную Европу, государства Малой Азии, в Урарту и Ассирию.

Главным оружием первых конных воинов стал лук. В отличие от клинков, копий или топоров, лук при стрельбе с коня не требует резких уклонов корпусом и мгновенного изменения центра тяжести. Точка зрения о том, что для продуктивного использования оружия всаднику нужно седло и стремяна, ошибочна. Это не совсем так. Стремяна и упор в них нужны для режущего удара саблей, которая появилась только в средневековье и именно благодаря появлению стремян. Стреляя из лука, всадник, наоборот, полностью садится на спину лошади и сжимает ее бедрами. Свободная и гибкая поясница позволяет обернуться почти на 180 градусов и сделать прицельный выстрел, а на коне умелый всадник удерживается с помощью баланса и сжатых ног. Таким образом, с точки зрения всадника «парфянский» выстрел – несложное упражнение, но вряд ли так считал вражеский пехотинец, неожиданно пораженный стрелой казалась бы убегающего всадника.

Паноплия воина киммерийского времени состояла из лука «скифского» типа, стрел с бронзовыми

литыми втульчатыми двулопастными наконечниками, бронзовых, железных или биметаллических (с железным клинком и бронзовой рукоятью) мечей и кинжалов, копий с большими тяжелыми наконечниками, бронзовых и железных боевых топоров. Доспех был, скорее всего, кожаный, армированный бронзовыми пластинами разных форм (Клочко, 2006, с. 264–280). Во время столкновений кочевников с чжоуским Китаем к ним попали тяжелые литые бронзовые шлемы, ставшие прототипами раннескифских шлемов т.н. «кубанского» типа (Варенов, 1992, с. 100–104; Клочко, 2006, с. 289).

В киммерийских памятниках часто находятся несколько пар бронзовых удиц, бронзовые псалии и различные принадлежности, как полагают (Клочко, 2006, с. 290), колесничной упряжи. Однако находки остатков боевых колесниц неизвестны, и само их существование у киммерийцев гипотетично. Не исключено, что бронзовая упряжная гарнитура принадлежала обычным тягловым лошадям, возившим кибитки. Никаких данных о типе седла нет (Вальчак, 2009, с. 15–16).

Исходя из археологических находок, письменных источников и изображений, главной силой киммерийского войска была легкая конница. Киммерийские воины владели знаменитым приемом «скифского» или «парфянского» выстрела, изображенным на греческой вазе VII в. до н.э. (Ольговский, 2009, рис. на с. 18), или рубили противников длинными мечами, как это показано на Клазоменском саркофаге (Ольговский, 2009, рис. на с. 15). Для своего времени они представляли собой мощную силу, терроризируя на протяжении почти полувека Фригию, Лидию, Манну, Урарту, Ассирию.

Скифо-сакский период охватывает VI–III вв. до н.э. В это время в евразийской степи господствовали родственные племена номадов иранской языковой семьи. Они стояли на раннеклассовом уровне социальной организации, который характеризуется появлением неустойчивых политических объединений с элементами государственности (Мурзин и др., 1990, с. 210). Во главе таких объединений оказывались наиболее энергичные, сильные и удачливые племенные лидеры, которых письменные источники называют «царями». Некоторые археологические данные (одинаковые «царские» браслеты на женщине и ребенке из Толстой Могилы) говорят о том, что власть уже была наследственной.

Племена азиатской части степного пояса, от Монголии до Урала, известны из персидских и греческих источников под названиями саки, массагеты, даи¹. Дальше на запад, от Урала до Дона, жили кочевники, которых Геродот называет исседонами и савроматами. Западными соседями и в определенной степени родственниками савроматов были

¹ В целях экономии места здесь и далее перечисляются не все этнонимы, упомянутые в письменных источниках, а те, которые встречаются чаще всего.

европейские скифы. Земли Скифии простирались от Дона на востоке до предгорий Карпат на западе, от зоны лесов на севере до крымских гор на юге.

Основным оружием скифов, сарматов, саков и других номадов этого времени был лук, который неоднократно упоминается в произведениях античных авторов. Сложный лук «скифского» типа изготавливался из дерева нескольких пород. Он был небольшим, от 60 до 70 см длиной. Археологические находки луков почти неизвестны, поэтому их вид реконструирован на основе изображений. Несмотря на небольшие размеры, лук «скифского» типа был тугим и мощным, поскольку его плечи обклеивали роговыми пластинками или сухожилиями (Черненко, 1981, с. 8–15).

Стрелы были от 40 до 70 см длиной, изготовлены из тростника или березы, с оперением и бронзовыми литыми втульчатыми наконечниками пирамидальной формы. Средняя длина такого наконечника составляла 2,5–3 см. Наконечники стрел скифских, савроматских или сакских луков почти одинаковы, с незначительными типологическими различиями. По сообщениям античных авторов, скифы пользовались отравленными стрелами.

Лук и стрелы носили в горите, который обычно делали из дерева и кожи. Гориты скифских аристократов украшали золотые пластины, иногда с изображениями сюжетов античной мифологии (Черненко, 1981, с. 63–93). Такие гориты были в моде у европейских скифов, восточнее Дона они неизвестны.

Оружие ближнего боя номадов скифо-сакского периода состояло из мечей, кинжалов и боевых топоров. Геродот называл скифские короткие мечи персидским термином «акинак». Средняя длина меча колебалась между 40 и 60 см, хотя изредка встречались и длинные (до 1 м) образцы. Последние чаще найдены в савроматских и сакских захоронениях, у европейских скифов они были менее распространены. Рукоять и ножны церемониальных мечей из некоторых аристократических могил украшены золотом.

В паноплии воина этого периода, судя по находкам в могилах, непременно были копье и один-два дротика. Длина их не превышала 2 м, у них были железные наконечники и втоки. Рядовые номады использовали пращу и аркан.

В переднеазиатских походах конца VII – начала VI в. до н.э. скифы познакомились с чешуйчатым доспехом. С этого времени он становится почти единственным типом боевой защиты воина, а также показателем его социального статуса (Черненко, 1968, с. 143–144, 167).

Чешуйчатый панцирь состоял из защиты торса, отдельно носились панцирные набедренники и чешуйчатый щит. Дополнительной защитой ног были чешуйчатые или импортные греческие кнемиды. Такой панцирь был гибким, но тяжеловатым. Исходя из находок панцирей преимущественно в богатых

могилах, он был довольно дорог и не доступен рядовым кочевникам.

На территории причерноморской Скифии известно более 200 находок панцирей (Черненко, 1968, с. 10), тогда как у савроматов или саков его находки единичны (Горелик, 1982, с. 112–118). Это объясняется, скорее всего, особенностями погребального обряда. Возможно, восточные кочевники шире использовали доспехи из органических материалов – кожи, текстиля, войлока.

Специфической деталью снаряжения скифского воина был боевой пояс с металлическим чешуйчатым набором, на котором подвешивались меч, кинжал, горит, точило, боевой топор.

Скифы Северного Причерноморья широко использовали шлемы: в VII–VI вв. до н.э. так называемого «кубанского» типа, позже – античные (коринфские, аттические, халкидские), иногда с удаленными нащечниками и другими переделками. Собственно скифскими были наборные чешуйчатые шлемы (Черненко, 1968, с. 74–98). К востоку от Дона – у савроматов и саков – находки шлемов, как и панцирей, редки.

Конское снаряжение скифо-сакского периода разнообразно и весьма совершенно для своего времени. Железные удила крепились к оголовью железными и бронзовыми псалями с разнообразным декором. Узда украшалась наборами бронзовых, серебряных или золотых блях, фигурными нащечниками и налобниками. В вечной мерзлоте могил пазырыкской культуры на Алтае сохранились седла этого времени. Это т.н. мягкие седла, состоящие из двух шитых кожаных подушек, с упорами спереди и сзади, которые помогали лучше держаться в седле без стремян (Степанова, 2006, с. 110). Изображения таких седел распространены от Китая до Днепра, что говорит об их использовании во всем скифо-сакском мире.

Археологические материалы этого периода демонстрируют, что скифская конница уже разделялась на легкую, вооруженную луками и метательными копьями, и тяжелую – закованную в панцири, с мечами и копьями для ближнего боя. Неизвестно, сформировалось такое же деление у савроматов и саков – как отмечалось, находки доспехов у них почти неизвестны. Возможно, отсутствие постоянного врага, имевшего сильную пехоту, не стимулировало развитие тяжелой кавалерии у восточных скифов: с единственной в этом регионе страной, у которой такая пехота была – Китаем – саки не сталкивались, а войны с персами в VI в. до н.э. быстро закончились. Скифская панцирная конница состояла из состоятельных кочевников – большинство известных доспехов найдено в могилах с богатым инвентарем (Черненко, 1968, с. 167).

Военное дело кочевников этого времени реконструируется по письменным источникам и археологическим материалам. Особенность его развития заключается в том, что в этот период степные кочев-

ники столкнулись с армиями оседлых государств Ближнего Востока (Урарту, Ассирия, Персия) и античного мира (Эллада, Македония, греческие города Северного Причерноморья). Чтобы преодолеть сопротивление глубокого построения фаланги, нужно было выработать специфическую тактику. Поскольку длинные сариссы пехоты не позволяли вступить в ближний бой, всадники кочевников сначала засыпали противника градом стрел, стреляя не прицельно, но массово и часто. Именно поэтому в горитах скифо-сакского периода находят по несколько сотен наконечников стрел. Обстрел, кроме ранений и гибели воинов, вносил психологически тяжелую атмосферу постоянной угрозы и в конце концов разрушал строй фаланги. После него легкая конница метала копья и дротики и довершала беспорядок в рядах пехоты. Смешавшиеся ряды атаковала тяжелая конница, и ее всадники врукопашную действовали клинковым оружием, копьями и боевыми топорами. Однако панцирные воины скифо-сакского периода еще не практиковали таранный удар копьём с коня – этому мешало отсутствие удобного седла. Они били копьём сверху, как показано на гребне из Солохи.

В это время кочевники уже пользовались своими знаменитыми тактическими приемами – мнимым отступлением с целью заманить врага вглубь территории и притворным бегством со «скифским» выстрелом в преследующего врага. Наиболее известные примеры этой тактики – война причерноморских скифов с царем Дарием I (в 514 г. до н.э.) и центральноазиатских массагетов с его предшественником Киром (около 530 г. до н.э.).

Находки наконечников стрел в валах скифских лесостепных городищ и в скелетах из некоторых скифских погребений говорят о междоусобных стычках и даже войнах. Античные источники содержат данные о скифо-савроматских военных конфликтах («Токсарис» Лукиана).

Хунну-сарматский период начинается во II в. до н.э. В это время в евразийской степи доминировали две политических и этнических силы – племена хунну и сарматов. Социальная структура их общества почти не отличалась от объединений скифо-сакского мира, однако уровень политических отношений был несколько выше. Племена хунну-сарматского периода образовывали сильные, но кратковременные военно-политические союзы – «кочевые империи», в которых во многом проявлялись элементы государственности.

При первых императорах династии Цинь вдоль северных границ Китая жили три группировки кочевников: дунху на востоке, хунну в Ордосе и юечжи на западе. В конце III в. до н.э. Модэ-шаньюй создал «кочевую империю» хунну – в 209 г. до н.э. он пришел к власти и начал завоевательские походы (Крадин, 2001, с. 47–55). Хунну были основным и наиболее опасным врагом китайских империй Цинь и Хань. После серии войн и раздела на «северных» и «южных»

(48 г. н.э.) хунну ослабли и в 91 г. н.э. потерпели первое поражение от сяньби. В середине II в. н.э. сяньби под руководством Тяньшихуа окончательно разгромили хунну, став вместо них главным врагом Китая.

На западе нынешней китайской провинции Ганьсу кочевали юечжи. Считается, что они принадлежали к тохарской группе иранской языковой семьи. В начале II в. до н.э. юечжи были разбиты хунну и отошли на запад, завоевав страну Давань (Фергана). В конце этого же столетия (между 123 и 80 гг. до н.э.) нашествие юечжи сокрушило Греко-бактрийское царство (Benjamin, 2007, p. 213–215), а их правящие роды стали основателями династий Кушанской империи (Зеймаль, 1982, с. 153).

В районе провинции Ганьсу, по соседству с юечжи китайские хронисты помещают кочевников усунь. После войны с юечжи в 160 г. до н.э. усунь переселились на земли саков-тиграхауда за Тянь-Шань, в Юго-Восточный Казахстан. На западе территория усуней граничила с Кангюем, на востоке они имели общую границу с хунну, а на юге их владения достигали Ферганской долины (Семенов, 2010, с. 99–110).

На территории современного Казахстана, по данным китайских хроник, со II в. до н.э. находилась кочевая держава Кангюй. Последние упоминания о ней датируются III в. н.э. Кангюйцы, усунь и юечжи были родственными народами и имели сарматизированную археологическую культуру (Подушкин, 2000, с. 88–105).

Земли сарматов начинались западнее Кангюя, в районе Аральского моря. Сарматы – общее название большого массива ираноязычных кочевых племен, под которым они были известны греческим и римским авторам. По происхождению сарматы были родственны своим восточным соседям – юечжи и усуням. В течение II в. до н.э. – IV в. н.э. сарматы кочевали на огромном пространстве степей от Аральского моря до Дуная. Из труда Страбона известны названия и территории кочевий отдельных сарматских племен во II–I вв. до н.э.: в бассейнах Урала и Волги жили верхние аорсы, на Дону – аорсы, на Кубани – сираки, земли между Доном и Днепром занимали роксоланы, а чуть западнее них жили языги. В середине I в. н.э. в Восточную Европу из Внутренней Азии перекочевали аланы – сильный в военном отношении род или клан. Под давлением аланов языги перешли Карпаты и осели в междуречье Тисы и Дуная, на границе римской провинции Паннония. Сарматы господствовали в европейской степи до середины IV в. н.э., когда в 375 г. они и их союзники готы оказались на пути новой волны восточных кочевников – гуннов.

Археологические материалы этого периода демонстрируют дальнейший прогресс в развитии оружия номадов. Одним из достижений было применение т.н. лука «гуннского» типа. Он был больше лука «скифского» типа (до 1,5 м длиной), составным и рефлексирующим, т.е. в спущенном состоянии

такой лук выгибался в противоположную сторону. Эта конструкция значительно повышала убойную силу лука. Середина и концы лука «гуннского» типа были усилены костяными пластинами, а гибкими оставались лишь плечи. Стрелы для таких луков были 0,8–1 м длиной с наконечниками больше (до 5 см) и тяжелее, чем для лука «скифского» типа. Изменилась и тактика – вместо массовой стрельбы стала прицельной, поскольку новые стрелы имели лучшие аэродинамические качества, чем скифские.

Самые ранние находки костяных пластин от лука «гуннского» типа известны в памятниках хунну и датируются II в. до н.э. В течение II–I вв. до н.э. такие луки распространились у соседей хунну – юечжи, усуней, носителей саргатской культуры Южной Сибири. В I в. до н.э. юечжи принесли новые луки в Центральную Азию, они попали к кангюйцам и парфянам. В I в. н.э. луки «гуннского» типа вместе с сарматами (аланами) распространились в Восточной Европе, хотя, исходя из размеров и веса большинства наконечников, сарматы продолжали пользоваться луками «скифского» типа (Симоненко, 2010, с. 93–94).

Еще одной восточной инновацией этого периода следует считать горит своеобразной конструкции. Он состоял из двух цилиндрических футляров для стрел, пришитых к налучью или соединенных с ним иным образом. Такие гориты сохранились в некрополе Нийя в долине Тарима, в могилах II в. н.э. (Wang, 2002, pp. 118, 137; Excavation..., 2000, p. 16, fig. 3). Они изображены на поясных пластинах из Сибирской коллекции и могильника Орлат в Согде, на боспорских надгробиях I в. н.э. среди прочего сарматского снаряжения (Трейстер, 2010, с. 492–494). Это подтверждает гипотезу о том, что такие гориты попали в Восточную Европу с аланами, перекочевавшими от границ хунну (Симоненко, 2010а, с. 400–401).

В течение хунну-сарматского периода короткие мечи, преобладавшие в скифское время, постепенно заменялись длинными (до 1 м) клинками. Во время длительных конфликтов между хунну и Хань к номадам иногда попадали длинные китайские мечи с нефритовыми перекрестьями и скобами на ножнах. Эти мечи или их нефритовые детали найдены в памятниках хунну, саргатской культуры, в Центральной Азии и у сарматов (Симоненко, 2010, с. 63–67). Номады хунну-сарматского времени оценили преимущества такого оружия, главное из которых – возможность рубить с коня. Так или иначе, у кочевников от хунну на востоке до сарматов на западе, начиная со II в. до н.э., распространяются длинные мечи с длинными же, на китайский манер, рукоятками, часто увенчанными дисковидными навершиями – простыми алебастровыми или халцедоновыми, хрустальными, янтарными и украшенными золотом. В I в. н.э. такие мечи были обычным оружием сарматов и кангюйцев, хотя в могилах, как и ранее, преобладают короткие (знак воинского

статуса покойника). В захоронениях сарматских (могильник Дачи, Косика) и кушанских (Тилля-тепе) царей I в. н.э. найдены церемониальные кинжалы, рукоять и ножны которых богато украшены золотом со вставками кораллов и бирюзы.

По сравнению с предыдущим периодом несколько уменьшилось количество находок наконечников копий, а копьё редко встречается в составе погребального инвентаря. Скорее всего, кочевники хунну-сарматского периода не практиковали обязательное помещение копья в могилу – его могли, например, вонзать в насыпь кургана (Хазанов, 2008, с. 108).

Доспехи хунну-сарматского периода также отличаются от боевой защиты скифского времени. В это время распространяется ламеллярный доспех, удлинённые пластины которого соединялись сложной системой шнурков. Такой панцирь не нуждался в кожаной или текстильной основе, был легче и практичнее чешуйчатого.

Ламеллярными доспехами пользовались хунну, сяньби, усунь, кангюйцы, воины саргатской культуры (длинны китайских источников?). Ламеллярные пластины найдены в некоторых сарматских могилах Прикубанья (Симоненко, 2010, с. 122). Сарматы, жившие на территории от Волги до Дуная, пользовались панцирями различных типов: старыми чешуйчатыми, трофейными римскими *lorica plumata*, комбинированными панцирями «парфянского» типа, кольчугами кельтского происхождения (Симоненко, 2010, с. 108–132). Почти все найденные панцири были разрушены при ограблении могил, и мы можем только предположительно реконструировать их вид.

Широко использовались шлемы. На востоке хунну и соседние номады предпочитали наборные ламеллярные шлемы, на западе сарматы пользовались импортными античными шлемами: во II–I вв. до н.э. это были Монтефортино, псевдоаттические, Пилос, в раннеримское время – трофейные легионерские типа Вайзенау, позже – конические восточного происхождения и каркасные (Симоненко, 2008, с. 259–270).

Конское снаряжение хунну-сарматского периода также претерпело значительные изменения. Его характерной деталью стали фалары – круглые серебряные позолоченные орнаментированные бляхи, которые украшали концы нагрудника на плечах лошади (Mordvinceva, 2001). Иногда в фалары переделывали античные серебряные чаши (Раев, Симоненко, 2009, с. 65–79).

Но главное изобретение номадов этого времени – седло нового типа, с высокими луками (Симоненко, 2010, с. 228–232)¹. Основой его послужило «пазырыкское» мягкое седло с выступами-упорами.

¹ В этой работе, как и ранее (Симоненко, 2004) я предполагал, что это были первые седла с деревянным арчаком. Моя гипотеза, как показали исследования Е.В. Степановой, оказалась ошибочной.

К этим упорам стали привязывать деревянные луки, что укрепило ленчик и сделало посадку еще более комфортной и удобной (Степанова, 2011, с. 388–389). Такое седло удерживало всадника во время отдачи копья и породило принципиально новый боевой прием – таранный удар копьем со скачущего коня. Этот прием стал основой тактики тяжелой конницы катафрактариев, а позже – средневековых рыцарей, улан и казаков нового времени.

Хотя панцирные всадники существовали и в скифское время, но при отсутствии удобного седла они не практиковали таранный удар из-за риска оказаться на земле. Поэтому их конница теряла свое главное преимущество – силу сомкнутого строя, умноженную на резвость лошадей. Атака катафрактариев, которые, не снижая аллюра, таранили копьями шеренги противников, была неотразима и победоносна.

Катафрактарии как боевая единица конницы кочевников появились там, где требовалось преодолеть сопротивление сильной пехоты. В то время это была панцирная пехота Западной Хань на востоке и селевкидские фаланги, которые позже сменились почти непробиваемым построением римского легиона, на западе². Соответственно, тяжелая копьеносная конница возникла у кочевников на северных границах Китая (усунь, сяньби), у парфян и их соседей (мидян, албанов, армян), у сарматов – сираков и аланов. Это маркируют и находки доспехов – между монголо-алтайским регионом и Восточной Европой они почти неизвестны.

Панцирные всадники номадов атаковали в сомкнутом строю, ошестившись копьями длиной до 3 м. Мнение о сверхдлинных копьях сарматов – до 4,5 м – ошибочно и базируется на буквальном восприятии древних изображений (Симоненко, 2010, с. 79–81). После прорыва вражеского строя воины бросали копья и рубили пешего противника длинными мечами. Эти виды боевых действий замечательно отражены на хорошо известной костяной поясной пластине из кургана I в. н.э. могильника Орлат (Никоноров, Худяков, 1999, с. 151–153, рис. 3–5). Но главную массу войска составляла, как и в предыдущее время, легкая конница, вооруженная луками.

Считается, что особенностью военного дела сарматов было участие женщин в боевых действиях. Эта точка зрения базируется на наличии женских погребений с оружием и свидетельствах античных авторов. Гиппократ писал, что «их (сарматов – авт.) женщины ездят верхом, стреляют из луков и бросают дротики с коня и сражаются с врагами, пока они в девичестве» (Hir., De aero, 24). По словам

² М.-Я. Ольбрыхт видит еще один источник появления катафрактариев в Передней Азии – синтез кавалерийских традиций центральноазиатских номадов и ахеменидской панцирной конницы в эпоху завоеваний Александра Македонского (Ольбрыхт, 2010, с. 81–82).

Помпония Мелы, у сарматов «... женщины вступают в конные схватки и дерутся не железным оружием, а накидывают на врагов арканы и убивают их загибанием» (Mela, *Hor.* I, 114).

Однако женские погребения с оружием есть во многих культурах евразийских кочевников. Специфика их образа жизни, когда очень часто мужчины уходили в перекочевки со скотом, участвовали в дальних рейдах и войнах, гибли в боях, женщины кочевого общества были вынуждены уметь владеть оружием, чтобы в случае необходимости защитить себя и род. Участие женщин в боевых действиях у кочевников, в том числе у сарматов, скорее всего, практиковалось лишь в крайних случаях – при обороне от численно превосходящего врага или в отсутствие воинов-мужчин. Исходя из текста Помпония Мелы и по археологическим данным, оружием «амазонок» были луки, дротики или арканы.

Гунно-сяньбийский период (III–VI вв. н.э.) развития военного дела кочевников евразийской степи отличается тем, что ведущей этнополитической силой вместо ираноязычных племен стали монголо-и тюркоязычные. После ряда поражений от сяньби племена хунну откочевали на запад, и в степях Приуралья и Северного Казахстана в тесных этнокультурных контактах с поздними сарматами трансформировались в новое население, известное из античных источников под названием гунны. Начав в середине IV в. н.э. путь на запад, гунны установили свое господство над сарматами Поволжья и Подонья, захватили Крым и современную Украину, частично истребив готов и союзных им аланов, частично присоединив их к своей орде. Таким образом, после 375 г. н.э. в Восточной Европе образовалась кочевая империя гуннов.

В 425 г. н.э., при кагане Руе, гунны начали свой путь дальше на запад, на территорию Римской империи. После смерти Руи (433 г. н.э.) и его племянника Бледы (445 г.) каганом гуннов стал Атила, а центр гуннской империи переместился в Паннонию. Постоянные войны Атилы с Римом закончились его поражением на Каталаунских полях во Франции в 451 г. н.э. После смерти Атилы его империя постепенно распалась.

Среди кочевников на северных границах Китая в это время продолжались распри. Сяньби, которые изгнали на запад хунну, в конце III – начале IV в. н.э. разделились на владения Мужун и Тоба. Нападения этих кочевников на Китай чередовались с периодами мира, когда либо мужуны, либо табгачи даже служили Китаю. В V в. н.э. место лидера в степях к северу от Великой Китайской стены заняли жуань жуаны (жужаны) – еще одно ответвление сяньби. Жужанский каганат просуществовал с 402 по 555 г. н.э., когда был уничтожен аварами (Барфилд, 2009, с. 147–208).

В этот период происходит дальнейшее совершенствование оружия кочевников. Мощный и дальноточный лук «гуннского» типа стал их обычным

оружием (Худяков, Юй Су-хуа, 2005, с. 7–18). Гунны распространили его до границ Римской империи, а доминирование находок больших железных трехлопастных наконечников стрел, калиберных к таким лукам, диагностирует исчезновения лука «скифского» типа.

Почти исчезли короткие мечи, на смену которым пришли длинные обоюдоострые клинки. Сяньби ввели новый тип клинкового оружия – однолезвийные прямые палаши, ставшие прототипом сабли (Бобров, Худяков, 2005, с. 180–181). Рукояти и ножны гуннских мечей украшались самоцветными инкрустациями в технике клуазоне.

Этот период – время популярности ламеллярного доспеха, которым широко пользовались гунны, сяньби, жужаны. Археологические находки, иконографические и письменные источники свидетельствуют о том, что сяньби имели тяжелую конницу, где не только всадники, но и лошади были защищены ламеллярными доспехами (Горбунов, 2005, с. 215–221, рис. 4; 8, 13–15). Развитию тяжелой конницы способствовала необходимость иметь адекватный ответ китайской пехоте, вооруженной арбалетами.

До недавнего времени считалось, что гунны в IV в. н.э. изобрели седло с деревянным арчаком. Основаниями для этой гипотезы явились находки золотых пластин с характерным чешуйчатым орнаментом, реконструированных как декор передней луки и концов полок. Но если дуговидная форма первых не оставляет сомнений в правильности такой реконструкции, то размеры вторых требуют полка непомерной ширины (более 20 см, что нереально). На это впервые обратила внимание Е.В. Степанова и предположила, что подтреугольные пластины украшали торцы подушек мягкого седла с деревянными луками (Е.В. Степанова называет его полужестким), которое появилось еще в хунно-сарматское время (Степанова, 2011, с. 388–389). По размерам эти пластины идеально совпадают с торцами пазырыкских мягких седел. Эта реконструкция попутно отвечает на два вопроса: почему при находках золотых обивок ни разу не были найдены следы дерева арчака (потому что его просто не было) и почему якобы жесткие седла гуннов не имели стремян (при отсутствии деревянных полок путлице некуда крепить).

Тактика и стратегия кочевников гунно-сяньбийского периода мало отличалась от принципов военного искусства предыдущего времени. Одним из основных видов ведения боевых действий были разные по продолжительности, расстоянию и составу участников рейды. Они имели целью не столько физическое уничтожение противника, сколько захват добычи и демонстрацию военной силы с целью последующего установления даннических отношений и других видов внешней эксплуатации (Першиц, 1975, с. 290). Идеологическим обоснованием такого «права войны» был традиционный

для номадов взгляд на грабеж как на престижное и почетное дело.

Организация рейдов была разнообразной. Их осуществляли небольшие группы волонтеров, приглашенные частным лицом, организовывались и более массовые рейды силами племени или нескольких племен.

Отправляясь в поход, евразийские номады ездили в-двуконь, т.е. имели запасных (т.н. заводных) лошадей. Их использование значительно повышало мобильность кочевников и было обычным приемом. «Они преодолевают огромные расстоя-

ния, когда преследуют врага или бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый ведет еще в поводу запасного коня, а иногда и двух, чтобы, пересаживаясь с одного на другого, сохранить силы коней и, давая им отдых, восстановить их бодрость», – писал о гуннах Аммиан Марцеллин (Amm. Marc., XVII, 12, 3).

Дальнейшая – средневековая – история военного искусства коневодов Евразии связана с тюркоязычными народами и двумя выдающимися изобретениями – стременами и саблех.

Литература

- Барфилд, 2009: Барфилд Т.Д. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н.э.). СПб., 2009.
- Бобров, Худяков, 2005: Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 80–200.
- Вальчак, 2009: Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. М., 2009.
- Варенов, 1992: Варенов А.В. К проблеме китайско-кавказских контактов (на материале бронзовых шлемов) // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 100–104.
- Горбунов, 2005: Горбунов В.В. Сяньбийский доспех // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 200–223.
- Горелик, 1987: Горелик М.В. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- Зеймаль, 1982: Зеймаль Е.В. Кушанское царство // История древнего мира: упадок древних обществ. М., 1982.
- Клочко, 2006: Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). Київ, 2006.
- Кони, колесницы и колесничие..., 2010: Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010.
- Крадин, 2001: Крадин Н.Н. Империя хунну (издание 2-е). М., 2001.
- Мурзин и др., 1990: Мурзин В.Ю., Павленко Ю.В., Симоненко А.В. Политические объединения ранних кочевников Восточной Европы по данным археологии // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Кишинев, 1990. С. 209–210.
- Никоноров, Худяков, 1999: Никоноров В.П., Худяков Ю.С. Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. С. 141–154.
- Ольбрыхт, 2010: Ольбрыхт М.-Я. К вопросу о происхождении конницы катафрактов в Иране и Средней Азии // Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 66–85.
- Ольговський, 2009: Ольговський С.Я. Володарі степу. Військова справа і озброєння скіфів VII ст. до н.е. – III ст. н.е. Київ, 2009.
- Першиц, 1975: Першиц А.И. Некоторые особенности классового образования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М., 1975. С. 280–313.
- Подушкин, 2000: Подушкин А.Н. Арыская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан, 2000.
- Раев, Симоненко, 2009: Раев Б.А., Симоненко А.В. «Фалар» из «Давыдовского клада» // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем: сборник научных статей. СПб., 2009. С. 65–79.
- Семенов, 2010: Семенов Вл.А. Усуни на севере Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3(43). С. 99–110.
- Симоненко, 2004: Симоненко А.В. Седло сарматского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004. С. 222–226.
- Симоненко, 2008: Симоненко А.В. Тридцать пять лет спустя: послесловие-комментарий // Хазанов А.М. Избранные научные труды. Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008. С. 238–289.
- Симоненко, 2010: Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- Симоненко, 2010а: Симоненко А.В. «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы) // НАВ. Вып. 11. Волгоград, 2010а. С. 392–402.
- Степанова, 2006: Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. Вып. 13. СПб., 2006. С. 103–150.
- Степанова, 2011: Степанова Е.В. Седла гунно-сарматского времени – попытка реконструкции // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород-Старая Русса. Т. I // СПб.-М., Великий Новгород, 2011. С. 388–389.
- Трейстер, 2010: Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н.э. // Древности Боспора. Вып. 14. М., 2010. С. 484–561.
- Хазанов, 2008: Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008.

- Хазанов, 2010: Хазанов А.М. Роль кочевников евразийских степей в истории военного искусства // Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 8–25.
- Худяков, Су-Хуа, 2005: Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Новые материалы по оружию дистанционного боя сяньби // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 7–18.
- Черненко, 1968: Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.
- Черненко, 1981: Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.
- Черных, 2009: Черных Е.Н. Степной пояс Евразии. Феномен кочевых культур. М., 2009.
- Benjamin, 2007: Benjamin C.G.R. The Yuezhi: origin, migration and the conquest of northern Bactria. (Silk Road studies, vol. XIV). Brepols, 2007.
- Dietz, 2003: Dietz U.L. Horseback Riding: Man's Access to Speed? // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. Cambridge, 2003.
- Excavation., 2000: Excavation of Tomb Coded M8 of Semetary 95 MNI at the Niya Site in Xinjiang // Wen Wu. 2000. No. 1. P. 4–40.
- Mordvinceva, 2001: Mordvinceva V. Sarmatische Phaleren (Archäologie in Eurasien. Bd. 11). Rahden, 2001.
- Wang, 2002: Wang Binghua. Xinjiang gu shi: gu dai Xinjiang ju min ji qi wen hua (The ancient corpses of Xinjiang: the peoples of ancient Xinjiang and their culture). Wulumuqi-shi: Xinjiang ren min chu ban she, 2002.

В.С. Синика, Н.П. Тельнов
(г. Тирасполь, Приднестровье)

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ И ПРЕДМЕТОВ ВОИНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ СКИФСКОГО МОГИЛЬНИКА КОНЦА IV–II ВВ. ДО Н.Э. У С. ГЛИНОЕ В НИЖНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

На протяжении 1995–2012 гг. Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь) проводились исследования скифского могильника конца IV–II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. За 18 лет работ на могильнике были изучены 115 курганных насыпей, 113 из которых были сооружены в скифское время и содержали 181 скифское погребение. Только в 2012 г. появилась первая работа, дающая первое общее представление об этом памятнике и его значении для изучения истории юга Восточной Европы в III–II вв. до н.э. в целом и скифской культуры Северо-Западного Причерноморья в частности (Тельнов и др., 2012). При анализе погребальных сооружений и обряда, а также сопровождающего инвентаря были обозначены инокультурные влияния на эти составляющие: латенское (Синика, 2011), греческое (Синика, 2012) и фракийское (Тельнов, Синика, 2012). Вместе с тем было подчеркнуто, что скифские основы погребального обряда и материальной культуры населения, оставившего могильник у с. Глиное, представляются очевидными и бесспорными (Тельнов и др., 2012, с. 11). В пользу этого утверждения, в частности, свидетельствует анализ комплекса вооружения и предметов воинского снаряжения из могильника у с. Глиное, который приводится в настоящей работе.

На могильнике у с. Глиное вооружение и предметы воинского снаряжения обнаружены в 115 захоронениях, т.е. в 63,53 % всех скифских комплексов¹. Наступательному вооружению принадлежат находки стрел (наконечников и древков), топоров (иногда с отмеченными рукоятями), копий (наконечников и втоков) и дротиков (наконечников и втоков). Вместе со стрелами рассматриваются остатки колчанов и их металлические детали, крючки-застежки, колчаные шилья и пряжки, поскольку большая их часть относится к снаряжению лучника. Из защитного вооружения зафиксированы только щиты.

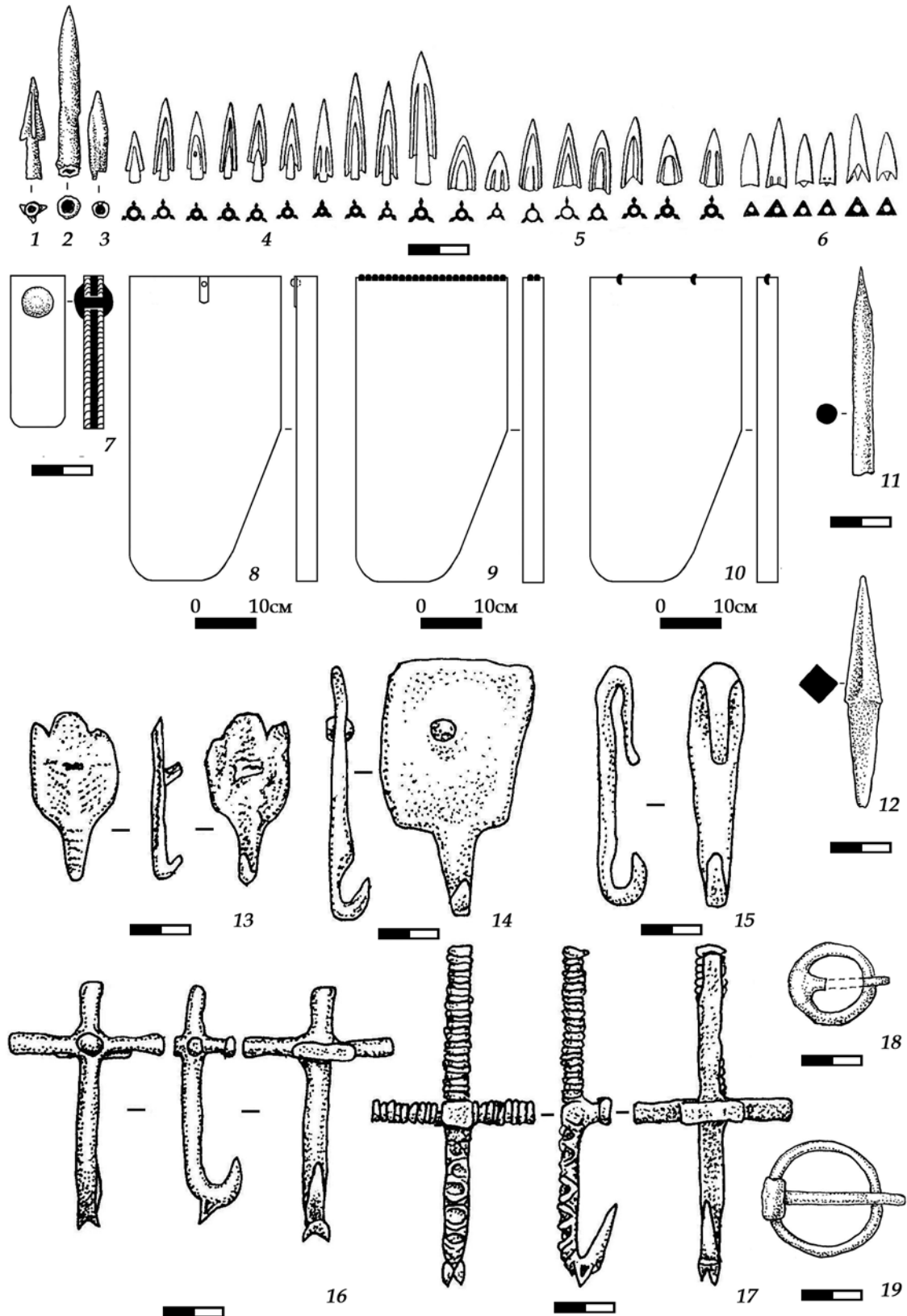
Самым распространенным видом вооружения являются *стрелы* с железными (101 комплекс – 996 шт.), бронзовыми (52 комплекс – 95 шт.) и костяным (1 комплекс – 1 шт.) *наконечниками* (всего 106 погребений – 58,56 % комплексов). Они были обнаружены в 92,17 % погребений с оружи-

¹ Здесь и далее речь идет только о скифских погребальных комплексах, поскольку на могильнике у с. Глиное были исследованы и не скифские погребения.

ем. Количество стрел в захоронении варьируется от одной до восьмидесяти одной. На могильнике у с. Глиное только бронзовые наконечники стрел происходят всего из пяти погребений, только железные – из 53. В 48 комплексах находились и железные, и бронзовые (в одном из этих случаев ещё и один костяной) наконечники.

Приведенные цифровые выкладки убедительно свидетельствуют, что с конца IV в. до н.э. и до II в. до н.э., т.е. во время функционирования скифского могильника у с. Глиное, бронзовым наконечникам стрел, господствовавшим на протяжении всей предшествующей скифской истории в Северном Причерноморье (Мелюкова, 1964, с. 18–29; Черненко, 1981, с. 101), приходят на смену железные. Единственным регионом Северного Причерноморья, где уже с V в. до н.э. фиксируется доминирование (причем, пятикратное) железных наконечников стрел над бронзовыми, является Среднее Подонье (Савченко, 2004, с. 178–179). В Северо-Западном Причерноморье известно всего два скифских погребальных комплекса с шестью железными наконечниками стрел: два наконечника обнаружено в погребении 2/5 у с. Каролино-Бугаз в Поднестровье (Загинайло и др., 1987, с. 103) и четыре – в погребении 48/3 у с. Кочковатое в Подунавье (Ванчугов и др., 1992, с. 54, рис. 16, 16, 17). Ранее обоснованно отмечалось, что с IV–III вв. до н.э. начинает возрастать количество железных наконечников стрел в скифских погребениях на Среднем и Нижнем Дону, а также в Нижнем Поднепровье (Мелюкова, 1964, с. 29; Черненко, 1981, с. 101). В настоящее время эта тенденция более чем наглядно иллюстрируется материалами из могильника у с. Глиное в Поднестровье, в погребальных комплексах которого железные наконечники встречаются в десять раз чаще, чем бронзовые, при этом количественно они также доминируют – более чем десятикратно.

Практически все железные наконечники стрел из погребений скифского могильника у с. Глиное однотипны. Они трехлопастные, с вытянутой треугольной головкой и длинной выступающей втулкой. Лопасты срезаны под острым или под тупым углом ко втулке. Длина наконечников колеблется в пределах от 2,5 см до 5 см (рис. 1, 1). Исключением из общей массы является единственный пулевидный наконечник стрелы длиной 5,5 см со слегка утолщенной головкой и длинной втулкой. Соотношение

Рис. 1. Предметы вооружения и воинского снаряжения из погребений могильника у с. Глиное: 1-6 – наконечники стрел (1, 2 – железо, 3 – кость, 4-6 – бронза); 7 – железная деталь колчана для крепления на поясе из погребения 4/1; 8 – реконструкция крепления железной детали на колчане из погребения 4/1; 9 – реконструкция внешнего вида колчана с бронзовыми скобками по верхнему краю из погребения 49/1; 10 – реконструкция внешнего вида колчана с кольцевыми пронизями по верхнему краю из погребения 56/1; 11, 12 – железные колчаные шилья; 13-17 – крючки-застежки (13, 16, 17 – бронза, 14, 15 – железо); 18, 19 – железные пряжки

головки и втулки – 3: 1 (рис. 1, 2). Бронзовые наконечники значительно более разнообразны. По классификации А.И. Мелюковой (1964), они представлены различными отделами, типами и вариантами: большинство из них трехлопастные (рис. 1, 4, 5), значительно реже встречаются трехгранные (рис. 1, 6). Единственный костяной наконечник происходит из погребения 87/1. Он пулевидный, с внутренней втулкой. Длина наконечника 2,7 см (рис. 1, 3). По классификации В.Г. Петренко, этот наконечник относится к I отделу (наконечники со скрытой втулкой) и 3 типу (пулевидные) (Петренко, 1967, с. 48). Исследователи отмечают, что костяные наконечники стрел на всех скифских памятниках Северного Причерноморья не получили широкого распространения (Мелюкова, 1964, с. 19, 23, 25, 29). Представляется обоснованным мнение о том, что костяные наконечники использовались, как правило, в качестве охотничьих (Савченко, 2004, с. 209–210).

В нескольких комплексах могильника у с. Глиное сохранились *древки стрел*, что позволило установить их длину. Так, в захоронении 30/1 она достигала 35 см, в погребении 96/1–50 см, а в захоронении 18/1–65 см, что соответствует стандартам скифских стрел (Черненко, 1981, с. 22–23; Гребенников, 2008, с. 83–84). В трех захоронениях отмечено окрашивание древков стрел красным (18/1, 112/1) и черным (80/1) цветом. Заметим, что в скифских погребениях степей Северного Причерноморья и Крыма известны и иные варианты раскрашивания древков стрел (Бессонова, 1973, с. 246–247, рис. 2/15–18; Колотухин, 2000, с. 14; Гребенников, 2008, с. 84).

В 27 захоронениях могильника у с. Глиное (23,47 % погребений с оружием) сохранились *остатки колчанов*. В 20 захоронениях зафиксированы следы кожаных (3/1, 18/1, 18/2, 21/1, 28/1, 30/1, 33/2, 34/1, 35/1, 45/1, 49/1, 60/1, 60/2, 66/1, 68/1, 83/1, 87/1, 89/1, 112/1, 113/1) колчанов, ещё в семи – берестяных (4/1, 9/1, 38/1, 56/1, 94/1, 97/1, 104/1). Благодаря прекрасной сохранности, в некоторых комплексах удалось установить размеры колчанов. Так, в погребениях 56/1 и 113/1 длина колчанов составляла 45 см, в захоронениях 18/1, 18/2, 21/1, 97/1, 112/1–50 см, в погребении 104/1–55 см. В захоронении 56/1 удалось зафиксировать и ширину колчана – 25 см. Отмеченные размеры колчанов соответствуют приведенным выше длинам стрел в колчанном наборе.

Из погребения 4/1 могильника у с. Глиное происходит *деталь колчана*, которая служила для его жесткого *крепления* на поясе (рис. 1, 7, 8). Это короткая прямоугольная железная пластина, одно из окончаний которой охвачено дуговидной плоской железной обоймой. Между пластиной и обоймой сохранился древесный тлен толщиной до 0,4 см, прослеженный по всей внутренней плоскости пластины. Пластина соединялась с обоймой при помощи железной заклепки.

В некоторых случаях верхние края колчанов укреплялись. В погребении 49/1 на верхний край колчана были посажены 48 бронзовых *скобок* (рис. 1, 9), а в погребении 56/1 – шесть бронзовых кольцевых *пронизей* (рис. 1, 10). Нет сомнений, что эти скобки и пронизы помимо утилитарной (укрепление верхнего края колчана) выполняли и эстетическую функцию.

Есть все основания предполагать, что количество колчанов в захоронениях могильника у с. Глиное было значительно больше.

На это в частности могут указывать железные (37 шт.) и бронзовые (3 шт.) *крючки-застежки*, известные в 40 погребениях (34,78 % погребений с оружием) могильника у с. Глиное.

Все крючки, обнаруженные в погребениях могильника у с. Глиное, представляют три конструктивные схемы. Наибольшее распространение (24 экз.) получили крючки-застежки 1 типа – с одним загнутым окончанием, раскованной пластиной внизу и выступом для крепления к колчану или к поясному ремню. Такие крючки (рис. 1, 13, 14) были обнаружены в погребениях 3/1, 14/1, 18/2, 24/1, 27/1, 28/1, 34/1, 35/1, 45/1, 48/1, 50/1, 51/1, 53/1, 59/1, 66/1, 71/1, 73/1, 79/1, 84/1, 93/1, 96/1, 100/1, 111/3, 112/1. В.С. Ольховский (1999, с. 183) относит такие крючки к группе пластинчатых или полупластинчатых.

Менее распространены (13 экз.) крючки типа 2, представляющие собой пластину или стержень с загнутыми навстречу окончаниями в виде скобы (рис. 1, 15), из погребений 21/1, 25/1, 30/1, 38/1, 43/2, 52/1, 58/1, 67/1, 81/1, 88/1, 94/1, 99/1, 106/1.

К типу 3 относятся всего два крючка из погребений 18/1 и 95/1. Это крестообразные крючки с одним загнутым окончанием и Т-образным выступом для крепления к колчану или поясному ремню (рис. 1, 16, 17). Подобные крючки отнесены В.С. Ольховским к группе дровяных (Ольховский, 1999, с. 183).

Крючок из погребения 87/1 сохранился настолько плохо, что установить его тип не представляется возможным.

В Северном Причерноморье в скифских погребальных памятниках крючки-застежки до настоящего времени в основном были известны по находкам из курганных могильников Подонья. Е.И. Савченко, систематизировавший данные о предметах вооружения и снаряжения воинов из скифских погребений Среднего Дона, приводит сведения о 28 крючках-застежках (Савченко, 2004, с. 229, рис. 26–28). Они обнаружены в захоронениях шести могильников: Мастюгино – 11 экз., Терновое-Колбино – 7 экз., Частые курганы – 5 экз., Русская Тростянка – 3 экз., Дуровка и Староживотинное – по 1 экз. (Савченко, 2004, табл. 12). Ещё два крючка происходят из могильника Колбино I (Шевченко, 2009, с. 35, 45, 82, 101, рис. 21, 1, 40, 3). С учетом того, что на этих могильниках на 2009 г. было исследовано 178 скифских погребений, коллекция крючков-застежек

(40 шт.) из могильника у с. Глиное (181 погребение) является на настоящий момент наиболее представительной среди всех скифских памятников Северного Причерноморья. Серию крючков III–II вв. до н.э. из Поднестровья дополняет единственный бронзовый крючок, обнаруженный И.Я. Стемповским в погребении кургана 156 у с. Парканы (Мелюкова, 1962, с. 148, рис. 1, 1). Эта находка примечательна тем, что она происходит из захоронения, которое было совершено по обряду, прослеженному на могильнике у с. Глиное.

Заметим, что все донские погребальные комплексы с крючками-застежками датируются временем, предшествующим появлению и функционированию могильника у с. Глиное. Наиболее ранний комплекс с крючком датируется второй половиной V в. до н.э., а наиболее поздние относятся к рубежу IV–III вв. до н.э. (Савченко, 2004, с. 241). Погребальные комплексы могильника у с. Глиное датируются в пределах конца IV – второй-третьей четвертой II в. до н.э. (Тельнов и др., 2012, с. 10).

Абсолютное большинство донских крючков-застежек выполнено в развитом скифском зверином стиле, за исключением одного крестовидного, одного в виде раскованной пластины с одним загнутым окончанием, и трех, тип которых не был установлен по причине их фрагментарности (Савченко, 2004, с. 229–240, табл. 20; Шевченко, 2009, с. 35, 45, 82, 101, рис. 21, 1, 40, 3). Из погребений могильника у с. Глиное происходят только три крючка, выполненные из бронзы, которые достоверно являются образцами позднейшего, достаточно примитивного скифского звериного стиля. Возможно, число крючков, выполненных в скифском зверином стиле, из захоронений могильника у с. Глиное, было значительно больше, поскольку многие из железных крючков очень напоминают примитивные зооморфные протомы, однако степень их коррозии такова, что не позволяет настаивать на этом предположении.

Анализ размещения крючков-застежек в погребальных комплексах скифского могильника у с. Глиное показал, что они, будучи совершенно идентичными по исполнению, служили как для крепления колчана к поясу (колчаные крючки), так и для соединения поясного ремня (поясные застежки). Эти данные подтверждают высказанное ранее предположение о многофункциональности подобных крючков (Гуляев, 1969, с. 127; Савченко, 2004, с. 229).

К предметам снаряжения лучника, выявленным на могильнике у с. Глиное, относятся и железные **колчаные шилья**. 17 шильев обнаружены в 16 захоронениях (13,91 % погребений с оружием). Ни в одном случае ручки шильев не сохранились, но, судя по тлену на черенках, во всех случаях они были деревянными. Длина шильев варьируется. Для полностью сохранившихся шильев отмечена длина от 5,9 см до 10,7 см.

Только в погребении 53/1 находилось два колчаных шила, во всех остальных комплексах выявлено

по одному. В 13 погребениях колчаные шилья обнаружены *in situ*: во всех этих случаях шилья находились в составе колчаных наборов¹.

В зависимости от сечения все шилья делятся на два типа: четырехгранные (тип 1) и округлые (тип 2). К первому типу (рис. 1, 11) относятся девять шильев, ширина граней которых колеблется в пределах 0,4–1 см и составляет в среднем 0,6 см. Ко второму типу (рис. 1, 12) относится восемь шильев. Диаметры их рабочих частей варьируются в пределах 0,4–1,1 см и составляют в среднем 0,62 см.

В двух комплексах могильника у с. Глиное (28/1 и 94/1) найдены железные **пряжки** (1,27 % комплексов), которые являются ещё одним атрибутом снаряжения лучника. Пряжки изготовлены из округлого в сечении стержня. Овальная (28/1) или округлая (94/1) рамка сомкнута и имела подвижный язычок (рис. 1, 18, 19).

Аналогии подобным пряжкам известны, в частности, в скифских курганах Подонья V–IV вв. до н.э.: 11 группы «Частых», 5 и 7 у с. Ближнее Стояново, 1 у с. Дуровка, 5 и 6 у с. Колбино, 29/21 у с. Мастюгино – всего восемь экземпляров. Эти пряжки отличаются от глиняных только тем, что их окончания не сомкнуты, прямо обрублены или слегка утоньшены. Е.И. Савченко высказал предположение (поскольку ни в одном погребении в Подонье местоположение пряжек прослежено не было), что они, вероятно, использовались для застегивания портупейного ремня (Савченко, 2004, с. 241–242, рис. 29, 1, 2).

Материалы, полученные при исследовании могильника у с. Глиное, убедительно свидетельствуют в пользу данного мнения. Пряжки из погребений 28/1 и 94/1 были зафиксированы *in situ*: первая – в области левого плеча, а вторая – справа на груди погребенного. Наличие в указанных захоронениях наконечников стрел в колчанах, крепившихся при помощи крючков-застежек к поясу, указывает на то, что подобные пряжки являлись предметом снаряжения воина-лучника, а именно застежкой портупейного ремня.

Впрочем, круглые пряжки с подвижным язычком могли использоваться для застегивания не только портупейного, но и обычного поясного ремня.

¹ «Железный стержень» с утолщением в центральной части, ромбический в сечении, длиной 5,6 см и толщиной 0,5–0,8 см, был обнаружен справа в ногах вместе с наконечниками стрел из колчанного набора в погребении 1 кургана 27 у с. Головкивка в верховьях Ингульца (Полин и др., 1994, с. 16–17, рис. 24, 11) в Поднепровье, и является, по-нашему мнению, колчаным шилом (Тельнов и др., 2012, с. 8). Мы считаем, что этот комплекс следует датировать концом V – первой половиной IV в. до н.э. Также колчаным шилом является железный стержень с четырехгранной в сечении рабочей частью и железной обоймой для фиксации деревянной рукояти из погребения конца IV в. до н.э. могильника Буторы I на левобережье Нижнего Днестра (Синика и др., 2013, с. 45, 109, рис. 21, 5).

Например, в погребении 3 кургана 13 у с. Львово в Поднепровье аналогичная застежка была обнаружена на тазовых костях ребенка 3–5 лет (Евдокимов, 1992, с. 142, рис. 5, 3) и, безусловно, не являлась портупейной. Также не являлись портупейными две бронзовые пряжки-сюльгамы из боковой гробницы Толстой Могины. Изделия были обнаружены в женском погребении, справа от костяка, на краю деревянного настила, и, вероятно, скрепляли покрывало погребенной (Мозолевский, 1979, с. 101–102, 123, рис. 87, 106, 6).

Вторым по распространенности видом вооружения в погребальных комплексах могильника у с. Глиное являются железные **топоры**. 14 экземпляров топоров происходят соответственно из 14 погребений (12,17 % захоронений с оружием или 7,73 % всех погребений могильника у с. Глиное). Заметим, что в предшествующее время (в IV в. до н.э.) топоры известны только в трех скифских захоронениях Поднепровья: 10/2 и 12/2 курганного могильника Буторы I (Синика и др., 2013, с. 65, 73, 110, рис. 42, 10, 48, 4) и 43 грунтового могильника у с. Николаевка (Мелюкова, 1975, с. 91, 177, рис. 56, 1).

11 из 13 обнаруженных на могильнике у с. Глиное топоров в силу удовлетворительной сохранности могут быть подвергнуты типологическому анализу. Десять топоров (14/1, 19/2, 26/1, 31/1, 34/1, 38/1, 54/2, 63/1, 92/1, 112/1) относятся к I отделу, 1 типу по классификации А.И. Мелюковой (1964, с. 65–68). Все они однолезвийные, слегка изогнутые, клиновидные, с массивным обухом, с прямым лезвием и со слегка расширяющейся от проуха тыльной частью (рис. 2, 11). Обухи всех топоров четырехгранные, за исключением топора из погребения 34/1, обух которого круглый в сечении (рис. 2, 12). Длина топоров варьируется в пределах от 19 см до 23 см.

Единственный двулезвийный топор обнаружен в погребении 14/2 (рис. 2, 13). Топор также изогнутый, его трапециевидные клинки плавно расходятся от подпрямоугольного проуха, расположенного в центре, к лезвиям. Топор небольших размеров: длина составила всего 14,6 см. С учетом того, что он был положен в погребение женщины, где не было обнаружено никаких других предметов вооружения, нельзя исключать его votивный характер в данном комплексе.

В четырех погребениях удалось достоверно зафиксировать *рукояти боевых топоров*. В погребении 19/2 длина рукояти достигала 30 см, в захоронениях 26/1 и 112/1–45 см, а в погребениях 63/1 и 52/1 – соответственно 60 см и 65 см.

Копья являются столь же распространенным, как и топоры, видом вооружения на могильнике у с. Глиное. 14 *наконечников копий* происходят из 13 комплексов (11,3 % погребений с оружием или 7,18 % всех погребений могильника у с. Глиное). Таким образом, в III–II вв. до н.э. более чем вдвое сокращается использование копий как вида вооружения, поскольку в предшествующее время

копья встречаются почти в каждом пятом скифском погребении (ок. 19 %) Дунай-Днестровских степей (Синика, 2007, с. 18)¹. Помимо Глинянского могильника, в скифских погребениях III–II вв. до н.э. в Поднепровье известна ещё одна находка наконечника копья – в дромосе скифской катакомбы кургана 411 у с. Чобручи (Мелюкова, 1962, с. 140).

В 12 погребениях могильника у с. Глиное отмечено по одному копьё, только в погребении 76/2 находилось два копьё. По классификации А.И. Мелюковой (1964), 12 наконечников копий из погребений могильника у с. Глиное могут быть отнесены к различным отделам, типам и вариантам.

I отдел представлен четырьмя наконечниками из захоронений 52/1, 69/2, 84/1 и 86/1. Эти наконечники лавролистные, снабжены пером в виде двух соединенных хордами сегментов. В I отделе А.И. Мелюкова выделяет три типа. Все наконечники копий из могильника у с. Глиное включаются в 3 тип, т.е. являются наконечниками без ребра. К первому варианту 3 типа относятся наконечники копий из погребений 52/1 и 69/2, имеющие широкое и короткое перо (длина наконечников – 36,5 см и 38 см, ширина пера – 5,5 см и 5,6 см соответственно) (рис. 2, 1); ко второму – наконечник из погребения 84/1, с более вытянутым и узким пером (длина наконечника – около 37 см, ширина пера – около 3,5 см) (рис. 2, 2); к третьему – наконечник из погребения 86/1, длина пера которого превосходит длину втулки (длина наконечника – 20,5 см, ширина пера – 6,6 см) (рис. 2, 3).

II отдел наконечников копий более представлен. Известно семь остролистных наконечников из шести захоронений – 14/1, 25/1, 28/1, 63/1, 71/1 и 76/1–2 экз.). Все наконечники без ребра, т.е. относятся ко 2 типу II отдела. Из погребений 25/1 и 63/1 происходят наконечники 1 варианта – с широким и коротким пером (длина наконечников – 26,3 см и 35 см, ширина пера – 3 см и 4,2 см соответственно) (рис. 2, 6, 7). Однако чаще встречаются наконечники 2 варианта – с узким и сравнительно длинным пером (14/1, 28/1, 71/1, 76/1–2 экз., 97/1) (рис. 2, 8, 9). Длина наконечников 2 варианта варьирует от 36,8 см до 49,3 см, ширина пера – от 3,9 см до 5,1 см.

III отдел, наименее распространенный в Северном Причерноморье, представлен единичной находкой в погребении 81/1 могильника у с. Глиное (рис. 2, 10). Этот наконечник так же, как и наконечники II отдела, имеет прямые, сходящиеся к острию грани пера, но, в отличие от последних, для которых характерен плавный переход от пера к втулке, перо резко переходит во втулку под прямым углом.

¹ Несущественная коррекция этих цифр может быть осуществлена с учетом недавно опубликованного погребения 7/3 у с. Пуркары на правобережье Нижнего Днестра, в котором были обнаружены два наконечника копья (Агульников и др., 2013, с. 264, 266, рис. 6, 1, 3, 7, 4, 5).

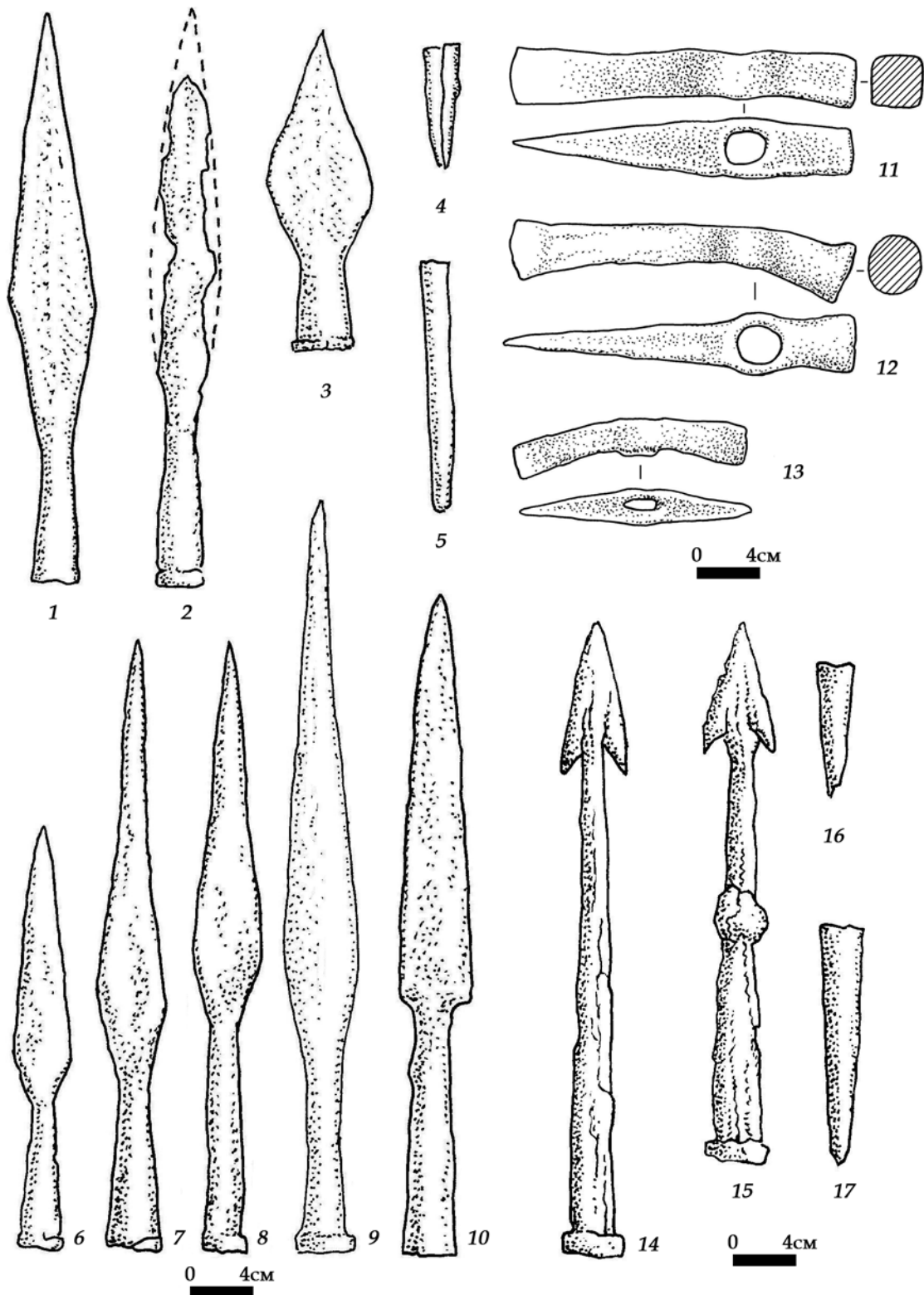

Рис. 2. Предметы вооружения из погребений могильника у с. Глиное: 1-3, 6-10 – железные наконечники копий; 4, 5 – железные втки копий; 11-13 – железные топоры; 14, 15 – железные наконечники дротиков; 16, 17 – железные втки дротиков

Длина наконечника – 42 см, максимальная ширина пера – 4,1 см¹.

Наконечник копья из захоронения 82/1 не может быть атрибутирован, т.к. от него сохранилась только втулка.

Втоки использовались для оформлений копий не всегда. Они происходят из пяти погребений могильника у с. Глиное (6 шт.), где были обнаружены наконечники копий. Их длина варьировалась в пределах от 7,5 см до 16 см. По исполнению втоки копий Глинянского могильника делятся на два типа. Из трех комплексов (25/1, 63/1 и 71/1) происходят конические втоки (рис. 2, 4); из одного – цилиндрический (52/1) (рис. 2, 5); ещё в одном погребении (76/1) были обнаружены два втока – цилиндрический и конический.

В шести погребениях для семи копий удалось достоверно установить длину копий, которая слагалась из длины наконечника, древка и втока в тех комплексах, где они присутствовали. Самое короткое копье, длиной в 1,2 м, происходит из одиночного женского (!) погребения 86/1 (рис. 3, 1). В других комплексах находились более длинные копья: в погребении 71/1 длина копья составила 1,6 м (рис. 3, 2); в захоронении 76/1 длина двух копий достигала соответственно 1,68 м (рис. 3, 3) и 1,8 м (рис. 3, 4); в погребении 52/1 – 2,15 м (рис. 3, 5); в комплексе 25/1 – 2,3 м (рис. 3, 6) и в захоронении 63/1 – 2,35 м (рис. 3, 7).

Дротики обнаружены в четырех погребениях могильника у с. Глиное, т.е. встречаются они гораздо реже, чем копья, – в 3,47 % погребений с оружием или в 2,2 % всех погребений. Впрочем, в предшествующее время в степях Подунавья и Поднепровья известно всего шесть погребений с дротиками, что составляет 1,13 % от общего числа известных погребений (Синика, 2007, с. 18)². В Поднепровье в настоящее время наконечники дротиков известны в пяти захоронениях V–IV вв. до н.э.: 1/5 и 7/3 (2 экз.) у с. Пуркары на правом берегу Нижнего Днестра (Яровой, 1990, с. 48, рис. 20, 5; Агульников и др., 2013, с. 266, 268, рис. 6, 2, 6, 7, 6, 7), 2/4 и 12/2 могильника Буторы I – на левом берегу Нижнего Днестра (Синика и др., 2013, с. 39, 73, 109, рис. 16, 3, 48, 12),

5/2 у с. Неделково в Днестро-Бугском междуречье (Редина, 1999, с. 77).

Только в одном погребении (2/2) обнаружено два дротика, в остальных трех (63/1, 71/1, 77/1) – по одному. Все *наконечники дротиков* были изготовлены из железа, имели вытянутую втулку и жаловидное перо. Длина наконечников дротиков различна: от 28 см до 40 см, максимальный диаметр втулок – от 2,1 см до 2,4 см. В погребении 77/1 от наконечника дротика сохранился только фрагмент пера. Два из сохранившихся полностью дротиков (2/2, 63/1) имеют уплотнительные кольца только на окончаниях втулок (рис. 2, 14). Второй наконечник из погребения 2/2 и наконечник из погребения 71/1 имеют ещё по одному уплотнительному кольцу по центру втулок (рис. 2, 15). Дополнительное кольцо, видимо, служило для усиления втулок этих наконечников.

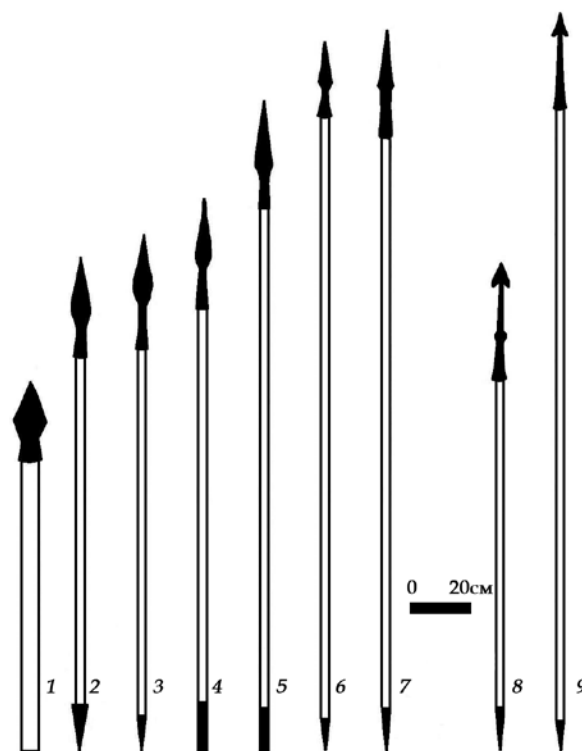

Рис. 3. Длины копий и дротиков из погребений могильника у с. Глиное

Из погребений 63/1 и 71/1 происходят *втоки дротиков*. Оба они изготовлены из железа, конические, длина полностью сохранившегося втока из погребения 63/1 составила 16,5 см (рис. 2, 17), вток из захоронения 71/1 сохранился фрагментарно (рис. 2, 16).

В двух комплексах была установлена длина дротиков, слагаемая из длин наконечников, древков и втоков. Полученные данные свидетельствуют о том, что длина дротиков не только не уступала длине копий (в погребении 71/1 длина дротика равнялась 1,6 м (рис. 3, 8)), но и могла превосходить их

¹ В отличие от наконечников копий I и II отделов, наконечники III отдела встречаются крайне редко в скифских погребениях. Помимо четырех находок из кургана 40 Петуховского могильника, кургана 20 у ст. Елизаветовской, кургана 2 группы Рядовых могил и кургана XV у с. Новосёлки, указанных в монографии А.И. Мелюковой (1964, с. 42, прим. 25), нам известны ещё два аналогичных наконечника копий – из погребения в г. Измаил в Подунавье (Паламарчук, Синика, 2014, рис. 2, 5) и из захоронения 8/1 курганный группы Волчанск-1 в Поднепровье (Полин, Кубышев, 1997, с. 8, 40, рис. 6, 6).

² В указанной работе не были учтены находки двух наконечников дротиков из недавно опубликованного погребения 7/3 у с. Пуркары на правом берегу Нижнего Днестра.

(в погребении 63/1 длина дротика составила 2,4 м (рис. 3, 9)).

Щиты, единственный вид защитного вооружения на могильнике у с. Глиное, известны так же, как и наконечники дротиков, в четырех погребениях. В предшествующее время находки щитов в Поднестровье ещё более редки: они известны в двух погребениях на правом берегу Днестра – 2/1 у с. Талмазы 50–40-х гг. V в. до н.э. (Агульников, 1990, с. 33–35, рис. 17, 14) и 7/4 у пгт. Суворово первого десятилетия IV в. до н.э. (Синика, 2007, с. 176, 178, рис. 4, 3).

Из захоронений 31/1, 63/1 и 76/1 могильника у с. Глиное происходит по одному деревянному щиту. В первом комплексе зафиксирован древесный тлен от щита овальной формы длиной до 65 см и шириной до 50 см; во втором – длиной до 65 см и шириной до 40 см; в третьем – длиной до 40 см и шириной до 20 см. Овальная форма щита представляется весьма вероятной, поскольку имеет аналогии, хотя и крайне редкие, в скифских погребальных комплексах Северного Причерноморья (Березовец, 1960, с. 71–72; Черненко, 1968, с. 99–111).

Деревянные щиты могли скрепляться железными пластинами. Такая пластина длиной 7,8 см, шириной 3,9–5,1 см и толщиной 0,1 см, найденная в заполнении входной ямы ограбленного погребения 14/1, крепилась к деревянной основе щита при помощи крупных железных заклепок.

Завершая анализ комплекса вооружения и предметов воинского снаряжения из могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра, необходимо обратить внимание на очень важное обстоятельство. Как мы уже указывали, начало функционирования этого крупнейшего скифского погребального памятника в Поднестровье относится к концу IV в. до н.э., а прекращение – ко второй – третьей четвертям II в. до н.э. Один этот факт свидетельствует о непрерывном существовании скифской степной культуры в Поднестровье с VI в. до н.э. и до II в. до н.э. (Тельнов и др., 2012, с. 10–11). В этой ситуации у нас есть уникальная возможность сравнить комплекс вооружения скифов Поднестровья классической (условно в V–IV вв. до н.э.)¹ и эллинистической/позднескифской (условно в III–II вв. до н.э.) эпох, проследив, таким образом его развитие во времени.

1. Большой процент погребений с оружием на могильнике у с. Глиное, по нашему мнению, не отражает существование значительной прослойки профессиональных воинов в среде скифского населения Поднестровья в III–II вв. до н.э. Об этом свидетельствует тот факт, что в 82 погребениях с оружием (71,3 % всех погребений с оружием или 77,35 % погребений с наконечниками стрел!) либо

не было наконечников стрел (девять захоронений), либо их число не превышало десяти (73 погребения). Из этих 82 погребений в 67 не было никаких других предметов вооружения за исключением наконечников стрел и предметов снаряжения лучника. По всей видимости, небольшие колчаные наборы в погребениях могильника у с. Глиное в первую очередь свидетельствуют об одном из наиболее распространенных занятий населения – охоте. В захоронениях с одним-тремя наконечниками стрел эти находки либо являются причиной смерти (находки наконечников в области грудной клетки), либо свидетельствуют об их вотивном характере.

Из 33 захоронений могильника у с. Глиное, в которых было обнаружено более десяти наконечников стрел, в 17 погребениях их число не достигало 20; в восьми случаях – составляло от 21 до 30; в трех – от 31 до 40; ещё в трех – было более 41, но не достигало 50; в одном погребении обнаружено 74 наконечника; ещё в одном – 81.

Заметим, что количество наконечников стрел в любом из непо потревоженных скифских погребений V–IV вв. до н.э. в Поднестровье в разы превосходит не только среднее количество наконечников стрел из погребений могильника у с. Глиное (менее десяти!), но, и за редким исключением, количество наконечников в любом из его захоронений.

2. Отсутствие остатков или следов луков в погребениях могильника у с. Глиное является столь же характерным, как и для абсолютного большинства скифских погребений не только Поднестровья в V–IV вв. до н.э., но и всего степного Северного Причерноморья. Как правило, отсутствие луков в погребениях объясняется неудовлетворительной степенью сохранности дерева, из которого они были изготовлены (Черненко, 1981, с. 8–9). Не оспаривая этот очевидный факт, заметим, что многие погребения могильника у с. Глиное на момент исследования были не потревожены, некоторые погребальные камеры не были засыпаны полностью, а некоторые – оказались не обрушенными вообще. При этом в погребениях могильника у с. Глиное полностью сохранились некоторые деревянные предметы (ворворки, части головных уборов, тёрочки т.д.), а древесный тлен от древков копий и дротиков, а также ряда других деревянных изделий зафиксирован многократно.

3. Практически все железные наконечники стрел, которые абсолютно преобладают на могильнике у с. Глиное, трехлопастные, с вытянутой треугольной головкой и длинной выступающей втулкой, аналогичны бронзовым наконечникам, получившим широчайшее распространение не только в скифских погребениях Поднестровья, но и всего Северного Причерноморья во второй половине IV – начале III в. до н.э. Этот факт однозначно свидетельствует о преемственности этого вида вооружения в позднескифской культуре скифов Поднестровья по сравнению с культурой скифов

¹ Здесь мы не принимаем во внимание комплексы конца VII–VI в. до н.э. ввиду их малочисленности не только в степях Поднестровья, но и шире, в Северном Причерноморье.

классической эпохи. По нашему мнению, отмеченный факт доминирования железных наконечников стрел над бронзовыми в Среднем Подонье с V в. до н.э. и до рубежа IV–III вв. до н.э., в настоящее время, ввиду крайней малочисленности известных скифских погребальных памятников III–II вв. до н.э. в Побужье и Поднепровье, не может привлекаться в качестве аргумента о миграции скифов из Подонья в Поднестровье на рубеже IV–III вв. до н.э.

4. Наличие шильев в колчаных наборах из погребений могильника у с. Глиное «выглядит» новшеством в снаряжении лучников только на первый взгляд, поскольку как минимум две аналогичные находки происходят из скифских захоронений Поднепровья (Головковка 27/1 конца V – первой половины IV в. до н.э.) и Поднестровья (Буторы I 4/1 последнего десятилетия IV в. до н.э.). С учетом сохранности множества скифских погребений V–IV вв. до н.э. и наличием в них массы «неопределимых» железных изделий, вероятно, что подобные колчаные шилья имели значительно большее распространение в это время.

5. Самая представительная коллекция крючково-застежек из скифских памятников Северного Причерноморья в настоящее время происходит из погребений могильника у с. Глиное. За исключением 30 упомянутых крючковых из скифских захоронений Среднего Подонья (Савченко, 2004, табл. 12; Шевченко, 2009, с. 35, 45, 82, 101, рис. 21, 1, 40, 3) и одного из кургана 156 у с. Парканы в Поднестровье (Мелюкова, 1962, с. 148, рис. 1, 1), подобные находки известны в кургане 9 могильника Кут (Березовец, 1960, с. 59, рис. 17, 4) и на Капуловском поселении¹ в Поднепровье, в склепе № 853 Усть-Альминского некрополя в Крыму (Пуздровский, 2007, с. 164–165, вклейка 16, 7) и в погребении 2/2 Беловодского могильника в Подонцовье (Ключнева, 2003, с. 297, рис. 5, 18). С учетом указанных аналогий наличие представительной серии колчаных крючковых в Среднем Подонье, к тому же в основном отличных от обнаруженных на могильнике у с. Глиное, не может привлекаться в качестве аргумента о миграции скифов из Подонья в Поднестровье на рубеже IV–III вв. до н.э.

6. В комплексе вооружения из погребений могильника у с. Глиное обращают на себя внимание находки 14 топоров. По подсчетам авторов данной работы, в настоящее время известно около 50 находок топоров в скифских погребениях степей Северного Причерноморья и Крыма V–IV вв. до н.э. В этой связи можно предполагать, что в III–II вв. до н.э. топоры становятся наиболее распространенным видом наступательного вооружения ближнего боя. Нельзя исключать, что топоры с короткими рукоятками могли использоваться и в качестве метательного оружия.

¹ Материал не опубликован. Благодарим О.В. Фатеева за возможность ознакомиться с материалом.

7. Примечательный факт, что в 181 погребении могильника у с. Глиное не было обнаружено ни одного (!) меча или кинжала, с одной стороны, может объяснять значительное распространение топоров, а с другой – отражает тенденцию неуклонного сокращения количества мечей и кинжалов в скифских погребениях Северного Причерноморья и Крыма с рубежа V–IV вв. до н.э. и до конца IV в. до н.э.²

8. Количество копий в погребениях могильника у с. Глиное, как мы уже указывали выше, сокращается вдвое по сравнению с предшествующим временем. Только отчасти это явление можно объяснить сохранностью захоронений на могильнике у с. Глиное. Очевидно, это ещё одно (наряду со стрелами) прямое свидетельство существования небольшого количества профессиональных воинов среди скифов III–II вв. до н.э. в Поднестровье.

9. Коллекция дротиков из могильника у с. Глиное столь же малочисленна, как и их находки в скифских погребальных памятниках Поднестровья в предшествующее время, что не позволяет корректно сравнить распространение этого вида вооружения как в более раннее (V–IV вв. до н.э.), так и в более позднее (III–II вв. до н.э.) время. Сейчас приходится ограничиться констатацией факта, что этот вид вооружения не получил широкого распространения в комплексе вооружения на протяжении всего времени существования скифской степной культуры в Поднестровье. Единственное, что отличает наконечники дротиков из могильника у с. Глиное – это наличие уплотнительного кольца по центру втулок двух наконечников (один из наконечников из погребения 2/2 и наконечник из погребения 71/1). Ни на одном из наконечников дротиков из более ранних скифских захоронений подобный элемент конструкции не отмечен.

10. Небольшое количество находок защитного вооружения (только четыре деревянных щита) на могильнике у с. Глиное, с одной стороны, так же, как и в случае со стрелами и копьями, в очередной раз свидетельствует о небольшом количестве профессиональных воинов в скифском обществе III–II вв. до н.э. в Поднестровье, а с другой – соответствует аналогичной картине в предшествующее время в регионе. Помимо двух упомянутых щитов из погребений 2/1 у с. Талмазы и 7/4 у пгт. Суворово, известны находки 15 панцирей: в погребениях 2/1 у с. Талмазы (Агульников, 1990, с. 33–34, рис. 14, 15), 15/1 и 16/2 Семёновского могильника (Субботин, Охотников, 1981, с. 113, рис. 4, 5, 8), 7/3 у с. Пуркары (Агульников и др., 2013, с. 271–273, рис. 9: 1–14, 10, 3, 4) и у с. Чобручи Штефан-Водского района (Агульников,

² Благодарим за информацию Д. Топала, собравшего и систематизировавшего данные о скифских мечах и кинжалах. Это тем более важно, поскольку А.И. Мелюкова указывала, что «к IV–III вв. до н.э. количество погребений с мечами и кинжалами заметно увеличивается» (Мелюкова, 1964, с. 46).

Субботин, 1997, с. 183) на правом берегу Нижнего Днестра; в захоронениях 10/2 и 11/2 могильника Буторы I (Синика и др., 2013, с. 65, 69, 111, рис. 42, 13, 45, 4), 5/1 и 43/7 у г. Дубоссары (Кетрару, Четвериков, 2005, с. 106, 108, 147, рис. 15, 6, 42, 3), 1/1 у с. Парканы (Манзура и др., 1992, с. 177, рис. 4, 11), 2/1, 3/2, 4/1 (Мелюкова, 1984, с. 95–97, 99–100, рис. 4, 4–11) и 8/20 (Алексеева, Булатович, 1990, с. 39, рис. 2, 3) у с. Николаевка на левом берегу Нижнего Днестра; в погребении у с. Анастасьевка в Днестро-Бугском междуречье (Алексеева, 1971, с. 150–151). Значительно реже встречаются находки боевых поясов в скифских погребениях Поднестровья. В настоящее время их известно всего шесть: из погребений 15/1 и 23/3 Семёновского могильника на правом берегу Нижнего Днестра (Субботин, Островерхов, 1981, с. 112–113, рис. 5, 10); 10/2 могильника Буторы I (Синика и др., 2013, с. 65, 111), 7 грунтового могильника у с. Николаевка (Мелюкова, 1975, с. 72), а также в курганных погребениях 1/1 и 2/1 у того же села (Мелюкова, 1984, с. 95–96) на левом берегу нижнего Днестра. Только в трех захоронениях в Поднестровье были обнаружены бронзовые ножи: 7/3 у с. Пуркары на правом берегу Нижнего Днестра (Агульников и др., 2013, с. 271, рис. 10, 1, 2);

5/1 у г. Дубоссары (Кетрару, Четвериков, 2005, с. 102, рис. 14, 1) и 2/3 у с. Никольское (Агульников, Сава, 2004, с. 32, рис. 15, 9, 10) – на левом берегу. Таким образом, в скифских захоронениях Поднестровья, которые датируются временем, предшествующим функционированию могильника у с. Глиное (три столетия – с конца VII в. до н.э. до конца IV в. до н.э.) зафиксировано всего 26 предметов защитного вооружения, в том числе два щита.

В заключение необходимо подчеркнуть, что у нас есть все основания констатировать преемственность комплекса вооружения скифского могильника у с. Глиное по сравнению с комплексом вооружения и его отдельными видами из скифских погребальных памятников предшествующего времени в Поднестровье.

Этот комплекс вооружения отражает существование небольшой группы профессиональных воинов в скифском обществе в III–II вв. до н.э., что, очевидно, стало следствием его седентаризации и длительных и стабильных контактов с фракийским племенем гетов (Тельнов, Синика, 2012, с. 77–78), а также носителями греческой (Синика, 2012, с. 272) и латенской (Синика, 2011) культур в Поднестровье.

Литература

- Агульников, 1990: Агульников С.М. Отчет о полевых исследованиях Суворовской новостроечной экспедиции в 1989 г. // Архив Музея археологии и истории Молдовы. № 297.
- Агульников и др., 2013: Агульников С.М., Попович С.С., Церна С.В., Топал Д.А. Скифский курган № 7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре // *Stratum plus*. № 3. С. 257–284.
- Агульников, Сава, 2004: Агульников С., Сава Е. Исследования курганов на левом берегу Днестра. Кишинёв: СЕР USM, 2004. 243 с.
- Агульников, Субботин, 1997: Агульников С.М., Субботин А.В. Скифский курган V в. до н.э. в Днестровском Правобережье // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Одесса: Ветаком, 1997. С. 182–186.
- Алексеева, 1971: Алексеева И.Л. Скифские погребения в курганах Одесской области // *АИУ* в 1968 г. 1971. Вып. 3. С. 150–152.
- Алексеева, Булатович, 1990: Алексеева И.Л., Булатович С.А. Два кургана на левом берегу Днестровского лимана // *Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины*. Вестник Черноморской ассоциации археологов и любителей древностей. Вып. 1. Одесса; Запорожье: Типография Одесского облполиграфиздата, 1990. С. 32–48.
- Березовець, 1960: Березовець Д.Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут // *АП УРСР*. 1960. Т. IX. С. 39–87.
- Бессонова, 1973: Бессонова С.С. Погребение IV в. до н.э. из Трёхбратнего кургана // *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, 1973. С. 243–252.
- Ванчугов и др., 1992: Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. Киев: Наукова думка, 1992. 92 с.
- Гребенников, 2008: Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья. Николаев: Илион, 2008. 192 с.
- Гуляев, 1969: Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // *МИА*. 1969. Вып. 151. С. 109–127.
- Евдокимов, 1992: Евдокимов Г.Л. Скифский курган у с. Львово на Херсонщине // *ДСПК*. 1992. III. С. 136–148.
- Загинайло и др., 1987: Загинайло А.Г., Черняков И.Т., Петренко В.Г. Каролино-Бугазский могильник // *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья: Сборник научных трудов*. Киев: Наукова думка, 1987. С. 99–108.
- Кетрару, Четвериков, 2005: Кетрару Н.А., Четвериков И.А. Курганы скифского времени у г. Дубоссары (публикация материалов раскопок 1980–1987 гг.) // *Stratum plus*. 2005. № 3 (2003–2004). С. 77–197.
- Ключева, 2003: Ключева И.Н. Погребения раннего железного века из курганного могильника у пгт. Беловодск Луганской области // *Матеріали та дослідження з археології Східної України*. Вип. 1. Луганськ: Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля, 2003. С. 289–304.
- Колотухин, 2000: Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма (Подкурганые погребения Степного Крыма начала железного века): Материалы по археологии Крыма. Симферополь: Сонат, 2000. 120 с.

- Манзура и др., 1992: Манзура И.В., Ларина О.В., Савва Е.Н. Исследования курганов у с. Паркань // АИМ в 1986 г. Кишинёв: Штиинца, 1992. С. 171–189.
- Мелюкова, 1962: Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемповских) // МИА. 1962. № 115. С. 114–166.
- Мелюкова, 1964: Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Д1–4. С. 92; 23 табл.
- Мелюкова, 1975: Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М.: Наука, 1975. 260 с.
- Мелюкова, 1984: Мелюкова А.И. Курганы скифских кочевников ус. Николаевка // Ранний железный век Северо-западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984. С. 90–103.
- Мозолевський, 1979: Мозолевський Б.М. Товста Могила. Киев: Наукова думка, 1979. 252 с.
- Ольховский, 1999: Ольховский В.С. О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье: Запорожский государственный университет, 1999. С. 182–187.
- Паламарчук, Синика, 2014: Паламарчук С.В., Синика В.С. Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка // Stratum plus. 2014. № 4. С. 291–302.
- Петренко, 1967: Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. 1967. Д1–4. 180 с.
- Полин, Кубышев, 1997: Полин С.В., Кубышев А.И. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-западном Приазовье). Киев: ИА НАНУ, 1997. 87 с.
- Полин и др., 1994: Полин С.В., Тупчиенко Н.П., Николова А.В. Курганы верховьев Ингульца. Вып. 3. (Курганы у с. Головкивка, Звенигородка и Протопоповка). Кировоград: Препринт, 1994. 95 с.
- Пуздровский, 2007: Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Редина, 1999: Редина Е.Ф. Скифский могильник Неделково на севере Одесской области // Stratum plus. 1999. № 3. С. 75–80.
- Савченко, 2004: Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН. М.: ИА РАН, 2004. С. 151–277.
- Синика, 2007: Синика В.С. Погребальные памятники скифской культуры VII – начала III в. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
- Синика, 2011: Синика В.С. О латенском влиянии на материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Древность: историческое знание и специфика источника: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. Вып. V. М.: Институт Востоковедения РАН, 2011. С. 184–187.
- Синика, 2012: Синика В.С. О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Человек в истории и культуре. Вып. 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко. Одесса: СМІЛ, 2012. С. 264–272.
- Синика и др., 2013: Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. Курганы у с. Буторы. Археологические памятники Приднестровья. Вып. I. Тирасполь: Полиграфист, 2013. 148 с.
- Субботин, Охотников, 1981: Субботин Л.В., Охотников С.Б. Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья: Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 1981. С. 102–116.
- Тельнов, Синика, 2012: Тельнов Н.П., Синика В.С. Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III–II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра // RA. S.n. 2012. Vol. VIII. Nr. 1–2. P. 69–83.
- Тельнов и др., 2012: Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э.: Материалы Международной научной конференции. Тирасполь: РВТ, 2012. С. 5–15.
- Шевченко, 2009: Шевченко А.А. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. М.: ИА РАН, 2009. С. 26–111.
- Черненко, 1968: Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев: Наукова думка, 1968. 192 с.
- Черненко, 1981: Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 168 с.
- Яровой, 1990: Яровой Е.В. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинёв: Штиинца, 1990. 272 с.

А.С. Скрипкин
(г. Волгоград)

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ В РАЗРАБОТКЕ ХРОНОЛОГИИ И НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РАНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА¹

В погребальных памятниках раннесарматской культуры Волго-Уральского региона довольно часто одного погребенного сопровождают меч и кинжал, иногда даже меч и два кинжала (Бишунгарово к. 19, п. 2; Старые Кишишки к. 15, п. 5; Прохоровка к. 1, п. 4). Причем в целом ряде случаев их расположение по отношению к погребенному свидетельствует о том, что они входили в экипировку сарматского воина. В типологическом отношении в комплексах совместно чаще встречаются мечи и кинжалы с серповидными наконечниками (однотипный набор клинкового оружия) (рис. 1), также мечи с кольцевым, а кинжалы с серповидными наконечниками, или наоборот (смешанный набор клинкового оружия) (рис. 2). Встречаются и другие сочетания типов мечей и кинжалов в сарматских памятниках, но в предлагаемой работе я остановлюсь на двух указанных выше вариантах встречаемости клинкового оружия¹.

Обычай помещать с погребенным одновременно меч и кинжал у сарматов начинает относительно часто встречаться, по моему мнению, с III в. до н.э. В погребениях IV в. до н.э. он практически не использовался. Для сарматских раннепрохоровских комплексов (IV в. до н.э.) наиболее распространенным видом клинкового оружия являются мечи так называемого «переходного» типа, основные их признаки – изогнутое под тупым углом перекрестие и прямое или слегка изогнутое наконечник. Я не исключаю возможности нахождения с одним погребенным мечей и кинжалов «переходного» типа, но мне пока такие случаи не известны.

Для элиты кочевого населения Южного Приуралья времени сооружения Филипповских курганов воинская экипировка была несколько иной. На примере трех погребений с богатым набором предметов защитного и атакующего вооружения в Филипповском кургане 4 Л.Т. Яблонский и И.В. Рукавишникова попытались дать обобщенный образ воина второй половины V–IV вв. до н.э. Он был защищен железным шлемом, железным чешуйчатым доспехом, из атакующего оружия он располагал копьем, луком с колчаном, наполненным стрелами с бронзовыми наконечниками (до 200 экз.) и железным коротким акинаком. Следует отметить, что во всех трех случаях непосредственно

с воинами находили по одному мечу-акинаку, которые располагались поперек бедренных костей. В погребении № 4 был найден еще один акинак, но он не имел отношения к экипировке воина (Яблонский, Рукавишникова, 2007, с. 16–23). Расположение акинаков поперек бедер погребенных весьма характерный признак для погребальных памятников скифо-савроматского времени.

Одним из наиболее ранних случаев нахождения с одним погребенным мечом и кинжалом, известного мне, является погребение 23, открытое у пос. Комсомольского Астраханской области. Погребение относится к савроматскому времени и датировано авторами публикации второй половиной VI – началом V в. до н.э. (Дворниченко и др., 1997, с. 132–139). В погребении были найдены длинный меч с волнообразным наконечником и почковидным перекрестием и кинжал с брусковидным наконечником и бабочковидным перекрестием. Меч располагался с левой стороны погребенного, кинжал – с правой. Еще одним примером ранней находки меча и кинжала, как единой экипировки воина, является известное захоронение знатного воина из кургана Иссык, исследованное К.А. Акишевым. Погребение в этом кургане относится к сакскому кругу памятников и датировано автором V в. до н.э. (Акишев, 1978). В описании погребения указано, что меч располагался с правой стороны погребенного, а кинжал с левой (с. 17), а на рисунке, являющимся реконструкцией одежды и вооружения воина, меч и кинжал занимают противоположные места (с. 51). Расположение меча и кинжала, данное на реконструкции, соответствует наиболее частому совместному нахождению мечей и кинжалов в более поздних сарматских погребениях.

Включение в экипировку воина меча и кинжала, таким образом, известно со скифского времени, об этом можно судить и по их изображениям на скульптурах, относящихся к тому же времени, но такая практика была распространена крайне редко. В.С. Ольховским отмечено всего 4 таких случая на территории Причерноморья, Крыма и Северного Кавказа, в то время как изображение одного меча (кинжала) на скульптурах того же региона выявлено в 61 случае (Ольховский, 2005, табл. 7).

Не решая вопрос об исходной территории появления рассматриваемой традиции, следует отметить, что начало достаточно широкого распространения обычая размещения с погребенными мечей

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-06-00212.

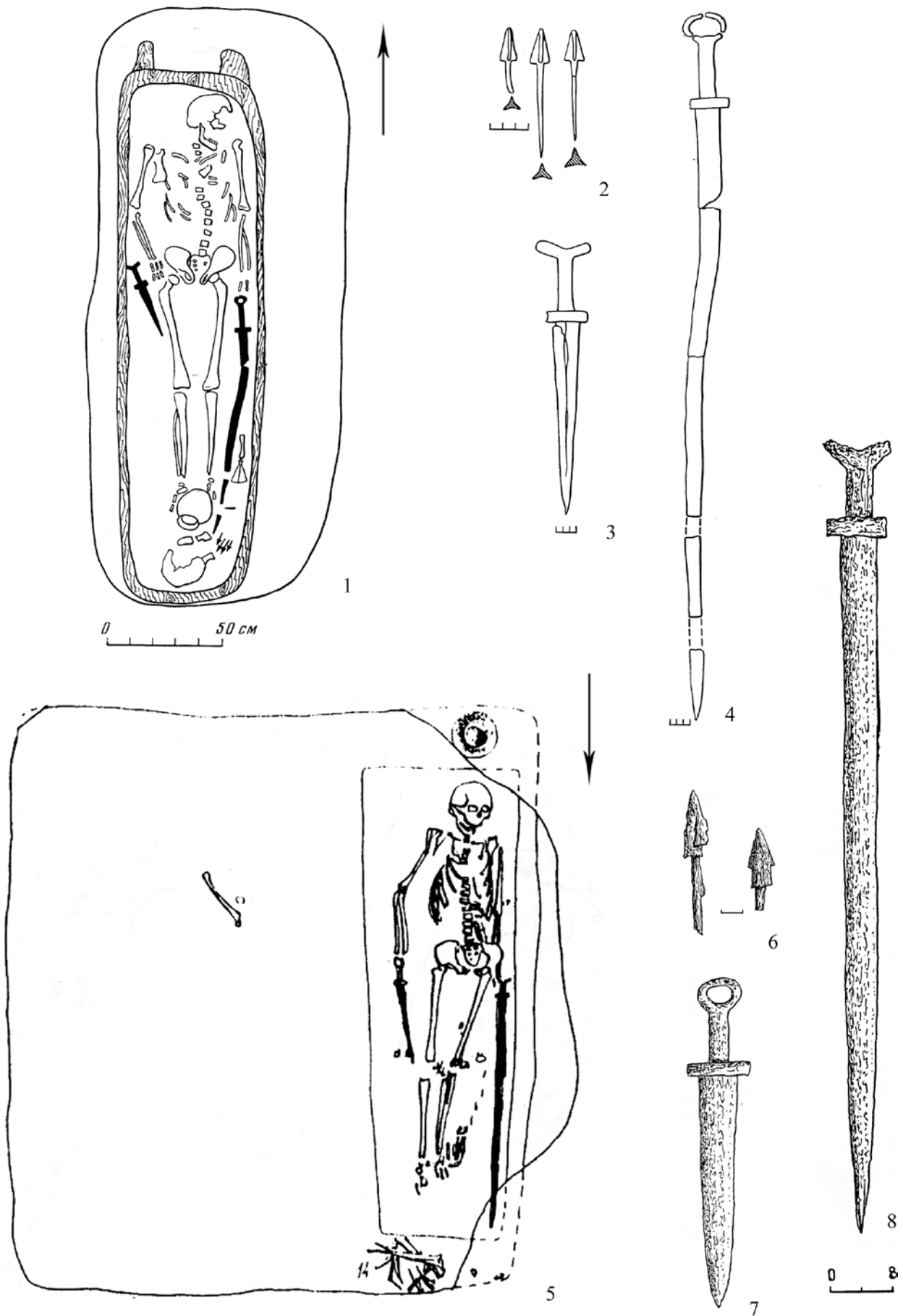

Рис. 1. Погребения с однотипным набором клинкового оружия.
1-4 - Старые Киишки, к. 15, п. 1; Бишунгарово, к. 19, п. 2

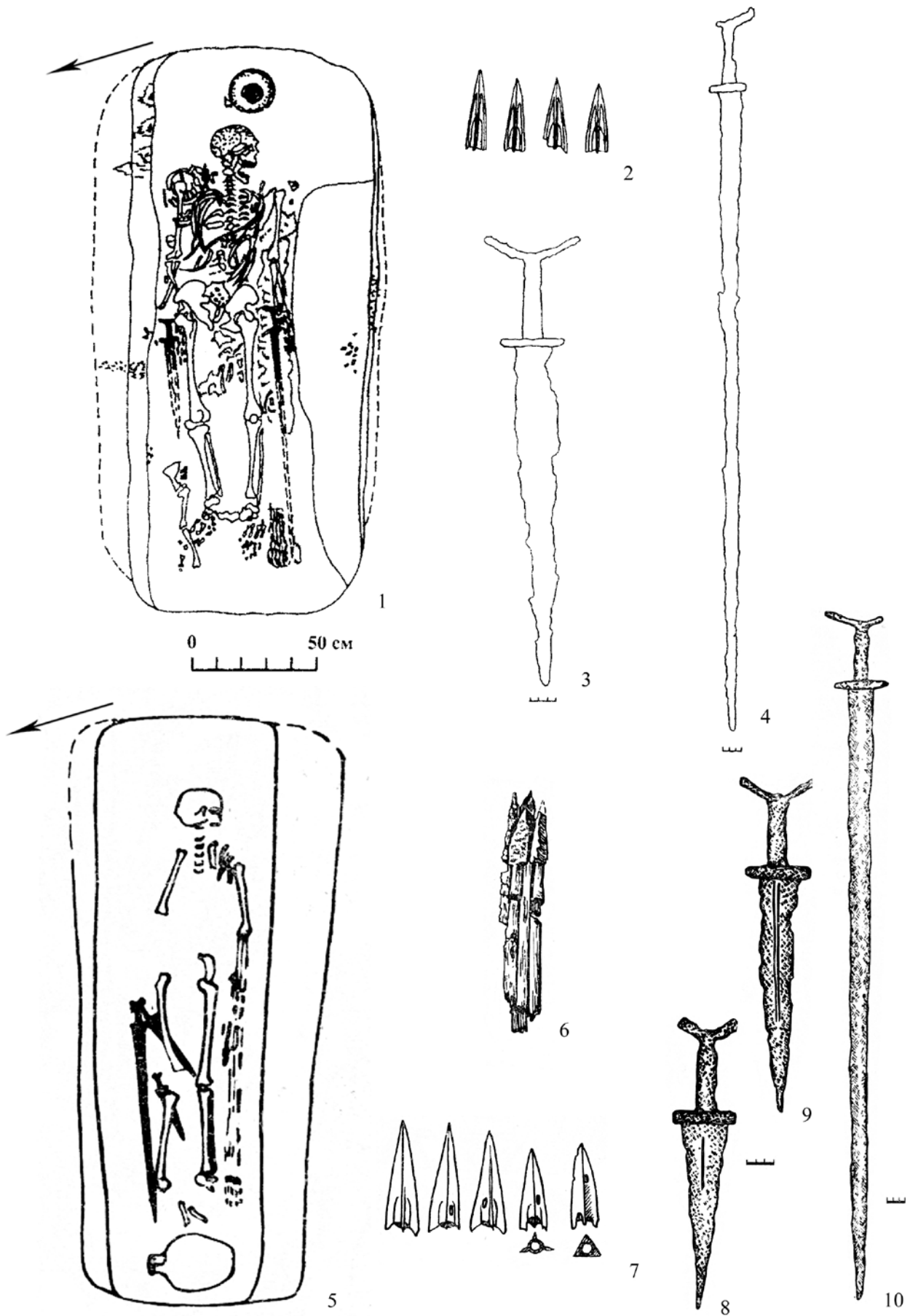

Рис. 2. Погребения с разнотипным набором клинкового оружия.
 1-4 - Рыбный, к. 3, п. 12; 5-8 - Покровка 1, к. 12, п. 1

и кинжалов начинается в среде кочевников Южного Приуралья. Здесь даже появляются своеобразные курганы кладбища воинских захоронений, сопровождающихся мечами и кинжалами. Так, например, в кургане 15 могильника Старые Кишки, таких погребальных комплексов было обнаружено пять.

Выборка данного исследования составляет 35 погребальных комплексов, по которым у меня имелась информация. Я полностью осознаю, что мною собраны не все комплексы с указанными признаками. Однако полагаю, что данная выборка вполне репрезентативна для решения поставленных в статье задач. По встречаемости сочетаний типов мечей и кинжалов погребальные комплексы распределяются следующим образом: с однотипным набором клинкового набора – 19; смешанным набором – 16¹. Первые из них в 16-ти случаях располагались в Южном Приуралье, в 3-х – в Нижнем Поволжье. Комплексы со смешанным набором в 4 случаях в Южном Приуралье и в 12 – в Нижнем Поволжье.

Типы клинкового оружия на уровне меч-кинжал различали сами сарматы в соответствии с теми функциями, которые они должны были выполнять в военном деле. Кинжалы строго располагались справа от погребенного, чаще у бедра, что, видимо, соответствовало их ношению воинами при жизни (34 случае из 35). Расположение мечей более варибельное, но и здесь просматривается тенденция помещения их слева от погребенного (22 случая из 35).

Мечи с серповидным навершием располагались почти поровну, десять раз слева от погребенного и девять – справа, в последнем случае вместе с кинжалом. Сложившийся канон ношения клинкового оружия нашел отражение в скульптуре сарматского круга, обнаруженной на святилищах плато Мангышлак и Устьюрт. Здесь на скульптурах воинов было изображено однотипное клинковое оружие с серповидным навершием. Кинжал всегда крепился на правом бедре, меч изображался подвешенным наискось к поясу спереди (Ольховский, 2005, с. 134–138, 144, 145, рис. 130–152). Видимо, по этой причине мечи с серповидным навершием, встречаемые с однотипными кинжалами, почти в равной мере располагались как справа, так и слева от погребенного. Мечи в смешанных вариантах в десяти случаях находились слева и в трех справа от погребенного.

В комплексах со смешанным набором клинкового оружия наиболее часто встречаемое сочетание – меч с кольцевым навершием и кинжал с серповидным (13 случаев), в трех комплексах меч с серповидным

навершием был встречен с кинжалом с кольцевым навершием.

Мечи обоих типов отличались большими размерами, значительная их часть превышала в длину 1 м. Самый длинный меч с серповидным навершием происходит из погребения 7 кургана 2 могильника Увак, его длина 1,3 м, а с кольцевым навершием – из погребения 6 кургана 1 могильника Котлубань V длиной 1,4 м.

Анализ выборки, используемой в данной работе, позволяет утверждать, что погребения, сопровождаемые мечами и кинжалами с серповидным навершием, более ранние в хронологическом отношении, чем погребения со смешанными типами мечей и кинжалов – с серповидным или кольцевидными навершиями. Существует между ними различие и в территориальном распространении. Большая часть погребений с мечами и кинжалами с серповидными навершиями располагается в Южно-Уральском регионе, а со смешанными типами клинкового оружия – в Нижнем Поволжье.

Показателем хронологических различий между этими двумя группами погребальных комплексов является уже собственно сам набор в них клинкового оружия. Рассматриваемые погребения, в парный состав клинкового оружия которых входят мечи или кинжалы с кольцевидным навершием, в основной своей массе более поздние, чем комплексы с однотипным набором клинкового оружия. Достаточно широкое распространение мечей с кольцевым навершием в сарматских погребальных памятниках начинается не ранее II в. до н.э. (Скрипкин, 2005, с. 182). Их встречаемость с кинжалами с серповидными навершиями в большей мере характерна для комплексов II–I вв. до н.э. (Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 64, рис. 3).

Одним из важных хронологических показателей, разграничивающих комплексы, с одной стороны, с мечами и кинжалами с серповидным навершием, а с другой, с кольцевым и серповидным навершием, являются наборы наконечников стрел в колчанах, которые сопровождали большинство комплексов выборки. Стрелы отсутствовали только в четырех из 35 погребений.

Так, из 19 комплексов с мечами и кинжалами с серповидным навершием в 18 присутствовали наконечники стрел, из них в 2-х находились только бронзовые наконечники стрел, еще в 2-х только железные, в одном случае стрелы не обнаружены, в остальных 13-ти в колчанах найдены бронзовые и железные наконечники. Железные стрелы в основном трехлопастные черешковые, встречаются и втульчатые железные наконечники (Шумаево, к. 9, п. 12). Практически во всех случаях стрелы располагались в одном месте, чаще слева от погребенного, реже в ногах. Наконечники стрел обычно находились в стопках, представляя собой колчаные наборы. Из этой серии погребальных комплексов, видимо, наиболее ранним

¹ В эту группу включен один комплекс (Покровка 1, к. 6, п. 3), в котором кинжал в сочетании с длинным мечом с кольцевым навершием имел волнообразное навершие. В остальном он ничем не отличается от остальных комплексов со смешанным набором клинкового оружия.

является погребение 4 из прохоровского кургана 1, в котором были обнаружены только бронзовые наконечники в количестве 60. Хронологический анализ этого комплекса, проведенный автором публикации, позволил ему датировать его концом IV в. до н.э. – не позже III в. до н.э. (Яблонский, 2010, с. 75).

Совершенно иное содержание колчанов в комплексах со смешанным набором клинкового оружия. Из 16 комплексов в 13 были найдены наконечники стрел. Только в одном из них в колчанном наборе был обнаружен один бронзовый наконечник (Покровка I, к. 6, п. 3). В остальных погребениях в колчаных наборах находились только железные наконечники, преимущественно черешковые трехлопастные, иногда по несколько десятков в одном колчане (Верхнее Погромное, к. 7, п. 6–45 штук; Киляковка, к. 4, п. 7–32 штуки). Дважды в колчанах находились железные втульчатые наконечники стрел (Верхнее Погромное, к. 1, п. 13; Покровка I, к. 12, п. 1).

Таким образом, содержание колчаных наборов является хронологическим разграничителем рассматриваемых раннесарматских погребальных комплексов с двумя вариантами клинкового оружия. Нахождение в колчанах почти в равных долях бронзовых и железных наконечников стрел характерно для более ранних комплексов в хронологическом диапазоне III–I вв. до н.э. Наличие в колчанах ис-

ключительно железных наконечников диагностирует более поздние комплексы в пределах этой общей даты. Их разграничение во времени, с учетом наших возможностей, может быть следующим: погребения с колчанными наборами, состоящими из бронзовых и железных наконечников, сопровождаемые парными находками мечей и кинжалов с серповидным навершием, наиболее типичны для III в. до н.э., погребения с колчанами только с железными наконечниками стрел и мечами и кинжалами, одни из которых имеют кольцевое, другие серповидное навершия – для II–I вв. до н.э. Естественно, что жесткой границы между III и II вв. до н.э. не может быть, возможны отклонения как в ту, так и в другую стороны. Такое хронологическое разграничение сарматских погребальных комплексов с разными наборами клинкового оружия, на мой взгляд, позволяет уточнить дату скульптурных изваяний со святилищ Мангышлака и Устюрта, поскольку изображенные на них однотипные мечи и кинжалы полностью соответствуют наборам клинкового вооружения в сарматских погребениях, относимых к III в. до н.э.

Дата погребений со смешанным набором клинкового оружия в ряде случаев может быть уточнена по сопровождающим находкам. Так, в погребении 12 из кургана 3 могильника Рыбный был найден фрагмент среднелатенской фибулы со скрепленной ножкой (Скрипкин, 1980, с. 273–275). Дата такого типа

Таблица 1

Территориальное распределение погребальных комплексов с парным клинковым оружием

Южное Приуралье	Нижнее Поволжье
<i>Мечи и кинжалы с серповидным навершием, встреченные в одном погребальном комплексе</i>	<i>Мечи и кинжалы с серповидным навершием, встреченные в одном погребальном комплексе</i>
1. Бишунгарово, к. 2, п. 5	1. Быково, к. 2, п. 3
2. Бишунгарово, к. 19, п. 2	2. Венгеловка, к. 2, п. 10
3. Старые Киишки, к. 13, п. 11	3. Усатово, II, к. F 19, п. 2
4. Старые Киишки, к. 15, п. 1	
5. Старые Киишки, к. 15, п. 2	<i>Мечи и кинжалы с серповидным и кольцевым навершием</i>
6. Старые Киишки, к. 15, п. 5	1. Политотдельское, к. 19, п. 26
7. Старые Киишки, к. 15, п. 6	2. Котлубань V, к. 1, п. 6
8. Старые Киишки, к. 15, п. 7	3. Рыбный, к. 3, п. 12
9. Старые Киишки, к. 20, п. 6	4. Верхнее Погромное, к. 7, п. 6
10. Увак, к. 2, п. 7	5. Верхнее Погромное, к. 1, п. 13
11. Мечет Сай, к. 7, п. 6	6. Киляковка, к. 4, п. 7
12. Шумаево, к. 9, п. 8	7. Бахтияровка, к. 33, п. 5
13. Шумаево, к. 9, п. 12	8. Кара-Оба, к. 17, п. 2
14. Прохоровка, к. 1, п. 4	9. Петрунино II, к. 1, п. 14
15. Покровка 2, к. 7, п. 8	10. Калиновка, к. 19, п. 17
16. Покровка 10, к. 6, п. 1	11. Эльтон, к. 2, п. 6
<i>Мечи и кинжалы с серповидным и кольцевым навершием</i>	12. Белокаменка II, к. 7, п. 3
1. Барбастау III, к. 7, п. 6	
2. Барбастау III, к. 7, п. 9	
3. Покровка I, к. 12, п. 1	
4. Покровка I, к. 6, п. 3	

фибул может быть определена в пределах второй половины II в. до н.э. – первой половины I в. до н.э. (Шукин, 1994, с. 57; Кропотов, 2010, с. 44). В погребении 14 кургана 1 могильника Петрунино II была обнаружена поясная бронзовая ажурная пряжка со сценой борьбы животных (Сергацков, 2000, с. 40, рис. 44, 3), а в погребении 3 из кургана 7 могильника Белокаменка II находились две такие же пряжки с изображением лежащих верблюдов (Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 138, рис. 4, 17). Сейчас в Нижнем Поволжье известна целая серия находок таких пряжек в сарматских погребениях, время которых может быть определено в рамках II–I вв. до н.э. (Скрипкин, 2000а, с. 138, 142; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 62, 63, рис. 4, 5). Среди кинжалов с серповидным навершием, обнаруженных в комплексе с мечами с кольцевым навершием, два относятся к типу так называемых «парадных», их ножны были обтянуты золотой фольгой с орнаментальными элементами. Выделенная серия таких кинжалов датируется II–I вв. до н.э. (Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 138–142, рис. 1).

Особый интерес представляет территориальное распределение сарматских погребальных комплексов с однотипным клинковым оружием и смешанным. Первые в большинстве своем сосредоточены в южноуральских районах: 16 комплексов из 19; вторые в Нижнем Поволжье: 12 из 16. Есть основания предполагать, что обычай помещать с одним погребенным меч и кинжал в Нижнем Поволжье распространяется под влиянием южноуральских традиций. Здесь выявлено два комплекса, ничем не отличающихся от южноуральских, с однотипным клинковым оружием и колчанными наборами, состоящими из бронзовых и железных наконечников стрел (Венгеловка, к. 2, п. 10; Усатово, II, к. F 19, п. 2). Это позволяет утверждать, что распространение этого обычая в Нижнем Поволжье относится еще к III в. до н.э. В последующее время преимущественно в Нижневолжском регионе эта традиция претерпевает некоторые изменения: вместе чаще с кинжалами с серповидным навершием с погребенным воином начинают помещать мечи с кольцевым навершием или резе мечи с серповидными навершиями с кинжалами с кольцевым навершием. Частичное отражение эта тенденция находит и в Южном Приуралье.

Выявленная ситуация с хронологическим и территориальным распределением сарматских погребальных комплексов с парным клинковым оружием позволяет осветить и некоторые проблемы этнополитического характера. Начавшееся в IV в. до н.э. продвижение южноуральских кочевников в Поволжье продолжалось и в III в. до н.э. (Клепиков, 2002, с. 125–140; Скрипкин, 2009, с. 171–192; 2013, с. 271–280). Об этом, в частности, свидетельствует значительное сокращение в Южном Приуралье погребальных комплексов II–I вв. до н.э. и их существенное увеличение в Нижнем Поволжье.

Об этом же свидетельствует сохранение здесь в это время ведущих признаков прохоровской культуры в погребальном обряде и материальной культуре. Однако этническая ситуация в волго-уральских степях во II–I вв. до н.э. была осложнена появлением здесь нового этнического компонента, вызванного миграционными процессами, охватившими значительные пространства евразийской степи в связи с агрессивной политикой кочевой империей хунну. Отражением этих процессов в Поволжье и Приуралье является распространение различных новых типов вещей, обнаруживающих далекие южносибирские и центральноазиатские аналогии, к их числу следует относить и мечи с кольцевым навершием (Скрипкин, 2000б, с. 17–40). Интерпретировать миграционное происхождение этого круга вещей позволяют антропологические материалы, свидетельствующие о притоке в рассматриваемый период новой группы кочевого населения, в основном мужского пола, отличающегося долихомезокранией от предыдущего урало-поволжского брахикранного сарматского населения (Балабанова, 2010, с. 72, 73). Местный антропологический компонент оставался преобладающим, тем не менее, произошедшие этнические изменения, вероятно, привели к переформированию политической структуры, по крайней мере, в Нижневолжском регионе. Сформировавшееся и обосновавшееся здесь во II–I вв. до н.э. объединение кочевников с некоторой степенью вероятности может быть отождествлено с верхними аорсами (Strab., XI, 5, 8).

Анализируемая в статье выборка, как было сказано выше, не охватывает все случаи парных находок клинкового оружия в раннесарматских погребениях Волго-Уральского региона. Здесь известны находки в одном погребении мечей и кинжалов с кольцевым навершием, а также мечей без металлического навершия и кинжалов с серповидным навершием. Следует отметить, что сарматские погребения с парным клинковым оружием не отличались особым богатством, кроме оружия в большинстве из них находились один-два сосуда, различные типы пряжек, оселки, бронзовые зеркала. Скорее всего, это ударная часть сарматского воинства. Длинные мечи были весьма эффективны во время конной атаки, кинжалы – в спешившимся бою. Кроме клинкового оружия существенную роль играли лук и стрелы, последние были обнаружены в большинстве погребений с мечами и кинжалами. Кроме перечисленного вооружения, в рассматриваемых погребальных комплексах были обнаружены и другие типы оружия. Так, например, в погребении 3, кургана 2 у пос. Быково вместе с мечом, кинжалом и стрелами находились наконечник железного копья и боевой топор. Вполне очевидно, что эффективное вооружение в немалой степени способствовало освоению различными сарматскими группировкам значительных степных пространств Восточной Европы.

Литература

- Акишев, 1978: Акишев К.А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 130 с.
- Балабанова, 2010: Балабанова М.А. Новые данные об антропологическом типе сарматов // РА. 2010. № 2. С. 67–77.
- Дворниченко и др., 1997: Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. 1997. № 3. С. 127–141.
- Клепиков, 2002: Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 216 с.
- Клепиков, Скрипкин, 2002: Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // НАВ. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во: ВолГУ, 2002. С. 47–81.
- Кропотов, 2010: Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: Изд-во «АДЕФ-Украина», 2010. 384 с.
- Мордвинцева, Шинкарь, 1999: Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // НАВ. Вып. 2 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во: ВолГУ, 1999. С. 138–148.
- Ольховский, 2005: Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.
- Сергацков, 2000: Сергацков И.В. Сарматские курганы Иловли. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 396 с.
- Скрипкин, 1980: Скрипкин А.С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // СА. 1980. № 1. С. 273–275.
- Скрипкин, 2000а: Скрипкин А.С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000а. С. 137–149.
- Скрипкин, 2000б: Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении материальной культуры сарматов // НАВ. 2000б. Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000б. С. 17–40.
- Скрипкин, 2005: Скрипкин А.С. Сарматские мечи с кольцевидным навершием // II Городцовские чтения: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. Труды ГИМ. Вып. 145. М., 2005. С. 171–185.
- Скрипкин, 2009: Скрипкин А.С. Проблемы этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н.э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов // НАВ. Вып. 10 / Отв. ред.: А.С. Скрипкин, Л.Т. Яблонский. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 171–192.
- Скрипкин, Ким, 2013: Скрипкин А.С., Ким М.Г. Новоузенские курганы (к проблеме миграции южноуральских кочевников в Нижнее Поволжье в IV в. до н.э.) // Археология восточно-европейской степи. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: СГУ, 2013. С. 271–280.
- Щукин, 1994: Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: «Фарн», 1994. 323 с.
- Яблонский, 2010: Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. 384 с.
- Яблонский, Рукавишников, 2007: Яблонский Л.Т., Рукавишников И.В. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-1 могильника) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред.: Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 16–23.

Д.А. Топал
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

АКИНАКИ КЛАССИЧЕСКОЙ СКИФИИ: ТИП СОЛОХА

В этом году исполняется полвека книге «Вооружение скифов» выдающегося русского скифолога А.И. Мелюковой, чьей светлой памяти посвящен данный сборник. Еще в 1950 г. на кафедре археологии МГУ А.И. Мелюкова защищает диссертацию «Вооружение, войско и военное искусство скифов» и несмотря на то, что монография на ее основе будет издана спустя почти полтора десятилетия, эта работа практически сразу стала оказывать влияние на специалистов. Так, один из оппонентов – В.Д. Блаватский пророчески заявил, что «будущая книга станет настольной не только для него самого, но и для всех исследователей археологии железного века» (Петренко, Яценко, 2006, с. 11). И это утверждение, надо отметить, справедливо до сих пор.

Орнитоморфные мотивы в оформлении наверший скифских акинаков появляются еще в VI в. до н.э. Ажурное навершие в виде стилизованных птичьих голов или когтей хищной птицы с глазом в основании (Мерперт, 1948, с. 78) является стилистическим развитием более ранних типов наверший, оформленных в реалистичной манере (Мелюкова, 1964, с. 56). Не вдаваясь в дискуссии о семантической нагрузке такого способа оформления наверший, уместнее перейти к вопросу о функциональных особенностях этого типа акинаков, имеющих и хронологическое значение. Так, к примеру, Р.Б. Исмагилов отмечает исключительно утилитарный характер перекладки между волютами и считает это поздним признаком наверший, сформировавшихся как тип, по его мнению, к концу V в. до н.э. (Исмагилов, 1978, с. 232–233). Р.Б. Исмагилов объясняет появление перекладки между волютами необходимостью в жесткой конструкции навершия для последующей обкладки его золотой фольгой. По мнению исследователя, данное новшество появилось в греческих мастерских для изготовления парадных «царских» форм, а затем спустя время было воспринято собственно скифами (Исмагилов, 1978, с. 232). Следует, правда, учесть, что речь идет не о парадных формах в общепринятом смысле, а скорее об элементах похоронной обрядности, т.к. на золотых обкладках «парадных мечей», как правило, отсутствуют царапины, вмятины, потертости, и, следовательно, золотые пластины накладывали на рукояти непосредственно перед похоронами (Черников, 1965, с. 124; Гуляев, 2009, с. 151). Что интересно, такие навершия характерны не только для мечей – нижняя часть железной рукояти зеркала из северо-восточной камеры к. Чертомлык (рис. 1,

В) также оформлена и трактована в виде «стилизованных когтей хищной птицы» (Алексеев и др., 1991, с. 197–198, кат. 118). Оно, по всей видимости, было изготовлено в I пол. IV в. до н.э. (Алексеев и др., 1991, с. 126). В солошском стиле оформлена рукоять зеркала из п. 2 к. 2 у с. Вишнополь (рис. 1, С) (Григорьев, Скорый, 2011, с. 195, рис. 23). Кроме когтевидного навершия рукоять орнаментирована рифлеными бортиками по краю и вертикальными углублениями по центру (т.е. имитацией проволоочной обмотки). Чернолаковая мисочка из погребения относится к 3 четв. IV в. до н.э., а могильник в целом датируется 4 четв. – концом IV в. до н.э. (Григорьев, Скорый, 2011, с. 210). Возможно, так же была оформлена железная рукоять бронзового зеркала из п. 1 к. 18 Песочинского могильника (рис. 1, А) на Харьковщине (Бабенко, Чиждова, 2005, с. 132). Погребение датируется 3 четв. IV в. до н.э. на основании чернолакового канфара и херсонесского варианта амфоры типа Солоха I (Бабенко, 2005, с. 165).

А.И. Мелюкова акинаки с навершием, трактованном в зверином стиле, объединила в отдельный таксон (II-й подотдел II-го отдела), выделив мечи и кинжалы с когтевидным навершием во второй тип (Мелюкова, 1964, с. 55–59). Однако представляется, что этому типу акинаков (с сильно стилизованным навершием, оформленным в виде голов птиц/грифонов, волютами с изломами и перекладной), гораздо лучше подойдет эпонимическая номенклатура. А именно, название по одному из первых обнаруженных и одному из самых известных памятников – *тип Солоха*¹. Кроме характерного навершия данный тип отличают желобки по краям рукояти – имитация проволоочной или веревочной обмотки² и относительно частое украшение перекрестья изображениями животных или геометрическим орнаментом.

Меч из к. 3 в урочище Стайки Верх у с. Аксютинцы (рис. 2, 11) – вероятно, один из самых ранних и датируется по зеркалу античной работы 2 пол. VI – нач. V в. до н.э. Однако, исходя

¹ В общих чертах хронологические наблюдения по данному типу были сформулированы автором в процессе сбора аналогий к мечу из погребения 3 кургана 7 у с. Пуркарь (Агульников и др., 2013, с. 274–278). Термин «солохский тип» употреблялся, правда, и ранее – например в статье В.И. Гуляева (2004, с. 14).

² Еще В. Гинтерс обратил внимание на наличие такой орнаментации меча, по его мнению, для препятствия скольжению рукояти меча в руке (Ginters, 1928, s. 39).

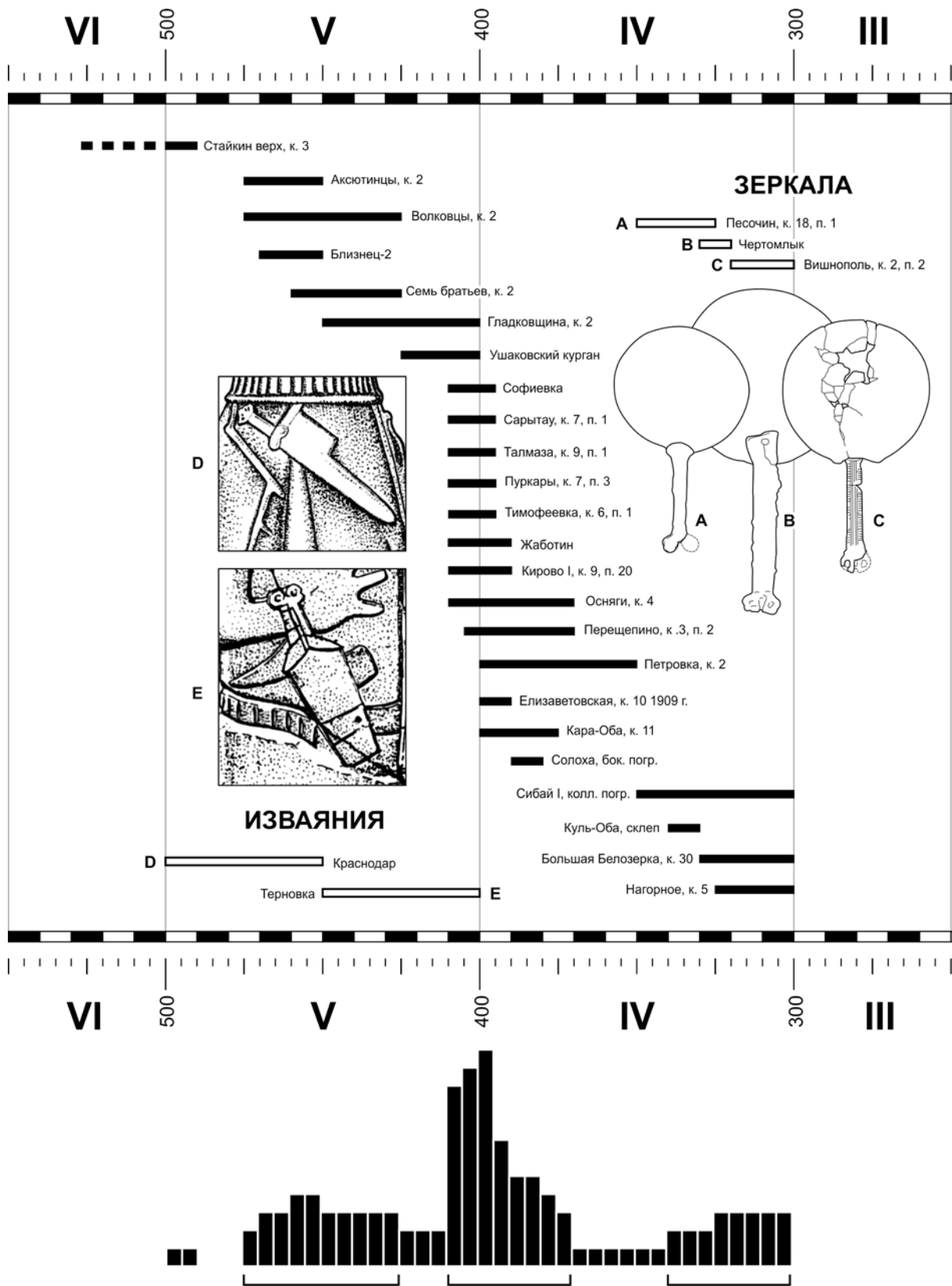

Рис. 1. Хронология погребальных комплексов с акинаками типа Солоха

из сильной потертости зеркала, свидетельствующей о сравнительно долгом употреблении, напрашивается вывод о более поздней датировке, вероятно, укладывающейся в первую половину или в самое начало V в. до н.э. (Ильинская, 1968, с. 75). Погребение с мечом из к. 2 у с. Аксютинцы¹ (рис. 2, 12) (Бобринский, 1894, табл. XXII, 4) на основании чернолакового килика (Онайко, 1966а, с. 61), наиболее распространенного во 2 четв. V в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970, p. 268, no. 469–472), датируется не позднее сер. V в. до н.э. (Григорьев, 1994, с. 75).

К типу мечей с когтевидным навершием и ложно-треугольным перекрестьем А.И. Мелюкова отнесла меч из к. 2 у с. Волковцы (раскопки С.А. Мазараки 1897–1898 гг.). Она же выразила сомнения по поводу принадлежности данного экземпляра этому курганному погребению, т.к. остальной инвентарь (костяные псалии, крестовидная бляха, керамика) указывает на время не позднее VI в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 58). По мнению В.А. Ильинской, керамика также была ошибочно отнесена к этому комплексу – раннескифский кубок с резным орнаментом и сосуд эпохи бронзы (Ильинская, 1968, с. 49). Вероятно, и крестовидная бляха² также была ошибочно приписана к этому погребению, уздечные принадлежности которого находят аналогии в комплексах 2–3 четв. V в. до н.э. (Гречко, 2012, с. 86–88). Если вернуться к морфологическим особенностям меча, окажется, что рисунок А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, табл. 20, 9) далек от изображения на фотографии в «Древностях Приднепровья» (Древности..., 1899, табл. VII, 59), скорее, он напоминает меч из кургана у Мгарского монастыря у г. Лубны (Ильинская, 1968, табл. XLVII, 12). А экземпляр на фотографии коллекции Б.Н. и В.И. Ханенко близок по оформлению к мечам типа Солоха. Курган 2 у с. Гладковщина, в котором был обнаружен аналогичный меч, автор раскопок датирует сер. – 2 пол. V в. до н.э. (Григорьев, 1994, с. 77). Возможно, к типу Солоха относится экземпляр из аристократического кургана Блинец-2 (рис. 2, 7), от которого практически полностью сохранился клинок с продольными желобками-каннелюрами (Ромашко, Скорый, 2009, с. 33–34, рис. 10, 20; Ромашко, Скорый, 2010, с. 82, рис. 7, 20). По внешнему виду клинка авторы раскопок реконструируют его как меч с на-

вершием, «стилизированным в виде когтей хищной птицы». Курган датируется по совокупности сопровождающего инвентаря (определяющим в данном случае стал колчаный набор) 20–10 гг. V в. до н.э. (Ромашко, Скорый, 2009, с. 87). Также к типу Солоха можно отнести меч из аристократического комплекса Прикубанья – Семибратних курганов (рис. 3, 12). Речь идет о фрагменте клинка из 2-го Семибратнего кургана (Черненко, 1973, с. 68, рис. 2, 12), являющегося полностью идентичным и по пропорциям, и по оформлению (продольные бороздки, формирующие треугольник в верхней трети клинка) мечу из поселения Ораное на Киевщине. Этот курган относится к группе «старших» и датируется 3 четв. V в. до н.э.³ или 460–425 гг. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 296; Горончаровский, 2011, с. 122).

Эпонимный меч из Солохи (рис. 2, 1) А.П. Манцевич датировала концом V в. до н.э. (Манцевич, 1987, с. 69), а боковое погребение, где он был найден, по «чернолаковому килику из Олинфа» и амфорам – рубежом V–IV вв. до н.э.⁴ (Манцевич, 1987, с. 121). Датировка бокового погребения кургана Солоха, совершенного после возведения кургана и основного погребения, менялась от «1 пол. – сер. IV вв. до н.э.» (Брашинский, 1965, с. 97–98) до «1 четв. IV вв. до н.э.» (Алексеев, 1991, с. 52; 2003, с. 228). Однако А.Ю. Алексеевым отмечается, что большинство вещей из погребения (включая известный меч в ножнах с золотой обкладкой) много старше этой даты, и они могли накапливаться на протяжении долгой жизни их владельцев (Алексеев, 2003, с. 228, 231). Килик же из бокового погребения С.Ю. Монахов датирует ранним IV в. до н.э., а амфорный комплекс – 380-ми гг. до н.э. (Монахов, 1999, с. 240–243). Интересны комбинированные датировки ¹⁴C (полученные из 11 индивидуальных) для дерева, взятого, в основном, с ножен меча – 2333±BP, что соответствует калиброванным датам 400–395 гг. до н.э. (1σ) и 403–390 гг. до н.э. (2σ) (Alekseev et al., 2002, p. 145, fig. 2).

Погребение 1 к. 6 у с. Тимофеевка с мечом, навершие которого оформлено виде «загнутых внутрь когтей с “глазками”» (рис. 2, 5), датируется концом V – нач. IV в. до н.э. по клейменной хиосской амфоре (Гребенников, 2008, с. 85). Курган 3

¹ По всей видимости, схематический рисунок именно этого «меча с золотой ручкой» (с довольно большим клинком) из коллекции С.А. Мазараки был опубликован в журнале «Нива», № 34 за 1887 г. (Ломтадзе, Фирсов, 2012, рис. 2, 3).

² Хотя исключение крестовидной бляхи из данного комплекса, возможно, и преждевременно. Дело в том, что в данном погребении она обнаружена среди уздечных принадлежностей, что может указывать на вторичное использование этого изделия и, соответственно, на более позднюю дату, чем та, что принята для большинства таких изделий.

³ Правда, по мнению А.Н. Новичихина, колчаный набор из 2-го Семибратнего кургана позволяет датировать его первой половиной V в. до н.э. (Новичихин, 2006, с. 54; Власова, 2001, с. 130).

⁴ Редакция издания «Курган Солоха» 1987 г. (в лице А.Ю. Алексеева), правда, поспешила не согласиться с этими хронологическими наблюдениями, сетуя на то, что автор не учел аналогии с Афинской агоры, неправильно определил центр изготовления чернолаковой посуды, а раздел, посвященный амфорной таре, вообще был написан в 1950-е гг. без учета работ И.Б. Брашинского. В примечаниях предлагается дата для античного импорта «нач. – 1 пол. IV в. до н.э.» (Манцевич, 1987, с. 121, от редакции).

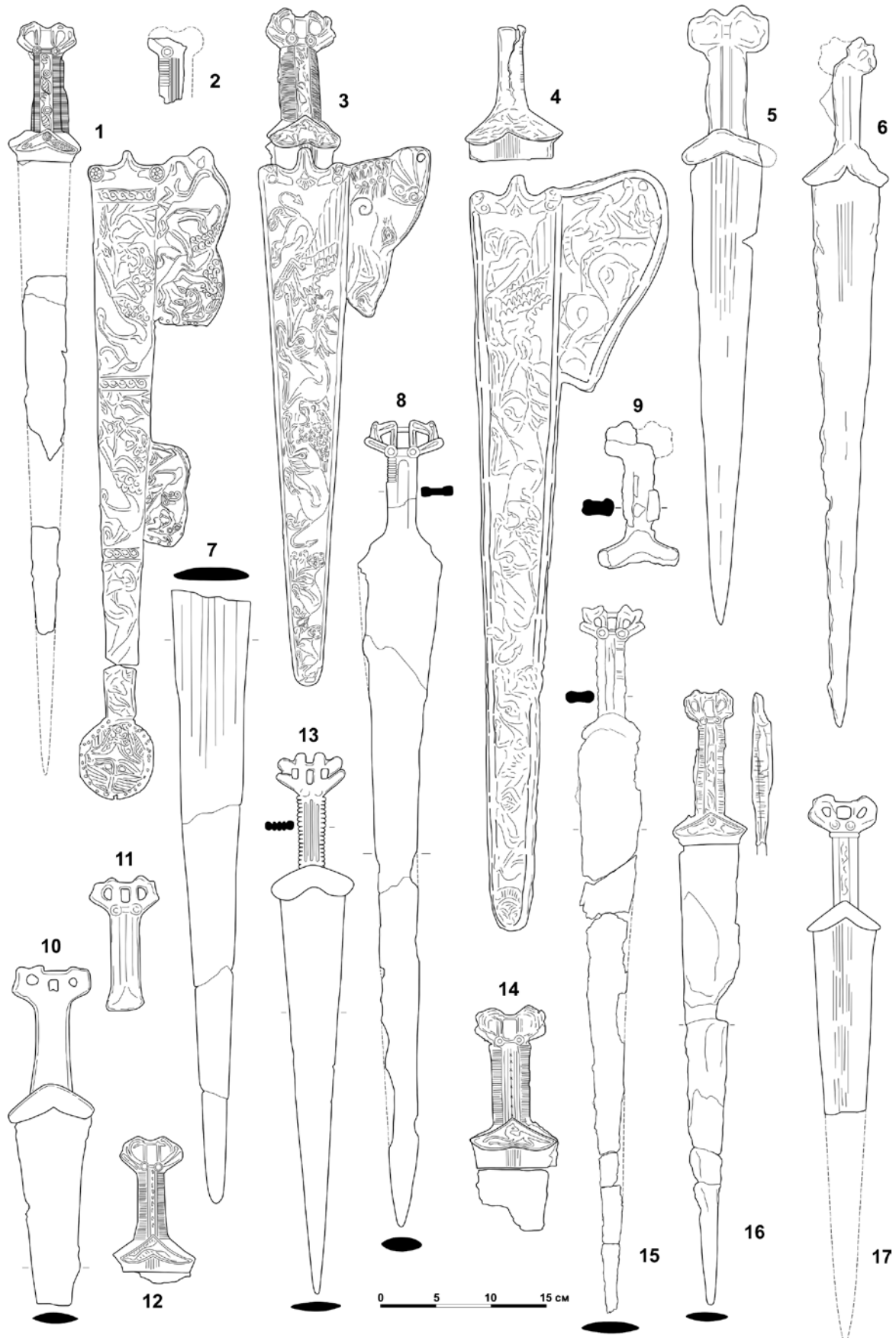

Рис. 2. Акинати типа Солоха из погребальных комплексов: 1 – Солоха, боковое погр.; 2 – Нагорное, к. 5, п. 1; 3 – Большая Белозерка, к. 30; 4 – Куль-Оба; 5 – Тимофеевка, к. 6, п. 1; 6 – Софиевка; 7 – Близнец-2; 8 – Петровка, к. 2; 9 – Талмаза, к. 9, п. 1; 10 – Жаботин, погр.; 11 – Стайкин Верх, к. 3; 12 – Аксютинцы, к. 2; 13 – Гладковщина, к. 2; 14 – Осняги, к. 4; 15 – Пуркарь, к. 7, п. 3; 16 – Перещепино, к. 3, п. 2; 17 – Волосская Балаклея

Перещепинского могильника, в п. 2 был обнаружен меч со схематичным антенным навершием (рис. 2, 16), рукоятью обтянутой золотым листом (Шрамко, 1994), С.В. Махортых отнес к поздней (III) группе комплексов могильника, которая датируется «4 четв. – концом V и (или) нач. – 1 пол. IV в. до н.э.» (Махортых, 2011, с. 14; 2012, с. 156). Наконечники стрел из колчанного набора из этого погребения при этом надежно датируются концом V – 1 третью IV в. до н.э. (Махортых, 2012, с. 153). В правобережном Поднепровье, на Жаботинском поселении, в погребении конца V – нач. IV в. до н.э. был также обнаружен меч с «когтевидным навершием и ложно-треугольным перекрестьем» (рис. 2, 10) (Петренко, 1967, с. 43, табл. 33, 18; Ковпаненко и др., 1989, с. 121). Исходя из стрелкового набора меч в золотой обкладке типа *Солоха* из к. 4 могильника Осняги (рис. 2, 14) (Городцов, 1911, табл. III, 4) был отнесен к IV в. до н.э. (Ковпаненко, 1967, с. 148; Шрамко, 1976, с. 197) или, по последним данным – к концу V – 1 трети IV в. до н.э. (Махортых, 2012, с. 153). Меч из кургана у с. Софиевка Бориспольского района Киевской области (раскопан в 1948 г. Ю.Н. Захаруком) А.И. Мелюкова отнесла к I-му отделу (3-й тип), т.е. с прямым навершием, указав в описании, правда, что навершие не сохранилось (Мелюкова, 1964, с. 51, рис. 18, 10). Однако В.А. Ильинская, опубликовавшая этот меч позже, отметила «волютовидное навершие» и привела более точный рисунок (рис. 2, 6), исходя из которого можно отнести этот меч к *тину Солоха* (Іллінська, 1968, с. 160, рис. 10, 1). Сам комплекс по фигурным бронзовым удилам и бляшкам с изображением хищников В.А. Ильинская датировала V в. до н.э. (Іллінська, 1968, с. 160), однако бляха типа Тузла-Бобрица может датироваться не позднее рубежа V–IV вв. (Канторович, 2012, с. 24). Меч с когтевидным антенновидным навершием был обнаружен в разрушенном кургане у с. Волосская Балаклея (рис. 2, 17) на Левобережье Северского Донца (Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 77, рис. 58, 8).

Курган 2 у с. Петровка Новоайдарского района Луганской области, в тайнике которого был обнаружен меч с антенной рукоятью в зверином стиле (рис. 2, 8), по совокупности инвентаря был датирован IV в. до н.э. (Братченко и др., 1989, с. 176). Однако наносники и ряд блях из погребения обнаруживают аналогии в памятниках конца V – нач. IV в. до н.э. и, вероятно, позволяют сдвинуть дату погребения если не к концу V в. до н.э., то к нач. – 1 пол. IV в. до н.э. В 2011 г. меч типа *Солоха* был обнаружен в хорошо датированном комплексе конца V в. до н.э. на Нижнем Днестре (Агульников и др., 2013, с. 274, рис. 6, 7) – п. 3 к. 7 у с. Пуркарь (рис. 2, 15). Погребение датировано этим временем на основании клейма фабриканта Эвридама (РФГ – ранняя фабрикантская группа) на гераклейской амфоре и аттической чернолаковой солонки (Агульников и др., 2013, с. 279). Среди нижнеднестровских курганов известен комплекс

с фрагментом меча с ажурной рукоятью¹ – п. 1 к. 9 у с. Талмаза (рис. 2, 9) (Синика, 2007, с. 171, рис. 1, 6). Это погребение по наконечникам стрел датировано автором публикации концом V – нач. IV в. до н.э. (Синика, 2007, с. 178).

Серия из четырех мечей типа *Солоха* происходит с Нижнего Дона. В 1901 г. у станицы Елизаветовской (Азовского района Ростовской области) учителем церковноприходского училища И.И. Ушаковым был раскопан курган, впоследствии получивший его имя. В Ушаковском кургане Елизаветовского могильника, кроме меча, рукоять и ножны которого были покрыты золотой аппликацией (рис. 3, 2), были обнаружены античный импорт, в частности – арибалический лекиф конца V – нач. IV в. до н.э. и позднихиосские амфоры IV в. до н.э. Несмотря на серьезную разницу в предлагаемых исследователями датировках от VI–V вв. до н.э. (Kieseritzky, 1902, s. 44–45; Minns, 1913, p. 270; Borovka, 1928, s. 97; Сокольский, 1954, с. 138) и даже VII вв. до н.э. (Tallgren, 1917, p. 77), в 60-е гг. наиболее вероятной представлялась 1 пол. IV в. до н.э. (Шилов, 1966, с. 174). И.Б. Брашинский датировал данный комплекс нач. IV в. до н.э. на основании фрагментов чернолаковой керамики (Брашинский, 1980, с. 124). С такой датировкой, правда, не согласилась Е.В. Власова, датирующая основное погребение Ушаковского кургана 4 четв. V в., кроме того, она отмечает, что обкладка ножен была изготовлена раньше этого времени, т.к. ее дважды набивали на ножны (Власова, 1997, с. 37). В погребении к. 10 (1909 г.) у ст-цы Елизаветовской был обнаружен меч, рукоять которого также была обтянута золотой фольгой. Навершие меча украшено «известной стилизацией голов грифонов» (Миллер, 1910, с. 115, табл. V). Н.И. Сокольский датирует его (по аналогии с мечами из Солохи и Куль-Обы) IV в. до н.э., отмечая, что это «не противоречит остальному инвентарю» (Сокольский, 1954, с. 141). Клейменные гераклейские амфоры из этого кургана относятся к типу I-4 и датируются концом V – нач. IV в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 129), хотя сам комплекс С.Ю. Монаховым ранее был датирован 90-ми гг. IV в. (Монахов, 1999, с. 171). Два других меча из к. 4 1910 г. (рис. 3, 5) (Сокольский, 1954, с. 139, табл. III, 5) и к. 34 1911 г. (рис. 3, 3) (Миллер, 1914, с. 244, рис. 57; Сокольский, 1954, с. 139, табл. III, 4) Н.И. Сокольский также датирует IV в. до н.э. «по аналогии с находками из соседних могил» (Сокольский, 1954, с. 181).

Возможно, к *тину Солоха* относится еще один меч из Елизаветовского могильника – к. 6 1911 г.

¹ Его также можно отнести к *тину Солоха* несмотря на противоречивое описание (тип данного акинака определен как гибридный) и неинформативный рисунок. В результате личного ознакомления с данным предметом в фондах Национального музея археологии и истории Молдовы форма предмета прояснилась, более того, обнаружили следы горизонтальной перемычки между фигурными частями навершия.

(рис. 3, 10) (Миллер, 1914, с. 229–230, рис. 22) с треугольным клинком 60 см и необычно массивным сердцевидным перекрестьем. Навершие состоит из двух волют, однако из-за сильной ржавчины сложно судить, было ли оно простым или оформленным в виде птичьих (грифоньих) голов (Сокольский, 1954, с. 139, табл. III, 2). Погребение датируется аттической чернофигурной котилой 2 пол. IV в. до н.э. (Сокольский, 1954, с. 139).

На основе сходства ножен парадного меча из тайника к. 30 у с. Большая Белозерка (рис. 2, 3) с ножами из Куль-Обы, В.В. Отрощенко датирует данный экземпляр последней третью IV в. до н.э. (Отрощенко, 1984, с. 126), хотя сейчас уже есть основания датировать комплекс из Куль-Обы более узко. Кроме знаменитых ножен меча (рис. 3, 4) в склепе к. Куль-Оба были обнаружены фрагменты рукояти (Antiquités, 1892, tabl. XXVII; Артамонов, 1966, с. 63, табл. 208). Несмотря на то, что навершие меча не сохранилось, по другим признакам – широкое бабочковидное перекрестье, имитация обмотки на стержне рукояти, насечки на клинке можно предположить о принадлежности этого меча к *типу Солоха*. Ядро вещевого комплекса к. Куль-Оба, по мнению А.Ю. Алексеева, относится ко 2 пол. IV в. (Алексеев, 2003, с. 229). Погребение из склепа, из которого происходит меч, синхронизируют по времени с Чертомлыком, в отличие от погребения под склепом, которое по времени близко впускному погребению из Солохи (Алексеев, 2003, с. 262). По клейму и форме фасосской амфоры из насыпи И.Б. Брашинский датировал куль-обинский курган концом 3–4 четв. IV в. до н.э. (Брашинский, 1965, с. 104; 1975, с. 37). А.Ю. Алексеев в качестве опорной даты предлагает 330-е гг. до н.э., отмечая, впрочем, тенденцию к понижению хронологии некоторых находок в 1 пол. IV в. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 262). 30-ми гг. IV в. датирует одну из позднебиконических амфор с клеймом Аретона С.Ю. Монахов (Монахов, 2003, с. 70; табл. 46, 1). По всей видимости, это один из самых поздних комплексов с мечом *типа Солоха* (Алексеев и др., 1991, с. 125). Поразительно, что бронзовая пластина с изображением, идентичным тому, что присутствует на ножнах из Куль-Обы, была относительно недавно обнаружена на западе Германии в г. Карлсруэ, в результате раскопок на месте переправы¹ через Рейн (Мец, 2006, с. 43, рис. 1). Из центрального погребения (м. 1) к. 5 у с. Нагорное происходит фрагмент «рифленной» рукояти меча (рис. 2, 2) с навершием, на котором отчетливо прослеживается кружок с точкой посередине (Мозолевский, 1973, с. 192, рис. 6, 9). Автор

реконструировал навершие как овальное, однако теперь очевидно, что оно было антенновидным орнитоморфным. Курганная группа у с. Нагорное в целом датируется концом IV – нач. III вв. до н.э. (Мозолевский, 1973). Уточнить эту дату для к. 5 практически не представляется возможным ввиду его сильного ограбления, хотя котел, происходящий из того же кургана, и, возможно, рукоять меча могут датироваться более ранним временем.

Мечи подобного типа известны также и в савроматских комплексах. Например, из к. 11 могильника Кара-Оба у с. Джангала (рис. 3, 13) (Синицын, 1952, с. 67, рис. 27, 1). К.Ф. Смирнов предположил, что подобным образом оформленные мечи появляются в савроматской среде с Нижнего Дона, где происходил контакт савроматов со скифами и меотами (Смирнов, 1961, с. 21). Что касается датировки, савроматские комплексы с мечами этого типа исходя из сопровождающего инвентаря, по мнению В.Н. Васильева, убедительно датируются IV в. до н.э. (Васильев, 2001, с. 39), Н.Е. Берлизов отнес погребение к фазе V₂ общесарматской хронологии (4 четв. V – 1 четв. IV вв. до н.э.), а сам комплекс по аналогии с мечом из Солохи (sic!) датирует в пределах 1 четв. IV в. до н.э. (Берлизов, 2011, с. 186–187). «Убедительно» в пределах IV в. до н.э. В.Н. Васильевым датируются и остальные погребения, содержащие «мечи и кинжалы типа III подтипа А отдела I» (мечи и кинжалы с узким бабочковидным (крыловидным) перекрестьем и когтевидным навершием) – Новый Кумак, 18, п. 1 (рис. 3, 6); Муракаево, к. 5, п. 3 (рис. 3, 11); погребение из кургана у с. Ибрагимово (Васильев, 2001, с. 39); п. 7 к. 16 могильника Лебедевка VII (Железчиков и др., 2006, рис. 73, 4); к. 7 (Васильев, 2001, рис. 6, 6), п. 3 к. 15 (Яблонский, 2008, рис. 2); к. 13 (Яблонский, 2012, рис. 1) Филипповского могильника; п. 2 к. 7 Новоорского могильника (Васильев, 2001, рис. 6, 9). Позже В.Н. Васильев отнес серию мечей с когтевидным навершием из этих погребений (по трем кинжалам этого типа из коллективного погребения к. 1 могильника Сибайский I²) ко 2 пол. или концу IV в. до н.э. (Васильев, 2001а, с. 171). Однако А.С. Скрипкин настаивает на датировке этой группы мечей 2 пол. V – 1 пол. IV в. до н.э. (Скрипкин, 2007, с. 41). Возможно, исходя из схожих соображений, п. 20 к. 9 Кировского I-го могильника (рис. 3, 8) было продатировано концом V – нач. IV в. до н.э. (Денисов, Мышкин, 2008, с. 65; Мышкин, Скарбовенко, 2010, с. 93). Следует также упомянуть меч из Сарапульского музея, найденный на могильнике Малые Чеганды (рис. 3, 1) (Тальгрэн, 1917, с. 20, рис. 2), отнесенный

¹ Обкладка ножен, обнаруженная на этом римском поселении, была интерпретирована автором раскопок как часть украшения пиршественного ложа (Knötzele, 2005, s. 20, abb. 3). Это неудивительно, учитывая, что на данный момент ножи из Карлсруэ являются самой западной скифской находкой на территории Европы.

² Определяющими эту датировку стали обнаруженные в этом погребении зеркала с умбоном в центре диска (тип 5.3 по А.С. Скрипкину), характерные для раннепрохоровского инвентаря. Верхняя дата (рубеж IV–III вв. до н.э.) определяется также по этим зеркалам, в III в. до н.э. неизвестным (Васильев, 2001а, с. 171).

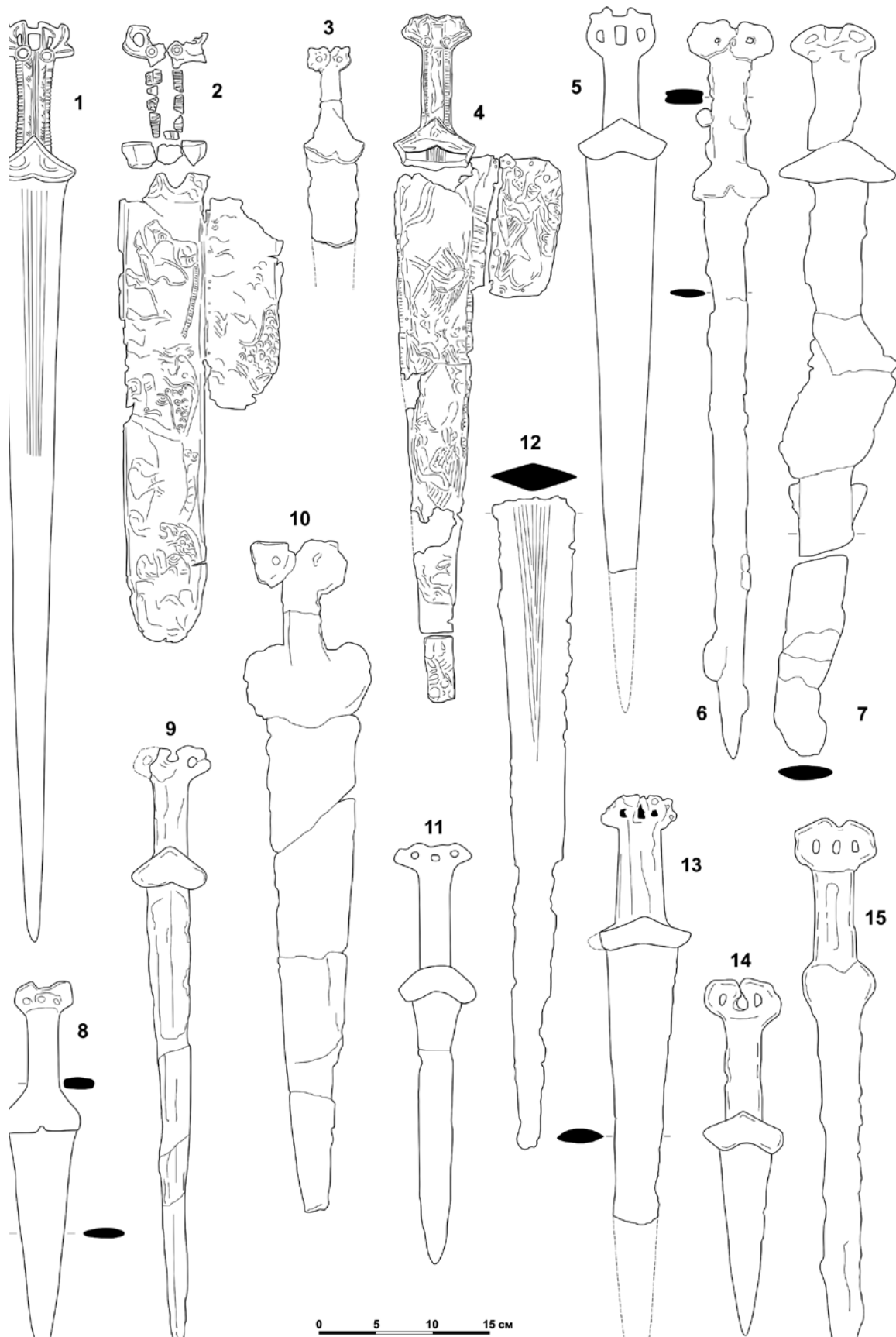
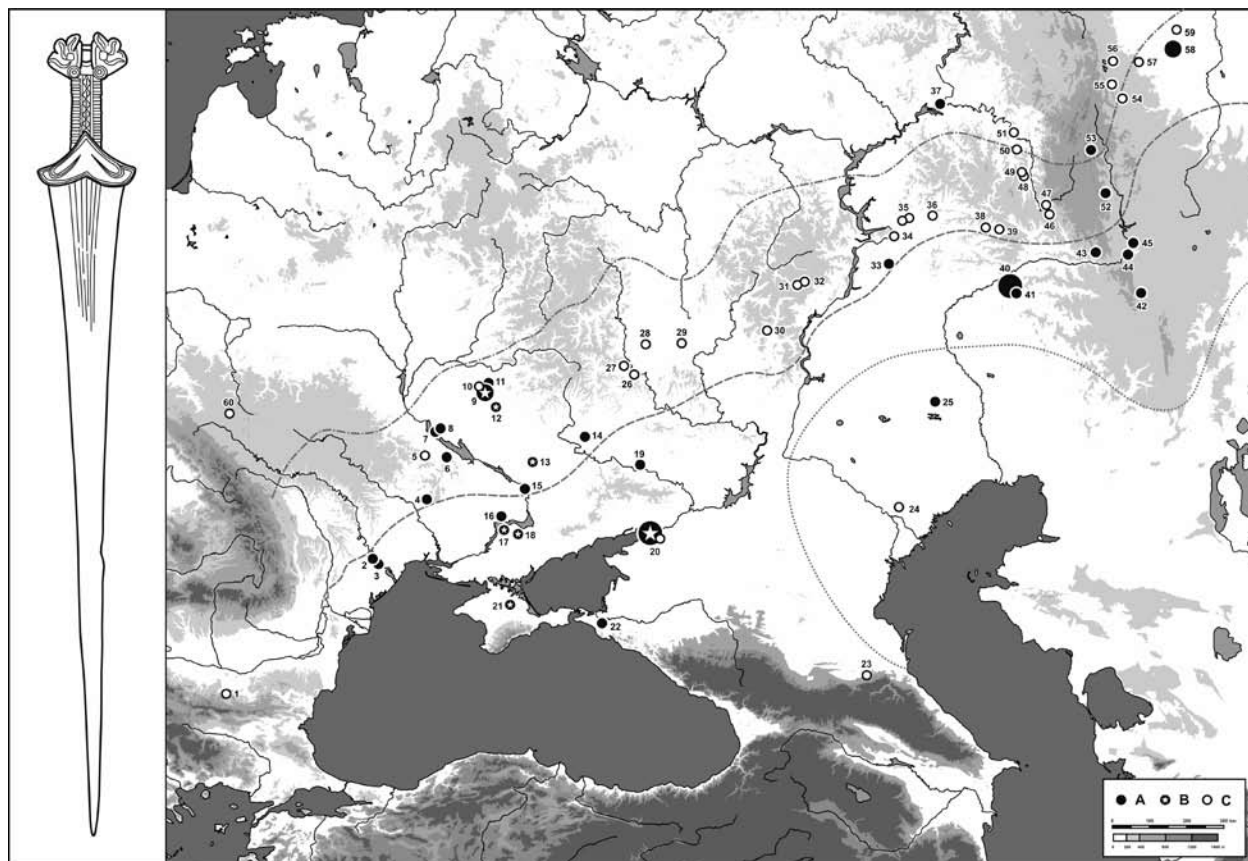

Рис. 3. Акинаки типа Солоха из погребальных комплексов: 1 – Малые Чеганды; 2 – Ушаковский курган; 3 – Елизаветовская, к. 34 1910 г.; 4 – Елизаветовская, к. 10 1909 г.; 5 – Елизаветовская, к. 4 1910 г.; 6 – Новый Кумак, к. 18, п. 1; 7 – Сарытау, к. 7; 8 – Кировский-I, к. 9, п. 20; 9 – Филипповка, к. 7; 10 – Елизаветовская, к. 6 1911 г.; 11 – Муракаево, к. 5, п. 3; 12 – Семибратние курганы, к. 2; 13 – Джангала, Кара-Оба, к. 11, п. 1; 14–15 – Воробьевский м-к

Б.Н. Граковым к числу скифских мечей IV–III вв. до н.э. (Граков, 1961, с. 144–146, рис. 3). Курган 7 могильника Сарытау (рис. 3, 7) в Западном Казахстане – вероятно, самый восточный комплекс с кинжалом типа *Солоха*, датируется С.Ю. Гуцаловым концом V – рубежом V–IV вв. до н.э. (Гуцалов, 2006, с. 248). Кроме того, в Зауралье, среди материалов могильника Воробьево I (VI–IV вв. до н.э.) гороховской культуры известны два кинжала с навершием типа *Солоха* (рис. 3, 14–15) (Могильников, 1992, с. 289, табл. 119, 60–61; Древняя история Зауралья, 2000, т. II, с. 78, рис. 17, с. 50, 52).

Симптоматично, что комплексы, содержащие мечи с когтевидным навершием и перекладиной типа *Солоха*, датированные IV в. до н.э., либо сами содержат парадные формы мечей, украшенные золотом, либо датируются по аналогии с богатыми погребениями. Для парадных форм особенно справедливо действие механизма хронологического «запаздывания» вещи, т.к. ценные экземпляры воору-

жения могли храниться долгое время, передаваться из поколения в поколение. То есть теоретически погребения могли совершаться и в то время, когда тип уже вышел из употребления. Яркий пример – рукоять ахеменидского меча V в. до н.э. (Алексеев и др., 1991, с. 92–102, 130–131, рис. 67, кат. 192) в к. Чертомлык конца 3 четв. IV в. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 268–269). Итак, тип *Солоха*, по всей видимости, появляется на рубеже VI–V и существует до конца IV в. до н.э. Хронологически комплексы с акинаками типа *Солоха* можно разделить на три группы, которые датируются: 2–3 четв. V в. до н.э.; концом V – 1 третью IV вв. до н.э. и 2 пол. IV в. до н.э. (рис. 1). Ранние комплексы концентрируются в Левобережной лесостепной Украине, единственный комплекс известен в Прикубанье. Кроме того, в это время изображение акинака типа *Солоха* появляется на монументальной скульптуре (рис. 1, D–E) – стеле из Краснодарского музея (возможно, из ст. Преградной) (Миллер, 1925, с. 109, рис. 7) и с. Терновка Николаевской области (Елагина, 1959,

Рис. 4. Распространение акинаков типа *Солоха* (А – погребения; В – парадные формы; С – случайные находки): 1 – Агатово; 2 – Пуркарь; 3 – Талмаза; 4 – Тимофеевка; 5 – Вязовок; 6 – Жаботин; 7 – Гладковщина; 8 – Софиевка; 9 – Аксютинцы, «Стайкин верх»; 10 – Ромны; 11 – Волковцы; 12 – Осняги; 13 – Перещепино; 14 – Волосская Балаклея; 15 – Близнец; 16 – Нагорное; 17 – Солоха; 18 – Большая Белозерка; 19 – Петровка; 20 – Елизаветовская; 21 – Куль-Оба; 22 – Семь братьев; 23 – Ялхой-мохк; 24 – Исикай; 25 – Кара-Оба (Джангала); 26 – Вязники; 27 – Мастюгино; 28 – Хлебное; 29 – Садовка; 30 – Яблочный; 31 – Шняево; 32 – Пилюгино; 33 – Кировский; 34 – Самара, «Студеный овраг»; 35 – Безречь, Похвистнево; 36 – Ахрат; 37 – Малые Чеганды; 38 – Ивановка; 39 – Новая Богдановка; 40 – Филипповка; 41 – Лебедька; 42 – Сарытау; 43 – Ибрагимово; 44 – Новый Кумак; 45 – Новоорский; 46 – Тляумбетово; 47 – Акназарово; 48 – Талачево; 49 – Дадановка; 50 – Вязовка; 51 – Уфа; 52 – Сибай; 53 – Муракаево; 54 – Шабунина; 55 – Мисяш; 56 – Аргаяш; 57 – Миасское; 58 – Воробьево; 59 – Воскресенское; 60 – Львов

рис. 3–6). На краснодарской стеле навершие акинака изображено в типично солошском стиле, детально переданы волюты. Дата краснодарского изваяния уточняется по изображениям грифона и оленя на панцире (Попова, 1976, с. 111) и не выходит за пределы 1 пол. V в. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 34). Перекрестье у акинака на терновской стеле подтреугольное, на рукояти выделена продольная полоса (и, по всей видимости, горизонтальное рифление), а навершие трактовано в виде когтей, обращенных внутрь. Наиболее предпочтительной датировкой данного изваяния, исходя из особенностей изображения навершия лука (в виде орлиной головы), считается 2 пол. или даже конец V в. до н.э. (Елагина, 1959, с. 193; Шульц, 1976, с. 220; Петренко, 1986, с. 170; Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 18).

Время самого широкого распространения мечей этого типа: 10-е гг. V в. – 1 треть IV в. до н.э., с этим временем связано подавляющее число датированных комплексов. Это также время наибольшего количества парадных форм, рукоять которых, а зачастую и ножны плакированы золотом, правда, встречаются они только на левом берегу Днепра и низовьях Дона. Акинаки *типа Солоха* проникают на правый берег Днепра, на юг, в степную часть, на западе доходят до нижнего Днестра, на востоке попадают в Волго-Уральском междуречье. По-видимому, с этим периодом связаны и многочисленные случайные находки в Волго-Донской лесостепи. На завершающей стадии развития во 2 пол. IV в. до н.э., акинаки *типа Солоха* появляются в Крыму, а также в погребениях Южного Приуралья и Зауралья. Интересно, что именно в этот период появляются зеркала, рукоять которых оформлена в солошском стиле.

На территории украинской Лесостепи случайных находок акинаков *типа Солоха* немного по сравнению с другими регионами, расположенными восточнее. Один из таких мечей паспортизован как случайная находка из Роменского уезда и, вероятно, происходит из собрания А.А. Бобринского (хранится в ГКИМ) (Мелюкова, 1964, с. 58, табл. XVIII, 10, рис. 20, 8). Два акинака *типа Солоха* происходят из Черкасской области, с Вязовок, в обвале берега р. Ольшанка (Мурзин, Шлайфер, 2011, с. 30; Мурзин, Шлайфер, 2011, рис. 1–2). Несмотря на разную сохранность, орнаментация у них в целом схожая, однако у первого (от него сохранилась рукоять) ручка украшена широким S-видным оранментом (Мурзин, Шлайфер, 2011, рис. 2). В фондах Львовского музея хранится акинак, предположительно происходящий с территории Львовской области (Косиков, Павлик, 1992, с. 113, рис. 1, 2). Как и у меча из Вязовок, рукоять украшена меандрическим орнаментом, что позволило авторам публикации даже сделать вывод о северо-кавказском происхождении этого экземпляра и его возможной связи с киммерийскими традициями (Косиков, Павлик, 1992, с. 115). И, наконец, самая западная находка акинака *типа Солоха* была обнаружена у с. Агатоно в северной

Болгарии (Милчев, Ковачев, 1962, с. 40, рис. 2; Gold., 1987, р. 167, cat. 245). На основе этой находки и некоторых других аргументов А.П. Манцевич даже попыталась обосновать фракийское происхождение¹ меча из Солохи (Манцевич, 1969, с. 117–118). Хотя эта точка зрения и была подвергнута критике (Златковская, Мелюкова, 1969, с. 5), тем не менее, вопрос о значительном персидском влиянии на фракийское искусство был разобран в специальной работе (Венедиков, Герасимов, 1973).

Значительная серия случайных находок происходит из Волго-Донской лесостепи. Короткий акинак длиной 36,3 см с навершием *типа Солоха* происходит из с. Садовка Терновского района Воронежской области (Максимов, Полесских, 1971, рис. 2, 4), по аналогиям авторы датируют его концом V–IV в. до н.э. (Максимов, Полесских, 1971, с. 241). К *типу Солоха* можно также отнести и другие случайные находки из Воронежской области – у хут. Вязники Острогжского района (Медведев, 1999, рис. 51, 18), с. Хлебное Новоусманского района (Медведев, 1999, рис. 51, 19), с поселения у с. Мастюгино (Ворошилов, Золотарев, 2006, рис. 2, 3; Березуцкий, Золотарев, 2008, с. 115, рис. 1, 1). Из Саратовской области происходят мечи, найденные у с. Шняево Базарнокарабулакского района (Моржерин, 2004, с. 184; Скрипкин, 2007, рис. 4, 3, 6), с. Пилюгино Балтайского района (Моржерин, 2004, с. 183), пос. Яблочный Лысогорского района (Ворошилов, 2008).

В Нижнем Поволжье, в развезанном погребении в ур. Исикай Красноярского района Астраханской области был найден акинак, фактически аналогичный мечу из могильника Кара-Оба, который можно отнести к *типу Солоха* (Смирнов, 1961, с. 22, рис. 4, 4). Из Среднего Поволжья, с территории Самарской области происходит серия случайных находок акинаков *типа Солоха*. Кинжал из с. Ахрат Похвистневского района² сильно корродирован, поэтому неясно, были ли изображения глаз в основании навершия, а его перекрестье изготовлено из раскованной части клинка (Денисов, 2010, с. 228, рис. 2, 6). Известен кинжал с территории г. Самара, найденный в Студенном овраге (Мышкин, Скарбовенко, 2000, рис. 11, 3), и меч из с. Безречье Кинель-Черкасского района (Денисов, Мышкин, 2008, с. 65, рис. 4, 8). Из Южного Приуралья известно еще несколько экземпляров мечей и кинжалов, которые можно отнести к *типу Солоха*, в частности, из с. Новая Богдановка (Ростовцев, 1918, табл. VII, 14; Смирнов, 1961, с. 22, рис. 4, 5). На полное совпадение оформ-

¹ В контексте отождествления бокового погребения кургана Солоха с погребением Октамасада (Алексеев, 1994, с. 14), известного тесными родственными связями с фракийскими династиями, эта точка зрения может предстать в интересном свете.

² Недавно стало известно еще об одной находке из этого района. В 2013 г. в Краеведческий музей г. Похвистнево Самарской области поступил кинжал, который также можно отнести к *типу Солоха*.

ления навершия с мечом из Солохи и Аксютинцев обратил внимание еще М.И. Ростовцев (Ростовцев, 1918, с. 58). Следует упомянуть и недавнюю находку из с. Ивановка Оренбургской области (Денисов, Мышкин, 2008, с. 65, рис. 4, 10).

Необходимо отметить, что акинаки *типа Солоха* встречаются и в Зауралье. Так, в Чебаркульском краеведческом музее хранится фрагмент кинжала, найденный на юге Чебаркульского района¹ Челябинской области (Таиров, 2007а, с. 27, рис. 4). Кроме того, есть информация об аналогичном кинжале такого типа из этого района – из пос. Мисяш². Из Аргаяшского района Челябинской области происходит акинак с когтевидным навершием и несохранившимся перекрестьем, вероятно, бабочковидной или ложнотреугольной формы (Таиров, Ульянов, 1996, с. 141, рис. 2). Серия случайных находок коротких кинжалов *типа Солоха* были обнаружены в Башкирии – у с. Дадановка недалеко от Стерлитамака, на пашне у с. Тляумбетово³ Кугарчинского района, с. Акназарово (Байзигиткино) и кинжал, который хранится в Уфе⁴, местонахождение которого неизвестно (Исмагилов, 1978, с. 229–234, рис. 1, 1–4). Еще один беспаспортный кинжал такого типа также хранится в Уфе в Музее археологии и этнографии (Исмагилов, 2001, с. 121, табл. I, 8). Из Стерлитамакского района известны два схожих

акинака с навершием «в виде когтистых лап», отличающихся лишь размерами – из дер. Талачево и дер. Вязовки (Горбунов, Исмагилов, 1979, рис. 1, 9–10). Вероятно, самой северо-восточной находкой меча *типа Солоха* может считаться акинак, найденный у с. Воскресенское⁵ (Смирнов, 1961, с. 22, рис. 4, 6). Довольно красноречиво выглядит распространение находок мечей и кинжалов *типа Солоха* (рис. 4). Показательно полное отсутствие в Трансильвании, Алфельде, румынской Молдове, Крыму и почти полное отсутствие солошских акинаков на Кавказе. Исключение составляет случайная находка (подъемный материал) из 3-го Ялхой-мохского могильника из Юго-Восточной Чечни (Виноградов, 1978, с. 32; Махортых, 1987, с. 58, рис. 2, 7). Погребения с мечами и кинжалами *типа Солоха* концентрируются в двух основных регионах – между Днестром и Северским Донцом и в районе Уральских гор. Интересно, что савроматские комплексы с мечами *типа Солоха* охватывают, в основном, Южное Приуралье и Зауралье. Между Доном и Уралом – огромная масса случайных (реже – плохо документированных) находок. Поэтому карту распространения мечей и кинжалов *типа Солоха* можно считать прекрасной иллюстрацией к этнокультурной ситуации V–IV вв. до н.э. в Европейской Скифии. Это – время классических культур, классической Скифии, когда, по меткому выражению И.В. Бруяко, «структуры миров вполне упорядочены», а «классическая» многокомпонентная геополитическая структура гармонична и самодостаточна» (Бруяко, 2005, с. 313), впрочем, ненадолго, пока на рубеже IV–III вв. эта «классическая гармония» не будет нарушена.

⁵ Тем не менее, акинаки *типа Солоха* встречаются и восточнее – к примеру, в окрестностях Тюмени (Матвеева и др., 1994) и Петропавловского Приишимья (Хабдулина, Плешаков, 2003, с. 216–218, рис. 1, 2). Пользуясь случаем, хочу поблагодарить А.В. Денисова за информацию.

Литература

- Агульников и др., 2013: Агульников С.М., Попович С.С., Церна С.В., Топал Д.А. Скифский курган № 7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре // *Stratum plus*. 2013. № 3. С. 257–284.
- Алексеев, 1991: Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // АСГЭ. 1991. № 31. С. 43–56.
- Алексеев, 1994: Алексеев А.Ю. Большие «царские» курганы V–IV вв. до н.э. в Европейской Скифии: хронология и толкования // Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху: Материалы заседаний «круглого стола» 22–24 декабря 1994 г. в Санкт-Петербурге. СПб., 1994. С. 12–17.
- Алексеев, 2003: Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV в. до н.э. СПб., 2003. 416 с.
- Алексеев и др., 1991: Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Киев: Наукова думка, 1991. 414 с.
- Артамонов, 1966: Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград: Артия, Советский художник, 1966. 120 с.
- Бабенко, Чижова, 2005: Бабенко Л.И., Чижова Ю.А. Зеркала из погребений Песочинского курганного могильника // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України: Матеріали II-ї Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої 85-річчю Луганського обласного краєзнавчого музею. Луганськ, 2005. С. 131–134.
- Бабенко, 2005: Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: ИД Райдер, 2005. 282 с.
- Бандуровский, Буйнов, 2000: Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). Киев: ИА НАНУ, 2000. 244 с.

- Березуцкий, Золотарев, 2008: Березуцкий В.Д., Золотарев П.М. Новые материалы раннего железного века из лесостепного Подонья // РА. 2008. № 4. С. 111–119.
- Берлизов, 2011: Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. 1. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. 320 с.
- Бобринский, 1894: Бобринский А.А. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т. 2. СПб., 1894. 232 с.
- Братченко и др., 1989: Братченко С.Н., Швецов М.Л., Дубовская О.Р. Курган IV в. до н.э. в бассейне Северского Донца // СА. 1989. № 1. С. 170–177.
- Брашинский, 1965: Брашинский И.Б. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // Eirene: studia Graeca et Latina. Vol. IV. Praha, 1965. С. 89–109.
- Брашинский, 1975: Брашинский И.Б. Фасосская амфора с клеймом из кургана Куль-Оба // СГЭ. 1975. Вып. XL.
- Брашинский, 1980: Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Ленинград: Наука, 1980. 266 с.
- Бруяко, 2005: Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе X–V вв. до Р.Х. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2005. 358 с.
- Васильев, 2001: Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н.э. Уфа: Гилем, 2001. 153 с.
- Васильев, 2001а: Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001а. С. 169–179.
- Велитченко, 2011: Велитченко В.В. Кинжал из поселка Мисяш Челябинской области // Научный поиск: материалы третьей научной конференции аспирантов и докторантов. Социально-гуманитарные и естественные науки. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011.
- Венедиктов, Герасимов, 1973: Венедиков И., Герасимов Г. Тракийского искусство. София: Български художник, 1973. 407 с.
- Виноградов, 1978: Виноградов В.Б. К этнокультурной характеристике населения ущелья Гумса в скифское время // VIII-е Крупновские чтения: Тез. докл. Нальчик, 1978. С. 32–34.
- Власова, 1997: Власова Е.В. Об Ушаковском кургане // Боспор и античный мир. Сборник научных трудов в честь проф. Е.А. Молева. Нижний Новгород: ННГУ, 1997.
- Власова, 2001: Власова Е.В. Семибратние курганы // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. С. 129–130.
- Ворошилов, 2008: Ворошилов А.Н. Случайные находки архаических акинаков как источник по истории лесостепного Подонья в раннескифскую эпоху // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Материалы тематической научной конференции 16–19 декабря 2008 г. / Отв. ред.: Д.Г. Савинов, В.Н. Седых. СПб., 2008. С. 91–96.
- Ворошилов, Золотарев, 2006: Ворошилов А.Н., Золотарев П.М. Новые находки оружия скифского времени на территории лесостепного Дона // Новик. Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ВГУ. Воронеж: Истоки, 2006. № 11. С. 27–33.
- Горбунов, Исмагилов, 1976: Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. № 3. С. 229–247.
- Городцов, 1911: Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. III. 1911. С. 93–161.
- Горнчаровский, 2011: Горнчаровский В.А. Синдика в период возведения Семибратних курганов // Мнемон. 2011. № 10. С. 116–140.
- Граков, 1961: Граков Б.Н. Бронзовая рукоять меча из-под Муромы // СА. 1961. № 4. С. 139–147.
- Гребенников, 2008: Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.). Николаев, 2008. 191 с.
- Гречко, 2012: Гречко Д.С. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н.э.) скифской истории // Stratum plus. 2012. № 3. С. 75–106.
- Григорьев, 1994: Григорьев В.П. Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с. Гладковщина // Древности скифов / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев, 1994. С. 63–79.
- Григорьев, Скорый, 2011: Григорьев В.П., Скорый С.А. Скифские курганы у с. Вишнополь на юге Днепровской Правобережной Лесостепи // Stratum plus. 2011. № 3. С. 175–214.
- Гуляев, 2004: Гуляев В.И. Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V–IV вв. до н.э.) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. М.: РАН, 2004. С. 7–24.
- Гуляев, 2009: Гуляев В.И. «Парадные» мечи V–IV вв. до н.э. из курганов Скифии // Археологические памятники Восточной Европы. № 13 / Отв. ред. В.В. Килейников. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 147–151.
- Гуцалов, 2006: Гуцалов С.Ю. Могильник Сарытау-1. Курган 7 (скифская эпоха) // Археология Южного Урала. Степь: (проблемы культурогенеза) / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2006. С. 246–250.
- Денисов, 2010: Денисов А.В. Случайные находки клинкового оружия раннего железного века с территории Самарского Поволжья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 222–229.
- Денисов, Мышкин, 2008: Денисов А.В., Мышкин В.Н. Клинковое оружие кочевого населения бассейна реки Самары в VII–IV вв. до н.э. // НАВ. 2008. № 9. С. 62–75.

- Древности...*, 1899: Древности Приднепровья. Собрание Б.Н. и В.И. Ханенко. Вып. II. Эпоха предшествующая Великому переселению народов. К., 1899. 82 с.
- Древняя история Зауралья*, 2000: Древняя история Зауралья / В 2 т. Ранний железный век и средневековье. Т. II. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 494 с.
- Елагина*, 1959: Елагина Н.Г. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея // СА. 1959. № 2. С. 187–196.
- Железчиков и др.*, 2006: Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Восточная литература, 2006. 158 с.
- Златковская, Мелюкова*, 1969: Златковская Т.Д., Мелюкова А.И. От редакции // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА 150 / Отв. ред.: Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1969. С. 3–6.
- Іллінська*, 1968: Іллінська В.А. Из неопублікованих матеріалів скіфського часу в Лівобережному Лісостепу // Археологія. 1968. Вып. XXI. С. 147–153.
- Ильинская*, 1968: Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 268 с.
- Исмагилов*, 1978: Исмагилов Р.Б. Кинжалы позднесарматского времени из Башкирии // СА. 1978. № 4. С. 229–238.
- Исмагилов*, 2001: Исмагилов Р.Б. Клиновое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. 2001. № 3. С. 117–147.
- Канторович*, 2012: Канторович А.Р. Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ истоков и эволюция // Stratum plus. 2012. № 3. С. 17–71.
- Ковпаненко*, 1967: Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наукова думка, 1967. 188 с.
- Ковпаненко и др.*, 1989: Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка, 1989. 335 с.
- Косиков, Павлик*, 1992: Косиков В.А., Павлик А.А. Скифские мечи из коллекции Львовского исторического музея // ДАС. 1992. № 2. С. 113–118.
- Ломтадзе, Фирсов*, 2012: Ломтадзе Г.А., Фирсов К.Б. Комплекс раннескифского времени из кургана у села Волковцы в Посулье (по материалам из собрания ГИМ) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Отв. ред.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов // Труды ГИМ. № 191. М.: ГИМ, 2012. С. 281–298.
- Максимов, Полесских*, 1971: Максимов Е.К., Полесских М.Р. Заметка об акинаках // СА. 1971. № 2. С. 238–242.
- Манцевич*, 1969: Манцевич А.П. Парадный меч из кургана Солоха // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА. № 150 / Отв. ред.: Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1969. С. 96–118.
- Манцевич*, 1987: Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Ленинград: Искусство, 1987. 143 с.
- Матвеева и др.*, 1994: Матвеева Н.П., Матвеев А.В., Зах В.А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 1994. 124 с.
- Махортых*, 1987: Махортых С.В. Новые данные о скифо-кавказских контактах // Скифы Северного Причерноморья / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1987. С. 53–62.
- Махортых*, 2011: Махортых С.В. Мечи и кинжалы из погребений Перещепинского курганного могильника // История оружия. Запорожье, 2011. № 2–3. С. 10–15.
- Махортых*, 2012: Махортых С.В. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска // Stratum plus. 2012. № 3. С. 145–160.
- Медведев*, 1999: Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 159 с.
- Мелюкова*, 1964: Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М.: Наука, 1964. Д1–4. 90 с.
- Мерперт*, 1948: Мерперт Н.Я. Акинак с когтевидным навершием // КСИА. 1948. № 22. С. 74–79.
- Мец*, 2006: Мец Ф. О недавней находке в Баден-Вюртемберге // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. С. 43–45.
- Миллер*, 1910: Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. 1910. № 35. С. 86–130.
- Миллер*, 1914: Миллер А.А. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 году // ИАК. 1914. № 56. С. 220–247.
- Миллер*, 1925: Миллер А.А. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом // ИРАИМК. 1925. № 4. С. 96–114.
- Милчев, Ковачев*, 1967: Милчев А., Ковачев Н. Необнародованы паметници от Севлиевско // Археология. 1967. № 2. С. 39–46.
- Могильников*, 1992: Могильников В.А. Ранний железный век лесостепи Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 283–291.
- Мозолевский*, 1973: Мозолевский Б.Н. Скифские курганы у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 187–234.
- Монахов*, 1999: Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов: СГУ, 1999. 675 с.
- Монахов*, 2003: Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды, СГУ, 2003. 351 с.

- Моржерин, 2004:* Моржерин К.Ю. Новые данные о находках вооружения савроматского времени в саратовском Поволжье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I-я Международная Нижневолжская археологическая конференция: Тез. докл. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 182–186.
- Мурзин, Шлайфер, 2011:* Мурзин В.Ю., Шлайфер В.Г. Два акинаки з Черкаської області // История оружия. Запорожье, 2011. № 2–3. С. 30–33.
- Мурзин, Шлайфер, 2011:* Мурзин В.Ю., Шлайфер В.Г. Два необычных акинака из Черкасской области // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж: Научная книга, 2011. С. 109–113.
- Мышкин, Скарбовенко, 2000:* Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // Кавитов П.С. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 9–63.
- Мышкин, Скарбовенко, 2010:* Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // Краеведческие записки. Самара, 2010. № 15. С. 87–100.
- Новичихин, 2006:* Новичихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). Анапа: РИО СГУТ и КД, 2006. 220 с.
- Ольховский, Евдокимов, 1994:* Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.: Метео, 1994. 185 с.
- Онайко, 1966а:* Онайко Н.А. Античный импорт в Приазовье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ Д1–27. М.: Наука, 1966а. 121 с.
- Петренко, 1967:* Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. М.: Наука, 1967. Д1–4. 179 с.
- Петренко, Яценко, 2006:* Петренко В.Г., Яценко И.В. Анна Ивановна Мелюкова // Древности скифской эпохи. МАР. № 7 / Отв. ред.: В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2006. С. 10–18.
- Попова, 1976:* Попова Е.А. Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры // СА. 1976. № 1. С. 108–121.
- Ромашко, Скорый, 2010:* Ромашко В.А., Скорый С.А. Скифський аристократичний курган Близнюк 2 // Археологія. 2010. № 4. С. 79–97.
- Ромашко, Скорый, 2009:* Ромашко В.А., Скорый С.А. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. Днепропетровск: Пороги, 2009. 251 с.
- Ростовцев, 1918:* Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. Петроград, 1918. № 37. 119 с.
- Синика, 2007:* Синика В.С. Скифский курганный могильник у пгт Суворово на правобережье нижнего Днестра // РА. 2007. № 4. С. 170–179.
- Синицын, 1952:* Синицын И.В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. 1952. Вып. XLV. С. 62–73.
- Скрипкин, 2007:* Скрипкин А.С. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 38–50.
- Смирнов, 1961:* Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101. 161 с.
- Сокольский, 1954:* Сокольский Н.И. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. II / Отв. ред. М.М. Кобылина // МИА. 1954. № 33. С. 123–196.
- Таиров, 2007а:* Таиров А.Д. Некоторые образцы клинкового оружия раннего железного века из Южного Зауралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии». Челябинск, 2007а. С. 24–29.
- Таиров, Ульянов, 1996:* Таиров А.Д., Ульянов И.В. Случайные находки ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Отв. ред.: Н.О. Иванова, А.Д. Таиров. Челябинск: Аркаим, 1996. С. 139–147.
- Тальгрэн, 1917:* Тальгрэн А.М. Два железных меча в Сарапульском музее // Известия общества изучения Прикамского края. Сарапул, 1917. № 1. С. 20–24.
- Хабдулина, Плешаков, 2003:* Хабдулина М.К., Плешаков А.А. 2003. Случайные находки кинжалов с Приишимья // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи / Отв. ред. М. Жолдасбеков. Астана: Култегін, 2003. С. 215–218.
- Черненко, 1973:* Черненко Е.В. Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 64–81.
- Черников, 1965:* Черников С.С. Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. 190 с.
- Шилов, 1966:* Шилов В.П. Ушаковский курган // СА. 1966. № 1. С. 174–191.
- Шрамко, 1976:* Шрамко Б.А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред.: А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 194–209.
- Шрамко, 1994:* Шрамко Б.А. Розкопки курганів VII–IV ст. до н.е. поблизу Більска // Археологія. 1994. № 4. С. 117–133.
- Шульц, 1976:* Шульц П.Н. Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира / Отв. ред.: Н.И. Сокольский. М.: Наука, 1976. С. 218–231.
- Яблонский, 2008:* Яблонский Л.Т. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Материалы международной научной конференции

«Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2008. С. 170–177.

Яблонский, 2008: Яблонский Л.Т. Прохоровка и Филипповка I – опорные памятники раннесарматской эпохи Южного Приуралья // Кадырбаевские чтения. Материалы III Международной научной конференции. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. С. 236–241.

Alekseev et al., 2002: Alekseev A.Yu., Bokovenko N.A., Boltrik Yu., Chugunov K.A., Cook G., Dergachev V.A., Kovaliukh N., Possnert G., Plicht J. van der, Scott E.M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G. 2002. Some problems in the study of the chronology of the ancient nomadic cultures in Eurasia (9th–3rd Centuries BC) // *Geochronometria*. 2002. № 21. P. 143–150.

Antiquités., 1892: Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854); réédités avec un commentaire nouveau et un index général des comptes rendus par S. Reinach. Paris: Librairie de Firman-Didot, 1892. 425 p.

Borovka, 1928: Borovka G.E. Scythian art. Translated by V.G. Childe. London: Ernest Benn, 1928. 111 p.

Ginters, 1928: Ginters W. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin: W. de Gruyter, 1928. 98 p.

Gold., 1987: Gold of the Thracian horsemen: treasures from Bulgaria. Montreal: Éditions de l'Homme, 1987. 320 p.

Kieseritzky, 1902: Kieseritzky G.E. Funde in Südrussland // *Archäologische Anzeiger*. 1902. № 2. S. 44–46.

Minns, 1913: Minns E.H. Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge: University Press, 1913. 720 p.

Sparkes, Talcott, 1970: Sparkes B.A., Talcott L. Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. // *The Athenian Agora*. Vol. XII. Princeton, New Jersey: The American school of Classical studies at Athens, 1970. 618 p.

Tallgren, 1917: Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le dr. Karl Hedman à Vasa: chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors: K. F. Puromiehen kirjapaino o.-y., 1917. 93 p.

Е.Б. Шевченко
(г. Одесса)

«АМАЗОНКИ» ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ В САВРОМАТСКОЕ ВРЕМЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Многочисленные свидетельства античных авторов о женщинах-воинах в среде ранних кочевников евразийских степей стали толчком к изучению данного явления на основе материалов, полученных в результате археологических раскопок. Так как практически до конца 80-х гг. прошлого века савроматская археологическая культура трактовалась широко, подобные положения распространялись и на раннекочевнические племена Южного Приуралья. Между тем, многие из нарративных источников содержат в себе указания на территорию проживания «амазонок». На основе данных свидетельств прослеживается некоторое тяготение к территории вокруг Танаиса и Меотиды (Шевченко, 2011, с. 47–48). Таким образом, мы считаем неправомерным использование в качестве доказательств воинственности женщин исследуемой раннекочевнической группы сведения античных источников, в которых повествуется о савроматах.

Археологические данные также выглядят не столь однозначно. Одним из первых стал активно использовать археологические материалы для подтверждения сведений древних авторов Б.Н. Граков (Граков, 1947). Обозначенная работа на долгие годы стала основополагающей в изучении данного вопроса. Проведя анализ существующих на то время письменных и археологических источников, исследователь пришел к следующему выводу: «Итак, среди женских погребений блюменфельдской культуры в Поуралье мы находим погребения женщин, стрелков из лука, иногда конных...» (Граков, 1947, с. 109). Данный вывод, ставший фундаментальным для многих поколений исследователей, был основан на выборке из пяти погребений. Однако серьезные сомнения вызывает даже не малочисленность приводимых сведений, а обстоятельства открытия большинства комплексов (см. табл. 1). К сожалению, большинство погребений, приводимых в качестве примера Б.Н. Граковым, были открыты в результате грабительских раскопок местными жителями и в лучшем случае позже доисследованы специалистами-археологами. Кроме того, на момент написания данной статьи такие вещи как зеркала, каменные блюда («жертвенники»), костяные ложечки считались атрибутами исключительно женских погребений. Именно фиксация подобных предметов давала основание исследователям того времени уверенно относить то или иное погребение к числу женских. В то время как в наше время с помощью антропологических исследований было доказано, что подобные предметы нередко являются атрибутами

мужских захоронений. Таким образом, мы видим, что господствующий долгое время в науке тезис о непрерывной воинственности «савроматских» женщин был основан на материалах, доказательная база которых вызывает серьезные сомнения. Последовавшая после выхода данной статьи научная дискуссия развернулась преимущественно над вопросом – является ли воинственность «савроматских» женщин доказательством в пользу матриархата или нет.

В монографии К.Ф. Смирнова, вышедшей в 1964 году и не потерявшей своей актуальности и в наши дни, также было уделено некоторое внимание интересующему нас вопросу. Автор считал, что В.П. Шилов, выступивший против положений Б.Н. Гракова, не прав, сравнивая воинственность «савроматских» женщин с другими кочевыми народами, ибо у «савроматов» достоверно женских погребений с оружием или конской сбруей значительно больше (не менее 20 % от всех могил с оружием и конской сбруей), чем у других древних народов нашей страны (Смирнов, 1964, с. 201). Однако на основании чего была получена следующая цифра, автором не уточняется ни в данной работе, ни в более ранней монографии, посвященной вооружению савроматов, вышедшей в 1961 г., где о необычном положении «савроматских» женщин К.Ф. Смирнов не упоминает вовсе (Смирнов, 1961). Кроме того, как верно заметила М.С. Стрижак, «... не ясен процент погребений женщин с уздой, но без оружия, от 20 % погребенных с уздой и оружием. Не известно также, какие конкретно имелись в виду погребения, и были ли для них сделаны антропологические определения пола. Вероятнее всего, определения были выполнены не для всех захоронений, и К.Ф. Смирнов также мог относить погребение к женскому или мужскому на основании состава инвентаря, считая некоторые предметы характерными для женских погребений» (Стрижак, 2007, с. 72).

Следует также заметить, что на основании свидетельств античных авторов, а также детских погребений с оружием, которые автор считал захоронениями женского пола, К.Ф. Смирнов пришел к выводу, что «савроматских» девочек уже с детства обучали владению оружием (Смирнов, 1964, с. 202). В связи с тем, что антропологическое определение пола погребенных детей невозможно, автор, как и Б.Н. Граков, определял пол погребенных по погребальному инвентарю. При этом в качестве исключительных признаков женского погребения, как и его предшественник, ученый использовал костяные

Таблица 1

Раскладка погребений «амазонок», приведенных в статье Б.Н. Гракова ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ. (Пережитки матриархага у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121

Памятник	Территория	Обстоятельство раскопок (состояние памятника)	Предметы вооружения	Способ определения пола погребенного	Иной погребальный инвентарь
Горбатый мост К. 5	В 22 км от Чкалова по Орскому тракту и в 4-х за Нежинским поселком	Раскопки Б.Н. Гракова; Ограблено в древности	Один бронзовый наконечник стрелы (массивный, втульчатый, трехлопастный)	–	1) кости овцы (туша без черепа); 2) кости лошади (разные); 3) шило (бронза); 4) блюдо (камень); кусочки реальгара
–	В Крыловском хуторе, Любимовской волости, Бузулукского уезда	Курган, разрытый крестьянином Тарасовым	14 наконечников стрел; Меч железный	«Связь блюд с женскими погребениями показана нашими раскопками. Инвентарь кургана скорее всего женский»	1) бусины (золото); 2) пронизи (золото); 3) зеркало; 4) три каменных блюда
Елга	Бузулукский уезд, Любимовской волости	Курган исследовал Ф.Д. Нефедов. До него он был вскрыт крестьянами. Описание могилы неясно и, скорее всего, им не совсем понято	Два наконечника стрел	«Погребение Елга по инвентарю явно женское	1) ручка зеркала; 2) пронизь-колесико (бронза); 3) сосуд (бронза); 4) каменное блюдо
–	Курган у черниговского поселка, Магнитной станицы в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии	«Вещи попали к Нефедову, а добросовестные показания находчиков и тщательный протокол приставы не оставляют сомнения в том, что здесь была одна крытая деревом могила». – «Погребение, раскопанное не по всей площади»	50 наконечников стрел; Кинжал или меч	«Состав погребения скорее всего женский»	1) уздечный набор; 2) блюдо (камень); 3) зеркало (бронза)
–	В Соболевской волости Уральской губернии, на границе Бузулукского уезда	«Открытое случайно крестьянами в 1927 г.». «Вещи были получены покойной Гольмстен В.В. от находчиков немедленно»	Какое-то количество бронзовых наконечников стрел	–	1) зеркало (бронза); 2) ложечка (кость)

ложечки и другие предметы. Положения, высказанные авторитетным исследователем, в дальнейшем еще более укрепили сложившиеся представления о воинственности «савроматских» женщин.

А.М. Хазанов в своей работе «Очерки военного дела сарматов», вышедшей в 1971 году, отмечал как особенность военной организации сарматов – широкое участие в военных действиях женщин (Хазанов, 1971, с. 141). Данный вывод исследователь основывает на работах своих предшественников, в частности, Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова, опираясь на небезызвестные сведения античных авторов. При этом автор, наследуя К.Ф. Смирнова, утверждал, что не менее 20 % женских погребений VI–IV вв. до н.э. содержат вооружение или конскую сбрую (Хазанов, 1971, с. 141). Выводы А.М. Хазанова, основанные на работах основоположников идеи о непреходящей воинственности савроматских женщин, анализ доказательной базы которых проводился выше, очевидно, не нуждаются в более детальном исследовании.

В начале 90-х годов прошлого века начинают появляться исследования с несколько иной точкой зрения на данную проблему. Так, итальянские ученые М. Бернабей, Л. Бондиоли, А. Гуиди считают, что присутствие в женских погребениях мужских предметов (в частности оружия), равно как и наоборот, является следствием ошибки. Присутствие возле погребенных женского пола наконечников стрел, ножей и защитного вооружения авторы не рассматривают социально как «настоящее» оружие (Бернабей и др., 1994, с. 167). Важно отметить, что зарубежные коллеги наконечники стрел вообще не относят к оружию. При этом они вступают в полемику с русскими исследователями, которые не согласны с данным тезисом, в связи с тем, что большая часть «савромато-сарматских кочевников были лучниками» (Бернабей и др., 1994, с. 174). На страницах обозначенного издания был собран и обработан огромный материал по погребальным комплексам савроматского времени на территории Южного Приуралья. Однако что касается позиции определения пола погребенного, исследователи во многом руководствовались составом погребального инвентаря. Обозначенный факт значительно ослабил ценность данного исследования в ключе вопросов, основывающихся на гендерном признаке.

В 2001 году вышла работа В.Н. Васильева, в которой автор анализирует вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н.э. В первую хронологическую группу (конец VI – рубеж V–IV вв. до н.э.) исследователь включил 141 погребение. В результате проведенного анализа автор называет довольно высокий процент погребений (91,4 %), содержащих лук и стрелы (Васильев, 2001, с. 51). Однако следует заметить, что в выборку наиболее представительных колчанных наборов В.Н. Васильев включает погребения, содержащие от 1 до 165 наконечников стрел (Васильев, 2001, прил. III). К воинским погребениям автор относит комплексы, содержащие стрелы

(не редко единичные), клинковое оружие, копья, панцири и прочее. При этом не учитываются захоронения, содержащие как колчаны, так и различные их части (Васильев, 2001, прил. II). А именно фиксация подобных предметов, по нашему мнению, могла бы способствовать выработке более четких критериев колчанных наборов и воинских комплексов в целом. Не были достаточно четко проработаны и коллективные захоронения, содержащие несколько воинских наборов, принадлежащих разным индивидуумам.

Таким образом, данные, полученные В.Н. Васильевым, нуждаются, по нашему мнению, в существенной корректировке. Что же касается интересующего нас вопроса о женщинах-воинах, то автор о них не упоминает. Хотя женское погребение 2 кургана 3(4) III-го Аландского могильника, в составе погребального инвентаря в котором из предметов вооружения был зафиксирован единственный наконечник стрелы, исследователь относит к числу воинских (Васильев, 2001, прил. II).

В том же году вышла статья В.Н. Мышкина, посвященная воинскому инвентарю в «савроматских» погребениях Самаро-Уральского региона. В тех случаях, когда выводы зависели от половой принадлежности погребенных, автор использовал выборку захоронений с антропологическим определением пола. В женских захоронениях, вошедших в данную выборку, оружие зафиксировано не было. Кроме того, сочетание основных категорий мужского воинского и женского инвентаря в качестве заупокойного сопровождения одного умершего исключалось. Таким образом, В.Н. Мышкин приходит к выводу, что обрядовые нормы кочевников Самаро-Уральского региона не фиксировали какую-либо роль женщин в военной деятельности (Мышкин, 2001, с. 146).

Важным также представляется наблюдение автора, что касается точильных оселков. Анализ расположения данных предметов в погребениях, проведенный исследователем, показал, что чаще всего они лежали у пояса людей, погребенных с оружием. Видимо, в данном обрядовом контексте оселки необходимо рассматривать как элемент костюма мужчины-воина и своеобразный знак воинского статуса. В женских погребениях они располагались на других участках дна ямы и, скорее всего, этой дополнительной смысловой нагрузки уже не имели (Мышкин, 2001, с. 147).

В 2007 году вышла статья М.С. Стрижак, посвященная женским погребениям с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI – начале IV до н.э. Автор удачно проводит историографический обзор работ, посвященных так называемой женской теме. При этом М.С. Стрижак удалось уверенно показать всю несостоятельность доказательной базы основоположников идеи о непреходящей воинственности «савроматских» женщин. Автор также обращает внимание на ошибочность определения пола погребенных на основе состава погребального инвентаря, основанного на выводах о функциональной принадлежности конкретных предметов. В результате

М.С. Стрижак приходит к выводу, что для подобных реконструкций наиболее надежной является выборка из погребений, где проводились антропологические определения пола погребенных. Автору удалось выделить 87 погребений, соответствующих данному критерию. И лишь в одном женском погребении Ново-Орского могильника (курган 3, погребение 2) были зафиксированы 3 наконечника стрел. Исследователь обращает внимание, что единичные наконечники стрел могли нести совсем иную смысловую нагрузку и не являются, соответственно, свидетельством воинственности погребенной. Других женских погребений с оружием, что касается территории Южного Приуралья, автор не фиксирует.

Однако М.С. Стрижак оговаривает, что нельзя с уверенностью утверждать, что женщины ранних кочевников Приуралья и Поволжья не играли никакой роли в военной деятельности, в частности из-за небольшого количества имеющихся антропологических определений. Тем не менее, практически полное отсутствие предметов вооружения в женских погребениях возвращает исследователей к вопросам этнической идентификации ранних кочевников Приуралья и Поволжья, правомерности переноса на них сведений письменных источников, вопросам их социального и общественного устройства (Стрижак, 2007, с. 75).

Данный вывод представляется нам наиболее верно отражающим сложившуюся на сегодняшний день ситуацию, что касается вопроса участия женщин ранних кочевников Южного Приуралья в военных действиях.

Таким образом, мы можем наблюдать, что в силу ряда причин в науке на долгое время прочно закрепилась концепция о неперемной воинственности женщин савромато-сарматских племен, в состав которых включались и ранние кочевники Южного Приуралья. Данный тезис базировался в основном на данных письменных источников, а также археологических материалов. Исследователи часто использовали также этнологические параллели. С развитием археологической науки, а также смежных дисциплин,

стало очевидным, что доказательная база данного тезиса не выдерживает критики на современном уровне исследований. Не лишним будет сказать, что в становлении данной теории сыграл немало важную роль и научный авторитет исследователей, занимающихся теми либо иными аспектами данного вопроса. Начиная с 90-х годов прошлого столетия, наблюдается постепенное переосмысление роли женщин ранних кочевников Южного Урала в военных действиях. При этом исследователи получают совершенно противоположные результаты.

Действительно, ряд вопросов, поднятых учеными нового поколения, позволил совершенно иначе взглянуть на данную проблему. Долгая исследовательская работа по изучению женских погребений с оружием в среде ранних кочевников Евразии позволила выделить нам несколько существенных моментов, необходимых для проведения исследований подобного рода. Так, по нашему мнению, необходимо проводить всесторонний анализ каждого отдельного случая фиксации различных предметов вооружения в женском погребении. Нельзя также рассматривать подобные случаи в отрыве от мужских воинских погребений данной группы номадов. Лишь сравнительный анализ такого рода позволит выяснить, действительно ли конкретное женское погребение можно считать воинским в прямом значении этого слова. Кроме того, необходимо выработать более четкие критерии для определения действительно воинского набора инвентаря. Не лишним будет также рассматривать параллельные женские погребения из данной кочевнической группы на предмет присутствия либо отсутствия предметов вооружения. Кроме того, исследования подобного рода совершенно необходимо накладывать на канву общеисторических процессов того времени.

Таким образом, по нашему мнению, несмотря на наметившиеся положительные тенденции, исследование роли женщин в военных действиях как данной раннекочевнической группы, так и других народов, на сегодняшний день нельзя считать завершенным.

Литература

- Бернабей и др., 1994: Бернабей М., Бондиоле Л., Гуиди А. Социальная структура кочевников савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (V–IV вв. до н.э.). М., 1994. С. 159–184.
- Васильев, 2001: Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа, 2001.
- Граков, 1947: Граков Б.Н. ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ. (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.
- Мышкин, 2001: Мышкин В.Н. Воинский инвентарь в «савроматских» погребениях самаро-уральского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. 2001. С. 142–157.
- Смирнов, 1960: Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1960. Вып. 101.
- Смирнов, 1964: Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Стрижак, 2007: Стрижак М.С. О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI – начале IV в. до н.э. // Вооружение сарматов региональная типология и хронология: Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 71–75.
- Хазанов, 1970: Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. № 2. С. 138–148.
- Шевченко, 2011: Шевченко О.Б. Сарматська жінка за даними нарративних джерел // Записки історичного факультету. Одеса, 2011. Вип. 22. С. 38–57.

Л.Т. Яблонский
(г. Москва)

СИСТЕМА ВООРУЖЕНИЯ ЭЛИТНОГО ВОИНА IV в. до н.э. НА ВОСТОКЕ СКИФСКОЙ ОЙКУМЭНЫ (ДРЕВНЕЙШИЕ КАТАФРАКТАРИИ ЕВРАЗИИ?)¹

При раскопках элитного могильника Филипповка 1 (Оренбургская обл., Южное Приуралье) были найдены многочисленные предметы вооружения (Яблонский, 2013). Время функционирования этого некрополя относится к рубежу V – третьей четверти IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012). Таким образом, люди, захороненные в нем, являлись современниками летописных скифов. И не случайно поэтому, что там были обнаружены многочисленные черты сходства в воинском вооружении и костюме скифского и элитного филипповского воина (Яблонский, 2013, с. 123).

Это дает нам основания при классификации филипповского оружия обратиться к монументальному труду А.И. Мелюковой (1964), который, по нашему мнению, и сегодня остается непревзойденным в области археологического изучения предметов вооружения. При группировке предметов вооружения будем следовать структуре труда А.И. Мелюковой и предложенным ею подзаголовкам.

1. Лук и стрелы. В «царском» кургане № 4 Филипповки нам посчастливилось найти хорошей сохранности кибить лука (Яблонский, 2013, рис. 4, 1). Эта находка в определенной мере заполняет отмеченное А.И. Мелюковой (1964, с. 9, 14) отсутствие находок подобного рода в скифской археологии. По данным этого автора, скифские луки были небольших размеров (60–70 см) и имели загнутые концы. Средняя часть кибити округлой в сечении формы диаметром около 20 мм. Концы приострены и скруглены. Диаметр у концов – около 14 мм. В концевых третях сечение кибити подквадратной формы со стороной около 18 мм.

Именно такие размеры и форму имел лук из Филипповки. Анна Ивановна предполагала, что луки «скифского» типа были изобретены именно скифами или даже киммерийцами (Мелюкова, 1964, с. 15). Заметим, что филипповская кибить была сделана из бука (Гольева, Яблонский, 2007). Этот лук был найден вместе со стрелами. Обломок кибити лука была найден также вместе со стрелами в погр. 2 кургана 1 Филипповки 1².

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00053.

² Выражаю глубокую благодарность В.Е. Трегубову (Оренбургский областной Губернаторский историко-краеведческий музей) за предоставленные мне сведения.

Стрелы представлены наконечниками, которые находили вместе с остатками горитов/саадаков. Стрелы в Филипповке 1 вообще сопутствовали большинству мужских и некоторым женским погребениям. В колчанах находили десятки, а то и сотни разнотипных наконечников. Все они, за исключением одного железного (погр. 2 кургана 1) – бронзовые. В каждом таком горите находили большое количество разнотипных наконечников – от нескольких десятков до более, чем двух сотен. Не имея возможности описать здесь состав всех колчанов (эта тема специальной работы), рассмотрим один из наиболее представительных – колчан из погребения 2 кургана 4, которое принадлежало молодому мужчине. Зафиксировано 165 наконечников. Отметим, прежде всего, что среди них не было ни одного железного. По форме насада наконечники делятся на две категории³: Категория 1 – с выступающей цилиндрической втулкой; Категория 2 – базисные, со скрытой втулкой (их подавляющее меньшинство). По форме головки в поперечном сечении наконечники категории 1 подразделяются на Отделы: Отдел 1 – трехлопастные; Отдел 2 – треугольные (трехгранные); Отдел 3 – круглые (пулевидные). Оба первых отдела категории 1 подразделяются на типы: Трехгранные с выступающей втулкой – 35 шт. Длина – 2,4–5,3 см (см. Четыре трехлопастных наконечника с выступающей втулкой имели рельефный S-образный знак между лопастями).

Наконечники категории 2 подразделяются на два отдела: Отдел 1 – трехлопастные; Отдел 2 – треугольные (1 шт.). Наконечники Отдела 1 по форме головки в профиль подразделяются на типы: Тип 1 – с треугольной головкой; Тип 2 – с башневидной (сводчатой) головкой. Наконечники обоих типов имеют лопасти, переходящие в длинные свисающие шипы. Треугольный наконечник имеет на втулке очень слабо выраженные, почти незаметные шипы; Трехгранный со скрытой втулкой – 1 шт. Длина – 2,5 см; Трехлопастные со скрытой втулкой и сводчатой головкой – 5 шт. Длина – 2,2–3,8 см.

Можно заметить, что среди наконечников нет форм, которые К.Ф. Смирнов (1961) относил к раннему V в. до н.э. По данным О.И. Куринских (2011, с. 51), наш набор может датироваться рубежом V–III в. до н.э., и с ней нельзя не согласиться.

³ Использован принцип описания наконечников стрел, изложенный в специальной работе: (Яблонский, 2006).

Разнотипность наконечников создавала возможность использования стрел в самых разных ситуациях – от боевых действий до охоты на мелких животных и птиц. Во всяком случае, люди, которые готовили колчан к захоронению, старались обеспечить именно эту задачу.

Состав стрел в колчане из кургана 26 (226 шт.) подтверждает заявление А.Х. Пшеничнюка о невозможности разделить на хронологические группы К.Ф. Смирнова (1961) и М.Г. Мошковой (1962) бронзовые наконечники стрел V–III вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1983). Так же, как и в Северном Причерноморье, в IV–III вв. до н.э. бронзовые наконечники оставались господствующими (Мелюкова, 1964, с. 30) и в Южном Приуралье.

2. Гориты и колчаны находили в Филипповке 1 неоднократно. Их делали из плетеных прутьев, обтянутых шкурой или кожей. Гориты имели отделения для лука и карман для стрел, который находился снаружи горита. Также были зафиксированы специальные карманы для мелких предметов, необходимых воину: каменных оселков, ножей, огнива. В этом отношении филипповские гориты напоминали скифские (Мелюкова, 1964, с. 32).

Гориты из Филипповки имели снаружи золотые умбонно-образные предметы. Они были найдены в двух погребениях кургана 4. Были зафиксированы *in situ*, и их принадлежность именно к горитам сомнений не вызывает. Предмет из погребения 2 имеет форму усеченного конуса. Диаметр верхней плоскости – 9 см, нижний диаметр – 14,7 см. В центре верхней плоскости расположено сквозное отверстие диаметром 8 мм. Конус полый. Боковые стенки находятся под углом 47° к основанию. Толщина стенок – 3–4 мм. Предмет лежал на поверхности горита основанием вниз.

Однотипный предмет из погребения 3 имел следующие размеры: диаметр верхней плоскости – 5 см, нижний диаметр – 9,3 см. Высота – 3,5 см. Стенки в профиль слегка вогнутые. Край основания слегка волнистый. Диаметр отверстия в верхней части – 8 мм.

Оба предмета имеют многочисленные аналогии в памятниках скифского круга (Яблонский, 2009).

К горитам имели отношение разнотипные колчаные крюки. У элитных воинов они сделаны из драгоценных металлов и богато декорированы в традициях скифо-сибирского звериного стиля. Найденные *in situ* в верхней части колчанов они достаточно достоверно свидетельствуют в пользу именно этого их функционального назначения.

Филипповские экземпляры чаще всего воплощают в себе синкретические образы хищника кошачьей породы и грифона. Крюки литые из серебра и инкрустированы золотом по глубокой резьбе.

Типичен для них крюк из погребения 3 кургана 4. Крюк колчаный, серебряный, имитирующий клык, литой с отверстием, зооморфный, декорированный золотыми плакировками. Размеры: крюк вписывает-

ся в прямоугольник со сторонами – 5×5 см. Высота прорези отверстия – 1,1 см. По одну сторону от отверстия окончание выполнено в виде объемной головы кошачьего хищника, по другую сторону сам крюк выполнен в виде головы хищной птицы с длинным клювом. Хищник с оскаленной пастью, большими заостренными ушами. Глаза выпуклые каплевидные в каплевидных выемках. Голова украшена золотыми полосками, ноздри показаны завитками. Прорезь украшена горизонтальными полосками золота. Глаза хищной птицы круглые в круглой выемке, украшенные золотыми окружностями. Восковица выделена, декорирована с обеих сторон золотыми завитками, переходящими друг в друга. Пасть птицы показана рельефной прорезью и золотыми полосками. В пасти – ряд золотых выпуклых зубов. Ухо показано завитком с золотой полоской.

Уникален крюк из погребения 2 кургана 4. Он имеет форму клыка. Размеры: вписан в прямоугольник 5,8×6,4 см. Овальное отверстие размерами: 1 см, 0,7 см. Диаметр основной части 1,3 см. С одной стороны от отверстия крюк заканчивается расширением с копытом на плоской стороне, диаметром – 1,3 см. Копыто изображено с помощью золотой накладки. Длинная сторона крюка представляет собой вытянутую морду зверя, предположительно кабана. Конец морды зверя переходит в голову хищной птицы, чей клюв является окончанием крюка. Одна сторона изделия сильно затерта и на ней видны отдельные треугольные и овальные выемки для бывших золотых вставок. Вне зооморфных образов корпус украшен двумя рядами золотых накладок треугольников по три в группе. Под рядами треугольников находятся овальные накладки. У кабана полукруглое ухо, очерченное золотой накладкой. Миндалевидный выпуклый глаз оконтурен золотой накладкой. Щека оконтурена подтреугольной накладкой. Челюсть отмечена овальной накладкой, выпуклость на месте клыка. У птицы выпуклый круглый глаз, на щеке золотая накладка в виде копытца, прорезанная линия пасти и на клюве – ряды треугольников.

Помимо клыковидных крюков известны и двухплоскостные, также декорированные в зверином стиле. Крюк из погребения 4 кургана 4 железный, обернутый золотой фольгой с зооморфным щитком и развернутым крюком в перпендикулярной плоскости. На щитке рельефно изображен припавший хищник, возможно медведь. По спинке крюк украшен цепочкой ромбов (4–5), выполненных точечками в два ряда. Размеры: по длине – 8 см, по ширине щитка – 3,8 см, толщина щитка – 0,8 см, диаметр крюка 0,8 см. Пасть хищника выделяется каплевидным валиком с выемкой, глаз круглый выпуклый в подтреугольной выемке, ухо полукруглое с полукруглой прорезью. Загривок показан дуговидными параллельными прорезями линиями. Линиями обозначен рельеф лап и лопатки. На бедре и на боку длинные выемки, заполненные рядом выпуклых кружков. Хвост длинный, вертикально расположенный.

Кроме крюков из драгметаллов использовали и простые железные, как С-видной формы, так и двухплоскостные.

Все эти разнотипные крюки сосуществовали в пределах IV в. до н.э.

К горитам и мечам также имели отношение портупейные пряжки. Найденные *in situ*, они достоверно свидетельствуют о том, что мечи поддерживались на поясе при помощи специальных портупей. Обе пряжки из могильника Филипповка 1 выполнены из драгоценных металлов и богато декорированы.

Пряжка из погребения 2 кургана 4 золотая, литая. Основание ее подпрямоугольное из толстого листа с двумя сквозными отверстиями: широкое отверстие вдоль, сверху небольшое. На основании размещена объемная полая фигура, изображающая лежащего тигра с поднятой головой. Размеры пряжки: 7,1 см по короткой стороне, 7,9 см по длинной. По ширине – 4,9 см, по толщине – 1 см. Толщина листа около 0,1 см. Размеры отверстий: 4,9×1 см, 2,7×0,6 см – перпендикулярная прорезь. Размеры тигра: по длине – 5,9 см, по ширине – 3,5 см, по высоте – 2,8 см. Морда тигра оскалена, зубы отчетливо выделены. Глубокими линиями проработана шерсть тигра. Изображены круглые уши, каплевидные выемки глаз с выпуклыми глазными яблоками. Прочерченными линиями обозначены ноздри. Хвост прижат к ноге, кончается завитком.

Другая пряжка происходит из погребения 3 того же кургана. Пряжка портупейная серебряная, обложенная золотым листом, подквадратная, зооморфная. С обратной стороны две прилитые петли. В теле пряжки – прорезь. Размеры: по высоте – 6,2 см, по ширине – 6,1 см, толщина пряжки примерно – 0,3 см. Размеры прорези – 3×0,5 см. Подпрямоугольные петли вписываются в пространство – 5,2×1 см. На пряжке рельефно изображены дерущиеся симметрично расположенные хищные птицы, когтящие перевернутую голову оленя. В хвост обеим птицам упираются головы кошачьих хищников с разинутыми пастьми. Голова правой птицы фиксирует верх пряжки, голова левой S-видно вывернута под головой другой птицы. Их клювы переплетаются. У правой птицы показан круглый глаз, выделена восковица, прорезью показана пасть на коротком загнутом клюве. Рельефным завитком показано ухо, щека – кругом. На груди и шее два ряда выпуклых «лепестков». Верхнее членение ноги показано S-овидным завитком. Нижняя часть ноги тоже, только к нему подходит длинный палец с когтем, находящийся на роге оленя. Верхнее оперение показано двумя рядами больших ребристых «лепестков». Хвост спускается вертикально и разделен прорезями на три ряда с диагональными прорезями. Аналогично разработана и левая птица. Голова оленя имеет тупую горбоносую морду с каплевидно изображенной пастью, выпуклым каплевидным глазом в каплевидной выемке. Острое ухо отмечено завитком. Щека изображена выпуклым валиком.

Рог вертикально направлен вниз и симметрично расходится на два коротких завитка, украшенных рифлениями. Головы хищников расположены по нижним углам, с круглым ухом, разинутой пастью, каплевидным глазом в каплевидной выемке.

3. Копья. Наконечники копий были встречены в могильнике Филипповка 1 неоднократно. Все они однотипные – железные, массивные, втульчатые, листовидной в профиль формы иногда – со слабо выраженной нервюрой (рис. 1, 1).

В погребении 2 того же кургана копье было с силой воткнуто в дно могилы в ее углу, а погребении кургана 11 два копья тоже находилась в вертикальном положении, но они были лишь прислонены к борту могилы.

На наконечники копий иногда надевали специальные костяные футляры (рис. 1, 3).

А.И. Мелюкова (1964, с. 43) предполагала, что у скифов копьё с длинными лавролистными наконечниками служило не метательным, а колющим оружием. Любопытно, что на филипповском «золотом мече» (Яблонский и др., 2011) в сцене убийства вепря (Яблонский, 2013, рис. 3, 4) всадник использует копьё именно для нанесения колющего удара.

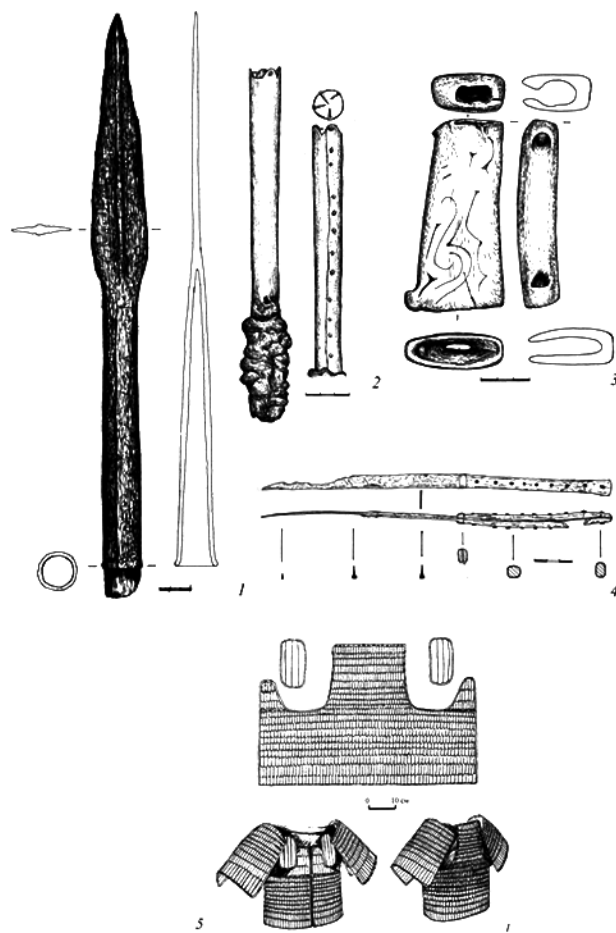

Рис. 1

4. Подтоки. В отличие от скифских (Мелюкова, 1964, с. 45) филипповские подтоки разнотипны. Тип 1 составляет большинство. Он представлен

железными спиралевидно закрученными лентами шириной до 10 мм. По данным А.И. Мелюковой (1964), такие подтоки на территории Скифии не известны.

В погребении 3 кургана 4 копьё лежало справа от погребенного мужчины. Сохранились *in situ* железный наконечник копья и металлический подток древка, что позволило достоверно определить длину копья с древком. Подток копья (тип 2) биметаллический. Подток представляет собой серебряную цилиндрическую втулку, конец которой конусовидно сужается. Край основания втулки плавно-зубчатый. Подток был прибит к древку четырьмя серебряными гвоздями. Втулка изготовлена из серебряного листа, свернутого в трубку. По шву лист скреплен 12 серебряными гвоздями и прибит к древку. На конец трубки надет железный наконечник (рис. 1, 2).

Расстояние от кончика наконечника до основания подтока составляло 320 см, что соответствует истинной длине копья. Важно отметить, что в нашем случае наконечник копья и подток лежали *in situ* по дной оси (ср.: Черненко, 1984, с. 232).

5. Мечи и кинжалы. В Филипповке их находили всегда в одной позиции: поперек левого бедра погребенного, рукоятью к кисти правой руки и концом клинка за нижней третью левого бедра. По форме наверший и перекрестий филипповские акинаки подразделяются на типы (рис. 2). Экземпляр из кургана 13 можно уверенно трактовать как меч: его общая длина составляет 63 см, а длина клинка – 51,5. По мысли О.И. Куринских (2012, с. 83), дифференциацию между мечами и кинжалами следует проводить не по общим размерам, а только по длине клинка. С этой точки зрения, остальные находки из Филипповки следует определять как кинжалы. Это кинжалы с волютообразным навершием и сломанным перекрестием (рис. 2, 7), кинжалы с ажурными навершиями и сломанными перекрестиями, концы которых направлены вниз (рис. 2, 1, 5). Такие формы называют «савроматскими» и датируют обычно в пределах V в. до н.э. Но в могильнике были обнаружены и кинжалы т.н. «переходного» типа. У них брусковидное навершие и практически прямое перекрестие (рис. 2, 2, 3, 4). Такие формы датируют теперь в пределах IV в. до н.э., не исключая его последней четверти (Федоров, 2001, с. 182). В кургане 13 Филипповки кинжал «савроматского» типа (рис. 2, 1) был встречен вместе с кинжалом «переходного» типа (рис. 2, 4). Логично предположить, что встреча обоих предметов могла произойти где-то в середине IV в. до н.э. Это предположение не противоречит датировке могильника, предложенной А.Х. Пшеничнюком (2001), В.К. Федоровым (2001, с. 186, сноска 3) и М.Ю. Трейстером с Л.Т. Яблонским (2012, с. 283–284).

Особое место в серии филипповских мечей занимает парадный экземпляр из погребения 2 кургана 4 (колчан из этого захоронения мы рассмотрели выше). Это парадный (ритуальный) меч, клинок

которого покрыт золотой инкрустацией. Его общая длина составляла 56 см, а длина клинка – около 39 см. По краям перекрестия имеются два отверстия для крепления шнуров/ремешков с темлячными подвесками.

Меч из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка 1, безусловно, парадный или изготовленный специально для погребального ритуала, по богатству своего убранства и технике его исполнения не имеет сколь-нибудь близких аналогий в археологии раннего железного века степной Евразии. Рукоять меча обложена золотыми и серебряными листами, орнаментированными в традициях скифско-сибирского звериного стиля. Клинок с обеих сторон покрыт рядами инкрустированных сюжетных изображений, которые все вместе передают мифологический рассказ о жизни и смерти воина (Яблонский и др., 2011; Yablonsky et al., 2011). Типологически он относится к коротким мечам (акинакам) с брусковидным овальным навершием и бабочковидным перекрестием, что позволяет датировать его второй половиной V–IV в. до н.э. Однако типологический состав наконечников стрел из погребения 2 не исключает датировки в пределах IV в. до н.э., вероятно, первой половины этого столетия.

6. Боевые топоры и пращи. Сведения об этих предметах объединены у А.И. Мелюковой (1964) в главе 5 ее свода. По ее данным (Мелюкова, 1964, с. 65), боевые топоры редко встречаются в памятниках скифской культуры. То же можно сказать и в отношении Филипповки 1. Здесь был найден только один железный клевец, к сожалению, плохой сохранности. Он происходит из погребения 3 кургана 4. Лежал слева от погребенного. Общая длина железной части – 24 см. Боевая часть клиновидная, с заостренным концом, длиной 11 см. В конце ее имеется втулка для насаживания рукояти. Втулка цилиндрической формы шириной около 4 см. Отверстие овальной формы с размерами 24×16 мм. Длинная ось отверстия расположена вдоль длинной оси клевца. Задняя часть клевца уплощена, боевая часть прямая, развернута, как у ледоруба. Ширина лезвия – около 4 см. Длина нижней части – 7 см.

Пращи, археологически представленные каменными ядрами, тоже не часто встречаются в скифских памятниках, а в Филипповке 1 ядро было найдено в единственном экземпляре. Это каменный предмет (песчаник) уплощенно-шаровидной формы. Размер: диаметр – 7,1 см, высота – 6,1 см.

7. Защитное вооружение. Ему в своде А.И. Мелюковой посвящена специальная глава. Из упомянутых в ней категорий защитного вооружения в Филипповке 1 отсутствуют кнемиды. Зато хорошо представлены доспехи (Васильев, Пшеничнюк, 1994; Рукавишников, Рукавишникова, 2008, 2009). Они подразделяются на две категории – железные и косяные (роговые).

Железные чешуйчатые доспехи предназначались для защиты корпуса. Чешуйки фиксировались на

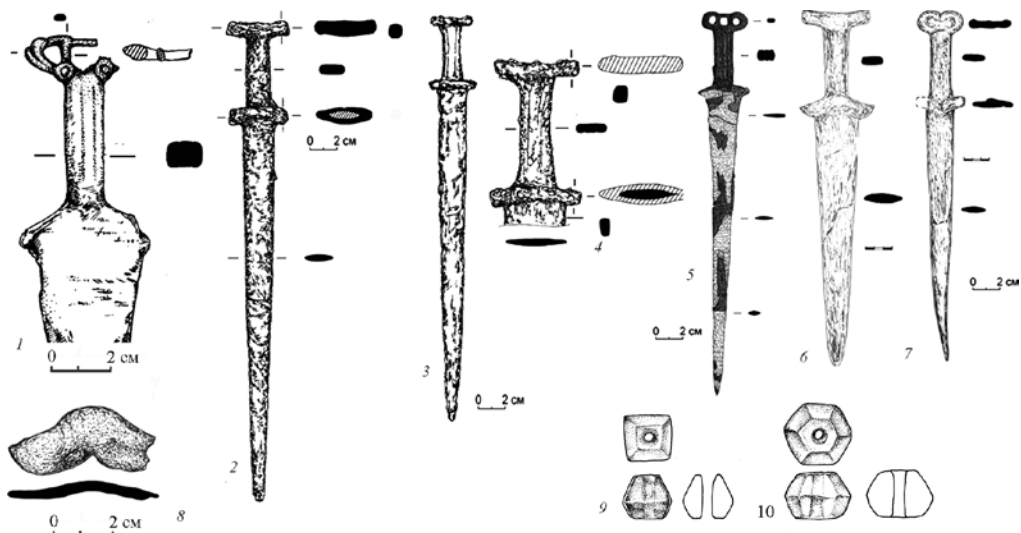

Рис. 2

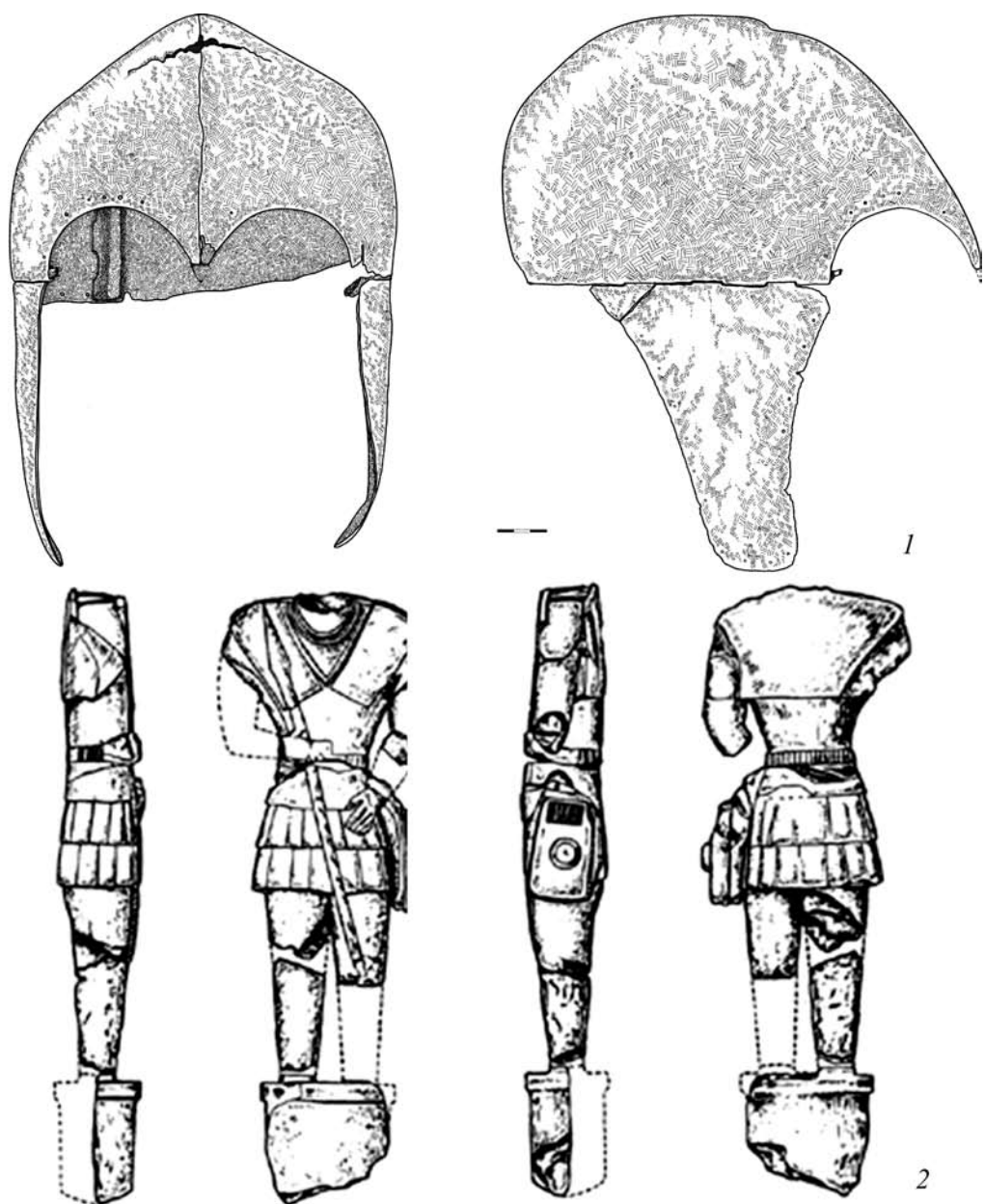

Рис. 3

органической основе так, что к ней крепился только верхний край пластинки с налеганием ее на нижний ряд чешуек с дополнительным чешуйчато-ламеллярным оплечьем. Оплечье состояло из двух крупных наплечников и отдельным дополнительным нагрудным усилением в виде двух комплексов ламеллярных пластин овальной формы (Рукавишников, Рукавишникова, 2008, с. 106; 2009). Реконструкция доспехов, выполненная Д.В. Рукавишниковым и И.В. Рукавишниковой (2008, рис. 6, рис. 17), представлена на рис. 1, 5.

Для защиты корпуса воина использовали также костяные (роговые) доспехи, тоже чешуйчатые. Однако, в отличие от железных, пластинки здесь скреплялись между собой наглухо.

В межкурганном пространстве Филипповки 1 был найден биметаллический чешуйчатый панцирь. Его железные чешуйки были покрыты бронзовыми накладками (Мещеряков, 2011).

Шлемы. В одном из погребений Филипповки был найден железный кованый шлем, который уже по этим характеристикам не имеет аналогий в степных памятниках Евразии (Фризен и др., 2013). Шлем датируется IV в. до н.э., как и другие находки из гробницы. Весьма вероятно, что он был изготовлен мастером, который находился в составе кочевой популяции, на заказ по аналогии с бронзовыми образцами.

8. Стилеты. А.И. Мелюкова ничего не сообщает о таком предмете наступательного вооружения, как стилет. Между тем такие специфической формы ножи были найдены в синхронных погребениях могильников Филипповка 1 и 2.

Один из них, хорошей сохранности, был найден в погребении 2 кургана 1 могильника Филипповка 2, (конец V – начало III в. до н.э.). Клинок железный, односторонней заточки, черешковый. К черешку рядом железных заклепок (9 шт.) приклепаны костяные накладки из отполированной кости животного. Окончание ручки тупое. От клинка рукоять ножа отделена бронзовой накладкой широкоовальной формы. Общая длина ножа – 303 мм, длина рукояти – 129 мм, ширина бронзовой накладки – 8 мм, ширина окончания рукояти – 12 мм (рис. 1, 4). Железные стилеты имеют длинное и узкое, сильно заостренное на конце лезвие односторонней заточки. Вряд ли такие ножи могли применяться в быту, и использовались они в бою.

В результате этого обзора можно составить собирательный образ элитного воина-кочевника из Южного Приуралья. На голове у него железный шлем с подвижными наушами и коротким наносником. Торс защищен ламеллярным железным или чешуйчатым костяным/роговым доспехом. Он вооружен длинным (320 см) копьём с железным наконечником и подтоком. На поясе располагались портупейные пряжки, которые поддерживали горит, украшенный золотым «умбоном», и короткий железный меч-акинак. Горит он носил слева, а меч

справа. В горит, помимо лука, помещались стрелы с разнотипными бронзовыми наконечниками и мелкие предметы, необходимые воину: оселки, точильные камни, ножи и шилья.

В погребениях 2 и 3 «царского» кургана № 4 могильника Филипповка 1 описанный набор предметов вооружения фиксировался почти в полном составе (за исключением шлема). Однако железный кованый шлем с наушами-нащечниками был найден в кургане 11 Филипповки 1¹ (рис. 3, 1) (Фризен и др., 2013).

Конечно, описанный выше образ сарматского воина, напоминающий облик катафрактария, это образ собирательный. Вопрос только в «степени собирательности».

Так, В.П. Никоноров (1994, с. 49) доказывал, что катафрактарии появились в Средней Азии, между Восточным Прикаспием и Приаральем не позднее рубежа IV–II вв. до н.э., основывая свои доказательства на отдельном фрагменте изображения и чешуйке панциря из Чирик-Рабата. Такая доказательная система вызвала справедливую критику со стороны В.Н. Васильева и А.Х. Пшеничнюка (1994; ср.: Хазанов, 1971, с. 72).

На Южном Урале немногочисленные фрагментарные находки панцирей датируются от V в. до н.э. (Хазанов, 1971, с. 52).

Не то филипповские воины. По данным погребального обряда из закрытых комплексов Филипповки 1 перед нами предстает воин, защищенный доспехом и шлемом, всадник, вооруженный длинным копьём для конного боя, луком со стрелами, клевцом.

По данным В.П. Никанорова (1994, с. 48–49), длинная и тяжелая пика – главное оружие классических катафрактов. Ими была оснащена тяжелая конница Александра. Катафрактарии модифицировали сариссу, укоротив ее до 3–3,5 м. Ее держали двумя руками. Заметим, что именно двумя руками держит длинное копьё всадник, изображенный на «золотом» филипповском мече (Яблонский, 2013, рис. 3, 4).

А.М. Хазанов (1968; 1971, с. 72–74) называл три признака катафрактария: защитный доспех кавалериста, длинная пика, которую держали обеими руками, как вспомогательное оружие – мечи, кинжалы, лук со стрелами, элементы защиты коня. Все эти признаки, за исключением последнего, фиксируются в раннесарматской культуре Южного Приуралья не позднее IV в. до н.э., то есть задолго до первых упоминаний катафрактариев в античных письменных источниках (см.: Хазанов, 1968; 1971, с. 75–76). А.М. Хазанов призывал к осторожности в применении термина «катафрактарий», подчеркивая, что катафрактариями были не отдельные воины, а лишь целые армейские подразделения, которые вели сражение с применением специально разработанной для этих подразделений тактики (ср.: Васильев, Пшеничнюк, 1994, с. 131).

¹ Реставрация М.С. Шемаханской.

Но и при столь осторожном подходе археологические данные с территории Южного Приуралья обнаруживают как бы предтечу катафрактариев в лице воинов, представляющих социальную верхушку раннесарматского общества. А ведь именно таковыми видели их и древние авторы (Хазанов, 1968, примечание 21).

В любом случае, следует признать, что именно здесь мы имеем древнейшие (IV в. до н.э.) археологические свидетельства существования воинов-кавалеристов, закованных в доспехи и вооруженных длинными пиками. По словам Е.В. Черненко (1984, с. 234), сейчас есть все основания утверждать факт бесспорного увеличения длины скифских копий к IV в. до н.э., говорить о появлении у скифов «штурмовых» копий-пик.

В отличие от точки зрения С.Ю. Гуцалова и А.Д. Таирова, я не думаю, что этнические скифы физически приняли достаточно активное участие в процессе формирования раннесарматской культуры Приуралья. Все вышеприведенные сопоставления и аналогии в скифском и раннесарматском вооружении (см., напр., рис. 3, 2) могут показаться как раз еще одним доказательством этой гипотезы.

Ей, однако, противоречат все имеющиеся на сегодняшний день данные палеоантропологии.

Гораздо проще объяснить все установленные выше скифо-сарматские аналогии с точки зрения концепции «культурно-хронологических горизонтов» (Bashilov, Yablonsky, 2000; Яблонский, 2011).

Если так, то следует признать, что древнейшие катафракты или их предтечи, древнейшие представления о тактике катафрактариев в конном бою зародились не позднее IV в. до н.э. на широком пространстве европейской степи (а не Средней Азии), независимо от ее (степи) этногеографии и задолго до того, как подразделения катафрактариев стали хорошо известны античным авторам (см.: Хазанов, 1971).

Подход, продемонстрированный в этом археологическом очерке, предусматривает первичность археологических данных по сравнению историческими. Иными словами – не притягивание скудных археологических фактов к историческому источнику, а, напротив, восстановление и реконструкция отрывочных данных древних письменных источников с помощью данных археологии. Именно в таком виде автор и видит проблему соотношения археологии и истории.

Литература

- Васильев, Пишеничнюк, 1994: Васильев В.Н., Пишеничнюк А.Х. К вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Южного Урала в IV в. до н.э. // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа, 1994. С. 116–136.
- Гольева, Яблонский, 2007: Гольева А.А., Яблонский Л.Т. Исследование образцов дерева из раскопок курганного могильника Филипповка 1 в 2004–2006 гг. // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966): Материалы Межд. конф. / Ред.: В.С. Горбунов и др. Уфа: Китап, 2007. С. 233–237.
- Куринских, 2011: Куринских О.И. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. 2011. № 3. С. 42–54.
- Куринских, 2012: Куринских О.И. Клиновое оружие ранних кочевников VI–I вв. до н.э. из могильников у с. Покровка (левобережье Илека) // РА. 2012. № 2. С. 82–90.
- Мелюкова, 1964: Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. Вып. Д1–4. 91 с.
- Мещеряков, 2011: Мещеряков Д.В. Воинские доспехи в погребальном обряде ранних сарматов // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: Материалы VII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (11–15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону – Кагальник) / Ред.: Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону, 2011. С. 152–154.
- Мошкова, 1962: Мошкова М.Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА 89. 1962. С. 77–82.
- Никаноров, 1994: Никаноров В.П. Среднеазиатские катафрактарии как продукт взаимодействия военных школ Запада и Востока в эпоху раннего эллинизма // Взаимодействие древних культур и цивилизаций: Мат-лы методол. семинара. Археологические изыскания. Вып. 13 / Ред. В.М. Массон. СПб., 1994. С. 61–64.
- Ольховский, Евдокимов, 1994: Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.
- Пишеничнюк, 1983: Пишеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала / Ред. В.А. Могильников. М.: Наука, 1983. 200 с.
- Пишеничнюк, 2001: Пишеничнюк А.Х. Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования // Золотые олени Евразии / Ред.: Р.Г. Кузеев, М.Б. Пиотровский, А.И. Шкурко. СПб.: Славия, 2001. С. 26–37.
- Рукавишников, Рукавишникова, 2008: Рукавишников Д.В., Рукавишникова И.В. Доспех из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка 1 (интерпретация комплекса и реконструкция первоначального облика) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / Ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург, 2008. С. 105–115.
- Рукавишников, Рукавишникова, 2009: Рукавишников Д.В., Рукавишникова И.В. Доспех из кургана 28 могильника Филипповка-1. Предварительные результаты исследования // ИАА. 9. Армавир-Краснодар; М., 2009.
- Смирнов, 1961: Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА № 101. АН СССР / Ред. А.П. Смирнов. М., 1961. 161 с.
- Таиров, Гуцалов, 2006: Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII–II вв. до н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) / Ред.: С.Г. Боталов, С.А. Григорьев, С.Ю. Гуцалов, В.С. Мосин, А.Д. Таиров. Челябинск: ИИА УрО РАН, 2006. С. 312–340.

- Трейстер, Яблонский, 2012: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) / Ред.: М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. Т. I. С. 282–284.
- Федоров, 2001: Федоров В.К. Клинковое оружие и колчаные наборы IV–III вв. до н.э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа) // МАВДС. Вып I / Ред. И.В. Сергацков. Волгоград, 2001.
- Фризен и др., 2013: Фризен О.И., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Шлем из могильника Филипповка 1 // ВДИ. 2013. № 3.
- Хазанов, 1968: Хазанов А.М. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // ВДИ. 1968. № 1.
- Хазанов, 1968: Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов / Ред. Б.И. Вайнберг. М.: Наука, 1968. 171 с.
- Хазанов, 1971: Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов / Ред. Б.И. Вайнберг. М.: Наука, 1971. 172 с.
- Черненко, 1984: Черненко Е.В. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматской время / Ред.: А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 231–235.
- Яблонский, 2009: Яблонский Л.Т. Умбообразные золотые предметы скифского времени из Филипповки // Эпоха раннего железа: Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого / Ред. С.С. Бессонова. Киев; Полтава, 2009. С. 418–426.
- Яблонский, 2012: Яблонский Л.Т. Культурно-хронологический горизонт южно-уральской культурно-исторической области в эпоху формирования раннесарматской культуры // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал: Материалы международной научной конференции / Ред. М.Н. Сдыков. Уральск, 2012. С. 370–392.
- Яблонский, 2013: Яблонский Л.Т. Сарматский рыцарь // ПА. 2013. № 2. С. 104–125.
- Яблонский и др., 2011: Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В., Шемаханская М.С. «Золотой» меч из царского кургана № 4 могильника Филипповка-1 // ВДИ. 2011. № 4(279). С. 219–250.
- Bashilov, Yablonsky, 2000: Bashilov V., Yablonsky L. Some Carrent Problems Concerning the History of Early Iron age Eurasian Steppes nomadic Societes // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age / Ed.: J. Davis-Kimball, E.M. Murphy, L. Koryakova, L. Yablonsky. BAR. S. 890. Oxford, 2000. P. 9–12.
- Yablonsky et al., 2011: Yablonsky L.T., Rukavishnikova I.V., Shemakhanskaya M.S. L`epee doree de Filippovka // Archeologia. Decembre. 2011. № 494. P. 50–57.

С.Ю. Янгулов
(г. Ростов-на-Дону)

ПРЕДМЕТЫ ЗАЩИТНОГО ДОСПЕХА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В курганах Елизаветовского могильника предметы защитного доспеха обнаружены в 24 погребениях. Из них V в. до н.э. датируется 5 комплексов; рубежом V–IV вв. до н.э. – одно погребение; к IV в. до н.э. относится тринадцать погребений; временем существования могильника, то есть V–IV вв. до н.э., датируется пять комплексов.

1. Панцири

Из предметов защитного вооружения в погребениях Елизаветовского могильника наиболее часто встречаются остатки панцирей, которые были обнаружены в 14 погребениях.

К сожалению, из-за плохой сохранности панцирей вследствие сильной коррозии и разграбленности многих могил, в которых они находились, до нас дошли лишь фрагменты этого вида доспеха. Имеющиеся материалы позволяют отнести елизаветовские панцири к типичным для скифов наборным чешуйчатым (пластинчатым) доспехам, которые производились путем нашивания металлических пластин (бронзовых или железных) на кожаную основу горизонтальными рядами, либо концентрическими кругами. При этом пластины верхнего ряда частично перекрывали пластины нижнего. Благодаря такой технике достигалась не только прочная защита, но и гибкость, которая не сковывала движений воина (Черненко, 1968, с. 20).

Рассматривая этот вид скифского доспеха, А.И. Мелюкова охарактеризовала его различные формы: от простейших в виде безрукавной рубахи, с нашитыми только на переднюю часть пластинами, до более сложных – полные панцири с оплечьями. Такая форма хорошо известна по изображению конного воина на солохинском гребне. А.И. Мелюкова предположила, что подобную форму имели и оплечья из бронзовых чешуек, обнаруженные А.А. Миллером в к. 5 – раск. 1910 г. (Мелюкова, 1964, с. 70). Е.В. Черненко в своем исследовании посвященном скифскому защитному доспеху, также предполагает, что этот панцирь мог быть аналогичным изображению на солохинском гребне (Черненко, 1968, с. 26).

А.И. Мелюкова обратила внимание и на то, что чешуйки, составлявшие панцирь, были различными и по размеру, и по материалу. Разница в размерах чешуек подтверждается опять же панцирем из к. 5 (раск. 1910 г.). А.А. Миллер предположил, что он состоял из мелких чешуек до пояса и крупных ниже пояса (Миллер, 1911, с. 145). Разницу в размерах

чешуек удалось установить и в к. 7 (раск. 1954 г.), и в к. 46 (раск. 1975 г.). В ограбленном погребении из к. 7 (раск. 1954 г.) на основании сохранившихся фрагментов панциря были зафиксированы прямоугольные с закругленным нижним краем чешуйки двух типов: крупные – размером 4,4×2,3 и мелкие – размером 2×1,5 см.

В к. 16 (раск. 1911 г.) обнаружены бронзовые и железные пластинки панциря (Миллер, 1914, с. 235–236). Проведенный нами анализ остатков панцирей из других погребений Елизаветовского могильника свидетельствует, что панцирные чешуйки (пластинки) чаще делались из железа (к. 4, 18, 29, 34 – раск. 1911 г., к. 10 П. бр. – раск. 1910 г., к. 7 – раск. 1954 г., к. 46 – раск. 1975 г.), реже из бронзы (к. 7 – раск. 1908 г., к. 5 – раск. 1910 г., к. 5 – раск. 1911 г.).

Как видим, материалы из Елизаветовского могильника отчасти подтверждают наблюдение А.И. Мелюковой о том, что «находки только бронзовых чешуек от брони представляют сравнительно редкое явление» и, возможно, использовались в качестве украшения панцирей (Мелюкова, 1964, с. 71).

Остатки железного доспеха из отмеченного погребения в к. 7 (раск. 1954 г., рис. 1, 1) позволяют расширить представления о формах и технике изготовления чешуйчатых панцирей. Как уже говорилось, он состоял из параллельных рядов крупных (4,4×2,3) и мелких (2×1,5 см) прямоугольных чешуек с закругленным нижним краем, толщиной приблизительно 1,5×2 мм. На коротком верхнем крае каждой чешуйки находились по три небольших отверстия для пришивания на кожаную основу. На длинных боковых гранях каждой крупной чешуйки находилось по три, а на малой по одному отверстию для пришивания на кожаной основе. Неясно, в каком порядке располагались ряды мелких и крупных чешуек, поэтому невозможно восстановить покрой панциря. Однако большие фрагменты чешуек позволяют восстановить технику их крепления на кожаной рубашке.

Панцирь состоял из параллельных рядов крупных и мелких чешуек. Чешуйки накладывались друг на друга для увеличения прочности так, чтобы отверстия двух смежных чешуек совмещались. Нижний край чешуек свободно свисал. Под него, заходя наполовину длины, нашивался следующий ряд пластин. В отличие от большинства скифских панцирей, у которых пластинки нашивались горизонтальными рядами, панцирь из этого комплекса

сделан в иной технике: на груди маленькие чешуйки нашиты на кожаную основу концентрическими кругами (Шилов, 1959, с. 14).

Е.В. Черненко отмечает лишь два случая, когда удалось проследить отступление от правила нашивать пластины на панцирь горизонтальными рядами – помимо указанного панциря из к. 7 группы «Пять братьев», в к. 12 группы 22-й шахты был обнаружен фрагмент панциря, на котором пластины были расположены полукругом (Черненко, 1968, с. 22–23).

Ещё в одном ограбленном погребении Елизаветовского могильника в к. 46 (раск. 1975 г.) были прослежены остатки грубой ткани, покрывавшей панцирь и кожу, на которую нашиты чешуйки. Чешуйки были нашиты горизонтальными рядами и имели традиционную прямоугольную форму с закругленной нижней частью (рис. 1, 2 – Брашинский, Марченко, 1975, с. 35, рис. 104, 10).

Е.В. Черненко называет два принципа размещения пластин на кожаной основе панциря – «правый

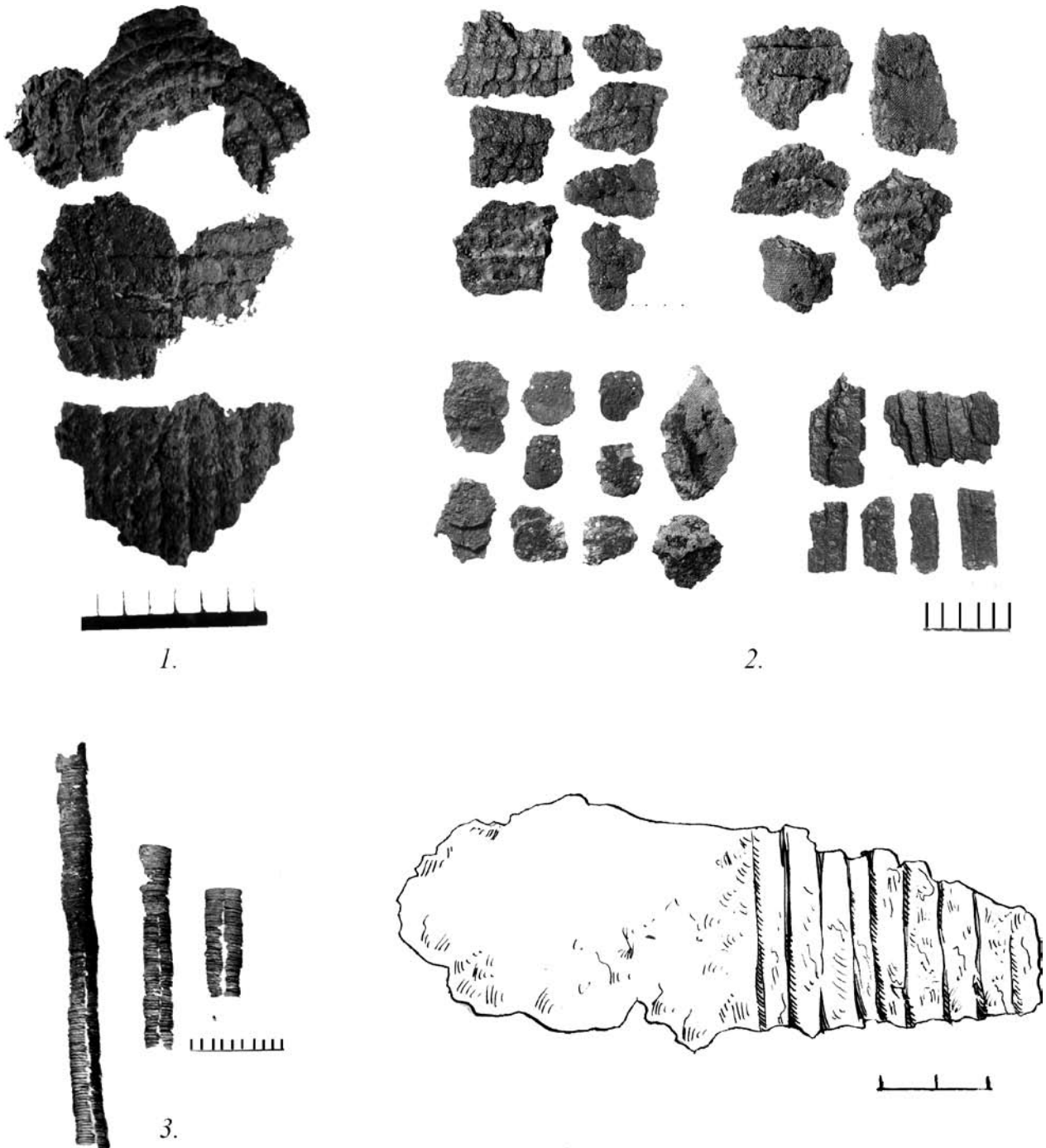

Рис. 1. Фрагменты панцирей и боевых поясов из погребений Елизаветовского могильника: 1 – фрагменты железного панциря из к. 7; 2 – фрагменты железного панциря из к. 46; 3 – фрагменты бронзовых боевых поясов из к. 8 гр. «Пять братьев»; 4 – фрагмент бронзового боевого пояса из к. 31

или левый (правый край одной пластины закрывает левый край соседней в первом случае или наоборот – во втором». Сочетание обоих приемов встречается, по наблюдению этого исследователя редко (Черненко, 1968, с. 21–22). Судя по сохранившимся фрагментам панциря из к. 46, можно предположить, что он относится к таким редким экземплярам, поскольку на разных фрагментах этого панциря мы видим разный порядок расположения пластин (рис. 1, 2).

Судя по расположению фрагментов пластин в погребениях из к. 5 (раск. 1910 г.), к. 4 (раск. 1911 г.), панцири, как и в погребениях из других районов степной Скифии, одевались на покойных. В большинстве же погребений (неограбленных) Елизаветовского могильника, содержащих панцири, они располагались в разных частях погребальной ямы: в середине (к. 18 – раск. 1911 г.), в западной части ямы (к. 7 – раск. 1908 г., к. 16 – раск. 1911 г.), рядом с тазовыми костями (к. 29 – раск. 1911 г.), с левой стороны от черепа (к. 34 – раск. 1911 г.).

Исследователи неоднократно указывали на то, что металлическими панцирями пользовались представители скифской аристократической верхушки, либо богатые дружинники. В свое время В.П. Копылов, анализируя социальный статус погребенных из Елизаветовского могильника, обратил внимание на то, что предметы защитного доспеха обнаружены только в погребениях «дружинников» и «дружинниц», а также представителей родовой верхушки (Копылов, 2002, с. 56). Указание на «дружинниц» связано с тем, что два панциря обнаружены в женских погребениях: в к. 7 (раск. 1908 г.), где помимо панциря в составе инвентаря находилось зеркало (Миллер, 1909, с. 97–98) и в к. 5 (раск. 1911 г.), в котором наряду с пращевыми камнями и панцирем были найдены женские золотые украшения (Миллер, 1914, с. 227–229). Анализ инвентаря из погребений Елизаветовского могильника и его сопоставление с антропологическими данными позволяет предполагать, что зеркала и пращевые камни являлись атрибутами женских погребений.

Следует обратить внимание на то, что остатки панцирей обнаружены и в женских погребениях скифских могильников Среднего Дона (Гуляев, 2002, с. 132; Савченко, 2004, с. 244–245).

Лишь в четырех случаях в елизаветовских комплексах помимо панциря не было обнаружено никаких других предметов вооружения. В двух погребениях (к. 5 – раск. 1910 г., к. 18 – раск. 1911 г.) вместе с панцирем находился шлем. Ещё в двух комплексах (к. 4 – раск. 1911 г., к. 46 – раск. 1975 г.) панцирь сопровождал боевой пояс. Наиболее представительный набор защитного вооружения происходит из кургана 7 (раск. 1954 г.). Здесь находились панцирь, боевой пояс и кнемиды (здесь же наконечники стрел и меч). В двух погребениях из к. 18 и к. 34 – раск. 1911 г., наряду с панцирем (а в к. 18 и шлемом), был обнаружен полный комплект наступательного оружия: стрелы, по два копьё и мечи.

Хронологически панцири из елизаветовских погребений распределяются следующим образом: три панциря происходят из комплексов V в. до н.э., вдвое больше датируются IV в. до н.э., ещё пять обнаружены в погребениях, датируемых временем существования Елизаветовского могильника – V–IV вв. до н.э.

Наиболее ранним является панцирь из женского погребения к. 5 (раск. 1911 г.), которое датируется чернолаковой керамикой серединой – третьей четвертью V в. до н.э. К последней четверти – концу V в. до н.э. относится захоронение, содержащее фрагменты железного панциря из к. 29 (раск. 1911 г.). И в пределах этого столетия датируется ещё одно женское погребение с панцирем из к. 5 (раск. 1910 г.).

Таким образом, материалы Елизаветовского могильника показывают, что железные панцири использовались нижнедонскими скифами уже в середине V в. до н.э., в то время как большинство находок панцирей из скифских курганов датируется концом V–IV–III вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 73).

Следует особенно отметить, что из трех погребений V в. до н.э., содержащих панцири, два являются женскими.

В свое время Е.В. Черненко подробно исследовавший скифский защитный доспех назвал только 12 панцирей, происходящих из погребений Нижнего Дона. Эти 12 экземпляров хронологически распределены следующим образом: V в. до н.э. – 5 экз., IV в. до н.э. – 4 экз., 3 экз. хронологически не определены (Черненко, 1968, с. 22).

Анализ елизаветовских комплексов с панцирями дополняет и уточняет эти данные.

2. Боевые пояса

Этот традиционный для скифских воинов предмет военной амуниции, как известно, выполнял несколько функций – защищал низ живота, и, возможно, являлся своеобразным продолжением панциря. К нему крепились, горит, меч, нож и другие необходимые вещи. Кроме того, Е.И. Савченко предположил, что некоторые пояса могли служить определенным знаком отличия или воинской доблести (Савченко, 2004, с. 227).

Находки целых поясов в погребениях скифских воинов довольно редки, что объясняется их плохой сохранностью, так как скифский пояс либо имел кожаную основу, на которую, как на панцирь нашивались металлические пластины, либо представлял собой простой кожаный пояс с нашитыми бляшками и крючками-застежками. Эти два типа хорошо известны по изображениям скифских воинов, и таким деталям поясов как, бляшки, крючки, застежки, встречающимся в скифских захоронениях (Мелюкова, 1964; Черненко, 1968; Манцевич, 1973; Савченко, 2004).

В 11 погребальных комплексах Елизаветовского могильника было обнаружено 13 боевых поясов. Из них подавляющее большинство – 12 экземпляров бронзовые. Только в ограбленном погребении к. 115

(раск. 1980 г.) найдены обломки железного боевого пояса (Брашинский, Копылов, 1980, л. 19).

Судя по сохранившимся фрагментам и информации из отчетов, большинство из указанных экземпляров представляли собой боевые пластинчатые пояса. Две интересные детали, вероятно, являющиеся частью пояса обнаружены в к. 4 (раск. 1911 г.). А.А. Миллер в своем отчете назвал их бронзовыми наборными бляшками (Миллер, 1914, с. 227), но судя по опубликованному в отчете рисунку можно предположить, что это фрагменты накладных бляшек, выполненных в зверином стиле.

Сложно реконструировать тип пояса из к. 10 (раск. 1909 г.), поскольку на его предполагаемом месте сохранились лишь следы медной окиси (Миллер, 1910, с. 104).

За исключением погребения из Пятибратнего кургана 8 (раск. 1959 г.), где были найдены остатки трех поясов (рис. 16. 3), в остальных комплексах было обнаружено по одному экземпляру.

Вообще находки нескольких поясов в погребении крайне редки. Помимо отмеченного к. 8, в Бердянском кургане обнаружено 6 поясов Чертомлыцком кургане – четыре пояса, два найдено в к. 15 солохинской группы, несколько поясов находилось в к. 12 группы 22-й шахты (Черненко, 1968, с. 75–76).

Относительно неплохая сохранность фрагментов поясов из Пятибратних курганов № 7 и 8 позволяет представить форму бронзовых пластин и технику изготовления поясов.

В к. 8 группы «Пять братьев», в северной части склепа, слева от костяка, рядом с горитом, находились фрагменты бронзового боевого пояса, состоящего из узких овально изогнутых по длине пластин. На узких концах каждой пластинки по одному отверстию, с помощью которых пластины пришивались к ремню. Они накладывались поперек кожного ремня таким образом, что наполовину заходили друг на друга. Длина сохранившейся части пояса 20,5 см, ширина пластины 0,5 см, длина 4,5 см.

Ближе к северной стенке склепа лежал второй боевой пояс, сохранившаяся длина – 42,2 см. Он состоял из таких же узких бронзовых пластинок, как и предыдущий. Здесь обнаружен один из концов, к которому приклепана четыремя заклепками квадратная пластинка, также округло изогнутая, как и чешуйки, размером приблизительно 4×4 см. В центре одной пластины частично сохранилось квадратное отверстие, по-видимому, для продевания второго конца ремня. Размеры его не восстанавливаются. Среди обломков данного пояса найдена костяная коническая пуговица – 2,1×0,5 см, диаметр отверстия – 0,5 см.

Вдоль северной стенки склепа, на расстоянии 0,85 м к югу найдены фрагменты бронзовой обкладки боевого пояса, длиной 41 см; обкладка плохой сохранности и определить её длину невозможно (Шилов, 1960, л. 33, 34).

В к. 7 обнаружен «фрагмент бронзовой обоймочки, изготовленной из узких пластин шириной 5 мм, заходящих гармоникой друг на друга. На пластинах имеются отверстия для пришивания к коже или к какой-то другой более мягкой основе» (Шилов, 1954, л. 7–8).

Хронологически комплексы с боевыми поясами распределяются следующим образом: лишь одно погребение датируется V в. до н.э.: к его второй половине относится погребение из к. 31 (раск. 1967 г., рис. 1, 4); рубежом V–IV вв. датируется погребение из к. 115 (раск. 1980 г.); также одно погребение относится к первой половине IV в. до н.э. – к. 10 (раск. 1910 г.); погребение из к. 81 п. 2 (раск. 1977 г.) относится к первой половине – середине IV в. до н.э.; к середине этого столетия относится и погребение 2 из к. 71 (раск. 1977 г.); последней третью IV в. до н.э. датируют Пятибратний курган 8 (раск. 1959 г.); вероятно к этому времени относится и происходящий из этой же группы к. 7 (раск. 1954 г.), так как сооружение Пятибратней группы исследователи датируют последней третью IV в. до н.э.

Четыре погребения с поясами датируются временем существования могильника – V–IV вв. до н.э.

Один (к. 81, п. 2 – раск. 1977 г.) из рассмотренных одиннадцати комплексов являлся погребением женщины.

Из-за разграбленности многих могил, содержащих пояса, сложно реконструировать их первоначальное положение. В трех случаях остатки поясов располагались рядом с левой ногой погребенного: к. 10 (раск. 1909 г.), к. 8 группы Пять братьев (раск. 1959 г.), к. 31 (раск. 1967 г.). В к. 8 группы Пять братьев пояс был найден слева от костяка в непотревоженной грабителями части склепа. Всего здесь, как уже говорилось выше, было обнаружено три пояса, остальные два находились у северной стенки гробницы. Таким образом, можно предположить, что указанная позиция являлась одним из вариантов расположения боевых поясов в скифских погребениях. Слева от погребенного находился пояс и в п. 2 к. 81 (раск. 1977 г.).

3. Щиты

Судя по свидетельству античных письменных источников и изображений скифских воинов на предметах торевтики щит являлся наиболее распространенным предметом защитного доспеха. Для рядовых скифов-воинов, не имевших специального доспеха, щиты, изготовленные, вероятно, из дерева и кожи были единственным и, следовательно, главным видом защитного вооружения (Мелюкова, 1989, с. 94). Материалом, из которого делались эти простые щиты, и объясняется то, что они не сохранились. В скифских захоронениях обнаружены остатки только тех щитов, у которых кожаная основа была покрыта железными или костяными пластинами.

Еще одной причиной редкости находок щитов в скифских комплексах, на которую справедливо

указал Е.И. Савченко, является то, что металлическое панцирное покрытие щитов, зачастую принималось исследователями за остатки панцирей. Такое «разночтение» подтверждается и материалами Елизаветовского могильника: обнаруженная в к. 18 (раск. 1911 г.) пластина из железных панцирных пластинок, возможно, является, как предположила А.И. Мелюкова, не фрагментом панциря, а принадлежностью щита (Мелюкова, 1964, с. 78).

Если согласиться с А.И. Мелюковой, то в комплексах Елизаветовского могильника обнаружено три щита – ещё два было найдено в к. 9 и в к. 10 (раск. 1909 г.).

Обнаруженный в к. 9 фрагмент щита представлял собой плохо сохранившуюся бронзовую круглую пластину диаметром 0,43 м, с маленькими закраинами. Она находилась у западной стенки могильной ямы (Миллер, 1910, с. 103). В к. 10 также была обнаружена медная круглая пластина диаметром 0,50 м, лежавшая на коленях погребенного (Миллер, 1910, с. 104). В к. 18 указанная пластина из железных панцирных пластинок была обнаружена в центральной части разграбленного погребения.

Е.В. Черненко разделил щиты с металлическим покрытием на несколько групп: щиты со сплошным покрытием, с панцирным покрытием. Щиты из к. 9 и к. 10 он отнес к щитам со сплошным покрытием (Черненко, 1968, с. 99, 102).

Во всех трех указанных комплексах находились и другие предметы наступательного и оборонительного вооружения. В к. 9 – стрелы и копье, в к. 10 – стрелы, меч, боевой пояс и, предположительно, кнemiды, а в к. 18 – помимо полного комплекта наступательного оружия, находились остатки бронзового шлема. Следует также отметить, что в к. 9 и в к. 10 среди сохранившегося инвентаря были найдены предметы дорогой утвари и украшения: в к. 9 – серебряный ритон, украшенный золотой каймой с орнаментом (Миллер, 1910, с. 103); в к. 10 – массивная золотая гривна, фрагмент украшения в виде золотой трубочки, здесь же находились ножны с золотой облицовкой (Миллер, 1910, с. 104). В обоих курганах обнаружены медные котлы на высоких ножках, с четырьмя парными ручками (Миллер, 1910, с. 112). Все эти находки подтверждают не только высокий статус погребенных людей с предметами защитного доспеха, но и их принадлежность к властной верхушке.

4. Шлемы

В погребениях Елизаветовского могильника было обнаружено два бронзовых шлема: аттического и фракийского типа.

В к. 5 (раск. 1910 г.), который датирован И.Б. Брашинским лесбосской амфорой второй половиной V в. до н.э. (Брашинский, 1980, с. 111), помимо шлема были обнаружены три наконечника копья, фрагменты панциря, оплечья, а также золотые украшения (Миллер, 1911, с. 145). Несмотря на плохую сохранность фрагментов, которая не

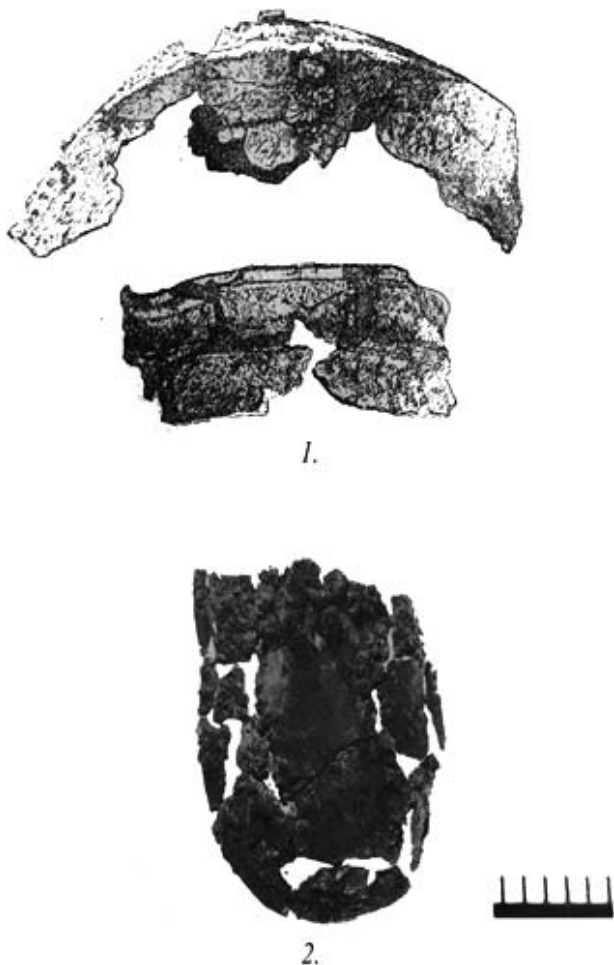
позволила Б.З. Рабиновичу и Е.В. Черненко связать его с каким-либо типом, В.П. Копылову удалось его частично реконструировать и на основании этого отнести к шлемам аттического типа¹.

Набор предметов вооружения, найденных в погребении из к. 18 (раск. 1911 г.), как уже отмечалось выше, является одним из наиболее представительных в данном могильнике. Помимо фрагментов шлема здесь находились наконечники стрел, два наконечника копья, меч, фрагменты панциря. От шлема сохранились фрагмент гребня, который, по наблюдению Б.З. Рабиновича, является продолжением стенок шлема. Каждая его половина выкована отдельно и изогнута по верхнему краю в вертикальном направлении, образуя одну из сторон гребня. Обе стороны гребня соединяются наложенной на них пластинкой, края которой скреплены мелкими заклепками. С каждой стороны гребня сделаны ушки (как считает Б.З. Рабинович, для украшений). Основания ушек оформлены в виде пальметок. Другой фрагмент представляет собой тыльную часть края, отогнутого наружу в виде борта, на котором имеются две гравированные горизонтальные линии. Край борта заходит под прямым углом внутрь на 1 см (рис. 2, 1). На основании схожести этого фрагмента с краем шлема из гробницы кургана, раскопанного в 1834 г. в Керчи А. Ашиком, Б.З. Рабинович отнес его к тому же типу – фракийскому (Рабинович, 1941, с. 158–159, рис. 27). Е.В. Черненко, вслед за Б.З. Рабиновичем, отнес этот шлем к фракийским, выделив его во вторую группу, вместе со шлемами из клада у с. Бубуй (Молдавия) и из керченского кургана (Черненко, 1968, с. 87). На основании обнаруженной амфоры И.Б. Брашинский датировал погребение из к. 18 первой половиной IV в. до н.э. (Брашинский, 1980, с. 205).

Существует мнение, что шлемы не являлись неотъемлемой деталью скифского военного доспеха. Об этом свидетельствуют их редкие находки в скифских погребальных комплексах. Е.В. Черненко было известно 62 находки шлемов скифского времени, из которых только около половины были обнаружены в погребениях, остальные – случайные находки (Черненко, 1968, с. 77).

А.И. Мелюкова считала что, даже для представителей высшей скифской знати наличие шлема было не обязательным, подтверждая это отсутствием шлема в Чертомлыцком кургане, который, как известно, является одним из наиболее богатых скифских курганов (Мелюкова, 1989, с. 95). В пользу этого мнения говорит и то, что шлемы не были обнаружены и в погребальных комплексах курганов Пятибратней группы, где хоронили представителей высшей знати, в том числе и в самом богатом кургане 8.

¹ Выражаю глубокую благодарность В.П. Копылову за предоставленную информацию и консультации.

Рис. 2. Фрагменты шлема и кнемиды из погребений
Елизаветовского могильника: 1 – фрагменты
бронзового шлема из к. 4 (по Б.З. Рабиновичу
(Ленинград, 1941)); 2 – фрагменты бронзовой кнемиды
из к. 7

Б.З. Рабинович, подробно рассмотревший в начале 40-х годов прошлого столетия шлемы скифского времени, объяснял редкость их находок тактическими особенностями. По его мнению, в условиях тактики дальнего боя не было необходимости использовать полный набор защитного вооружения. Он также обратил внимание на редкость изображений шлемов в сценах, связанных с военным делом скифов (Рабинович, 1941, с. 119, 167–168).

Учитывая высказанные аргументы, мы всё-таки полагаем, что скифские воины придавали защите головы отнюдь не второстепенное значение. Отсутствие греческих шлемов в некоторых элитных курганах можно объяснить деятельностью грабителей. Кроме того, ряд представителей знати и дружинников использовали местные шлемы, у которых на кожаную основу было нашито железное панцирное (чешуйчатое) покрытие (Ленц, 1905, с. 59; Мелюкова, 1964, с. 78). Известно также, что скифские воины носили кожаные конические колпаки с нашитыми металлическими бляхами из железа и бронзы и войлочные шапки-башлыки, которые могли быть укреплены металлическим набором (Черненко, 1968, с. 98).

Что же касается влияния тактических особенностей на степень распространенности этого вида доспеха, то, соглашаясь с тем, что в условиях дальнего боя шлем был не обязателен, следует иметь в виду, что подобная тактика была не единственной. Широкое распространение в скифском войске как легко-, так и тяжеловооруженных всадников, в арсенале которых были различные тактические приемы, не могло не предусматривать использование шлемов.

5. Поножи

По общему мнению, поножи (кнемиды) – один из наиболее распространенных видов защитного вооружения античности (Галанина, 1965, с. 15; Черненко, 1968, с. 112; Савченко, 2004, с. 223). Впрочем, и его А.И. Мелюкова не считала обязательным «даже для самого богатого слоя скифской аристократии» (Мелюкова, 1964, с. 75).

В то же время Е.В. Черненко полагал, что «на территории Северного Причерноморья и Прикубанья этот типично греческий доспех получил значительное распространение», подтвердив это указанием 39 пунктов находок поножей (Черненко, 1968, с. 113). Специалисты отмечают схожесть этих экземпляров. Е.В. Черненко считает, что все они «относятся к общему единому типу» (Черненко, 1968, с. 115). Все они изготовлены из тонкого бронзового листа, и в редких случаях эти листы покрыты позолотой.

Из приведенных Е.В. Черненко 39 пунктов два являются нижнедонскими. Это комплексы из Елизаветовского могильника, в которых были обнаружены поножи: к. 7 (раск. 1954 г.), к. 8 гр. Пять братьев (раск. 1959 г.). В к. 7 у западной стенки могильной ямы полностью ограбленного погребения обнаружены остатки верхней части бронзовой кнемиды левой ноги (рис. 2. 2 – Шилов, 1954, с. 15).

Гораздо лучше сохранилась пара кнемид, обнаруженных в к. 8, благодаря чему они были полностью реставрированы (Шилов, 1962, с. 60, рис. 7). «Вдоль внутренних краев обеих кнемид две параллельные бороздки, нанесенные резцом. На боковых вырезах имеется по пять отверстий, с помощью которых кнемиды нашивались на мягкую основу, предохраняющую ноги воина от потертости при передвижении. На несомкнутых краях кнемид с задней стороны вверху и внизу по одному отверстию, куда продевались узкие ремешки, с помощью которых каждая кнемида натягивалась и укреплялась на голени. Кроме того, на левой кнемиде с левой стороны ниже верхнего отверстия находилась ещё одна пара отверстий для пришивания мягкой основы. Длина кнемиды – 42,3 см, диаметр отверстий – 2 мм. Расстояние между этими отверстиями – 1–1,2 см (Шилов, 1960, с. 40).

Е.И. Савченко, рассматривая поножи из комплексов Среднего Дона, указал на схожесть экземпляров из курганов 2 и 3 Мастюгинского могиль-

ника с большой серией кнемид, обнаруженных в различных скифских памятниках, включив в неё и поножи из к. 8 группы Пять братьев, отметив, что все они имеют греческое происхождение и относятся к одному типу (Савченко, 2004, с. 224).

Таким образом, анализ предметов защитного доспеха из комплексов Елизаветовского могильника дает нам основания для следующих выводов:

- в погребениях Елизаветовского могильника представлены все виды защитного доспеха, использовавшиеся скифскими воинами (за исключением довольно редко встречающихся в скифских комплексах набедренников и набрюшников);
- наиболее распространенными предметами защитной амуниции у «елизаветовских» скифов, как и у скифских воинов вообще (наряду, очевидно, с несохранившимися щитами и кожаными и войлочными шлемами), являлись панцири и боевые пояса;
- железные панцири использовались нижнедонскими скифами уже в середине V в. до н.э., в то время как большинство находок панцирей из скифских курганов датируется концом V–IV–III вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 73);
- обнаруженные в погребениях Елизаветовского могильника второй половины V в. до н.э. предметы защитного доспеха свидетельствуют о том, что именно в это время местные дружинники и знать, среди которых были и женщины, начинают использовать такие его виды, как панцирь, боевой пояс и шлем;
- присутствие в погребении V в. до н.э. шлема, а в комплексах IV в. до н.э. шлема и поножей говорит о том, что местная знать располагала и некоторыми предметами античного доспеха;
- состав инвентаря в комплексах, содержащих предметы защитного доспеха, свидетельствует не только о высоком статусе погребенных в этих комплексах, но и об их принадлежности к властной верхушке.

Литература

- Брашинский, 1980:* Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Ленинград, 1980.
- Брашинский, Копылов, 1980:* Брашинский И.Б., Копылов В.П. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1980 г. // Архив ИА РАН. 1980. Р-1. № 8132.
- Брашинский, Марченко, 1975:* Брашинский И.Б., Марченко К.К. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1975 г. // Архив ИА РАН. 1975. Р-1. № 6075.
- Галанина, 1965:* Галанина Л.К. Греческие поножи Северного Причерноморья // АС. Ленинград, 1965. Вып. 7.
- Гуляев, 2002:* Гуляев В.И. «Амазонки» на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.
- Копылов, 2002:* Копылов В.П. Погребальные сооружения Елизаветовского городища на Дону // Из истории народов Северного Кавказа: Сб. статей. Ставрополь, 2002.
- Ленц, 1905:* Ленц Э.Э. Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ с. Журовка Киевской губ. // ИАК. СПб., 1905. Вып. 14.
- Манцевич, 1973:* Манцевич А.П. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. Ленинград, 1973. № 15.
- Мелюкова, 1964:* Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. Вып. Д 1–4.
- Мелюкова, 1989:* Мелюкова А.И. Скифская материальная культура. Оружие, конское снаряжение, повозки, наверхия // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Миллер, 1910:* Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. СПб., 1910. Вып. 35.
- Миллер, 1911:* Миллер А.А. Археологические исследования в устье Дона // Труды XIV АС. Т. III. М., 1911.
- Миллер, 1914:* Миллер А.А. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г. // ИАК. СПб., 1914. Вып. 56.
- Рабинович, 1941:* Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода. Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1941.
- Савченко, 2004:* Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Сб. стат. М., 2004.
- Черненко, 1968:* Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.
- Шилов, 1954:* Шилов В.П. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1954 году // Архив ИА РАН. 1954. 1. № 1215.
- Шилов, 1959:* Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и в 1958 г. // ИРОМК. Ростов н/Д, 1959. № 1(3).
- Шилов, 1960:* Шилов В.П. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1959 г. (группа курганов «Пять братьев», к. 8) // Архив РОМК. 1960. Ф. 2, оп. 6, д. 21.
- Шилов, 1962:* Шилов В.П. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1962.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Андрей Юрьевич – д.и.н., зав. отделом археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

Бабенко Леонид Иванович – старший научный сотрудник отдела археологии, Харьковский исторический музей, г. Харьков, Украина

Байгушева Вера Северьяновна – к.г.-м.н., ведущий научный сотрудник, ГБУК «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник», г. Ростов-на-Дону

Благуш Александра Александровна – аспирант, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Балахванцев Арчил Савелич – к.и.н., научный сотрудник, Институт Востоковедения РАН, г. Москва

Безуглов Сергей Иванович – к.и.н., Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Воронятов Сергей Вячеславович – младший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

Ворошилов Алексей Николаевич – к.и.н., младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, г. Москва

Глебов Вячеслав Павлович – к.и.н., научный сотрудник, ООО «Археологическое научно-исследовательское бюро», г. Ростов-на-Дону

Гуляев Валерий Иванович – д.и.н., зав. отделом теории и методики, Институт археологии РАН, г. Москва

Дедюлькин Антон Владимирович – старший научный сотрудник, ГБУК РО «Новочеркасский музей истории донского казачества», г. Ростов-на-Дону

Енисова Наталья Валерьевна – к.и.н., старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Зайцев Юрий Павлович – к.и.н., директор, Крымское республиканское учреждение «Историко-археологический заповедник “Неаполь Скифский”», г. Симферополь

Засецкая Ирина Петровна – д.и.н., главный научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

Ильюков Леонид Сергеевич – к.и.н., старший научный сотрудник лаборатории археологических исследований, ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону

Канторович Анатолий Робертович – к.и.н., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Колтухов Сергей Георгиевич – к.и.н., ведущий научный сотрудник, Крымский филиал Института археологии, г. Симферополь

Ковалевская Вера Борисовна – д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела теории и методики, Институт археологии РАН, г. Москва

Коваленко Александр Николаевич – к.и.н., заведующий учебным музеем археологии Научно-методического центра археологии, доцент кафедры всеобщей истории, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Копылов Виктор Павлович – к.и.н., директор, Научно-методический центр археологии, профессор кафедры всеобщей истории, Южный федеральный университет, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, г. Ростов-на-Дону

Краснопёров Александр Анатольевич – к.и.н., г. Ижевск

Кривошей Александр Петрович – к.и.н., директор, информационно-аналитическое агентство “Kpialle”, докторант, Запорожский Национальный университет, г. Запорожье, Украина

Лимберис Наталья Юрьевна – к.и.н., старший научный сотрудник, НИИ археологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Лихачёва О.С. – аспирант, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Лукьяшко Сергей Иванович – д.и.н., зав. лабораторией археологических исследований, ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону

Марченко Иван Иванович – к.и.н., профессор кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Минасян Рафаэль Сергеевич – к.и.н., заведующий сектором лесной и лесостепной зоны отдела археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

Морозова Ирина Юрьевна – к.б.н., научный сотрудник лаборатории генетики человека, Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, г. Москва

Очир-Горяева Мария Александровна – к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории, археологии, этнологии, Калмыцкий институт гуманитарных исследований, г. Элиста

Подушкин Александр Николаевич – д.и.н., профессор, Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, г. Шымкент, Республика Казахстан

Полидович Юрий Богданович – к.и.н., ведущий научный сотрудник, Донецкий областной краеведческий музей, г. Донецк, Украина

Полин Сергей Васильевич – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт археологии НАНУ, г. Киев, Украина

Русаков Михаил Юрьевич – старший лаборант, Научно-методический центр археологии, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Рычков Сергей Юрьевич – к.б.н., с.н.с. лаборатории генетики человека, Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, г. Москва

Симоненко Александр Владимирович – д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт археологии НАНУ, г. Киев, Украина

Синика Виталий Степанович – к.и.н., ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье

Скрипкин Анатолий Степанович – д.и.н., профессор кафедры археологии и зарубежной истории, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Тельнов Николай Петрович – к.и.н., зав. научно-исследовательской лабораторией «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье

Топал Денис Афанасьевич – преподаватель, Университет Высшая антропологическая школа, г. Кишинёв, Республика Молдова

Шевченко Елена Борисовна – лаборант-исследователь, Одесский краеведческий музей, г. Одесса, Украина

Яблонский Леонид Теодорович – д.и.н., зав. отделом скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН, г. Москва

Янгулов Сергей Юрьевич – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕС Археология евразийских степей
АИМ Археологические исследования в Молдавии
АИУ Археологические исследования на Украине
АО Археологические открытия
АП УРСР Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АС Археологический съезд
АСГЭ Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЦВМ Античная цивилизация и варварский мир
АЭАЕ Археология, этнография и антропология Евразии
АЭБ Археология и этнография Башкирии
ВАС Верхнедонской археологический сборник
ВАУ Вопросы археологии Урала
ВГПУ Воронежский государственный педагогический университет
ВДИ Вестник Древней истории
ВолГУ Волгоградский государственный университет
ГИМ Государственный исторический музей
ДАС Донецкий археологический сборник
ДСПК Древности Степного Причерноморья и Крыма
ИАА Историко-археологический альманах, Армавир
ИАК Известия Императорской Археологической Комиссии
ИА НАНУ Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН Институт археологии Сибирского отделения и этнографии Российской академии наук
ИАИАИАНД Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону
ИИА УрО РАН Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИРАИМК Известия Российской академии истории материальной культуры
ИРОМК Известия Ростовского областного музея краеведения
КЕС Культуры степей Евразии
КСИА Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФ ИА Крымский филиал Института археологии
МВДС Материалы по археологии Волго-Донских степей
МАИЭТ Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР Материалы по археологии России
МИА Материалы и исследования по археологии СССР
МИАД Материалы и исследования по археологии Дона
НАВ Нижневолжский археологический вестник
ПА Поволжская археология
РАЕ Российский археологический ежегодник
РОМК Ростовский областной музей краеведения
СГУ Саратовский государственный университет
СНЦ РАН Самарский научный центр Российской академии наук
СА Советская археология

- САИ** Свод археологических источников
ТГЭ Труды Государственного Эрмитажа
ТОИПК Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
Тр. ГИМ Труды Государственного исторического музея
УАВ Уфимский археологический вестник. Уфа
ХС Херсонесский сборник
ЮНЦ РАН Южный научный центр Российской академии наук
ЮУрГУ Южно-Уральский государственный университет
ААС Acta Archaeologica Carpathica
ЕА Eurasia Antiqua
РА Przegląd Archeologiczny
РАЕ – ВАВА Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie
РВФ Prahistorische bronzefunde
РА Revista arheologică. Chişinău
RGZM Römisch-Germanisches Zentralmuseum
WA Wiadomości Archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Алексеев А.Ю.</i> Стрелы-змеи у ранних кочевников Евразии	6
<i>Бабенко Л.И.</i> Колчаные наборы Протопоповского курганного могильника: состав и хронология.	9
<i>Байгушева В.С., Благуш А.А.</i> Лошадь <i>Equus caballus</i> L. из кухонных накоплений Елизаветовского городища Нижнего Дона (раскопки 1969–1979 гг.)	17
<i>Балахванцев А.С.</i> Биметаллический клевец из Бугуруслана и проблема становления раннескифской культуры	22
<i>Енисова Н.В.</i> Приложение к статье А.С. Балахванцева	26
<i>Безуглов С.И., Глебов В.П.</i> Раннесарматское погребение с двумя мечами из могильника Сухо-Дюдеревский II	28
<i>Воронятов С.В.</i> О территории сражения готов со спалами в «Getica» Иордана	32
<i>Ворошилов А.Н.</i> Технологические признаки в классификации скифских акинаков	40
<i>Гуляев В.И.</i> К вопросу о наличии панцирной конницы у среднедонского населения в скифское время	43
<i>Дедюлькин А.В.</i> «Пращевые» камни в погребениях скифской эпохи	48
<i>Зайцев Ю.П.</i> Фортификация крепости Ак-Кая/Вишенное в центральном Крыму	53
<i>Засецкая И.П.</i> Стилистические особенности декора трех кинжалов сарматской эпохи I в. до н.э. – II в. н.э.	55
<i>Ильюков Л.С.</i> Костяные палочки-застежки скифского времени с территории Нижнего Дона	63
<i>Канторович А.Р.</i> Восточноевропейский скифский звериный стиль и предметы скифского вооружения	69
<i>Ковалевская В.Б., Морозова И.Ю., Рычков С.Ю.</i> Передвижения ранних скифов на основании картографирования акинаков VII–V вв. до н.э. и использования генетических данных	74
<i>Копылов В.П., Коваленко А.Н.</i> Предметы вооружения из материалов Большой греческой колонии на месте Елизаветовского городища в дельте Дона	86
<i>Копылов В.П., Русаков М.Ю.</i> О верхней хронологической границе колчаных наборов в погребальных комплексах раннескифского времени	91
<i>Краснощёров А.А.</i> Предкавказье и Прикамье: контекст изменения функций предмета в средне- и позднесарматское время	96
<i>Кривошей А.П.</i> Скифские погребальные комплексы юга Украины как источник реконструкции женской повседневности военной эпохи: историографический дискурс конца XX – начала XXI века	111
<i>Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.</i> О типе железного меча из кургана у станицы Новотитаровской	116
<i>Лихачёва О.С.</i> Элементы скифской традиции в комплексе вооружения населения Лесостепного Алтая в VI–III вв. до н.э.	119
<i>Лукьяшко С.И.</i> Мечи и кинжалы скифского времени Нижнего Дона	127
<i>Минасян Р.С.</i> Инкрустация и плакирование	137
<i>Очир-Горяева М.А.</i> Колчаные наборы кочевников скифской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья	141
<i>Подушкин А.Н.</i> О назначении предметов дистанционного оружия из катакомб Южного Казахстана	150
<i>Полидович Ю.Б.</i> Структура и символика декора ножен мечей раннескифского времени	153
<i>Полин С.В., Колтухов С.Г.</i> Скифское погребение в кургане у с. Надежда в Крыму	162
<i>Симоненко А.В.</i> Периодизация военного дела кочевников Евразии в эпоху раннего железа	172
<i>Синика В.С., Тельнов Н.П.</i> Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV–II вв. до н.э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье	180
<i>Скрипкин А.С.</i> Клинковое оружие в разработке хронологии и некоторых вопросов этнополитической истории раннесарматской культуры Волго-Уральского региона	191
<i>Топал Д.А.</i> Акинаки классической Скифии: тип Солоха	198
<i>Шевченко Е.Б.</i> «Амазонки» Южного Приуралья в сарматское время: миф или реальность (историографический обзор)	212
<i>Яблонский Л.Т.</i> Система вооружения элитного воина IV в. до н.э. на востоке скифской ойкумены (древнейшие катафрактары Евразии?)	216
<i>Янгулов С.Ю.</i> Предметы защитного доспеха из погребений Елизаветовского могильника	224
Сведения об авторах	231
Список сокращений	233

CONTENTS

Foreward	5
Alekseev A. Yu. Arrows-snakes of the early nomads of Eurasia	6
Babenko L.I. Quiver sets of the Protopopovskiy burial mound field: composition and chronology	9
Baigusheva V.S., Blagush A.A. <i>Equus caballus</i> L. horse the kitchen accumulations of the Elizavetovskoe settlement in the Lower Don Region (excavations of 1969–1979)	17
Balakhvantsev A.S. A bimetal axe head from Buguruslan and the problem of formation of the Early Scythian culture	22
Eniosova N.V. An annex to the paper by A.S. Balakhvantsev	26
Bezuglov S.I., Glebov V.P. The Early Sarmatian burial with two swords from the Sukho-Dyuderevskiy II burial field	28
Voronyatov S.V. About the territory of the battle between the Goths and the Spali in the <i>Getica</i> by Jordanes	32
Voroshilov A.N. Technological features in the classification of the Scythian swords	40
Gulyaev V.I. On the issue of the presence of armoured cavalry among the Middle Don population during the Scythian period	43
Dedyul'kin A.V. The sling stones in the burials of the Scythian epoch	48
Zaitsev Yu.P. Fortification of Aq Qaya/Vishennoe fortress in the Central Crimea	53
Zasetskaya I.P. Specific stylistic features of an ornamental-decorative pattern of three daggers of the Sarmatian epoch of I century BC – II century AD	55
Il'yukov L.S. Bone sticks-fasteners of the Scythian period from the Lower Don areas	63
Kantorovich A.R. East European Scythian animal style and the objects of the Scythian armours	69
Kovalevskaya V.B., Morozova I. Yu., Rychkov S. Yu. Migration patterns of the early Scythians based on the cartography of acinaces of the VII–V centuries BC and the application of genetic data	74
Kopylov V.P., Kovalenko A.N. Armament items/objects from the materials of a large Greek colony on the site of the Elizavetovskoe Gorodishche (hill fort) in the Don delta	86
Kopylov V.P., Rusakov M. Yu. On the upper chronological boundary of the quiver sets in the burial complexes of the Early Scythian period	91
Krasnoperov A.A. The Ciscaucasia (Northern Caucasus) and the Kama Regions: the context of changes of the object's functions in the Middle and Late Sarmatian phases	96
Krivoshei A.P. The Scythian burial complexes of the South of Ukraine as a source of reconstruction of everyday life of women during the war epoch: historiographic discourse of the late XX – early XXI cc.	111
Limberis N. Yu., Marchenko I.I. On the type of an iron sword from the burial mound near the stanitsa of Novotitarovskaya	116
Likhacheva O.S. The elements of the Scythian tradition in the armament complex of the population of the forest-steppe Altai Region in the VI–III cc. BC	119
Luk'yashko S.I. Swords and daggers of the Scythian period in the Lower Don Region	127
Minasyan R.S. Inlay and plating	137
Ochir-Goryaeva M.A. Quiver sets of the nomads of the Scythian epoch in/of the Lower Volga and Southern Ural Regions	141
Podushkin A.N. On the function and purpose of items of distance-weapons from the catacombs of Southern Kazakhstan	150
Polidovich Yu.B. The structure and symbols of the ornamental-decorative pattern of scabbards for swords of the Early Scythian period	153
Polin S.V., Koltukhov S.G. A Scythian burial in the mound (kurgan) near the village of Nadezhda in the Crimea	162
Simonenko A.V. Periodization of the military of the nomads of Eurasia during the Early Iron Age	172
Sinika V.S., Tel'nov N.P. A complex of armament and items of warrior's outfit from the Scythian burial field of the late IV–II centuries BC near the village of Glinoe in the Lower Dniester Region	180
Skripkin A.S. (The role of) Blade weapon when developing the chronology and some issues of the ethno-political history of the Early Sarmatian culture of the Volga – Ural Region	191
Topal D.A. The acinaces/swords of the classical Scythia: the Solokha type	198
Shevchenko E.B. The Amazons of the Southern Ural Region during the Sauromatian phase: the myths and reality (historiographic review)	212
Yablonskiy L.T. The system of armament of an elite warrior of the 4 th c. BC in the East of the Scythian Ecumene (the oldest cataphracts of Eurasia?)	216
Yangulov S. Yu. The items of personal armor from the burials of the Elizavetovskoe burial field	224
Authors.	231
List of Abbreviations	233

Научное издание

ВОЙНА И ВОЕННОЕ ДЕЛО В СКИФО-САРМАТСКОМ МИРЕ

Материалы международной научной конференции,
посвященной памяти А.И. Мелюковой
(Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.)

Редактор *А.В. Стахеева*
Перевод *Р.Г. Михалюк*
Верстка *И.В. Кубеиш*
Дизайн обложки *М.А. Болдырев*

Подписано в печать 17.03.2015
Формат 60×90 ½. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 27,7. Тираж 300 экз.

Издательство Южного научного центра РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21
www.ssc-ras.ru

Отпечатано DSM Group

ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9/15
E-mail: dsmgroup@yandex.ru, dsmgroup@mail.ru

К статье А.С. Балахванцева

Рис. 1. Биметаллический клевец из Бугуруслана

К статье Н.В. Ениосовой

Рис. 2. Прибор ArtTAX для неразрушающего анализа элементного состава металлов и сплавов

Рис. 3. Следы резца, оставленные на восковой модели

Рис. 4. Затеки бронзы на железном штыре в глазнице

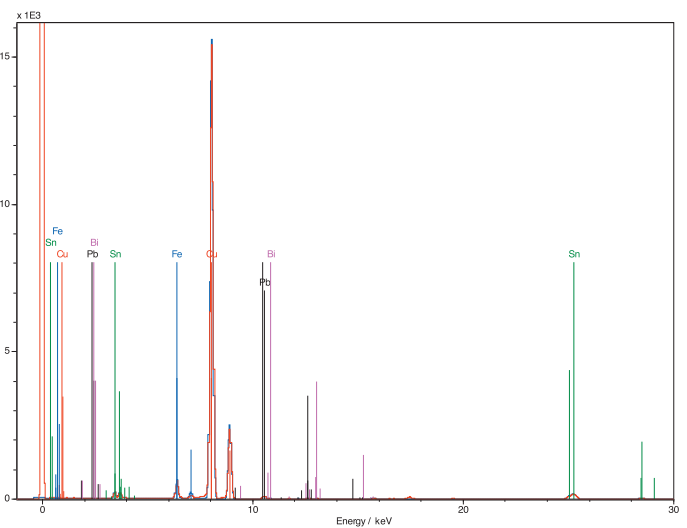

Рис. 5. Проба металла, полученная на втулке изделия: Cu – 65,97; Sn – 31,63; Pb – 2,08; Bi – 0,02; Fe – 0,29

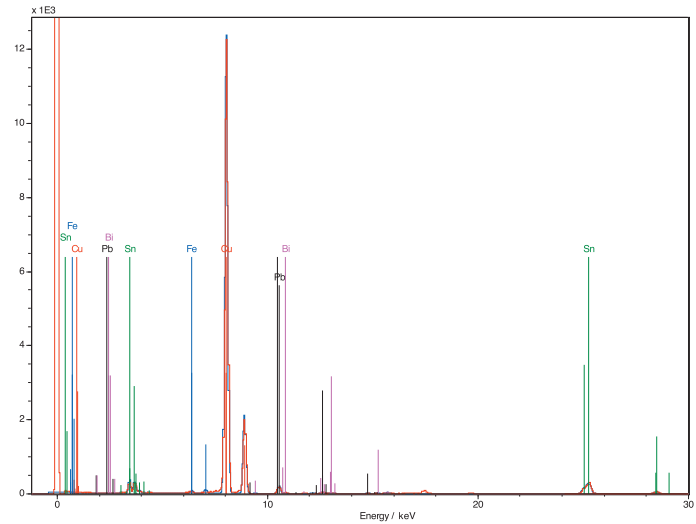

Рис. 6. Проба металла, полученная в области птичьего глаза: Cu – 48,97; Sn – 37,06; Pb – 4,12; Bi – 0,02; Fe – 0,29

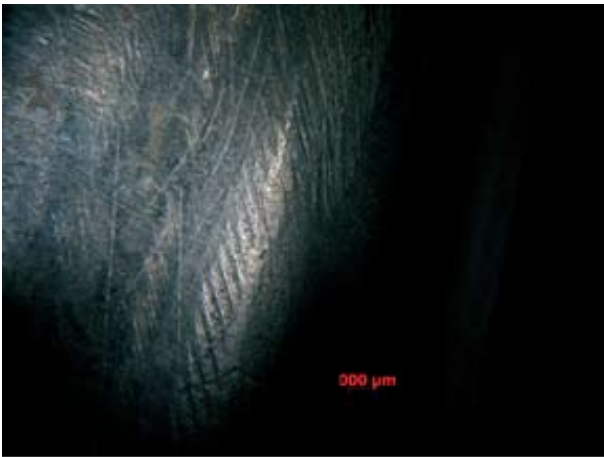

Рис. 7. Следы абразивной обработки на поверхности полой втулки

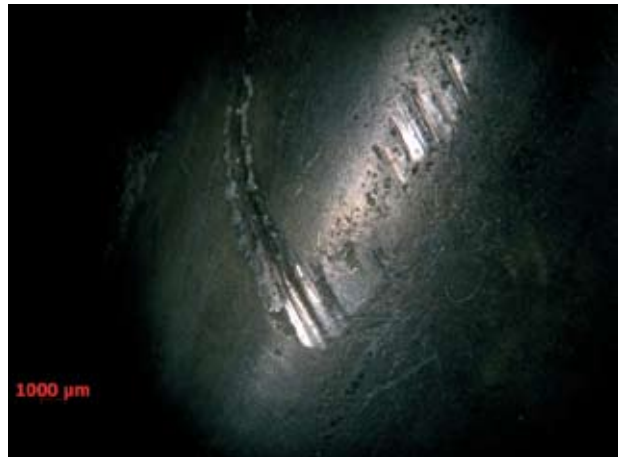

Рис. 8. Следы свежих повреждений на поверхности втулки

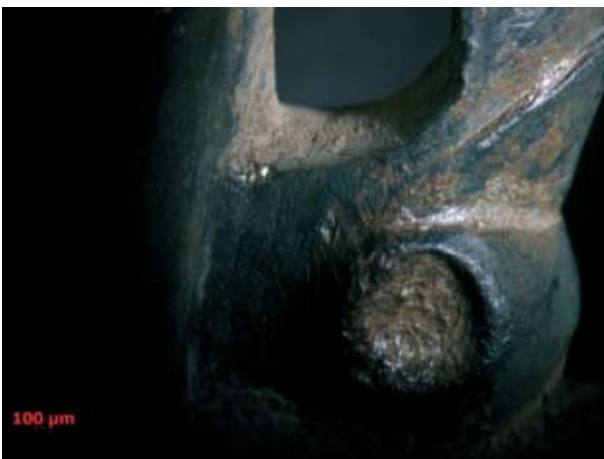

Рис. 9. Сохранившиеся после современной обработки продукты коррозии железа в области контакта металлов

Рис. 10. Плотная бугристая коррозия в области птичьего глаза и клюва

К статье И.П. Засецкой

а

б

в

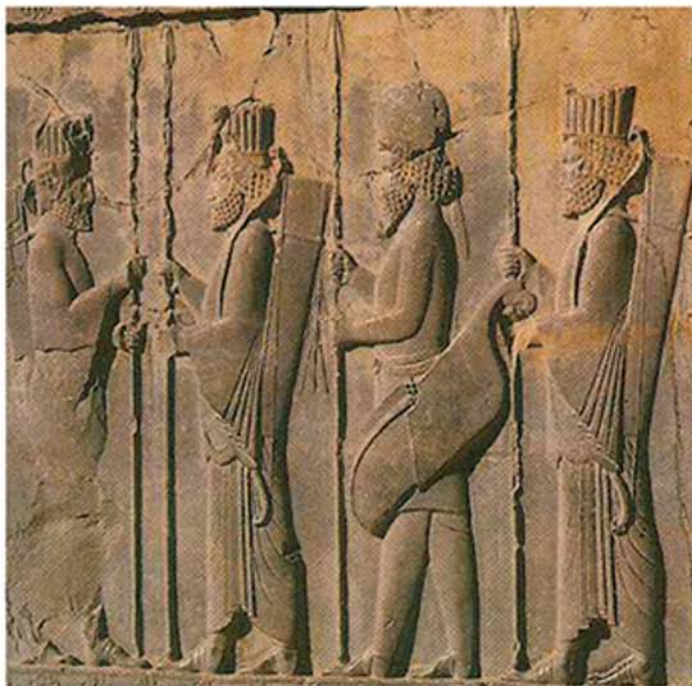
Рис. 11. Три кинжала сарматской эпохи I в. до н.э. – II в. н.э.
а – кинжал из Тилля-тепе; б – кинжал из кургана Дачи; в – кинжал из Горгиппии

1

2

3

4

5

Рис. 12. Изображения воинов с предметами вооружения: 1–3 – Персепольский рельеф (персы); 4 – Персепольский рельеф (сак) (по Алексееву); 5 – Сахновская пластина, деталь (горит)

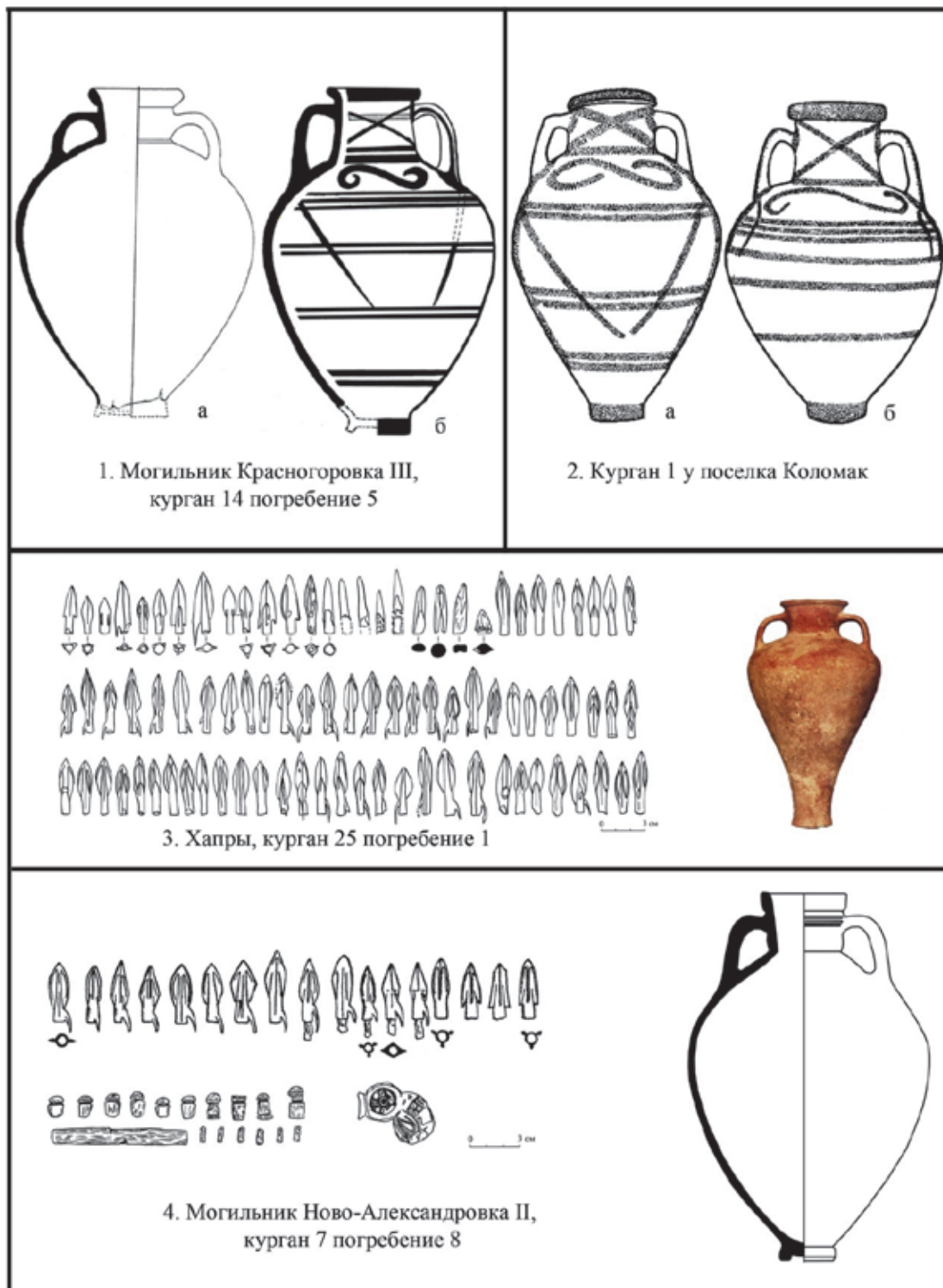

Рис. 13

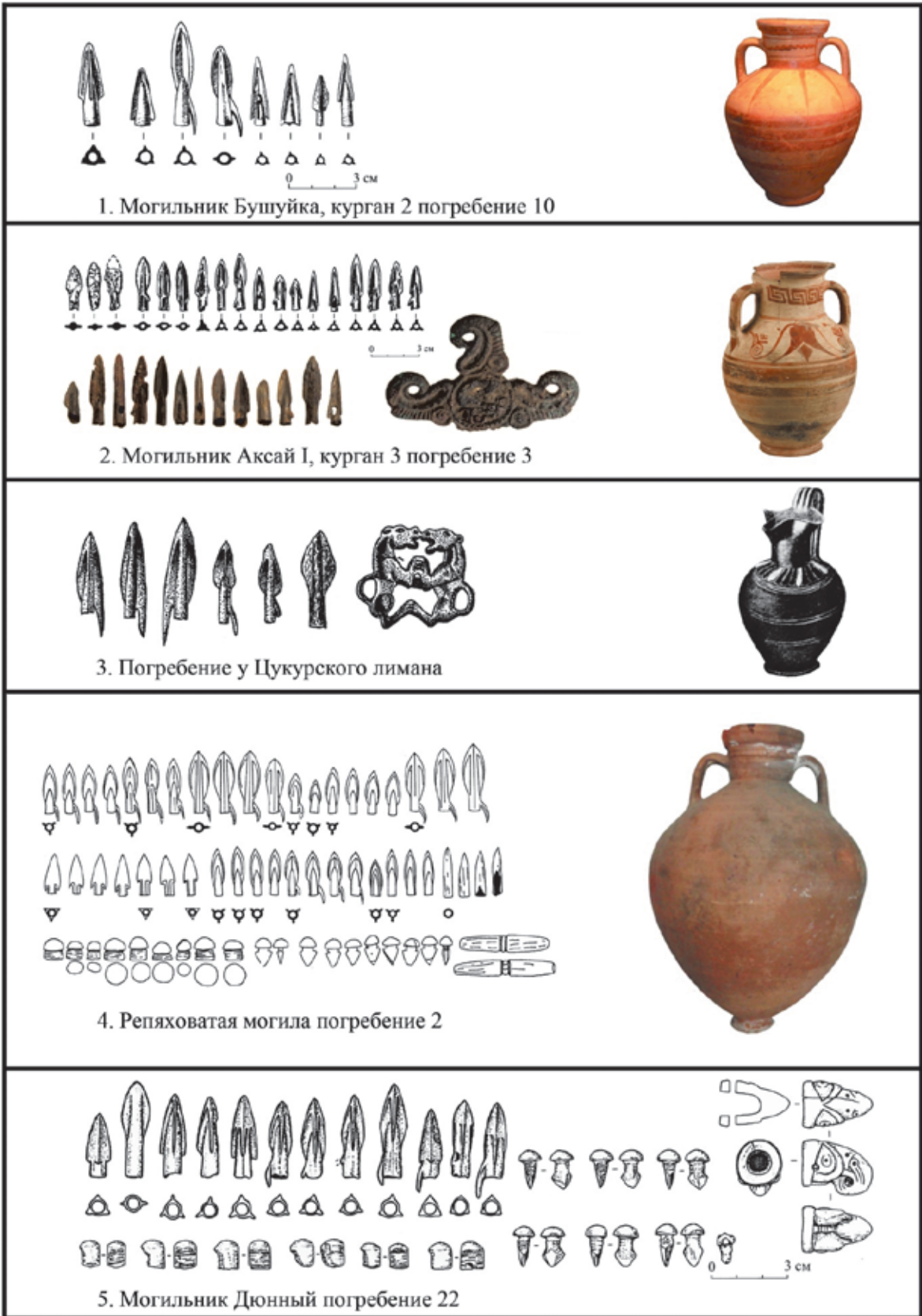

Рис. 14

К статье А.П. Кривошея

Рис. 15. Сарматка с комплектом вооружения
(воительница)
(реконструкция по материалам женских захоронений)

Рис. 16. Битва греков с амазонками
(вооруженным девичьим отрядом)

К статье Р.С. Минасяна

Рис. 17. Железный нож, плакированный золотой
пластиной с прорезанным орнаментом.
Курган Аржан-2. VII в. до н.э.

Рис. 18. Эксперимент. Железная стамеска,
плакированная алюминиевой пластиной
с прорезанным орнаментом

К статье А.Н. Подушкина

Рис. 19. Могильник Акбулактобе. Курган 3. Погребение в катакомбе, части сложносоставного лука *in situ*

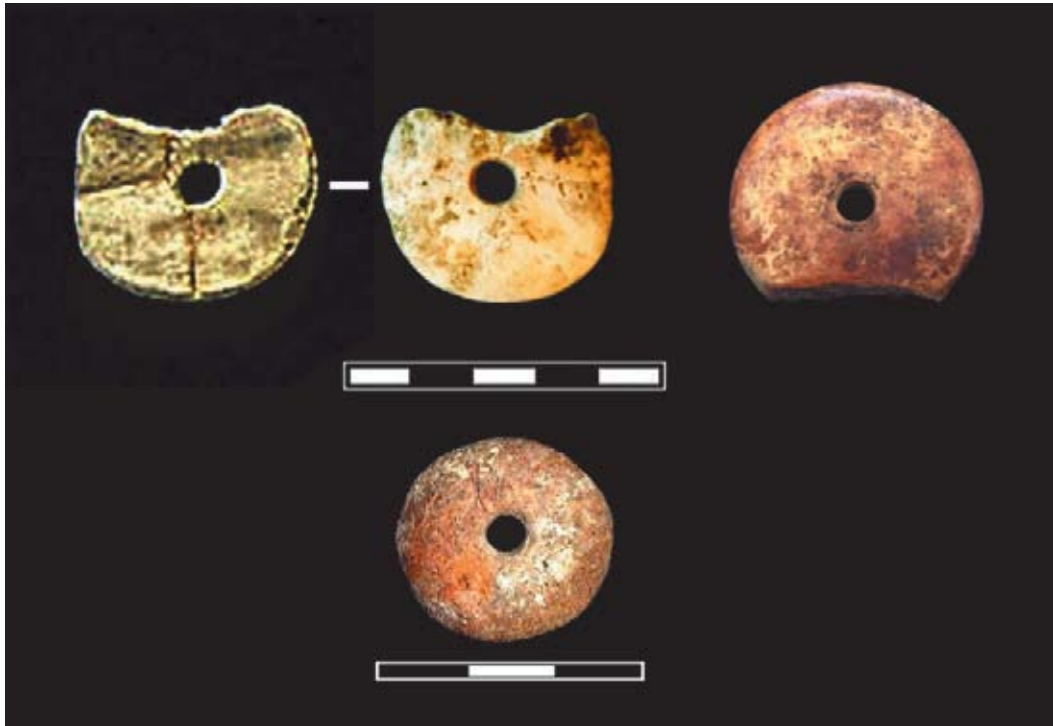

Рис. 20. Круглые изделия из кости, панциря черепахи в катакомбах арысской культуры Южного Казахстана

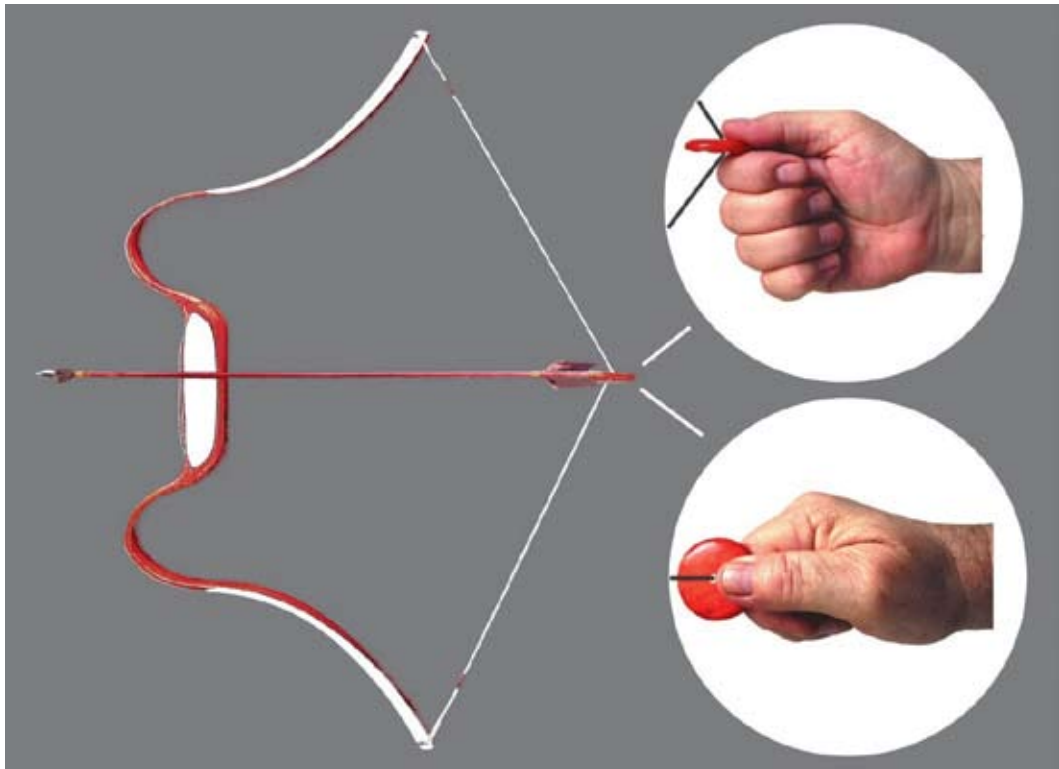

Рис. 21. Реконструкция способа натяжки тетивы с использованием костяных оттягивателей